

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный университет просвещения» (ГУП)

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова» (ВГУ)

Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан
Термезский государственный университет (ТерГУ)

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Материалы пятнадцатой
Международной научной конференции, посвященной
70-летию кафедры русского языка**

(г. Владимир, 26–28 сентября)

Владимир
2023

УДК 81
ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВлГУ

Рецензенты:

Ласло Ясаи,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
(Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия)

Татьяна Егоровна Шаповалова,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка им. П.А. Леканта
(Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия)

Языковые категории и единицы: синтагматический аспект.

Материалы XV Международной научной конференции, посвященной
70-летию кафедры русского языка ВлГУ (Владимир, 26–28 сентября
2023 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2023. 563 с.

ISBN 978-5-8311-1533-8

В докладах участников пятнадцатой Международной научной конференции
обсуждаются вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и
единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого лингвистикой
антропоцентрического взгляда на язык.

Материалы конференции дают представление о современном состоянии
исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и
предназначаются для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов,
магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:

Е.А. Абрамова, К.М. Богрова (отв. секретарь), Е.В. Ковальчук, Е.А. Кузнецова,
М.Вас. Пименова (отв. ред.), Е.Ю. Рыкин, Н.А. Сафронова, О.И. Соколова.

ISBN 978-5-8311-1533-8

© Коллектив авторов, 2023
© ВлГУ, ПИ, кафедра русского языка, 2023
© Издательство «Транзит-ИКС», оформление, 2023

От редакционной коллегии

В 1995 г. проф. А.Б. Копелиович инициировал проведение международной конференции «*Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект*», которая стала традиционной и регулярно проводимой (раз в два года). В 2009 г. конференция расширила свою тематику, получив название «*Языковые категории...*». За прошедшие годы проведено четырнадцать конференций, каждая из которых сопровождалась сборником материалов.

Нынешняя, пятнадцатая, Международная научная конференция посвящена 70-летию кафедры русского языка ВлГУ. Сборник ее материалов (всего 108 статей/тезисов) открывается очерком профессора *В.И. Фурашова*, знакомящим с основными вехами истории старейшего структурного подразделения опорного вуза Владимирской области. Продолжают и дополняют данный очерк статьи памяти С.А. Фессалоницкого (*В.И. Фурашов, М.Вас. Пименова*), Р.С. Кануновой (*Е.А. Абрамова, М.Вас. Пименова*), А.Б. Пеньковского (*М.Вас. Пименова*), А.Б. Копелиовича (*В.И. Фурашов*), В.В. Носковой (*А.В. Петров*), проработавших на кафедре долгие годы и многое сделавших для ее становления и развития.

В последующих публикациях ученых *Беларуси* (Витебск, Минск), *Китая* (Яньтай, Тайвань – Тайбэй), *Молдовы* (Бельцы), *Польши* (Варшава), *России* (Белгород, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Ижевск, Казань, Коломна, Липецк, Магнитогорск, Махачкала, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Новозыбков, Оренбург, Орехово-Зуево, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Сургут, Тула, ДНР – Горловка, ЛНР – Алчевск, Луганск), *Туркменистана* (Кушка), *Узбекистана* (Термез), *Украины* (Киев) рассматриваются вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого современной лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык:

- **фонетика**: синтагматика звуков в финальных консонантных сочетаниях русского языка (*Н.П. Панжиев*);

- **словообразование**: приставочная, суффиксальная и конфиксальная связи корня в русском словообразовании (*Д.Г. Демидов*);

- **морфология**: ментальные истоки русской категории безличности (*Т.Е. Владимирова*); особенности функционирования прилагательного *рад* в русском языке (диахронический аспект) (*Л.Ф. Килина*); грамматическая категория падежа имени существительного в русском языке (*М.Х. Мохаммед*); синтагматический и парадигматический анализ категории падежа (*М.А. Рыбаков*); творительный идентификационный и творительный квалификационный в диахронном аспекте (*Е.Ю. Рыкин*); дейктические языковые единицы как актуализатор категории ситуативной субъектности в русском и английском языках (*Ю.В. Скоромолова*);

- **синтаксис**: фразеологизированные предложения с лексическими повторами (*А.В. Величко*); исследование синтаксической семантики в современном белорусском языкознании (*О.Г. Качан*); грамматические особенности заголовков региональной прессы периода Великой Отечественной войны (*Н.А. Красовская*); нормы композиционной семантики предложения (*Е.М. Лазуткина*); квалификация синтаксических отношений в сложносочиненном предложении (на примере анализа сложносочиненных конструкций с соединительным союзом *и*) (*А.С. Малахов, Н.И. Трелле*); собственно-целевые сложноподчиненные предложения в качестве структурно-коммуникативных моделей при обучении русскому языку иностранцев

(И.В. Одинцова); спорные вопросы изучения уточняющих и пояснительных членов предложения (Н.А. Сафронова, Е.М. Корючкина); тире как универсальный пунктуационный знак (О.И. Соколова, К.И. Козлова); синтаксис и прагматика обрядово-этикетной формулы народной речи (А.А. Чекина);

- **лексика и семантика**: древнерусское слово *смырдъ*: соотношение номинации и коннотации (А.В. Алексеев); словообразовательное освоение тюркизмов-названий лиц русским языком (П.У. Бакиров); изменение синтагматических связей лексических единиц как симптом преобразования их ценностного содержания (Л.И. Богданова); синкретизм оценочных ассоциаций мифических имен в языке лирики А.С. Пушкина (Л.В. Валеева, В.П. Евтушенко); эмоциональное и рациональное в значении лексемы *совесть*: диахронический аспект (Е.Г. Дмитриева); особенности перевода колоративной лексики с семантикой «красный цвет» с китайского языка на русский (на материале романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость») (Т.В. Земляник); универбальные и бивербальные номинации английской этимологии в русской и белорусской лексических системах (А.О. Маковский); *цифровой – цифровой – диджитал*: особенности сочетаемости (Е.В. Маринова, Е.А. Волочек); *время* в языковом сознании славян (Е.М. Маркова); семантический потенциал и функциональные возможности глагола *зърѣти* (И.А. Сафонова); гендерный фактор употребления эвфемизмов к понятию «женщина» в сопоставительном плане русского и узбекского языков (Е.А. Саттарова); оценочный потенциал имен в системе языка и его реализация в медиа-текстах (Л.Г. Смирнова); семантико-функциональные особенности лексемы *снег* в контексте бытийной ситуации (Л.А. Усманова, И.В. Ерофеева, Н.И. Файзулина); инновации терминообразования в языке права (на материале наименований с терминологическим элементом «регуляторный») (Е.А. Федорченко); значение «тетя» и его функционально-семантические микросистемы (Ш.А. Ходжакулова); лексическая содержательность памятников деловой письменности, отражающих дипломатические отношения России с Монголией (О.Т. Хужанова); слова тюркского происхождения в переводной поэме «Алпамыш» (И.А. Шатов); комментарии к ключевым словам *конка* и *линейка* в поэтических текстах В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака (В. Шетэля);

- **фразеология и устойчивые словосочетания**: особая модель организации русских паремий компаративной семантики (А.С. Алешин); моўная карціна свету і яе адлюстраванне ў субстантыўных найменнях будаўнічай сферы сучаснай беларускай мовы (Т.С. Бобрович); конструкции с широкозначными существительными в старорусском языке (Е.В. Генералова); устойчивые словесные комплексы с глаголом *имать* в семантическом пространстве русского обиходно-делового языка XVI–XVII вв. (Е.И. Зиновьева); особенности функционирования фразеологизмов в поэтических текстах (на материале лирики В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Высоцкого) (О.Ю. Казмирчук); устойчивые сочетания с компонентом *сердце* в русском обиходно-деловом языке XVI–XVII вв. (структурно-семантический аспект) (М.С. Лобеева, Е.И. Зиновьева); фразеологизм «темная лошадка» / “dark horse” в английском и русском дискурсе (А.И. Лызлов); редупликация существительных в русской разговорной речи (И.А. Меркулова, А.Д. Лебедева); стилистическое употребление фразеологических единиц в художественных текстах (на материале современной прозы) (Н.С. Редькина); лексико-грамматическая характеристика устойчивых предложно-падежных сочетаний в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII веков (А.И. Реинер); глагольно-именные сочетания как средство стандартиза-

ции в русских деловых текстах XVI–XVIII вв. (на материале НКРЯ) (О.С. Русанова); вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом (Э.В. Садикова); семантические особенности аллитерированных бинарных фразем немецкого языка (Е.Н. Цветаева, Е.С. Панкратьева); способы переноса фразеологизмов из одного языка в другой (Д.К. Шадиева); отражение в старославянском фразеологическом словаре динамики взаимодействия формы и значения сверхсловных единиц (С.Г. Шулежкова);

- **текстология и дискурсология:** особенности повествовательной структуры рассказов С.К. Никитина (Е.А. Абрамова, Е.Ю. Рыкин); раскол общерусского сознания через призму челобитных патриарха Никона и протопопа Аввакума (Е.Н. Бекасова); своеобразие творчества Х. Тухтабаева (Г.Ю. Давлятина); отображение русского реализма XVII века в сочинении протопопа Аввакума «О сложеніи перьсть» (А.В. Загуменнов); синтагматика и парадигматика в поликодовых коммерческих номинациях: на примере словообразовательной модели (Р.И. Захаров); эволюция ценностных смыслов эмоциональной оценочности в риторических портретах Петра Великого XVIII столетия (Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М.В. Ломоносов) (И.А. Иванчук); роман «Голый год» Б. Пильняка и языковое пространство г. Коломны и его окрестностей рубежа XIX – начала XX века (А.Ю. Козлова); радость, любовь, счастье (о сочинительных рядах К.Е. Антаровой) (Е.Н. Подтележникова); политическая терминология – элемент речевоздействующей стороны полемического искусства В.И. Ленина (С.А. Приходько); организационные характеристики англоязычного диалогического дискурса (Е.С. Свиридова); меронимы и мотивная структура повествования в «Жизни Клима Самгина» Максима Горького (И.Н. Юдкин-Рипун); лексические средства формирования исторического времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (Ш.А. Язгулыева, Н.А. Сафронова);

- **тропеистика:** компьютерная метафора в прозе В. Пелевина (Д.В. Дозорова); своеобразие индивидуально-авторской метафоры в лирике Юнны Мориц (И.П. Зайцева); способы лексической объективации бинарности в поэтическом мире С. Парнок (Е.А. Ивашевская); метафорическое развитие значений лексем семантического поля 'употребление спиртных напитков' в идиолекте О. Митяева (А.А. Козакова); аксиологическая семантика метонимии в синтагматике дискурса моды (Т.С. Моница); типы и функции распространителей образов сравнения компаративных конструкций в современной русской прозе (Н.А. Николина, З.Ю. Петрова); звуковые образы в стихотворениях Ю.Д. Левитанского (М.В. Панкратова); функционально-стилистические особенности олицетворения (на материале сказок О. Уайльда) (Р.В. Склярченко, Е.Ю. Аникина); ментальность сравнений в поэтическом языке С.А. Есенина (М.В. Сомова, Ю.А. Южакова);

- **концептология и лингвокультурология:** концепт «молитва» в современной поэзии о войне на Донбассе (Е.Н. Авдийчук); концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме (Е.А. Борзых); реализация культурного смысла в тексте (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников) (О.В. Данич); концепт «дорога» в русском языке: когнитивный потенциал отдельных падежных форм (Н.М. Девятова); лексема «коломенский» в объективации авторской языковой картины мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море») (М.А. Дубова); геометрические позиции объектов как один из параметров формирования и репрезентации пространственной модели мира (на материале маленьких поэм С. Есенина) (Ю.Л. Дмитриева); понятие времени

в разных языковых культурах (*И.П. Кудрявцева*); герой в пространстве бытия (на материале стихотворения Ю.П. Кузнецова «Сказание о Сергии Радонежском») (*О.В. Ланская*); функционально-семантическое поле авторской скромности (*Л.А. Сергиевская, Л.А. Мелехова*); библеизм *Гефсиманский сад* как потенциальный сценарный концепт русской лингвокультуры (*М.В. Серебряк*); идентификация и дифференциация языковых и ментальных структур в русской языковой картине мира (на базе концепта «гнев») (*Е.В. Сирота, Л.В. Парахонько*); прототипический подход к семантике языковых единиц (*Л.Н. Федосеева, Е.М. Кузнецова*); концепт «книга» в русской фразеологии (*Н.В. Черникова, А.А. Кузьмина*); концептуальное пространство русских фольклорных колыбельных песен (*И.И. Чумак-Жунь, М.И. Саенко*);

- **лингвистическая персонология**: три светских пути будущего святителя Луки Крымского (на материале анализа его автобиографии «Я полюбил страдание...») (*О.Л. Арискина*); вторичная языковая личность (*Е.В. Кудрина*); концепт «пространство» как компонент характеристики языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь») (*В.А. Тамазян*);

- **юрислингвистика**: лингвopsихологический портрет (типаж) делинквентной личности как категория юрислингвистики (*А.Л. Дединкин*); вербализация *чести, достоинства* и *деловой репутации* личности с позиции современной судебной лингвистической экспертизы текста (*А.А. Лавицкий*);

- **коллоквиалистика**: *своего рода* как полифункциональный маркер-аппроксиматор русской повседневной речи (*Н.В. Богданова-Бегларян*); структурные реализации прагматического маркера-аппроксиматора *типа* в русской повседневной речи (*Сян Янань*);

- **психоллингвистика**: диалогические единства в аспекте левополушарной и правополушарной грамматик (*Е.Н. Широкова*);

- **синергетика**: семантический синкретизм как основа для возникновения глубинных смыслов в языке (*Маслова В.А.*).

Следует также указать на материалы, подготовленные в рамках конференции для III Всероссийского круглого стола «Региональная ономастика: памяти В.В. Носковой»: топонимы с корнями *двор-* и *дом-* во Владимирской области: словообразовательный аспект (*М.В. Артамонова, А.А. Артамонова*); принципы наименования улиц г. Владимира (*К.М. Богрова, А.В. Блинова*); специфика отражения ономастики в русскоязычном варианте книги Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» (*М.Д. Ваджибов*); отображение русской лингвокультуры в ономастиконе современного Донбасса (*И.А. Герасименко*); катойконимы Владимирской области (*Е.А. Кузнецова*); Сургутский именовослов: актуальные проблемы изучения и лексикографического описания (*Т.А. Сироткина*); микротопонимия как источник исторических, географических и экономико-социальных сведений (на материале села Григорьевского г.о. Луховицы) (*Т.В. Старостина*); микротопонимы как источник для изучения диалектной лексики (на материале донских названий) (*М.В. Флягина*).

Редакционная коллегия сборника материалов XV Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» выражает искреннюю признательность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор *М.Вас. Пименова*

ФУРАШОВ Владимир Иванович (Владимир, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
rimenova-vgru@yandex.ru

К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кафедра русского языка ведет свое начало с августа 1952 года. Она выделилась из кафедры русского языка и литературы Владимирского государственного педагогического института имени П.И. Лебедева-Полянского, которую возглавлял *Дмитрий Владимирович Соколов*, филолог, выпускник Петербургского университета.

Первым заведующим кафедрой русского языка был *Анатолий Михайлович Иорданский* (1907–1974), ученик А.М. Селищева и Д.Н. Ушакова, доктор филологических наук, профессор, глубокий и разносторонний ученый, специалист в области истории русского языка, автор известных монографий и около 40 научных и научно-методических статей по грамматике, лексикологии и истории отечественного языкознания. А.М. Иорданский был переведен на должность заведующего кафедрой приказом Министерства просвещения РСФСР № 1094 от 2 августа 1952 г. из Башкирского государственного пединститута им. К.А. Тимирязева, где он после окончания аспирантуры в МИФЛИ и защиты кандидатской диссертации работал в течение 12 лет доцентом и заведующим кафедрой русского языка.

Наиболее известной книгой А.М. Иорданского, стоявшего во главе кафедры русского языка ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского 22 года (1952–1974), является обширная и вместе с тем изящная по исполнению монография «История двойственного числа в русском языке» (Владимир, 1960), защищенная в качестве докторской диссертации в Институте русского языка АН СССР в 1964 году.

Основной состав преподавателей кафедры сформировался под руководством А.М. Иорданского в 50–60-е гг. XX века. В эти годы осуществляются значительные научные предприятия: проводятся диалектологические экспедиции, собирается богатейший материал для Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), регулярно выходят в свет выпуски «Ученых записок»,

проводятся научные и научно-методические конференции разных уровней, появляются публикации преподавателей кафедры в центральных и республиканских изданиях, открывается аспирантура по русскому языку, организуется методологический семинар по философским проблемам языкознания, защищаются кандидатские диссертации, обобщается опыт преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе.

Главное внимание уделяется подготовке квалифицированных кадров для школы, организуется педагогическая практика с последующим подведением итогов на методических конференциях, устанавливается тесная связь со школами города Владимира и области, с выпускниками стационара и заочного отделения.

После ухода из жизни А.М. Иорданского кафедру возглавляет (с 1974 по 1985 год) кандидат филологических наук, доцент (позднее – профессор) *Владимир Федорович Киприянов* (1925–1996), оригинальный и самообытный ученый, автор 40 научных и научно-методических работ в области лексикологии, фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, в том числе двух монографий. В.Ф. Киприянов создал интересную грамматическую концепцию – обосновал выделение коммуникативов как особой части речи и утвердил нечленимое предложение как особый структурный тип, противопоставленный членимому предложению.

В трудные годы застоя кафедра под руководством В.Ф. Киприянова не утратила своих лучших традиций: продолжаются диалектологические экспедиции, организуется учебный историко-этнографический музей, выходят в свет четыре монографии по проблемам фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, издается учебное пособие «Виды лингвистического анализа», ведется работа над словарем сравнений и словарем языка М. Горького, разрабатывается единая система учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов (УИРС – НИРС), вводятся занятия со студентами лингвистический просеминарий, обобщается опыт вузовской методики преподавания лингвистических дисциплин, выходят два сборника методических статей.

С 1985 по 1992 год кафедрой заведует доктор филологических наук, профессор *Владимир Иванович Фурашов*, ученик профессора Н.Н. Прокоповича, специалист в области синтаксиса современного русского языка, общей теории языка и истории отечественного языкознания. Автор более 200 науч-

ных статей и трех монографий, В.И. Фурашов исследовал предложенческие связи и отношения словоформ, атрибутивную валентность существительных, в том числе местоименных, синтагматику и парадигматику членов предложения, а также предикативную периферию русского предложения (ввел в научный обиход шкалу атрибутивной валентности субстантивов, предложил новую парадигматическую концепцию членов предложения, изучил синтаксические категории определения и сопутствующей предикативности в осложненном предложении).

В непростые годы перестройки, мучительных поисков новых путей экономического и социального обустройства России кафедра русского языка выстояла, не растеряла своих традиций в подготовке квалифицированных кадров для высшей и средней школы. После 15-летнего перерыва вновь открывается аспирантура, осуществляется работа над двумя комплексными темами: «Проблемы теории частей речи и синтаксического членения предложения» и «Развитие познавательной и художественно-творческой активности учащихся в процессе изучения русского языка». По данной проблематике подготовлено три межвузовских сборника научных работ: «Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение», «Русские местоимения: семантика и грамматика» и «Современный русский синтаксис: предложение и его членение», защищена докторская и кандидатская диссертации, опубликованы статьи в журналах и сборниках научных работ, проведена научно-методическая межвузовская конференция «Русский язык в вузе и в школе» с публикацией тезисов выступлений – к 50-летию факультета русского языка и литературы ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского (1990).

В 1989 г. начинается сотрудничество кафедры с педагогическими училищами (г. Юрьев-Польский, г. Покров Владимирской области) с целью внедрения двухуровневой системы подготовки учительских кадров.

Для студентов читаются спецкурсы, проводятся спецсеминары, организуются проблемные группы и научные кружки, разрабатывается новая тематика курсовых и дипломных работ, рефератов и спецвопросов. Заметно возрастает интерес студентов к исследовательской работе (например, в 1988 году студентами-дипломниками было защищено 17 работ, а на традиционной апрельской научной студенческой конференции было заслушано 33 доклада). Большое внимание уделяется организации самостоятельной работы студентов. Осуществляется переход на аспектное преподавание основного лингви-

стического курса «Современный русский язык»: на стационаре фонетику, морфемику, словообразование, морфологию и синтаксис стали читать специалисты в соответствующих областях лингвистического знания; на заочном отделении сохраняется оправдавшая себя система чтения всего курса одним преподавателем – куратором курса.

В связи с болезнью В.И. Фурашова в 1992–1993 учебном году кафедру возглавляет кандидат филологических наук, доцент *Вера Михайловна Савина* (1942–2022), ученица профессора А.М. Иорданского, опытный вузовский преподаватель, специалист в области синтаксиса осложненного предложения, блестяще защитившая в МГПИ им. В.И. Ленина кандидатскую диссертацию «Временная соотнесенность деепричастия и глагола в строе предложения современного русского языка». Вера Михайловна в течение многих лет на высочайшем профессиональном уровне вела одну из основных дисциплин курса современного русского языка – морфологию, она подготовила глубоко продуманные методические указания по морфологическому разбору всех частей речи, на которые преподаватели кафедры опираются до сих пор.

С 1993 по 1999 год кафедрой заведует доктор филологических наук, профессор *Август Борисович Копелиович* (1929–2015), в прошлом аспирант А.М. Иорданского, долгие годы работавший в пединституте г. Комсомольск-на-Амуре. Ученый с разносторонними научными интересами, А.Б. Копелиович особое внимание уделяет исследованию категории рода в индоевропейских языках и именной категории лица. Докторская диссертация «Проблемы диахронии грамматического рода индоевропейских языков в синтагматическом аспекте», пять монографий и многочисленные научные статьи А.Б. Копелиовича заложили основу нового направления в изучении категории рода в индоевропеистике.

Будучи заведующим кафедрой, А.Б. Копелиович проявил себя как умелый руководитель, создал на кафедре еще более творческую атмосферу. А.Б. Копелиовичем была дополнительно открыта аспирантура по специальностям «Общее языкознание» и «Русский язык», стали регулярно (раз в месяц) проходить аспирантские объединения с обсуждением докладов молодых ученых, работающих над диссертациями. А.Б. Копелиович организовал (с 1995 г.) проведение международных научных конференций по проблеме «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект», инициировал первый выпуск «Владимирского областного словаря».

С 1999 года заведование кафедрой поручено доктору филологических наук, профессору *Марине Васильевне Пименовой*, ученице профессора В.В. Колесова, успешно защитившей в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Эстетическая оценка в древнерусском тексте», автору многих работ в области лексической семантики и стилистики древнерусского языка. За время руководства кафедрой М.В. Пименова сумела проделать большую организационную и научно-методическую работу: подготовлены учебные пособия, методические разработки, новые учебные программы, планы семинарских и практических занятий по всем лингвистическим дисциплинам. М.В. Пименова открыла аспирантуру по русскому языку, активно включилась в работу аспирантского объединения, кафедра успешно прошла государственную аккредитацию. Успехи кафедры – это результат напряженной творческой работы большого коллектива.

Из недр кафедры вышли *факультет иностранных языков* (1956 г. – секция иностранных языков при кафедре русского языка), *кафедра русского языка как иностранного* (1968 г. – секция по работе с иностранным студентами, которую возглавил В.И. Фурашов, 1971 г. – кафедра русского языка как иностранного, прекратившая свое существование после присоединения к ВлГУ) и *кафедра преподавания русского языка в национальной школе* (1983 г. – русско-национальное отделение при кафедре русского языка, 1987 г. – самостоятельная кафедра), расформированная после распада СССР.

Среди лингвистов и педагогов кафедры – кандидат филологических наук, доцент *Сергей Арсеньевич Фессалоницкий* (1899–1976), замечательный ученый, методист, исследователь синтаксиса современного русского языка, работавший в ряде высших учебных заведений СССР: ст. преподавателем Калининского пединститута, доцентом и заведующим кафедрой пединститута в городе Фергана (Узбекская ССР), заведующим кафедрами русского языка Ивановского и Смоленского пединститутов, с 1957 по 1971 год – доцентом Владимирского пединститута. Заслуживают быть отмеченными такие его работы, как «Обзор литературы по вопросам языка и мышления», «О глаголах беспредложного управления», «О границах синтаксического управления», «О словаре употребления косвенных падежей» и др. Работая в Узбекистане, С.А. Фессалоницкий издал в Ташкенте учебник по русскому языку для 3-го класса узбекских школ (1944) и пособие для учителей и студентов УзбССР «Методика родного языка» (1940) (на узбекском языке). Учебник, написанный

в соавторстве с Н.И. Леоновым, переиздавался несколько раз. Известный русский языковед проф. А.В. Миртов так отзывался о С.А. Фессалоницком: «Трудовая дисциплинированность, серьезность, доброжелательная простота, тактичность, вежливость (со всеми и всегда) являются, так сказать, прирожденными свойствами этого образцового ученого-педагога».

На кафедре в 1961 г. началась научно-педагогическая деятельность видного ученого, блестящего специалиста в области методики преподавания русского языка, широко эрудированного и глубоко образованного человека, в дальнейшем доктора педагогических наук, профессора Ивановского государственного университета *Всеволода Евгеньевича Мамушина* (1922–2000). После защиты В.Е. Мамушиным в 1980 г. докторской диссертации «Изучение и развитие письменной речи учащихся в свете теории речевой деятельности» проф. Л.Ю. Максимов заметил: «Всеволод Евгеньевич показал, что методика преподавания русского языка может быть подлинной наукой».

В течение 41 года (с 1956 по 1976 и с 1980 по 2001 гг.) на кафедре вдохновенно трудился глубокий и разносторонний ученый, ученик проф. В.Н. Сидорова и проф. А.Б. Шапиро, кандидат филологических наук, профессор *Александр Борисович Пеньковский* (1927–2010), автор около 150 научных работ, в том числе четырех монографий, в области фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса и семантики, лингвистики текста, орфографии и пунктуации, русской диалектологии, истории русского языка, ономастики, теории художественной речи и общего языкознания. Во всех упомянутых областях филологического знания А.Б. Пеньковский сказал свое слово, нередко меняющее сложившиеся научные представления и предлагающее альтернативные подходы к решению той или иной проблемы. Большой научный резонанс у нас и за рубежом получило его фундаментальное исследование «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (М.: Индрик, 1999), в дополненном и доработанном виде вышедшее в 2003 году вторым изданием. Из многочисленных восторженных отзывов достаточно привести слова крупнейшего филолога нашего времени В.Н. Топорова из его письма к автору «Нины»: «Теперь Вы поймете мое состояние, когда, взяв Вашу книгу, которая в руках моих буквально вибрировала, звенела, издавала какую-то созвучную мне радиацию (лучших слов не нахожу), я перелистывал ее и, думаю, с первых же минут понял, что это – именно то, что есть, а если есть, то значит и хорошо, как всякое подлинное творение...». Характеризуя творче-

ство А.Б. Пеньковского, академик Н.И. Толстой справедливо заметил: «Сотрудничество ученого такого класса могло бы составить честь любому научному учреждению и университету».

Большим уважением и любовью студентов пользовалась ст. преп. *Людмила Евгеньевна Морякина (Танкова)* (1890–1977), имевшая тридцатилетний стаж работы в школах г. Владимира и области. Она преподавала старославянский язык и историческую грамматику русского языка на историко-филологическом факультете Владимирского учительского / педагогического института с декабря 1944 г. по декабрь 1956 г. По отзыву ее учеников (легендарного диктора Ю.Б. Левитана и владимирского журналиста А.К. Буреева), Людмила Евгеньевна была «удивительнейшим, высочайшей культуры и нравственности человеком».

В течение 45 лет работала на кафедре со дня ее основания кандидат филологических наук, доцент *Ольга Семеновна Нестеренко* (1921–1999), специалист в области русской фразеологии, исключительно принципиальный, строгий к себе и другим, требовательный и опытнейший вузовский преподаватель.

С ноября 1966 г. по январь 1975 г. являлась доцентом кафедры русского языка кандидат филологических наук *Нина Ивановна Маевская*, которая вела курс современного русского языка, спецкурсы и спецсеминары по русскому языку, руководила курсовыми работами и педагогической практикой студентов в школах.

Около четырех десятилетий была связана с кафедрой интенсивная научная, научно-методическая и педагогическая деятельность кандидата филологических наук, доцента *Валентины Владимировны Носковой* (1938–2006), ученицы академика И.Ф. Протченко. В.В. Носкова являлась специалистом в области русского словообразования, морфологии, топонимики, исторической грамматики русского языка, методики преподавания русского языка в высшей и средней школе, автором многих работ: научных и методических статей, разработок, учебных пособий для студентов. Особенно значимыми являются исследование В.В. Носковой проблемы историзма в школьном преподавании русского языка и ее экспериментальная работа в школе № 7 города Кольчугино.

Нельзя не отметить общественную активность В.В. Носковой: профсоюзная работа на факультете и в университете, кураторство студенческих

групп и курсов, исполнение сложных обязанностей декана филологического факультета, зам. декана по заочному отделению и зам. председателя городского совета по топонимике при Владимирском областном фонде культуры, руководство кружком по топонимике Владимирского края. Едва ли кто-либо из членов кафедры мог бы сравниться с В.В. Носковой по количеству дипломных работ, подготовленных студентами под ее руководством.

Последнюю треть XX века трудились на кафедре отличные методисты *Маргарита Максимовна Тюкова* (1931–2002) и *Александра Михайловна Пудкова* (1924–2008), опытнейшие вузовские преподаватели, истинные мастера педагогического труда, беззаветно преданные делу народного образования, внесшие весомый вклад в копилку передового педагогического опыта и передавшие богатейшие знания и практические навыки не одному поколению учителей и студентов.

Эстафету подготовки педагогов-русистов приняла кандидат педагогических наук, доцент *Ольга Дмитриевна Плышевская* (1952–2021), которая более 20 лет руководила педагогической практикой студентов, вела курс методики преподавания русского языка, готовила победителей и номинантов конкурса «Студент года», публиковала статьи и учебные пособия, содержащие материалы для проведения уроков по русскому языку, факультативов, спецсеминаров и спецкурсов.

Не один десяток лет был связан с кафедрой *Константин Григорьевич Семёнкин* (1929–2002), в прошлом аспирант А.М. Иорданского, работавший деканом венгерского отделения, а затем – зав. кафедрой преподавания русского языка в национальной школе, кандидат филологических наук, доцент, специалист в области языка художественной литературы, автор книг о творчестве Н.Н. Златовратского.

Много лет (с 1971 по 1997) проработала на кафедре *Лия Константиновна Андреева* (1932–2014), кандидат филологических наук, доцент, славист, диалектолог, специалист в области лексикографии, фразеологии и словообразования.

Аспирантка А.М. Иорданского ст. преп. *Нина Фёдоровна Балдина* была зав. кафедрой русского языка в национальной школе, деканом национального (узбекского) отделения, вела занятия по современному русскому языку и методике его преподавания.

С сентября 1963 г. по июнь 2009 г. на кафедре трудилась кандидат филологических наук, доцент *Римма Сергеевна Канунова (Овчинникова)* (1922–2018), известный диалектолог, глубокий специалист, большой знаток говоров Владимирского края, автор обобщающего учебного пособия «Говоры Владимирской области» (2014) и двух выпусков Владимирского областного словаря «Лексика природы» (1999 и 2012), материалы для которого были собраны под ее руководством студентами филологического факультета по «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), разработанной сотрудниками Института русского языка РАН.

Людмила Анатольевна Томашевская (1947–2019) работала на кафедре русского языка с сентября 1970 г. сначала в должности методиста, с 1976 г. – ассистента, а с 1988 г. – старшего преподавателя кафедры русского языка как иностранного. Русский язык под руководством Людмилы Анатольевны изучали студенты из Венгрии, Чехии, США, Германии, Австрии, Финляндии, Китая, Турции и др.

Ст. преп. *Татьяна Анатольевна Бурлакова (Малышева)* (1959–2021) трудилась на кафедре русского языка почти 30 лет (с 1985 по 2013), преподавала русский язык и культуру речи для студентов всех направлений Педагогического института, Института физической культуры и спорта, Института искусств и художественного образования, Колледжа инновационных технологий и предпринимательства ВлГУ и т. д.

Выпускница литфака (1955 г.) доцент *Лидия Викторовна Соловьева* (1933–2021) продолжительное время исполняла обязанности заведующего кафедрой русского языка как иностранного (непрерывный стаж работы на этой кафедре – 38 лет). Лидия Викторовна – автор более 40 учебных пособий, учебно-методических разработок и научных публикаций по обучению иностранных студентов русскому языку.

Ст. преп. *Галина Николаевна Кабанова (Инякова)* (1939–2022) проработала на кафедре русского языка ВГПИ более 10 лет – с 1965 по 1976 гг., вела занятия по грамматике и лексике современного русского языка, орфографии и пунктуации и др.

Выпускница литфака (1969 г.) ст. преп. *Ольга Гавриловна Ручко*, проработавшая на кафедре 36 лет, увлеченно преподавала студентам филологического факультета старославянский язык, историческую грамматику, общее языкознание, фонетику, лексикологию, филологический анализ текста, со-

трудничала с Владимирской епархией, являясь редактором журнала «Свет невечерний» и составителем «Патерика Успенского собора».

Кандидат филологических наук, доцент *Раиса Васильевна Хворова* пришла на кафедру после окончания аспирантуры в 1970 г. – это был год образования рабфака (подготовительного факультета) ВГПИ, куда Раису Васильевну направили преподавать русский язык и деканом которого она была до 1982 г. Выпускники рабфака с большой теплотой вспоминают Раису Васильевну как строгого, но справедливого наставника, определившего для многих из них весь дальнейший жизненный путь.

Кандидаты филологических наук, доценты *Татьяна Ивановна Шуришина, Валентина Андреевна Карючина, Тельман Асадович Алиев, Екатерина Николаевна Варюшенкова, Ирина Леонидовна Петрова, Наталья Вячеславовна Целикова (Иосилевич), Анна Станиславовна Цуккерман*, старшие преподаватели *Галина Ивановна Столбунова, Александра Алексеевна Титова, Ольга Борисовна Архипова, Инна Николаевна Пестова, Татьяна Александровна Баннова, Марина Алексеевна Иванова, Татьяна Вячеславовна Куприна, Сергей Валерьевич Мещеряков, Наталья Анатольевна Потокова, Галина Евгеньевна Борисова, Игорь Игоревич Исеев* и др. трудились на кафедре русского языка и многое сделали для её становления и развития.

За десятилетия своей работы кафедра русского языка подготовила более шести тысяч высокопрофессиональных учителей для Владимира, Владимирской области и других регионов России. Выпускники-филологи работают также в региональных и федеральных СМИ, департаменте образования, управлении образования, администрации города, области и других органах государственной власти.

В настоящее время на кафедре трудятся *12 преподавателей* (из них 11 – выпускники ФФ), среди которых заведующий кафедрой доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации *Марина Васильевна Пименова*, директор Педагогического института ВлГУ кандидат филологических наук, доцент *Марина Владимировна Артамонова*, заместитель директора Педагогического института ВлГУ кандидат филологических наук, доцент *Александр Сергеевич Малахов*, директор по контролю за деятельностью и развитием филиалов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации доктор филологических наук, профессор *Наталья Владимировна Юдина*, опытные

доценты, кандидаты филологических наук *Ксения Михайловна Богрова, Екатерина Александровна Кузнецова, Евгений Юрьевич Рыкин, Наталья Анатольевна Сафронова, Ольга Ивановна Соколова*, кандидат педагогических наук *Елена Викторовна Ковальчук*, старшие преподаватели *Елена Алексеевна Абрамова, Егор Сергеевич Константинов*.

Преподаватели кафедры ведут *46 дисциплин* лингвистического цикла для бакалавриата и магистратуры («*Русский язык. Литература*», «*Филологическое образование*»), а также русский язык и культуру речи для 22 нефилологических специальностей четырех подразделений ВлГУ (ПИ, ИЭиТ, ИФКиС, ВШМТ). Кроме того, кафедра организует и проводит *четыре практики* (учебную, педагогическую, производственную, вожатскую). Имеются дополнительные специализации «*Корректурa текста*» и «*Русский язык как иностранный*».

На кафедре сложились научные направления (известные не только в нашей стране, но и за рубежом), связанные как с традиционными, так и с новейшими методиками изучения языка и речи. Основной теме научной работы преподавателей кафедры – «*Грамматические/Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*» – посвящены международные конференции, которые регулярно проводятся с 1995 г.

Научная и научно-организационная деятельность преподавателей неоднократно поддерживалась грантами РГНФ, РФФИ, Министерства образования РФ («*Общеславянские ценности в зеркале региона: язык как главная духовная ценность*» (совместно с Витебским государственным университетом им. П.М. Машерова), «*Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии*», «*Языковая личность В. Солоухина и его роль в речевой лингвокультуре*», «*Разработка концептуальных подходов проведения олимпиад и иных конкурсных мероприятий для учителей, преподавателей в области русского языка и литературы*» и др.).

При кафедре с 1966 г. работает *аспирантура*, за время существования которой (с перерывом в 15 лет) защищено более *40 кандидатских диссертаций* (в том числе ныне работающими преподавателями – М.В. Артамоновой, К.М. Богровой, А.С. Малаховым, Е.Ю. Рыкиным, Н.А. Сафроновой, О.И. Соколовой, Н.В. Юдиной).

В течение всех лет своего существования кафедра сотрудничает с Владимирским институтом развития образования имени Л.И. Новиковой (*ВИРО*),

Городским информационно-методическим центром Управления образования (ГИМЦ). Ежегодно преподаватели кафедры участвуют в проведении регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, в государственной итоговой аттестации выпускников Владимирской области.

Много внимания на кафедре уделяется пропаганде грамотности и культуры речи. Так, каждый год проходят Дни русского языка (в 2023 г. – в 45-й раз), Дни славянской письменности и культуры, Открытые конкурсы для студентов и школьников («Юный словесник» («ЮС» – Ж), «Юный ритор», «Юный исследователь-русист»). Трижды в год проходят общегородские диктанты (8 сентября, 21 февраля, 24 мая), посвященные, как правило, творчеству писателей-классиков, связанных с Владимирским краем.

Кафедра русского языка – старейшее структурное подразделение опорного вуза Владимирской области – продолжает свое развитие, объединяя традиции и инновации на пути постижения «неосязаемой тайны» (Ф.И. Буслав) русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. О зевоте и скуке, или Как читать и чтить современников // Всполье (Владимир). 1997. 23 декабря.
2. Анатолий Михайлович Иорданский // Призыв (Владимир). 1974. 22 мая. [Некролог].
3. Анатолий Михайлович Иорданский // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. №1. С. 126. [Некролог].
4. Борисенко И. Человек большого трудолюбия // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1980. 28 мая.
5. Булахов М.Г. Иорданский Анатолий Михайлович // Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Минск, 1977. С. 237.
6. Буреев А.К. Его голос был голосом Родины [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vladkprf.ru/bureev/00049.htm>
7. Владимир Иванович Фурашов (К 60-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 6. С. 110.
8. В постоянном поиске // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1988. 6 января.
9. Двойной юбилей старейшего русиста // Всполье (Владимир). 1995. 27 декабря.
10. «И нежный вкус родимой речи...» // Молва (Владимир). 2002. 11 июня.
11. Копелиович А.Б. Дойти до самой сути (К 70-летию профессора В.И. Фурашова) // Языковые значения, формы и категории. Владимир, 2005. С. 3–13.
12. Копелиович А.Б. Учитель учителей // Русский язык в школе. 2011. № 5. С. 55–58.
13. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в современной русистике. М.; Хельсинки, 1994. С. 134.
14. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиографический справочник. Т. 1. / Сост. С.В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 48.
15. Коротаев О. Побольше бы таких преподавателей // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1987. 23 декабря.

16. Майоров М. От говоров до Пушкина – этап в десятки лет // Молва (Владимир). 1997. 18 декабря.
17. Макеев Д.А. Страницы истории педагогического образования во Владимире // Вестник Владимирск. гос. педуниверситета. Научно-методический журнал. Вып. 2. Владимир, 1997. С.3–12.
18. На кафедре русского языка // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1979. 14 ноября.
19. Носкова В.В., Гордеев С.П. Пеньковский Александр Борисович // Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 335.
20. Носкова В.В. Фурашов Владимир Иванович // Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 460.
21. Овчинникова Н. Необычная аудитория // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1979. 14 ноября.
22. Павлович Н. «Онегина» воздушная громада // Аргументы и факты – Владимир – Иваново. 1999. № 49. Декабрь.
23. Пеньковский А.Б. Юбилей ученого // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1967. 27 июня.
24. Пеньковский А.Б. Доктор филологических наук // Призыв (Владимир). 1967. 27 июня.
25. Пеньковский Александр Борисович // Кто есть кто в современной русистике. М.; Хельсинки, 1994. С. 197–198.
26. Пименова М.Вас., Фурашов В.И. К юбилею кафедры русского языка филологического факультета ВлГУ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 1. С. 96–106.
27. Рянин А. Многая Вам лета, профессор! // Призыв (Владимир). 2000. 6 декабря.
28. Семенкин К.Г. День каждый прожит не напрасно // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева Полянского). 1985. 11 декабря.
29. Скорбилин В. В науке могут быть бестселлеры // Аргументы и факты – Владимир – Иваново. 2000. № 22. Июнь.
30. "Слово – чистое веселье...": Сборник статей в честь Александра Борисовича Пеньковского. М.: Языки славянских культур, 2009 (серия *Studia philologica*).
31. Сычева М. Профессор Пеньковский сказал новое слово о вечном // Молва (Владимир). 1999. 9 декабря.
32. Сычева М. Профессор в России – это жизненная позиция // Аргументы и факты – Владимир – Иваново. 2000. № 50. Декабрь.
33. Титова В.И., Фурашов В.И. Иорданский Анатолий Михайлович // Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 198–199.
34. Флегонтов М. Как решить теорему Ферма // Молва (Владимир). 1999. 14 декабря.
35. Фурашов В.И. У него на груди орден Ленина // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева Полянского). 1972. 19 апреля.
36. Фурашов В.И. Интервью с юбиляром // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева Полянского). 1979. 3 января.
37. Фурашов В.И., Семенкин К.Г. Имени профессора Иорданского // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева Полянского). 1979. 24 января.
38. Фурашов В.И. Анатолий Михайлович Иорданский // Русская речь. 1984. № 4. С. 63-66.
39. Фурашов В.И. Не прервать связующую нить... Кафедра русского языка: научные традиции и современность // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева Полянского). 1989. 23 ноября.

40. Фурашов Владимир Иванович // Кто есть кто в современной русистике. М.; Хельсинки, 1994. С. 274–275.
41. Фурашов В.И. Аудитория, в которой жил и работал профессор, носит его имя // Молва (Владимир). 1997. 26 июня.
42. Фурашов В.И. Анатолий Михайлович Иорданский: ученый, педагог, человек (1907-1974) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной конференции. Владимир, 1997. С. 5–14.
43. Фурашов В.И. Памяти Анатолия Михайловича Иорданского (К 90-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос. педуниверситета. Научно-методич. журнал. Вып. 2. Владимир, 1997. С. 197–203.
44. Фурашов В.И. В поисках научной истины // Филология. Международн. сборник научн. трудов (К 70-летию Александра Борисовича Пеньковского). Владимир, 1998. С. 3–11.
45. Фурашов В.И. Лингвистические идеи А.Б. Пеньковского (К 70-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос. педуниверситета. Научно-методич. журнал. Вып. 3. Владимир, 1998. С. 287–293.
46. Фурашов В.И. К 50-летию кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы V Международной конференции / Отв. ред. А.Б. Копелиович. Владимир, 2003. С. 3–12.
47. Фурашов В.И., Негрышев А.А. Август Борисович Копелиович (К 75-летию со дня рождения) // Грамматические категории и единицы. Владимир, 2004. С. 5–9.
48. Фурашов В.И., Пименова М.Вас. К 60-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы X Международной конференции / Отв. ред. М.Вас. Пименова. Владимир, 2013. С. 4–14.
49. Фурашов В.И., Пименова М.Вас. К 65-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XII Международной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка / Отв. ред. М.Вас. Пименова. Владимир, 2017. С. 7–19.
50. Фурашов Владимир Иванович // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиографический справочник. Т. 1. / Сост. С.В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 108–109.
51. Фурашов В.И. Очерки жизни и творчества владимирских лингвистов // Из истории отечественного языкознания: классики и современники. Владимир, 2020. С. 85–199.
52. Юдина Наталья Владимировна // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиографический справочник. Т. 1. / Сост. С.В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 123.

ФУРАШОВ Владимир Иванович (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

**СЕРГЕЙ АРСЕНЬЕВИЧ ФЕССАЛОНИЦКИЙ:
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ¹**

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству известного ученого и педагога Сергея Арсеньевича Фессалоницкого, плодотворно работавшего на кафедре русского языка ВГПИ с 1957 по 1971 гг. Представлены его основные работы по общей теории языка, современному русскому языку и методике преподавания русского и узбекского языков.

Ключевые слова: Сергей Арсеньевич Фессалоницкий, общая теория языка, современный русский язык, методика преподавания русского и узбекского языков.

Abstract. The article is devoted to the life and work of the famous scientist and teacher Sergei Arsenievich Fessalonitsky, who fruitfully worked at the Russian Language Department of the All-Russian State Pedagogical Institute from 1957 to 1971. His main works on the general theory of language, modern Russian language and methods of teaching Russian and Uzbek languages are presented.

Keywords: Sergei Arsenievich Fessalonitsky, general theory of language, modern Russian language, methods of teaching Russian and Uzbek languages.

Осталось меньше года до юбилея (125-летия) со дня рождения *Сергея Арсеньевича Фессалоницкого* (1899–1976), кандидата филологических наук, доцента, прекрасного педагога, видного языковеда-русиста и методиста, настоящего интеллигента, чудесного, отзывчивого человека.

¹ Выражаем искреннюю благодарность студентке филологического факультета ВлГУ Елене Павловне Андриановой (группа Яг-211), подготовившей в рамках музейной практики 2013 г. материалы личного дела С.А. Фессалоницкого к публикации (руководитель – доцент О.Д. Плышевская).

Основываясь на «Автобиографии» и «Личном листке по учету руководящих кадров», датированных 25 мая 1957 года и хранящихся в деле № 1262 архива ВлГУ (начато 1 сентября 1957 г., окончено 26 июля 1971 г.), представим основные вехи жизненного пути Сергея Арсеньевича (см. также [5; 6; 7]).

С.А. Фессалоницкий родился 30 июля 1899 года в семье священника в городе Твери (в 1931–1990 гг. – г. Калинин). Окончив среднюю школу в 1918 году, учительствовал в Тверском уезде: был учителем школ I ступени в д. Логиново (с 1 января по 20 августа 1919 г.) и на станции Кузьминка Октябрьской ж.д. (с 24 декабря 1919 г. по 31 августа 1920 г.). В 1920 году поступил на словесно-историческое отделение Тверского института народного образования, переименованного позднее в педагогический институт. По окончании его (в 1924 г.) был преподавателем средних учебных заведений города Твери: училища для слепых детей (с 1 января 1925 г. по 31 октября 1926 г.), школы-семилетки № 1 (с 1 июля 1926 г. по 1 октября 1929 г.).

Научно-педагогическая деятельность С.А. Фессалоницкого началась в Тверском педагогическом институте: в 1927 году он был приглашен на должность лаборанта, в 1930 году стал ассистентом, а в 1931 году начал вести самостоятельные курсы: современный русский язык и методику преподавания русского языка. Работая в вузе, С.А. Фессалоницкий продолжал параллельно преподавать в школе-семилетке.

С 1 сентября 1933 года С.А. Фессалоницкий начал работать в Ферганском педагогическом институте (Узбекская ССР) в должности старшего преподавателя, а с 1939 года – заведующего кафедрой русского языка. В целом в Узбекистане С.А. Фессалоницкий проработал 10 лет (до 25 сентября 1944 г.) с перерывом на один учебный год в Ярославском педагогическом институте, где он был старшим преподавателем (с 25 июля 1936 г. по 1 сентября 1937 г.). В г. Фергане С.А. Фессалоницкий совмещал работу в педагогическом институте с преподаванием в высшем партийном учебном заведении – комвузе (с 5 марта 1934 г. по 7 июня 1936 г.) и Московском Институте востоковедения (в период его эвакуации – с 1 марта 1942 г. по 5 сентября 1943 г.).

В июле–сентябре 1941 года С.А. Фессалоницкий находился в Красной Армии, в нестроевой части. В боевых действиях участия не принимал.

30 октября 1943 года С.А. Фессалоницкий успешно защитил в Ростовском-на-Дону государственном университете имени В.М. Молотова диссертацию на тему «Проблема употребления косвенных падежей в современном

русском языке (На материале басен Крылова)», в связи с чем ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, а 30 мая 1944 г. присвоено ученое звание доцента.

В сентябре 1944 года вследствие тяжелого заболевания тропической малярией С.А. Фессалоницкий, по заключению ВТЭК, должен был выехать из Средней Азии.

С 1 октября 1944 года С.А. Фессалоницкий, будучи зачислен по конкурсу, начал работать в Ивановском государственном педагогическом институте, где проработал более 10 лет (с 1 октября 1944 г. по 30 августа 1955 г.). В течение двух лет (с 1947 по 1949 гг.) был деканом факультета русского языка и литературы, а с 1949 года – заведовал кафедрой русского языка и общего языкознания. При содействии С.А. Фессалоницкого на кафедру был принят известный ученый Соломон Давидович Кацнельсон, исключенный из числа сотрудников Ленинградского отделения Академии наук в результате дискуссии 1950 года и вынужденный искать себе работу за пределами г. Ленинграда. За три года работы профессор С.Д. Кацнельсон открыл аспирантуру в Ивановском пединституте и положил начало подготовке преподавателей и научных кадров для высшей школы.

В 1952 году С.А. Фессалоницкий поступил и в 1955 закончил с отличием Университет марксизма-ленинизма в городе Иваново.

15 августа 1955 года Министерство просвещения РСФСР перевело С.А. Фессалоницкого по его просьбе в Смоленский государственный педагогический институт на должность заведующего кафедрой, где он читал современный русский язык, вел спецкурс и спецсеминар.

С 1 сентября 1957 года С.А. Фессалоницкий начал работать в должности доцента кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического института (ВГПИ), в котором плодотворно трудился долгие годы – до 26 июля 1971 года. В течение этих лет Сергей Арсеньевич вел все разделы курса современного русского языка – от фонетики до синтаксиса – на очном и заочном отделениях.

В целом за 44 года преподавательской работы в вузах страны С.А. Фессалоницкий подготовил тысячи учителей русского языка.

Научные интересы С.А. Фессалоницкого отличались глубиной и разносторонностью. Он автор 33 работ в области общего языкознания, лексикологии, фразеологии, морфологии и синтаксиса русского языка, а также орфо-

графии, методики преподавания русского языка в вузе и школе, русской и национальной. Кроме русского языка, С.А. Фессалоницкий владел немецким, латинским, древнегреческим и узбекским, как он сам отмечал в «Личном листке по учету руководящих кадров».

Среди его работ заслуживают быть отмеченными такие, как: «Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления» (1953), «К проблеме взаимосвязи лексики и грамматики» (1954), «Обогащение фразеологического состава русского языка в советскую эпоху» (1958), «О глаголах беспредложного управления» (1957), «О границах синтаксического управления» (1969), «Из наблюдений над соединением слов» (1956), «О словаре употребления косвенных падежей» (1961), «О правописании слов с корнем *равн-ровн*» (1956), «Профессионально-педагогическая направленность курса “Современный русский язык” в высшей школе» (1960), «О практической подготовке учителей-словесников на заочном отделении» (1960), «Самостоятельная работа студентов» (1970), «О задачах методики русского языка» (1956), «К вопросу о методах преподавания грамматики» (1936) и мн. др. С.А. Фессалоницкому принадлежит идея создания синтаксических словарей.

Работы С.А. Фессалоницкого, отличаясь глубоким подходом к языковому материалу, широтой его охвата, тщательностью, скрупулезностью и прозорливостью, намечают перспективы и горизонты дальнейших исследований на многие годы вперед. Так, в опубликованной в ведущем научном лингвистическом журнале «Вопросы языкознания» статье «Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления» С.А. Фессалоницкий предлагает издать специальные монографии по следующим проблемам: «...язык и сознание; язык и мышление; сознание и мышление; мышление на основе внутренней речи; мышление на основе устной речи; мышление на основе письменной речи; грамматика и логика; семантика и логика; смысловое значение слова и понятие; семантика и психология; смысловое значение слова и выражение через мышление в слове (в языке) различных проявлений психической деятельности человека; а также: память, мышление и язык; воображение, мышление и язык; эмоции, мышление и язык; воля, мышление и язык и многие другие. Все эти темы очень тесно между собой связаны. Создание таких монографий <...> приведет советскую науку к всестороннему разрешению сложнейшей проблемы взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимопроникновения языка и мышления» [Вопросы языкознания 1953. № 3. С. 130].

Не менее масштабной является *программа* специального семинара «Лексика и грамматика русского языка», предложенная С.А. Фессалоницким и представленная в журнале «Вопросы языкознания» при обсуждении содержания курса «Современный русский литературный язык»: «Вопрос о взаимодействии лексики и грамматики в свете марксистско-ленинского учения о всеобщей связи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе»; «Вопрос о взаимодействии лексики и грамматики в освещении выдающихся лингвистов»; «Вопросы взаимодействия смысловых и грамматических значений в освещении академической “Грамматики русского языка” [Т. I]»; «Взаимодействие смысловых и грамматических значений в системе русского словообразования»; «Анализ взаимодействия смысловых и грамматических значений как основа разграничения слов и их форм»; «Взаимодействие смысловых и грамматических значений как основа перехода слов из одной части речи в другую»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории рода существительных»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории числа существительных»; «Переход прилагательных из одного разряда в другой как процесс взаимодействия смысловых и грамматических значений»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории вида»; «Переходность – непереходность как показатель взаимодействия смысловых и грамматических значений отдельных глаголов»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории залога»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории склонения»; «О взаимодействии смысловых и грамматических значений в категории предлога»; «Анализ взаимодействия смысловых и грамматических значений как основа разграничения второстепенных членов предложения (наиболее трудных случаев)» и т.д. [Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 89].

О значимости и актуальности научных разысканий С.А. Фессалоницкого свидетельствуют ссылки на них в публикациях языковедов – его современников [1: 90; 3: 286, 296; 4: 57, 189-190].

В личном деле С.А. Фессалоницкого хранится рукописный список «Работы, написанные в студенческие годы», в который им включены заметки, опубликованные в «Материалах Общества изучения Тверского края»: «Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 году» (1925) и «Пушкин в кругу старицких дворян» (1928). Нам удалось найти ссылку на одну из студенческих работ С.А. Фессалоницкого, связанных с именем А.С. Пушкина [2: 1140].

Ещё в студенческие годы им был подготовлен библиографический указатель для учителей «Родной язык» (1925). С.А. Фессалоницкий известен как автор пособия для учителей и студентов Узбекской ССР – «Ана тили методikasi» ('Методика родного языка'), Ташкент, Учпедгиз, 1940 (на узбекском языке). В соавторстве с Н.И. Леоновым С.А. Фессалоницкий написал учебник русского языка для узбекских школьников «Русский язык. Учебник для III класса узбекских школ» (Ташкент, Учпедгиз, 1940), удостоенный премии Наркомпроса Узбекской ССР и неоднократно переиздававшийся.

С.А. Фессалоницкий много занимался редакторской работой. Так, он подготовил к печати 9 том «Ученых записок» Ивановского педагогического института (Иваново, 1956), «Тезисы научной конференции профессорско-преподавательского состава Смоленского ГПИ» (Смоленск, 1956), а также явился редактором книги профессора Анатолия Михайловича Иорданского «История двойственного числа в русском языке» (Владимир, 1960).

Научно-педагогическая деятельность С.А. Фессалоницкого совмещалась с большой общественной работой: он был членом Ученой комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР, входил в состав бюро проблемного совета Академии педагогических наук по координации научно-исследовательской деятельности в области методики русского языка (с 5 апреля 1961 года), был членом Совета институтов, в которых он работал, одним из участников авторского коллектива АПН РСФСР по созданию фундаментальной методики преподавания русского языка. В разные годы С.А. Фессалоницкий неоднократно председательствовал в государственных экзаменационных комиссиях. В порядке личной инициативы он участвовал в подготовке научных кадров филологов из числа способных студентов: некоторые из них поступали по его совету в аспирантуру и успешно ее проходили.

С.А. Фессалоницкий многократно награждался за безупречную работу. Так, Указом президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1953 года он был удостоен высокой награды – ордена Трудового Красного Знамени (орденская книжка № 273197); 14 декабря 1954 года приказом Министерства просвещения РСФСР был награжден знаком «Отличник народного просвещения» (знак № 19791); 3 ноября 1967 года – Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюза. В разное время С.А. Фессалоницкий получал благодарности за долголетнюю и плодотворную работу от дирекции институтов, в которых работал, а однажды (декабрь 1953

года) наряду с объявленной благодарностью ему была выдана премия в размере 500 рублей, о чем он сообщает в «Автобиографии».

Известный русский языковед проф. А.В. Миртов так отзывался о С.А. Фессалоницком: «С Сергеем Арсеньевичем Фессалоницким я на работе в пединститутах встречался с перерывами около 15 лет. Знаю Сергея Арсеньевича как хорошо подготовленного специалиста по современному русскому языку: лекции и научные доклады он читает на высоком научном уровне, студенты его лекции слушают с большим вниманием. При исключительной деликатности Сергей Арсеньевич обнаруживает большую настойчивость и требовательность к студентам. Лекции и научные статьи Сергея Арсеньевича неукоснительно имеют педагогическую направленность, он хорошо осведомлен и в проблемах методики средней и высшей школы. Трудовая дисциплинированность, серьезность, доброжелательная простота, тактичная вежливость (со всеми и всегда) являются, так сказать, прирожденными свойствами образцового ученого-педагога» (г. Горький, 06. 06.1957).

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ С.А. ФЕССАЛОНИЦКОГО

1. Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 году // Материалы Общества изучения Тверского края. № 3 [Заметка]. Тверь, 1925.
2. Родной язык [Библиографический указатель для учителей] // Методический сборник Тверского ГубОНО. №№ 18, 20, 21, 22. Тверь, 1925.
3. Пушкин в кругу старицких дворян // Материалы Общества изучения Тверского края / Под ред. А.Н. Вершинского и К.И. Никольского. Вып. 6 (апрель 1928). Тверь: Изд-во Общества изучения Тверского края, 1928. С. 3–26.
4. К вопросу о методах преподавания грамматики // Русский язык в школе. 1936. № 3. С. 31–40.
5. Беседа с начинающим словесником. Вопросы дидактики на уроках русского языка // Русский язык в школе. 1937. № 3. С. 37–48.
6. Изучение русской лексики в нерусской школе // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 100–107.
7. Изучение лексики на уроках литературного чтения. Лексический анализ «Муму» Тургенева // Русский язык в школе. 1940. № 6. С. 50–55.
8. Ana tili metodikasi (Методика родного языка): Пособие для студентов и учителей УзССР. Ташкент: Учпедгиз, 1940. 9 п.л. (на узбекском языке).
9. (В соавторстве с Н.И. Леоновым). Русский язык: Учебник для III класса узбекской начальной школы. 5-е изд. Ташкент: Госиздат УзССР, 1948. 192 с.
10. Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 121–131.
11. К проблеме взаимосвязи лексики и грамматики // Ученые записки Ивановского педагогического института. Т. VI. 1954. С. 3–20.
12. О соотношении лексики и грамматики в курсе «Современный русский язык» (Часть статьи, включенная в обзор «Языкознание и школа. Обсуждение курса

- “Современный русский литературный язык”») // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 89.
13. О задачах методики русского языка // Ученые записки Ивановского педагогического института. Т. IX. 1956.
 14. О правописании слов с корнем *равн–ровн* // Ученые записки Ивановского педагогического института. Т. IX. 1956. С. 39–44.
 15. Из наблюдений над соединением слов // Тезисы научной конференции профессорско-преподавательского состава Смоленского государственного педагогического института. Смоленск, 1956. С. 84–87.
 16. О глаголах беспредложного управления // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. Т. 4. Доклады и сообщения. Ч. 1. Смоленск, 1957. С. 95–97.
 17. Обогащение фразеологического состава русского языка в советскую эпоху // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института. Вып. 4. Владимир, 1958. С. 96–104.
 18. Несколько замечаний о методике преподавания русского языка // Русский язык в школе. 1960. № 1.
 19. Профессионально-педагогическая направленность курса «Современный русский язык» в высшей школе // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Горький, 1960.
 20. О практической подготовке учителей-словесников на заочном отделении // Заочное педагогическое образование. № 17. М., 1960.
 21. О словарях употребления косвенных падежей // Совещание лингвистов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении: Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1961. С. 29–30.
То же // Вопросы изучения русского языка: Материалы IV научной конференции Северо-Кавказского объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону, 1961. С. 3–5.
 22. Проблемы лексико-грамматического употребления отдельного слова // Совещание лингвистов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении: Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1961. С. 59.
 23. Из отзывов о брошюре К.С. Аксакова «О русских глаголах» // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Т. 248. Л., 1963. С. 61–68.
 24. Некоторые материалы к теме «Управление» (Курс современного русского языка) // Труды Второй научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Владимир, 1964. С. 164–175.
 25. О границах синтаксического управления // Ученые записки Калининского государственного педагогического института. Т. 66. Ч. 1. Калинин, 1969. С. 238–245.
 26. Отдельное существительное как управляющее и управляемое (Слово *развитие*) // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института. Серия «Русский язык». Вып. 1. Владимир, 1967. С. 110–131.
 27. Самостоятельная работа студентов // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 92. Методика преподавания лингвистических дисциплин в вузе. Воронеж, 1970.

28. О книгах «Наш язык» А.М. Пешковского // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института. Т. 33. Серия «Русский язык». Вып. 4. Владимир, 1971. С. 109–114.
29. [Ред.] Ученые записки Ивановского пединститута. Т. IX., Иваново, 1956.
30. [Ред.] Тезисы научной конференции профессорско-преподавательского состава Смоленского ГПИ. Смоленск, 1956.
31. [Ред.] А.М. Иорданский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.

Рукописи

32. Тема «Управление» в курсе современного русского языка.
33. Словарь употребления косвенных падежей. На материале басенного языка Крылова. Картоотека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К.С. Аксаков, А.А. Потебня, В.П. Сланский) // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 79–123.
2. Казанский Б. Разработка биографии Пушкина: Обзор [Александр Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 1137–1158.
3. Кодухов В.И. Общее языкознание. Учебник для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов. М.: Высшая школа, 1974. 302 с.
4. Фурашов В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке. Владимир: ВГПИ, 1975. 192 с.
5. Фурашов В.И. К 50-летию кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы V Международной конференции / Отв. ред. А.Б. Копелиович. Владимир, 2003. С. 3–12.
6. Фурашов В.И., Пименова М.Вас. К 60-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы X Международной конференции / Отв. ред. М.Вас. Пименова. Владимир, 2013. С. 4–14.
7. Фурашов В.И., Пименова М.Вас. К 65-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XII Международной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка / Отв. ред. М.Вас. Пименова. Владимир, 2017. С. 7–19.

АБРАМОВА Елена Алексеевна (Владимир, Россия)

старший преподаватель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (Владимир, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

**РИММА СЕРГЕЕВНА КАНУНОВА: УЧЕНЫЙ-
ДИАЛЕКТОЛОГ, ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня рождения диалектолога Риммы Сергеевны Кануновой, более полувека изучавшей русские говоры, собравшей бесценный диалектный материал, представленный в глубоких научных трудах и лексикографических описаниях.

Ключевые слова: Римма Сергеевна Канунова, диалектология, говоры, областной словарь.

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of the birth of dialectologist Rimma Sergeevna Kanunova, who studied Russian dialects for more than half a century and collected invaluable dialect material presented in deep scientific works and lexicographic descriptions.

Keywords: Rimma Sergeevna Kanunova, dialectology, dialects, regional dictionary.

Римма Сергеевна Канунова (Овчинникова) – незаурядная личность, чья профессиональная и человеческая значимость со временем не увядает, а становится всё заметнее, очевиднее. Для своих коллег и учеников Римма Сергеевна являет собою пример жизненного и научного долголетия, подвижничества, верности выбору жизненного пути (см. также [1]).

Римма Сергеевна родилась 31 мая 1922 г. в местечке Детгородок Арбажского района Вятской губернии (с 1934 г. – Кировского края / области) в семье служащего и сельской учительницы. Через несколько лет мать перевели на работу в деревню Большой Кугунур этого же района. В 1939 г. Римма

Сергеевна окончила среднюю школу села Арбаж с золотой медалью и поступила в Кировский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, который в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован в г. Яранск. Учебу по выбранной специальности («Русский язык и литература») надо было совмещать с работой на трудовом фронте, пришлось принять и стоически перенести все лишения этого страшного времени. В кровавой бойне войны погиб жених Риммы Сергеевны, светлые воспоминания о котором она пронесла через всю жизнь.

Мужество духа укрепило веру в собственные силы, настроило на повседневную работу. Постоянно ездила в командировки, решала трудные вопросы предпоставок, старалась это делать по-человечески (видела обездоленных вдов, детей-сирот...). Надолго запомнились Римме Сергеевне поездки в самые отдаленные деревеньки Кировской области. Вятские диалектные особенности были предметом ее пристального внимания и даже, если так можно выразиться, своего рода «любования», на протяжении многих лет жизни они являлись для Риммы Сергеевны основой изучения других говоров и их сопоставительного анализа.

В 1942 г. Римма Сергеевна окончила Кировский пединститут с присвоением квалификации преподаватель русского языка и литературы в средней школе и звания учителя средней школы. Была оставлена в вузе для научной подготовки, но аспирантура в тот год не была открыта. Римма Сергеевна устроилась работать вначале лаборантом при кафедре русского языка, а затем – заведующим кадрами Кировского пединститута.

В 1944 г. Римма Сергеевна уехала учиться в аспирантуру при кафедре русского языка Куйбышевского государственного педагогического института имени В.В. Куйбышева. Аспирантуру окончила в 1947 г. и получила назначение на работу в Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева, где начала свою педагогическую деятельность на кафедре русского языка в должности старшего преподавателя.

30 мая 1951 г. Римма Сергеевна успешно защитила посвященную «малой родине» кандидатскую диссертацию «Говор деревни Большой Кугунур Кировской области» [12], а 19 сентября 1953 г. была утверждена в ученом звании доцента. Диссертационное исследование окончательно определило сферу научных интересов Риммы Сергеевны – русская диалектология, в описании говоров наметились самостоятельные пути, оригинальные идеи. Римма

Сергеевна участвовала в организации и проведении диалектологических экспедиций по изучению сибирских говоров, тогда же разрабатывалась методологическая база описания и систематизации языковых явлений «живого» языка в целом. Последние годы работы в Томском университете Римма Сергеевна заведовала кафедрой русского языка, руководила аспирантами.

В 1955 г. по семейным обстоятельствам Римма Сергеевна переехала в г. Ульяновск, где два года работала заведующим кафедрой русского языка Ульяновского государственного педагогического института имени И.Н. Ульянова. В 1957 г. из-за жилищных условий Римма Сергеевна с мужем Николаем Федоровичем Кануновым вынуждена была переехать в г. Астрахань. Здесь она три года работала доцентом кафедры русского языка Астраханского государственного педагогического института имени С.М. Кирова (1957–1960 гг.). В связи с сокращением штатов Римме Сергеевне с 1 сентября 1960 г. пришлось перевестись на должность доцента кафедры русского языка в Дагестанский государственный университет (г. Махачкала), где она проработала до 1963 г. Климат Дагестана плохо сказывался на здоровье как Риммы Сергеевны, так и Николая Федоровича, поэтому они решили переехать в центр России – в г. Владимир.

Во Владимирском педагогическом институте/университете Римма Сергеевна проработала 46 лет – с сентября 1963 г. по июнь 2009 г. (ее общий трудовой стаж – 62 года).

Римма Сергеевна вела все разделы современного русского языка, русскую диалектологию, факультатив «Говоры Владимирской области», спецкурсы и спецсеминары по разным лингвистическим разделам («Лексика», «Глагол», «Порядок слов в русском языке» и др.). Ею подготовлены тысячи молодых специалистов-филологов, успешно работающих как во Владимирской области, так и за ее пределами. Многие из них помнят Римму Сергеевну как блестящего преподавателя, удачно сочетавшего научную глубину с простотой изложения материала. Эрудированность и широта взглядов неизменно вызывали большой интерес к занятиям у студентов разных поколений.

Однако главнейшей лингвистической специальностью Р.С. Кануновой оставалась диалектология, ее основные научные труды посвящены теоретическим основам описания и изучения диалекта, распространенного на территории Владимирского края: «Говоры Владимирской области относятся к Владимирско-Поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров, и

основой их языкового комплекса являются черты, присущие северному и южному наречию, северо- и юго-восточной диалектным зонам; кроме того, эти говоры разделяют и многие особенности говоров центра [2: 140, 152], «...которые включают Москву и расположенные к востоку от неё территории» [13: 240]» [11: 3]. Римма Сергеевна в своих работах подробно и глубоко описывает особенности владимирских говоров на всех языковых уровнях: фонетическом [4], грамматическом (морфологическом и синтаксическом) [5; 11: 4–53], лексическом [6; 11: 54–92]. Кроме того, она определяет место владимирских говоров в диалектном членении русского языка [7; 11: 93–117], анализирует названия грибов на территории Владимирской области [9; 11: 118–130], предлагает материалы по подготовке к научно-исследовательской работе в рамках студенческой диалектологической практики [7; 11: 131–137].

С 1 сентября по 30 декабря 1969 г. Римма Сергеевна проходила курсы повышения квалификации (КПК) в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина по направлению «Современный русский язык». В аттестации по итогам КПК, подписанной проф. Н.Н. Прокоповичем, высоко оценивается ее доклад монографического характера «К вопросу об употреблении постпозитивной частицы *-то* в говорах Владимирской области (На материалах говора д. Овсянниково Судогодского района)».

Понятно, что «базой» сбора владимирского диалектного материала для Риммы Сергеевны являлись сельские населенные пункты Владимирской области (Меленковский, Муромский, Собинский, Судогодский и другие районы), куда на протяжении многих лет направлялись диалектологические экспедиции студентов филологического факультета, хорошо обученных и подготовленных для сбора и лингвистической обработки материалов. Римма Сергеевна была неизменным участником и непосредственным руководителем большинства таких экспедиций. Выпускники факультета до сих пор помнят, что бережному отношению к «живому» слову научила их именно она. Грамматическое освоение слова было неотделимо от смыслового, нередко не совпадающего с общепринятым либо совершенно незнакомого. Это слово, по меткому высказыванию К.Г. Паустовского, обладало и особой «выразительной силой», в нем угадывалась тайная история жизни человека, его настоящее, в нем запечатлевалась «связь времен». Вот почему студенты факультета охотно совершали эти поездки, внимательнейшим образом обрабатывали привезенные мате-

риалы, опыт такой работы давал некоторым ученикам Риммы Сергеевны возможность определиться с выбором собственных исследовательских тем.

На протяжении 46 лет работы во Владимире Р.С. Кануновой постепенно, бусинка к бусинке, составлялась бесценная по уникальности собранного материала и глубине отраженного в нем содержания «нить» многочисленных описаний лексических групп говоров средней полосы России, способных внести свой вклад в характеристику языковой системы русского языка в целом. К настоящему времени лексикографически описаны лексико-семантические группы диалектной лексики Владимирского края, связанные с окружающей человека природой: «Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области» (1999) [3]; «Владимирский областной словарь: Лексика природы» (2012) [9]; «Лексика природы владимирских говоров: метеорологические и астрономические явления, ландшафт, растительный и животный мир. Областной словарь» (2013) [10], продолжается работа над составлением словаря по теме «Человек».

В течение долгих лет (а с 1990 г. постоянно) обработанные материалы диалектологических экспедиций посылались в Ленинградское/Санкт-Петербургское отделение Института лингвистических исследований АН СССР/РАН для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) России.

Римма Сергеевна руководила дипломными и курсовыми работами, студенческими научными кружками по диалектологии, возглавляла факультетскую учебно-воспитательную комиссию. Она была отличным куратором студенческих групп и курсов. В одной из характеристик Риммы Сергеевны, подписанной проф. В.И. Фурашовым, отмечается, что «ее группа в течение ряда лет – лучшая группа факультета». По инициативе Риммы Сергеевны был создан и долгие годы функционировал историко-этнографический музей филфака.

Римма Сергеевна была награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), нагрудными знаками «Отличник народного просвещения» (1972), «Отличник просвещения СССР» (1982), Почетной грамотой Министерства просвещения (1980), многочисленными благодарностями в приказах ректора института/университета.

Р.С. Канунова, даже уйдя на пенсию, продолжала участвовать в организации диалектологических экспедиций, помогала в обработке собранного материала.

Изучение ненормативных значений слов и форм требует необыкновенной лингвистической чуткости, специальных знаний о типах коммуникативных ситуаций, умения учитывать прагматическую установку говорящих, что, в свою очередь, важно для понимания национального менталитета, национальной культуры. Это «понимание», пришедшее к ученикам Риммы Сергеевны во время работы с ней, уже не покидало их никогда, стало основой не только интеллектуального, но и духовного совершенствования. Трудно не отметить, что в представлении многих студентов образ учёного-диалектолога, мудро воспитывающего терпение в освоении трудного, не сразу дающегося речевого материала, соединялся с высокими личностными качествами Риммы Сергеевны. Ее отличали высочайший профессионализм, преданность своему делу, скромность и требовательность к себе, доброта, отзывчивость, благожелательность и тактичность в общении с коллегами и студентами.

Верной своим научным интересам Р.С. Канунова оставалась в течение всей своей долгой насыщенной жизни. В силу глубокой содержательности, систематизированности изученного материала труды Риммы Сергеевны имеют большое научно-методическое и воспитательное значение. Основные идеи исследований развиваются молодыми учеными кафедры русского языка, а также выпускниками факультета, работающими не только во Владимирской, но и других областях Российской Федерации.

Римма Сергеевна скончалась 8 января 2018 г. на 96-м году жизни. Ее коллеги и ученики высоко ценят научные, просветительские и организационные заслуги Риммы Сергеевны, помнят ее как щедрого, светлого человека, замечательного педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.А., Бурлакова Т.А., Пименова М.Вас. Римма Сергеевна Канунова: ученый-диалектолог, педагог, учитель // Канунова Р.С. Говоры Владимирской области. Владимир: ВлГУ, 2014. С. 5–7.

2. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

3. Канунова Р.С. Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Выпуск 1. Владимир, ВГПУ, 1999. 61 с.

4. Канунова Р.С. Говоры Владимирской области (фонетические особенности) // Вопросы преподавания русского языка в школе. Выпуск 2. Владимир, 2000. 5 с.

5. Канунова Р.С. Говоры Владимирской области: фонетические, морфологические и синтаксические особенности (краткая характеристика): Учебное пособие по курсу

«Русская диалектология» для студентов филологического факультета. Владимир: ВГПУ, 2001. 54 с.

6. Канунова Р.С. Говоры Владимирской области. Лексика: Учебно-методическое пособие. Часть II. Владимир: ВГПУ, 2004. 39 с.

7. Канунова Р.С. Говоры Владимирской области: Диалектное членение русского языка. Место владимирских говоров среди других говоров русского языка: Методические рекомендации к проведению семинаров по курсу «Русская диалектология». Ч. III. Владимир: ВГПУ, 2007. 35 с.

8. Канунова Р.С. Диалектологическая практика: Методические указания для студентов I курса филологического факультета. Владимир: ВГГУ, 2009. 19 с.

9. Канунова Р.С. (в соавторстве). Владимирский областной словарь: Лексика природы. Владимир: ВлГУ, 2012. 126 с.

10. Канунова Р.С. (в соавторстве). Лексика природы владимирских говоров: метеорологические и астрономические явления, ландшафт, растительный и животный мир. Областной словарь. Владимир: ВлГУ, 2013. 257 с.

11. Канунова Р.С. Говоры Владимирской области. Владимир: ВлГУ, 2014. 141 с.

12. Овчинникова Р.С. Говор деревни Большой Кугунур Кировской области: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск: ТомГУ, 1951. 603 с., ил.

13. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 279 с.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна
(Владимир, Россия)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

«УДВОЕНИЕ» ОНИМОВ И АПЕЛЛЯТИВОВ
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.Б. ПЕНЬКОВСКОГО)

Аннотация. Статья посвящена «удвоению» онимов и апеллятивов в составе древних по происхождению моделей лексико-семантических сочетаний, среди которых, во-первых, таутонимы, глубоко изученные А.Б. Пеньковским фольклорные именования «личное имя + тождественный ему патроним», во-вторых, однокоренные синкретемы, объединяющие этимологически родственные слова.

Ключевые слова: Александр Борисович Пеньковский, таутонимы, однокоренные синкретемы, связь этимологически родственных слов.

Abstract. The article is devoted to the "doubling" of onyms and appellatives as part of ancient lexico-semantic combinations, among which, firstly, tautonyms, deeply studied by A.B. Penkovsky folklore naming "personal name + patronymic identical to it", and secondly, single-root syncretisms combining etymologically related words.

Keywords: Alexander Borisovich Penkovsky, tautonyms, single-root syncretisms, connection of etymologically related words.

Памяти Учителя

В декабре прошлого года исполнилось 95 лет со дня рождения *Александра Борисовича Пеньковского* (19.12.1927 – 06.02.2010) – известного филолога, пушкиниста, профессора, заслуженного работника высшей школы, члена Совета по русскому языку при президенте Российской Федерации, члена Орфографической комиссии при Институте русского языка РАН, проработавшего на кафедре русского языка ВГПИ/ВГПУ в общей сложности 35 лет (с 1959 по 1975 г. и с 1981 по 2000 г.). По свидетельству проф. В.И. Фурашова, «характеризуя творчество А.Б. Пеньковского, академик Н.И. Толстой справедливо заметил: "Сотрудничество ученого такого класса могло бы составить честь любому научному учреждению и университету"» [22: 12]. Как я уже писала, мне посчастливилось учиться у Александра Борисовича – слушать его завораживающие лекции по старославянскому языку, восхищаться предложенным им алгоритмом решения загадки собственных имен «Маскарада» М.Ю. Лермонтова, погружаться вместе с ним в глубины исторического лингвистического анализа перед поступлением в аспирантуру ЛГУ и др. [17: 387].

Среди фундаментальных научных работ А.Б. Пеньковского фактически во всех сферах филологии (общего языкознания, русской диалектологии, истории русского языка, фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса, лексической семантики, орфографии и пунктуации, лингвистики текста, теории художественной речи, пушкинистики и др.) [11; 13: 13–307, 417–460] значительное место занимает ономастика / художественная антропонимика [10; 12; 13: 311–413; 14].

Особое внимание А.Б. Пеньковский уделяет восходящим к восточнославянскому фольклору случаям «удвоения» онимов, построенных по модели «имя + отчество» – образованиям «...с совпадающим, тождественным наполнением компонентов модели – типа *Иван Иванович, Александра Александров-*

на» [13: 331]. В данной древней лексико-семантической модели личное имя соединяется с тождественным (однокоренным) ему патронимическим именем, являющимся с исторической точки зрения притяжательным прилагательным, которое указывает на принадлежность к определенному роду (*Иван-ов-ич*) и образовано при помощи суффиксов *-ович/-евич, -овна/-евна, -ич/-ична*, например: *Агар Агарович, Батыга Батыгович, Возьвяк Возьвякович, Елизар Елизарович, Змиулан Змиуланович, Идол Идолович, Калин Калинович, Митрофан Митрофанович, Полкан Полканович, Сатанаил Сатанаилович, Кащей Кашеевич, Яга Яговна* и др. [13: 374]. Подобные «удвоенные» образования Александр Борисович в первой публикации работы «Русские персонифицирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора» (1976) предложил называть **таутонимическими**, или **таутонимами** (греч. ταυτός ‘тот же самый’ + оним [18: 125]). А.Б. Пеньковский подчеркивает, что таутонимы являются маркерами враждебного «чужого» мира, в связи с чем имеют пейоративную коннотацию. «Свой» мелиоративный мир представлен «разноименными» онимами (гетеронимами) типа *Алеша Попович, Добрыня Никитич, Дюк Степанович, Илья Иванович Муромец* и др. [14: 128].

Следует отметить, что термин **таутоним**, предложенный А.Б. Пеньковским, получил широкое распространение и вошел в научный обиход, что подтверждается его использованием в работах, например, О.Н. Гуцалюк, А.С. Донченко, А.В. Юдина, Е.А. Яблокова и др. [2; 3; 23; 24], а также кодификацией во втором издании словаря ономастической терминологии Н.В. Подольской [18: 125].

А.Б. Пеньковский указывает, что таутонимы могут быть образованы и при помощи «удвоения» апеллятивов, поскольку обсуждаемая модель позволяет «...не только представить любое собственное имя в повторе, но и повтор нарицательного имени представить как имя собственное, или – точнее – как Имя Собственное» [14: 126]. Например: *Беда Бедовна, Волк Волкович, Ворон Воронович, Воспа Восповна, Гром Громович, Ерш Ершович, Еж Ежович, Змий*

Змиевич, Икота Икотишна, Кит Китович, Клёкот Клёкотович, Комар Комарович, Кот Котович, Лаптеван Лаптеванович (лапоть), Лис Лисович, Месяц Месяцович, Налим Налимыч, Орел Орлович, Рак Ракович, Сарай Сараевич и т. п. [13: 376].

Следует отметить, что «удвоение» апеллятивов наблюдается не только при образовании таутонимов, но и в составе соединяющей два однокоренных слова древней устойчивой лексико-семантической единицы «существительное + однокоренное прилагательное» типа *волюшка вольная, диво дивное, молоденьки молодушки, свет светлый, светлая светлица, стара старуха, тьма тьмущая, чудо чудное* и др. Исследователи рассматривают подобные единицы, используя следующие терминологические наименования: связь этимологически родственных слов [8: 14-17], этимологические фигуры (*figura etymologica*) [20: 71; 21: 348], тавтология [19: 330–335], тавтологические сочетания [15: 262; 6: 120], конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ [1: 382–383], сочетания однокоренных слов [4: 98–253], тавтологические выражения, или фразеологические тавтологизмы [7], тавтологические фразеологизмы [9: 146–148] и др.

Безусловно, каждый из этих терминов справедлив и имеет право на существование, однако все они используются в «отрыве» от какой-либо системы. Мы предлагаем обозначать подобные единицы термином **однокоренные синкретемы**, который, с одной стороны, указывает на особенности средневековой ментальности – **синкретизм** значения (корень *синкрет-*; ср.: *синкрета* – термин В.В. Колесова [5]), с другой стороны, вводит термин в ряд номинаций единиц других языковых уровней (финаль *-ем-а*: *лексема, морфема, семема, синтаксема, фонема, фразема* и т. д.).

Семантика однокоренных синкретем связана с обозначением качественно и количественно **«удвоенного» денотата** – объекта, сутью которого является определенный признак: изменение/утрата признака приводит к замене или исчезновению денотата. *Свет*, который перестает быть *светлым*, уже не свет, а нечто иное, «немолодые» *молодушки* уже таковыми (*молодуш-*

ками) не являются и т. п. Данные единицы отражают особенности архаичного восприятия мира и не обладают какой-либо оценочной коннотацией. В современном русском языке на основе древней модели «существительное + однокоренное прилагательное» создаются единицы типа *ад адский*, *блин блинский*, *кошмар кошмарский*, *мыло мыльное* (о сериале), *ужас ужасный* и др., указывающие на высшую степень проявления того или иного признака и выражающие, как правило, пейоративную оценку.

В заключение необходимо отметить, что дальнейшее изучение древних моделей, построенных на «удвоении» онимов и апеллятивов, позволит представить динамику становления лексико-семантической системы русского языка, отражающей особенности национальной ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Наука, 1947. 784 с.
2. Гуцалюк О.Н. Таутоним как способ демонстрации амбивалентности природы героя произведения // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 4. С. 52–55.
3. Донченко А.С. Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н.В. Гоголя и А.П. Чехова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2011. 18 с.
4. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XIX вв. М.; Л.: Наука, 1963. 348 с.
5. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40–49.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
7. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд: СГУ, 1969. 33 с.
8. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895. 34 с.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
10. Пеньковский А.Б. Антропонимические заметки. О двух именах героини «Маскарада» М.Ю. Лермонтова // Вопросы литературы. Вып. 10 / Отв. ред. Н.М. Владимирская. Владимир: Изд-во ВГПИ, 1976. С. 50–75.
11. Пеньковский А.Б. Загадки Пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики / Под ред. И.А. Пильщикова и М.И. Шапира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 315 с. (*Philologica russica et speculativa*).
12. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. 2-е изд. М.: Индрик, 2003. 640 с.
13. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с. (*«Studia philologica»*).
14. Пеньковский А.Б. Русские персонифицирующие именованные явления как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров: Межвузовский сборник научных трудов. Киров: КГПИ, 1986. С. 123–139.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.

16. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007. 415 с.
17. Пименова М.Вас. Таутонимы в трудах А.Б. Пеньковского и лингвистические явления повтора // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 386–392.
18. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 194 с.
19. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Учпедгиз, 1968. 551 с.
20. Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach. Т. 28. Wien. 1991. 196 с.
21. Толстой Н.И. Из поэтики русских и сербохорватских народных песен: Приглагольный творительный тавтологический // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В. Виноградова / Под ред. М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1971. С. 348–354.
22. Фурашов В.И., Пименова М.Вас. К 65-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 7–19.
23. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: МНФ, 1997. 319 с.
24. Яблоков Е.А. «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова) / РЯШ. 2018. № 4 (Т. 80). С. 51–58.

ФУРАШОВ Владимир Иванович (Владимир, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ПАМЯТИ АВГУСТА БОРИСОВИЧА КОПЕЛИОВИЧА (14.12.1929 – 25.01.2015)

Аннотация. Статья, посвященная памяти профессора Августа Борисовича Копелиовича, представляет основные вехи его биографии и характерные особенности научных трудов.

Ключевые слова: Август Борисович Копелиович, синтагматическая теория грамматического рода, параллелизм и управление/согласование.

Abstract. The article dedicated to the memory of Professor August Borisovich Kopeliovich presents the main milestones of his biography and the characteristic features of his scientific works.

Keywords: Avgust Borisovich Kopeliovich, syntagmatic theory of grammatical gender, parallelism and control/coordination.

Август Борисович Копелиович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, родился 14 декабря 1929 года в Минске. Он рано лишился родителей: мать его, Мария Наумовна, в 1935 году была репрессирована, отец, Борис Давидович, в первые дни Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт и в 1942 году погиб в бою с фашистскими захватчиками.

В 1947 году Август Борисович в Астрóшицком городке под Минском окончил среднюю школу и поступил на русское отделение факультета языка и литературы Минского педагогического института, после успешного окончания которого 14 лет проработал учителем, завучем и директором в сельских поселковых школах Полоцкой и Витебской областей Белоруссии (1951–1965).

В 1965 году Август Борисович с семьей (женой Софьей Борисовной, верной спутницей его подвижнической жизни, и тремя детьми – Марией, Михаилом и Борисом) переехал на новое место жительства – во Владимир, где еще 10 лет продолжал учительствовать (1965–1975) – в Пигановской школе-интернате, в школе-интернате № 1 г. Владимира, работал директором вечерней школы № 5. Не оставляя учительского труда, Август Борисович с 1966 по 1970 год заочно учился в аспирантуре при кафедре русского языка ВГПИ, где под руководством профессора Анатолия Михайловича Иорданского (1907–1974) подготовил кандидатскую диссертацию «Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке», защищенную в 1971 году в Москве, в МГПИ им. В.И. Ленина.

С 1975 года началась преподавательская работа Августа Борисовича в вузах страны: в Мичуринском пединституте (1975/76 учебный год), в пединституте в г. Комсомольске-на-Амуре (1976–1993), где преподавание сочеталось с общественной административной работой, а также с напряженным и непрерывным трудом ученого-языковеда. Когда в сентябре 1981 года во Владимирский пединститут возвратился Александр Борисович Пеньковский, который с 1975 году работал доцентом и зав. кафедрой русского языка Комсомольского-на-Амуре пединститута, я спросил его об Августе Борисовиче, о его

жизни и научной работе. А.Б. Пеньковский сказал: «Мне нравится, как он работает. Много, постоянно и результативно». Через 9 лет после этого разговора Август Борисович Копелиович защитил в Москве, в Институте языкознания АН СССР, докторскую диссертацию «Проблемы диахронии грамматического рода индоевропейских языков в синтагматическом аспекте» (1990). В 1993 году он получает звание профессора. Семнадцатилетнее пребывание Августа Борисовича в Хабаровском крае, с его муссонным климатом, с влажным летом, сухой и морозной зимой, напряженная работа – всё это расстроило его здоровье. Сказывался и возраст. Сразу же после защиты докторской диссертации начались мои переговоры с Августом Борисовичем о его возвращении во Владимир. Ректор Владимирского пединститута профессор Дмитрий Алексеевич Макеев, узнав, что А.Б. Копелиовичу не потребуется во Владимире квартира, дал полное согласие, но нужно было знать щепетильность Августа Борисовича. Он написал мне, что ему неудобно сразу после получения профессорского звания взять и уехать из Комсомольска. Помогла Софья Борисовна.

В 1993 г. Август Борисович возвратился во Владимир, где прошли его аспирантские годы и первое приобщение к науке. Он избирается на вакантную должность заведующего кафедрой русского языка Владимирского пединститута, только что преобразованного в педуниверситет. А.Б. Копелиович проявил себя как умелый руководитель коллектива, создав на кафедре деловую, творческую атмосферу, организовал проведение международных научных конференций по проблеме «*Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект*» (с 2009 года название конференции – «*Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*»). С 1990 по 2015 г. по материалам конференций было опубликовано 11 сборников статей, докладов, сообщений, тезисов (например, сборник материалов конференции 2015 года содержит 128 публикаций 136 лингвистов из Белоруссии, Венгрии, Казахстана, Китая, Латвии, Польши, России, Украины, Чехии). Август Борисович был инициатором, непосредственным организатором шести первых конференций (1995–2005) и ответственным редактором соответствующих сборников, во всех конференциях принимал самое активное участие как докладчик и руководитель секций. Посмертно напечатанную статью Августа Борисовича в сборнике материалов конференции 2015 г. «Теорема индоевропейского рода» можно рассматривать как его лингвистическое завещание и итог 48-летних размышлений над

проблемой происхождения грамматической категории рода в индоевропейских языках. Характерно начало этой статьи: «До сих пор вопрос о происхождении индоевропейского рода остается открытым». А.Б. Копелиович полагал, что этот вопрос будет успешно разрешен только при условии критического отношения к традиционно сложившимся исходным представлениям, согласно которым генетически родовым классам предшествовало разбиение субстантивов на одушевленные и неодушевленные, затем одушевленные разделились по роду на мужской и женский, оставив неодушевленным быть средним родом, хотя в ряде языков (древнегреческом, новогреческом, немецком, шведском и др.) средний род не исключает наличие одушевленных субстантивов; предполагалось, что род принадлежит самой сущности имени существительного, следствием чего явились согласовательные отношения, но эта гипотеза не имеет лингвистического обоснования; на многих лингвистов оказала влияние именная категория лица, но семантические особенности личных существительных не распространяются на родовые отношения в целом.

Август Борисович призывал искать ответы на эти вопросы внутри языка, обращаться к зафиксированным в письменности реальным языковым фактам. Принципиально важно рассматривать анафорический род, формальное согласование по роду и именную категорию лица, изменившую в своем развитии характер мотивации согласовательных отношений. Минимальная единица грамматического рода вычленяется из состава согласовательной модели (свежая газета, публика молчала) и может быть представлена формулой S + A, где S – имя существительное, A – флексия согласуемого слова.

Всю жизнь Август Борисович воевал с расхожими мнениями, которые, на его взгляд, не отражают реального положений вещей в науке.

Перу А.Б. Копелиовича принадлежат 123 публикации, среди которых 5 монографий: «Очерки по истории грамматического рода» (1988), «Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте» (1995), «Именная категория лица в её отношении к грамматическому роду» (1997), «Род и грамматика межсловных синтаксических отношений» (2008), «Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса» (2011).

Август Борисович был глубоким и разносторонним ученым: он занимался проблемами лексикографии, терминоведения, словообразования, морфемики, вопросами нормы и кодификации, по его инициативе в 1999 году вышел первый выпуск Владимирского областного словаря, но в центре его научных

интересов всегда была грамматическая категория рода, о происхождении и функционировании которой в мировой лингвистической литературе никогда не было и нет единства взглядов, что придает особую актуальность и значимость многочисленным исследованиям А.Б. Копелиовича. Помимо кандидатской и докторской диссертаций и упомянутых выше монографий, эта проблематика была предметом рассмотрения в статьях и докладах на научных конференциях разных уровней, где первой заботой Августа Борисовича была идея собрать в одну секцию всех «родовиков», как он шутливо называл специалистов по категории грамматического рода, и обменяться мнениями по спорным вопросам. Он хотел знать мнение крупных языковедов по интересующей его проблеме. Помню, как порадовал его сочувственный отклик выдающегося американского и шведского слависта Генрика Бирнбаума: «Может быть, Вы правы с Вашей синтагматической теорией рода», как вдохновил его благожелательный отзыв профессора Валерия Васильевича Иванова о статье «Формирование родовых отношений на базе форм именного склонения в древнерусском языке» (НДВШ. Филологические науки. 1985. № 2. С. 38–43), как благодарен он был академику Борису Александровичу Серебренникову за совет обратиться к Виктору Алексеевичу Виноградову, в то время руководителю отдела африканистики Института языкознания АН СССР, где, как писал в своей статье «Теорема индоевропейского рода» Август Борисович, его «приняли дружелюбно и внимательно отнеслись к его докладам о проблемах происхождения и развития индоевропейского рода» (Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI международной научной конференции. Владимир, 2015. С. 216).

При изучении трудов А.Б. Копелиовича нельзя не отметить их характерных особенностей. Первая из них – это убежденность автора в адекватности полученных им результатов и выводов реальному положению вещей – по крайней мере, в индоевропейских языках; вторая особенность – это полемическая заостренность изложения и нетрадиционная трактовка проблем, которые, казалось бы, давно обсуждаются в лингвистике, например, в предложениях типа *Ребенок читает интересную книгу между книгу и интересную* обычно усматривают связь согласования в роде, числе и падеже. Август Борисович полагал, что в составе именной группы *интересную книгу* к компетенции внутренней синтагматики, действительно, имеют прямое отношение согласовательные категории рода и числа, а категория падежа имеет отношение уже

к внешней синтагматике, так что именная группа *интересную книгу* целиком обязана управлению, причем не только форма вин. падежа существительного *книгу*, но и вин. падежа прилагательного: *читает (интересную книгу)*. Категория падежа не является согласовательной; между *интересную* и *книгу* отношения параллелизма по категории падежа и подчинения – по роду и числу. Ср. в предложениях с дуплексивами: *Я помню её молодую*, где род и число прилагательного – от согласования с *её*, а вин. падеж – от управления: *помню её, помню молодую*.

В самом конце 1998 года во Владимирском педуниверситете вышел международный сборник научных трудов «Филология», посвященный 70-летию проф. Александра Борисовича Пеньковского, где была опубликована статья Августа Борисовича «Синтагматика форм. Согласование и параллелизм» (с. 109–118). Я послал этот сборник многим знакомым лингвистам, в том числе проф. Лилии Дмитриевне Чесноковой, которая в письме от 29 апреля 1999 г. писала: «С большим вниманием прочла статью А.Б. Копелиовича, очень интересно, у него всегда оригинальные мысли. У меня есть две статьи по этому вопросу... И в чем-то наши мысли перекликаются. Это очень радует».

Умение Августа Борисовича увлекательно, живо, стилистически безупречно излагать самые трудные вопросы грамматики отмечала проф. Елена Сергеевна Скобликова.

Август Борисович был не только глубоким и разносторонним ученым, но и талантливым, блестящим преподавателем (стаж его преподавательской работы – 61 год: 24 года в школе и 37 лет в вузах). Он был исключительно трудолюбивым, обязательным, надежным, дисциплинированным, ответственным, доброжелательным, скромным, отзывчивым человеком, глубоко преданным науке и делу народного просвещения, много и плодотворно занимался со студентами и аспирантами. Его любили, высоко ценили как товарищи по работе, так и студенты и аспиранты. Приведу некоторые высказывания студентов (газета «Владимирские ведомости» от 17 декабря 2004 г.): «Один из корифеев нашего университета, прекрасный преподаватель»; «Строгий, но справедливый, настоящий рыцарь»; «Интеллигентный, тактичный, эмоциональный человек»; «Очень душевный человек, всегда отстаивает свою точку зрения»; «Всегда объективен по отношению к студентам – всем воздает по заслугам».

Август Борисович был прекрасным семьянином, главой большой и дружной семьи, любящим мужем, отцом, дедом и прадедом.

Школьный учитель и университетский профессор он не только учил, но и всю жизнь учился, был «вечным студентом». Он ушел из жизни 25 января 2015 года, в Татьянин день, День российского студенчества. Вечная ему память!

ПЕТРОВ Александр Владимирович (*Симферополь, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
liza_nada@mail.ru

ВКЛАД ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ НОСКОВОЙ В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ

Знакомство с научным наследием Валентины Владимировны Носковой поражает глубиной проникновения в материал, разносторонностью затрагиваемых лингвистических проблем, связанных с фонетикой, лексикологией, этимологией, лексикографией, словообразованием. Перед нами предстает не только ученый со сложившимся направлением исследования, но и популяризатор науки, методист, педагог, ратующий за историзм в преподавании русского языка в школе и в вузе. Изучая работы Валентины Владимировны, проникаешься любовью к родному краю, по-новому понимаешь роль краеведения в воспитании и просвещении молодого поколения, видишь сподвижника, призванного делиться с окружающими знаниями и увлеченностью русским словом.

Остановимся на ономастическом направлении исследований ученого, характеризующемся актуальностью, современностью и широтой видения ономастических проблем, спроецированных, прежде всего, на осмысление коннотативности географических названий.

Много внимания Валентина Владимировна уделяла изучению сельской и городской микротопонимии, связанной с официальными и неофициальными названиями. Важными являются следующие теоретические постулаты, которым следовала В.В. Носкова:

- неофициальные названия членятся на группы с точки зрения их распространенности среди различных групп населения [2: 116];

- неофициальная микротопонимия характеризуется синонимичностью, при этом разные наименования одного и того же объекта могут быть выражены разными, не связанными друг с другом единицами... или же обнаруживать родство [2: 118-119];

- неофициальные названия близки к мотивирующим их именам нарицательным, поэтому онимизация очень непоследовательно отражается в орфографии, что отражает их промежуточное положение между именами нарицательными и именами собственными [2: 120];

- появляются хронологические варианты названий, и это влияет на формирование новых парадигм онимов [5: 138];

- в топонимике актуальны все четыре способа словопроизводства – лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический [7: 150].

В конце 80-х – начале 90-х годов на кафедре ВГПУ был организован семинар «Владимирская топонимия». С 1992 г. Валентина Владимировна и специализанты кафедры включились в работу, согласно программе, составленной научно-просветительским обществом «Энциклопедия российских деревень». Накопленный материал по ономастической переписи сельских поселений уже к 1999 г. предполагалось распределить по словарям разных типов, что было намечено в одной из публикаций: 1) историко-топонимический словарь, 2) словарь микротопонимов Владимирского края, 3) ономастическая перепись сельских поселений (антропонимы, фамилии, личные имена, прозвища, хрононимы, зоонимы), 4) словари городской микротопонимии [4].

В списке трудов В.В. Носковой значится и подготовленный в рукописи «Топонимический словарь Владимирской области», который предлагаем кафедре русского языка издать уже в ближайшее время.

Валентина Владимировна – человек с глубинным чувством благодарности к своим ушедшим учителям и наставникам, словом и делом воскрешающий память о них. Одну из статей ученый озаглавила как «"Забытый" онома-

толог из Муром (К 100-летию со дня рождения В.И. Тагуновой)» [6]. Благодаря В.В. Носковой и другим неравнодушным людям не забыта Варвара Ивановна Тагунова, «хранительница слова», диалектолог, ономатолог, историк языка, защитившая в 1949 г. кандидатскую диссертацию «Муромские говоры» и более двадцати лет руководившая кафедрой русского языка и литературы Муромского государственного педагогического института. Под ее руководством студенты обследовали местные деревни, что дало богатый материал для 6 тома диалектологического атласа СССР: <http://op.imja.name/biografii/tagunova.html>.

В 2005 г. при непосредственном участии Валентины Владимировны во Владимире вышла книга о лингвистическом наследии В.И. Тагуновой [1]. Нет, не забыт ономатолог из Муром! Как не забыта и ее ученица из Владимира!

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистическое наследие В.И. Тагуновой: материалы для лингвокраеведческой работы студентов-филологов и учителей русского языка и литературы / М-во образования и науки Рос. Федерации, Владим. гос. пед. ун-т, Каф. рус. яз.; [сост. В.В. Носкова]. Владимир: ВГПИ, 2005. 147 с.

2. Носкова В.В. Заметки о неофициальной микротопонимии города Владимира // Воронинские чтения. Владимир, 1995. С. 113–120.

3. Носкова В.В. К вопросу о коннотативности географических названий (по материалам Владимирской топонимии) // Актуальные проблемы изучения народных говоров. Материалы конференции. Арзамас, 1996. С. 88–90.

4. Носкова В.В. Региональные словари собственных имен Владимирского края // Ономастика Поволжья. М., 1997. С. 144–156.

5. Носкова В.В. Новые парадигмы владимирских онимов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конференции. Владимир, 1999. С. 138–141 (В соавторстве с В.М. Савиной).

6. Носкова В.В. «Забытый» ономатолог из Муром (К 100-летию со дня рождения В.И. Тагуновой) // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли. Материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2003. С. 21–30.

7. Носкова В.В. Способы образования и основные структурные типы и модели владимирских топонимов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной научной конференции. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 146–150.

АБРАМОВА Елена Алексеевна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ingaabramova2011@mail.ru

РЫКИН Евгений Юрьевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАССКАЗОВ С.К. НИКИТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются способы и средства выражения субъекта повествования в творчестве замечательного владимирского писателя С.К. Никитина, отмечаются особенности функционирования в художественном тексте грамматической категории лица.

Ключевые слова: текст, грамматическая категория лица, формы 1-го лица, автобиографический жанр, пейзаж, грамматические средства выражения.

Abstract. The article examines the ways and means of expressing the subject of the narrative in the work of the remarkable Vladimir writer S.K.Nikitin, the features of the functioning of the grammatical category of the person in the literary text.

Keywords: text, grammatical category of the person, forms of the 1st person, autobiographical genre, landscape, grammatical means of expression.

Язык художественного произведения связан с творческим началом, «композиционно-речевая структура текста всегда личностна...» [4: 358], эстетическое «преобразование» в тексте характерно для любого его компонента и несет на себе «отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля его творца» [4: 358]. Усложненная структура текста, выделение в нем разных субъектно-речевых планов отражает не только интенции автора, но и жанровое своеобразие произведения, характеризует индивидуальный стиль писателя как особую систему семантико-грамматических форм в словосочетании, предложении и связном целом.

Творчество замечательного владимирского писателя Сергея Константиновича Никитина неизменно привлекает внимание исследователей, отмечающих, что оно «очень самобытно» [3: 42], подчеркивающих мастерство писателя как рассказчика. Этому способствуют особенности выражения авторства в такой малой повествовательной форме, какой является рассказ. Коммуника-

тивная основа любого произведения базируется на такой грамматической категории, как категория лица, определяющей «все структурное многообразие русской речи» [5: 91]. В древнерусской литературе местоимения *я* (*азъ*, *язъ*) и *мы* использовались редко. Но на последующих этапах развития литературы авторское начало выходит на первый план (в том числе и личность автора). Пожалуй, первым, кто довольно часто использовал местоимение *я* в авторской речи, был протопоп Аввакум. Необходимо отметить, что *азъ* – это не только местоимение, но и название первой буквы старославянского алфавита. Наверное, по этой причине данное местоимение в XI–XIV веках использовалось более широко, чем лексемы с тем же значением *я* и *язъ*. Г.Ю. Филипповский отмечает, что местоимение *азъ* употреблялось «в качестве документирующего фактографического представления писца или писателя-автора текста» [6: 61] (например: *Се азъ Мьстиславъ Володимир сынъ...повелель есмь...* – начало грамоты князя Мстислава Владимировича). Местоимение *азъ* также входило в состав некоторых формул-синтагм (например, *Се азъ+личное имя* – формула использовалась в начале деловых документов; *азъ грешныи*). Ещё данное местоимение использовалось, как правило, в начале текста житий и проповеднической литературы с целью подчеркнуть христианскую смиренность автора путём самоуничужения, например, «Поучение Владимира Мономаха» начинается так: *Азъ худый дедом своимъ Ярославомъ...* По наблюдениям Г.Ю. Филипповского, местоимение *азъ* в данном произведении встречается в духовном контексте (например, *О многострастный и печальны азъ!*), в то время как синонимичное местоимение *язъ* включалось в сообщения более ординарного плана: *Оже бо язь от рати, и от зверя, и от воды, от коня спадаися...* [6: 65]. Можно предположить, что *я* подчёркивает личностное начало (потому данное местоимение и было неупотребительно в авторской речи в древнерусский период), а местоимение *азъ*, совпадающее с названием первой буквы алфавита, имеет глубокую символику, связанную с началом вообще. В прозе XIX–XX вв. композиционно-речевой план произведения опирался на такие категории текста, как повествовательная точка зрения, субъект речи, тип повествования и др., отмечалось, что «все возрастающую роль в художественном тексте играет точка зрения персонажа» [2: 92].

Взаимоотношение местоимений *я* и *мы*, как известно, не указывает на множественность говорящих, а выражается в некоторых значениях: ‘я и еще

кто-то', 'группа лиц, среди которых находится говорящий' и др. В структуре художественных текстов С.К. Никитина эти значения эстетически мотивированы как конструктивные элементы целого, они определяют различия в индивидуально-композиционном воплощении художественного замысла, предопределяют смысловую завершенность текста. В рассказе «Снежные поля» рассказчик-персонаж («говорящий», повествующий) соотнесен с глагольными формами двух типов, намечающих в рассказе две «параллельные» линии: это глаголы конкретного физического действия (...*пришел... лежу, свесив голову, ... спускаюсь... выбираю валенки... надеваю... выхожу... иду... слышу* и т. д.), которые как бы «стягивают» сюжетную линию повествования, и глаголы мыслительной деятельности и чувственного восприятия (... *сам неотвязно думаю... кажется мне... кажется какой-то раняще обнаженной... не хочется... ощущается как тяжесть... чувствуется... странно было видеть* и т. д.). Сюжетообразующие функции глаголов первого ряда обеспечивают выделение в рассказе глаголов второй линии, то есть «пути» духовного постижения действительности. В композиции данного текста значим заключительный абзац, в котором я повествователя заменено на *мы* (со значением группы действующих лиц: *мне по пути с ними, рассаживаемся в санях, наш угретый живым теплом возок, в груди наших тел*). Эта замена выражает основную художественную оппозицию рассказа: *пустому звону, оцепеневшей от холода ночи* противопоставляется иное – *тепло и уютно, теснее друг к другу, трогаем, думается уже спокойно и грустно, березки-свечечки стоят над суглинистым бугром*.

Мы с обобщающим значением также встречается в текстах писателя, например: ***Мы*** *восхищаемся красотой подвига-порыва, но есть неэффективный внешний подвиг самоотверженной любви на всю жизнь, за который люди еще не придумали награды ...* («Под старыми тополями»).

В целом ряде рассказов оппозиция «я – мы» (со значением «говорящий и кто-то еще») позволяет автору выделить объект описания: *я – старик Завьюжин* («Терновник»); *я – актер, Настя-кнопка* («Листопад в больничном парке»); *я – Гришка Ястребов* («Серпантин»), *я – лукавый старик* («Выздоровление»), *я – Алексей Ефимович Бударин, бакенщик* («Снежные поля»), *я – Федор Тряпкин, мой спутник, местный колхозник* («Чудесный рожок»), *я – один человек, знакомый мне* («Блистающий мир») и т. д.

Особой сложностью, как считают исследователи, обладает «многоликая форма 1-го лица», поскольку «от первого лица может говорить ...любое лицо» [1: 101]. Персонифицированный повествователь-рассказчик, формально представленный местоимением *я*, в рассказах С.К. Никитина чаще всего выступает непосредственным участником событий (как рассказчик-персонаж), и это усиливает достоверность изображения, так как перед читателем – наблюдатель, очевидец, свидетель, хроникер и т. д. На повествование от 1-го лица ориентируется автобиографический текст, текст воспоминаний, основанный на тождестве оценок автора и рассказчика. Жанрообразующими становятся глагольные формы так называемой семантики «припоминания», субъектно-речевой план рассказчика включает также лексические единицы, отражающие последовательность событий или характеристику определенного временного периода. Эта жанрообразующая глагольная форма в рассказе С.К. Никитина «Серпантин» вместе с другими речевыми средствами (ср.: *теперь уже далекий год... еще зимой в жарко натопленной и прокуренной редакции районной газеты... осенью оба были приняты в Литературный институт... летом мы разъехались на практику... в ту пору... из Москвы* и т. д.) выступает как особое средство выделения одного из ключевых абзацев: **Помню** нашу институтскую библиотеку, убереженную от всех поветренных изъятий... **Помню** Тверской бульвар в пурпуре и золоте осени, в пушистых снегопадах зимы и задумчиво-печально склоненную голову бронзового Пушкина в свете старинных граненых фонарей... **Помню** трепетную радость постепенного приобщения к искусству и знанию через книги, лекции, встречи, товарищеские споры, литературные удачи и разочарования... («Серпантин»).

Но есть в прозе писателя и «особенное» лицо. Как известно, любая жанровая форма предполагает «описание наиболее устойчивых, регулярно повторяющихся содержательных и формальных признаков» [2: 25]. Таким «признаком» рассказов С.К. Никитина являются пейзажные зарисовки, функционирующие как особые контексты, фоновые описания, самостоятельно действующий персонаж и т. д. Сам писатель определяет свое философское кредо следующим образом: *Я твердо верю, что путь к природе – это путь к прекрасному не только вне себя, но и в себе* («Голубая планета»). В этом случае *я* повествователя выступает не только как субъект речи, но и как объект самопознания. Описание природы занимает в некоторых рассказах С.К. Никитина начальные абзацы, создавая впечатление единства автора и рас-

сказчика, раскрывая перед читателем мировоззренческие и нравственно-этические положения. Так, автобиографический рассказ С.К.Никитина «Поэма» начинается с описания ялтинской весны «того года», занимающего 1 и 2 абзацы начала повествования, затем (3 абзац) вводится субъект повествования: *Алексей Фатьянов и я*, в дальнейшем замещаемый местоимением *мы* (*к морю мы спускались... больше по душе нам... работали мы по утрам... и т. д.*). Имя знаменитого поэта неслучайно занимает начальную позицию (ср.: *я и Алексей Фатьянов*), что, на наш взгляд, свидетельствует об особенно теплых, дружеских отношениях между С.К. Никитиным и А.И. Фатьяновым, фраза «*Ах, Клязьма-речка, подкажи словечко...*» одного перекликается с суждением другого «*Писание – черновая работа*». Другой рассказ («Встреча с мудростью»), где субъект повествования *я* указывает на реальное лицо, имеет совершенно иной зачин: *С Михаилом Михайловичем Пришвиным я встречался дважды. Вторая встреча была мимолетной, первая же – долгой – и удержалась памятью в мельчайших подробностях, как будто происходила вчера.* Субъектно-речевой план, помимо последовательного ряда временных «вех» (*в тот вечер, в продолжение всего вечера, в то время, нынешней весной, в тот вечер (17 апреля 1952 года), тогда в Коврове*), а также специальных слов (*удержалось в памяти... запомнился... еще раз и др.*), содержит эмоционально-оценочные элементы (*и Пришвин в полной мере обладал этой способностью... сам он, казалось мне, обладал тем неоценимым качеством... противоречия, которые, по-моему, всегда отличают натуру глубокую и мыслящую... потому что, мне кажется, не любить Пришвина нельзя... работал до рокового часа*).

Грамматические средства выражения форм 1-го лица описаны: это местоимения *я, мы* с соответствующими глагольными формами, притяжательные местоимения, побудительные и вопросительные предложения, эмоционально-восклицательные высказывания, высказывания с вводными словами и словосочетаниями [5: 92]. Изучив тексты рассказов С.К. Никитина, можно заметить, что на субъектно-речевой план говорящего в его рассказах указывают также повторы на лексическом, грамматическом и композиционном уровнях: *...его раздражало каждое слово, каждое движение Лопухова* («Гроза»); *...бревна все валилось и валилось и, наконец, ткнуло Афанасия в спину* («Гроза»); *... скоро, должно быть, очень скоро дикий лес и одичавшие сады сомкнутся* («За лесами, за долами...»); *Не знаю ничего упоительней ходь-*

бы належке босиком в жаркий летний день по такой дороге, когда между пальцами пыхает пуховая горячая пыль, а кругом во ржи свиристят, куют и пият неугомоны-кузнечики. Но осень, осень, во всем осень, и в росе, должно быть, холодна, как сырое полотенце... («Терновник»). В последнем тексте явно ощущается близость повествователя к предмету речи, то есть присутствие субъектно-речевого плана рассказчика-персонажа. В качестве грамматического средства выражения речевого плана говорящего можно рассматривать и особые синтаксические конструкции с семантикой уточняющих членов предложения, выделяемых глубокими интонационными паузами, графически – парными знаками препинания (*Возможно, в парнях он был и хорош собой – рослый, с крупными правильными чертами лица, – но теперь от запойной жизни припух весь...* («Коптителъ»). Обращают на себя внимание и такие средства, как инверсия, риторические вопросительные и восклицательные предложения, речевая антонимия и т. д.

Структурные и семантические особенности организации языкового материала в рассказах С.К. Никитина позволяют литературным критикам говорить о «культуре фразы, детали, композиции» [7: 252], оригинальность произведения может обнаруживаться также в различных способах организации авторского повествования, в соотношении и речевой реализации не только лексических единиц, но и грамматических форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие. М.: «Логос», 2003. 173 с.
2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
3. Лапшин М.А. Мастерство Сергея Никитина – рассказчика. Русская речь. 1977. № 6. С. 115-122.
4. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. 703 с.
5. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учебное пособие. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2005. 256 с.
6. Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: Проблемы литературной поэтики: Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 119 с.
7. Чудакова М.О., Чудаков А.П. Искусство целого: Заметки о современном рассказе // Новый мир. 1963. № 2. С. 241-242, 250-254.

АВДИЙЧУК Екатерина Николаевна (Луганск, ЛНР, Россия)

ассистент
Луганский государственный педагогический университет
katerina.ism@yandex.ru

КОНЦЕПТ «МОЛИТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ О ВОЙНЕ НА ДОНБАССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления концепта «молитва» в современной поэзии о войне на Донбассе на примере поэтических сборников «Свете Тихий – Защитникам Отечества» и «Мы Выбираем мир! За Мир без нацизма...». Проанализированы примеры реализаций номинативной и эстетической функций концепта «молитва» в условиях индивидуальных мироощущений, представляющих собой грани русской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, «молитва», текст, лингвистическая цепочка, христианство.

Abstract. The article discusses the features of the use of the concept of «prayer» in modern poetry about the war in the Donbas on the example of the poetry collections «Sveta Tikhy – Defenders of the Fatherland» and «We Choose peace! A world without Nazism...». Examples of the realizations of the nominative and aesthetic functions of the concept of «prayer» in the conditions of individual worldviews representing the facets of the Russian language picture of the world are analyzed.

Keywords: concept, «prayer», text, linguistic chain, Christianity.

Тема военных действий широко распространена в творчестве поэтов Донбасса, ведь вооруженный конфликт коснулся каждого человека, кто не покинул родную землю. Поэзия о войне на Донбассе, являясь уникальным явлением в современном историко-культурном процессе, привлекает повышенный интерес со стороны исследователей. Это особая поэзия, которая актуализирует национально-культурные ценности русского народа, поднимает образ русского солдата, защищающего свое Отечество, на высокий уровень общественного сознания. Эти тексты призваны вдохновлять воинов, поддержать их моральный дух, а также помочь современному человеку найти те духовно-нравственные ориентиры, которые проясняют глубинные смыслы происходящих исторических процессов. Безусловно, чтобы достичь цели, поэты закладывают в основу своих текстов культурологически значимые для русского человека концепты – содержательные единицы коллективного сознания, отражающие национальную память носителей языка [4: 43]. Концепт, по свидетельству Н.Д. Арутюновой, является результатом взаимодействия фольклора, религии, национальных традиций, ощущений и ценностей; это своего рода

аналог мировоззренческих терминов, которые закрепились в языке и способствуют трансляции духовной культуры народа [1: 3-6]. Концепты как культурно значимые и ценностные понятия становятся смыслообразующим компонентом поэзии, поднимают важнейшие культурологические смыслы, воздействующие на читателя и дающие автору возможность опереться на эту коллективную память народа.

Русский человек так устроен, что когда его настигает несчастье или он нуждается в помощи, то он обращается с молитвой к Богу, так как русская душа не может существовать без веры. Цель нашей статьи – проанализировать концепт «молитва» в современной поэзии о войне на Донбассе.

Современные поэтические тексты о войне на Донбассе богаты и выразительны на всех языковых уровнях. Почти каждое стихотворение данной тематики включает какой-либо культурологически значимый концепт. Христианские идеи прослеживаются в текстах напрямую или имплицитно, но всегда реализуют в тексте смыслополагающую семантику [5: 554]. Тяжелые исторические потрясения показали, насколько сакральными для русского человека являются христианские идеи. Ведь долгий атеистически настроенный советский период во многом способствовал забвению или даже утрате прежних духовных ориентиров общества, но сейчас война, по сути, заставила многих людей вновь обратиться к христианству.

Анализ текстов показывает, что одним из наиболее частотных по употреблению является концепт «молитва». Он вербализуется в различных вариантах, как прямое обращение к Богу, к святым с просьбой о помощи, как призывы к людям о необходимости ее совершения, как упоминание церковных атрибутов, артефактов, имен собственных, связанных с молитвой и под. Материалом для анализа стали тексты сборников «Свете Тихий – Защитникам Отечества» и «Мы Выбираем мир! За Мир без нацизма...». Далее речь пойдет о различных вербализациях концепта «молитва» в стихотворениях вышеупомянутых сборников.

В культурологическом восприятии молитва – установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым [6: 317]. Молитву называют беседой души с Богом. Согласно мнению святых отцов (св. Игнатий Брянчанинов), молитва бывает трех степеней: устная, умная и сердечная.

В поэзии о войне на Донбассе молитва наиболее часто встречается со значениями **«просьба о помощи», «духовная поддержка воинов»**, которая,

безусловно, отражает желание помочь воинам в тяжелых обстоятельствах, беспокойство близких о своих мужьях, сыновьях, например, Евгений Антипов в произведении «Мы с тобой, Донбасс!» использует строки: *«Нам поможет пусть молитва, Видит Бог дела...»* Поэт употребляет концепт «молитва» в значении «помощь Божия». Также автор использует инверсию в этой строке для усиления значения глагола. Людмила Деева в стихотворении пишет: *«Сыны Донбасса, я молюсь за вас / Чтоб малой кровью вам далась победа»*. В этом отрывке мы наблюдаем сквозную сочетаемость лексики «молитва» через предикат «молюсь». Данная цепочка показывает единение и поддержку народа своих защитников. Похожую модель мы видим у Артёма Миронова в стихотворении «Защитникам»: *«Победы вам, ребята, / Мы молимся за вас»*. Из контекста становится понятно, что речь идёт о солдатах российской и добровольческой армий, наших защитников. Данная лингвистическая цепочка формирует ощущение всеобщей поддержки нашей армии. С ним связано следующее значение – **«молитва как единение всего народа»**. Например, в стихотворении Ларисы Даншиной «Спасибо, Россия!» читаем: *«Мы молимся Богу. Свечу / За здоровье всем зажигаем»*. Строки ретранслируют идею объединения усилий тыла в молитве за «всех». Для усиления образа поэтесса использует также сакральный образ свечи, которую зажигают о здравии во время богослужения как символ соборной молитвы церкви.

«Молитва как спасение от беды, опасности, смерти воина на поле сражения» – строки из произведения «Первый марш-бросок» писателя-солдата Ивана Асвальда свидетельствуют об этом: *«Отвела молитва Смерть куда-то в бок...»*. Мы можем говорить здесь о реальной силе молитвы, о ее помощи в реальной жизни. Прочитавший эти строки солдат почувствует поддержку Всевышнего, уверенность в правильности действий, что даст ему силы и мужества для борьбы.

«Молитва как ожидание, надежда на мир» прослеживается в строках стихотворения «Мы столько лет стояли за Россию...»: *«Вымаливали Божий мир слезами, / Которым верила на этот раз Москва»*. Слово «вымаливать» обладает более высокой степенью эмоционально-экспрессивной окрашенности по сравнению со словом «молить». Оно призвано подчеркнуть сложность сложившейся ситуации для людей, обратившихся со слезами и отчаянной надеждой к Богу. Похожую смысловую модель создаёт в стихотворении «На войне бойцу не страшно» Марк Некрасовский: *«Плачет кровью Божья Ма-*

ть, – Отмолить пытаясь мир...» Автор употребляет глагол «отмолить» в сочетании с существительным «мир», соотнеся данное сочетание с объектом «Божья Матерь». Такая лингвистическая цепочка создаёт не просто ощущение общенародной молитвы, а понимание того, что святые также пытаются помочь людям, «вымаливая» мир. Людмила Деева в своих строках призывает к молитве «старцев». Становится очевидным, что поэтесса призывает к молитве представителей церкви вне зависимости от ранга и уровня власти: *«Молитесь, старцы, чтоб народ / Мог в схватке выстоять смертельной, / И полнился б любой приход / Молитвами и песнопеньем!»* Деева употребляет глагол «молитесь» в форме повелительного наклонения в сочетании с существительным «старцы», что придает ее высказыванию форму побуждения, крайней необходимости выполнения данного действия. Лингвистическая цепочка «молитесь, старцы», «смертельная схватка» в данном контексте обретает сакральный смысл, поскольку для читателя имплицитно между строк вкладываются образы русской истории, когда в тяжелые времена святые «вымаливали» победу русского оружия и спасали Россию от неминуемой гибели. В этом контексте молитва воспринимается также как **«символ и духовная защита русской земли»**. Находим продолжение данного образа в следующих стихотворениях Светланы Тишкиной «Не злорадствую, не смеюсь...»: *«Из намоленных русских стен / Всех бандеровцев разом выбило»*. Устойчивое сочетание «намоленные стены» создает образ несокрушимой силы русского духа, исторической связи Руси с православием.

«Молитву как ожидание помощи свыше» создает в своем произведении «Солдату» Людмила Баланенко: *«Молюсь я Богу за тебя, ... И пусть Господь благословит, Мечом духовным наградит...»*. Такая цепочка позволяет проиллюстрировать близость каждого из нас здесь в тылу к конкретному солдату на фронте. Светлана Тишкина в произведении «А мы уже признания не ждали...» пишет: *«Всеобщая мольба вбирала силу – И содрогнулось от масштабов зло»*. Выбор слов направлен на моделирование образа всемогущей силы всеобщей молитвы, от масштабов которой «содрогается зло».

«Молитва как очищение от грехов и надежда на новую мирную жизнь». У Людмилы Баланенко в стихотворении «Украина в огне» видим следующую образную модель: *«Будь цветущей соборной и чистой. / Весь народ молит Бога о том, / Чтоб тебе разум дал, вдохновенье. / Вседержитель, пошли благодать / И прости все её прегрешенья»*. Такой образно-

ассоциативный ряд даёт возможность сказать об отсутствии злобы и о желании возобновить мир для всех сторон конфликта. Алексей Полубота в произведении «Из цикла «На жгучих полях Новороссии» пишет: *«Донецк в дыму, / Донецк в беде, Горят дома, деревья, души... / Небесной молимся Воде, / Чтоб страшный был пожар потушен»*. В данном контексте создается образная модель: «пожар» – это война, боевые действия, а способ их «потушить» – это «небесная вода» – образ дождя, т. е. Божией благодати, испрошенной в молитве о мире.

Таким образом, актуализация авторами стихотворений о войне на Донбассе концепта «молитва» свидетельствует о глубоких познаниях глубинных смыслов русской – православной в своей основе – культуры. Поскольку именно они становятся важнейшим средством духовной борьбы русского воина, а шире – русского народа против нацизма. Именно концепт «молитва» становится смыслообразующим компонентом текстов о войне, поскольку обладает важнейшей ценностно-ориентированной для русского человека коннотацией. Он формирует в его сознании доминантные категории мироощущения. Анализ концепта в творчестве современных поэтов обнаруживает огромный потенциал, используемый для создания экспрессивно-эмоциональных, образных текстов, их многоуровневого, ассоциативного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н.К. Рябцевой. М.: Наука, 1993. 176 с
2. Аверенцев С.С. На перекрестке литературных традиций // Религия и литература. Сборник статей. Анн-Арбор: Эрмитаж, 1981. С. 34-67.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
4. Бабушкин А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология : Монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.
5. Мокиенко В.М. Библиейские мотивы в современной поэзии Донбасса // Quaestio Rossica. СПб. Т. 5. 2017. № 2. С. 552-566.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка : Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1989. 750 с.

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
alekseevav@mgpu.ru

ДРЕВНЕРУССКОЕ СЛОВО *СМЪРДЪ*: СООТНОШЕНИЕ НОМИНАЦИИ И КОННОТАЦИИ

Аннотация. Анализируется употребление в древнерусском языке юридического термина *смърдъ*. Показана динамика лексического значения, в котором совмещаются номинативные признаки 'свобода', 'зависимость' и коннотативные признаки 'хозяйство', 'христианство'. Рассмотрена экспликация этих признаков в различных текстах.

Ключевые слова: древнерусский язык, культурная коннотация, культурная значимость слова, номинация, *смерд*.

Abstract. The use of the legal term *smerd* in the Old Russian language is analyzed. The dynamics of lexical meaning, in which the nominative signs 'freedom', 'dependence' and connotative signs 'economy', 'Christianity' are combined, is shown. Explication of these features in various texts is considered.

Keywords: Old Russian language, cultural connotation, cultural significance of the word, nomination, *smerd*.

В.В. Колесов отмечал, что древнерусское употребление слова *смърдъ* отражало изменчивость социальных характеристик, но всё же «смерды были свободными крестьянами» [1: 132]. В отношении номинативных свойств слова *смърдъ* остается вопрос о степени такой свободы, о месте *смърда* в базовой оппозиции *моужа* и *холопа*. В плане коннотации требуется определение древнерусской культурной и эмоциональной оценки, выражаемой словом *смърдъ* – на фоне того, что отрицательная коннотация этого слова в современном русском языке (начиная со старорусского периода) не вызывает сомнений.

Текст «Русской Правды» показывает, что *смърдъ* при определении его социального статуса посредством виры может сближаться с холопом: *а за смерди и холопъ .ѣ. грѣнь* [2] – то есть штраф за убийство *смърда* не больше, чем за раба. В летописном тексте Владимир Мономах, обращаясь к дружине с укором, призывает: *то лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь* [2]. Причина конфликта здесь в том, что для воинского сословия, приближенных князя, *смърдъ* – это прежде всего часть податного хозяйства (*не верема веснѣ воевати: хочемь погубити 'погубим' смерды и ролью 'пашню' имъ*), источник обогащения. Между тем в Поучении Владимира Мономаха проявляются христианские культурные коннотации слова *смърдъ*: *и худаго смерда и оубогыѣ*

вдовицѣ не далъ есмь силнымъ вбидѣти, и цркѣнаго наряда и службы самъ есмь призираю [2]: смьрдъ является приниженным человеком, защищать которого – долг христианского правителя.

Между тем эмоциональной коннотации слово *смьрдъ* в древнерусских текстах не обнаруживает. В берестяных грамотах *смьрдъ* обозначает сельского жителя и, видимо, равноправного участника юридических споров: *а продаи клеветьника того, а оу сего смьрда възати игѣу... смьрди побити клеветьника [2]* – оскорбленные клеветой смерды имеют право (возможность) самостоятельно наказать несправедливого обвинителя; *жизнобоуде погоублене оу сычевиць, новъгородьске смьрде, а за ними и задница [2]* – *смьрдъ* обладает имуществом, которое может быть оставлено в наследство. Вместе с тем в Русской Правде юридические права *смьрда* в плане наследования оказываются ограниченными: *аже оумретъ смердъ, то задница князю... аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ [2]*.

Таким образом, древнерусское значение слова *смьрдъ* постепенно сдвигалось от указания на свободного земледельца к развитию признаков социальной зависимости. Культурная значимость слова была связана с местом *смьрда* в средневековом обществе, иерархия которого определялась христианскими религиозными категориями. Поэтому древнерусская коннотация слова *смьрдъ* еще не включала в себя пейоративных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.05.2021).

АЛЁШИН Алексей Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени
профессора Михаила Александровича Бонч-Бруевича
alexis001@mail.ru

ОСОБАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются русские паремии компаративной семантики, выражающие отношения логического объединения единиц в один класс по сходству признака, свойства, ситуации. Выделяются синтаксические разряды подобных паремий, случаи контаминации разных способов выражения сравнения.

Ключевые слова: паремия, пословица, рядоположенность, модель, менталитет.

Abstract. The article deals with Russian paroemias of comparative semantics, expressing the relations of the logical association of units into one class according to the similarity of a sign, property, situation. The syntactic categories of such paroemias, cases of contamination of different ways of expressing comparison are distinguished.

Keywords: paremia, proverb, juxtaposition, model, mentality.

Под паремиями компаративной семантики понимаются пословицы и поговорки, явно или скрыто выражающие сравнение. Структурные модели, выражающие сравнительную семантику русских пословиц, классифицировались в работах С.Г. Лазутина [2] и Е.К. Николаевой [3]. Что касается разницы в количестве выделяемых указанными исследователями разрядов пословиц компаративной структуры, то следует отметить, что в зависимости от конкретной тематической группы паремий этот параметр может варьироваться, в разных тематических группах могут преобладать различные модели. Пословицы компаративной семантики подвергались и сопоставительному исследованию. Так, исследовались компаративные пословицы о родственных отношениях в русском, тувинском и шведском языках [1].

Для русских паремий компаративной семантики больше характерны эксплицитные способы выражения сравнения с помощью сопоставительных союзов «как» и «что», например: *Старый, что малый, а малый, что глупый; Уплыли годы, как вешние воды*. Второй по частотности моделью являются сложносочиненные предложения с противительным союзом «а», например: *Незрел виноград – не вкусен, а молод человек – не искусен; Молодость да красота на время, а сердце – на век*.

Цель данной статьи – проанализировать достаточно редкую для русских пословиц модель логической рядоположенности, представляющей собой имплицитный способ выражения сравнения. Под логической рядоположенностью понимается объединение в сознании носителей определенной лингвокультуры двух субъектов из различных денотативных сфер путем выявления у них общего признака или общей характеристики, обозначаемых предикатом в синтаксической модели паремии.

Объектом исследования являются около 40 русских паремий, отобранных приемом сплошной выборки материала из сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Под паремиями понимаются пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения, входящие в сборнике в различные тема-

тические группы. Рядоположение играет большую роль в отражении национального менталитета, эта когнитивная операция входит в значимую оппозицию, позволяющую отнести людей или предметы к одному классу, роду, группе или к категории тех, что нельзя приравнивать друг к другу (последний член оппозиции у В.И. Даля характеризуется выражением *Кирик и Улита* – «о двух неровных людях или вещах»). Таким образом, рядоположение выполняет функцию познания нового через объединение его с чем-то давно известным по определенным признакам, свойствам, ситуациям.

Чаще всего в русских поговорках рядоположенными оказываются два субъекта, соединяемых союзом «да»: *Киселю да царю всегда место есть; На тухлое да на горькое нет приправы; Прибыль с убылью в одном дворе живут; Ловец да чернец и по ночам мало спят*. Предикат может быть вынесен в препозицию: *Непрочные хоромины – баня да овин; Бык да теля (кобыла, жеребя) – одна родня*. В ряде случаев сопоставляемые и относимые к одному классу предметы или явления персонифицируются: *Барыш с накладом в одних сапожках ходят; Прибыль с убылью в одном дворе живут*.

Рядоположаемые субъекты могут получать конкретизированное описание, быть маркированными по какому-либо признаку, например: *Конь с запинкой да мужик с заминкой не надорвутся*, т. е. не торопящиеся, не спешащие, медлительные конь и мужик; *Приданным животом, да наказанным умом не долго проживешь* – в данном случае конкретизация достигается через признак 'не свой' – не свое имущество, не собственный ум.

Реже встречаются три сопоставляемых, рядоположаемых субъекта: *Пиво с кваском (с кислотой), лошадь с запинкой да человек с ленцой два века живут; Ружья, жены и собаки на подержание не дают; Любви, огня да кашля от людей не спрячешь / не утаишь*.

В этих случаях предикат также может находиться в препозиции: *За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену; Не закладывайся: за овин, за мерина да за жену* (В.И. Даль приводит пояснение: «сгорит, убьет, согрешит»). Поговорки русского языка часто опускают основание для сопоставления, полагаясь на пресуппозицию носителя языка: *Женская ласка да морская затишь* (одинаково ненадежны); *Молчан-собака да тихий омут* (опасны); *Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг* (не надежны); *Барский гнев да барская милость* (равно опасны).

Часто в паремиях с рядоположенностью элементов употребляется императив глагола, выражающий предостережение или совет: *Хлеб-соль да камень за пазухой носи; С водою, с ветром да с огнем не дружись* (пояснение В.И. Даля: «а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь»); *За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену; Берегись его, как берегутся огня да воды; Не хвали / не угадывай пива в сусле, а ржи в озими; Никого так не бойся, как сытой собаки да голодного человека.*

Иногда рядоположение имеет вербальное обозначение, например, с помощью вводных слов «все едино»: *Всё едино, что хлеб, что рябина: оба кислы.* Или с помощью обобщающих слов: *Бык да теля (кобыла, жеребя) – одна родня.*

В ряде случаев можно отметить контаминацию различных способов выражения сравнения. Например, наряду с рядоположением наличия друзей и связей как средства достижения успеха в паремии используется прямое выражение сравнения с помощью сравнительного союза «что». Правая часть паремии при этом поясняет левую: *Без друзей да без связи, что без мази: скрипит, негладко, ехать гадко.* Таким образом обрисовывается целостная ситуация-фрейм в сознании говорящего и слушающего, правая часть паремии раскрывает прямой смысл выражения, рисует ментальную картинку едущей несмазанной телеги. Подобным же образом характеризуются и рядопологаемые вестовщик и переносчик, сравниваемые эксплицитно при помощи союза «что» с перевозчиком через реку: *Вестовщик да переносчик, что у реки перевозчик: надобен на час, а там и знай нас.* В данном случае в организации паремии задействована также и рифма.

Логическое рядоположение может быть представлено в предложениях тождества: *Простота, чистота, правота – наилучшая лепота; Кресты да перстни те же деньги.*

Тематически можно выделить характеристику священнослужителей, особенно попа и чиновников-приказных, которые в народной мудрости получают негативную оценку и высмеиваются. Так, поп оказывается рядоположенным с петухом, вором, дьяком и неправедным судьей, а приказный с козлом: *Поп да петух и не евши поют; Попу да вору – все впору; Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями; Козел да приказный – бесова родня.*

Таким образом, непродуктивная модель паремий компаративной семантики представляет интерес для исследования предпочтений русской менталь-

ности, системы ценностей русской лингвокультуры и требует дальнейшего исследования на более обширном материале, в том числе и в плане сопоставления с другими языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных поговорках тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022, №1. С. 131-145.
2. Лазутин С.Г. Сравнения в поговорках и пословицах // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. 1986.С. 3-9.
3. Николаева Е.К. Устойчивые сравнения в русских поговорках // Проблемы истории, филологии, культуры: научный журнал РАН / Под ред. М.Г. Абрамзона. Вып. 3 (29). Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик», 2010. С. 238-245.

АРИСКИНА Ольга Леонидовна (Саранск, Россия)

доктор филологических наук, доцент, профессор
Мордовский государственный университет
имени Николая Платоновича Огарёва
ariskina@list.ru

ТРИ СВЕТСКИХ ПУТИ БУДУЩЕГО СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ КРЫМСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЕГО АВТОБИОГРАФИИ «Я ПОЛЮБИЛ СТРАДАНИЕ...»)

Аннотация. В статье рассматриваются светские пути, по которым мог пойти будущий Святитель Лука Крымский, в миру – Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, (1877–1961). Мы выявили три пути: путь художника, путь философа, путь врача. Новизна работы заключается в том, что впервые была предпринята попытка анализа концепта «Путь» в дискурсе Св. Луки Крымского. Большое внимание проявлено к языковым средствам, выражающим оценку. Благодаря этому выявлены шкала «любви / нелюбви», шкала «веры», шкала «я / другие». В перспективе будет исследован концепт «Путь» религиозного деятеля, епископа Луки.

Ключевые слова: языковая личность, языковая личность наставника, концепт «Путь», Святитель Лука Крымский, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, оценочные средства языка.

Abstract. The article describes secular life experience that Saint Luke of Simferopol, mundanely known as Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky (1877–1961) could have. Three options were identified: «an artist», «a philosopher», and «a doctor». The novelty of the work lies in the fact that the «life journey» concept within the discourse of Saint Luke of Simferopol was analysed for the first time. In the article, great attention was given to the linguistic means that express evaluation. As a result, the following scales were identified: «love/antipathy», «faith», «myself/others». The “life journey” concept in connection with religious leader Bishop Luke will be examined in future research.

Keywords: linguistic persona, linguistic persona of a mentor, the «life journey» concept, Saint Luke of Simferopol, Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky, linguistic means of evaluation.

О Святителе Луке Крымском (Войно-Ясенецком) знают сейчас как верующие люди, желающие поехать в Симферополь, чтобы приложиться к мощам святого, призывающие его на помощь в сложные моменты жизни, читающие молитвы перед его святым образом в храме или дома, так и атеисты, интересующиеся медициной, историей. Возможно, знают его и представители искусства – художники, искусствоведы. Св. Лука – в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, (1877–1961) – был выдающимся человеком, вмещающим в себя «невместимое» и, казалось бы, совмещающим в себе несовместимое: художник, врач-хирург, ученый, получивший Сталинскую премию, епископ, прошедший тюрьмы, лагеря, ссылки.

Настоящая статья выполнена в рамках большого исследования по изучению языковой личности [2] выдающихся наставников: педагогов [6], ученых [3], [7], проповедников [1], коучей [4].

Цель данной статьи – выявить, как формировались в картине мира будущего Святителя Луки Крымского его жизненные пути, пока он был светским человеком. Материалом для исследования послужила его автобиография, в которой отразилась картина мира автора. По сути, мы сделали попытку проанализировать концепт «Путь» в дискурсе этого выдающегося человека, будущего Святителя.

В начале своей автобиографии Св. Лука рассказывает о родительской семье и о школьных годах, и здесь впервые встречается фраза: «... у меня была большая нелюбовь к естественным наукам, ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии и истории» [5: 5]. Как видим, автор использует определения для характеристики собственных чувств: *большая нелюбовь, ярко выраженный интерес*. На следующих страницах св. Лука пытается образно описать, что происходило с ним, когда он занимался нелюбимыми предметами: «Когда я изучал физику, химию, минералогию, у меня было почти физическое ощущение, что я *насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо*» [5: 8] или «Мозг, точно сжатый резиновый шар, *стремился вытолкнуть чуждое ему содержание*» [5: 8]. Интересны тропы (сравнения, олицетворения), которые использует автор. Казалось бы, этот путь должен закрыться для человека, который так описывает свое сопротивление естественнонаучному знанию. При этом он «*страстно увлекся этическим учением Льва Толстого и стал, можно сказать, завзятым толстовцем*: спал на полу на ковре, а летом уезжал на дачу, косил траву и

рожь вместе с крестьянами, не отставая от них» [5: 6]. Из текста видно, что молодой человек находился в поиске себя, «... усиленно размышлял о весьма трудных богословских и философских вопросах...» [5: 6]. Мы специально выделяем курсивом эпитеты, которые использует в своем дискурсе автор; получается на шкале любви / нелюбви с одной стороны стоят лексемы *страстно, увлекся, усиленно, завзятый*, а с другой – *чуждо, чуждый, насильно, вытолкнуть*.

Второй путь этого выдающегося человека – искусство. Будущий святитель был настолько увлечен живописью, что поступил в Мюнхене в частную художественную школу, но «тоска по родине *неудержимо* повлекла домой» [5: 5]. При этом к живописи его влекло «*неодолимо*» [5: 5]. «К этому времени я ясно понял процесс художественного творчества. Повсюду: на улицах и в трамваях, на площадях и базарах – я наблюдал все *ярко выраженные черты* лиц, фигур, движений и по возвращении домой все это зарисовывал» [5: 5-6]. Здесь для нас важно именно ясное понимание сути выбранного пути и интерес к человеку. Но и к толстовству его повлек интерес к человеку, желание быть рядом с простыми крестьянами. И именно здесь мы видим первое пересечение двух путей – искусства и философии.

По обычаю, вместе с аттестатом директор гимназии вручал выпускникам Новый Завет «как напутствие в жизнь» [5: 6], именно благодаря этому мы можем найти в тексте фразу: «*Правильное представление* о Христовом учении ... я вынес из *усердного чтения* всего Нового Завета... Очень многие места этой *Святой Книги*, сохранившейся у меня на десятки лет, произвели на меня *глубочайшее впечатление*. Они были отмечены красным карандашом» [5: 6]. Это «напутствие в жизнь» в виде Нового Завета помогло молодому человеку ясно увидеть суть толстовства: «...Мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение «В чем моя вера», *резко оттолкнувшее* меня *издевательством* над православной верой. Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий *от подлинного христианства*» [5: 6]. И вот еще одна шкала веры, на которой с одной стороны – *еретик Толстой, издевательство над православием, толстовство*, с другой – *вера, подлинное христианство, Новый Завет как напутствие, глубочайшее впечатление*. Но это еще был философско-нравственный путь, который выльется в путь веры, полный испытаний и страданий.

Причем путь веры берет свой исток не только в философско-нравственных исканиях, но и в поиске себя как художника: «В это время впервые проявилась моя религиозность. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах» [5: 5]. «Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью» [5: 5]. Автор сам называет этот творческий поиск «дорогой», «направлением», а Новый Завет «напутствием». Далее Св. Лука вспоминает: «Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов *молящихся людей*, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи» [5: 5]. И опять интерес к человеку, но не просто к человеку, а к человеку, находящемуся в диалоге с Богом, к божественной сущности человека как создания Бога.

Поиск себя в областях искусства, философии, как мы видим, был связан с эмпатией к человеку, однако это вылилось в совершенно неожиданное направление: «Недолгие колебания кончились решением, что я *не в праве заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей*» [5: 4]. Вот еще одна шкала «я / другие»: то, что *нравится себе – польза для других*, или желание – обязанность. Валентин Феликсович поступает на медицинский факультет, чтобы стать врачом и помогать людям, при этом если он раньше писал о нелюбви к естественным наукам, то теперь стал называть это чувство отвращением: «Это соответствовало моим *стремлениям быть полезным* для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но *поперек дороги стояло мое отвращение к естественным наукам*» [5: 8]. И однако «...на втором курсе мои товарищи единогласно решили, что я буду *профессором анатомии*, и их пророчество сбылось. Через 20 лет я действительно стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии» [5: 8]. Так начался путь в науку. Но цель была одна – помогать людям.

Нелюбовь и отвращение к естественным наукам под воздействием общего вектора пользы привели к тому, что уже на третьем курсе студент «*страстно увлекся изучением операций на трупах*» [5: 8]. Нелюбовь и отвращение переросли в страстное увлечение. Интересно, что будущий врач

сам отрефлектировал эту трансформацию: «Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма *тонко рисовать* и *моя любовь к форме* перешли в *любь к анатомии* и *тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах*» [5: 8]. И здесь уже нет шкалы с противостоянием, это прямая любви. И с любовью к делу и самоиронией звучит вывод: «Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии» [5: 8]. Конечно, из этого талантливого человека вышел бы замечательный художник, но он не хотел быть художником, не хотел быть ученым, он мечтал быть земским врачом и обижался, что окружающие не понимают его исключительной цели «*быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям*» [5: 10].

Путь врача был нелегким. «В *трудных и неприглядных условиях* я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии» [5: 11-12]. Вместе с самоотдачей и профессионализмом пришла и слава. Вот как об этом пишет автор: «*Чрезмерная слава* сделала мое *положение* в Любаже *невыносимым*. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для *огромной работы* и моих молодых сил [5: 13].

Все описанные пути – это пути Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, выдающегося врача и ученого, тонко чувствующего искусство, человека, склонного к философии.

И все названные выше пути вели его к основной миссии – к служению Богу. Еще в юности, читая Новый Завет, он «молча воскликнул: О Господи! Неужели у тебя мало делателей?! Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему» [5: 7]. Видимо, поэтому на слова Преосвященного Иннокентия «Доктор, вам надо быть священником» главный врач городской больницы Ташкента ответил, «ни минуты не размышляя»: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!» [5: 26]. В автобиографии Св. Лука пишет, что принял слова Преосвященного как «Божий призыв устами архиерея» [5: 26]. Этот путь, полный испытаний и страданий, требует отдельного лингвокультурологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арискина О.Л. Концепты «Сердце», «Душа», «Разум» в дискурсе игумена Никола Воробьева // Русский язык в поликультурном мире. Сб. науч. статей VI Международного симпозиума. В 2-х т. Т.1. Симферополь, 2022. С. 170-174.
2. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, N 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 15-18.
3. Арискина О.Л. К истории изучения языковой личности филолога: Аполлос // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020, № 25-1. С. 63-65.
4. Арискина О.Л. Ключевые концепты в дискурсе коуча XXI века // Русский язык в поликультурном мире. Сб. науч. статей V Международного симпозиума. В 2-х т. Т.1 Симферополь, 2021. С. 169-173.
5. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Я люблю страдание... М.: Неугасимая лампада, 2013. 128 с.
6. Ariskina O.L., Dryangina E.A. Expressiveness in the structure of the teacher's linguistic personality (a case study of K.D. USHINSKY) // Revista Inclusiones. 2020. Т. 7. P. 153-163.
7. Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (Speech: "Three Forces") // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Т. 25. № Extra 5. P. 39-50.

АРТАМОНОВА Марина Владимировна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladphilolog@yandex.ru

АРТАМОНОВА Анастасия Андреевна

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladphilolog@yandex.ru

ТОПОНИМЫ С КОРНЯМИ *ДВОР-* И *ДОМ-* ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются владимирские топонимы с корнями двор-, дом- как малочисленная группа топонимов, имеющих как продуктивные, так и малопродуктивные способы словообразования. В представленном материале содержится лексикографическое описание данных топонимов, которое может быть использовано в практике составления регионального топонимического словаря:писание способа словообразования, семантики словообразовательного форманта, морфологические особенности анализируемых топонимов.

Ключевые слова: топонимика, топонимический словарь, топонимы Владимирской области.

Abstract. The article describes Vladimir toponyms with the roots *yard-*, *dom-* as a small group of toponyms that have both productive and unproductive ways of word formation. The presented material contains a lexicographic description of these toponyms, which can be used in the practice of compiling a regional toponymic dictionary: writing the method of word formation, the semantics of the word-formant, morphological features of toponyms.

Keywords: toponymy, toponymic dictionary, toponyms of the Vladimir region.

В настоящее время во Владимирской области более 2500 населенных пунктов и из этого числа только 10 названий имеют в своем составе корень *двор-* и 2 названия – корень *дом-*. Существительные «двор» и «дом» являются малопродуктивными в функции образования топонимов, но они оказываются лингвистически интересными в аспекте моделей словообразования.

Существительное «двор» имеет значение места – «участок земли между домовыми постройками одного владения, одного городского участка» [3: 154]; существительное «дом» употребляется в значении места, обозначая «жилое здание» [Там же: 174]. Эти слова объединяет способность называть место – место жительства и хозяйственной деятельности человека. По наблюдениям Н.В. Юдиной и Е.А. Кузнецовой, топонимы с корнями *двор-*, *дом-* выражают значение «обживания»: «немаловажным фактором освоения окружающего пространства нашими предками становится «обживание» территории. На этом этапе появляются хозяйственные постройки и важные социальные и культовые объекты. Происходит некая детализация осваиваемой территории путём обозначения особенностей объектов посредством их названия. При этом непосредственная характеристика самого объекта как элемента пространства проводится по параметрам, имеющим наибольшее значение для жителей территории» [5: 95].

Рассмотрим словообразовательные особенности владимирских топонимов с корнями *двор-* и *дом-*.

Топонимы с корнем двор-

Великодворский – посёлок в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области. *Великодворский* – субстантивированное прил., м.р., образовано с помощью суффикса притяжательного прилагательного *-ск-* от наименования «Великодворье». Суффикс *-ск-* имеет значение «относящийся к предмету, признак которого назван мотивирующим прилагательным, либо к объекту, в

составное наименование которого входит мотивирующее прилагательное, относящийся к предмету, признак которого назван мотивирующим прилагательным [2: 624].

Великодворье – село в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области. Великодворье – сущ., ср.р. Название *Великодворье* образовано сложением основ с соединительным гласным «о» и одновременной суффиксацией – с помощью суффикса *-j-*. Суффикс *-j-* используется в данном случае для образования наименования «географической области, территории, характеризующейся отношением к географическому объекту, названному мотивирующим составным наименованием или двумя наименованиями» [2: 443].

Дворики – наименование 3-х населенных пунктов Владимирской области: 1) деревня в Александровском районе; 2) деревня в Камешковском районе; 3) поселок в Киржачском районе. Дворики – сущ., мн.ч., образовано от существительного *двор* суффиксальным способом, с помощью суффикса *-ик-*. Название деревни Дворики в значении «маленькие дворы» образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик-*. Суффикс *-ик-* при добавлении к именам существительным мужского рода придает значение уменьшительности.

Дворишнево – деревня Судогодского района Владимирской области России. Дворишнево – субстантивированное прил., ср.р., ед.ч., образовано от существительного «двор» суффиксальным способом, с помощью суффиксов *-ишн-*, *-ев-*. Суффикс *-ишн-* характеризуется признаком (преимущественно пространственным или временным), названным мотивирующим словом [2: 505]. Суффикс *-ев-* при добавлении к основам существительных образует имена прилагательные со значением принадлежности чего-либо лицу или существу.

Дворищи – деревня в Киржачском районе Владимирской области России. Дворищи – сущ., мн.ч., образовано от существительного *двор* суффиксальным способом, с помощью суффикса *-ищ-*. Суффикс *-ищ-* обозначает «предмет, такой же, как названный мотивирующим словом, но больший по размеру или по степени своего проявления, значимости, с экспрессией фамильярности» [2: 427].

Дворяткино – деревня в Кольчугинском районе Владимирской области. Дворяткино – субстантивированное прил., ср.р., образовано с помощью суффикса притяжательного прилагательного *-ин-* от основы *дворятк-* (предполо-

жительно, от слова *двор* с помощью разновидности непродуктивного суффикса *-ят-/яток-*, использующегося для наименования помещений, называемых сочетанием с мотивирующим прилагательным в роли определения [2: 532]). Значение суффикса *-ин-* – «принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом» [Там же: 370].

Сéнинские Двóрики – деревня в Ковровском районе Владимирской области России. *Сенинские Дворики* – словосочетание, образованное по модели «прилагательное + существительное». Прилагательное *Сенинские* образовано от названия некогда соседнего села Сенино суффиксальным способом, с помощью суффикса *-ск-* (суффикса притяжательного прилагательного, выражающего значение принадлежности); существительное *дворики* образовано от существительного *двор* суффиксальным способом, с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик-*.

Стáрый Двóр – село в Суздальском районе Владимирской области. *Старый Двор* – словосочетание, образованное по модели «прилагательное + существительное». Входящие в это словосочетание единицы представляют собой производные слова.

Топонимы с корнем дом-

Домáшнево – деревня в Петушинском районе Владимирской области. *Домашнево* – субстантивированное прил., ср.р., образовано от прилагательного *домашний* суффиксальным способом, с помощью суффикса *-ев-*. Суффикс *-ев-* при добавлении к основам существительных образует имена прилагательные со значением принадлежности чего-либо лицу или существу. По мнению Е.М. Поспелова, суффикс *-ев-* является очень частотным для образования топонимов, а «названия с этими суффиксами становятся главным средством выражения принадлежности и в топонимии феодального периода, когда принадлежность поселений выступала в качестве их главного признака» [4: 32].

Дóмнино – деревня в Меленковском районе Владимирской области. *Домнино* – субстантивированное прил., ср.р., образовано от основы *дом-* суффиксальным способом, с помощью редкого непродуктивного суффикса *-нин-*. Этот суффикс присоединяется к корню, обычно обозначая принадлежность лицам из родни, встречается в именах прилагательных со значением принадлежности лицу, названному мотивирующим словом [1: 116]. Суффикс относится к разговорной речи, встречается в устаревших словах (например,

дочернин), может обозначать групповую принадлежность у притяжательных прилагательных.

В ходе изучения топонимов с корнями *двор-*, *дом-* во Владимирской области обнаружено, что большинство таких лексических единиц представляют собой субстантивированные прилагательные, образованные с помощью притяжательных суффиксов (например, *-ин-*, *-ск-*, *-ев-*); реже встречаются существительные (например, *Дворики*, *Дворищи*), только два названия являются словосочетаниями, построенными по модели «прилагательное + существительное». Общий же обзор всех топонимов Владимирской области показывает, что неодушевленные существительные типа *двор* и *дом* являются непродуктивными во владимирской топонимии, но интересными по семантике: они связаны со значением «места» и выражением значения «обживания» этого места (места жительства, расположения поселения, ведения хозяйственной деятельности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Электронный ресурс <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1074019.html>
2. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
4. Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: топонимический словарь: более 3500 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 600 с.
5. Юдина Н.В., Кузнецова Е.А. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 159 с.

БАКИРОВ Поян Уралович (*Термез, Узбекистан*)

доктор филологических наук, профессор
Термезский государственный университет
bakirov.poyan@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ТЮРКИЗМОВ- НАЗВАНИЙ ЛИЦ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Аннотация. В статье подробно рассматривается словообразовательное освоение слов тюркоязычного происхождения со значением «наименования лиц», определяются, во-первых, опрощение исконно членимых структур тюркизмов, во-вторых, разложение (усложнение) первоначально не членимых или первоначально по-другому членимых основ тюркоязычных слов на русской почве, в-третьих, использование заимствованных тюркских имен в качестве производящих основ русского сло-

вообразования, анализируются разные пути деривации однокоренных слова от имен лиц тюркского происхождения в русском языке: префиксальный способ, суффиксальный способ, префиксально-суффиксальный способ, основосложение, классифицируются словообразовательные значения русских слов, образованных от тюркизмов-названий лиц.

Ключевые слова: тюркизм, словообразование, опрощение, разложение, производящая основа, способы словообразования, словообразовательное значение.

Abstract. The article examines in detail the word-formation development of words of Turkic origin with the meaning of "names of persons", defines, firstly, the simplification of the originally articulated structures of Turkisms, secondly, the decomposition (complication) of the originally non-articulated or originally differently articulated foundations of Turkic words on a Russian basis, thirdly, the use of borrowed Turkic names Russian word formation is based on the analysis of different ways of derivation of the same-root words from the names of persons of Turkic origin in the Russian language: prefixal method, suffixal method, prefixal-suffixal method, basic structure, the word-formation meanings of Russian words formed from Turkisms-names of persons are classified.

Keywords: Turkism, word formation, simplification, decomposition, generating basis, methods of word formation, word-formation meaning.

Будучи освоенные фонетически, семантически, грамматически, названия лиц тюркского происхождения и в дальнейшем своем функционировании в русском языке включаются в систему словообразования, т. е. происходит словообразовательное освоение заимствованных тюркизмов. «Заимствование окончательно получает право гражданства в языке в том случае, когда оно начинает создавать производные ... путем словообразования» [4: 138].

Особенности словообразовательной микросистемы производных от тюркских заимствований в русском языке, их статус в системе словообразовательных гнезд детально исследованы в диссертационной работе [10].

В чем выражается словообразовательное освоение исследуемых имен в русском языке?

1. В **опрощении** исконно членимых структур.

В последнее время в лингвистической литературе стали чаще появляться работы, посвященные членимости заимствованных слов в русском языке [1; 2; 6].

Некоторые названия лиц тюркского происхождения в русском языке претерпевают опрощение, т. е. «слово со сложным морфологическим составом в процессе исторического развития языка утрачивает членимость и воспринимается как неразложимое» [8: 105]. В русском языке не выделяются аффиксы **-дар** в словах *сазандар*, *сердар*, *чарводар*, **-мак** в слове *гайдамак*, **-ак** – *кунак*, **-ман** – *атаман*. Не членятся на разные основы в русском языке имена лиц,

образованные в тюркских языках путем сложения двух основ: *товарищ* (*товар+иш* (эш)), *тоярымка* (*toj+эрэ́т*), *янычар* (*järi + räpi*), *делибаш* (*gäли + баша*), *башибузук* (*башы + бузук*), *байгуш* (*baj + куш*), *мираб* (*мир + аб*), *аксакал* (*ак +сал*).

Эти тюркоязычные названия лиц в современном русском языке выступают как непроеизводные основы.

2. В **разложении (усложнении)** первоначально не членимых или первоначально по-другому членимых основ на русской почве.

В последние годы такое явление называют обратным словообразованием. Его источником является аналогичное воздействие «похожих» русских слов или возникновение новой (уже русской) словообразовательной пары.

«Усложнение аналогичного характера пережило в русском языке тюркское слово *басмачи* (буквально «налетчики» от *басма* «налёт»), усвоенное русским языком по аналогии со словами *лихачи*, *палачи*, *толмачи* и т. д. как форма именительного падежа множественного числа, в результате чего чистая непроеизводная основа (членилось основы была утрачена в момент заимствования) превратилась в основу *басмач-* и окончание **-и**.

Все это привело к тому, что путем обратного словообразования возникла необычная для узбекского языка форма «басмач» [11: 227].

Есть в словарях разногласия по появлению некоторых тюркизмов в русском языке. Толковые словари считают, что слово заимствовано в полном составе из тюркских языков, а словообразовательные словари считают, что слово образовалось на русской почве путем словопроизводства. Например, слово *падишах* ССРЛЯ (т. 9, с. 26) выводит из персидского языка. Е.Н. Шипова [12: 224-255] относит его к тюркизмам. Слово впервые фиксируется в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (ч. 3, с. 172) в форме *падшагъ*. А.Н. Тихонов считает, что слово *падишах* образовано на базе основы слова **шах**: шах → падишах (СС, т. 2, с. 388).

Усложнение в названиях лиц тюркоязычного происхождения может произойти в процессе заимствования. Такой вид усложнения можно наблюдать при установлении словообразовательно-семантических связей с однокорневыми словами, пришедшими в русский язык раньше, чем образованное слово от него.

Примером может служить слово *казначей*. Оно в тюркских языках образовалось путем присоединения суффикса деятеля **-чи (-чы)** к производящей

основе *казна* (*казначы*). «Процесс заимствования суффиксов (как и служебных морфем, в целом) не следует понимать как процесс перенимания самих суффиксов. Заимствуются слова, содержащие эти суффиксы. Выделение суффиксов происходит уже потом, когда рядом с заимствованными словами появляются родственные, содержащие ту же непроизводную основу (ср. суф. **-ант** в слове *диверсант* – есть *диверсия*, **-ад(а)** в слове *блокада* – *блокировать*, **-есса** в слове *поэтесса* – есть *поэт* и т. д.)» [9: 280]. Ю.С. Маслов пишет: «В составе знаменательных слов заимствуются корни, а могут заимствоваться аффиксы – словообразовательные и, редко формообразовательные, причем при благоприятных условиях такие заимствованные аффиксы могут получить продуктивность в заимствующем языке» [7: 261].

Слово *казначей* в этимологических словарях дано как заимствование из тюркских языков в полном своем составе (См, Фасмер, т. 2, с. 160; Шан. ЭС, т. 2, вып. 8, с. 19; КрЭС, с.18). Однако, в русском языке есть и другое заимствованное слово – *казна*. На фоне последнего слово *казначей* воспринимается как вторичное, производное уже в русском языке с помощью нерегулярного суффикса **-ачей** (ср. тюрк. суф. **-чи (чы)**). Возникает словообразовательный ряд: *казна* → *казначей* → *казначейша*, *казначейство*, *казначейский*.

Как отмечает Ф.Г. Гусейнов, русский суффикс **-ч** и его вариант **-ач** со значением рода занятий, профессий (*палач*, *басмач*, *зурнач* и др.) восходит к тюркскому аффиксу **-чи**, **-чу**, **-чи**. Суффикс **-чей**, **-чий** в словах (*казначей*, *книгочей*, *сагчий*, *хабарчий*, *сламчей* и др.) – это усложненный на русской почве тюркский формант лица **-чи**, **-чу**. Следует отметить неверное выделение Ф.Г. Гусейновым суффикса **-чей** в слове *собачей* в своей работе. В слове *собачей* выделяется не суффикс **-чей**, а суффикс **-ей**: *собака* – *собаче*. [3: 53-54].

3. В использовании заимствованных имен в качестве производящих основ русского словообразования.

Структурно-семантические связи тюркских названий лиц с другими словами русского языка имеют ограниченный характер. Чаще всего это однопавленные связи типа: «производящая» основа тюркоязычного происхождения и «производное» слово (слова), которое является исконно русским образованием на базе тюркоязычных заимствований.

В нашем материале не все слова тюркоязычного происхождения способны выступать в качестве производящих слов русского словопроизводства.

Не имеют родственных слов тюркизмы *ага, аксакал, акын, мираб, алым, донгус, аскер, делибаш* и др. Из 171 слова 111 слов по показаниям словарей не производны.

Меньшая часть исследуемых имен (60 слов), однако, выступает в качестве исходных основ русского словообразования. Количество производных слов, образованных на основе тюркского названия лица, может быть разным – от одного производного слова до большого словообразовательного гнезда. Высокую активность проявляют тюркизмы *хозяин* (36 производных слов), *казак* (16 слов), *басурман* (12 слов), *товарищ* (10 слов) и др.

В русском языке разными способами образуются однокоренные слова от имен лиц тюркского происхождения.

Префиксальный способ

При префиксальном способе производные русские слова образуются присоединением русских приставок к тюркским основам. В префиксации производящая основа полностью включается в состав производных, в процессе данного типа деривации не изменяется принадлежность слова к определенной части речи, т. е. «присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения» [5: 35]. От имен тюркоязычного происхождения при помощи приставок **под-**, **со-** образуются новые русские слова: *подъ-есаул, со-товарищ*.

Суффиксальный способ

Суффиксальный способ – самый богатый способ словообразования в русском языке. От тюркоязычных основ названия лиц образовалось большое количество производных слов путем суффиксального способа. С помощью русских суффиксов **-ниц-** (*алырница*), **-к-** (*богатырка*), **-чик** (*хозяйчик*), **-еств-** (*товарищество*), **-ин-** (*гайдамачина*), **-ск-** (*джигитский*), **-еск-** (*ханжеский*), **-нича-** (*балбесничать*), **-ова-** (*джигитовать*) образуются новые производные слова.

Префиксально-суффиксальный способ

При префиксально-суффиксальном способе словообразования новые слова образуются путем одновременного соединения к производящей основе приставки и суффикса. В нашем материале некоторые тюркизмы при помощи префиксально-суффиксального способа образуют новые русские слова. Сре-

ди них встречаются глаголы, образованные с помощью приставок **о-**, **по-** и суффикса **-и-**: *о-басурман-и-ть*, *по-шаман-и-ть* и др.

Основосложение

На современном этапе основосложение является наиболее продуктивным способом словопроизводства. Сложные слова образуются путем соединения двух или более самостоятельных основ. «Необходимость точнее и полнее назвать новые явления в науке, технике, производстве, общественной деятельности человека и отразить их наиболее существенные признаки вызвали к жизни большое количество сложных слов» [8: 161-162]. Сложные слова появились в русском языке и путем сложения исконно русской и тюркской основ. Компоненты сложного слова соединяются в русском языке при помощи соединительных гласных **-о-** и **-е-**. Следующие русские и тюркские основы с помощью соединительных гласных (**-о-**, **-е-**) образовали новые русские слова: *бел-о-казак*, *электр-о-бурлак*, *квартир-о-хозяин*, *дом-о-хозяин*, *суд-о-хозяин*.

Встречаются слова, в которых нет соединительных гласных: *семибоярщина*. Некоторые сложные слова образовались сложением не двух основ, а двух слов: *горе-богатырь*, *чудо-богатырь*.

Словообразовательные значения русских слов, образованных от тюркизмов

Заметим, что вышеуказанные слова освоены словообразовательной системой русского языка не только потому, что они стали производящими для распространенных моделей русского словопроизводства. Они освоены также в семантико-словообразовательном плане, так как их производные получают те же словообразовательные значения, которые свойственны словам, образованным от исконно русских имен лиц.

Производные слова, образованные от имен лиц тюркского происхождения, имеют следующие словообразовательные значения:

1. Производные со значением «подчиненности» и «совместности»: **под** – *подъесаул* «офицерский чин ниже есаула»; **со** – *сотоварищ* «товарищ по какому-либо делу, занятию».

2. Производные со значением лиц женского пола: **-ниц-** (*алырница*), **-к-** (*разгильдяйка*, *богатырка*), **-шиц-** (*алырщица*), **-енк-** (*шабрёнка* «соседка»).

3. Производные существительные, имеющие значение «невзрослости», образуются при помощи суффикса **-чик** (*атаманчик*).

4. Производные существительные, имеющие «собирательное значение»: **-ЕСТВ-** (*товарищество*).

5. Производные со значением «общественно-политическое движение, связанное с лицом»: **-ЕСТВ-** (*басмачество*), **-ИН-** (*гайдамачина*), **-ОВ-/-ЩИН-** (*гайдамаковщина*).

6. Производные с «уменьшительно-ласкательным значением»: **-К-** (*бабайка*).

7. Производные со значением «характеристика или свойство лица, названного мотивирующим словом»: **-ЕСТВ-** (*ханжество*), **-ОСТЬ** (*наянливост*).

8. Производные существительные со значением «общественно-политическая система, управляемая лицом»: **-АТ** (*каганат, халифат, эмират*), **-СТВ-** (*султанство*).

9. Производные прилагательные, имеющие значение «принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом»: **-СК-** (*джигитский, башибузукский*), **-ИЙ-** (*гайдучий*), **-ЕВ** (*кощеев*), **-ЕСК-** (*ханжеский*), **-К-** (*кунацкий*).

10. Производные прилагательные со значением «признак, относящийся к тому, кто назван мотивирующим словом»: **-ЛИВ-** (*наянливый*).

11. Производные глаголы, имеющие значение «совершать действия, поступки, принадлежащие тому, кто назван мотивирующим словом»: **-НИЧА-** (*алырничать, балбесничать*).

12. Производные глаголы, имеющие значение «сделать таким, что названо мотивирующим словом»: **О-... -И-** (*обасурманить* «сделать басурманом, заставить принять магометанство»).

13. Производные глаголы со значением «действие на некоторое время того, кто назван мотивирующим словом»: **ПО- ...-И-** (*пошаманить* «шаманить некоторое время»).

Указанные словообразовательные значения в разной мере присущи разным тематическим подгруппам имен лиц тюркского происхождения. Так, например, значение «характеристика или свойство лица, названного мотивирующим словом» чаще всего встречается у слов, образованных от названий лиц по поведению и характеру. Значение «общественно-политическое движение, связанное с лицом» наблюдается у русских слов, образованных от названий лиц тюркского происхождения, относящихся к военной лексике и т. д.

Слова, не попавшие ни в одну из тех вышеперечисленных групп, должны быть квалифицированы как «не освоенные» в словообразовательном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев К.Р. О морфемной членимости тюркизмов современного русского литературного языка // Словообразование и структура слова в русском языке. Ташкент, 1980. С. 35-37.
2. Гимпелевич В.С. О членимости заимствованных слов в русском языке // Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 192-198.
3. Гусейнов Ф.Г. О тюркоязычной основе суффикса -аг в русском языке // Сов. тюркология. 1980. №6. С. 53-54.
4. Доза А. История французского языка / Пер. с франц. Е.Н.Шор; Под ред. и с предисл. М.С. Гурьчевой. М., 1956. 471 с.
5. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 35.
6. Крысин Л.П. Ступени морфологической членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 306-309.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 261.
8. Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1970. С. 105.
9. Современный русский язык. Ч.1.: Лексикология. Фонетика. Словообразование / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1962. С. 280.
10. Умурзакова А. Ж. Тюркизмы в словообразовательной системе русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата. 1982. 333 с.
11. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. С. 227.
12. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 254-255.

БЕКАСОВА Елена Николаевна (*Оренбург, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

РАСКОЛ ОБЩЕРУССКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОБИТНЫХ ПАТРИАРХА НИКОНА И ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Аннотация. Период раскола русской православной церкви представляет особый этап в переосмыслении восприятия мира и религиозных текстов. Наиболее показателен разлом мировоззрения русского священничества, который со всей определенностью проявился в челобитных царю Алексею Михайловичу ссыльного патриарха Никона и опального протопопа Аввакума. Анализ текстов позволяет выявить основные направления «переформатирования» картины мира и трансформации смыслов конфессиональных текстов – расширения светского мировосприятия у Никона с прагматическим монтажом цитат, утратой религиозной символики в суете хозяйственной деятельности и стремлении достижения личных интересов, с одной стороны, и переосмысления религиозных текстов в проповедническом ключе в пери-

од «еретической зимы» в жизни русского общества у протопopa Аввакума, с другой стороны.

Ключевые слова: древнерусский текст, патриарх Никон, протопop Аввакум, жанр челобитной, ментальность.

Abstract. The period of the split of the Russian Orthodox Church represents a special stage in rethinking the perception of the world and religious texts. The breakdown of the worldview of Russian priesthood, which manifested itself with all certainty in the petitions to Tsar Alexei Mikhailovich of the exiled patriarch Nikon and the disgraced archpriest Avvakum, is the most indicative. The analysis of texts allows us to identify the main directions of the picture of the world "reformatting" and the transformation of the meanings of confessional texts - the expansion of Nikon's secular worldview with a pragmatic editing of quotes, loss of religious symbols in the bustle of economic activity and the desire to achieve personal interests, on the one hand, and the rethinking of religious texts in a preaching manner during the "heretical winter" in the life of Russian society at archpriest Avvakum, on the other hand.

Keywords: Old Russian text, Patriarch Nikon, archpriest Avvakum, petition genre, mentality.

Середина XVII в. в русской истории представляет один из переломных моментов решительного отхода от традиций Средневековья, начавшегося с теологического, а вместе с этим и идеологического раскола общества, приведшего к переформатированию средневековой картины мира, окончательно размывшейся в Смутное время. В связи с этим показательны исследования текстов данного периода, среди которых особо выделяются челобитные, представляющие соединение крайностей – официальной стандартности и индивидуального содержания. Именно данный жанр даёт основание проследить истоки ментальных расхождений общества на примере двух весьма значимых идеологов – патриарха Никона и протопopa Аввакума. Значимость сопоставительного аспекта усиливается тем, что они являются уроженцами нижегородских «приделов»; почти одновременно были приближены к царю для решения «исправления» богослужебных текстов; в период опалы и гонений почти одновременно писали свои челобитные Алексею Михайловичу. Именно в этих посланиях царю ставшие непримиримыми противниками земляки и бывшие «соратники» лучше, чем в религиозной полемике, раскрывают причины своих расхождений и трагического развёртывания раскола общества по теологическим причинам, окончательного отхода власти от народа и расширения нового – индивидуального мировоззрения личности.

Сохранность автографов челобитных, письмо под диктовку с собственноручной правкой или их копирование в среде единомышленников определяют

достоверность показаний текстов в определении позиции Никона и Аввакума, которая распространяется не только на отношение иерархов к церковному устройству, власти, конфессиональным текстам, но – шире – к человеку, его самосознанию и месту в обществе. Теологическое и идеологическое столкновение Никона и Аввакума отмечено многими исследователями как противостояние старого, традиционного и нового, «стремительно меняющегося, находящегося в состоянии конвульсивной перестройки» [7: 16]. Отвергаемый старообрядцами динамизм нового бытия как противоречащий идеалу православного Средневековья осуждается в оценках «борзого кобеля» и «рысучего зверя» патриарха Никона и «накудесившего» царя, который *«яко козел скача по холмам, ветер гоня, облетая по аеру, яко пернат»* [7: 17]. Однако и староверы, и никониане, каждый по-своему, входят в стадию «человека деятельного» и в своих посланиях не только осмысливают собственную деятельность, но и отражают её специфику [4; 5; 6; 7].

В частности, анализ эпистолярного наследия ссыльного патриарха даёт основание С.К. Севастьяновой сделать вывод о том, что «Никон сосредоточен в основном на своих бедах, личных переживаниях, вызванных тяжестью заключения и несправедливым к нему отношением царя и людей, с ним рядом пребывающих» [9: 70]. В то же время «для Аввакума его личные жалобы являются лишь иллюстрацией главной темы – места церкви в выстраиваемом царями самодержавном государстве, это проповедь отца церкви, который имеет право наставлять неокрепшую душу владельца русской земли» [11: 301].

Неистощимая напористость патриарха Никона позволила ему не только пробиться в патриархи, но и развернуть в практически безграничных условиях если не первого лица, то «собинного» друга самодержца России бурную деятельность земного устройства церкви, воплотившуюся и в церковных сооружениях, и в материальности книгопечатания. Беспредельная энергичность, по всей видимости, нередко замыкалась на безоглядной страстности и решительности Никона, который привык продвигать и подстёгивать, без оглядки на последствия, нередко теряя интерес к своим безудержным начинаниям. В частности, А.В. Карташёв, анализируя деятельность патриарха Никона и причины раскола, справедливо отмечает, что «после первых годов кипения и борьбы», связанных с правкой книг, «Никон, уйдя с кафедры, продолжал страстно интересоваться многим, в частности, правами своего патриаршего

звания, но даже ни разу не вспомнил о книжных исправлениях» [3: 164]. Это ещё раз подтверждает, что деятельность патриарха Никона определялась и направлялась его властью, которая волею случая была сопряжена с религией.

Неожиданное отлучение от всеобъемлющей власти, с которым Никон так и не смирился, прервала на излёте его мощную и напористую деятельность. С одной стороны, это определило обвинения царя, особенно показательные в письме июня 1667 г., сознательно выстроенном в форме апостольского послания – *«*СѢдѣи во тьмѣ и сѣни смертней, окованый нищетою и желѣзы*, смиренный Никон поклонение творит, яко же лѣпо есть царю. Не свое, но апостольское слово понуди мя злострадание здѣ написать»* [9: 438]. Здесь Никон абсолютно определённо сравнивает себя с библейскими страстотерпцами и святыми, при этом царь в приведённых контекстах ассоциируется с теми, кого ждёт адский огонь: *«Лишение слуг, пищи и пития, и прочих – поминаю Лазаря убогаго и Иова многострадальнаго и веселюсь, и богатаго, поверженнаго во огнь неугасаемый и <...> и жаждущаго капли единой, иже и не получи*, и не жажду добрых: может вода утолпит жажду, и глад – хлеб, якоже мудрый глаголет. Аще ли и сих повелиши лишите – скорее; скорее к надеемым благим пристроюсь»* [9: 440]. Не стесняясь, поверженный Никон примеряет и терновый венец Христа: *«А что клобукъ снял со жемчюхи и иной дали, ничтоже мне о жемчюге томъ попечение – поминаю Владыки Христа тернов венець и радуюсь»* [Там же].

С другой стороны, ссыльный Никон направляет свою энергию на хозяйственную деятельность: скрупулёзно изучает росписи, отслеживает разницу в направленном от царя и полученном от надзирателей жалованье; устраивает поварни, погреба; варит еду, сажает и собирает овощи, ловит неводом рыбу, следит за постройками и проявляет глубокие знания в скорняжном деле, кормах скоту, видах рыб и грибов. Всё выдаёт в бывшем патриархе крепкого хозяина, который теперь уже печётся исключительно о быте своём и своей «братии», вникая во всё и проявляя незаурядные хозяйственные познания, например: *«сѣна лошадемъ моимъ и коровамъ привозятъ вмѣсто мѣрные копны по острамку не по большому, а мѣрю, государь, в длину острамокъ по сажени мѣрной, а в вышину и в ширину по полу сажени. А волоковых, государь, больши дву копень в острамкъ не будетъ. И тѣми четырма копнами лошади, тремя копнами коровы в год не прокормить»* [9: 540], *«и крюки, и*

петли дверные и оконные, и скобы, и гвоздь, и полсти на опушки – все покупал» [9: 558] и под. Железная хватка устроителя монастырского жития сказывается во всём: в выявлении нарушении царских указов, в «схемах» обмана и наживы на царском содержании патриарха и даже в критике подарков самого царя и его семьи: «А мех государя царевичя и великого князя Петра Алексеевича: из него платна не будете – длины надобе два вершка в прибавку, а в подоле мех ево, государева, жалованья с четвертью три аршина, а нам шьетца платно в полпята аршина, а пооскуду с четвертью в четыре аршина, а здесь на дополнку прикупить к нему негде, и кровли, подобные ему, добыть негде же» [9: 476].

В таких заботах по выверке государева жалованья и обустройства своего быта редко выдаётся время на церковные нужды, которые подаются царю в виде списка необходимой церковной утвари и книг, нередко сопровождаясь воспоминаниями Никона о былой роскоши, ср.: *«вели, государь, из Воскресенского монастыря келейные мои книги, церковные и четьи, и всякую мою келейную рухлядь, и часы прислать ко мнѣ, богомольцу твоему, чтоб мнѣ, богомольцу твоему, от великия бѣдности и скуки тѣми священными книгами утѣшиться» [9: 503] – «остались часы: столовые большие серебряные, другие часы медные позолочены, башнею, третье часы медные башенкою же, позолочены, поменьше тех, часы золотые столовые и зепные с камениемъ, четверы часы серебряные зепные, двои часы медные позолочены зепные же, двои же часы в хрустали, оправлены серебром. А было, государь, и болшы того, только не припамячу, и каменья, и жемчюгу, и золотых, и платья осталось немало, а где оно нынеча – не знаю» [9: 505].*

Другая тональность челобитных Аввакума, где признание силы и прав царя всегда сплетается с непоколебимой верой и знанием того, что его поддерживает сила Бога, который, несмотря на упования царя и никониан, не «изнемогъ», а есть «всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком!». В Божьей силе черпает Аввакум свою правоту и неизмеримую силу, которая далека от каких-либо выпрашиваний милости себе у того, кто перед Богом «тамо отвѣщати будеши сам всѣм нам» за свои прегрешения: *«Видишь ли, самодержавие? Ты владѣешь на свободѣ одну Русскою землю, а мнѣ Сынъ Божий покорил за темничное сидѣние и небо и землю, ты, от здѣшняго своего царства в вѣчный свой дом пошедше, только возмешь гроб и саван, аз же, присудѣнием вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости*

мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по землѣ влачimy; так добро и любезно мнѣ на землѣ лежати и свѣтом одѣянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свѣтъ мой и вся тварь – Богъ мнѣ дал» [10: 171]. Такое мировоззрение не требует примеривания на себя одежд и риз святых мучеников, надевания тернового венца, писаний в виде апостольских посланий, досконального воспроизведения своего жития – от блох, клопов до почти физиологического описания хворей и травм, то есть того, в чем так нуждался Никон в своих притязаниях к царю [1]. При этом следует согласиться с мнением А.В. Каравашкина, что «у реформатора Никона и его противников обнаруживаются общие культурные коды, которые мы вправе отнести к числу фундаментальных для русской средневековой книжности» [2: 88], однако следует подчеркнуть, что использовались они с разными целями. Протопоп Аввакум воспринимает телесное и «вещное» подчинённой ипостасью духовного, где главным является жизнь в Боге – *«не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад великий человеку – Бога не моля, жити»* [10: 89], и поэтому он не зависит, как Никон, от милости царя: *«Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию»* [10: 180]. Для Никона «вещный» мир превалирует над духовным по его психологии деятеля, изверженного из патриаршества, но не отрекшегося от власти. Именно поэтому его послания царю весьма напоминают монастырские акты по скрупулёзности и описанию вещей, их качества и количества с соблюдением всех тонкостей соответствующих актов и описей монастырского делопроизводства [1].

Но наиболее значительны расхождения в использовании религиозных текстов, поскольку для Аввакума «православные ценности находятся в каноническом иерархическом соотношении» [7: 116] и это он со всей определённой возвестил Алексею Михайловичу в своей Первой челобитной: *«Свое ли смертоносное житие возвѣщу тебѣ, свѣту, или о церковномъ раздоре реку тебѣ, свѣту?»* [10: 160]. У Никона религиозный текст является действенным инструментом давления на царя в личных целях. Об этом в определённой степени свидетельствует мнение С.К. Севастьяновой о специфике никоновского «цитатного монтажа», где «цитируемые фрагменты источника расположены в порядке следования глав Евангелия: патриарх как будто пролистывает книгу и делает из нее выписки» [9: 68], то есть в текстах Священного писания Никон отбирает исключительно то, что его постоянно волнует и каса-

ется лично его – проблему милостивых и нищих «для дидактического и эмоционального воздействия на царя» [Там же].

В связи с этим показательное отношение Никона и Аввакума к рыбе. Для Никона рыба – это милость царя, которую он лично проверяет на размер и качество отписанных и полученных осетров. Для Аввакума рыба – это повод удивиться при виде «осетров и тайменей, стерледей и омулей, и сигов, и прочих родов многих» тому, что «все то у Христа тово, света, наделано для человеков» [10: 86]. Это и благодарность за то, что в голод на нерыбном месте «полны сети напехал Бог рыбы» [10: 111]. Но самое главное – для него это и живая память о первом и самом значимом символе христианства. И это определяет глубину и необратимость раскола сознания: Никон выпрашивает у царя «милостыни, пожалуй рыбки и икорки» [9: 566], а Аввакум определяет свою стезю во время «еретической зимы» – «поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять: а вы там бегайте от никониян!» [10: 178].

Дилемма установок жизни формирующегося русского общества в условиях переходного периода через призму челобитных патриарха Никона и протопопа Аввакума свидетельствует не только о значительных и, по всей видимости, изначально заложенных расхождениях в их мировосприятии, но и показывает становление нового движения от вселенского к индивидуальному, когда «на первый план выходит проблема содержательности, смысла ...» и «происходит смена обратной перспективы на прямую, свойственную современному восприятию реального ряда “вещей”» [8: 438].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Дискурсивные практики царского челобитчика патриарха Никона: между возгоржением и смирением // Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет; главный редактор Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2021. № 2(30). Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 30. С. 89-104.
2. Каравашкин А.В. Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист). // ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018;(11): С. 81-91.
3. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2-х т. Том 2. Париж, 1959. 565 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 400 с.
5. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 187 с.
6. Миронова Е.А. Русские и церковнославянские параллели в текстах идеологов старообрядчества XVII века // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск,

7–9 апр. 2022 г. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л.А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 118-122.

7. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

8. Пименова М.Вас. Типология славянской ментальности в диахронии // Дни Славянской письменности и культуры. Рождественские чтения во Владимире. Материалы международных научных конференций, посвященных Рождественским праздникам и памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Том 5. Владимир: ВлГУ, 2012. С. 434-439.

9. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследования и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.

10. Сочинения Аввакума // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2013. Т. 17: XVII век. С. 65-227.

11. Bekasova Elena N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. P. 294-302.

БОБРОВИЧ Татьяна Сергеевна (Минск, Республика Беларусь)

старший преподаватель
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
tanyabobrovich@yandex.ru

МОЎНАЯ КАРЦІНА СВЕТУ І ЯЕ АДЛЮСТРАВАННЕ Ў СУБСТАНТЫЎНЫХ НАЙМЕННЯХ БУДАЎНІЧАЙ СФЕРЫ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются наименования строительной сферы. На основе анализа языкового материала выделены тематические подгруппы, в состав которых входят разные по структуре и образованию языковые единицы. С точки зрения номинации и синтагматических отношений представляют интерес бивербальные наименования с определительной связью, в которых есть опорный компонент, называющий реалию строительной сферы, и атрибутивный компонент, указывающий на признак этой реалии. В зависимости от этого выделены определённые типы бивербальных словосочетаний.

Ключевые слова: языковая картина мира, наименования строительной сферы, определительная связь, словосочетание, тематическая группа.

Abstract. The article deals with the names of the construction industry. Based on the analysis of the language material, thematic subgroups, which include language units of different structure and education, were identified. Biverbal names with attributive connection, in which there is a supporting component that names the realia of the construction sphere and an attributive component that indicates the sign of this realia, are of interest from the point of view of nomination and syntagmatic relations. Depending on this fact, certain types of biverbal phrases are distinguished.

Keywords: language picture of the world, names of the construction industry, attributive connection, phrase, thematic group.

Праблема ўзаемаабумоўленасці моўных змен і сацыяльнай гісторыі даўно цікавіць лінгвістаў, якія разглядаюць узаемасувязь мовы і грамадства ва ўсёй яе складанасці і шматграннасці. Сучасныя лінгвістычныя канцэпцыі характарызуюцца імкненнем выявіць універсальны характар мовы, які ажыццяўляе сувязь паміж чалавекам і пазамоўнай рэчаіснасцю.

Вядома, што ў семантычнай структуры слова змяшчаецца інфармацыя пра сістэму каштоўнасцей таго ці іншага народа. Па словах Т.І. Вендзінай, “у слове акумулююцца асаблівасці ўспрымання свету, захоўваецца і перадаецца з пакалення ў пакаленне гістарычны вопыт народа, яго гістарычная памяць” [1: 6]. Сярод розных меркаванняў пра сутнасць паняцця моўнай карціны свету, бясспрэчным застаецца заста-ецца тое, што моўнае чляненне свету адрозніваецца ў розных народаў. Чалавек засвойвае мову так жа, як і навакольную рэчаіснасць; пры гэтым разам з лагічнай (паняційнай) карцінай свету ўзнікае і моўная, якая не супярэчыць лагічнай, але і не з’яўляецца тоеснай з ёй. А.С. Кубракова слушна заўважае, што “кагнітыўна-арыентаванае даследаванне дэрыва-цыйных працэсаў дазваляе ўдакладніць не толькі спецыфіку “карці-равання” свету ў асобнай мове, але і пры абагульненні ў тыпалагічным плане – садзейнічаць вывядзенню некаторых агульных палажэнняў аб разуменні галоўных быццёвых катэгорый, асаблівасцей светаўспрымання, заканамернасцей упарадкавання свету, як у фізічным аспекце чалавечага быцця, так і ў яго сацыяльнай арганізацыі і ва ўсёй сістэме каштоўнасцей чалавека...” [3: 148].

Класіфікацыя найменняў розных сфер ужывання па тэмах, а таксама па лексіка-семантычных групах з’яўляецца найбольш распаўсюджаным прыёмам апісання лексікі. Унутры гэтых аб’яднанняў можна разглядаць розныя сінтагматычныя адносіны паміж моўнымі адзінкамі.

Так, тэматычная група найменняў будаўнічай сферы ўяўляе сабой складаную канцэптuallyную сістэму і можа быць разгледжана ў межах шматаспектных класіфікацый, якія ўлічваюць паходжанне і функцыянаванне будаўнічых тэрмінаў. Па словах В.П. Краснея, “вызначэнне карэляцыі лексічных адзінак намінацыйна-тэрміналагічнага характару і паняццяў заснавана на прымяненні метадаў фармальнай логікі. Тэрмін можа выражаць, а можа і не выражаць істотныя прыкметы паняцця, аднак ён павінен дакладна

арыентаваць на пэўны аб'ект у сістэме паняццяў той ці іншай галіны ведаў і адпавядаць класіфікацыйнай стройнасці ў межах той тэрміналогіі, членам якой з'яўляецца" [2: 25]. "У той жа час, – як адзначаў Д.Н. Шмялёў, – нельга адмаўляцца ад лінгвістычнага аналізу аб'яднанняў слоў, ад спроб знайсці ў іх агульныя семантычныя элементы" [6: 13].

Часам, у лінгвістыцы паняцці "лексіка-семантычная група" і "тэматычная група" змешваюцца і ўжываюцца як тоесныя паняцці, якія аб'ядноўваюцца тэрмінам "поле" са значэннем "сукупнасць моўных адзінак, аб'яднаных агульнасцю зместу, якія адлюстроўваюць паняццйнае, прадметнае ці функцыянальнае падабенства абазначаемых з'яў" [4: 380].

У рускім мовазнаўстве адным з першых увагу на праблему размежавання паняццяў *лексіка-семантычная група* і *тэматычная група* звярнуў Ф.П. Філін. Ён адзначаў, што паміж імі ёсць як агульныя рысы, так і адрозненні. Агульнае заключаецца ў тым, "што і тыя, і другія групы адлюстроўваюць пазнаную аб'ектыўную рэчаіснасць. Адрозненні паміж гэтымі тыпамі сувязей вызначаюцца тым, што лексіка-семантычныя групы слоў уяўляюць сабой прадукт законаў і заканамернасцяў развіцця лексічнай сістэмы, у той час, як тэматычныя групы слоў, сама іх наяўнасць альбо адсутнасць у якой-небудзь мове, іх склад залежаць толькі ад ўзроўню ведаў таго ці іншага народа – стваральніка і носьбіта мовы, ад умення класіфікаваць з'явы рэчаіснасці, якія атрымалі свае слоўныя абазначэнні" [5: 234]. Даследчык канстатаваў, што кожная лексіка-семантычная група мае сваю "тэму", але далёка не кожнае класіфікацыйнае аб'яднанне слоў па той ці іншай тэме ўяўляе сабой у мове аб'яднанне значэнняў (сінанімічных, антанімічных, узаемна ўдакладняльных і г.д.) [5: 239]. Пры аналізе тэматычных груп у іх можна выдзяляць і лексіка-семантычныя групы.

Аналіз найменняў будаўнічай сферы даў магчымасць вылучыць *тэматычныя падгрупы* найменняў, якія звязаны з апісаннем розных аспектаў будаўнічай дзейнасці. Прыналежнасць да пэўнай тэматычнай падгрупы выяўлялася у выніку аналізу дэфініцый тэрміналагічных адзінак, які дазволіў устанавіць агульнасць іх значэння. У межах даследавання не ўяўляецца магчымым класіфікаваць усе тэрміналагічныя адзінкі, таму аб'ектам даследвання з'явіліся 3494 субстантыўныя намінацыі, якія ўваходзяць у тэматычныя падгрупы "*Будаўнічыя матэрыялы і рэчывы*", "*Будынкі, памяшканні*", "*Будаўнічыя канструкцыі, іх часткі і элементы*".

У кожную тэматычную падгрупу ўваходзяць аднаслоўныя (першасныя і другасныя), бівербальныя і полівербальныя найменні. Яскравым прыкладам сінтагматычных адносін з'яўляюцца мадэлі атрыбутыўных бівербальных найменняў будаўнічай сферы, дзе вылучаецца апорны кампанент, які называе прадмет, і залежны кампанент, які ўказвае на якасці прадмета.

Дамінуючым з'яўляецца агульны тып *назоўнік + прыметнік / дзеепрыметнік*. У якасці апорнага кампанента ў гэтым выпадку можа выступаць:

1) невытворны назоўнік (*алюміній, тэхнічны; азбест валакністы; бетон ячэйсты; брус вільчыкавы; бялілы свінцовыя; ростверк жалезабетонны; арка парабалічная*);

2) просты вытворны назоўнік (*замазка азбеставаая; запаўняльнік шчэбеневы; ізаляцыя коркавая; пячанік аркозавы; вапняк гліністы*);

3) складаны вытворны назоўнік (*жалезабетон зборны; пенапласт вінілавы; лесаматэрыял бяссортны; партландцэмент*).

У якасці залежных слоў могуць выступаць:

1) просты прыметнік (*палімер адыцыйны; пластмаса ізаляцыйная; пясок кар'ерны; плітка кафляная; маса шпаклёвачная; клетка бэлечная; болт мантажны; сцяна капітальная; башмак анкерны; градзірня вежавая; дзверы вонкавыя і інш.*);

2) складаны суцэльнааформлены прыметнік (*алюміній электралітычны; азбест дрэвападобны; драўніна буйнаслойная; дробназярністы; палімер высокакрышталічны; шкло трохслойнае; цэмент гідрафобны; шпона прамаслойная*);

3) складаны дэфіснааформлены прыметнік (*замазка глета-гліцырынавая; камень вапнава-пячаны; цэгла вапнава-зольная, цэгла вапнава-шлакавая, цэгла сланца-зольная; масціка бітумна-гумавая; клей латэксна-альбумінавы; фарба водна-клеявая; пігмент мінеральна-арганічны; цэмент натрава-сілікатны; фахверк цагляна-драўляны; ферма кансольна-бэлечная; фабрыка фарбавальна-апрацоўчая*);

4) дзеепрыметнік (*алюміній спечаны; бялілы крыючыя; бетон успучаны, бетон ахоўны; бітум прадзьмуты, бітум разрэджаны, бітум расплаўлены; вермікуліт успучаны; гіпс палены; дошка ашалёвачная, дошка струганая; драўніна клееная; дом рублены; галерэя злучальная*).

У разгледжаным структурным тыпе кампаненты словазлучэння ўступаюць у атрыбутыўныя адносіны. Класіфікацыйныя функцыі прыметніка (ці дзеепрыметніка) абумоўлены лексічным значэннем дадзенай граматычнай катэгорыі: выражаць прыкмету ў адносінах да дзеяння, стану, прадметнасці. Таму прыметнікі і дзеепрыметнікі дэталізуюць апорнае слова, надаюць найменню больш вузкі, канкрэтны змест.

Характарызуючы тыпы вытворных прадметных найменняў, мы аналізуем прыцягнутую да наймення прыкмету. У сувязі з гэтым, атрыбутыўны кампанент у неаднаслоўным найменні можа ўказваць на розныя прыкметы, што дае магчымасць вылучыць тыпы тэрміналагічных словазлучэнняў.

Так, атрыбутыўны кампанент можа ўказваць на кваліфікацыйныя прыкметы: колер, якасць, фізічныя характарыстыкі, памер і інш. Вылучаны наступныя неаднаслоўныя найменні будаўнічай сферы *кваліфікацыйнага тыпу*: *арка цвёрдая*; *арматура гібкая*; *азбест белы*; *бэляка цвёрдая*; *бітум вязкі*; *валакно эластычнае*; *жалеза губчатае*; *вапняк белы*; *вапняк зярністы*; *бетон тлусты*; *бляха чорная*; *жалезабетон лёгкі*; *запаўняльнік актыўны*; *вапна чыстая*; *вапна бедная*; *каркас жорсткі*; *цэгла лёгкая*; *дах схільны*; *паркет штучны*; *пясок бедны*; *пігмент непразрысты*; *падлога маналітная*; *портландцемент каля-ровы*; *каркас жорсткі*; *цэгла полая*; *сцяна пустацелая*; *падмурак глыбокі*; *дом вышынны* і інш.

Атрыбутыўны кампанент, які вылучаецца ў складзе састаўных тэрмінаў, можа паказваць на сувязь з паняццем дзеяння ці працэсу. У такіх неаднаслоўных найменнях, якія адносяцца да *акцыянальнага тыпу*, перадаецца значэнне прыкметы прадмета ці яго якасці, якія матывуюцца дзеясловам: *алюміній спечаны*; *бетон успучаны*; *гіпс палены*; *дошка струганая*; *драўніна клееная*; *бітум акіслены*; *бляха ацынкаваная*; *вапна гашаная*; *рукаў арміраваны*; *сцяна нясучая*; *дом разборна-зборны*; *тарэц скошаны*; *дом рублены*.

У некаторых выпадках атрыбутыўны кампанент указвае на канкрэтнае прызначэнне паводле дзеяння: *бялілы крыючыя*; *лак ахоўны*; *масціка герметызуючая*; *абмазка ахоўная*; *пігмент фарбавальны*; *смала залівачная*; *стык ізалюючы*; *сцяна раздзяляльная*; *паверх размеркавальны*; *панэль абліцовачная*; *бокс ахоўны*; *збудаванне загараджальнае*.

Пры намінацыі прадмета ў назве, акрамя паняцця дзеяння, актуалізуюцца і прыкметы дзеяння, што выражаецца ў састаўным

атрыбутыўным кампаненце: *бялілы густацёртыя; бетон хуткасхоплівальны; цэмент высокатрывалы; панэль саманясучая; будынак хуткаўзведзены*. Вылучаныя найменні адносяцца да *ад'ектыўна-акцыянальнага падтыпу*.

Атрыбутыўны кампанент у тэрміна-словазлучэння можа ўказваць на дзеянне, якое адбываецца ў адносінах да пэўнага аб'екта: *смала водарастваральная; шкло вогнетрывалае; фанера вадастойкая; сталь холадаўстойлівая; бетон шчолачастойкі; бокс воданепранікальны; башня водазаборная; башня водазліўная*. Адзначаныя бівербальныя найменні адносяцца да *аб'ектна-акцыянальнага падтыпу*.

Залежны кампанент у неаднаслоўных тэрміналагічных найменнях можа ўказваць на сувязь з іншым прадметам. Такія найменні адносяцца да *аб'ектнага тыпу*. Атрыбутыўны кампанент можа ўказваць на матэрыял, з якога зроблены аб'ект ці які ўтрымлівае ў сваім складзе: *замазка азбеставаая; запаўняльнік шлакавы; вапняк бітумінозны; бялілы барытавыя; блок шлакабетонны; папера шкляная; вата металічная; валакно базальтавае; дзверы драўляныя; цэгла баксітаваая; канструкцыя алюмініевая; фарба вінілаваая* і інш.

Такім чынам, сістэмная арганізацыя мовы абумоўлена лінгвістычнымі і экстралінгвістычнымі фактарамі. Сістэмнасць намінацыйных адзінак пэўным чынам адлюстроўвае сістэмнасць навакольнай рэчаіснасці, таму што цесна звязана з этапамі пазнання з'яў навакольнага асяроддзя і стварае моўную карціну свету. Сярод найменняў будаўнічай сферы былі вылучаны на падставе прадметна-лагічных сувязей тэматычныя падгрупы, якія даюць магчымасць разглядаць намінацыйныя адзінкі з лінгвістычнага боку ў цеснай сувязі з пазамоўнай рэчаіснасцю. У кожнай тэматычнай падгрупе былі выдзелены бівербальныя атрыбутыўныя словазлучэнні, у якіх кампаненты ўступаюць у сінтагматычныя адносіны. У выніку аналізу спалучальнасці атрыбутыўнага кампанента з апорным словам былі вызначаны тыпы бівербальных адзінак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
2. Красней В.П. Беларуская тэрміналогія: зб. арт. Мінск: БДУ, 2011. 216 с.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141-172

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Институт языкознания АН СССР ; ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

5. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания // Очерки по теории языкознания / АН СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1982. 336 с.

6. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: КомКнига, 2006. 278 с.

БОГДАНОВА Людмила Ивановна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
libogdanova1@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СИМПТОМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИХ ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Аннотация. В статье рассматриваются синтагматические связи ряда слов, обозначающих русские культурные ценности. Изменение оценочных характеристик синтагматического окружения этих лексических единиц диагностирует изменение ценностного содержания. «Сценарии» отражения в русском языке терпения, скромности, стыда, чести дают возможность обратить внимание на трансформацию ценностей в современном мире. Исследование выполнено на материале словарей и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: русская лексика, значение слова, социокультурные ценности, синтагматика, субъективный оценочный компонент.

Abstract. The article deals with the syntagmatic connections of a number of words denoting Russian cultural values. A change in the evaluative characteristics of the syntagmatic environment of these lexical units diagnoses a change in the value content. "Scenarios" of reflection in the Russian language of patience, modesty, shame, honor provide an opportunity to pay attention to the transformation of values in the modern world. The study was carried out on the basis of dictionaries and the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: Russian vocabulary, word meaning, sociocultural values, syntagmatics, subjective evaluative component.

Взаимозависимость между значением слова и его синтагматическим окружением была обоснована в трудах Ю.Д. Апресяна [1]. На современном этапе развития науки задача состоит в том, чтобы на основе ценностного подхода к значению слова выявить, какие именно изменения в семантике ведут к синтагматическом сдвигу в функционировании ряда лексических единиц. Как

уже неоднократно отмечалось, современную эпоху характеризует процесс «переоценки» ценностей. Этот процесс пересмотра ценностных установок, так же, как и феномен оценивания, включает в себя субъективный компонент. Объектом оценки, как показывают специальные исследования, может стать всё, что окружает человека. Но для субъекта оценивания основным объектом оценки является именно человек, его качества, эмоции, поступки, действия [4]. Оценки и ценности, достаточно устойчивые в том или ином социокультурном пространстве [3], всё же подвержены «переоценке» под влиянием различных внешних факторов..

Как известно, слова, содержащие оценочную сему, способны «отрываться» от объективных характеристик предметов и явлений: «оценка обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определённой части общества, и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное» [2: 50]. При этом одни и те же явления могут оцениваться и как позитивные, и как негативные. Об этом свидетельствует, в частности, употребление в современном русском языке прилагательного *терпеливый*, отражающего традиционную русскую ценность – «терпение». Примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5] нередко демонстрируют положительную оценку «терпения» через прилагательное *терпеливый*: ... *Русский народ самый лучший, потому что самый терпеливый...*(Юрий Давыдов. Синие тюльпаны, 1989). Синтагматические связи прилагательного *терпеливый* также могут указывать на его положительную оценку: ... *Все говорят, что надо нам в чём-то каяться, оправдываться, и никому не приходит в голову другое: а кто-нибудь хоть раз сказал русскому человеку: «Самый добрый ты, самый **терпеливый** и **совестливый**, **трудолюбивый** и **жалостливый**...* (Михаил Тарковский. Жизнь и книга // «Октябрь» , 2002) [5]. Оказываясь в ряду слов с бесспорной положительной оценкой (*совестливый, трудолюбивый*), прилагательное *терпеливый* подтверждает свою положительную оценочную характеристику.

В то же время контекстное окружение лексической единицы *терпеливый* в последние десятилетия нередко сигнализирует и об отрицательной оценке «терпения»: *Терпеливый и безликий, Вместе мы – народ великий* (Андрей Пермяков // «Волга», 2009); *Он расчётливый, терпеливый и ловкий интриган* (Валериан Скворцов. Сингапурский квартет, 2001) [5]. Эти и многие

другие примеры говорят о том, что в современном меняющемся мире происходит пересмотр и трансформация традиционных ценностей. При этом такие качества, как *терпение*, *кротость*, *скромность*, *застенчивость*, *стыдливость*, по мнению довольно значительной части молодых людей, мешают двигаться вперёд, мешают строить карьеру. В связи с данным обстоятельством оценочный потенциал этих и других, близких им по значению слов постепенно меняется, меняется и их синтагматическим окружение. В частности, *кротость* и *кроткий* всё реже употребляются в современной речи, поскольку являются не востребованными. Значение слова *кротость* для многих носителей языка оказывается туманным, неясным. В словаре *кроткий* определяется как 'незлобивый, покорный, смирный' [6]. При этом *покорность*, связанная с подчинением чужой воле, так же, как и чрезмерное *терпение*, далеко не положительное качество в современном мире. Изменения касаются и рецепции традиционной русской ценности «скромность». Обзор иллюстративного материала разных лет [5] выявляет, в частности, положительные контексты употребления слова *скромный* во фрагментах из литературы XIX и XX веков (*солидный* и *скромный*; *скромный*, *серьёзный* и *верный*, *скромный* и *добрый* и т.п.). А в текстах XXI века допускается негативное контекстное окружение, характеризующее, например, внешний вид современного *скромного* человека (мужчины): *Напротив садится скромный мужчина – застенчивый взгляд, сальные волосы, мешковатые штаны, легкая сутулость, пакетик в руках* (Полина Осетинская. Рояль на линолеуме // «Русская жизнь», 2012) [5]. Нередко с помощью союза **но** создаётся оценочное противопоставление, раскрывающее «переоценку» скромности как ценности: *Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой!* (Ксения Букша // «Новый мир», 2013). Модель противопоставления с союзом **но** устроена таким образом, что первый член противопоставления предполагает какой-то дефект, ущерб, т.е. отрицательную оценку, а второй, компенсируя замеченные недостатки, имеет положительную оценку: *Тихий, скромный, но толковый. Дело понимает.* (Марианна Баконина. Девять граммов пластика, 2000), где *толковый* – безусловно, хорошее качество, а характеристики *тихий*, *скромный* – оцениваются как недостатки. Значение слова *скромный* постепенно сужается, нередко оно сводится к значениям 'бедный', 'нерешительный', 'неуверенный в себе'.

Чувство стыда в современном мире также может восприниматься как лишнее, ненужное. Последнее время всё чаще слышатся призывы поднимать

самооценку и даже избавляться от стыда, который стал осмысляться как фактор разъединения, как тормоз, замедляющий саморазвитие, препятствующий личностному росту человека, мешающий жить, общаться и двигаться в сторону своих желаний. Частотны запросы в интернете, авторы которых пытаются узнать у психологов, *как побороть стыд, как преодолеть чувство стыда, как избавиться от чувства стыда* и т. п. Разного рода коучи нередко предлагают за несколько шагов избавиться от чувства стыда. Но забвение стыда не может не представлять собой социокультурную угрозу, так как «освобождение» от этого чувства приводит к бесстыдству. Всё чаще в наше время причиной стыда становится бедность, неумение сделать карьеру, невозможность занять высокое положение в обществе. Примеры из НКРЯ [5] подтверждают эту мысль: *Сейчас стыдно быть бедным, неспортивным...* (Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013); *Криворотов-старший стоит поодаль, играя желваками: ему стыдно быть неудачником и отцом неудачника.* (Сергей Гандлевский. *НРЗБ* // «Знамя», 2002). Утрата чувства стыда в современном обществе связана, как правило, с угасанием значимости мнения коллектива, с ослаблением критического отношения к себе и своим поступкам, с усилением тенденции к развитию индивидуалистических настроений.

Как показывает анализ языкового материала, ценностное содержание, которое осознаётся как препятствие на пути к успеху и самореализации человека, может привести к утрате актуальности ряда традиционных социокультурных ценностей (*скромность, терпение, смирение, кротость, стыд* и др.). И, напротив, успешной реализации прагматических жизненных целей способствуют *амбиции, амбициозность, честолюбие*, поэтому оценочный компонент значения этих слов постепенно меняется, приобретая положительную окраску. По данным НКРЯ [5], в 60-80-е годы XX века эти качества оценивались отрицательно. Об этом говорит синтагматически связанное употребление: *амбициозный и спесивый; честолюбивый и посредственный* и др. В XX веке контексты употребления слова *честолюбивый* явно обнаруживали негативную оценку честолюбивого человека: *Это был человек, видимо, тяжёлого и резкого характера, честолюбивый и обиженный* (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*, ч. 1, 1960). Человек не честолюбивый, напротив, оценивался в 70-80-е годы XX века положительно: *К ним, как бывает, примазывались ловкачи, но дядя Гриша не обращал на это внимания, простодушный, не честолю-*

бивый, интересы производства были у него на первом плане, истинный мастер своего дела, передовик в подлинном значении этого слова (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок, 1975-1977) [5].

Совсем иная картина наблюдается в XXI веке. Эта характеристика (**честолюбивый**) стала чаще использоваться по отношению к субъекту говорящему. Использование слова с отрицательной оценкой в позиции, характеризующей говорящего, безусловно, способствует либо смягчению, либо устранению негативной оценки: *Просто много думаю о себе, очень **честолюбивый*** (Алексей Слаповский. 100 лет спустя // «Волга», 2009) [5]. Употребление этого слова в одном ряду с положительными характеристиками также демонстрирует его оценку, изменившуюся с негативной – на позитивную: *За дело взялся **толковый** следователь. **Честолюбивый** и **одаренный***. (Леонид Зорин. Глас народа, 2007-2008 // «Знамя», 2008); *Как, отчего, он, **карьерный**, **блестящий**, **честолюбивый**, соль нации, вдруг...!* (Н.В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе, 2003) [5].

Честолюбие в современном обществе способствует карьере, а карьера – успеху, что является желанной целью для многих людей. Однако русский язык не располагает нейтральным обозначением для человека, стремящегося добиться высоких результатов в своей деятельности, занять высокое положение в обществе, и слово *карьерист* до сих пор сохраняет негативную оценку, хотя *карьера* в современном русском языке используется преимущественно в положительных контекстах: *блестящая карьера, делать карьеру, добиваться карьерного роста*, – всё это оценивается явно позитивно. Однако *быть карьеристом* по-прежнему не очень хорошо: *Давно уже сменилось руководство в министерстве, на место Коняги <...> заступил знаменитый хирург, **беспощадный карьерист** и **вор***. (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый мир», 2000). [5].

Карьеру, по-видимому, не может сделать человек без амбиций. *Амбиции* в советскую эпоху оценивались явно отрицательно. В толковом словаре представлены следующие значения слова **амбиции**: 1. 'Обострённое самолюбие, а также спесивость, чванство'. 2. 'Претензии, притязания на что-н.' (**неодобр.**). *Ничем не обоснованные амбиции*. [6]. В словаре с помощью пометы *неодобр.* эксплицитно представлена оценка этого качества. Однако собранный иллюстративный материал показывает, что в современном употреблении слово *амбиции* используется либо с нейтральной оценкой, либо в контекстах с об-

щим положительным значением: *Для того чтобы выйти на американский рынок и удержаться там, нужны не только амбиции и достойный продукт, но и супертехнологии работы в ритейле», — отмечает Ануш Гаспарян.* (Вера Кузьмина // «Эксперт», 2015) [5]. Отсутствие амбиций, как правило, сейчас оценивается отрицательно – как отступление от сложившейся нормы: – *Ну, в общем, какой-нибудь очень странный человек без амбиций.* (Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся, 2009) [5].

В результате «переоценки» ценностей происходит частичное преобразование русской языковой картины мира. Когнитивный подход к описанию семантики и синтагматики лексических единиц [7] должен обеспечивать их многоаспектное представление в словарях. Продолжение работы в данном направлении позволит рассмотреть критерии выявления национально-культурной специфики оценочно-ценностного компонента значения слова, способствует декодированию ценностных установок говорящего, создаёт предпосылки для прогнозирования угасания тех или иных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х тт. Т. 1, Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
4. Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Russian Journal of Linguistics*, 2017, том 20, №4. С. 729-748.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: www.ruscorpora.ru].
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.

БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна
(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru

СВОЕГО РОДА КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МАРКЕР-АППРОКСИМАТОР РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается выражение *своего рода*, используемое носителями языка как в письменной речи, так и в устном повседневном дискурсе и сочетающее в своих употреблениях функции аппроксимации, рефлексии на сказанное или готовящееся к произнесению / написанию и хезитации. Исследование проведено на корпусном материале и при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 94033528 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Ключевые слова: повседневная речь, речевой корпус, прагматический маркер, аппроксиматор, рефлексив, хезитатив.

Abstract. The article deals with an expression *svoego roda* used by native speakers both in written speech and in everyday oral discourse and combining in its use the functions of approximation, reflection on what was said or is being preparing to pronounce / to write and hesitation. The study was carried out on corpus material and with the financial support of a grant from St. Petersburg State University (project No. 94033528 "Modeling the communicative behavior of residents of a Russian metropolis in the social, speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods").

Keywords: everyday speech, speech corpus, pragmatic marker, approximator, reflexive, hesitative.

Повседневная устная речь, которой мы пользуемся ежедневно и в формальной, и в неформальной обстановке, является одним из вариантов репрезентации нашего языка и во многом отличается от него как инвентарем функциональных единиц, так и правилами (нормами) их употребления. Сравнение с письменным языком выявляет в этой речи множество разного рода отклонений от узаконенных словарями и справочниками норм письменной речи – ср., например, рассуждения на эту тему в работе [3]. При этом абсолютно «не стоит думать, что устная речь у нас неграмотная, просто она иначе устроена», «норма в применении к устной речи – своего рода общественный договор, то, как говорят культурные люди, обычно – образованные горожане» [10].

Применительно к литературно-письменному языку говорят, как правило, о норме кодифицированной, прескриптивной, или «норме-эталоне», а применительно к языку устному – о норме реальной, дескриптивной, или «норме-узусе» [4].

Не удивительно поэтому, что «с появлением новых технологий устная речь становится важным объектом академического изучения. Она дает бесценный материал, которого письменная речь дать не может. Она помогает нам проникнуть в суть когнитивных процессов, понять, как устроена коммуникация» [10]; устная речь является во многом той ««благодатной почвой», на которой произрастают ростки нового в нашей речи» [2: 28], а **корпусный подход** к анализу такой речи «позволяет ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [8: 13], а порой даже «заглянуть в будущее русского языка» [8: 9].

Одной из таких «новых проблем» является как раз вопрос об инвентаре функциональных единиц устного дискурса, который, как уже отмечалось, во многом отличается от лексикона языка. Значительное место в этом **речевом лексиконе** занимают единицы, которые часто оцениваются лингвистами отрицательно и так же отрицательно именуются «словами-паразитами», «лишними словами», «пустыми лексемами / частицами», «словесным мусором» и т. п. Однако, по мнению В.И. Подлесской, «слова-паразиты – вовсе не паразиты. У них, так же как и у других языковых ресурсов, есть четко очерченные функции. Вообще, единиц, лишенных функции, в языке не существует» [10]; ср. также мнение о «словах-паразитах» А.Д. Шмелева: «во всех таких случаях семантическая пустота языкового выражения оказывается в некотором смысле мнимой, поскольку оно наполняется богатым прагматическим содержанием» [15]. Одна из таких единиц, функционирующая, в отличие от большинства подобных, не только в устной, но и в письменной речи – единица *своего рода*, – и стала объектом внимания в настоящем исследовании.

Функционально данная единица близка к прагматическим **маркерам-аппроксиматорам** *типа, вроде, как бы* – маркерам нечеткой, или приближительной, номинации, показывающим неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющимся говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [9: 632] (см. подробнее об этом разряде прагматических маркеров (ПМ): [11]; см. также работу [13] в настоящем сборнике).

Согласно определению МАС, выражение *своего рода* означает 'в известной степени, с какой-л. точки зрения' [12: 723]. Другие словари, включая словарь синонимов [14], расширяют это толкование, добавляя значения 'в некотором роде, в своем роде', 'в определенном отношении', 'вроде', 'как бы'. Уже по этому перечню значений видно, что перед нами действительно аппроксиматор, синонимичный ПМ *типа* и *как бы*, хотя и вполне «интеллигентного толка», отнюдь не свидетельствующий, в отличие от других «слов-паразитов», о «недостаточной речевой культуре» говорящего [5: 91; 6: 298].

Предлагаемое исследование, имеющее характер пилотного, проведено на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка [7] и рассматривает особенности функционирования аппроксиматора *своего рода* в устном повседневном дискурсе.

Анализ корпусного материала показал, что данная единица выступает преимущественно (84,9 % небольшого пользовательского подкорпуса) в **препозиции** по отношению к выражению, которое маркирует, ср.:

1) *Может быть/ то/ что я сейчас скажу/ послужит **своего рода предостережением** для тех/ кто пытается остановиться* [Беседа с рок-музыкантами о проблемах наркотиков, НТВ, «Кома» // Интернет, 2002];

2) [№ 1, жен, № 0] *Мне кажется/ что у нее еще меньше шансов будет* [№ 0] *Почему?* [№ 4, муж, 55] *Потому/ что это **своего рода отмашка**/ как для крупного капитала. Это просто отмашка. Где она такие деньги нашла?* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2004].

Из примеров (1)-(2) видно, во-первых, что это вполне публичная речь вполне образованных (надо полагать – интеллигентных) носителей русского языка, а, во-вторых, что функция аппроксимации здесь реализуется одновременно с функцией так называемого «упреждающего» **рефлексива** [1]: говорящий только еще собирается произнести некую нетривиальную, с его точки зрения, единицу (слово или выражение; в примерах подчеркнуты) и дает ей предварительную оценку, как бы готовя к ней слушателя. Употребление аппроксиматора при этом несколько ослабляет иллокутивную силу высказывания, снижает категоричность утверждения и демонстрирует неполную уверенность говорящего в том, что он произносит. Подобная **полифункциональность** вполне типична практически для всех русских прагматических маркеров [11].

Еще более явно рефлексивный характер употреблений *своего рода* просматривается в тех нечастых контекстах (15,1 % от объема пользовательского подкорпуса), где эта единица выступает в **постпозиции** по отношению к наименованию или высказанному положению, ср.:

3) [1, муж, 53] *Да/ согласен. И запомнят [8, муж, 52] То есть как шоу будет **своего рода*** [Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2003];

4) *Есть такой замечательный балкон в городе Кемерово/ откуда видно весь город/ балкон моего приятеля Андрюхи Пашкова. У него квартира такая заколдованная/ **своего рода**. Там собирается очень большой круг людей/ художники/ музыканты/ поэты/ а... режиссёры/ фотографы/ в общем/ всевозможные люди/ которые... которых объединяло что-то вот одно/ дух такой своеобразный* [Облака над Кемерово. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // ТК «Культура», 2009].

Аппроксимация в контексте (3) поддерживается еще и сравнительным оборотом *как шоу* (ср. значение уподобления, свойственное и ПМ *как бы* или *вроде*), а в контексте (4) – использованием изобразительного маркера *такая*, который близок к **хезитативам** [11: 370-391]. В обоих случаях эти дополнительные лексические средства усиливают неуверенность говорящего и еще больше снижают категоричность высказывания. В обоих контекстах снова налицо речь публичная, т. е. более или менее подготовленная.

Анализ сочетаемости аппроксиматора *своего рода* с другими единицами в рамках контекста (в примерах подчеркнуты) показал довольно широкую ее вариативность, ср.:

5) [№ 2, жен, 18] *Ужас! Я теперь смотреть не буду. А я-то думала/ там про исследователей* [№ 1, жен, 18] *Ну/ тоже **своего рода** исследователи. Сколько они островов посетили. Исследователи Севера...* [Телефонный разговор двух женщин // Из коллекции НКРЯ, 2005];

6) *Это же классика **своего рода*** [Беседа в Москве // Фонд «Общественное мнение», 2003];

7) *Поэтому вопрос/ зачем человек освоил охоту/ не так прост и не так банален. Возможно/ это была **своего рода** брачная демонстрация/ для того чтобы привлечь самок и установить с конкретными самками/ то есть с доисторическими женщинами/ какие-то устойчивые контакты*

[Беседа А. Гордона с М. Бутовской об этологии любви, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003];

8) *Но это тёплый магнит/ поэтому нужен был большой магнит/ там и камера большая. Но када сверхпроводящие магниты/ то тут произошла значительная мини... миниатюризация. И уже для нуклотрона не понадобится такой гигантский магнит/ поэтому тот магнит/ который вот вы видите – он сегодня/ ну/ **своего рода** играет роль памятника* [А. Сисакян. Новое о строении материи. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

Видно, что *своего рода* легко сочетается с существительными (1)-(2), (5)-(6), прилагательными (4), глагольными (8) и именными (7) словосочетаниями, а также со сравнительным оборотом (3).

Уже в контексте (8) маркеру *своего рода* предшествует частица *ну* в окружении двух хезитационных (синтаксически никак не обусловленных) пауз. Такое строение контекста может свидетельствовать о заминке говорящего (хезитации), которая сопровождает выбор нужного слова. Еще интереснее контексты, в которых маркер *своего рода* встраивается в целую хезитационную цепочку, ср.:

9) *э-э Замечательный текст Ивана Бунина, [откашливается]/ э-э/ **своего рода**/ э-э зарисовка./ э-м основывающаяся на/ э-э хозяйственном эпизоде/ э-э поздней осени, когда убирается урожай яблок и они продаются* [Спонтанный пересказ художественного текста // Из коллекции А.А. Степихова, 2004];

10) *Вообще красивый город/ хороший. Есть исторический музей/ краеведческий музей/ и хорошо сохранился кремль/ каменный кремль. Кремль/ это был собственно/ как сказать... это была крепость **своего рода**/ окружённая высокой/ широкой кирпичной стеной. Вот* [Рассказ женщины о своей жизни // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011].

Цепочка хезитативов в обоих случаях оказывается достаточно протяженной и включает кашель как паралингвистический элемент и две вокализации (э-э) (9) или хезитатив *собственно* [11: 341-358] и метакоммуникатив *как сказать* (10). Такое выраженное хезитативное окружение словно втягивает в себя маркер *своего рода*, еще усиливая его полифункциональность: в подобных употреблениях видим одновременно аппроксимацию, рефлекссию и хезитацию.

Завершая описание особенностей функционирования в нашей речи единицы *своего рода*, необходимо отметить, что она занимает как бы (*своего рода*) промежуточное положение между значимыми единицами языка и лексически опустошенными, чисто прагматическими, единицами устного дискурса («словами-паразитами», или прагматическими маркерами). *Своего рода* нельзя однозначно отнести к классу ПМ, так как это выражение используется не только в устной, но и в письменной речи, а также имеет лексикографическую фиксацию. С прагматическими маркерами словосочетание *своего рода* сближает неосознанность, автоматизм употребления говорящим, а также вербализация некоторых его затруднений в ходе речепорождения или реакция на само это речепорождение. Думается, что это «слово-паразит» интеллигентной речи: в аналогичной ситуации говорящий с более низким уровнем речевой культуры (речевой компетенции) употребит, скорее, маркер *типа* или *как бы*.

Все сказанное делает маркер *своего рода* очень интересным объектом коллоквиалистики, а результаты его описания – важными в таких прикладных аспектах, как практика преподавания русского языка как иностранного или практика перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. № 3, 2015. С. 11-17.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. № 2, 2020. С. 23-31.
3. Богданова-Бегларян Н.В. Ошибка и оговорка: размышления об аномалиях / речевых сбоях в спонтанных монологах на родном и неродном языках // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 120-летию проф. Николая Николаевича Прокоповича (Владимир, 28-30 сентября 2021 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2021. С. 52-58.
4. Германова Н.Н. О двойственной природе понятия языковой нормы // Тезисы доклада международной научной конференции «Язык и культура». М.: Изд-во МГЛУ, 2001. С. 38-39.
5. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. 237 с.
6. Козлов Н.И. Истинная правда, или учебник для психолога по жизни. М.: АСТ-ПРЕСС, 1997. 480 с.
7. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.12.2022).
8. Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005. С. 6-20.
9. Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). В двух

томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631-643.

10. Подлеская В.И. Почему мы молчим и мычим [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a17389/#ixzz44Tgn6DpO> (дата обращения: 12.03.2023).

11. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

12. Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П – Р. Изд. второе, испр. и доп./ Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 752 с.

13. Сян Янань. Структурные реализации прагматического маркера-аппроксиматора *типа* в русской повседневной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (26-28 сентября 2023 г.). Владимир, 2023. В печати.

14. Тришин В.Н. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения – 12.02.2023).

15. Шмелев А.Д. Вехи прагматикализации [Электронный ресурс]. URL: https://www.slavistik.unimuenchen.de/forschung/tagungen/tagungsarchiv/konferenzpragmatik/abstract_aleksej-shmelev.pdf (дата обращения – 02.02.2023).

БОГРОВА Ксения Михайловна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

БЛИНОВА Анастасия Викторовна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
kmbogrova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НАИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ Г. ВЛАДИМИРА

Аннотация. В статье рассматриваются модели образования годонимов-мемориалов, получивших название в честь героев Советского Союза.

Ключевые слова: топонимы, годонимы, годонимы-мемориалы.

Abstract. The article discusses the models of formation of godonyms-memorials, which were named after the heroes of the Soviet Union.

Keywords: toponyms, godonyms, memorial godonyms.

В настоящее время топонимам г. Владимира посвящено достаточное количество работ. Но, несмотря на это, возникает необходимость в упорядочении топонимических объектов, в представлении их в виде систем и микро-систем, где отражено их функционирование. Целью данной статьи является

анализ топонимов, получивших название в честь того или иного героя Советского Союза, с лингвистической и исторической точек зрения.

Годонимы – это наименования улиц. Именно годонимы являются носителями историко-культурной ценности любого населенного пункта. Так и топонимы Владимира хранят в себе исторически ценную информацию.

Топонимы возникали в различные исторические периоды, тем самым стали свидетельствами разных событий. Каждый период характеризовался своим набором географических названий, их возникновение тесно связано с развитием общественной жизни и языка народов, которые жили или живут на различных территориях. В связи с тем, что менялись условия, сменялись эпохи, языки и народы, менялась и географическая среда обитания человека [1: 1].

Большую часть годонимов г. Владимира составляют мемориальные годонимы, т. е. улицы, получившие названия в память о каком-либо человеке. Предметом настоящего исследования стали улицы, названные в честь героев Советского Союза. Во Владимире мы насчитали шестнадцать подобных улиц.

Как правило, мемориальные названия образуются по следующей модели: к аппеллятиву *улица* присоединяется фамилия в Р.п., например, *улица Гастелло*, получившая название в честь Героя Советского Союза Николая Францевича Гастелло решением исполкома Владимирского горсовета от 20 ноября 1946 года [2: 84].

Улица Белякова расположена на Северо-Западе г. Владимира и названа в честь Героя Советского Союза, флаг-штурмана ВВС РККА, участника рекордных авиационных перелётов в 1930-е годы Белякова Александра Васильевича [2: 46].

Улица Ватутина находится на Северо-Востоке г. Владимира названа именем Героя Советского Союза, видного Советского военачальника времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., генерала армии Николая Федоровича Ватутина решением исполкома Владимирского горсовета N 92 от 20 января 1950 года [2: 66].

Улица Гагарина расположена в центре г. Владимира и имеет многовековую историю: в XII в. – *Царицынская слобода*, в XVIII в. – *Царицынская улица*, с 1923 г. – *улица В.И. Ленина*, а с 1967 г. улица носит имя первого космонавта, Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина, решение исполкома города Владимира N 1106 от 04.10.1967 г. [2: 81].

Улица Доватора находится на Юго-Западе г. Владимира и названа именем Героя Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. генерала Льва Михайловича Доватора решением исполкома Владимирского горсовета N 1228 от 5 июня 1957 года [2: 114].

Улица Крайнова находится на Западе г. Владимира в Ленинском районе. Прежнее название улицы Крайнова – 15-й проезд, который был переименован решением исполкома Владимирского горсовета и назван в 1985 году, в канун 40-летия Победы, в честь нашего земляка Героя Советского Союза, генерал-майора Крайнова Александра Иосифовича [2: 139].

Улица Черняховского находится на Западе г. Владимира и названа в честь видного Советского военачальника дважды Героя Советского Союза, генерала армии Ивана Даниловича Черняховского решением исполкома Владимирского горсовета N 92 от 20 января 1950 г. [2: 272].

Улица Василисина расположена на Юго-Западе г. Владимира в Ленинском районе и названа именем Героя Советского союза Василисина Сергея Дмитриевича решением исполкома Владимирского горсовета N 354 от 25.05.1964 г. [2: 65].

Улица Пичугина находится в Ленинском районе г. Владимира и получила название в честь летчика истребителя Героя Советского Союза, нашего земляка, Пичугина Евгения Ивановича, который совершил воздушный таран фашистского самолета «мессершмитт-110» и погиб 9 марта 1942 года у города Калинина [2: 201].

Улица Каманина расположена на Северо-Востоке г. Владимира и с 1987 г. носит имя Каманина Николая Петровича, советского лётчика, Героя Советского Союза, руководителя с 1961 по 1971 год Центром подготовки советских космонавтов [2: 126].

Иногда наблюдаем присоединение к апеллятиву *улица* не только фамилии, но и имени, например: *улица Александра Матросова*, которая названа именем Героя Советского Союза по решению исполкома Владимирского горсовета N 92 от 20 января 1950 г. [2: 34].

Улица Дмитрия Погодина находится в восточном районе города Владимир, названа в честь Героя Советского Союза генерал-майора танковых войск Дмитрия Дмитриевича Погодина решением исполкома Владимирского горсовета N 781 от 20 июня 1951 года [2: 110].

Улица Зои Космодемьянской названа именем бойца Красной Армии, Героя Советского Союза решением Владимирского исполкома N 1190 от 10.10.1956 г. [2: 123].

Улица Любви Шевцовой – это всего один затерявшийся одноэтажный деревянный домик между улицами 8-я и 9-я Линии на Северо-Западе г. Владимира. Улица названа в честь Шевцовой Любви Григорьевны – героини Молодой Гвардии решением Владимирского исполкома N 655 от 30.05.1956 г. [2: 165].

Улица Олега Кошевого находится на Северо-Западе г. Владимира. Улица названа в честь Героя Советского Союза, одного из руководителей советской подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне, расстрелянного немецкими оккупантами в январе 1943 г. во время Великой Отечественной войны (1941-1945). Решение о присвоении улице имени Олега Кошевого было принято Владимирским исполкомом 24 апреля 1959 года за номером 628 [2: 196].

Улица Полины Осипенко находится на Северо-Востоке г. Владимира в Октябрьском районе. Эта улица названа в честь легендарной летчицы 30-х годов и Великой Отечественной войны Полины Осипенко [2: 206].

Как показывает историческая справка, топонимы г. Владимира получили название в честь героев Советского Союза во второй половине XX в. Отметим, что новые улицы г. Владимира получают свое название из топонимического банка данных, который создается усилиями топонимической комиссии. При этом наименования улиц не имеют смысловых связей, например: *Искристая, Неповторимая, Вольная, Прохладная* и др. Нам представляется возможным, и даже необходимым, воспользоваться опытом наших предшественников и продолжить традицию наименования улиц в честь героев нашего Отечества (Советского Союза или Российской Федерации), уроженцев Владимирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюбов А.Р. Топонимы как ценное наследие культуры // Ученые записки Худжанского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. №4. С. 53-57.

2. Титова В.И. Улицы Владимира от А до Я: историко-топонимические очерки. Владимир: Калейдоскоп. 2019. 336 с.

БОРЗЫХ Елена Александровна (*Алчевск, ЛНР, Россия*)

аспирант
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
elenalborzykh@list.ru

КОНЦЕПТ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы в изучении концепта как категории когнитивной лингвистики. Концепт в области когнитивной лингвистики можно рассматривать как единицу памяти, а также как сложное и многогранное явление. Он имеет множество разновидностей и видов, определяемых и классифицируемых лингвистами-когнитологами совершенно по-разному. Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные параметры классификации и типологии концепта, принятые в зарубежной когнитивной лингвистике. В результате этого исследования с наибольшей степенью полноты выявляются существенные признаки понятия, а также представлено наиболее полное определение понятия, объединяющее противоречивые мнения ученых.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, структура, концептология, значение, символическая единица.

Abstract. The article discusses main approaches in the study of concept as a category of cognitive linguistics. Concept in the field of the cognitive linguistics can be observed as a unit of memory, also it is complex and multi-faceted phenomena. It has many varieties and types, defined and classified by linguist cognitologists in completely different ways. The purpose of this article is to identify and characterize the main parameters of classification and typology of concept adopted in cognitive linguistics. As a result of this research, essential features of the concept are revealed with the greatest degree of completeness, and the most complete definition of the concept is introduced, combining the scientists' contradictory opinions.

Keywords: concept, cognitive linguistics, structure, conceptology, meaning, symbolic unit

Современная когнитивная лингвистика активно формирует новые методы и методологию изучения литературы, иногда на пересечении различных гуманитарных наук – философии, лингвистики, культурологии и т. д. Во всех этих отраслях достаточно активно используется логическая единица – концепт. Своеобразная мода на термин «концепт» в научной литературе конца XX – начала XXI вв. Этот термин, с одной стороны, не имеет четкого, точного и общепринятого определения; с другой – приблизительно понятен всем специалистам в этой области исследований. Это связано с тем, что каждый исследователь дает свое понимание предельных элементов, на основе которых разрабатывается теория, однако ряд терминов, вводимых отдельными

специалистами, на некоторое время становится очень популярным, и частота употребления создает определенную «видимость» ясности и прозрачности их значения. Сложность состоит в том, что научное понятие концепта находится на грани нескольких областей знания – лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствоведения и культурологии.

Концепт можно отнести к категории идеальных сущностей, формирующихся в сознании человека: 1) из его непосредственного чувственного опыта при восприятии действительности органами чувств; 2) от непосредственного взаимодействия человека с предметами; 3) от мыслительных операций человека с уже существующими в его сознании другими концептами – что может привести к возникновению новых; 4) из языкового общения; 5) из самостоятельного познания значений языковых единиц.

На сегодняшний день проблеме отражения объективного мира в концептах посвящено немало работ зарубежных ученых. Это труды таких исследователей, как Р. Лангакер, У. Левелт, Л.Р. Траск, Л. Талми, В. Эванс, К. Пруст. Так, к примеру, Р. Лангакер ввел термин «символическая единица»; У. Левелт интерпретировал термин «концептуализация» с позиции когнитивной лингвистики; В. Эванс представил теорию лексических концептов и когнитивных моделей. Л. Талми предложил собственную интерпретацию сущности концепта.

Главными дискуссионными проблемами современной лингвоконцептологии являются: 1) разграничение «концепта» и «понятия»; 2) зависимость концепта от речевой вербализации; 3) связь концепта и значения; 4) наличие в структуре концепта оценочно-эмотивных, ценностных и прагматических компонентов; 5) принадлежность концептов индивидуальному или коллективному сознанию; 6) типология концептов; 7) структура; 8) методы и процедуры описания и анализа концептов.

Первым дискуссионным вопросом лингвоконцептологии является разграничение концепта, понятия и значения. В научной литературе имеются различные суждения в отношении этих понятий как таковых. «Концепт» и «понятие» часто отождествляются. Исследователи в области лингвоконцептологии пытаются разграничить «понятие» и «концепт».

Термины «концепт» (от лат. *conceptus* – «схватка, замысел, зачатие») и «концептуализация» (от лат. *conceptio*; англ. *conceptualization* – «понятие, представление, понимание, замысел») в современной гуманитарной науке яв-

ляются одними из ключевых понятий при исследовании проблем в рамках антропоцентрической парадигмы.

Терминологическую картину дефиниции терминов «концепт» и «концептуализация» в сфере зарубежной антропоцентрической парадигмы можно представить, благодаря Оксфордским и Кембриджским словарям [1; 3]. Так, согласно Оксфордским словарям, понятие «концепт» появилось в середине XVI века в значении «мысль, представление» и восходит к латинскому глаголу *concipere* («зачинать, задумывать»). Здесь оно имеет ряд лексических значений, из них в лингвистическую парадигму вписываются следующие два: «абстрактная идея», «замысел или намерение» (они близки к толкованию в Кембриджском словаре) [3]. Остальные дефиниции входят в неязыковые дискурсы, но относительно близки по смыслу с предыдущими («идея или изобретение», «экспериментальная модель транспортного средства», в философии – «идея или ментальный образ»).

В Оксфордских словарях содержится также дефиниция понятия «концептуализация» [4]. Концептуализация в данном источнике представляется как «действие или процесс формирования концепта или идеи чего-либо», а также «абстрактная идея или понятие чего-либо». Словарь Коллинза содержит этимологию слова «концепт» и ряд определений [2].

Происхождение слова *концепт* XVI век: от латинского *conceptum* – «что-то полученное или задуманное», от *concipere* – «принимать, задумывать».

В этимологическом аспекте словарь Коллинза [2] и Оксфордские словари [3] предлагают схожую трактовку единицы «концепт» (середина XVI века, от латинского глагола *concipere* – «зачинать, задумывать»). Отличие словаря Коллинза заключается в подходе к дефиниции понятия «концепт»: здесь предлагается одно общее значение («идея, особенно абстрактная»), ряд философских определений («общая идея», «совокупность всех характерных свойств чего-либо», «теоретический конструкт», «прямо постигаемый объект мысли», «значение предиката»), а также трактовка, связанная с машиностроительным дискурсом (как и в Оксфордских словарях).

Второй проблемой современной семантики является точка зрения, согласно которой языковые формы непосредственно связаны с концептом без какого-либо промежуточного уровня семантического содержания. Ее разработали Ж. Фоконье [10], Р. Джекендофф [11], Дж. Лакофф [12], Р. Лангакер [13].

Несмотря на различие между двумя видами семантики, существуют некоторые общие предположения относительно отношения между языковыми выражениями и концептами.

Концепт как лингвистический термин является одним из ключевых понятий в когнитивной лингвистике. В области когнитивной семантики в современной науке распространена теория лексических концептов и когнитивных моделей (теория ЛККМ).

В рамках данной теории наиболее известны работы британского лингвиста-когнитолога В. Эванса [7; 8; 9], который раскрывает основные положения теории ЛККМ [9]. В данной теории используются два основных понятия: лексический концепт и когнитивная модель. Концепты как элементы сознания достаточно самостоятельны в языке. Согласно В. Эвансу, концепты являются посредниками между словом и экстралингвистической реальностью [7]. Концептом могут стать только те явления действительности, которые актуальны и ценны для конкретной культуры, которая имеет большое количество языковых единиц, фиксирующих себя в этой культуре, которые являются предметом пословиц и поговорок, поэзии и прозы.

В рамках теории ЛККМ В. Эванс предлагает новый подход к определению роли слов и других языковых единиц в конструировании смысла. В. Эванс считает, что концепты внутренне организованы по полемому признаку и включают в себя чувственный образ, информационное содержание и интерпретативное поле. Чувственный образ в составе концепта формируется перцептивно-когнитивными признаками. Эти особенности возникают в сознании носителей языка, отражая окружающую среду через органы чувств. Образные черты образуют метафорическую интерпретацию предметов и явлений. Структура концепта формируется когнитивными классификаторами и объединяется с когнитивными признаками, различающимися по степени яркости в сознании [7].

Зарубежные лингвисты интерпретируют термин «концепт» как «сгусток» языковой информации, семантическую структуру символической единицы [17]. Данный термин впервые появился в трудах американского лингвиста Р. Лангакера в 1987 году [14: 58]. Ученый полагает, что символической единицей могут выступать, например, слова и грамматические конструкции, т. е. языковые единицы, имеющие семантико-фонетический репрезентант (смысл и звучание). Как когнитивная единица значения концепт представляет собой абстрактную идею или ментальный символ, иногда определяемый как «еди-

ница знания», построенный из других единиц, которые действуют как характеристика концепта [5].

В. Эванс, развивая идею Р. Лангакера, различает лингвистический (языковая составляющая) и когнитивный (содержащий определенное концептуальное знание) концепты.

Теория ЛККМ базируется на ряде терминов, таких как концептуальное содержание, концептуальная структура, концептуальная система, лексическая репрезентация, лингвистическое содержание, лингвистическая систем, семантическая репрезентация, семантическая структура.

Американский лингвист Л. Талми, считающийся одним из родоначальников когнитивной лингвистики, в своих работах предлагает собственную интерпретацию сущности концепта [19; 20]. Он рассматривает фундаментальные системы, которые создают концепты, вводит понятие «схематические системы», анализирует типологии, в соответствии с которыми структурируются концепты, и процессы, которые структурируют концепты [20].

К. Пруст в своих трудах разбирает два особых аспекта лексикализации концептов: дистрибуцию лексических лакун и свойства лексикализации в оппозиции к простым коммуникативным выражениям [18].

С точки зрения лингвистической концептологии интересны исследования Л.Р. Траска, которые содержат определения основных понятий, используемых при изучении языка и лингвистики, в том числе концептологии [21].

Таким образом, в зарубежном языкознании не существует единого мнения в вопросе определения понятия «концепт» и его структуры. Концепт имеет в своей структуре понятийный, образный и ценностный компоненты, которые определяют связь концепта с объективирующим его языком и культурой как национальной системой ценностей, обусловленной историей народа и его менталитетом, с сознанием человека и его деятельностью. Концепт в процессе своего развития проходит несколько этапов, на каждом из которых происходит насыщение содержания слова смыслом.

В результате анализа теоретического материала (указанные выше англоязычные онлайн-словари и зарубежные научные публикации) было произведено сопоставление дефиниций понятий «концепт» и «концептуализация» в различных источниках и эксплицированы подходы к определению указанных терминов. Полученные в ходе исследования теоретические данные могут

быть полезны в таких областях языкознания, как концептология, когнитивная лингвистика и корпусная лингвистика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Concept [Электронный ресурс] // Cambridge English Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/concept>
2. Concept [Электронный ресурс] // Collins Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/concept>
3. Concept [Электронный ресурс] // English by Oxford Dictionaries. URL: <http://en.oxforddictionaries.com/definition/concept>.
4. Conceptualization [Электронный ресурс] // English by Oxford Dictionaries. URL: <http://en.oxforddictionaries.com/definition/conceptualization>.
5. Dillon J. The Question of Being in: Jacques Brunschwig, Geoffrey E.R. Lloyd (eds.). Harvard University Press. 2000. pp. 51-71
6. Evans V. A Glossary of cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2007. 239 p.
7. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N. Y.: Oxford University Press. 2009. 377 p.
8. Evans V., Green M. Cognitive linguistics: an introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006. 830 p.
9. Evans V., Pourcel S. Semantic representation in LCCM theory // New Directions in Cognitive Linguistics. 2009. № 24. P. 27-56.
10. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Constructions in Natural Language. Cambridge/Mass.: MIT Press. 1985.
11. Jackendoff R. Semantic and Cognition. Cambridge/Mass.: MIT Press. 1983.
12. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press. 1987.
13. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction. N. Y.: Oxford University Press. 2008. 562 p.
14. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Stanford, CA: Stanford University Press. 1987. Vol. 1. 516 p.
15. Langacker R.W. Investigations in cognitive grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 396 p.
16. Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge, MA: The MIT Press. 1993. 584 p.
17. New directions in cognitive linguistics / ed. by V. Evans, S. Pourcel. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company. 2009. 520 p.
18. Proost K. Conceptual structure in lexical items. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company. 2007. 308 p.
19. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Cambridge – L.: The MIT Press. 2000. Vol. 1. 565 p.
20. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Cambridge – L.: The MIT Press. 2000. Vol. 2. 495 p.
21. Trask L. R. Key concepts in language and linguistics. L. – N. Y.: Routledge. 1999. 256 p.

ВАДЖИБОВ Малик Джамалутдинович (Махачкала, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный университет
malikvad@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ОНОМАСТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ
ВАРИАНТЕ КНИГИ Р.Г. ГАМЗАТОВА «МОЙ ДАГЕСТАН»
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)

Аннотация. В настоящей статье описана специфика отражения ономастики в русскоязычном варианте книги Расула Гамзатовича Гамзатова «Мой Дагестан». Применены антропонимика и топонимика не только страны гор, которыми пользовались в середине XX века. Названы как легендарные личности, так и реальные персоны, которые оставили след в истории малой родины и всего человечества. По мере необходимости в художественном произведении использованы названия стран и географических территорий, наименования производственных и творческих объединений, изданий, населенных пунктов и другие собственные имена.

Ключевые слова: «Мой Дагестан», Гамзатов, ономастика, топонимика, антропонимика, имя.

Abstract. This article describes the specifics of the reflection of onomastics in the Russian version of the book by Rasul Gamzatovich Gamzatov "My Dagestan". Anthroponymy and toponymy are applied not only to the countries of the mountains, which were used in the middle of the 20th century. Both legendary personalities and real people who left their mark on the history of their small homeland and all of humanity are named. As necessary, the names of countries and geographical areas, the names of production and creative associations, publications, localities and other proper names are used in the work of art.

Keywords: «My Dagestan», Gamzatov, onomastics, place names, anthroponyms, name.

В начале статьи подчеркнем, что в самом названии произведения «*Мой Дагестан*» Расулом Гамзатовичем Гамзатовым использован топоним «Дагестан», причем поэт называет его своим. При этом первый антропоним, который дан в эпиграфе к первой книге, – это имя *Абуталиб* [1: 8]. Не случайно старик *Абуталиб*, умудренный опытом и убеленный сединами, авторитетный аксакал страны гор в середине XX века, в произведении выступает как один из главных героев. В самом же тексте сначала представлен антропоним *Хаджи-Мурат*: «*Среди мюридов оказался Хаджи-Мурат – наиб великого Шамиля*» [1: 10].

Ученый Гусейнова М.К. пишет об экзотизмах, к которым обращался поэт в своих произведениях и в которых отражаются «*названия республик, стран, городов, сел, рек и гор: Daghestan, the Caucasian Mountains, Tsada, the Main*

Caucasian Range, the Caspian Sea и др.» [3: 195]. Правда, исследователь в своей публикации не отмечает, взят ли материал из «*Моего Дагестана*». Топонимы *Дагестан, Цада, Каспийское море* и др. часто используются в рассматриваемом произведении.

Известно, что «*наша малая родина – Дагестан, в отличие от многих стран, краев, республик, носит не этническое, а топонимическое название*» [2: 97]. Поэтому с данной точкой зрения нельзя не согласиться, ибо в книге поэта «*Мой Дагестан*» читаем следующий комментарий: «**Даг** – означает гора, **стан** – означает страна. **Дагестан** – страна гор, страна-гора, горная страна...» [1: 232]. Как видим, в самом названии «*Дагестан*» представлены два корня – *даг* (тюрк. гора) и *стан* (перс. страна).

В книге нашли отражение более 750 именослов. Это местные реальные (*Расул Гамзатов, Имам Шамиль, Абуталиб, Сулейман Стальский* и др.) и легендарные личности (*Парту-Патимат, Хочбар, Камалил-Башир* и др.); известные мастера слова (*Пушкин, Достоевский, Александр Дюма, Ромен Роллан* и др.); руководители государств (*Ленин, Сталин, Фидель Кастро*); исторические области и города (*Хайдак-Табасаран, Хайдак, Табасаран, Туркестан, Нуха* (город Шеки в современном Азербайджане), *Петровск, Ленинград* и др.); моря (*Адриатическое, Баренцево, Мраморное* и др.); реки (*Койсу, Сулак, Самур, Терек* и др.); бывшие советские республики (*Азербайджан, Белоруссия, Грузия* и др.); государства (*Куба, Турция, Иран* и др.); города (*Москва, Махачкала, Баку, Стамбул, Нью-Йорк* и др.); известные дагестанские села (*Гуниб, Хунзах, Ахты, Кумух* и др.); названия произведений (*Евгений Онегин, Война и мир, Божественная комедия, Аммалат-бек* и др.); производственные и творческие объединения (*Дагестанское книжное издательство, издательство «Молодая гвардия», завод «Дагестанские огни», Ансамбль песни и пляски, Союз писателей Дагестана* и др.) и пр. [1].

Как видим, в книге представлены не только местные наименования. Очевидно, автор упоминает не все известные имена, которые использовались к середине двадцатого столетия нашей эры.

Большинство ономастикона в книге дано согласно русскому письму – с помощью кириллицы. Но в русскоязычном варианте книги мы находим исключения, ибо в некоторых случаях наименования переданы посредством местной (аварской) графики, ср.:

«– **Загьра!**

Загъра – это значит звезда» [1: 288]. Это женское имя, так нарекли сестру Расула Гамзатова. В русском языке данное имя можно передать двояко: *Загра* или *Захра*.

«Выпускаем мы пять литературных альманахов на пяти языках. Они называются "**Дуствал**", "**Дослукъ**", "**Гьалмагъдеш**", "**Гьудуллъи**", "**Дусшиву**". Впрочем, у всех у них одно общее название – "**Дружба**"» [1: 299]. Если первое (на лезгинском языке) и последнее (на лакском языке) наименования можно передать на русском языке без изменений, остальные три отражены посредством букв в кумыкском, даргинском и аварском языках.

Сделана попытка передачи в переводе особенностей применения антропонима в аварском языке через использование аффикса -ил: *Гамзатил Расул* [1: 59], хотя по-аварски это должно было звучать следующим образом: *Хламзатил Расул* [4: 60].

Некоторые местные имена не склоняются согласно правилам русского языка, ср.: женские: *Фазу, Меседу, Анхил Марин* и др., мужские: *Али, Ахильчи, Айгази, Эффенди, Бадави, Цадаса* (фамилия отца Расула Гамзатова) и др. [1]. Кстати, в современной устной речи дагестанцев фамилия *Цадаса* иногда склоняется.

Не изменяются в соответствии с литературной нормой и такие наименования, как *Гаити, Баку, Мериме, Саади, Тахо-Годи* и др. При этом интерес представляют местные несклоняемые названия: *Ахульго* (историческая местность, крепость), *Кубачи* (село), *Дарго* (географическая территория), *Кахаб-Росо* (село), *Кули* (село), *Койсу* (река) и др. [1].

В тексте наличествуют и такие случаи, когда переводчик называет жителей местных селений, но не называет эти населенные пункты: «**джалатуринец**» [1: 56, 57 и др.]; «*Не раздуваю ли я свою книгу, как **ансалтинцы** трубу?»* [1: с. 145]; «*Не штурмую ли я крепость в Анди, как это казалось одному **харикулинцу**, в то время как он сидел у своего очага?»* [1: 195]. При этом важно обратить внимание на следующее: если в аварском языке ряд слов дается как собственные имена, то в переводе перед нами предстают нарицательные лексемы-прилагательные: **Британиялъул десант** [4: 305] – **британский десант** [1: 281] и др.

В книге использованы местные сложные наименования, которые пишутся через дефис: *Абдул-Вагаб* (имя), *Ая-Кака* (ущелье), *Тахо-Годи* (фамилия), *Темир-Хан-Шура* (город) и др. [1].

В произведении традиционны дефисные, слитные написания многосложных собственных наименований, подчиняющихся правилам русской орфографии: *Бестюжев-Марлинский, Кабардино-Балкария, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Франфуркт-на-Майне, Военно-Морской Флот, Ленинград, Сталинград, Североморск* и др. [1].

Применен и такой ономастикон, который состоит из двух или трех слов: *Всесоюзная сельскохозяйственная ярмарка, Высшие литературные курсы, Верхний Гуниб* (село), *Нижний Дженгутай* (село), *Аварское Койсу* (река), *Саудовская Аравия, Жанна д'Арк* и др. [1].

В тексте представлены прежние и новые наименования: *Дагестан* [1: 125, 126 и др.] и *Дагестанская республика* [1: 134], *Темир-Хан-Шура* [1: 221, 287 и др.] и *Буйнакск* [1: 173, 262 и др.], *Петровск* или *Порт-Петровск* [1: 254, 282 и др.] и *Махачкала* [1: 128, 315 и др.] и пр.

Автор в книге иногда использует малоизвестные местные названия: *Буцрахский хребет* [1: 44], аул *Келеб* [1: 46], *Куса* (имя) [1: 158], ущелье *Буцраб* [1: 229] и др. Видимо, для Р.Г. Гамзатова данная ономастика важна, и она наиболее близка ему по определенным причинам. Ведь речь идет о малой родине великого поэта.

Среди собственных имен больше всего употреблены *Абуталиб* [263 раза; 114 раз в им.п.], Народный поэт Дагестана, который писал на лакском языке, легендарный Имам Шамиль [167 раз; 83 раза в им.п.]. Имя самого автора, гениальной личности двадцатого столетия, Расул использовано 87 раз – всего 16 раз в им.п. Имя Гомера XX века *Сулеймана Стальского*, Народного поэта Дагестана, который не владел письмом и устно сочинял на лезгинском и азербайджанском языках, автор приводит 48 раз. При этом, по нашим данным, имя без фамилии и с фамилией использовано по 24 раза.

Иногда в переводе одно и то же имя применяется часто на одной и той же странице, в одном и том же абзаце. Так, в абзаце из 71 слова 7 раз дано имя аварского поэта **Махмуда**, которое в самом тексте употреблено 77 раз: *«Махмуд был большой поэт. У него была главная тема – любовь к Мариам. Самый большой друг попросил Махмуда сочинить колыбельную песню, потому что родился сын. Махмуд попробовал, но ничего у него не вышло. Ребенок плакал в колыбели под песню Махмуда, хотя ему полагалось засыпать. Другой друг попросил Махмуда сочинить плач по умершей жене. Ма-*

хмуд попробовал, но у него ничего не вышло. Люди не плакали, слушая сочиненный **Махмудом** плач. А некоторые даже улыбались» [1: 92].

Среди топонимов чаще употребляется *Дагестан*. Так, только в именительном и винительном падежах данное название представлено 103 раза. Это важно, учитывая то обстоятельство, что книга посвящена родному краю и написана о его судьбе. Село *Цада*, расположенное в Хунзахском районе, где родился поэт, в тексте реализуется 54 раза, а город Махачкала, столица нашей республики, – 43 раза.

Топонимы используются в качестве риторических повторов. Правда, самим термином автор не пользовался. В тексте представлено анафорическое применение имени *Абуталиб* [1: 10, 307], названия *Дагестан* [1: 91] и пр.

Некоторые страницы изобилуют ономастикой в качестве однородных членов при асиндетоне: «**Авар-Койсу** стала называться **Кара-Койсу**, то есть **Черной** рекой. Появились **Раненые** скалы, **Ущелье** смерти, прославилась река **Валерик**, остались в народной памяти тропа **Шамиля**, дорога **Шамиля**, танец **Шамиля**» [1: 272].

Представляем предложения с однородными членами, в которых даны имена и топонимы: «Слышу я голос **Оскара Лещинского**, **Казу-Магомеда Агасиева**, **Гаруна Саидова**, **Алибека Багатырова**, **Сафара Дударова**, **Солтан-Саида Казбекова**, отца и сына **Батырмурзаевых**, **Омарова Чохского**... Они погибли в **Ахта**, в ущелье **Ая-Кака**, у **Касумкентского** потока, за стеной **Хунзахской** крепости, в сожженном **Хасавюрте**, в древнем **Дербенте**» [1: 287]. Если в первом предложении прослеживаются имена, то во втором мы видим топонимы.

Однородные члены как наименования реализуются и при полисиндетоне: «Его стихи в переводах жены мелькали иногда то в "**Мурзилке**", то в "**Пионере**", то в "**Крокодиле**» [1: 155].

Автором используются аббревиатуры, которые возникли в советское время на территории нашей страны: *Гослитиздат* [1: 37], *КПСС* [1: 46], *Литфонд* [1: 124, 125 и др.], *Дагэлектромаш* (завод) [1: 151], *ГАИ* [1: 304], *РСФСР* [1: 287] и др. Мы обратили внимание и на то, что в книге не находим имени *Асият*, имени главной героини поэмы «*Горянка*» и пьесы «*Горянка*», несмотря на то, что писатель о ней вспоминает в произведении: «Когда я писал поэму "**Горянка**", ...» [1: 51]; «В то время я написал пьесу "**Горянка**» [1: 201].

В «Моем Дагестане» собственное имя умело превращается в нарицательное. Рассказывая об *Алибулате* из *Телетля*, поэт замечает: «*Есть такие алибулаты и в нашей литературной среде*» [1: 82]. Тем молодым поэтам, кто считал себя чрезмерно талантливым и апеллировал к «Гомеру XX века» как к человеку «безграмотному», Гамзат Цадаса предлагал «*учиться писать правильно*». А поэт комментировал: «*Таких "гомеров" и сейчас много еще в Дагестане*» [1: 374].

Важно употребление известных персон во мн.ч.: «*Они наши дагестанские Чапаевы, Щорсы, Шаумяны*» [1: 287]. Автор пишет, что «*...стране нужны Гоголи и Щедрины*» [1: 83]. Через абзац снова встречаемся с мыслью о том, что «*...нам нужны Гоголи и Щедрины, ...*» [1: 83]. Очевидно, такой стилистический повтор актуален.

В книге дано высказывание, в котором представлена своеобразная синекдоха: «*Дагестан! И у тебя были разные учителя. Свои Гасаны, свои Мюнхгаузены*» [1: 385]. Удивительно то, что в прозаическом произведении великого поэта Гомер становится нарицательным, а никому не известный Гасан употребляется во мн.ч. как собственное имя.

Укажем и ряд расхождений при описании ономастики русскоязычной версии книги.

Сочетание «*Хъасумкент райональул Орта-Сталалдаса Зубаржатил*» [4: 244], употребленное в аварском варианте книги, в переводе означает «*Зубаржат из селения Орта-Сталь Касумкентского района*» (данный район переименован в Сулейман-Стальский район). Отрывок, в котором применены имя и два топонима, отсутствует в русской версии книги.

В оригинале аббревиатура СССР использована один раз [4: 43], а в переводе – 5 раз [1: 32, 46, 119, 298, 385]. При этом в подлиннике название нашего бывшего государства употреблено в анкете, которой нет в переложении содержания книги на русском языке.

У автора дан иранский город *Мешхет* (как в оригинале, так и в переводе), в русской орфографии принято писать *Мешхед*. При этом в первоисточнике на аварском языке топоним *Мешхеталда* (в *Мешхете*) использован 4 раза как анафора [4: 290; 423-424], а в транслитерации – только один раз: в *Мешхете* [1: 270].

Название повести А. Бестужева-Марлинского в оригинале представлено два раза с одной буквой *м* – *Амалат-бек* [4: 237, 433], а в переводе – один раз с двумя *м*: *Аммалат-бек* [1: 371].

Итак, мы вкратце описали специфику использования ономастики в русскоязычном варианте книги Расула Гамзатовича Гамзатова «Мой Дагестан». Применены антропонимика и топонимика не только страны гор, которыми пользовались в середине XX века. Названы как легендарные личности, так и реальные персоны, оставившие свой след в истории малой родины и всего человечества. Отмечены и те, кто внес скромную лепту в развитие Дагестана. Подчеркиваем, что в художественном произведении по мере необходимости указаны названия стран и географических территорий, наименования производственных и творческих объединений, изданий, населенных пунктов и другие собственные имена. Те аспекты ономастики, которые не рассмотрены в данной публикации, станут объектом наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамзатов Р.Г. Мой Дагестан. Конституция горца. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2002. 752 с.
2. Гасанова С.Х. Использование топонимического материала на занятиях по русскому языку в школе и вузе // Известия государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2010. № 2 [11]. С. 93-97.
3. Гусейнова М.К. Лингвоэтнические соответствия в переводах произведений Р. Гамзатова // "Science Time": Материалы Международной научно-практической конференции Общества Науки и Творчества за апрель 2016 года. Казань, 2016. № 4 [28]. С. 194-200.
4. Хамзатов Р. Дир Дагъистан. Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2008. 456 с.

ВАЛЕЕВА Людмила Владимировна (*Симферополь, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
lv_valeeva@mail.ru

ЕВТУШЕНКО Виталина Павловна (*Симферополь, Россия*)

студент
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
vitalina.evtushenko.04@mail.ru

СИНКРЕТИЗМ ОЦЕНОЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ МИФИЧЕСКИХ ИМЕН В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ А.С. ПУШКИНА

Аннотация. В данной статье описаны и систематизированы оценочные ассоциации древнегреческих мифонимов как реализация явления языкового синкретизма. В языке лирики А.С. Пушкина рассмотрены и охарактеризованы мифические имена с амбивалентной оценочностью, представлены мелиоративные и пейоративные оценочные ассоциации божественных и не божественных имен древнегреческой культуры. Выявлены закономерности оценочных ассоциаций мифических имен, свойственные художественной картине мира А.С. Пушкина.

Ключевые слова: языковой синкретизм, мифоним, лирика А.С. Пушкина, оценочная ассоциация.

Abstract. This article describes and systematizes the evaluative associations of ancient Greek mythonyms as a realization of the phenomenon of linguistic syncretism. In the language of lyrics A.S. Pushkin, mythical names with ambivalent appraisal were considered and characterized, meliorative and pejorative appraisal associations of divine and non-divine names of ancient Greek culture were presented. The patterns of evaluative associations of mythical names, characteristic of the artistic picture of the world of A. S. Pushkin, are revealed.

Keywords: linguistic syncretism, mythonym, lyrics by A.S. Pushkin, evaluation association.

Проблема языкового синкретизма тесно связана с вопросами многозначности, функциональной омонимии, оценки и другими, актуальна в области философии языка, когнитивной лингвистики, лингвокультуры, лингвопоэтики и под. В основе явления синкретизма онтологическая сущность языка и процессы, свидетельствующие о появлении новых качественных состояний, «которые как бы развертывают потенциальные возможности, скрытые и неразвернутые в предшествующих качественных состояниях, и характеризуют такие процессы, как развитие» [1: 11]. В парадигме явлений лингвистического синкретизма разрабатывают семантический, паремический, грамматический син-

таксический синкретизм [7], а также мифологический, концептуальный, жанровый и др. Концептуальный синкретизм формирует связь языка, мышления, реальности; языка и религии и под. По мнению А. Косарева, основой мифологического синкретизма являются антропоморфизм и символизм как изначальные способности человеческого мышления [5]. Согласно А.А. Зализняк, семантический синкретизм является результатом совмещения двух значений, которые не могут быть разделены в рамках одного высказывания. И, таким образом, оба этих значения могут быть дифференцированы только лишь благодаря их положению в разных контекстах [4: 31].

Дуальная природа синкретизма способствует выражению в языке оценки и оценочности. Категория оценки в лингвистике понимается как семантическое понятие, подразумевающее «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший или плохой”» [2: 5-6]. Самой общей и универсальной классификацией оценки можно считать её разделение на положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную). Оценочная ассоциация понимается как индивидуально-авторская оценка, которая, будучи связанная с определённым личностным восприятием, является добавочным компонентом к основному значению понятия.

Связь оценочной ассоциации с семантическим синкретизмом обнаруживается в реализации значений одного понятия (в данном случае мифического имени) в контекстах. Языковая единица отражает собственно языковое, лингвокультурное значение и авторскую контекстно обусловленную оценку.

Поэтический текст – это архитектурное целое, единство которого определяется задачами многовекторного прочтения текста, а также внушения читателю определенного смысла. Поэтический текст одновременно и пассивный продукт, так как он является результатом «текстовой работы», воплощением авторской интенции, и конструктор поэтического сообщения, источник текстовой энергии. Особенная сила пушкинского стиха проявляется в создании новых семантических ореолов для словоформ, создающих культурную, религиозную модель бытия.

Исследование семантического синкретизма на базе оценочных ассоциаций мифонимов в языке лирики А.С. Пушкина строилось на анализе 22 имен древнегреческих мифических персонажей, верифицированных приемом сплошной выборки [6].

В результате анализа было выявлено, что мифонимы *Аполлон*, *Аониды*, *Зевс*, *Киприда*, *Приап* в лирическом тексте А.С. Пушкина характеризуются оценочной амбивалентностью.

Имя греческого бога *Аполлона* занимает особое место в творчестве А.С. Пушкина. Для поэта важно то, что *Аполлон* – покровитель искусств и, соответственно, поэзии. В стихотворениях А.С. Пушкина *Аполлон* нередко выступает судьей искусства:

*А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков? («Монах»)*

Причастие «*проклятый*» имеет достаточно сильную экспрессивную окраску и содержит в своём значении сему 'отвратительный', указывающую на низкую оценку товарища по творческому цеху. Характеристика плохого поэта дополняется оценочными выражениями *испачкавший простенки кабаков*, *упавший в грязь*. Метафора «*Под Геликон упавший в грязь*» включает мифотопоним *Геликон*, тесно связанный с темой искусства. На горе Геликон согласно мифам жили музы, покровительницы искусства, и находился источник вдохновения – Гиппокрена, посвященный богу Аполлону.

Имена поэтов Вильона и Баркова, впадших в немилость *Аполлона* и упавших в грязь под *Геликоном*, ассоциируются у читателя с плохими, недостойными поэтами. Это были поэты, писавшие непристойные стихотворения.

Аполлон для А.С. Пушкина является мерилom качества поэзии и всего искусства. В стихотворении «К Дельвигу» юный А.С. Пушкин чувствует себя поэтическим изгоем, «метроманом» и нарекает *Аполлона* врагом:

*На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено («К Дельвигу»).*

Аполлон, по представлению Пушкина, покровительствует талантливым литераторам. Автор стихотворения считает всех, как и самого *Аполлона*, изменниками, так как они «*в посмеянье указывают перстом*». Молодой Пушкин

ощущает себя «*грешником*», так как когда он впервые напечатал своё стихотворение, то столкнулся с предубеждением со стороны общества. Над ним стали подшучивать, считая его очередным бесталанным поэтом: «*А мне прослыть Прадоном Отныне суждено*». Прадон – бездарный французский поэт XVII в., литературную карьеру которому делали друзья, искусственно создавая ему репутацию соперника Расина.

В данном контексте представлена адгерентная оценка, связанная с сомнениями, неуверенностью самого автора. Необходимо отметить, что данные отрицательные оценочные ассоциации мифонима *Аполлона* А.С. Пушкин связывает с обществом.

Амбивалентность оценочных ассоциаций мифонима *Аполлона* отражает закономерность употребления имени древнегреческого бога. Мелиоративная оценка имени *Аполлон* связана с ассоциативным значением – высокое призвание поэзии, высший талант; пейоративная оценка имени подразумевает бездарность и слепое следование моде. Отрицательные оценочные ассоциации поэт всегда объединяет с общественной оценкой, с влиянием общества на развитие литературы.

Оценочные ассоциации в лирических текстах А.С. Пушкина, связанные с именем *Зевса*, почти не отличаются от узуальных представлений о боге.

*Но если только буду жив,
Всевышней **благостью Зевеса**... («К бар. М.А. Дельвиг»).*
*Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему **Зевес надёжный страж**
От грозного ненастья...* («Мечтатель»)

Зевс как верховный бог волен распоряжаться чужой судьбой, что должно вызывать недовольство, так как ограничивает свободу и волю. Но А.С. Пушкин это называет «*всевышней благостью*». Поэт выбирает слово *благость* в значении 'доброта, милосердие' и формирует в своих произведениях устойчивые ассоциации имени с понятием доброты, доверия, надёжности. Ср.: Зевс – «*надёжный страж*», 'такой, на которого можно положиться, внушающий полное доверие' [3], защитник, которому можно довериться.

*Он бродил во мраке леса,
И никто, **страшась Зевеса**,
Из богинь иль из богов*

Навещать его не смели... («Рифма, звучная подруга...»)

В данном контексте указание на величие *Зевса* как верховного бога, способного ограничивать чью-то волю, сопровождается пейоративной оценкой: он внушает страх и вызывает крайне негативные эмоции: сильную тревогу, беспокойство, душевное смятение перед какой-либо опасностью, бедой, боязнь и т. п.

Таким образом, отмечаем синкретизм полярных ассоциативных оценок мифонима *Зевс*, восходящих к общему утверждению о Зевсе как верховном боге, обладающем неограниченной властью.

В творчестве поэта мифонимы *Афина Паллада, Вакх, Ком, Мнемозина, Морфей, Немезида, Талия, Хариты, Феб, Эрот* характеризуются мелиоративной оценкой и ассоциируются с красотой, весельем, любовью.

В стихотворении «Князю А.М. Горчакову» поэт желает провести жизнь «*меж Вакха и Амура*», то есть в радости и любви. Часто в лирике А.С. Пушкина мифоним *Вакх* сочетается с атрибутами *весёлый, буйный, шумный*. В «Ответ Катенину» *весёлый* относится к «*Вакха дару*» или, иными словами, к вину. Алкоголь туманит рассудок и вызывает радость, которая находится в неразрывной связи с Вакхом:

*Не так ли опытный гусар,
Вербую рекрута, подносит
Ему весёлый Вакха дар* («Ответ Катенину»).

Имя древнегреческого бога *Кома* обладает тождественными мифониму *Вакху* оценочными ассоциациями. Для А.С. Пушкина тема торжества является мотивом и, так как *Ком* – бог пиров, вполне закономерно использование этого мифонима в таких контекстах:

*Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами...* («Послание к Галичу»)

Ком здесь наделяется качествами некоего душевного друга, угощающего вкусной едой, что подсознательно вызывает симпатию.

А.С. Пушкин использует мифоним как комплимент:

*Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал...* («Сегодня я поутру дома...»)

Поэт называет кишинёвского повара, француза Тардифа «любимцем» *Кома*, усиливая оценку гиперболой «поварни полный генерал».

Группу древнегреческих мифических имен, ассоциирующихся у поэта с отрицательными характерами и эмоциями, составили мифонимы *Аргус, Гименей, Икар, Харон, Цирцея, Эвмениды*.

Имя бога брака *Гименей*, независимо от контекста, в котором *Гименей* может выступать, или в роли действующего героя («Амур и Гименей»), или исполнителя желаний («К Родзянке»), указывает на пейоративную оценку ситуации.

Дай бог, чтоб только Гименей

Меж тем продлил свою дремоту («К Родзянке»).

Употребление метафоры «продлить дремоту», обозначающую отсрочку брака, создает оценочную ассоциацию для мифонима *Гименей* и связанного с этим понятия «брак» как чего-то неприятного и нежелаемого.

А что такое Гименей?

Он сын Вулкана молчаливый,

Холодный, дряхлый и ленивый,

Ворчит и дремлет целый век... («Амур и Гименей»)

Синонимический ряд «*молчаливый, холодный, дряхлый и ленивый*» формирует устойчивую оценку данного мифонима в творчестве и жизни А.С. Пушкина.

Итак, языковой синкретизм, который подразумевает объединение нескольких сложно совместимых значений в одном понятии, ярко представлен в мифических именах с амбивалентной оценкой в лирических текстах А.С. Пушкина. Существуют закономерности в репрезентации поэтом оценочных ассоциаций древнегреческих мифических имен: амбивалентной ассоциативной оценкой обладают имена богов; позитивные оценочные ассоциации наблюдаются только в контекстах с именами богов; негативные оценочные ассоциации характерны, в основном, для не божественных, а иных мифических существ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берсенева В.А. Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М. 2013. 30 с
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы,

1999. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (Дата обращения: 03.03.2023)

4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

5. Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.: ПЕР СЭ: СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.

6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 1: Стихотворения, 1813-1820. 1977. 479 с.; Т. 2: Стихотворения, 1820-1826. 1977. 399 с.; Т. 3: Стихотворения, 1827-1836. 1977. 495 с.

7. Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции. Владимир. Транзит-ИКС, 2017. 576 с.

ВЕЛИЧКО Алла Васильевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
all_velichko@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ ПОВТОРАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические конструкции с лексическими повторами, связанные с явлением фразеологичности в синтаксисе, относящиеся к предложениям фразеологизированной структуры и составляющие определенный сегмент этой системы.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, фразеологизмы, постоянные компоненты, переменные компоненты, субъективная модальность, разговорная речь.

Abstract. The article discusses syntactic constructions with lexical repetitions associated with the phenomenon of phraseology in syntax, related to sentences of phraseological structure and constituting a certain segment of this system.

Keywords: syntactic constructions, phraseological units, constant components, variable components, subjective modality, colloquial speech.

Тавтология, специальное повторение единиц языка – одно из активных явлений в русском языке. Оно проявляется на всех уровнях языка. Объектом рассмотрения в статье являются синтаксические конструкции с лексическими повторами, такие, как: *Всем праздникам праздник; Вот спортсмен так спортсмен; Лес как лес; Студент есть студент; Ехать так ехать* и др.

Определяется суть конструкций с тавтологией, или фразеологизированных предложений с лексическими повторами (ФПП), суть предложений фразеологизированной структуры.

Фразеологизированные предложения (ФП) – особый вид фразеологизмов, отличающийся как от лексических фразеологизмов, так и от синтаксических фразеологизмов непредложенческого характера, отражающие специфику проявления свойства фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении.

Специфика ФП – в двойственной грамматической природе: они сформировались и существуют как фразеологизированные построения и в то же время характеризуются основными грамматическими признаками предложения. Их образуют компоненты двух видов – постоянные и переменные.

Постоянные компоненты – служебные слова, которые утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, свои грамматические признаки. Они определяют конфигурацию, структурную «рамку» предложения и представляют его значение, т. е. являются конструктивно и семантически образующими.

Переменные компоненты – знаменательные слова той или иной части речи со свободным лексическим наполнением. ФП частично воспроизводятся, частично строятся, и, следовательно, по одной модели может быть построено множество конкретных высказываний одного фразеологического значения, но разного содержания.

Все ФП обладают предикативностью. При реализации в устной форме они получают интонационное оформление.

Класс ФП велик. Выделяется около пятидесяти ФП, и среди них 13 видов предложений с лексическими повторами (ФПП). Одна из целей статьи – показать и другие признаки, свойства этих предложений как единиц общего класса ФП.

Фразеологизированные предложения с лексическими повторами, как и все ФП, непосредственно связаны с речевым общением и являются специфическими коммуникативными единицами. Они выполняют в процессе общения фатическую, контактную функцию, выражают отношение говорящего к содержанию полученной информации, т. е. передают разные значения субъективной модальности. Это интеллектуально-эмоциональная реакция говорящего на сообщение, а не само сообщение, они тесно связаны с содержанием обсуждаемого, участвуют в смысловой организации коммуникативного текста. ФПП выражают следующие значения субъективной

модальности и их оттенки: оценка (положительная оценка и оценка как соответствие норме), согласие, принятие – отрицание, множественность и разнообразие, обусловленность.

Рассматривается коммуникативный потенциал ФПП. Основанная сфера их функционирования – устная разговорная речь, быденное общение. Однако, поскольку они относятся к КЛЯ, они активно используются в разных функциональных разновидностях языка, в том числе – в публицистике и в художественной литературе.

Называются вопросы, исследование которых важно для более полного и адекватного представления ФПП: о возможной вариативности построения ФПП, о закономерностях лексического выражения повторяющегося компонента, о дополнительных семантических оттенках, возникающих при повторяемости. Затрагивается вопрос о наличии сходных ФПП в других языках.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru

О МЕНТАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РУССКОЙ КАТЕГОРИИ БЕЗЛИЧНОСТИ

Приступая к рассмотрению «русской ментальности как глубинного корня народной жизни», вспомним наказ В.В. Колесова, согласно которому «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе», поскольку «она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях» [1: 3]. Однако воздействие языка на человека, его способ бытия и культуру так велико, что закономерно возникает вопрос, сформулированный Л. Ельмслевым: «не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением – тем семенем, из которого они выросли»? [2: 264-265].

В поисках ответа обратимся к данным исторической антропологии. Появление протоязыка у *Homo erectus* относится к периоду, отстоящему от нашего времени примерно на 35–40 тысячелетий. На данной ступени развития люди вели стадный образ жизни, а наиболее архаичным способом мышления было визуально-ручное, когда в отсутствие связной речи взаимодей-

ствие достигалось посредством жестикюляции и выкриков [3: 65]. Что же касается эволюционных механизмов и этапов формирования языка, то его древнейшим прообразом служили коммуникативные сигналы, которые не требовали ни развитого творческого начала, ни сознательных усилий. При этом восприятие новых коммуникативных средств и сигналов выводилось благодаря «свойству достраиваемости» известных моделей к конкретной ситуации, а со временем и к развитию «достраиваемости коммуникативной системы» в целом. Это способствовало параллельному развитию языка и мозга, которые всё более обуславливали друг друга. Со временем в этом коэволюционном процессе возникла необходимость в грамматике как средстве упорядочения сложившихся коммуникативных средств [4].

При таком подходе особый исследовательский интерес вызывает архаичная категория безличности, которая уходит корнями в первобытное мировосприятие. Отражая насущную потребность человека быть «вписанным» в окружающий его природный мир, данная категория вобрала в себя отношение к окружающей реальности как к деятельности (Оно), а человеку изначально отводилась функция пассивного наблюдателя (Я). Принимая концепцию М. Бубера, отметим, что развитие речи стало возможным лишь при переходе от Я-Оно к Я-Ты. В частности, исследователь языка «первобытных» народов писал: «Ядра их языка – слова-предложения, первичные дограмматические конструкции, из расщепления которых возникает все многообразие грамматических форм, – чаще всего выражают цельность отношения» [5: 16, 25].

Таким образом, категория безличности – результат целостного восприятия мира и кооперативного способа бытия первобытных людей. Следовательно, мы можем рассматривать категорию безличности как восходящую к «исходной праформе смыслового взаимодействия» с чертами «диалогемы», преодолевающей свою «слитность» с миром природы и вступающей в диалог [6: 11]. В качестве иллюстрации протоформы как первоначального способа мышления сошлемся на детскую речь, в которой единый звуковой комплекс выступает одновременно в функции отдельного слова, целого предложения и даже сценария, предполагающего определенные действия [7: 261].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2007. 624 с.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 264-389.

3. Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
4. Бурлак С.А. Эволюционные механизмы и этапы формирования человеческого языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. н. М.: МГУ, 2013. 37 с.
5. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 446 с.
6. Жданов Д.А. Возникновение абстрактного мышления. Харьков: Изд. ХГУ, 1969. 175 с.
7. Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 7. М.; Л.: Акад. пед. наук РСФСР, 1949. 358 с.

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena-generalova@yandex.ru

КОНСТРУКЦИИ С ШИРОКОЗНАЧНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI-XVII веков»

Аннотация. В статье представлены результаты изучения сочетаний с широкозначными существительными в русском языке XVI-XVII вв. Исследование явления широкого (ослабленного) лексического значения слов в определенных условиях на историческом материале способствует пониманию природы и истоков явления широкозначности. В старорусском языке широкое значение лексем сосуществует наряду со специализированными значениями, обнаруживается на уровне синтагматики в устойчивых сочетаниях, представляющих собой лексико-грамматические конструкции. В широком значении разные лексемы и конструкции с ними могут быть синонимичны.

Ключевые слова: семантика, широкозначность, десемантизация, устойчивое сочетание, лексико-грамматическая конструкция, русский язык XVI-XVII веков.

Abstract. The article presents the results of studying combinations with nouns with broad meaning in Russian language of the 16-17th centuries. The research of the generalization (weakening) of the lexical meaning of some words in certain conditions at historical material contributes to understanding the nature and origins of the phenomenon of broad-meaning. In the Old Russian language, the broad meaning of lexemes coexists along with specialized meanings, is found at the level of syntagmatics in stable combinations representing lexical and grammatical constructions. With wide meaning different lexemes and constructions with them can be synonymous.

Keywords: semantics, broad-meaning, desemanticization, set combination, lexical and grammatical construction, Russian language of the 16-17th centuries.

В памятниках русского языка XVI-XVII вв. обнаруживается ряд существительных с предельно широким или ослабленным лексическим значением.

Особенность семантики таких слов заключается в том, что в ряде контекстов они функционируют с ослабленным (если не утраченным), предельно широким лексическим значением и могут быть охарактеризованы как «семантически неопределенные» [3], «семантически пустые» [5: 28]. Например, в контексте *И те де воровские казаки сидели долгое время* (Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. II, ч.1, с. 132, 1670 г.) слово *время* теряет свое значение, семантика словосочетания *долгое время* ‘долго’ определяется значением прилагательного, а не существительного; в контексте *А в челобитной их написано будто я ... прибѣжал к ним в дреню нарочным дѣлом для воровства* (Московская деловая и бытовая письменность XVII в., с. 106, 1682 г.) десемантизируется слово *дело*, устойчивое сочетание *нарочным делом* имеет значение ‘нарочно, специально’; аналогично в контексте *Говорил им тихим обычаем речь, утая от всех людей своих* (Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, с. 137, 1651 г.) слово *обычай* используется с предельно широким значением и конструкция *тихим обычаем* означает ‘тихо’. Сочетания, включающие слова с широким значением, эквивалентны отдельным лексемам, т. е. функционируют как одно слово: сравни *Потом же изменным обычаем недругу нашему литовскому почяли отчину нашу отдавати* (Послания Ивана Грозного, с. 32, 1564 г.) и *А будет кто царскаго величества недругу город сдаст изменною ... и таких изменников казнити смертью же* (Соборное уложение царя Алексея Михайловича, с. 28, 1649 г.).

Применительно к существительным, входящим в конструкции, семантика которых детерминирована семантикой определяющих эти существительные прилагательных, очевидно, следует говорить о явлении десемантизации или широкозначности (платеосемии [2: 28-29]), феномен которой еще недостаточно изучен в современной лингвистике. Относительно природы явления широкозначности, его отношения к многозначности, его истории и, напротив, роли в современной разговорной речи, возможных типах широкозначных слов нет единой точки зрения: см. «во второй половине XX века в отечественном языкознании часто обсуждался вопрос о широкозначности, источнике ее развития и месте в лексико-семантической системе языка, а также об употреблении данных слов в разных языках, и в многочисленных лингвистических работах представлены самые разнообразные точки зрения, вплоть до отрицания широкой семантики» [9: 195].

Представляется, что изучение этого вопроса на историческом материале будет способствовать пониманию его природы и происхождения, возможно, обнаружению трансформации в русском языке, особенностей проявления в русском языке разных периодов. В настоящей статье представлены результаты изучения сочетаний с широкозначными существительными в памятниках языка Московской Руси XVI-XVII вв. На основе материалов исторических словарей русского языка и картотек «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» и «Словаря русского языка XI-XVII вв.» исследовались существительные, обнаруживающие такое обобщающее, предельно-широкое (может быть интерпретировано как ослабленное) лексическое значение. Это такие лексемы, как *дело, обычай, вещь, время, место, человек*. Анализ позволяет сделать следующие выводы.

1) У таких лексем ослабленные лексические значения существуют наряду с полноценными, семантически определенными. Например, у слова *дело* на основе его функционирования в памятниках старорусского языка можно выделить значения 'работа, занятие', 'ремесло, промысел', 'изготовление, производство чего-л.', 'практическая деятельность', 'судебное или административное разбирательство; судебный процесс' и др. (конкретные цитаты, подтверждающие наличие данных значений – см. [8: 5, 117-131]), у слова *время* – значения 'последовательная смена часов, дней, лет', 'определенный момент, срок', 'период в жизни народа, государства, общества', 'грамматическая категория глагола' и др. [8: 3, 98-103]), у слово *обычай* – семантику 'привычный образ жизни, привычка, обыкновение', 'неписанный закон', 'закон', 'нрав' и др. [7: 12, 216-217]. Одновременно эти слова известны и как широкозначные лексемы с семантически неопределенным значением: например, *Атамановъ и рядовыхъ казаковъ переписать подлинно, тайнымъ обычаемъ, чтобъ казаки отнюдь того не увѣдали* (Дополнения к актам историческим, т. 10, с. 3, 1682 г.), *И в то де половодное время монастырская всякая скотина, лошади и коровы, стоят на дворах до Петрова поста* (Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, т. 2, с. 142, 1660 г.). Таким образом, конкретизированные значения слова наличествуют в его семантической парадигме наряду с широкими. В этом отношении мы согласны с теми исследователями, по мнению которых, «широкозначность сопутствует многозначности, перекрещивается с ней» [9: 196], как считала и Н.Н. Амосова, первая поставившая вопрос о широкозначности в отечественной лингвистике [1: 122].

2) Ослабленные лексические значения реализуются прежде всего в определенных лексико-грамматических конструкциях (которые могут быть интерпретированы и как устойчивые сочетания типа «открытый ряд»): *тайным обычаем, изменным обычаем, изрядным обычаем, ненарочным делом, пьянским делом*; в именительном падеже с признаковым словом: *изменное дело, изменничьи люди, воинские люди*, в именительном-винительном падеже с признаковым словом: *здешнее место, мятежное время, пожарное время*. Можно сделать вывод, что явление широкозначности реализуется на синтагматическом уровне. Как подчеркивают исследователи современной разговорной речи, и на современном языковом материале явление десемантизации имеет место прежде всего в клишированных моделях [5: 27-29].

3) Различают по крайней мере два типа широкозначности: «обобщенно-родовые широкозначные слова ... и широкозначные слова категориально-широкого значения, в качестве понятийного компонента которого выступает понятие-категория [6: 186]. В истории языка обнаруживаются конструкции с широкозначными словами прежде всего второго типа, воплощающие категориальные концепты (времени, места, образа действия).

4) Интересен факт синонимии в старорусском языке конструкций с широкозначными существительными: см. *хмельным делом – пьяным обычаем – пьянским делом, ненарочным обычаем – ненарочным делом*, т. е. фактически синонимии, взаимозаменяемости самих таких слов, ср. *Да что ты писалъ ко мнѣ о нѣкоторои вѣщи [желательной смерти старца Фуфая] и то дѣло по твоему приказу сдѣлалось»* (Новомбергский И. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г., т. 1, с. 86, 1636 г.). При этом в других своих значениях такие слова не обнаруживают синонимии. Представляется, что факт семантической близости не тождественных в других своих значениях слов обусловлен тем, что «такой тип неопределенности опирается на процессы языкового абстрагирования, благодаря которым человек способен игнорировать некоторые свойства референта, объединять разнородные объекты в некий класс и подводить его под единую номинацию» [3: 64]. Важную роль играет и такое свойство лексико-семантической системы языка донационального периода, как диффузность семантики.

5) Плодотворной представляется идея о разных этапах десемантизации слова, и как раз диахронический материал позволяет проследить возможные стадии утраты словом полноценного значения.

б) Неоднозначен вопрос лексикографического представления случаев широкозначности. В разных словарях такие явления интерпретируются как отдельное значение слова наряду с другими (с типовым толкованием), получают толкование, включающее лексико-грамматические указания на специфическую конструкцию, в которой реализуется такое значение, описываются как употребления в рамках какого-либо значения, как отдельные устойчивые сочетания, наконец, вообще не выделяются в семантической структуре лексем.

Таким образом, в русском языке XVI-XVII вв. обнаруживаются устойчивые сочетания, включающие лексемы с предельно широким (или ослабленным) лексическим значением, и именно в конструкциях отдельные (преимущественно абстрактные) существительные реализуют свою широкую семантику. Такие конструкции в старорусском языке синонимичны отдельному слову и друг другу (вне зависимости от парадигматических связей входящих в них существительных). Требуется дальнейшего изучения типология таких сочетаний в истории русского языка и практический вопрос их лексикографического представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Наука, 1972. 220 с.
2. Евтеева М.Ю. Семантическая структура слова: многозначность vs широкозначность // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 28-36.
3. Ирисханова О.К. Семантическая неопределённость имён существительных и её прагматические последствия // Межд. конгресс по когнитивной лингвистике. Сб. материалов. / Отв. ред. Болдырев Н.Н. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 62-70.
4. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 68-73.
5. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика: коллективная монография / под ред. Сиротининой О.Б. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 254 с.
6. Семина И.А. Широкозначность и семантическая неопределенность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 185-190.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30. Изд. продолжается.
8. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Наука, 2004–2020. Вып. 1–9. Изд. продолжается.
9. Шабаев В.Г. Лексические и грамматические проблемы широкозначности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-3 (34). С. 192-201.

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна (Горловка, ДНР, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков
iragerasimenko@mail.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ОНОМАСТИКОНЕ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА

Аннотация. В работе рассматриваются черты русской лингвокультуры, зафиксированные в ономастиконе современного Донбасса. Выделяются и анализируются единицы, которые восходят к русской лингвокультуре.

Ключевые слова: русский, лингвокультура, ономастикон, Донбасс, годоним, эргоурбоним, безэквивалентная лексика.

Abstract. The article considers features of the Russian linguistic culture fixed in the onomasticon of modern Donbass. Units that ascend to the Russian linguistic culture are pointed out and analyzed.

Keywords: Russian, linguistic culture, onomasticon, Donbass, godonym, ergourbonym, non-equivalent vocabulary.

Как известно, каждый регион имеет свои лингвокультурные черты. Ономастикон Донбасса не является исключением. Его онимный ландшафт отображает лингвокультурную полифонию региона. Однако доминирующей группой выступают ономастические единицы, восходящие к русской лингвокультуре. Цель работы – осветить черты русской лингвокультуры, зафиксированные в ономастиконе современного Донбасса.

Как известно, Донбасс – это полиэтничный регион России, что обусловлено «историческими условиями, в которых происходили процессы его становления и которые способствовали формированию многонационального и многоконфессионального состава его населения» [1: 74-75]. Народ Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики – это более 120 национальностей, в числе которых русские, украинцы, белорусы, сербы, греки, армяне, таджики, азербайджанцы, татары, молдаване и др. При этом на 2014 год в национальном составе населения Донецкого региона русские являлись крупнейшей этнической группой (Донецк – 48,2 % русских и 46,7 % украинцев, Енакиево – 51,4 % русских и 45,3 % украинцев, Макеевка – 50,8 % русских и 45,0 % украинцев) [2]. Как следствие, лингвокультурные представления, связанные со всем русским, ценностные стереотипы общества повлияли на формирование региональной ономастики.

Дискурсивное поле 'Россия', 'Русский' актуализировано в разных текстах современного Донбасса. Так, фамилии известных писателей и поэтов как прецедентные имена русской лингвокультуры широко представлены в годонимах Донбасса. В их числе номинации ул. *Некрасова*, ул. *Гоголя*, ул. *Есенина*, ул. *Шолохова*, пер. *Гайдара* и мн. др. В номинациях линейных адресных объектов также отобразились имена известных русских учёных, композиторов и актёров. Ср.: ул. *Вернадского*, ул. *Вавилова*, пер. *Рахманинова* и др. Годонимия Донбасса представлена широким списком номинаций, которые восходят к названиям городов, регионов, рек и озёр России. В их числе ул. *Рязанская*, ул. *Новгородская*, ул. *Оренбургская*, ул. *Иркутская* и мн. др.

Во внутригородской среде также популярны онимы, включающие русскую безэквивалентную лексику, которая содержит коннотации национально-культурного плана. Среди них лексемы *изба*, *лукошко*, *лавка*, *ряд*, *терем*, *авоська*, *купец*, *посад*, *спотыкач*, используемые, например, в следующих эргоурбонимах: ресторан «*Изба-читальня*», магазины «*Лукошко*», «*Мясная лавка*», «*Колбасный ряд*», «*Княжий терем*», супермаркет «*Авоська*», торговый дом «*Купец*», ЖК «*Петровский Посад*», этнокафе «*Спотыкач*» и др. Эргоурбонимикон Донбасса восходит к целому ряду прецедентных имён и текстов русской лингвокультуры. Ср. следующие номинации: магазин «*Совет да любовь*», рестораны «*Товарищ Сухов*», «*Плакучая ива*», «*Дубровка*», «*Рублёвка*», «*Коба*» и др. В эргоурбонимиконе современного Донбасса популярны устаревшие имена славянского происхождения: бакалейная лавка «*Ладомирра*» (от антропонима славянского происхождения *Ладомира*, обозначающего 'ладная' и 'мирная', 'хороший / добрый мир'). Широкий ряд лексических единиц русской лингвокультуры, зафиксированный в когнитивно-дискурсивном пространстве современного Донбасса, иллюстрирует его историческую и культурную связь с Россией, отображает территориальную и языковую общность.

Итак, образ региона, его предпочтения прорисовываются в различных текстах, в числе которых номинации линейных адресных объектов и внутригородских учреждений. Однако современный Донбасс – это регион, который сохраняет не только русскую лингвокультуру. Это республика, в которой зафиксированы черты полиэтничного края. Языковые особенности данного явления требуют детального анализа, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко И.А. Когнитивно-дискурсивное пространство полиэтничного Донбасса // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре погра-

ничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.). Брянск: РИСО "БГУ", 2021. С. 74–80.

2. Кто живёт в Донбассе? Национальная идентичность жителей ДНР. – URL: <https://eastandwest.me/2016/11/22/kto-zhivet-v-donbasse/> (дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ДАВЛЯТШИНА Гульнур Юрисовна (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
gulnur.atersu.uz

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА Х. ТУХТАБАЕВА

В мире искусства слова существует удивительное творение под названием «приключенческая литература». При определении приключенческой литературы специалисты в этой области имеют в виду произведения, которые интересно рассказывают о странных событиях-приключениях, которые произошли в жизни или были придуманы; в них упоминаются такие аспекты, как необыкновенный таинственно-магический характер сюжетных событий, богатство острых интриг, неожиданные резкие перемены в развитии событий, перевороты в жизни персонажей, столкновение героев произведения с различными испытаниями, преодоление всевозможных препятствий и переживание различных невзгод. Как и во всех видах, формах и жанрах искусства слова, среди образцов приключенческой литературы нет груза, равного «произведениям», состоящим из беззаботного, просто пошлого повествования событий, редких литературных шедевров, поднявших «приключение» до статуса подлинного искусства, и в каждой национальной литературе есть свои зрелые дарования. «Дон Кихот» Сервантеса, Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Путешествия Гулливера» Дж.Свифта, А. Дюма, Ф. Купер, М. Рид, Р. Стивенсон.

Первые современные образцы этого жанра в узбекской литературе были созданы Абдуллой Кадыри, первыми опытами в этом направлении стали «Джин-Базми», «Калвак махзум», «Ташполат таджанг»; вершиной нашей национальной приключенческой литературы стал «Шум-бала» (Озорник) Гафура Гулама, увидевшего мир в мизансцене тридцатых годов прошлого века.

В Узбекской литературе, который продолжил тему «приключений», по праву является народный писатель Узбекистана Худойберди Туктабаев. Ли-

тературное творчество он начал с написания рассказов как для взрослых, так и для детей, один из его сочинений для взрослых, рассказ «После фельетона», сборник его сочинений для детей «Спешка», за которые он получил государственные награды и положительные отзывы.

Зарубежным читателям Худайберди Тухтабаев известен благодаря переведённой на русский (а также украинский, французский и ряд других языков) повести-сказке «Волшебная шапка», удостоенной премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу в 1970 году.

На протяжении многих лет Худойберди Тухтабаев работал в школе, и поэтому ему близка детская тематика. В удивительной сказке «Волшебная сказка» автор рассказывает о необычных приключениях мальчугана Хашимджана, которому попала в руки волшебная шапка, которая исполняет любые желания.

Преисполненный уверенности в том, что с помощью чудесной шапки он совершит множество героических поступков и прославится на весь мир, Хашимджан отправляется странствовать по свету. И каких только испытаний, каких приключений – опасных и благородных, смешных и трогательных – не произошло с ним, пока он наконец понял, что без труда, без знаний, человек ничего не добьётся.

Продолжая тематику приключений, Х.Тухтабаев написал «Оманбай и Давронбай», «Конец жёлтого Дива», «Годы и дороги», «Беш болали йигитча», «Касоскорнинг олтин боши», «Сехргарлар жанги ёки ширин ковунлар мамлаката», «Жаннати одамлар».

Многие из этих романов получили признание как в Узбекистане, так и за рубежом, были удостоены различных премий и призов. Таким образом, романы писателя, который возглавил нашу национальную приключенческую литературу, особенно «Смерть желтого гиганта» и «Верхом на желтом гиганте», стали мировыми рекордсменами, были опубликованы почти в тридцати странах мира, заняв второе место среди самых зрелых произведений этого жанра в мире.

Своеобразие данных произведений заключается в том, что одним из факторов, принёсших славу приключенческим романам Худойберди Тухтабаева, является продукт воображения, который построен на национальной почве, на основе жизненного опыта автора. Также можно отметить, что героями произведений являются дети, которые наполнены добротой и искренностью.

Эти произведения оставили глубокий след в духовной жизни нашего народа. В течение последующего полувека почти для всех детей узбекского народа герои романов Худойберди Тохтабаева, в частности Хошимджан и Акрамджан, стали такими же знакомыми, дорогими, как и их близкие родственники.

Творчество Худойберди Тухтабаева восхищает разнообразием жанров: среди них можно встретить как романы чисто жизненного, реалистического направления, так и фэнтези с традициями национального устного народного творчества, детектива, характерные для современного мирового опыта, а также историко-биографические приключенческие жанры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибрагимова Р. Фантастика ва миллийлик // Узбекский язык и литература. 2003. 238 с.
2. Узбекская детская литература. Ташкент: Укитувчи, 1976. 456 с.
3. Тухтабоев Х. Сарик девни миниб. Ташкент, 1969. 234 с.
4. Рузиев У. Эртанинг умидлари // Ёшлнк. 2013. № 11.

ДАНИЧ Оксана Владимировна
(Витебск, Республика Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
odanich@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА В ТЕКСТЕ (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников)

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования лингвокультурной грамотности младших школьников в контексте общекультурной компетентности как целевого ориентира современного образования. В качестве основного методического средства предлагается учебный словарь лингвокультурной грамотности. Базой лингвокультурной грамотности являются фоновые культурные знания, материалом для их предъявления считается культуроведческий текст, содержащий явные и скрытые культурные смыслы. Работа учащихся над их извлечением и присвоением носит комплексный характер и ориентирована на различные уровни языковой системы.

Ключевые слова: лингвокультурная грамотность, культурный смысл, учебный словарь, младшие школьники.

Abstract. The problems of the formation of linguistic and cultural literacy of younger schoolchildren in the context of general cultural competence as a target of modern educa-

tion are considered. An educational dictionary of linguistic and cultural literacy is proposed as the main methodological tool. The background cultural knowledge is the basis of linguistic and cultural literacy. The material for the presentation of such knowledge is considered to be a cultural text containing explicit and hidden cultural meanings. The work of students on their extraction and assignment is complex and focused on different levels of the language system.

Keywords: linguistic and cultural literacy, cultural meaning, educational vocabulary, junior schoolchildren.

Проблема повышения уровня культуры общества становится все более актуальной в условиях гипертрофированной технологизации общественного устройства, в первую очередь, это касается системы образования. Гуманитарная парадигма теряет свою направленность на формирование человека культуры, переориентируясь на подготовку образовательного продукта в виде индивидуума с набором конъюнктурных компетенций. К сожалению, общекультурная компетенция, заявленная в числе образовательных результатов, не находит должного отражения как в теоретических исследованиях по педагогике, так и в методическом обеспечении.

Принципиально важным нам представляется системное общекультурное развитие уже в начальном звене общеобразовательной школы. Говоря о младшем школьном возрасте, мы считаем более методически правильным употребление термина «грамотность» взамен общепринятого «компетенция» или «компетентность». В нашем случае речь будет идти о культурной грамотности, а точнее, о лингвокультурной грамотности как выраженной в языковой форме и формируемой средствами языка. В самом общем виде лингвокультурная грамотность предполагает владение фоновыми культурными знаниями, системой морально-ценностных ориентиров, языковыми и речевыми нормами.

Методическое обеспечение системы формирования лингвокультурной грамотности включает, в том числе, учебный словарь лингвокультурной грамотности младшего школьника, который содержит словарные статьи, представляющие информацию о национальных и общемировых культурных ценностях. Словарный контент составлен с учетом культурной значимости предмета материальной и духовной культуры, принципиальной важности для общекультурного развития, а также доступности для восприятия и усвоения детьми младшего школьного возраста.

Отличительной особенностью данного словаря является его выраженная обучающая направленность: каждый из компонентов словарной статьи

сопровождается несколькими частично-поисковыми и поисковыми заданиями, ориентированными на продуктивный и творческий тип учебной деятельности.

Как уже говорилось выше, основной ресурс формирования лингвокультурной грамотности младших школьников – фоновые культурные знания. На наш взгляд, наиболее продуктивным путем не только предъявления учащимся этих знаний, но и организации их присвоения является текстоориентированный подход. Поэтому работа над каждым культурным фактом осуществляется на основе связного текста, содержащего культуроведческую информацию. Важной нам представляется организация работы над извлечением культурной информации, представленной как в явном, эксплицитном виде, так и в скрытом, имплицитном. В этом случае мы можем говорить о культурной коннотации в ее понимании В.Н. Телия: «Культурная коннотация – интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка [2: 145]. Процесс работы учащихся с культурными смыслами предполагает выполнение целого ряда сложных умственных действий: анализа, синтеза, обобщения, сравнения, классификации, установления причинно-следственных связей и др. Если придерживаться общепринятой дидактической терминологии, ребенку предстоит найти и извлечь нужную информацию, языковую единицу или только смысл, интегрировать и интерпретировать ее (их), оценить и выстроить на этой основе собственную речевую стратегию.

Формирование целостного, устойчивого представления о культурной реальности будет более эффективным, когда учащемуся предлагается выполнение заданий по тексту, которые задействуют практически все уровни системы языка: лексику, фразеологию, словообразование, грамматику. Включение упражнений, направленных на осознание лексического значения и его компонентов, выявление образного, символического значения фразеологизмов и паремий, выстраивание ассоциативных рядов, установление словообразовательных и грамматических связей помогут сложить в сознании ребенка, как из элементов мозаики, целостную картину языкового воплощения концепта культуры, извлечения и присвоения культурного смысла или смыслов, представленных в определенном тексте, который составляет основу словарной статьи

[1]. В качестве иллюстрации вышесказанного приведем основную часть словарной статьи, посвященной такому важнейшему культурному символу носителей русского языка, как *мост*.

«1. Мост, м.р. (бел. мост, м.р.) – 1) сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-нибудь препятствия (*пешеходный мост, деревянный мост, железнодорожный мост*); 2) переносное, линия дальней воздушной радио- или телевизионной связи, сообщения между пунктами, которые не имеют прямых средств связи (*телемост, радиомост, космический мост*); 3) переносное, в спорте: вытянутое изогнутое положение тела, обращенного грудью вверх и опирающегося на поверхность ступнями и ладонями (или головой); 4) переносное, часть шасси (между передними и задними колесами) автомобиля.

Где бы ни жили люди, в большом городе или маленьком поселке, там, где есть хоть маленькая преграда на пути человека, обязательно будет мост. Как мы видим, первое и основное значение слова *мост* отражает его главное назначение – служить для преодоления преград, созданных природой (рек, ручьев, болот, оврагов) и самим человеком (канал, рвов, железнодорожных и автомобильных путей). И названия у мостов могут быть разными: мост через дорогу обычно называют *путепроводом*, через овраг или ущелье – *виадуком*.

Самый первый мост – это бревно, перекинутое через ручей. Вначале мосты строили из дерева и камня. Самыми искусными строителями каменных мостов были древние римляне, которые даже научились использовать цемент. Секрет его изготовления был утерян в середине нашего тысячелетия и затем открыт заново. Наши предки, древние славяне, строили деревянные мосты, в конструкцию которых постепенно добавляли камень.

Назначение мостов – быть местом перехода из одного места в другое – стало основой очень древнего представления человека о том, что мост всегда связывает одно с другим: прошлое и будущее, мечту и ее осуществление, мир живых и мир мертвых. Небесная радуга – это тоже мост, только между небом и землей.

Все, во что верили наши предки, осталось нам в сказках, легендах, обычаях. Калинов мост у древних славян, радужный мост или сотканный из солнечных лучей у древних иранцев, скандинавов, греков и римлян – это связь царства света и тьмы, людей и богов. Этот мост охраняется чудовищами

(например, Трехглавым Змеем), и если их победить, то начнется новый, лучший период в жизни людей.

Существует много древних обрядов и поверий, связанных с мостом: ритуалы совершались на мосту, пара молодоженов должна в день свадьбы пройти через несколько мостов (три или семь), чтобы вместе перейти к новой счастливой жизни, после заката солнца нельзя было приходить на мост и др.

Современные мосты по-прежнему играют важнейшую роль в нашей жизни, а оставшаяся нам от предков вера в их совершенно особое назначение проявляется в языке, фольклоре, литературе.

– Сколько у слова «мост» прямых значений и сколько переносных?

– Сформулируйте самостоятельно или найдите в тексте информацию о значении мостов в жизни человека.

– Как называется мост, который изображен на первом рисунке в тексте?

– Чем можно заполнить пропуски: «Назначение мостов –.....– = древнее представление о том, что

2. Вот как представлено понимание моста в пословицах и поговорках.

Добрый (честный) человек лучше (дороже) каменного моста; какой мост построишь, по такому и перейдешь; кто в парче, а кто и в холсту – по тому ж мосту; люди мостили – люди и ходят; мост мостят под подушкой; всякая встреча из дому на пороге, на крыльце, на мосту – нехороша; мост – не великий пост, можно и объехать; дурень и возле моста брод ищет.

– Найдите не менее трех пословиц, в которых мост представлен как место преодоления преграды.

– Как вы думаете, в каких пословицах мост представлен как магическое место, связанное с гаданиями или приметами?

– Что означают слова «парча», «пост», «брод»? Какое значение они придают пословицам, перечисленным выше?

3. Фразеологизмов, связанных с мостом, немного, но их значение очень интересно.

Наводить мосты, воздушный мост, сжечь (сжигать) за собой все мосты, перебрасывать мост, хоть мост мости, разводной мост, понтонный мост.

– Значения каких фразеологизмов вам непонятны?

– Какие два фразеологизма НЕ связаны с известными вам значениями слова «мост»?

4. Слово-стимул «мост» вызывает у людей, говорящих на русском языке, такие реакции: *(мост) через реку, река, деревянный, большой, длинный, (мост) дружбы, дорога, железный, железнодорожный, красивый.*

– Чего больше в этом ассоциативном ряду, признаков моста или предметов, с которыми связан мост?

– Какое слово (или слова) связаны с мостом во втором значении этого слова?

– Постройте свой ассоциативный ряд из 5-6 слов, которые для вас связаны со словом «мост».

5. От слова «мост» образуются самые разные слова.

Мостик, мосток, мосточек, мостишко, мостки, мостовая, помост, подмостки, мостить, мостовщик.

– Что чаще всего обозначают слова, образованные от слова «мост»: предмет, признак или действие предмета? Докажите свою точку зрения, выбрав четыре примера.

– С какими словами можно употреблять слово «подмостки»? Выберите два-три из предложенных:

Подмостки: театральные, воздушные, строительные, земельные, деревянные, веревочные, высокие, навесные».

Заметим, что обязательным элементом представления культурной информации в словаре и элементом работы над ней будет использование приема визуализации, творческого освоения авторских текстов об изучаемой реалии и выполнение проектных задач.

Таким образом, комплексная работа над культуроведческим текстом, направленная на извлечение и прочное усвоение культурных смыслов, представленных в нем эксплицитно и имплицитно, станет одним из важнейших элементов процесса формирования лингвокультурной грамотности младших школьников, а рассматриваемый нами словарь – эффективным методическим средством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дронов В., Синячкин В.П., Шляхов В.И. Словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании» // Русский язык за рубежом. 2019. №2. С.92-101.

2. Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturna>

ДЕВЯТОВА Надежда Михайловна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
deviatovan@mail.ru

О КОНЦЕПТЕ «ДОРОГА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТДЕЛЬНЫХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные синтаксические реализации концепта «дорога» и их когнитивный потенциал. Выявляется культурная значимость таких сочетаний, как *дорога к...*, *дорога на...*, *дорога в...*, дается анализ синтаксических моделей с локативным субъектом в именительном и дательном падежах. Отдельно рассматривается когнитивный потенциал синтаксемы *по дороге*. Выявляется специфика культурных смыслов, связанных с пространственным или временным (событийным) значением отдельных синтаксем.

Ключевые слова: концепт, парадигма имени, когнитивный потенциал парадигмы, предлоги со значением направления.

Abstract. The article discusses some syntactic implementations of the concept "doroga" / "road" and their cognitive potential. The cultural significance of such combinations as "doroga k" /the road towards..., "doroga na" / the road to..., "doroga v" the road to..., is revealed. The analysis of syntactic models with a locative subject in the nominative and dative cases is given. The cognitive potential of the syntaxeme "po doroge" / on the road... is researched separately. The specificity of cultural meanings associated with the spatial or temporal (event-based) meaning of individual syntaxemes is identified.

Keywords: concept, name paradigm, cognitive potential of the paradigm, prepositions with the meaning of direction.

Человек существует во времени и пространстве. Внутреннюю связь категорий времени и пространства М.М. Бахтин обозначил понятием «хроно-топ». В лингвистике принято говорить о временной [2] или пространственно-временной локализации [3]. Разные типы пространства по-разному характеризуют самого человека: *я в комнате*, *я учусь в университете*, *я живу в Москве*, *моя страна – Россия* и др. Пространство справедливо называют антропоцентрической категорией: все, что происходит с человеком, свидетелем чего он является, имеет определенную локализацию. Одну из возможных локализаций пространства представляет дорога. Подобное пространство связано с человеком движущимся. В литературе неоднократно отмечалась близость концептов *дорога* и *путь*. Мы ограничимся лишь анализом синтаксиче-

ского и когнитивного потенциала концепта «дорога». В настоящей статье речь пойдет об отдельных падежных формах.

Для русского человека дорога – это не только конкретное физическое пространство, но и пространство духовное. Дорога оказывается местом испытаний, большие просторы России требуют времени для их преодоления. С дорогой связываются такие события, как расставание, разлука. Дорога мыслится как испытание, преодоление которого дает человеку определенный духовный опыт.

Дорога аккумулирует оба смысла – пространственный и временной – событийный, что отражается как в словарном толковании единицы, так и в ее концептуальном наполнении. Словарь С.И. Ожегова фиксирует оба смысла. В значении 1, 2 отражается пространственный смысл: 1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. 2. Место, по которому надо пройти или проехать. Значение 3 отражает событийный смысл: Путешествие, пребывание в пути [11: 179].

Падежные формы существительного *дорога* по-разному соотносятся с названными значениями. Одни выражают оба смысла (*по дороге, дорога, дорогой*), другие имеют только пространственный смысл (*на дороге, возле дороги*).

Дорога в русском языке справедливо признается концептом, т. е. единицей картины мира, обладающей культурной значимостью. С.Г. Воркачев писал: «Концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [4: 77]. В лингвистической науке категория пространства описывается разными терминами: обстоятельство места, локативный субъект, детерминант [12: 149], синтаксема локативная (обозначающая место), директивная (обозначающая направление движения), транзитивная (со значением пересечения пространства) [7: 210].

О значимости концепта *дорога* свидетельствует его активная роль в названиях художественных произведений и фильмов: «Без дороги» (В. Вересаев), «Дорога на океан» (Леонов), «В дороге» (В. Розов) и др. О роли отдельных падежных форм в функции названия см. [1: 532-538]. О функции названия в художественном тексте см., например, [8], [5].

Синтаксема Им.п. обозначает локативный субъект и может иметь и пространственное, и временное значение.

Локативный субъект *дорога* встречается в моделях, указывающих на его пространственную ориентацию относительно других объектов. Для выражения соответствующего значения модель широко использует метафоры движения: *дорога ведет к Богоявленской церкви, дорога проходит, петляет между гор, дорога идет вверх, дорога начинает карабкаться, пошла в сторону, дорога летела, тянулась, поворачивала к берегу, убежала прочь, дорога сузилась, повернула направо, дорога вилась, извивалась между кустарников*. Некоторые из глаголов характеризуют форму пространственного объекта: *дорога вилась, извивалась, бежала лентой, петляла, дорога змеилась* и др. Об особенностях сравнительного значения Твор.п. см., например, [7], [6].

Глагол *карабкаться* передает трудность подъема для человека, поднимающегося по дороге, *лететь* – высокую скорость передвижения человека на скоростном транспорте.

Направление движения уточняется при помощи пространственных предлогов *к, на, в*. Например: *Желающим лично разобраться в вопросе придется все-таки покинуть свою кухню. Вам прямая дорога в Берлин. Там намечается грандиозная выставка кухонной техники и электроприборов домашнего обихода нового поколения, века и тысячелетия* (НКРЯ); *Эта дорога в Протвино на краю Московской области, куда я езжу почти каждые выходные* (НКРЯ); *Теперь Гольдберг довольно часто заезжал к Кукоцким, дорога в Малаховку была неблизкая, засиживался он в лаборатории допоздна и ночевал иногда по московским квартирам* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Дорога на Москву была отрезана, вернуться назад не смогли, можно было податься только в Крым, и девицы разъехались, разбежались, кто куда* (НКРЯ); *Дорога к лесу, не более трех километров длиной, была выложена трупами застреленных; когда их потом закапывали, замерзшие трупы звенели, как стекло* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Можно говорить о концептуализации сочетаний существительного с названными предлогами. Концептуальную сущность *дороги к...* мы видим в том, что предлог оказывается избирательным к существительным, называющим направление. После предлога обычно следуют имена, называющие сущностные для жизни человека объекты, определяющие его физическую и духовную сущность: *дорога к храму, к церкви, дорога к милой, к звездам, к солнцу, к морю, дорога к счастью, дорога к себе* и др. Существительные, соединяющиеся с предлогом, называют сущности, имеющие ценность для чело-

века. Они называют ориентиры, обладающие нравственной ценностью. Дорога включает и смысл «достижение» цели, преображающей человека. Например: *И забила душа в переулочек И дороги к тебе не нашла* (Ю. Кузнецов. Лада). Существительное в таких сочетаниях передает и физический, и духовный смыслы.

Соответствующие падежные формы встречаются в названиях художественных произведений и фильмов: «Дорога к морю», «Дорога к счастью», «Дорога к звездам», «Дорога к солнцу», «Дорога к гибели», «Долгая дорога к себе», «Долгая дорога к счастью» и др. Прилагательное *долгая* может обозначать признак конкретного пространства либо трудный путь преодоления жизненных трудностей.

Сочетание *дорога на...* передает большое открытое пространство, открывающее значительные горизонты: *дорога на Москву, дорога на Берлин, дорога на океан. На Берлин, на Москву* и др. называет и направление, и вместе с тем представляет цель некоторого движения. Сама цель концептуализируется как цель значимая.

В сочетании *дорога в...* предлог сохраняет первичное пространственное значение: нахождение внутри некоторого объемного пространства: *дорога в школу, дорога в храм (А по бокам отца и пеший брел и конный, Но лишь один отец торил дорогу в храм), дорога в никуда, в пустоту, дорога в партизаны, дорога в ад, в Лавру, дорога в город*. Здесь возможно разное осмысление значения существительного: конкретное пространственное значение и значение метафорическое: *дорога в пустоту, дорога в партизаны, дорога в ад*. Речь идет о направлении духовного движения, о жизненных устремлениях человека. Каждая из падежных форм исследуемого имени имеет свои особенности значения.

Мы рассмотрим отдельно синтаксический и когнитивный потенциал падежной формы *по дороге*. *По дороге* может обозначать локативный субъект в предложениях, дающих определенную ему характеристику. Локативный субъект характеризуется событиями, происходящими на этом пространстве. Например: *По дороге идут богомолки* (С. Есенин. «По дороге идут богомолки...»). Локативный субъект обычно находится в начале предложения. Или: *По дороге промчатся рысью Черноперых всадников двое* (Д. Самойлов. Баллада); *И плывет церковный звон По дороге белой* (М. Цветаева «А пока твои глаза...»).

При другом порядке слов перед нами обстоятельство места. Например: *Мальчик усталый идет по дороге, держит в руке деревянную клетку, в клетке печальная птица сидит* (С.В. Кекова «Мальчик усталый идет по дороге...»). Предложение имеет типовое значение «субъект и его перемещение». В обоих случаях синтаксема передает пространственное значение. Локативный субъект *по дороге* может содержать приметы окружающего пространства: *Все могло быть больнее и хуже, В сердце много и страсти, и зла, По дороге блестящие лужи Застывали осколком стекла* (Е.И. Дмитриева (Черубина де Габриак) «Погоди! Не касайся, не трогай...»); *Но если по дороге – куст Встанет, особенно – рябина* (М. Цветаева «Тоска по родине! Давно...»). В стихотворении М. Цветаевой приметы пространства – это приметы родины. Дорога органично включается в концепт *родина*.

По дороге может соединять оба смысла. Например: *Пойдем расскажем по дороге друг другу жизнь свою* (Д.Г. Новиков «Пойдем дорогою короткой...»). *По дороге* – это и пространство, и время, требуемое на преодоление этого пространства. *По дороге* часто концептуализируется как жизнь человека. Например: *Нет у меня ничего, я все растерял по дороге; День провожаю, звезду встречаю* (А. Тарковский. Колыбель). Или его цель: *Сколько чуши разной мелем По дороге к нашим целям, Споря часто по неделям О каком-то пустыке* (М. Горький. «Сколько чуши всякой мелем...»). С представлением о движении и цели связано и представление о духовно-нравственных ориентирах человека. Например: *Тебе не по дороге с нами, Ты нас опутываешь снами, Ты нас тревожишь вышиной, Ты нас стреножишь тишиной* (С.Я. Парнок. Пролог).

Концепт *дорога* частотен в поэзии М. Цветаевой. Пространственная синтаксема организует стихотворение «По холмам...». Синтаксема *по холмам* реализует идею движения, духовного преодоления. Дорога оказывается пространством и временем, когда героиня переживает разочарование в герое. Дорога оказывается испытанием, которое не выдерживает спутник героини. Происходит развенчание героя. Но здесь звучит и мотив постоянства: даже разочаровавшись в герое, женщина остается верной ему и готова следовать за ним и дальше: *По холмам – круглым и смуглым, Под лучом – сильным и пыльным, Сапожком – робким и кротким, За плащом – рдяным и рваным*. О работе с текстами М. Цветаевой на занятиях по РКИ см. [10].

Итак, анализ отдельных падежных реализаций концепта *дорога* позволял увидеть их концептуальное наполнение. Падежные формы *дорога к...*, *дорога на...* представляют значимое для русского языкового сознания пространство. Синтаксема *по дороге* передает идею движения, и ее концептуальный смысл связан с идеей преобразования, а сама дорога как время духовного преобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердышева Е.А. Синтаксемы с существительным «дорога» в позиции заглавия // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 532-541.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания, 1989, № 4 С. 51-61.
4. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки, 2005, № 4. С. 76-83.
5. Геймбух Е.Ю. Название повести С. Довлатова «Заповедник»: символическое и реальное // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 120-летию Н.Н. Прокоповича. Владимир, 2021. С. 74-76.
6. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М.: URSS, 2017. 320 с.
7. Девятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте // Русский язык в школе. 2008. № 10. С. 47-52.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
9. Казмирчук О.Ю. Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино» // Новый филологический вестник. 2021. 1 (56). С. 197-206.
10. Лапутина Т.В. Поэтический текст Марины Цветаевой на занятиях по русскому языку как иностранному // Русистика без границ. 2021. № 4. С. 57-63.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23 изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 907 с.
12. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. 710 с.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович
(Витебск, Республика Беларусь)

кандидат исторических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
alexanderdedinkin@yandex.by

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (ТИПАЖ) ДЕЛИНКВЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК КАТЕГОРИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «лингвопсихологический портрет» (типаж) делинквентной личности. Автор исследует данную юрислингвистическую категорию, опираясь на общелингвистическую теорию языковой личности. Делается вывод о том, что категорию «языковая личность» целесообразно употреблять в случае, когда речь идёт об «обобщенном» человеке, а понятие «лингвопсихологический портрет» (типаж) – в случае исследования речевых особенностей делинквентной личности (в частности – экстремиста).

Ключевые слова: языковая личность, лингвопсихологический портрет (типаж), юрислингвистика, делинквентная личность, инвективы.

Abstract. The article discusses the concept of “linguo-psychological portrait” (type) of a delinquent personality. The author explores this jurislinguistic category leaning on the general linguistic theory of linguistic personality. It is concluded that the category “linguistic personality” should be used when we speak about a “generalized” person, and the concept of “linguo-psychological portrait” (type) – in the case of studying the speech characteristics of a delinquent personality (in particular – an extremist).

Keywords: linguistic personality, linguo-psychological portrait (type), jurislinguistics, delinquent personality, invectives.

Моделирование лингвопсихологического портрета (типажа) в юрислингвистике имеет свою специфику (ограниченность рамками судебного дискурса, определенными коммуникативными стратегиями), но теоретической основой для его установления является общелингвистическая теория языковой личности.

В социологии под личностью понимается конкретный человек, который по природе представляет собой общественное существо, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром. Личность постоянно вступает в диалог с окружающими и самим собой: «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» [3: 3].

Языковая личность формируется в процессе социализации, которая предполагает:

- 1) включение человека в определенные социальные отношения, в которых происходит его наделение культурно-историческими знаниями и опытом;
- 2) овладение речемыслительной деятельностью по нормам, заданным культурой;
- 3) усвоение законов социальной психологии народа.

Для формирования языковой личности главная роль отводится языку, потому что остальные процессы возможны только посредством использования данного феномена. Таким образом, становится очевидной важность понятия «языковая личность».

Впервые понятие «языковая личность» использовал немецкий языковед и педагог Л. Вайсгербер («Sprachliche Personlichkeit»). Хотя языковая личность исследуется многими науками, именно лингвистика идет впереди всех.

Существуют различные концепции понимания языковой личности, но большинство из них основывается на теории Г.И. Богина, которая получила известность в интерпретации Ю.Н. Караулова.

Г.И. Богин создал модель языковой личности, где человек понимается как субъект речевой деятельности, готовый «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1: 10].

Ю.Н. Караулов создал трехуровневую модель языковой личности [2: 64], которая включает:

- 1) семантико-строевой уровень, отражающий степень владения обычным языком;
- 2) когнитивный уровень, где происходит актуализация релевантных знаний, формируется модель мира языковой личности и её тезаурус;
- 3) прагматический уровень, включающий характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Таким образом, кодирование и расшифровка информации происходит при взаимодействии данных трех уровней «коммуникативного пространства личности».

Кроме категории «языковая личность», ученые используют понятие «речевая личность». Ю.Е. Прохоров пишет: «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [5: 59]. Отметим, что в данном определении под речевой личностью понимается в принципе то

же самое, что Ю.Н. Караулов называет языковой личностью, важнейшая характеристика которой – участие в реальном общении.

Мы полагаем, что языковая личность подразумевает человека, обладающего социальным, психическим, культурным, духовным содержанием, которое отражается и выражается посредством языка.

В данном случае мы придерживаемся точки зрения В.А. Масловой, которая выделяет следующие компоненты, составляющие содержание языковой личности:

- ценностный (мировоззренческий), т. е. система жизненных смыслов;
- культурологический, т. е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку;
- личностный, т. е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [4: 119].

На наш взгляд, использовать категорию «языковая личность» целесообразно в том случае, когда мы говорим об обычном, «обобщенном» человеке (к примеру, медицинском работнике, студенте). Когда же речь идёт о делинквентной личности, лучше использовать понятие «лингвopsихологический портрет» (типаж).

«Лингвopsихологический портрет» (типаж) нами рассматривается как образ представителя определённой социальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения, ценностным ориентациям и определённым психологическим чертам.

Нами было подготовлено порядка ста заключений в рамках судебных лингвистических экспертиз, на основании которых мы попытались создать лингвopsихологический портрет (типаж) экстремиста как представителя делинквентного сообщества.

Важная роль в случае построения психологического элемента в портрете (типаже) экстремиста принадлежит его личности. Психологические аспекты личности представляют собой относительно стабильный комплекс индивидуальных качеств, которыми определяются типичные формы поведения. К психологическим особенностям личности экстремиста следует отнести: низкую социальную адаптацию; незрелые нравственно-культурные ценности; проблемы в сфере коммуникации; особенности эмоциональной сферы; общую неудовлетворённость положением в обществе.

Психологи выделяют следующие психотипы, склонные к совершению преступлений: гипертимный, психастенический, шизоидный, эпилептоидный, циклоидный, эмоционально-лабильный, сензитивный, астеноневротический, паранойяльный, истероидный, конформный.

К примеру, гипертимный тип личности отличается подвижностью, общительностью, склонностью к резким действиям. Циклоидный тип характеризуется повышенной раздражительностью и склонностью к апатии. Лабильный тип является непостоянным, его настроение крайне непредсказуемо.

Нами установлено, что лицам, подозреваемым в экстремизме, свойственны особые формы коммуникативного поведения, не позволяющие им осуществить благополучную интеграцию в общество, профессиональную деятельность и семью. Это в первую очередь менторство, заключающееся в попытке подчинить себе окружающих, что выражается в текстах, содержащих различного рода асоциальные призывы (к примеру: «Русский, пора мочить хачей!»).

При моделировании лингвopsихологического портрета экстремиста также обращает на себя внимание использование языковых средств, выражающих негативные, унижительные характеристики в адрес какой-либо этнической, расовой, религиозной, иной группы или ее представителей.

К подобным языковым средствам относятся инвективы, т.е. слова и выражения, заключающие в своей семантике и экспрессивной окраске интенцию автора оскорбить или унижить врага, добиться изменения поведения адресата.

В экстремистских текстах используются следующие категории инвектив:

1) инвективные номинации с негативным оценочным компонентом, явно относящиеся к характеристике групп по национальному, расовому, религиозному и иным социальным признакам;

2) жаргонные номинации эвфемистического характера с негативной оценкой группы по национальному, расовому, религиозному и иным признакам;

3) семантически имплицитные номинации. Они ни напрямую, ни посредством эвфемистических средств не связаны с оценкой групп по национальному, расовому, религиозному и иным социальным признакам, но

устойчиво употребляются с негативной интенцией в текстах экстремистского содержания.

Перед юрислингвистикой на современном этапе стоит задача создания алгоритма систематизации речевого материала, позволяющего установить лингвопсихологический портрет (типаж) личности. Теория лингвопсихологических портретов (типажей) становится ключевым направлением языкознания на стыке психолингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и лингвоперсонологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 86 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2010. 202 с.
5. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта; Наука, 2004. 222 с.

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич

(Тайбэй – Санкт-Петербург, Китай, Тайвань – Россия)

Государственный университет Чжэньчжи (Тайбэй)
Demidoffs@rambler.ru

ПРИСТАВОЧНАЯ, СУФФИКСАЛЬНАЯ И КОНФИКСАЛЬНАЯ СВЯЗИ КОРНЯ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

1. Словообразовательная система описывается обычно с точки зрения аффиксов. В реальной жизни языка они играют вспомогательную роль, развивая семантические и концептуальные возможности корня – носителя концептума. Исходная точка зрения первоначально неоформленного корня не позволяет подчинить словообразование не только морфологии, но даже и лексикологии. То и другое оказывается двумя важнейшими аспектами дальнейшей истории корня.

2. Корень вычленяется при помощи известных процедур этимологической реконструкции, но его понимание как остаточного элемента после изъятия всех аффиксов носит лишь предварительный рабочий характер. Этимон, выявленный ретроспективным способом, показывает исходное непроемное слово, которое создает свою словообразовательную перспективу, обрастая

аффиксами, например, потебнианское первообразное причастие. Два понимания корня как части слова и как исходного слова не противоречат друг другу, а выстраиваются в виде подготовительной и основной частей исследовательской процедуры.

3. В сочетании с тем или иным аффиксом корень переживает фонетические преобразования. Их основное направление – справа налево, то есть регрессивная ассимиляция и диссимиляция. На стыке корня и суффикса происходит наиболее сильная фузия, дающая максимальное число чередований. Внутренняя флексия дает чередования первого согласного типа *к//ч*, как в словах *коса* и *чесать*.

4. Переразложение, как изменение границы между морфемами, также происходит в пользу внешней флексии и суффикса, а на стыке приставки и корня – в пользу корня, даже в случае контаминации, ср. *со-зид-у* – *со-зд-ать* и новое *со-(у)зда-м* – *со-(у)зда-ть* по аналогии с *да-ть* и *по-(у)з-вол-ить*.

5. В производных словах корень, «прикрытый» аффиксами, лучше сохраняет свое первоначальное значение, ср. *вина* ‘причина’ > ‘проступок’ и *виновник* (торжества) ‘тот, кто является причиной чего-л.’ Это создает парадокс, не позволяющий всякий раз развитие концепта отождествлять с порождением все новых и новых производных. Отношения между гнездами слов и их концептами требуют своего тщательного и отдельного изучения.

6. Конструкции типа «*избежать* чего» древнее конструкций типа «*исходить из* чего», а конструкции типа «*выходить из* дома» – новейшие, поэтому говорить просто «предлог переходит в приставку» неточно. В глагольных сочетаниях свободное наречие переходит в связанную приставку, а также в конструктивно обусловленные сочетания с именем в падежной форме, сохраняя свою зависимость и от глагола. То же происходит и с именем: *блеск* > *отблеск*, однако предлоги при именах в поздний период переходят в конфиксы, а не в приставки: *без дела* > *безделье*. Итак, наречие > приставка в глаголах и именах, наречие > предлог > конфикс в именах и приставка > конфикс в новейших глаголах типа *поделывать*, *прихлопывать*.

Препозитивная зависимость приставки от глагола дала повод ак. А.А. Шахматову предложить часть речи «префикс». Постпозитивная зависимость именной словоформы от предлога позволяет сохранить свободный порядок глагола и предлога: *Книга / лежит на столе* и *На столе / лежит книга*.

При глаголах приставки переживают метафоризацию вплоть до грамматикализации в виде чистовидовой.

7. Поскольку глагол с приставкой выходит на центральную позицию в предложении, создаются условия для обратного словообразования. *Призывать* > *призыв* образуется по аналогии с *боры* > *поборы*, *бег* > *забег*. При именах приставка часто бывает унаследованной от своих производящих глаголов, но было бы ошибкой приставку считать специфически глагольной морфемой. Есть даже специфически именная приставка *без-*.

8. Первообразные суффиксы дают окончания, например, *-а*. Постпозитивные частицы либо сохраняются в виде внешних окончаний (*добро-го*, *книга-ми*), либо отпадают, либо сливаются с суффиксальной гласной основы, подталкивая переразложение в пользу окончания. В словоформе *стол-у* из-за опрощения остается только внутреннее окончание, а в словоформе *стол-ъ* исчезает вовсе.

9. Более последовательно агглютинация суффиксов, инфиксов, окончаний и частиц происходит в глаголе: *перепис-ыв-а-л-у-щ-и-й-ся*.

10. Простейшие суффиксы, как *-ък-*, не приспособляются к родовым окончаниям; суффиксы, возникшие после серии опрощений, как *-ост(ь)*, *-ьств(о)*, дают повод вводить словообразование в морфологию. Разделяются древнейшие неродовые и позднейшие родовые суффиксы.

Древнее синкретичное слово «*рассыпáлось*» в своих и смежных словоформах. Со временем по признаку образования только формы слова или нового слова суффиксы вполне отчетливо стали делиться на 1) формообразующие (*-л-*, *-ущ-*), 2) тяготеющие к ним уменьшительные, *-тельн-* и *-(е)ний-* / *-тий-*; предлагаются основания для переноса последних трех названных суффиксов в первую группу; и 3) словообразующие.

11. Предлагается расширить понятие суффлекса (суффикс + флексия), введенное проф. А.М. Камчатновым и различать простой (*-а* в *рабъ* > *раба*) и сложный (*-ница* в *учитель* > *учительница*) суффлекс. Семантическую силу всегда сохраняет последний член сложного аффикса.

Предлагается шире применять понятие инфикса, в частности при имперфективации: *перечит-ать* > *перечит-ыв-ать*).

12. В словообразовательном процессе предложно-падежные сочетания переходят в одно слово за счет конфикса. Конфиксальное образование хорошо представлено в ряде СГД.

Рассматриваются когнитивные эффекты 1) разрастания корня в своем гнезде, 2) конфиксальной модели: *безвременье, безделье, бездорожье, беззаконие, бесправие* и под.

ДМИТРИЕВА Евгения Геннадьевна (*Волгоград, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный университет
eg_dmitrieva@volsu.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ В ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ *СОВЕСТЬ*: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа рассматриваются особенности формирования лексического значения слова «совесть». В центре внимания находятся проявления синкретизма в семантике исследуемой языковой единицы; выявлено, что первоначально это существительное обозначало интеллектуальную деятельность и лишь в текстах Нового времени приобрело единую семантику чувства-знания.

Ключевые слова: история русского языка, лексика эмоций, лексическая семантика, синкретизм, диахронический подход.

Abstract. Based on a comprehensive analysis, the article examines the features of the formation of the lexical meaning of the word "conscience". The focus is on manifestations of syncretism in the semantics of the studied language unit. It was revealed that initially this noun denoted intellectual activity and acquired a single semantics of feeling-knowledge only in the texts of the New Age.

Keywords: history of the Russian language, vocabulary of emotions, lexical semantics, syncretism, diachronic approach.

Обращение к изучению содержательной стороны эмотивов в диахронии ставит перед исследователем ряд задач, одной из которых является выявление, анализ и описание случаев семантического синкретизма.

М.Вас. Пименова считает возможным свести все многообразие определений термина «синкретизм» к двум основным значениям: 1) смешение / слияние первоначально независимых друг от друга явлений / разнородных элементов; 2) исконная нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления [10: 20].

Исследование массива лексики эмоций, функционирующей в разножанровых текстах XI–XXI вв., показывает, что в истории отдельных эмотивов в конкретные периоды развития языка можно наблюдать семантический син-

кретизм. Как правило, такой синкретизм представляет собой смешение эмоциональных и рациональных смыслов. Ранее это явление рассматривалось нами на примере терминологизации эмотивной лексики в древнерусских деловых текстах [6; 7]. Описанные случаи могут быть охарактеризованы как проявления синкретизма во втором значении.

Пример синкретизма первого типа находим при рассмотрении развития семантики слова *совесть*, характеризующегося в современном языке совмещением эмоциональных (оно описывается как чувство) и рациональных (предполагает оценку соответствия имеющимся представлениям о нравственных законах) смыслов.

Существительное *совесть*, вероятно, пришло в русский язык из старославянского, в котором являлось калькой греческого слова со значением «совместное знание» [24: 184].

В древнерусских текстах *съвѣсть* фиксируется начиная с XI века в следующих значениях: 'разумение, понимание'; 'знание, ведение, согласие'; 'указание, воля'; 'совесть'; 'чистота' [20: 679-680]; 'нравственное самосознание, самооценка, совесть'; 'мысль, помысел'; 'знание (о чем-л.), сведения'; 'целомудрие, строгая нравственность' [14: 274-276].

Отмечен целый ряд образований от этой основы: *съвѣстити* ('сообщить, объявить', 'явить, возвестить'), *съвѣститися* ('стать явным, выявиться'), *съвѣститель* ('вестник'), *съвѣстование* ('то, что возвещено, провозглашено'), *съвѣстьныи* ('известный') и некоторые др. [14: 274-276].

Варианты *свѣсть*, *съвѣсть* и *совѣсть* авторами «Словаря русского языка XI – XVII вв.» объединяются значениями: 1) 'разумение, понимание, осознание чего-либо'; *собратися съ совѣстию* — 'образумиться'; 2) 'знание, ведение чего-л., внутреннее согласие, одобрение чего-л.'; 3) 'указание, воля'; 4) 'нравственное сознание, чутье'; 'способность сознания к внутренней беззвучной беседе с самим собой, в которой происходит оценка качества любого поступка или помысла, одобрение или осуждение его'; 'чувство нравственной ответственности за свое поведение, за свои поступки, определяемое религиозными требованиями'; 'совесть'; 5) 'образ мыслей и поведение, соответствующее определенному вероисповеданию' [16: 133–134].

В.И. Даль толкует лексему *совесть* следующим образом: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осужде-

ние каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [5: 351].

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» *совесть* зафиксирована в значениях 'внутреннее сознание нравственного качества наших действий'; 'помышление' [19: 173]. Г. Дьяченко отмечает у лексемы *совѣсть* наличие значений 'мысль, помышление' и 'голос Божий, показывающий ведение воли Божией относительно того, что должно и чего не должно делать человеку как разумно-нравственному существу' [11: 629].

В современном русском языке *совесть* – это 'чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом'; 'нравственные принципы, взгляды, убеждения' [18: 71-75]. Это существительное вошло в ряд фразеологизмов, представляющих разные стили русского языка: *свобода совести* (офиц.) – 'право исповедовать любую религию или быть атеистом'; *на совесть* (*сделать*) (разг.) – 'добросовестно', 'хорошо'; *для очистки совести* (разг.) – 'чтобы не обвинять потом себя в чём-н.'; *по совести, по совести говоря* (вводн. сл.) – 'говоря откровенно' [22: 910].

Диалектные особенности существительного *совесть* проявляются в устойчивых сочетаниях: *поверить совести* ('поверить искренности, правдивости кого-л.');

по совести кого-л. (о скромном, застенчивом человеке); *совесть на совесть жить* ('честно, порядочно'); *в совесть делать что-л.* ('хорошо, на совесть') и др. [15: 181-182].

Лексикографические данные свидетельствуют о том, что слово *совесть* первоначально появилось в книжном языке под влиянием переводов с греческого. Первичное значение восходит к идее знания, понимания, разумения и неразрывно связано с христианским мировоззрением. Семантика исходного корня *-вѣд-* соединяла это знание с представлениями о глубинах духа, о тайном [8: 182], трансформируясь в следование Божьему промыслу как проявлению высшего нравственного закона.

Внутренний, скрытый характер этого знания постепенно оформился в идею нравственного чутья, нравственного чувства. При этом характер этого неразделимого чувства-знания оценивается как положительный. Поступать по совести правильно и приятно.

Своеобразие характеристик этого чувства-знания проявляется в парадигматических и синтагматических связях существительного *совесть*.

Оно может быть включено в лексико-семантическую группу существительных, обозначающих эмоциональное состояние [2: 193]. Интересно, что производные от данной лексемы языковые единицы: *совеститься, совестить / усовещивать (усоветить), бессовестный, совестливо, бессовестно, без зазрения совести, бессовестность* – отнесены Л.М. Васильевым к предикатам стыда и их именным коррелятам [2: 115]. В «Словаре синонимов русского языка» дериваты *совестить, совеститься, совестно* оказываются помещены в синонимические ряды с соответственными вершинами: *стыдить, стыдиться, стыдно* [16: 516–517]. Однако совесть – это не то же, что стыд, поскольку стыд – отрицательное чувство.

Анализ данных, полученных методом ассоциативного эксперимента, показывает, что большинство реакций на стимул *совесть* носит синтагматический характер: совесть может быть чистой и нечистой, она может есть и грызть, глодать и мучить; семантически значимо её наличие или отсутствие [12: 606]. Необходимо отметить, что связь совести с чистотой находит отражение уже в древних текстах: *Молиса въ чистѣ съвѣсти и Бъ послушають тебе.* Сбор. 1076 г. 234; *Соблюдемъ чистоу свою съвѣсть.* Ефр. крм. 220.; *ты же чистою съвѣстью немълчно (в подл. немъчно) Творьцю си въпыгааше.* Мин. Сент. XII в.; *И съ чистою свѣстью прїдемъ въ Божию церковь.* Кир. Тур. Поуч. на Пянтик. 87 [20: 679–680]. Эта чистота носит нравственно-религиозный характер, получая развитие в монашеском идеале чистоты сердца.

В современных художественных и публицистических текстах существительное *совесть* сопровождается общеязыковыми эпитетами: *больная, взбаламученная* (разг.), *возмущенная, глубокая, глухая, дремлющая, забывчивая, кристальная, кристально-чистая, незапятнанная, непогрешимая, неспокойная, нечистая, потерянная, потревоженная, пробудившаяся, продажная, проснувшаяся, растревоженная, растяжимая, резиновая, сговорчивая, спокойная, черная, чистая, щекотливая* (устар.); индивидуально-авторскими эпитетами: *бездонная, глиняная, змеиная, нетленная, чугунная*; логическими определениями: *врачебная, общественная, партийная, политическая, юридическая* и т. п. [4: 169].

Совесть на семантическом метаязыке трактуется как способность или невидимый орган, она похожа на некое существо и активно действует незави-

симо от желаний субъекта, выступая в роли строгого судьи. В описании представлений о совести эксплицируется синкретизм рационального и эмоционального: с одной стороны, она связана с душой и сердцем как вместилищами эмоций, заставляет человека испытывать чувства; с другой стороны, совесть отчасти сходна с разумом [23: 35-36]. Во внутреннем мире человека совесть как положительное начало противопоставлена воле как началу нейтральному и не находит себе отрицательного соответствия [1: 354].

Определяя особенности русской ментальности, исследователи отмечают, что совесть основана на системе нравственных ориентаций и поддерживается ею: «стыд как чувство, сознание как разум, совесть как долг в духовной воле» [9: 286]. Ю.С. Степанов сопрягает понятие *совесть* с концептом *нравственный закон* [21: 770].

Таким образом, проведенный анализ толкований лексического значения существительного *совесть* как в рамках лексикографической практики, так и в монографических исследованиях, позволяет говорить о некоторой противоречивости его смыслового наполнения, которая может быть объяснена двойственностью значения рассматриваемого существительного, совмещающего указание на интеллектуальную деятельность (рациональное начало) и эмоциональное переживание. Это позволяет говорить о синкретизме, сформировавшемся в значении данной языковой единицы в ходе исторического развития ее семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348-388.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 864 с.
3. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. 466 с.
4. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 864 с.
6. Дмитриева Е.Г. Об эмоциональном и рациональном в тексте «Русской Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 1. С. 35-46.
7. Дмитриева Е.Г. Терминологические значения лексики эмоций в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 5. С. 5-16.
8. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 480 с.

9. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
10. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // ВЯ. 2011. № 3. С. 19-48.
11. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. Т. 2 / сост. Г. Дьяченко. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 560 с.
12. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1 / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
13. Словарь Академии Российской: в 6 т. Т. 5. СПб.: при Императорской Академіи наукъ, 1794. 1084 с.
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 12. М.: Азбуковник, 2019. 688 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 342 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. 253 с.
17. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 856 с.
18. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 1390 с.
19. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т. Т. 4. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847. 487 с.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 3. М.: Знак, 2003. 1000 с.
21. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.
23. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 2002. 560 с.

ДМИТРИЕВА Юлия Леонидовна (*Горловка, ДНР, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент, докторант
Горловский институт иностранных языков
Juls88Dmutrieva@yandex.ru

**ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ОБЪЕКТОВ
КАК ОДИН ИЗ ПАРАМЕТРОВ ФОРМИРОВАНИЯ И
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА
(на материале маленьких поэм С. Есенина)**

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования языка маленьких поэм С. Есенина. Пространство является непосредственно данным для восприятия человеку феноменом онтологического мира, оно конституируется объектами, которые задают его границы, определяют значение и значимость. Данные объекты (или места, локусы) занимают определённое место по отношению к человеку или лирическому субъекту. В силу чего геометрические позиции объектов автор рас-

считает как один из параметров формирования и репрезентации пространственной модели мира. Данные позиции объективированы и в маленьких поэмах С. Есенина с помощью имён существительных, предлогов, глаголов и местоименного наречия *там*.

Ключевые слова: пространство, пространственная модель мира, параметр, геометрические позиции объектов, локализация, частная позиция.

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of the language of small poems by S. Yesenin. The space is directly given for human perception by the phenomenon of the ontological world, it is constituted by objects that define its boundaries, determine the meaning and significance. These objects (or places, locus) occupy a certain place in relation to a person or a lyrical subject. Therefore, the author considers the geometric positions of objects as ones of the parameters for the formation and representation of the spatial model of the world. These positions are also objectified in small poems by S. Yesenin with the help of nouns, prepositions, verbs and pronominal adverb *tam*.

Keywords: space, spatial model of the world, parameter, geometric positions of objects, localization, particular position.

Язык произведений писателей остаётся в фокусе внимания современных исследователей. Так, несмотря на многочисленные работы, посвящённые различным аспектам изучения языка поэзии С. Есенина, анализ творчества поэта актуален. В научной электронной библиотеке «Elibrary.ru» зарегистрировано 10816 публикаций, посвящённых описанию особенностей языка «последнего поэта деревни» (см. Г.И. Шипулина, А.Ф. Пантелеев, Н.С. Шошнова, В.В. Плешакова, Н.А. Калёнова и др.), проблемам перевода его произведений на языки Европы и Азии (см. И.Ф. Макарем, Н.Н. Бердянова, Ю.А. Николаева, Н.А. Еременко, И.В. Кокурина, Н.Ю. Хорецкая и др.), аспектам изучения произведений Сергея Александровича в рамках школьной и вузовской программ (см. Н.А. Голунова, О.В. Осина, Е.С. Богданова, Е.Н. Мурадымова, М.М. Сапарова и др.). Значительное внимание уделено исследованию образов (преимущественно, художественных) и концептов в творчестве литератора (см. О.Е. Воронова, С.Н. Пяткин, М.В. Скороходов, Н.И. Шубникова-Гусева, В.А. Доманский, Ю.Л. Дмитриева и др.). Однако не было предпринято попыток дать системный анализ средств объективации пространства в лирике С. Есенина. Это обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – описать средства объективации параметра «геометрические позиции объектов» как одного из параметров формирования и репрезентации пространственной модели мира. Материалом исследования послужили вербальные знаки, номинирующие геометрические позиции объектов в ма-

леньких поэмах С. Есенина, включённых во второй том полного собрания сочинений поэта.

С помощью единиц языка выражается способ мировидения человека и / или этноса, специфика процессов категоризации и концептуализации. В языке как в зеркале, согласно Е.С. Кубряковой, отображается то, «как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием» [2: 57]. Одним из наиболее доступных для познания феноменов окружающего мира является, по мнению ряда отечественных исследователей, пространство. Во-первых, оно доступно непосредственному восприятию. Во-вторых, человек с первых минут жизни «погружён» в него, оно констатируется объектами, которые позволяют задавать границы пространства, «обживать» и «собирать» его (см. [5]). Наконец, пространство антропоцентрично, поскольку именно индивидуум определяет параметры познания и моделирования действительности. Соответственно, познание и отображение пространства в сознании обусловлено не только непосредственным взаимодействием с ним человека и приобретаемым опытом, но и задаётся культурой. Так, В.В. Красных, И.В. Захаренко и др. характерной для русской лингвокультуры считают горизонтально ориентированную пространственную модель мира, которая включает ряд ключевых образов, а именно: человек, дом, двор, населённый пункт, культурно неассимилированное пространство (см. [3: 581]). Данная плоскость восприятия характерна для человека, в ней он живёт и действует, её воспроизводит в сознании, она же является прототипом для отображения в художественных произведениях. Для осознания пространственных связей познаваемых в горизонтальной плоскости объектов достаточно, согласно концепции А.В. Бондарко, «непосредственного восприятия устанавливающего их лица» [4: 7].

В.Н. Топоров отмечал, что пространство не просто конституируется объектами, которые помогают отличать собственно пространство от «непространства» (термин исследователя – *прим. Ю.Д.*). Они «организуют его структуру, придавая ему значимость и значение» [5: 239]. В силу этого геометрические позиции объектов, объективированные формами языка, квалифицируем как один из параметров пространственной модели мира.

Отметим, что в теории функциональной грамматики указаны несколько доминантных позиций – локализаций, каждая из которых репрезентирована частными позициями. Так, А.В. Бондарко выделяет локализацию в виде точки

(а), квалифицируемую как трёхмерное пространство, локализацию в виде линии (б), рассматриваемую также как нахождение объекта в определённой плоскости, и локализацию в виде окружности или её части (в) [4: 9-10].

Каждая из приведённых локализаций представлена в языке рядом частных позиций. Так, трёхмерное пространство (а) репрезентировано противопоставляемыми позициями (1) «внутри» и «вне», (2) «спереди» и «сзади», (3) «сверху» и «снизу», (4) «возле» и «в отдалении», которые позволяют определить местоположение объекта относительно субъекта, который воспринимает и моделирует пространство. Данные позиции учитывают представления о его объёмности и конституируемости.

Указанные позиции вербализованы и в языке маленьких поэм С. Есенина, преимущественно, с помощью предложно-падежных форм, номинаций, указывающих на расположение предмета относительно лирического субъекта. Ср.: *Тебе, твоим туманам / И овцам на полях, / Несу, как сноп овсяный, / Я солнце на руках* [1: 41]; *А когда над Волгой месяц / Склонит лик испить воды, – / Он, в ладью златую свесясь, / Уплывет в свои сады* [Там же: 56]; *Мы идём, а там, за чащей...* [Там же: 72] и т. д.

Локализация в виде линии (б) представлена следующими позициями: (1) «сквозь», «через» (Например: *Мы идём, а там, за чащей, / Сквозь беле-сость и туман / Наш небесный барабанчик / Лупит в солнце-барабан* [1: 72]; *Шумит небесный кедр / Через туман и ров* [Там же: 43]); (2) «по поверхности» (Ср.: *Пошли стрельцы, запылили по полю* [1: 9]; *Как по быльнице тропинка пролегла* [Там же: 11]); (3) «вдоль» (Например: *По кустам зелёным лугом / Льнут охлопья синих рос* [1: 13]); (4) «мимо» (Ср.: *Ходит милостник Микола / Мимо сел и деревень* [1: 13]).

Наконец, локализация в виде окружности или её части (в) выражается двумя позициями, а именно: (1) «вокруг» и (2) «через». Ср.: *А жизнь кипит. / Вокруг меня снуют / И старые и молодые лица* [1: 94] и др.

Данные позиции, объективированные формами языка, позволяют представить пространство как совокупность заполняющих его объектов. Так, в строках *Кроют зори райский терем, / У окошка Божья Мать / Голубей сзывает к дверям / Рожь зернистую клевать* [1: 16] объекты (места или локусы) названы как именами существительными *терем, окошко, дверь*, так и номинациями, выражающими представление о позиции (3) «сверху» (*кроют зори*)

и «снизу» (*райский терем*) и (1) «внутри» (пространство терема, не объективируемое в данном примере) и «вне» (*у окошка, к дверям*).

В другом примере объективированы позиции (1) «сквозь», «через» (*ходили вы по комнате*) и (4) «возле» (*стоял, приблизившись к стене*) и «в отдалении». Ср.: *Вы помните, / Вы всё, конечно, помните, / Как я стоял, / Приблизившись к стене, / Взволнованно ходили вы по комнате* [1: 122].

Таким образом, пространство конституируется объектами, которые располагаются вокруг субъекта восприятия и отображения онтологического мира. Геометрические позиции объектов квалифицируем как один из параметров формирования и репрезентации пространственной модели мира. Они представлены тремя локализациями и рядом частных позиций, которые объективированы и в текстах маленьких поэм С. Есенина как предположно-падежными формами (*на полях, над Волгой, к стене, по комнате, за чащей, сквозь туман, у окошка, к дверям, по быльнице, по кустам, мимо сёл и деревень*), так и местоименным наречием *там*, глаголами местоположения или перемещения (*стоять, ходить, приблизиться, крыть, сновать*). Однако данное описание не является исчерпывающим, перспективу дальнейших исследований составит анализ средств экспликации данного параметра в стихотворениях и поэмах С. Есенина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 2: Стихотворения (маленькие поэмы). М.: Наука-Голос, 1997. 464 с.

2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т.А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. М.: «Международные отношения», 2009. 656 с.

4. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак и др.; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996. 230 с.

5. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284.

ДОЗОРОВА Дарья Владимировна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук
Московский педагогический государственный университет
dozorowa.dasha@yandex.ru

КОМПЬЮТЕРНАЯ МЕТАФОРА В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе», номер проекта № 23-28-00060

Аннотация. В статье рассматриваются компаративные конструкции (метафоры и сравнения) в художественной прозе В. Пелевина. Выделен семантический класс компаративных конструкций с общим значением «Компьютерные технологии». Предметом сравнения выступает человек и человеческий организм, а также различные абстрактные понятия, образом сравнения – объекты компьютерной сферы, интернет-коммуникации и технических средств, связанных с информационными технологиями. Отмечены метафоры-сравнения, метафоры-загадки, конструкции идентификации, а также случаи формального и семантического взаимодействия метафор в тексте.

Ключевые слова: метафора, сравнение, компаративная конструкция, современная проза, художественный образ.

Abstract. The article considers the comparative constructions (metaphors and comparisons) in the fiction of V. Pelevin. The semantic class of comparative constructions with the general meaning "Computer technologies" is distinguished. The subject of comparison is a person and a human body, as well as various abstract concepts, the image of comparison is objects of the computer sphere, Internet communication and technical means related to the information technologies. Metaphors-comparisons, metaphors-riddles, identification constructions, as well as cases of formal and semantic interaction of metaphors in the text are noted.

Keywords: metaphor, comparison, comparative construction, modern prose, artistic image.

В современных научных исследованиях метафора рассматривается не только как художественный прием или троп, но и как одно из универсальных средств освоения и означивания предметов окружающей действительности. За последние десятилетия, по словам Н.Д. Арутюновой, «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [2]. Метафора возникает в процессе употребления слова, обозначающего класс объектов или каких-либо явлений, действий, для характеристики или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида [1: 233].

Источником нового значения, возникающего в метафоре, по сути является сравнение [2], – «стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [6: 534]. В качестве грамматического средства, формирующего сравнение, как правило выступают сравнительные обороты с союзами *как*, *как будто*, *точно* и т. д., а также сравнительная степень прилагательного или наречия и присоединительные конструкции с союзом *так*. Метафоры и сравнения, таким образом, представляют собой взаимодействующие сущности. В современных классификациях используются такие понятия, как «метафора-сравнение», «метафорическое сравнение», «компаративная конструкция».

Исследовательский интерес представляет использование компаративных тропов в текстах современной художественной литературы, в частности динамика их семантических классов в исторической перспективе. Поскольку образы, лежащие в основе метафорических конструкций, имеют непосредственную связь с предметами внеязыковой действительности, постольку эволюция вещного мира находит отражение и в функционировании тропеических структур. Развитие технологий, внедрение в повседневную жизнь компьютера и сопутствующих технических приспособлений влечет за собой появление новых образов метафор и сравнений в текстах современных авторов.

В качестве одного из наиболее показательных примеров могут быть рассмотрены произведения Виктора Пелевина. По наблюдениям исследователей, автор практически в каждом своем произведении обращается к достижениям компьютерных технологий и интернет-сферы, при этом «...компьютерная реальность является для Пелевина средством моделирования собственных текстовых миров» [3: 161]. Так, можно выделить целый семантический класс компаративных тропов с общим значением «Компьютерные технологии» (в данном случае компьютерные технологии нами понимаются широко, к ним могут быть отнесены и понятия, связанные с виртуальной реальностью, интернет-коммуникацией, разного рода оргтехникой, девайсами и гаджетами и т. д.). Например, предметом сравнения становится человек и части организма человека, а образом сравнения – технические приспособления и различные электронные устройства, см., например, субстантивные метафоры: *Ваш мозг – это лингвистический компьютер плюс личная киностудия*. [«Бэтман Аполло» (2013), <https://ruscorporga.ru/>]; ... *с нас-то какой спрос, раз мы просто ихняя плейстейшн* [«Непобедимое солнце» (2020),

с. 63]; *Мы все работаем у бога штативами для селфи* [«Непобедимое солнце» (2020), с. 45].

В компьютерных терминах описываются абстрактные понятия, при этом метафоры могут быть как однословными, так и составными, включающими развернутую синтаксическую конструкцию: *Моя «духовная сфера» – это **информационное облако с постоянно обновляющимся контентом...*** [«Непобедимое солнце» (2020), с. 69]; *...весь наш мир – это **виртуалка, кровавая VR-игра для извращенцев из другой Вселенной*** [«Непобедимое солнце» (2020), с. 63]; *Контакт с любимым человеком пуст даже до того, как он кончится, а кончается он быстро... Но события не было в том виде, как мы его помним – это наша позднейшая редакция, **внутренний фотешоп со словом «любовь», набранный поверх остального жирной гелветикой...*** [«Непобедимое солнце» (2020), с. 415]. Встречаются в текстах В. Пелевина генитивные метафоры, в которых предмет сравнения выступает в родительном падеже: *...на **десктопе нашего мира** есть иконка, позволяющая им управлять* [«Непобедимое солнце» (2020), с. 376]; *Все, за что мы бьемся в жизни – это перестановка букв на **дисплее ума*** [«Тайные виды на гору Фудзи», с. 228].

Среди адъективных метафор могут быть отмечены конструкции с компонентом «виртуальный»: *Гипсовое искусство – это искусство, которое своим **виртуальным молотом** пытается разбить этот саркофаг* [«iPhuck10» (2017), с. 39]; *Страны – это **виртуальные загоны** для людей* [«Тайные виды на гору Фудзи» (2018), с. 313].

К образам сравнения, положенным в основание метафоры, относятся термины, описывающие системные ошибки и вредоносную или нежелательную информацию: **баг, спам, вирус / вирусная программа**, например:

– *А какие баги есть в языке? – спросил кто-то из французов. – Их очень много. Столько, что проще считать весь язык одним большим **багом**, кроме которого они вообще ничего не видят* [«Бэтман Аполло» (2013) <https://ruscorporga.ru/>]; *Потому что все принимаете на свой счет. А на свой счет надо принимать только деньги, остальное – **спам*** [«Бэтман Аполло» (2013), <https://ruscorporga.ru/>]; *Она понимала, что это тот самый **body-shame**, про который говорила Кларисса: телесный позор, костлявая рука патриархии, до сих пор держащая ее за горло. **Вирусная программа, внедренная в***

каждую женскую голову на планете [«Тайные виды на гору Фудзи» (2018), с. 395].

Особое место среди компьютерных метафор занимают так называемые метафоры-загадки, согласно классификации Ю.И. Левина [4], в которых обозначение одного объекта заменяется названием другого объекта: *Мой **информационный буфер** переполнился...* [«Непобедимое солнце», с. 91]; *Любой человек **инсталлирует** скачанные из сети программы на свой девайс с большой осторожностью... Но на **главный диск у себя в голове**, который не поменять до смерти, человек доверчиво ставит что попало* [«iPhuck10», с. 310]. Зачастую для понимания смысла подобной метафоры требуется обратиться к более широкому контексту: в первом случае компаративная конструкция описывает состояние героини после экскурсии в Софии, во втором – процедура установки компьютерных программ отождествляется с потреблением и запоминанием человеком информации. В обоих примерах предметом сравнения выступает мозг и сознание человека.

С метафорой может соседствовать и взаимодействовать сравнение: *Человеческая самка, с его точки зрения, была **чем-то вроде 3D принтера**, на котором печатают новых людей. Поэтому, хоть ее голова и напоминала внешне мужскую, в ней стояла совсем особая **операционка и софт**, и ни на что другое места уже не оставалось* [«Любовь к трем цукербринам» (2014), <https://ruscogroga.ru/>]. Сравнение *чем-то вроде 3D принтера* усиливает компьютерную образность, уподобляя женщину техническому приспособлению с особым софтом, предназначенным для выполнения заданных функций.

Как отмечает З.Ю. Петрова, к метафорам и сравнениям примыкают конструкции метаморфозы, «маркером которой служат слова *превратиться, обернуться, сделать кого-то кем-то, что-то чем-то* и т. п.» [7: 278-279]. Подобные конструкции встречаются и у В. Пелевина: *Ей стало казаться, что она **превратилась** в большой и глупый **айфон**, который пытается открыть полиция* [«Тайные виды на гору Фудзи» (2018), с. 281]. В следующем примере союзом *как бы* вводится сравнительная конструкция, на базе которой формируется метафора, отсылающая к оргтехнике: *В гипсе содержалась последняя в культурной истории убедительная референция к свежести. К самой ее возможности. Уже не сам свет, а **как бы прощальная лекция последнего видевого свет человека обществу слепых. Ксерокопия света...*** [«iPhuck10» (2017), с. 43].

В текстах В. Пелевина широко используются не только компьютерные термины, служащие основанием для создания метафор и сравнений, но различные понятия из сферы средств массовой информации, телевидения и интернет-коммуникации, см., например, сравнительную конструкцию: *Человек похож на телевизор, где все программы имеют маркировку «live», но идут в записи* [«Бэтман Аполло» (2013), <https://ruscorpor.ru/>]. В романе «Непобедимое солнце» в рассуждениях героини возникает следующий образ, реализующийся через генитивную метафору **нетфликс духа**: *Мы сегодня все такие – вместо того, чтобы инвестировать в носители типа религий или компакт-дисков, просто юзаем сервис типа «дизера» или «осознанности». Такой нетфликс духа, где все без исключения подписаны на индивидуальную избранность* [с. 64]. Образом сравнения выступает название популярного американского стримингового сервиса, ставшего широко известным благодаря показу сериалов практически на любой зрительский вкус. Netflix здесь служит олицетворением эксклюзивности и банальности одновременно. Соответственно, и духовные поиски, сравниваемые с этим понятием, предстают как поверхностные, лишённые какого-либо устремления к истине. Рассматриваемый образ также поясняется за счёт глагольной метафоры с компонентом **юзать** и сравнительной конструкции, в которой религия выступает носителем информации.

Как отмечают исследователи, в современной прозе часто встречается взаимодействие различных образных средств, причем как на формальном, так и на семантическом уровнях [5]. Приведенная метафора повторяется в текстовом фрагменте несколько раз, подвергаясь формальному варьированию. Так, субстантивная метафора трансформируется в адъективную: *Но кто тогда делает эту симуляцию? И для кого? На это ответов в моем духовном нетфликсе нет* [с. 70]; одновременно появляется метафорическая конструкция идентификации: *Мы действительно духовные дети твиттера и нетфликса* [с. 65]. Дефиниция собственного наименования Netflix как интернет-сервиса по показу и продаже киноконента подразумевает наличие компонента значения «подписка», «подписной сервис», что и реализуется в дальнейшем развертывании метафорического образа: *<...> Наша духовная подписка подразумевает, конечно, существование неких вечных истин, но мудро оставляет их в тумане* [с. 69]. *<...> Там вообще нет никаких ответов – подписное облако их не любит именно по той причине, что любая*

окончательная истина сама по себе есть отдельный **подписной сервис** и прямой конкурент общей **подписке** [с. 70]. В последнем примере предметом сравнения выступает абстрактное понятие «истина», ассоциативно и контекстуально связанное с исходной метафорой **нетфликс духа**. В данном случае возникает семантическое взаимодействие компаративных тропов, объединенных общим компонентом значения: *‘стриминг’* – *‘подписка’*.

Таким образом, в прозаических текстах В. Пелевина наблюдается широкое использование компаративных конструкций разных типов, объединенных общим семантическим классом «Компьютерные технологии». Автор зачастую использует распространенные метафоры, создающие сложный образ, при этом отмечается взаимодействие компаративных тропов на формальном и семантическом уровнях. В прозе В. Пелевина метафора служит не просто средством выразительности, но и инструментом текстообразования и выражения авторской философской концепции видения мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Дрофа, 2008. 703 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32 [URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm?ysclid=lf6mjayqv285973734>].
3. Катаев Ф.А. Семантика и функции компьютерного дискурса в прозе Виктора Пелевина // Вестник Пермского университета. Вып. 2(14). 2011. С. 160-168.
4. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457-463.
5. Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 3. С. 109-124.
6. Одинцов В.В. Сравнение // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Дрофа, 2008. 703 с.
7. Петрова З.Ю. Компьютерная метафора в современной поэзии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 55-60.

ДУБОВА Марина Анатольевна (Коломна, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Государственный социально-гуманитарный университет
dubovama@rambler.ru

**ЛЕКСЕМА «КОЛОМЕНСКИЙ» В ОБЪЕКТИВАЦИИ
АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о способах объективации авторской языковой картины мира в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море». Представлены результаты анализа функционирования лексемы «коломенский» с учетом мотивной парадигмы произведения и миромоделирующих универсалий пространства и времени, структурирующих языковую картину мира в тексте.

Ключевые слова: коломенский, языковая картина мира, мотивная парадигма, миромоделирующие универсалии, семантико-стилистическая характеристика.

Abstract. The article deals with the question of objectifying the author's linguistic picture of the world by means of lexical markers based on the material of B. Pilnyak's novel «The Volga flows into the Caspian Sea». The results of the analysis of functioning of the lexeme «Kolomensky» are presented, taking into account the motive paradigm of the work and the world-modeling universals of space and time, structuring the linguistic picture of the world in the text.

Keywords: Kolomna, language picture of the world, motive paradigm, world-modeling universals, semantic and stylistic characteristics.

В результате «взаимодействия человека с миром формируется его система взглядов о нем, складывается некая модель, которую во многих областях научного знания называют картиной мира» [9: 110]. Современное состояние филологического знания характеризуется стойким вниманием, проявляемым учеными к понятию «картина мира» как «результат переработки информации о среде и человеке» [11: 5] с целью конкретизации и уточнения его семантического объема, к разработке алгоритма его структурирования и анализа. Нельзя не согласиться с тем, что «языковая картина мира является наиболее значимым источником информации о мире и человеке, который в нём существует» [2: 5], и представляет собой «совокупность этих знаний, запечатленных в языке» [6: 61]. Авторская языковая картина мира, опосредованная «той культурно-исторической эпохой, в которую создавалось произведение и под влиянием которой формировалось мировоззрение автора, его взгляд на происходящее» [5: 180], объективируется в романе органичным сочетанием типических и индивидуальных языковых приемов.

Цель статьи состоит в анализе синтагматических связей лексемы «коломенский» в тексте романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» (1929), что позволит выявить её роль в репрезентации авторской языковой картины мира, в основе которой лежит прием антиномичности. Роман принадлежит «к числу показательных для Пильняка текстов» [5: 47], в котором были продолжены эксперименты начала 1920-х годов и получила развитие оригинальная авторская стилевая манера [5: 47], что находит отражение, в частности, на уровне объективации авторской языковой картины мира.

В тексте произведения лексема «коломенский» и её дериват «всеколоменский» насчитывает 47 словоупотреблений, репрезентируя пространственно-временные параметры авторской картины мира, объективируя мотивы юродства, смерти, судьбы русского пролетариата, а также вводя в романное повествование прецедентные тексты (легенда о Марине Мнишек). В статье предпринята попытка исследования полифункциональности этой лексемы с учетом обозначенных содержательных ракурсов.

Наиболее часто лексема «коломенский» встречается в номинации пространственной модели авторской картины мира. В первую очередь, определяя территорию города и его окрестностей, она употребляется в синтагмах **коломенские земли** (2), **коломенский уезд** (1), **коломенское городище** (1), объективируя историческое и современное пространство: *Сбрасывалась назад, за окнами, избяная деревенская матушка-Русь, – поля, перелески, болота, броницкие и коломенские земли, деревенские авосьные проселки* [8: 407]; *Поджогов составлял и каждый день переделывал проект трамвайной сети по Коломенскому уезду* [8: 487]. Лексема «коломенский» номинирует как все городское пространство, так и его отдельные локусы, среди которых актуализируется несколько, выполняющих особую структурно-семантическую функцию, состоящую не только в связывании «калейдоскопического», фрагментарного городского пространства, в объединении разных его типов, вертикальной и горизонтальной осей, но и в развитии сюжетно-фабульной линии произведения, объективации мотивной парадигмы текста и репрезентации системы персонажей. Это машиностроительный завод (7): *На Коломенском машиностроительном новые дизельные цеха в половину Коломны построили* [8: 537], исполком (4): *... был он первым председателем коломенского исполкома* [8: 574], Кремль (4): *... азиатский коломенский кремль чудесно вдруг превращается в средневековую европейскую готику* [8: 528].

Другие объекты городской инфраструктуры употребляются единично, просто заполняя городское пространство: кладбище (1), театр (1), затон (1): ... *а жена – жива – не в крематории, а в земле коломенского кладбища* [8: 501]; ... *пройти от Коломны, прокладывая новые профили и трассы, по тальвегу Москвы-реки до Коломенского затона* [8: 502]; ... *завтра приезжает в коломенский театр московская труппа* [8: 543].

Лексема «коломенский» объективирует и миромоделирующую универсалию времени, выступая в синтагмах: *коломенский октябрь* (1), *коломенские веси* (1), *коломенская ночь* (1) и *коломенская старина* (5) в значении 'давнее, давно минувшее время' [7: 663]: *Водовозы по улицам вывесок развозили на своих дрогах и своими клячами коломенскую старину* [8: 484]. Её синонимами в романе становятся номинации *Баба-Коломна*, *Баба-Провинция*, наконец, *азиатская баба Россия*, максимально расширяющие пространственно-временные границы повествования, актуализируя семантическую оппозицию «историческое прошлое – современность», объективирующую, в свою очередь, мотив провинции, один из доминантных в мотивной парадигме романа. Коломенская старина является «местом боя за социализм» [8: 594], оказываясь тесно связанной с основной сюжетной линией романа – строительством монолита под Коломной, который должен повернуть вспять течение рек Оки и Москвы, а по факту является символом перестраивающей все сферы жизни новой России: *Поезд, шаря в ночи, вез профессора в коломенскую старину, к месту боя за социализм* [8: 594]. Эта старина «нищенствует очередями недостатков и умираний» [8: 411], профкнижками, неторопливым провинциальным существованием, невзрачными городскими пейзажами со следами запустения и разрушения. Попадая в неё, теряешь ощущение времени, не понимая, какой век на дворе: восемнадцатый, в котором пребывает дом Якова Карповича Скудрина, девятнадцатый или двадцатый. Это понятие как бы аккумулирует в себе все остальные номинации. Оно раскрывается оксюморонным сочетанием: *Коломна здоровствовала широкопузым николаевским умиранием* [8: 484] – один из лейтмотивов романа. Автор словно утверждает, что, несмотря на активную борьбу с прошлым как в бытовой, так и в мировоззренческой плоскости, эта старина неистребима, она растеклась и затаилась по углам, ожидая своего времени. Вместе с тем писатель «воссоздает типичную характеристику провинциального города вне зависимости от его географического положения, исторических преданий, вне его топонима в конце концов»

[10: 90]: *Расея, Русь, Коломна: провинция. Кирпичный, страшный, развалившийся забор на той стороне улицы упирается в охренный с бельведером дом на одном углу, а на другом – церковь, дальше площадь, опять церковь, ветлы, летнее небо, мостовые* [8: 416]. Как справедливо отметил И. Трофимов, «провинциальный город Б. Пильняка при всей своей многоликости – город типовой, он несет в себе характерные черты Коломны, в которой угадывается российский город вообще» [10: 88].

Изображаемый Пильняком город хранит связанные с ним легенды, в частности, о Марине Мнишек, по преданию, умершей в Коломне: *«Преданье рассказывает подробную историю – о том, как дьяки, воевода Коломенский Данила и попы со епископом, прознав, что Марина оборачивается вороною-сорокою ... освятили окна, бойницы и двери святою водою, дабы не могла Марина вылетать из башни вороною»* [8: 481]. Эта легенда объективирует мотив Маринкиной башни, который является одним из доминантных в мотивной структуре романа, скрепляя разные пласты повествования, «сводя судьбы многочисленных романских персонажей..., символизируя жизнь «вторую», подсознательную, стихийную, неподконтрольную разуму» [5: 44].

Лексема «коломенский» участвует в объективации мотива юродства, также проецируемого в двух временных плоскостях: прошлого и настоящего. Автор показывает, что, подобно изменению страны, всех сторон её жизни, меняется и образ юродивого, хотя отношение к нему окружающих в целом не претерпевает изменений, они так же вызывают жалость и сочувствие. Воспоминания Якова Карповича Скудрина о местном юродивом, «коломенском Данилушке» [8: 440], которого герой называет «нашим», тем самым определяя сопричастность, пусть территориальную, к его жизни, в один ряд ставят и самого Данилушку, и «всероссийского» юродивого Ивана Яковлевича, и «братца Иванушку» [8: 440] – юродивого нового, Советского, времени, *«погибшего человека, пропойцу и охломона, но истинного коммуниста»* [8: 596], *«юродивого, который не забыл чести и не потерял совести»* [8: 485], которому «доверено автором выразить идеи, не подвергаемые сомнению» [5: 42]. В этом контексте мы должны подчеркнуть, что лексема «коломенский» (она участвует в репрезентации образов и других персонажей, объективируя их пространство) формирует связанное с Иваном Ожоговым (Иваном Карповичем Скудриным) пространство, которое, в свою очередь, является структурно-содержательным компонентом общего романного пространства. Лексема «ко-

ломенский» употребляется в характеристике этого «юродивого советской Руси» [8: 574], снискавшего «в городе необходимую **коломенскую** популярность» [8: 574], она связана с его рождением и жизнью, а в целом с судьбой: *Революцию встретил Иван Карпович на Коломенском машиностроительном, в паровозном цехе, – действительно он был первым председателем коломенского пооктябрьского исполкома и строил коломенский октябрь* [8: 495]; *Из солдат на Коломенский завод он пришел социалистом, грамотным рабочим и – честным человеком* [8: 494]. Раскрывая жизненный путь персонажа, автор, с одной стороны, индивидуализирует героя, а с другой – подчеркивает в нем типичные черты юродивого, осмысливая его судьбу в плоскости юродства на Руси, имеющего «тысячелетнюю историю от Киево-Печерской лавры» [8: 440], и ставя его в один ряд с ними: «*Перед инженером Полтораком стоял нищий, побироша, юродивый, лазарь, – юродивый Советской Руси, справедливости ради, мирская коломенская совесть, молец за коммунизм. Иван Ожогов ходил по Коломне по обывателям..., и он просил их – плакать. Он говорил пламенные речи о коммунизме, сумасшедшие слова... В обывательской Коломне читли Ивана, как приучились на Руси столетиями чтить юродивых, тех, устами которых глаголет правда и которые правды ради готовы идти умирать*» [8: 574].

В связи с этим героем, неоднократно названным автором «мирской коломенской совестью», связан и мотив нравственности. В его объективации лексема «коломенский» употребляется в синтагмах, сочетаясь с отвлеченными существительными, относящимися к понятийной сфере морали: совесть, мораль, позор, честь. Это те понятия, которых не хватает советской России: *Вся страна превращена в моральный плакат, плакаты морали вышли на улицы, потому что их не осталось в душах* [8: 578]. Наиболее полно этот мотив развивается применительно к жизни сестер Скудриных, Капитолины Карповны и Риммы Карповны, судьба первой из которых стала «*примером всегородской чести, проквасившая свою жизнь целомудрием пола, бога, коломенской морали*» [8: 417], а на другую – «*...тридцать лет тому назад ... пал всеколоменский позор любви*» [8: 603]. Три года длилась связь Риммы с женатым «*казначейским чиновником, актером-любителем, красавцем и дрянью*» [8: 417], которые стали «*тремя годами всеколоменского позора*» [8: 417], когда Римма «*бросила к чертовой матери всеколоменскую мораль*» [8: 417]. Следствием связи стало рождение двух дочерей – «*наглядного посо-*

бия коломенского позора» [8: 604]. Однако время показало, что «честь Риммы, подобно речным перекатам и плесам, оказалась сильнее всеколоменской чести Капитолины, позор превратился в счастье» [8: 604], тогда как целомудрие Капитолины Карповны – «библейской смоковницы – и всеколоменские честь и честность оказались ни к чему» [8: 418]. Жизненная мораль сестер Скудриных проецируется в романе в целом на «этические основы жизни нового общества, отринувшего ценности старой морали» [3: 50], о чем заставляет задуматься читателя Б. Пильняка, благодаря «отсутствию в романе категорических оценок и выводов, возможности многозначного толкования образов» [3: 50]. Мораль, которая живет в душах людей и является мерилom их жизни, оказалась, к глубокому авторскому сожалению, растеряна, её заменили внешние, «пустые» проявления, к которым относятся и моральные плакаты. В этом контексте содержательно важно рассуждение о морали одного из антигероев, борца против Советской власти, инженера Полторака: «... мораль можно растеривать, как сапоги и хлеб. Революция её и растеряла. Мораль придется восстанавливать..., потому что мораль есть простая и настоящая хозяйственная вещь, не менее необходимая, чем пиджаки и картошка. Когда моральные запасы иссякают до нуля, тогда получаемся мы... Это бывает, когда истощилась последняя калория моральных качеств... делать плохо или хорошо, портить, гадить можно не только благодаря невежеству, но – и благодаря плохой, испорченной, прокисшей, как гнилой хлеб, морали, или – благодаря отсутствию её» [8: 577].

Таким образом, обобщая все сказанное, представляется возможным сформулировать следующие выводы, обоснованные логикой наших рассуждений:

– лексема «коломенский» играет важную роль в объективации и индивидуализации авторской языковой картины мира, выполняя функцию лексического маркера;

– анализ синтагматических связей лексемы позволил выявить её семантико-стилистическую нагрузку в репрезентации пространственно-временных миромоделирующих универсалий;

– лексема «коломенский» репрезентирует мотивную парадигму романа, структурирующую авторскую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анпилова Л.Н. Проза Б. Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк // ИФИОС УрО РАО «Словесник»; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2008.

2. Болдырева С.М. Лексические маркеры художественной картины мира М. Семёновой в контексте лингвокультурной специфики жанра "славянское фэнтези" (на материале романа "Валькирия"). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2020.
3. Брызгалова Е.Н. Проблематика романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» // О жанре и стиле советской литературы. Тверь, 1992.
4. Дубова М.А., Тамазян В.А. Концепт «пространство» как компонент характеристики языковой личности А.И. Боброва (на материале повести А.И. Куприна «Молох» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 179-184.
5. Крючков В.П. Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов: мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2006.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка.: ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1986. 797 с.
8. Пильняк Б.А. Волга впадает в Каспийское море // Пильняк Б.А. Романы. М.: Современник. 1990. С. 391-606.
9. Саркисян О.Б., Дубова М.А. Концептуальное содержание лексемы «жизнь» в авторской языковой картине мира (на материале повести И.А. Бунина «Деревня») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. №3 (156). С. 110-114.
10. Трофимов И. Провинция Б. Пильняка. Daugavpils, DPU izdevnieciba «Saul», 1998. 132 с.
11. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской картины мира. М., 1990.

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович (Вологда, Россия)

преподаватель
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии
Русской Православной Церкви
zaw1991@mail.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ РУССКОГО РЕАЛИЗМА XVII ВЕКА В СОЧИНЕНИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА «О СЛОЖЕНИИ ПЕРЪСТЬ»

Аннотация. В статье анализируются лексико-синтаксические средства в описании двуперстия протопопом Аввакумом. Наибольшее внимание уделено оппозиции инфинитива личной форме глагола, лексическому повтору и союзной связи в пределах высказывания как коммуникативной единицы. Весь приведенный перечень, с учётом обратной перспективы, выявляет сопряжение богословской идеи и крестного знамения как вещи в слове, что характеризует неоплатонический, или вернее – реалистический тип религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: лексика, синтаксис, текст, философский реализм, церковный раскол.

Abstract. The article analyzes the lexical and syntactic means in the description of the twofold by archpriest Avvakum. The greatest attention is paid to the opposition of the infinitive to the personal form of the verb, lexical repetition and conjunction connection

within the utterance as a communicative unit. The whole list, taking into account the reverse perspective, reveals the conjugation of the theological idea and the sign of the cross as a thing in the word, which characterizes the neoplatonic, or realistic type of religious worldview.

Keywords: lexicon, syntax, text, philosophical realism, church schism.

I. За многовековую историю осмысления русского церковного раскола были высказаны разнообразные, подчас диаметрально противоположные, точки зрения относительно и его идеологов, и самого упомянутого события. А.Н. Муравьев считал, что это был духовный бунт не ради старых обычаев, а ради самой сути церковности [8]. Архиепископ Филарет (в миру – Дмитрий Григорьевич Гумилевский, 1805-1866) настаивал, что это была тщетная и вредная защита привычных для «ревнителей древнего благочестия» ошибок и ложных убеждений [3]. В.О. Ключевский утверждал о церковном самомнении, косности и робости богословской мысли, языческой обрядности как народно-психологической основе культурно-религиозной катастрофы [4]. Л.Н. Гумилёв интерпретировал раскол как столкновение двух пассионариев с диаметрально противоположными программами поведения: изоляционизм Аввакума как ответ на вселенско-теократический империализм Никона [2]. М.Я. Волков указывал на свойственную допетровской эпохе излишнюю доверчивость к приезжим патриархам из Греции, у которых разность в обрядовой стороне (по сравнению с русской церковью) была вызвана историческими причинами [1].

II. В перечисленном выше списке концепций отсутствует упоминание того, чьи идеи были положены в фундамент предлагаемой работы. Речь идёт о В.В. Колесове и его многолетних разработках в области русского мировоззрения. Его перу принадлежат объёмные и цельные исследования трех программ, трёх взглядов на мир, трёх философско-исследовательских позиций, в числе которых – реализм, номинализм и концептуализм. Их появление сводится к многовековому спору об универсалиях. Реализм предполагает, что *«универсальная идея существует до вещи»* [6: 75], номинализм – идея существует *«после вещи»* [Там же], концептуализм – идея *«в самой вещи»* [Там же]. В этой системе, затронувшей Русь, по версии В.В. Колесова, был ряд последовательных изменений. *«В истории русской мысли ... исходно номинализм, с XV в. реализм, с XVIII в. расхождение на реализм и концептуализм в разных сферах бытия»* [6: 90]. Каждый этап сопровождался изменениями в грамматической [5; 9 и др.] и культурной [7] системах восточных славян.

Относительно церковного раскола XVII века мы имеем буквально два указания. Первое из них – «*Старообрядцы исходили из символа (шире — из слова) в обратной перспективе постижения признаков (реализм). Никониане исходят из концептума* (т. е. зерна первосмысла, способного проявляться в содержательных формах образа, понятия и символа – прим. З.А.) ... *в прямой перспективе*» [6: 323-324]. Второе указание – «*Протопоп Аввакум взывал к «Ареопагитикам» в середине XVII в., борясь с церковными новшествами Никона, которые внесли в русское вероучение элементы номинализма*» [6: 293]. Руководствуясь данными, брошенными как бы вскользь по ходу рассуждения, высказываниями, мы осуществляем опыт прочтения фрагмента из апологетического сочинения огнепального протопопа «О сложеніи перъсть».

III. Описание двуперстия у Аввакума в избранной нами редакции характеризуется противопоставлением инфинитива глагольной форме 3 л. ед. числа. Со ссылкой на святоотеческое предание автор текста начинает изложение: «*великій убо перъсть і мизинець, і третьи і подле мизинаго, **совокупити** концы **вкупе*** (синтаксическая синкрета – прим. З.А.): *являетъ Трипостасное Божество Отца, і Сына, і Святаго духа*» [10: 693]. Общим местом в христианской догматике стало утверждение, почерпнутое из Евангелия от Иоанна, что «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1: 18). Следовательно, «Трипостасное Божество» в описании Аввакума не «слово-знак», как и не «понятие», поскольку *это* не может быть *понято* рассудочно. Всё, что *являет* форма, полученная совокуплением перстов – *идея*, или, с учётом обратной перспективы, перед нами *идея*, являющаяся в *вещи* в виде конфигурации перстосложения, но до *оформления* идея не определена. Инфинитив в описании человеческого действия дан в поясняемой, а не в поясняющей части этого фрагмента синтаксической конструкции.

Аввакум продолжает: «*указательный же і великосредній, два сия **сложити** вкупе, и единъ отъ двухъ сихъ мало **наклонити**: являетъ смотрение Христова Божества и челоуѣчества*» [10: 693]. Богословие определяет Иисуса Христа как Богочеловека, т. е. единство Божественного и Человеческого. Отделить что-то одно, а потом вернуться к описанию другого – буквально впасть в ересь. Лексико-грамматически единство смысловой структуры приведенных фрагментов поддерживается по трём линиям: 1) оппозицией инфинитивных форм личным; 2) синкретой (*совокупити концы вкупе*) и её се-

мантически близким аналогом (*сложити вкупе*); 3) лексическим повтором (*вкупе, являетъ, Божество / Божества*). Всё описание двуперстия староверов в этом сочинении, как минимум, ориентировано на реалистическое мировоззрение.

IV. Не последнюю роль в приведенных примерах играют синтаксические средства текста. Выпишем весь фрагмент для удобства целиком. «...великій убо перъсть і мизинець, і третьи і подле мизинаго, совокупити концы вкупе: являетъ Триипостасное Божество Отца, і Сына, і Святаго духа; указателный же і великосредній, два сия сложити вкупе, и единъ отъ двухъ сихъ мало наклонити: являетъ смотрение Христова Божества и челоуѣчества» [10: 693]. Обращает на себя внимание то ли описка, то ли ошибка в постановке лишнего «и». В частности, *великій убо перъсть і мизинець, і третьи і подле мизинаго* – появление союза перед *подле мизинаго* избыточно, ведь речь идёт о трёх перстах. Для сравнения, в другой редакции этого текста (возможно, написанной позднее) данный фрагмент выглядит иначе: «великій, и мизинець, и третій подлѣ мизинаго» [10: 696]. Возможны две версии объяснения. Первая – это описка, оставшаяся в конечной версии текста. Второе объяснение изощрённее, поскольку затрагивает область ментального. Сочинительный союз в обороте *і подле мизинаго* был радикальным следованием реалистическому мировоззрению, ибо постановка «и» разрывает подчинительные связи в пределах словосочетания «третьи ... подле мизинаго». Во-первых, этот шаг нивелирует угрозу главенства и зависимости одной *вещи-перста* над *другой вещью-перстом*, и, во-вторых, описание избавлено от угрозы субординационизма в Троице (ересь, признававшая неравноценность Отца, Сына и Святого Духа). Важно отметить: даже факт простой описки есть факт неосознанного (в терминах В.В. Колесова – «подсознательного») следования мировоззренческим координатам, а наша «вторая версия» лишь гипотеза обоснования вкравшейся «ошибки».

Очевидно, что сочинительная связь в этом описании становится явлением идеи равенности, равнозначности и равновеликости. Также обращает на себя внимание синтаксический параллелизм: «*великій убо перъсть і мизинець, і третьи*» → «*Отца, і Сына, і Святаго духа*»; «*указателный же і великосредній*» → «*Божества и челоуѣчества*». Более того, факт доминирующей роли пояснительной связи обусловлен её внутренним единством: поясняющая часть не существует без поясняемой части. Иначе: вещи не суще-

ствуют в отрыве от явленных в них идей, ибо идеи – первичны и обуславливают вещи.

V. Предложенные выше размышления не претендуют на законченность, ибо это – опыт интерпретации в рамках тех линий, какие были только намечены В.В. Колесовым. В этом отношении синтагматика староверческого апологетического текста XVII века размывается трансцендированием смыслов со стороны пишущего. То, что *может* восприниматься как явления одного уровня, – если мы правы – в системе русского реалистического мировоззрения, представляет собой системное сопряжение фрагментов разных уровней: богословских идей – конфигурации вещей – описывающего их слова. За этим утверждением высвечивается глобальная проблема, оставленная между строк В.В. Колесовым в его работах: наши исторические лингвистические дисциплины, ориентированные на концептуализм (с XIX столетия), бессильны при анализе богословских сочинений «бунташного века».

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона ещё не оплодотворено «Ареопагитиками». Берестяные грамоты, письма, летописи, «Русская правда», повести Смутного времени, «Уложение» 1649 г., сочинение Г.К. Котошихина «О России...» и почти все «Жития» русских святых (и протопопа Аввакума, исключая вводную часть) – скорее историчны, чем теологичны. Загадки, сказки, песни, духовные стихи, пословицы – мифологичны, но не являются отражением *богословской системы*. «Поучение» Владимира Мономаха и «Домострой» по-светски этичны, историчны, но серьёзных теологических идей они не содержат и не отстаивают их. Весь этот перечень подводит к заключению – практически всё творчество идеологов староверия «выброшено на обочину» асфальтированным концептуализмом истории языка, а потому нам еще только предстоит осознать, *что* именно было упущено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков М.Я. Русская православная церковь в XVII веке. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1989. С. 153-229.
2. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. 560 с.
3. (Гумилевский) Филарет. История русской церкви. Четвёртый период: период патриаршества 1588-1720. Харьков: Университетская типография, 1853. 326 с.
4. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2: Лекции XLIV-LXXXVI. 2002. 791 с.
5. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Филология" и направлению подготовки "Филология". М.: Академия; СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 511 с.
6. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.

7. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 612 с.

8. Муравьёв А.Н. История российской церкви. СПб.: тип. III Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1840 (обл. 1841). 457 с.

9. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический фак. СПбГУ; Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2007. 415 с.

10 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872-1927. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. 1927. ХСVII, 480 с.

ЗАЙЦЕВА Ирина Павловна (Витебск, Республика Беларусь)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
irinazaj91@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В ЛИРИКЕ ЮННЫ МОРИЦ

Аннотация. Статья посвящена анализу с лингвопоэтических позиций системы метафор, функционирующих в стихотворении Ю. Мориц «Меня от сливок общества тошнит!..» (1998). Продемонстрировано, что эта группа тропов, наделённая очевидными индивидуально-стилистическими признаками, является одним из компонентов произведения, в которых наиболее отчётливо воплощается тип поэтического речевого мышления автора, который определяют как семно-семемный. При этом метафорическая система не только задаёт развитие смысла текстовой структуры по двум взаимодействующим линиям, но композиционно организует стихотворение.

Ключевые слова: поэтическое речевое мышление, семно-семемный тип, индивидуально-авторское мировидение, метафора, развёрнутая метафора, смысловое развёртывание, композиционная функция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguopoetic positions of the system of metaphors functioning in the poem by Yu. Moritz “The cream of society makes me sick!..” (1998). It is demonstrated that this group of tropes, endowed with individual-stylistic manifestations, is one of the components of the works, in most cases it is clearly embodied by the type of poetic speech thinking of the author, which is defined as seme-sememe. With this metaphorical system, not only the development of meaning earns, but also the compositionally realized work.

Keywords: poetic speech thinking, seme-sememe type, individual-author’s worldview, metaphor, semantic deployment, tended metaphor, compositional function.

Юнну Петровну Мориц (родилась в 1937 году) нередко называют ныне здравствующим **поэтом-классиком** – что, с нашей точки зрения, абсолютно справедливо. Её поэтическое творчество отличается не только необходимой для истинно талантливой поэзии глубиной, мастерски воплощаемой в словес-

ной форме, но и широким диапазоном жанрово-стилистических форм: от стихотворений для детей, часть из которых, будучи положенными на музыку, стали популярными песнями («Резиновый ёжик», «Большой секрет для маленькой компании» и др.), до глубоко философичной медитативной лирики – размышлений о различных чувствах, состояниях, поступках человека и смысле человеческого бытия, при этом особо – о назначении и сути поэтического творчества и творчества в принципе («Когда мы были молодыми...», «Портрет звука», «Не вспоминай меня. И не забудь...», «Моцарт», «Великих нынче – словно блох в ночлежке...» и мн. др.).

В последние десятилетия в большинстве стихотворений Ю. Мориц отчётливо выражается отношение ко многим весьма распространённым в нашей современной жизни явлениям, которые, по большей части, оцениваются лирическими героями её произведений (безусловно, «с подачи» автора) резко негативно. В статье к юбилею поэтессы (которая – на что многие обращают внимание – нередко иронично именуется себя *поэткой*), отмеченном в минувшем году, Юлия Великанова так определяет основную тематику её произведений последних лет: «В последние годы Юнна Мориц пишет стихи о том, что волнует тех, кто не равнодушен к судьбе России, кто не согласен с идеологией либерализма, кто не считает искусством кощунственные перфомансы, кто не принадлежит к т. н. «сливкам общества». Юнна Мориц – настоящий духовный авторитет для людей совестливых, верующих в Бога, любящих родину» [5].

Среди человеческих пороков, существовавших, безусловно, и ранее, но в постперестроечный период проявившихся наиболее отчётливо, к которым лирические герои поэтессы относятся с особой нетерпимостью, принадлежит *лакейство* – недостойное человека поведение, которое может проявляться во множестве форм. Примечательно, что лексема «лакейство» во всех своих значениях – *прямых* (связанных с весьма распространённой вплоть до первой четверти прошлого столетия профессией лакея) и *переносном* – фиксируется только словарями XX века. В словарной статье «Лакей» «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором отражены нормы литературного языка второй половины XIX века, эта номинация отсутствует; в ней приводится лишь глагол *лакейничать*, соотносимый с появившимся позднее глаголом *лакействовать*, который и послужил основой для образования номинации *лакейство* – обозначения некоего качества человека, обуслови-

вающего соответствующее его поведение: «*Лакейничать*, раболѣпно прислуживаться, стоять въ переднихъ, выжидая приѣма» (в цитате из словаря В.И. Даля сохранена оригинальная орфография) [7: 239].

У лексемы *лакейство* словари XX и XXI веков фиксируют два либо три значения, из которых актуальным на протяжении последних почти 100 лет является лишь одно – интересующее нас в данном случае *переносное*, что подтверждают и пометы, сопровождающие два других значения, в частности помета «устар.» (приводимые далее цитаты расположены в хронологическом порядке – в зависимости от времени выхода словарей): «**ЛАКЕЙСТВО** ... 1. Лакейское занятие, служба лакея (устар.). ... 2. *перен.* Раболепство, пресмыкательство (презрит.) ... 3. собир. Лакеи (устар., редко).» [9: 20]; «**ЛАКЕЙСТВО** ... 1. *Устар.* Служба, занятие лакея 2. *Презрит.* Раболепство, прислужничество, подхалимство» [4: 486]; «**ЛАКЕЙСТВОВАТЬ** ... (презр.). Вести себя лакеем (во 2 знач.), раболепствовать, угодничать. || сущ. *лакейство*» [10: 396]; «**ЛАКЕЙСТВО** ... 1. Служба, занятие лакея (в 1 знач.). ... 2. *Перен. Презрит.* Раболепство, угодничество, подхалимство. ... 3. *Собир. Устар.* Лакеи» [2: 40]. В толковании интересующего нас значения, в том числе и в отношении пометы, передающей эмоционально-экспрессивную оценку слова (*презрит.*), все словари, как можно убедиться, практически единодушны.

В пространстве поэтического творчества Ю. Мориц понятие *лакейство*, как и многие другие из образно осмысливаемых ею, не только аккумулирует все свойственные ему в языке смыслы, но и обрастает новыми, индивидуально-авторскими, семантическими оттенками. Это можно наблюдать, к примеру, в стихотворении «Так думаю и так я говорю» (1979), начальные строфы которого приводятся далее:

*Ну нет! Молчать, потупив кроткий взор,
Холуйствовать в расчётливой надежде,
Что надоест молоть бездушный вздор
Донельзя развёрщённому невежде, –
Не это ли убийственный позор?*

*Стоять на полусогнутых ногах,
Гасить улыбкой злое раздраженье
В надежде, что в каких-то там веках
Ты отомстишь за это униженье?
Дремучее какое заблужденье!*

*Нет, нет и нет! Взгляни на дураков,
Геройство променявших на лакейство, –
Ни за какую благодать веков
Попасть я не желаю в их семейство!* (выделено мною. –

И. З. [12].

Помимо актуализации языкового значения номинации **лакейство** – ‘раболепство, угодничество, пресмыкательство’ (*стоять на полусогнутых ногах*) в контексте происходит расширение её семантики – в частности, дополнение таким смысловым оттенком, как ‘лицемерие’ (*гасить улыбкой злое раздраженье*); максимальная степень угодничества подчёркивается употреблением разговорно-просторечного глагола *холуйствовать* и т. п.

Резкое осуждение, обличение лакейства во всех его проявлениях остаётся одной из приоритетных тем поэзии Ю. Мориц и на рубеже XX и XXI столетий, и в наступившем XXI веке. Один из исследователей её творчества, Владимир Бондаренко, отмечая это в своей публикации, даже охарактеризовал такую приоритетность как «едкое наблюдение за «лакеизацией» всей числящей себя прогрессивной культуры», воспользовавшись изобретённым неологизмом (**лакеизация**) [6]. Одним из произведений Ю. Мориц, где наблюдения подобного характера получили развёрнутое и, безусловно, отличающееся выраженными индивидуально-авторскими чертами воплощение, является написанное в 1998 году стихотворение «Меня от сливок общества тошнит!..»:

*Меня от сливок общества тошнит!..
В особенности – от культурных сливок,
от сливок, взбитых сливками культуры
для сливок общества.
Не тот обмен веществ,
недостаёт какого-то фермента,
чтоб насладиться и переварить
такое замечательное блюдо
могла и я – как лучшие умы.
Сырую рыбу ела на Ямале,
сырой картофель на осеннем поле,
крапивный суп и щи из топора
в подвале на Урале.
Хлеб с горчицей,*

*паслён и брюкву, ела промокашку,
и терпкие зелёные сливки,
и яблочки, промёрзшие в лесу, –
и хоть бы что!..
А тут, когда настало
такое удивительное время
и всё, что хочешь, всюду продаётся –
моря и горы, реки и леса,
лицо, одежда, небеса, продукты,
включая сливки общества, – тошнит
меня как раз от этих самых сливок,
чудесно взбитых...
Да и то сказать,
от тошноты прекрасней всех мелисса [12].*

Как известно, создание поэтом словесно-художественных произведений, всегда предполагающее – в той или иной степени – эстетически осложнённое использование языковых средств, связано и с особым рода интеллектуальной деятельностью, которая отличается от пользования языком в сфере нехудожественной коммуникации (прежде всего – в так называемом практическом общении), где элементы эстетической функции могут, безусловно, присутствовать, однако приоритетными функциями являются иные: информативная, логическая, фатическая и т. п. (разными исследователями обосновываются различные – как по количеству, так и по названиям – классификации функций языка). Одной из исследовательских дефиниций, которыми определяют эту деятельность, «связанную с его <поэта> способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [1: 297], является терминологическое выражение «поэтическое речевое мышление». Этот феномен у каждого талантливого автора, помимо принадлежности к определённому типу, отличается и индивидуально-стилистическим своеобразием.

И.Я. Чернухина, в работах которой поэтическое речевое мышление получило наиболее системное и развёрнутое описание, полагает, что, оценивая этот феномен с семантико-образных позиций, можно разграничить в нём три конструктивно-семантических типа: *семемный*, *семно-семемный* и *семный*, –

которые дифференцируются по характеру воплощения зачина мысли в речи [11]. В поэзии Ю. Мориц, по нашим наблюдениям, наиболее часто воплощается *семно-семемный* тип интеллектуальной деятельности, проявляющийся «в ослаблении корреляции «семема – лексема – представление», в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, а также получает дополнительные семы. В этом случае целостный художественный образ возникает не из совмещения простых представлений, как при семемном типе, а из интеграции представлений» [1: 299-300]. Одним из наиболее распространённых способов воплощения речемыслительной деятельности поэта данного типа является **метафора**, что подтверждает и приведённое выше стихотворение Юнны Мориц, где именно *система метафор*, наделённая рядом функций, является организующим стержнем произведения, причём как в *семантическом*, так и в *композиционном* плане.

Основой функционирующей в лирической структуре метафорической системы является языковая метафора *сливки общества*, фиксируемая словарями русского языка как фразеологическое выражение или идиома (значки ♦, ◇ используются составителями словарей именно для маркировки такого рода, выражений помещаемых внутри словарной статьи [см., например: 10]): «**СЛИВКИ** ... ♦ Сливки общества (устар. и ирон.) – лучшая часть общества» [10: 896]; «**СЛИВКИ** ... 2. *Перен.* О самой лучшей, отборной части чего-л. ◇ Сливки общества» [3: 207-208]. Примечательно, что один из словарей, изданный в 2011 году, снабжает это выражение пометами «устар. и ирон.», а в наиболее авторитетном на сегодня лексикографическом источнике, «Большом академическом словаре русского языка» (БАС 3), соответствующий том которого вышел в 2019 году, эти пометы отсутствуют. С учётом ироничности, которой отличается стихотворение Ю. Мориц в целом, более уместной в данном случае нам представляется первая из приведённых трактовок.

Заданный в начальной строке текста языковой метафорой смысл далее развивается по двум основным, и при этом взаимодействующим, линиям: авторская трансформация «готовой» метафоры *сливки общества* и актуализация первичных (неметафорических!) значений одного из её компонентов – *сливки*: 1) ‘густой жирный верхний отстой молока’; 2) уменьшительное от *слива* – ‘фруктовый плод с крупной косточкой’. Именно развёртывание текста по второй смысловой линии обеспечивает основу для его заметной «гастрономичности», в русле которой образно конкретизируется авторская концепция:

культурные *сливки* – *блюдо*, которое сложно *переварить* человеку, иначе воспринимающему это явление, и т. п. В результате обозначенного взаимодействия образуются такие тропы, как: *культурные сливки* (эпитет); *сливки, взбитые сливками культуры для сливок общества* (развёрнутая метафора, которая может быть дифференцирована на составляющие: сливки общества; сливки культуры; сливки, взбитые для сливок общества); *всё продаётся ..., включая сливки общества* (развёрнутая метафора, два первых компонента которой существенно распространены); *тошнит меня как раз от этих самых сливок, чудесно взбитых* (развёрнутая метафора).

При этом два первых из указанных тропов находятся в начальной части текста, а два других – в заключительной, что наделяет сформированную в произведении систему метафор и явной *композиционной* функцией: лежащая в основе системы языковая метафора в авторски трансформированном виде присутствует и в начале, и в конце стихотворения, т. е. включается в лексико-синтаксическую фигуру, обозначаемую терминами *композиционное кольцо* или *эпистрофа* [8: 295].

Проведённые наблюдения, которые, безусловно, не претендуют на исчерпывающий анализ оригинального и по смыслу, и по форме стихотворения Ю. Мориц, как представляется, позволяют продемонстрировать очевидную значимость исследования метафор (в данном случае – объединённых в систему) для установления особенностей индивидуально-авторского мировосприятия и мироощущения поэтессы. В перспективе такого рода исследования целесообразно, с нашей точки зрения, осуществить на материале *групп стихотворений*, связанных между собой тематически, периодом создания или какими-то иными свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 296-301.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 9. Л–Медь. М.–СПб.: Наука, 2007. 659 с.
3. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 26. Скорее–Сом. М.–СПб.: Наука, 2019. 696 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
5. Великанова Юлия. Важнейшая часть жизни – поэзия. Юбилей русской поэтессы Юнны Петровны Мориц // Pechorin.net. 01.06.2022. [URL]. Режим доступа: <https://pechorin.net/articles/view/vazhnieishaia-chast-zhizni-poezii-iubiliei-russkoi-poetiessy-iunny-pietrovny-morits>. Дата доступа: 25.05.2023.

6. Владимир Бондаренко о поэзии Юнны Мориц: «поэт Большого Стиля» // Vremya.ru. 19.08.2014. [URL]. Режим доступа: <http://books.vremya.ru/main/3839-vladimir-bondarenko-o-poezii-yunny-moric-poet-bolshogo-stilya.html>. Дата доступа: 26.05.2023.

7. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. СПб.–М.: Типографія М.О. Вольфа, 1881. Томъ второй. И–О. 807 с.

8. Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М.: Флинта; Наука, 2007. 312 с.

9. Толковый словарь русского языка: в 4 тт. Гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2. Л–Ояловеть. 1040 стб.

10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

11. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1993. 192 с.

12. Юнна Мориц. Стихи. [URL]. Режим доступа: <https://rustih.ru/yunna-moric/>. Дата доступа: 25.05.2023.

ЗАХАРОВ Руслан Иванович (*Нижний Новгород, Россия*)

старший преподаватель кафедры судебной экспертизы
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
riz1369@mail.ru

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА В ПОЛИКОДОВЫХ КОММЕРЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ: НА ПРИМЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика смыслообразования поликодовых текстов рекламного характера. Показано образование коммерческих номинаций по определённой модели, которая создаётся взаимодействием парадигматических и синтагматических отношений. Модель состоит из вариативного и постоянного компонентов. Последний выполняет основную функцию рекламного текста – формирование положительной оценочности и побуждения к действиям. Этот семантически нагруженный компонент именуется деталью.

Ключевые слова: поликодовый текст, реклама, парадигматика, синтагматика, модель, деталь.

Abstract. The article deals with the specifics of the meaning formation of advertising polycode texts. The formation of commercial nominations according to a certain model, which is created by the interaction of paradigmatic and syntagmatic relations, is shown. The model consists of variable and constant components. The latter performs the main function of the advertising text - the formation of positive appraisal and motivation for action. This semantically loaded component is called "a detail".

Keywords: polycode text, advertising, paradigmatics, syntagmatics, model, detail.

Исследование семантики традиционно занимает важное место в научных работах. То же самое можно сказать о рекламных и поликодовых текстах, исследование которых, в частности, в аспекте изучения лингвосемиотического механизма формирования значения является чрезвычайно важным направлением научного поиска. В нашей статье рассматривается специфика смыслообразования поликодовых текстов рекламного характера. Цель работы – исследование характера взаимодействия структурных компонентов при формировании значения такого рода текстов. Объектом исследования являются коммерческие номинации, которые в массовой коммуникации могут функционировать как рекламные тексты (рис. 1). Специфика объекта заключается в его поликодовости, то есть они созданы средствами различных знаковых систем.

Рис. 1. Различные варианты представления коммерческих номинаций:
 а) на странице в социальной сети «ВКонтакте»;
 б) на официальном сайте;
 в) на странице отзывов;
 г) на визитке

Семантические отношения в языке и тексте определяются парадигматикой и синтагматикой. Парадигматические отношения возникают между знаками в процессе выбора, а синтагматические – в процессе их комбинирования. Считается, что существование первых позволяет говорить о лексической семантике как о системе, а существование вторых даёт ей возможность функци-

онировать, в частности, объединяться значениям. Парадигматические отношения предполагают сходство или отличие знаков, а синтагматические – означают, что вступающие в эти отношения знаки в процессе коммуникации могут употребляться вместе и взаимодействовать.

О.С. Ахманова определяет синтагматику как учение о членении речи на синтагмы; первую фазу изучения языка, состоящую в последовательном разделении текста на всё менее протяжённые единицы [1]. Задача синтагматического анализа заключается в проникновении в семантическую структуру синтагмы в соответствии с её актуальным содержанием, определяемым контекстом речи, выявлении смысловых и стилистических оттенков, которыми сопровождается общее содержание высказывания. Ситуативный контекст определяется спецификой коммуникативной ситуации: как тексты рекламного характера номинации созданы с целью оказания влияния на адресата, изменения его социального статуса на «покупатель» (в отношении номинации **Звонок** см. [7]); они широко распространены в массовой коммуникации – транслируются различными каналами (визитки, рекламные щиты в лифтах, интернет); на рисунке 1 продемонстрирована только часть вариантов их бытования.

Анализ номинаций проводился последовательно: синтагматика форм; синтагматика значений, – и комплексно: различные варианты представления анализируемых номинаций способствуют проведению исследования и позволяют верифицировать его результаты.

Исследование показало, что две номинации созданы аффиксальным способом, причём словообразовательный формант -ок имеет разное значение (см. [3]), а третья, формально, – это форма родительного падежа множественного числа. Употребление словоформы в косвенном падеже в качестве названия для нейминга не характерно, следовательно, можно говорить о словосложении.

Для анализа, предположительно, значим и акцентный аспект. В первых двух номинациях ударение падает на финальный слог, для третьей – решение вариативно. При постановке ударения на первый слог, что характерно для русской словоформы, возникает, помимо воли реципиента, ассоциативный информационный фон некой странности словоупотребления. Это происходит «в силу свойственной сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» на уровне содержательно-подтекстовой (фоновой) информации, выводимой из всей совокупности ска-

занного и несказанного в тексте представления на основе всего предшествующего знания или опыта человека [8: 180, 108-109]. Так что в аспекте прагматики более вероятна постановка ударения на финальный слог; на это может указывать и его шрифтовое выделение в интернет-текстах – начинается с прописной буквы. Такое произношение лишает слово «русскости», придаёт ему иноязычное звучание, что в русской культурной традиции воспринимается, преимущественно, положительно.

Итак, можно предположить формальную и, следовательно, семантическую самостоятельность финального сегмента.

Каждая из исследуемых номинаций является синтагмой, то есть совокупностью нескольких единиц, последовательно связанных с целью производства значения. В нашем случае речь идёт о наличии двух структурных компонентов у каждого слова, то есть это внутренние синтагмы [1]. Самостоятельность частей оформлена визуально средствами различных знаковых систем: цветовым решением, средствами шрифтового выделения, смещением относительно линии расположения. Слова имеют сходную модель построения: к первой части присоединяется одинаковая финальная часть, что важно для определения их значения.

Как пишет А.Е. Бочкарев, в модели языковые единицы вступают в отношения двух видов: в отношении *in absentia* – с единицами, которые могут фигурировать в той же позиции независимо от того, находятся ли они в отношениях взаимоисключения или свободного варьирования; в отношениях *in praesentia* – с единицами непосредственного их сочетания в речевой цепи [2: 171].

В номинациях, как производных словах, синтагматические отношения связывают структурные компоненты, но в обеих частях действуют также парадигматические отношения – отношения выбора из возможных вариантов. Лучше всего это заметно по первым частям: *звон-*, *холод-*, *стир-* соединятся с *-ок*. Однако первоначально был осуществлён выбор второй части. *ОК* – это один из вариантов написания (*Окей*, *Окау*, *окау*, *Ок*, *ок*) ставшего международным американского общеупотребительного выражения, означающего одобрение, принятие, согласие, подтверждение. Этот семантически нагруженный (оценка и побуждение к действиям в имплицитной форме) компонент выражает основную функцию рекламного текста (подробнее об этом в отношении номинации **ЗвонОк** см. [7]). К нему добавляется уже в режиме варьирования начальный фрагмент, содержащий отсылку к сфере деятельности

коммерческих учреждений, представленных номинациями (связь с референтной областью): **ЗвонОк** – продажа, в том числе и смартфонов; **ХолодОк** – установки кондиционирования воздуха; **СтирОк** – ремонт стиральных машин на дому и др.

Мы видим свободное варьирование по оси парадигматики первого компонента модели при стабильности второго, проявляется общее и различное в значениях номинаций. Парадигматические и синтагматические отношения взаимно обуславливаются, парадигматика отражается необходимым образом в синтагматике, парадигматические и синтагматические отношения взаимно дополняются [2: 171].

В заключение следует подчеркнуть два момента: решающую роль контекста, употребление способствует актуализации определённых семантических признаков [2: 173]; наличие главного смыслообразующего компонента коммерческой номинации как рекламного текста – финального сегмента. Такой семантически значимый фрагмент поликодового текста мы называем деталью [4; 5; 6].

Анализ выявленной в ходе исследования поликодовых текстов детали показывает, что в рамках номинативной конструкции на осях селекции и комбинаторики происходит взаимодействие русизмов и американизма как способ выражения нужных компонентов значения текстов коммерческого характера, что свидетельствует о происходящих в ментальной сфере среднестатистического жителя России изменениях. Речь идёт об аккультурации как процессе взаимопроникновения и взаимовлияния культур в части изменения поведенческих установок, например, способов выражения одобрения, под воздействием иных языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Бочкарев А.Е. Эпистемологические аспекты значения. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007. 224 с.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообраз. единиц. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
4. Захаров Р.И. Деталь изображения в поликодовом тексте макро-мема как лингвосемиотический механизм формирования оценочности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. (Сдано в печать).
5. Захаров Р.И. К вопросу совершенствования метаязыка исследований поликодовых текстов при производстве лингвистических экспертиз // Сборник материалов III международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза: теория и практика в современных условиях», г. Минск, 26-27 апреля 2023 г. (Сдано в печать).

6. Захаров Р.И. Оппозитивно-интегративные отношения вербального и изобразительного компонентов в меме: на примере текстов студенческого дискурса // // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сборник статей XXI всероссийской (национальной) научной конференции (Санкт-Петербург, Июль 2023). СПб.: ГНИИ "Нацразвитие", 2023. 82 с. С. 51-54.

7. Захаров Р.И. Поликодовые тексты как манипулятивный инструмент рекламного дискурса: на примере коммерческой номинации // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Манипуляции и социум: язык, сознание, культура», г. Калининград, 5-17 мая 2023 г. Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. 295 с. С. 146-149.

8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

ЗЕМЛЯНИК Татьяна Валерьевна (Минск, Республика Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Институт пограничной службы Республики Беларусь
[zemlyanik tanya@mail.ru](mailto:zemlyanik_tanya@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ С СЕМАНТИКОЙ «КРАСНЫЙ ЦВЕТ» С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (на материале романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость»)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода колоративной лексики с китайского языка на русский в романе китайского писателя Цянь Чжуншу «Осажденная крепость». Выявлено, что наиболее часто в романе встречаются цветообозначения с семантикой «красный цвет». Обнаружено, что лексические единицы, которые в переводных контекстах передаются с использованием словоформ, имеющих семантику «красный цвет», в оригинальных контекстах романа могут не обладать данным значением. В работе рассматриваются особенности и причины названного явления.

Ключевые слова: колоративная лексика, семантика цветообозначений, особенности перевода, китайский язык, Цянь Чжуншу, «Осажденная крепость».

Abstract. The article discusses the features of the translation of colorful vocabulary from Chinese into Russian in the novel "The Besieged Fortress" by the Chinese writer Qian Zhongshu. It was revealed that the color terms with the semantics of "red color" are the most often in the novel. It has been found that lexical units that are transmitted in translated contexts using word forms of "red color" semantics may not have this meaning in the original contexts of the novel. The paper discusses the features and causes of this phenomenon.

Keywords: colorful vocabulary, semantics of color terms, translation features, Chinese language, Qian Zhongshu, "The Besieged Fortress".

Исследование колоративной лексики вызывает постоянный интерес ученых (А.П. Василевич [1], А. Вежбицкая [2], О.Б. Ермакова [3], А.В. Колмогорова [4], Н.Н. Репникова [5], Э.Г. Соселия [6], С.А. Фетисова [7], О.П. Шевчук [8], Ф.Н. Шемякин [9] и др.), поскольку анализ цветообозначений произведений художественной литературы позволяет расширить представления о значении цвета в различных языках, выявить языковые средства выражения семантики цветообозначений, описать общие и специфические черты передачи колоративов в разноструктурных языках. Кроме того, по мнению китайского исследователя Чэнь Си, «колоративная лексика способствует выражению общего смысла произведения, расширяет и углубляет смысловую структуру текста, отражает своеобразие стиля автора, его творческую индивидуальность» [10: 198].

Цель нашего исследования – выявить особенности перевода колоративной лексики с семантикой «красный цвет» с китайского языка на русский в романе Цянь Чжуншу «Осажденная крепость».

Материалом исследования послужили контексты, содержащие лексические единицы с семантикой цветообозначения, обнаруженные в оригинальном тексте романа китайского писателя Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» и его переводе на русский язык, выполненный В.Ф. Сорокиным.

Проанализировав материал, мы обнаружили, что наиболее часто в романе встречаются цветообозначения с семантикой «красный цвет»: лексема *красный* (29 употреблений) и однокоренные словоформы – *покраснеть* (31), *краснеть* (4), *покраснев* (3), *ярко-красный* (3), *покрасневший* (1), *краснее* (1), *краснобай* (1). Следует отметить, что данные лексеммы были обнаружены нами в переводном тексте романа на русский язык, и в некоторых случаях вариант перевода, предложенный переводчиком, не дословно воспроизводит слова оригинального текста. Рассмотрим некоторые примеры.

Лексема *красный* обозначается на китайском языке иероглифом 红 (*hóng*), но в некоторых оригинальных контекстах романа встречаются иные лексеммы, переведенные на русский язык с использованием словоформы *красный*. Сравним два высказывания: 苏小姐拿了一只紫檀扇匣进来 [11]. – Вернулась Су со шкатулкой из **красного дерева** в руках [12]. В оригинальном тексте употребляется лексема 紫檀 (*zítán*), в переводе на русский язык обозначающая ‘сандаловое дерево’, но В.Ф. Сорокин для перевода избирает лек-

сему *красный*, так как словосочетание *красное дерево*, вероятно, по мнению переводчика, оказывается более понятным русскоязычному читателю.

Рассмотрим следующий пример, представляющий интерес для нашего исследования: *好好的飞金扇面上 歪歪斜斜地用紫墨水钢笔写着...* [12]. – *На дорогом веере косым почерком было написано красными чернилами...* [11]. Автор для описания цвета чернил использует китайский иероглиф 紫 (zǐ) – ‘фиолетовый, пурпурный’, в статье к определению которого в Большом китайско-русском словаре (大БКРС) дается помета ‘цвет, присвоенный высочайшим особам’. В данном случае интересен выбор переводчика, сделанный в пользу лексической единицы *красный*, а не *фиолетовый*, весьма наглядно отражающий различия двух культур. В русской традиции обычно на письме используются синие, фиолетовые или черные чернила, а для выделения важной информации – красные или чернила иного цвета, в то время как в китайской культуре естественным является использование чернил черного цвета, фиолетовые и красные – выбираются для написания текстов, обладающих информационной, ностальгически-личностной ценностью, для выражения уважения и почтения адресату.

В следующем контексте описывается ситуация ссоры супругов, в результате которой жена плачет, а муж старается ее утешить и уговорить лечь спать: *很好的眼睛，睡眠不够，明天肿了，你姑母要来质问的* [12]. – *Закрывай свои красивые глаза, а то завтра будут красными – тетка учинит мне допрос!..* [11]. В.Ф. Сорокин вместо возможного дословного перевода *завтра будут опухшими* (肿 (zhǒng) ‘опухать, распухать; опухший, распухший’) предлагает читателю иной вариант перевода. Имя прилагательное *красный* в данном случае выбрано неслучайно, т. к. в русской традиции именно словосочетание «красные глаза» используется для обозначения заплаканных глаз, а опухшие глаза обычно являются результатом каких-либо недомоганий или негативных процессов, происходящих в организме человека.

При исследовании материала нами было обнаружено, что самыми частотными лексическими единицами с семантикой цвета, встречающимися в романе «Осажденная крепость», являются лексемы, составляющие видовую пару глаголов *краснеть* (4 употребления) – *покраснеть* (31) и образованные от глагола совершенного вида деепричастие (*покраснев* – 3) и полное причастие (*покрасневший* – 1). Все перечисленные формы слов имеют в китайском

языке следующие эквиваленты: 红脸 (*hóngliǎn*) – ‘красное (смущенное) лицо’; 眼红 (*yǎnhóng*) – ‘красные (воспалённые) глаза’; 耳朵红 (*ěrduo hóng*) – ‘красные уши’, т. е. все формы видовой пары глаголов *краснеть* – *покраснеть* русского языка в китайском языке передаются с помощью сочетания лексемы, обозначающей часть тела, и лексемы *красный*. Названные лексические единицы используются для обозначения физической реакции организма на различного рода чувства, выражающиеся покраснением кожного покрова: **смущение** (方鸿渐红了脸傻笑, 便撇下苏小姐走去 [12]. – Фан Хунцзянь **покраснел**, смущенно улыбнулся и зашагал дальше [11].); **стыд и негодование** (鸿渐已经羞愤得脸红了, 到小舅子把报拿来, 接过一看, 夹耳根、连脖子、经背脊红下去直到脚跟 [12]. – Хунцзянь **вспыхнул от стыда и негодования**, когда же юноша показал ему газету, он **покраснел с ног до головы** [11].); **обман** (她还嫌不详细, 说: “你这人真不爽快! 我会吃这种隔了年的陈醋么? 我听着好玩儿。” 鸿渐瞧她脸颊微红, 嘴边强笑 [12]. – «Станный ты человек! Неужели ты думаешь, что я стану ревновать по прошествии стольких лет? Мне же просто забавно!». Но Фан заметил, как она **краснеет**, как улыбается через силу [11].); **грусть** (柔嘉道: “好容易千方百计嫁到你这样一位丈夫, 还敢不小心伺候么?” 说时, 眼圈微红 [12]. – «С великим трудом заполучила такого муженька, приходится из всех сил угождать», – сказала Жоуцзя. Глаза у нее немного **покраснели** [11].); **страх** (阿丑吓得脸涨得比鸿渐还红, 道: “我——我听见妈妈对爸爸说的。” [12]. – «Мама так говорила папе...» – пролепетал Ачоу и со страху **покраснел** еще больше, чем дядя [11].).

Некоторые слова китайского языка переводчик, исходя из семантики высказывания, переводит с использованием лексемы *покраснеть*, хотя в оригинальном тексте автором используются иные лексические единицы.

Так, в данном контексте (方鸿渐听了, 又害羞, 又得意。 [12]. – При этих словах Фан **покраснел** и одновременно обрадовался... [11].) автор для передачи чувств главного героя использует слово *害羞* (*hàixiū*) ‘стесняться, смущаться’, которое В.Ф. Сорокин переводит с помощью лексемы *покраснеть*, считая этот вариант более удачным.

Интерес представляет следующий контекст: 他默默分付两颊道: “不要烧盘! 脸红不得!” 懊悔进门时不该脱太阳眼镜 [12]. –

«Не смейте **краснеть!**» – мысленно приказал он своим щекам и пожалел, что снял у входа темные очки... [11]. В оригинальном тексте автор для выражения чувства стыда героя произведения использует два восклицательных повелительных предложения, в одном из которых употребляется лексема 烧盘 (*shāopán*), которая в Большом китайско-русском словаре (大БКРС) переводится как ‘раскалённое блюдо’ с пометами *обр., ирон.* ‘зардеться, о человеке, залившемся краской стыда’; а во втором – 红脸 (*hóngliǎn*) ‘красное (смущенное) лицо’. Названные лексические единицы используются в сочетании с иероглифами, выражающими отрицание. Переводчик для передачи смысла двух высказываний оригинального текста моделирует одно восклицательное повелительное предложение «Не смейте **краснеть!**», которое хотя и отражает смысл первоначальных фраз, но не позволяет сохранить и передать самобытность и культурное своеобразие китайского текста. Подобное небрежное отношение к оригинальному тексту мы можем видеть в следующем контексте:

本来苍白的脸色现在红得像生牛肉， 两眼里新织满红丝，肚子肥凸得
像青蛙在鼓气。 法国人在国际上的绰号是“虾蟆”， 真正名副其实，

可惊的是添了一团凶横的兽相。 [12]. – Фан отметил, как изменился за год бледнолицый парень, впервые покинувший тогда родную деревню – порозовел, ни дать ни взять хороший кусок мяса, глаза **покраснели**, живот округлился, как у надутый лягушки, – полицейский как бы старался оправдать прилепившееся к французам прозвище «лягушатники» [11]. Главному герою произведения Фан Хунцзяню, чтобы отправиться из Шанхая в другой город на корабле, нужно добраться до пристани, путь к которой лежит через границу французской концессии. В одном из представителей полицейского патруля, досматривающего вещи всех жителей, пересекающих границу, он узнает своего знакомого и обращает внимание на те негативные изменения во внешности, которые произошли с молодым человеком. Автор, давая неодобрительную оценку внешности молодого французского жандарма, тем самым выражает отрицательные изменения, произошедшие во внутреннем мире героя.

Цянь Чжуншу – один из величайших современных писателей Китая, известный изысканным и утонченным слогом, который позволяет ему передавать глубочайшие оттенки смыслов создаваемых им высказываний. Так, фраза, переведенная В. Ф. Сорокиным, как *глаза покраснели*, совершенно не передает тот смысл, который в нее вкладывал автор, поэтому не совсем понят-

на русскоязычному читателю. В оригинальном тексте романа автор использует следующее высказывание *两眼新织满红丝*, которое дословно перевести на русский язык можно следующим образом: 'глаза будто были наполнены только что сотканными красными шелковыми нитями'. Цянь Чжуншу с помощью яркой метафоры изображает глаза с красными прожилками. Понять смысл данного высказывания, можно только обладая знаниями контекста китайской культуры. У китайцев есть выражение: «心黑了, 眼睛红了», которое дословно можно перевести на русский язык следующим образом: «Душа черна, а глаза красны». Таким образом, говоря в данном контексте о красных глазах, автор выражает отрицательные душевные качества героя, что подкрепляется следующей после описания внешности французского жандарма цитатой из романа: *上海这地方比得上希腊神话里的魔女岛, 好好一个人来了就会变成畜生*. [12]. – *В чертах его появилось что-то животное – Шанхай, словно остров волшебницы Цирцеи, обладает свойством быстро превращать нормальных людей в скотов* [11].

Имя прилагательное *ярко-красный*, употребленное переводчиком в трех случаях, ни в одном из китайских оригинальных контекстов не встречается. В некоторых случаях Цянь Чжуншу предлагает читателю оригинальные и лексически разнообразные метафоры, в других иные лексемы с семантикой цвета:

侯营长有个桔皮大鼻子, <...> 鼻尖生几个酒刺, 像未熟的草莓 [12] (ср.: перевод В.Ф. Сорокина: *У комбата был большой нос цвета мандариновой корки, с ярко-красными прыщами...* [11]; дословный перевод: 'на кончике носа было несколько прыщей, как у незрелой клубники');

范小姐今天赴宴擦的颜色, 就跟美洲印第安人上战场擦的颜色同样胜利地红. [12] (ср.: перевод В.Ф. Сорокина: *Вышла Фань ярко-красной, как индеец, выкрасившийся перед битвой в цвет победы...* [11]; дословный перевод: 'цвет [румян], которым мисс Фан напудрилась сегодня на банкете, был таким же победоносно-красным, как цвет, используемый американскими индейцами на поле боя');

办公室里的人, 指头上不染墨水而指甲上染红油 [12] (ср.: перевод В.Ф. Сорокина: *ногти сотрудника редакции испачканы не чернилами, а ярко-красным лаком...* [11]; дословный перевод: 'ногти сотрудника редакции испачканы не чернилами, а окрашены красным лаком').

В следующем контексте выбор, сделанный переводчиком в пользу лексемы *краснобай*, представляется нам весьма удачным. Слово имеет негативную коннотацию (в Большом толковом словаре С.А. Кузнецова дается с пометой *пренебр.* ‘красноречивый, пустой говорун, любитель красивых фраз’), присутствующую и в семантике оригинального высказывания: *男子无口才, 就表示有道德, 所以哑巴是天下最诚朴的人.* [12]. – ... *будто добродетельный мужчина не может быть краснобаем, так что в этом смысле идеалом является немой* [11]. Словосочетание на китайском языке *男子无口才* дословно можно перевести следующим образом: ‘мужчина, не обладающий ораторским талантом’. Поскольку данная языковая конструкция является весьма громоздкой, то предложенный переводчиком вариант, сочетающий в себе краткость с соответствующим оригинальной семантике значением, является подходящим.

Проанализировав языковой материал, мы пришли к выводу, что из всего разнообразия колоративных лексем наиболее часто автором романа «Осажденная крепость» Цянь Чжуншу избираются лексемы с семантикой «красный цвет». Обнаружено, что лексические единицы, которые в переводных контекстах передаются с использованием словоформ, имеющих семантику «красный цвет», в оригинальных контекстах романа могут не иметь данного значения. Отмечено, что в некоторых случаях текст перевода романа не передает самобытность и культурное своеобразие китайского оригинального текста, что объясняется, на наш взгляд, недостаточной внимательностью переводчика к тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич А.П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (К методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика / ред. П. Аристэ, Х. Лийн. Тартуский государственный университет, 1981. С. 135-143.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 417 с.
3. Ермакова О.Б. Концептуализация цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 345 с.
4. Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл: Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 380 с.
5. Репникова Н.Н. Семантика прилагательных цвета и ее отражение во фразеологии языка новоанглийского периода (на примере прилагательных *black, white, red*): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1999. 16 с.
6. Соселия Э.Г. Семантические особенности терминов цветообозначения // Историческая лингвистика и типология / ред. К.Г. Красухин; РАН, отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1991. С. 20-25.

7. Фетисова С.А. Концептуализация имени цвета «красный»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2005. 174 с.

8. Шевчук О.П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.22. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. 25 с.

9. Шемякин Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядности образа (цвет и его название) // Изв. Академии пед. наук РСФСР. Вып. 113: Мышление и речь / отв. ред. Ф.Н. Шемякин. М.: Наука, 1960. С. 5-48.

10. Чэнь Си. Особенности перевода колоративов с русского языка на китайский (на материале повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет») // Белорусский государственный университет. Научная конференция студентов и аспирантов. Минск: БГУ, 2016. С. 198-200.

11. Цянь Чжуншу. «Осажденная крепость» [электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/tsyant_chgunshu/osagdennaya_krepost.html#0 (Дата обращения: 15.03.2023).

12. 钱锺书 “围城” [электронный ресурс]. – URL: <https://m.99csw.com/book/2619/index.html> (Дата обращения: 15.03.2023).

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна
(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ГЛАГОЛОМ *ИМАТЬ* В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ОБИХОДНО-ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА XVI-XVII ВВ.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI-XVII веков»

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сочетания со стержневым компонентом *имать*. Глагольно-именные, глагольно-местоименные и глагольно-наречные устойчивые словесные комплексы с глаголом *имати* проявляют, с одной стороны, тенденцию к терминологизации, с другой стороны, к конкретно-образной номинации действительности. Широкозначность и сохраняющаяся синкретичность семантики глагола обуславливают актуализацию значений отдельных устойчивых единиц на синтагменном уровне, что необходимо учитывать при лексикографическом представлении единиц в фразеологическом словаре.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, широкозначный глагол, фразеологический словарь, обиходно-деловой язык

Abstract: The article discusses the set combinations with the core component *imat'*. Verb-nominal, verb-pronominal and verb-adverbial set verbal complexes with the verb *imati* show, on the one hand, a tendency to terminologisation, and on the other hand,

to a concrete-figurative nomination of reality. The wide meaning and the remaining syncretism of the semantics of the verb determine the actualization of the meanings of individual set units at the syntagmatic level, that must be taken into account when presenting lexicographically the units in the phraseological dictionary.

Keywords: set verbal complex, broad-meaning verb, phraseological dictionary, colloquial and business language.

Под русским обиходно-деловым языком XVI-XVII вв. понимается язык текстов деловых документов (различного типа грамот, указов, челобитных, кабальных записей, договоров найма, отписей и др.), официально-деловой и частной переписки, демократической сатиры XVII века, памятников дипломатического характера (статейных списков послов), разговорников, составленных иностранцами и под. Термин «устойчивый словесный комплекс» (УСК), предложенный Л.И. Ройзензоном [4: 100], понимается нами как гипероним, под который подводятся рассматриваемые устойчивые сочетания разной степени семантической слитности обиходно-делового языка рассматриваемого периода, характеризующиеся расчлененностью и воспроизводимостью. Метафорический термин «семантическое пространство» был введен в широкий научный оборот З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, определившими его следующим образом: «Семантическое пространство языка – часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами» [3: 28-29]. При понимании пространства в составе данного термина как организованной среды, а фразеологической картины мира как части языковой картины мира представляется справедливой точка зрения Т.В. Гридневой, полагающей, что семантическое пространство представляет собой совокупность отдельных понятий составляющих языковой картины мира [1: 64].

В качестве объекта анализа в данной статье выступают УСК со стержневым глагольным компонентом *имать* и *иметь*. Выбранный глагол является широкозначным и относится к ядерным глаголам русского языка. Под широкозначными глаголами, вслед за А.М. Плотниковой, понимаются глаголы, имеющие более 7 значений, «способные обозначать как конкретные наблюдаемые физические действия, так и неконкретные ненаблюдаемые эмоциональные, речевые или социальные процессы. ... Значения широкозначного глагола входят в три семантических поля: «Действие», «Состояние» и «Отношение» – и репрезентируют денотативные ситуации с различным набором участников» [2: 24].

Цель статьи заключается в выявлении роли УСК с глаголом *имать* в репрезентации различных денотативных сфер и значений стержневой лексемы для дальнейшего определения принципов их представления в дифференцированном историческом фразеологическом словаре русского языка XVI-XVII вв.

Источниками материала для исследования послужили опубликованные выпуски «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (СОРЯ) и картотека словаря, которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ в Санкт-Петербурге.

У *имать*, в качестве знаменательного глагола, в СОРЯ фиксируется 23 значения, из которых большая часть (17 значений) отражает действия, состояние представлено тремя значениями – ‘обладать, располагать чем-л.’, ‘обладать какой-л. характеристикой’, ‘испытывать чувства’, то же касается и отношения (3 значения) – ‘брать замуж’, ‘оказывать воздействие, влияние’, ‘превосходить’. УСК с этим глаголом также актуализируют, главным образом, значения, репрезентирующие денотативную сферу действий.

Этикетное действие ‘проводить кого-л. куда-л., оказывая почет и уважение’ номинирует формула *имать под руки кого*. Ср. *вести под руки*. Большая часть УСК с этим глагольным компонентом состоит из глагольно-местоименных, глагольно-именных и глагольно-наречных устойчивых сочетаний. Глагольно-местоименные сочетания отличаются тем, что, во-первых, могут обозначать два одновременно совершаемых действия: *имать с собою* ‘брать с собой; уносить откуда-л.’; во-вторых, акцентируют действия, совершаемые в пользу субъекта действия: *имать себе* ‘брать, собирать для себя’ и синонимичное *имать на себя (на себе)*, *имать с собою* ‘уводить, увозить, забирать с собой’, *имать к себе* ‘приглашать, принимать у себя’, ср. *звать к себе*. При расширении глагольно-местоименных сочетаний за счет присоединения наречия со значением принуждения к действию фразеологизмы выступают в роли терминов, обозначающих неправомерные действия с точки зрения обыденного права, общепринятых в социуме норм: *имать с собою неволею*, *имать с собою сильно*, ср. также чисто наречные сочетания: *имать сильно (насильством)*.

Терминологизируются, приобретают статус терминов права и судопроизводства и другие сочетания: *имать назад* применительно к документам

означает 'забирать как потерявшие силу, изымать'; **имать посулы (взятки и поминки)** 'брать взятки', **имать в заклад (в закладе), в заем (в займы), в долг (в долги)** 'брать, получать в собственность, пользование, распоряжение на определенных условиях или на определенный срок с последующим возмещением', **имать за приставы** 'заключать под стражу'.

Общественно осуждаемые поступки обозначаются устойчивыми единицами со структурой [глагол + сущ. в В.п. с предлогом *на*] с прозрачной образностью: **имать на постелю** 'принуждать к сожителству'; **имать на позор** 'забирать с собой с целью надругательства'.

Исторические реалии отражают такие единицы, как **имать в полон** 'брать в плен' и **имать полон (полону)** 'брать пленных'.

Сочетание **имать грабежом** используется вместо однословных синонимов, уже существующих в языке – **красть, воровать**.

Идиома **имать сердце к кому, чему-л.** означает 'быть расположенным к кому-л., чему-л'.

Примечательно, что УСК, актуализирующие отдельные значения широкозначного глагола, иногда выражают их в лаконичной форме, заменяя пространное описание, например, **имать назад** (о документах). Но в ряде случаев предпочтительнее оказывается образная конкретизированная номинация, например, **имать грабежом** вместо **красть**. Данные факты отражают, с одной стороны, идущие процессы выработки гиперонима, становления отдельных терминологических подсистем, с другой стороны, сохранение образного, конкретного мышления и мировидения.

Особенностью проанализированных УСК, на наш взгляд, является тот факт, что семантический акцент ставится на широкозначном (отчасти еще синкретсемичном, по терминологии М.Вас. Пименовой) глаголе, используемом в это время как универсальная лексема, конкретизирующаяся только в синтагме. Например, **имать с собою что** 'брать с собой; уносить откуда-л.' выводится из таких примеров употребления, как: *Приходилъ де онъ Лучка въ домъ къ нимъ ПанкрашкѢ и къ вотчиму его АндрюшкѢ пятью терть табакъ, а тотъ де табакъ приносилъ съ собою и терши де табакъ, наложя въ ротъ, ималь съ собою* (А. Кунг., 163, 1689 г.). **Имать с собою кого** 'уводить, увозить, забирать с собой' используется в контексте *А что де милость великого государя к нему, гетману, взыскалась, прислан голова московских стрельцов Михайло Колупаев с приказом, и ево де, Михайла, он, гетман, в*

походы с собою имать не будет для того, что де он, Михайла, будет дому ево гетманского оберегать (РД II-2, 113, 1670 г.). **Имать сильно** применительно к людям имеет значение 'лишать свободы': *И я [подьячий А. Скворцов], холопъ твой [Михаила Федоровича], учаль тому Офонасью Загрязскому за то говорить, что онъ, Офонасей, выходцовъ къ себѣ во дворъ силно емлетъ и человѣкъ ево Ивашко челобитные подписываетъ, а тотъ человѣкъ ево Ивашко за рубежъ ѣздилъ и ночью черезъ стѣну за городъ ходилъ* (Пск. писц. кн. II, 326, 1632 г.), а **имать сильно** применительно к добыче означает 'отбирать, отнимать': *А сибирские де воеводы и всякие приказные и купецкие люди, которые ѣздятъ въ Сибирь и изъ Сибири черезъ Кунгуръ, подводы емлютъ у нихъ [чердынцах и усольцах] силно* (А. Кунг., 156, 1688 г.).

В аспекте лексикографического представления подобных устойчивых сочетаний в историческом фразеологическом словаре потребуется решить в ряде случаев вопрос о полисемии или омонимии их значений, помещения, соответственно, в одну или разные словарные статьи. Кроме того, необходимо учитывать и синонимию единиц, описывать синонимы в отдельной зоне словарной статьи. Например, в статье с заголовочной единицей **имать себе** в специальной зоне следует указать синонимичное сочетание **имать на себя**.

Широкозначные глаголы в языке начального периода формирования его как национального служат доминантами, силовыми точками семантического пространства, вокруг которых организуются УСК, требующие дальнейшего всестороннего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриднева Т.В. Фразеологическая картина мира и ее семантическое пространство // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2009. № 7 (41). С. 61-65.
2. Плотникова М.А. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 58. Серия 2. Гуманитарные науки. С. 24-31.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999. 30 с.
4. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973. 221 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А.Г. Кузнецов. СПб., 1888.
Пск. писц. кн. – Псков и его пригороды. Кн. 1–2 // Сб. Москов. архива министерства юстиции. Т. 5–6. М., 1913-1914.
РД II-2 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.

ИВАНЧУК Ирина Анатольевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Северо-Западный институт управления Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
ivanchukia@rambler.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
ОЦЕНОЧНОСТИ В РИТОРИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО XVIII СТОЛЕТИЯ
(Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М.В. Ломоносов)**

Аннотация. В статье отражена специфика жанра «Похвальное слово» в российской и европейской литературной традиции. Сопоставляется ценностный смысл взглядов на реформы Петра Великого «изнутри» и «извне». Риторические установки авторов панегирических речей о Петре Великом (Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М.В. Ломоносов) соотносятся с исторической эпохой, литературными течениями, изменениями в составе литературного языка Петровской эпохи.

Ключевые слова: панегирик, Похвальное слово, Прокопович, Фонтенель, Ломоносов, оценочность, пафос.

Abstract. The article reflects the specifics of the genre of the «Laudable word» in the European and the Russian literary tradition; the rhetorical attitudes of the authors of the panegyric speeches about Peter the Great (F. Prokopovich – B.Fontenelle – M.V. Lomonosov) correlate with the historical epoch, the literary trends, changes in the composition of the literary language of the Peter the Great era. The value meaning of views on Peter the Great's reforms «from within» and «from without» is compared.

Keywords: eulogy, Praiseworthy word, Prokopovich, Fontenelle, Lomonosov, estimation, pathos.

Риторический образ Петра Великого не нашел еще достаточно полного освещения в лингвокультурологических исследованиях. Облик Великого императора, отраженный в текстах выдающихся мировых панегириков – «Слове на погребение Всепресветлейшего Державнейшего Петра Великого» (1725 г.); «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго», произнесенном 29 июня 1725 года Ф. Прокоповичем; «Похвальном слове Петру» Бернара Ле Бовье де Фонтенеля (1725 г.); «Слове похвальном блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренном апреля 26 дня 1755 году М. Ломоносовым», – вносит существенный вклад в определение

мотивов и целей описания фигуры российского императора во взгляде на его реформы «изнутри» и «извне». Рассматривая роль жанра «панегирик» в мировой риторической и литературной мысли, мы не только опираемся на богатый историко-филологический и мемуарный материал, на значимые литературоведческие концепции, но и привлекаем данные психолингвистических методов исследования.

Стилистические изменения в структуре публичного Слова Ф. Прокоповича прежде всего являлись отражением объективных языковых процессов времени петровских преобразований, и вместе с тем, несомненно несли отпечаток индивидуального стиля их создателя – яркой, неординарной языковой личности, пламенного борца за претворение в жизнь петровских идей. В этом плане необыкновенно значим личностный взгляд на Петра I, творческое восприятие неординарности и неоднозначности его преобразований во всех сферах жизни. В анализе материала мы опираемся на теорию Л.С. Выготского, рассматривающего зависимость смысла от мотива [3: 164]. Разрабатывая проблему высших психических функций, соотношения аффекта и интеллекта, Л.С. Выготский ставит вопрос о смысловой регуляции деятельности. Соответственно характер и особенности повествования, индивидуальность композиции и стилистических средств автора ораторского произведения всегда определяет вложенный в контекст смысл. Таким образом, создается смысловое поле, смысловая регуляция поведения в характере ведения повествования; адекватность его восприятия зависит от сочетания многих факторов построения текста [3], особо – от языковых средств стилистической экспрессии. В анализе мы учитываем также одну из современных теорий коммуникативной стилистики – теорию текстового пространства (Н.С. Болотнова), ориентированную на усиление регулятивной функции текста [2].

Специфика «Похвального слова» в европейской и российской литературной традиции, русской и французской риторической словесности определяется в структуре анализа влияния взглядов теоретиков ораторского искусства на российскую риторiku XVIII в. Со времен Петра I Проповеди и речи с амвона начали активно использовать для прославления и пропаганды новых идей царя-реформатора, для воспевания блестящих побед русского оружия. Стилистические изменения в тексте публичной речи особо ярко проявились в риторическом творчестве Ф. Прокоповича, преданного сподвижника и друга Петра I. Ф. Прокопович значительно сокращает (в сравнении с текстами нача-

ла XVIII в.) круг архаической лексики и в то же время расширяет состав лексики разговорной, использует иноязычные заимствования, уже утвердившиеся в русском языке и необходимые по тематике речей. Эмоциональная составляющая текстов Ф. Прокоповича также соотносится с общей направленностью его творчества. Поэт, сатирик, блестящий памфлетист, Ф. Прокопович – один из первых крупных теоретиков ораторского искусства в России. Воплощая в своей ораторской практике принципы, провозглашенные им в теоретическом труде «Риторика», первоначально задуманном как руководство по созданию церковных проповедей, на первое место Ф. Прокопович выдвигал «высокие и пленяющие мысли, изложенные ясно и доказательно». Используя приемы создания пафосности текста (восклицания и риторические вопросы, открывающие торжественную речь), Ф. Прокопович интонационно выделяет центральное смысловое поле – величие и значимость Петра I («Кого бо мы, и какового, и коликого лишились?..»), создавая особый по эмоциональности и пафосности текст в стиле вопросно-ответного повествования [7]. Иной по тону и содержанию была проповедь Ф. Прокоповича – «Слово на похвалу блаженныя и вечностойныя памяти Петра Великаго» [6]. Смысловое поле восприятия личности претерпевает трансформацию – перед слушателем в витиевато-приподнятой пышной стилистической форме предстаёт итоговый хатактер преобразований Императора. Воздав хвалу Великому Преобразователю, Ф. Прокопович обращает внимание не только на военные победы, армию, флот, рост городов, фабрик, но и на внутренние изменения в человеке, которые происходили в русском народе [Прокопович URL]. «Не избежал Ф. Прокопович лишь одной указанной там опасности – увлеченности, пристрастности в изображении событий» [5: 165]. Следует, однако, учитывать, что в процессе осмысления событий, помимо интеллектуальных, присутствует и эмоциональный компонент: являясь формой единства эмоционального и аффективного, он выступает единицей динамической смысловой системы [3].

Мастер торжественного жанра панегирического красноречия, положивший начало развитию классицизма в России, М.В. Ломоносов в стиле изложения «Слова похвального блаженныя памяти государю императору Петру Великому» (1755 г.) верен принципам возвышенности и высокоторжественности, созвучной эмоциональной пафосности текста Ф. Прокоповича [6: 165]: «Петр, сохранив Россию от расхищения, вместо мрачного страха принес безопасную и пресветлую радость; Елизавета увидела свет, дабы про-

стреть на нас сияние отрады, избавив от мрака печалей» [4: 418]. Особые нюансы в сопоставительном взгляде на риторический облик Петра I вносит соотношение фреймов концепта «Радость» [1] в текстах Ф. Прокоповича и М.В. Ломоносова, дополняющих новыми ценностными оттенками смысла традиционно выделяемые: торжество открытий, величественных преобразований, смелость научного познания («*О вы, счастливые науки!..*»); сила разума человеческого как основа и итог философского постижения истины («*Покрываются Невские струи судами и флагами; не вмещают береги великого множества стекшихся зрителей. Какое счастье, какую радость нам небо посылает?...*») [4: 428].

Риторический облик Петра во взгляде «извне» («Похвальное слово царю Петру I» Б. Фонтенеля) лишен внешней панегиричности. Б. Фонтанель отходит от классического риторического канона (следуя трактату Б. Лами «Искусство речи», 1675 г.): душевное волнение и страсть передаются в тексте Б. Фонтенеля не риторическими фигурами торжественного высокого стиля (как в образцах российского панегирического красноречия). Слог Б. Фонтанеля – слово мудрого наблюдателя. Метод описания – последовательность и рациональность оценок. «*Англия...Голландия... Вена... Все необходимо было сделать заново в Московии. Там нечего было улучшать...*» [9: 265].

В осознании и осмыслении образа Петра Великого первого пятидесятилетия после его ухода определяющую функцию приобретает ценностный смысл [3: 49], порождающий стройность композиционной формы риторического канона и отражающий особенности языковых и стилистических изменений эпохи. В изображении петровских преобразований Ф. Прокоповичем и М.В. Ломоносовым преобладает мотив радости и гордости как результата торжества петровских нововведений. Таким образом, М.В. Ломоносов отразил в своей оценке Петра Великого последовательную позицию «взгляда изнутри» – радость видения преобразований Российского Отечества. Во взгляде «извне» Б. Фонтенеля – фактические изменения, череда новаций, порожденных европейскими влияниями. Ценностные смыслы Панегириков Петру Великому двух выдающихся современников – Ф. Прокоповича и Б. Фонтенеля, одновременно (1725 г.) воспевших деяния Петра Великого, сопоставление их с последующей оценкой роли преобразований Великого Императора, данной М.В. Ломоносовым, позволяют верно определить роль и значимость петровских преобразований в конце XVIII столетия [8: 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В.И. Проект «Школа русского слова» Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. «РАДОСТЬ в языке – культуре – жизни». URL: [www-pushkin.institute](http://www.pushkin.institute) (дата обращения 25.12. 2018).
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2012. 384 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 668 с.
4. Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. Т. 8. 1280 с.
5. Мезин С.А. История Петра Великого Ф. Прокоповича // Русская литература, № 2, 2000. С.158-167.
6. Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго, произнесенное 29 июня 1725 г. URL: [www Lib.Ru](http://www.Lib.Ru) / Классика: Прокопович Феофан: Собрание сочинений (дата обращения: 20.10.19).
7. Прокопович Ф. Слово на погребение Всепресветлейшего Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, отца Отечества, проповеданное в царствующем Санктпетербурге... // Шедевры мировой литературы XVIII века. Избранное. Кн.1. М.: Изд. Дом «Синергия», 2000. С.57-61.
8. Сухих И. Лики Петра // Петр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ. СПб.: Геликон плюс, 2009. С. 7-26.
9. Фонтенель Б. Похвальное слово царю Петру I // Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2015. С. 261-277.

ИВАШЕВСКАЯ Елена Александровна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Государственный социально-гуманитарный университет
florizelena@mail.ru

СПОСОБЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ БИНАРНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ С. ПАРНОК

Аннотация. В статье рассматриваются способы лексической репрезентации доминантных в поэтическом мире С. Парнок образов и мотивов, структурирующих авторскую картину мира на основе принципа бинарности. Особое внимание акцентируется на стиливых приемах антитезы и оксюморона, эволюция которых объективирует изменение мировосприятия поэтессы, отражает процесс становления её индивидуального поэтического стиля.

Ключевые слова: С. Парнок, поэзия, доминантные мотивы и образы, репрезентация, антитеза, антонимы, оксюморон.

Abstract. The article deals with the methods of lexical representation of the dominant images and motives in the poetic world of S. Parnok, structuring the author's picture of the world on the basis of the binary principle. Particular attention is focused on the stylistic devices of antithesis and oxymoron, the evolution of which objectifies the change in the poetess's worldview, reflects the process of the formation of her individual poetic style.

Keywords: S. Parnok, poetry, dominant motives and images, representation, opposition, antonyms, oxymoron.

Литературный процесс рубежа XIX–XX вв. «привлекает сегодня пристальное внимание филологов, несмотря на многочисленные попытки прочтения произведений этого пестрого, многопланового и сложного периода русской культуры под различными углами зрения» [2: 50]. Особое место в нем занимает София Парнок (1885–1933 гг.) – поэтесса, литературный критик, чье творчество, без сомнения, принадлежит к ярким, самобытным страницам женской лирики Серебряного века. Однако художественный мир С. Парнок до сих пор содержит множество лакун, которые еще предстоит изучить современным ученым, что привлекает к осмыслению творчества поэтессы пристальное внимание исследователей. Наш научный интерес связан с изучением лексических особенностей авторского идиостиля.

В свое время, определяя основы литературного творчества, С. Парнок отмечала влияние «стиля» личности писателя на «стиль» письма [7: 182] и особое внимание уделяла ответственности поэта за точно выбранное слово, должноствующее воплотить в себе душу творца. Актуализация стилевых поисков и открытий была в целом характерна для литературы Серебряного века. Пожалуй, ярче всего она проявилась в поэзии символистов, настойчиво пытавшихся «выработать теорию “внутренней формы” (А.А. Потебня) или “мифопоэтической энергии слова”» [1: 144]. Размышления о сложном процессе формирования авторского стиля мы встречаем, в частности, в её письме к В. Волькенштейну от 14 мая 1906 г.: «Слова представляются мне чем-то опасно-ценным, и мне иногда вдруг начинает казаться, что говорить их, не ища, т. е. предварительно не испытав все беспокойства искания их, грешно» [5: 451]. Сформулированный С. Парнок стилевой принцип требует от исследователей её лирического наследия особо пристального внимания к лексическим средствам репрезентации центральных поэтических образов и мотивов.

Одной из стилевых особенностей лирики С. Парнок является структурирование доминантных образов и мотивов в своеобразную систему бинарных оппозиций, реализуемых на лингвопоэтическом уровне лексемами с противоположным (антонимичным) значением: «рай» – «ад», «душа» – «плоть», «огонь» – «влага», «тьень» – «свет», «сон» – «бденье», «звук» – «тишина» и под. Отсюда доминантным стилевым приемом, последовательно реализуе-

мым автором в стихотворениях всех поэтических сборников, является антитеза.

Так, «душа – плоть» – одна из доминантных в лирике С. Парнок антитез, поскольку именно в ней находит отражение основополагающее для мировоззрения поэтессы противопоставление внешней и внутренней жизни, высказанное, в частности, в письме к Е. Герцык от 23.VII.1927 г.: «Напиши о себе и о внутренних своих событиях. Внешние, я знаю, всё те же» [6: 27]. Эта оппозиция – одна из причин двойственности образа лирической героини С. Парнок, объективируемой, например, в стихотворении сборника «Лоза», начинающемся с приема антитезы «ещё не **дух**, почти не **плоть**», которая затем получает развитие в лирическом сюжете:

*И душные мне шепчут сны,
Что я ещё от тела буду,
Как от беременной жены,
Терпеть причуду за причудой...* [4: 113].

От одного до другого полюса оппозиции выстраивает лирическая героиня свой «темный», долгий, трудный путь: от внешнего, обыденного, к внутреннему, «к Богу».

В сборнике «Вполголоса» антитеза «душа – плоть» приобретает дополнительные смыслы благодаря олицетворению обоих образов, как, например, в стихотворении 1926 г. «А под навесом лошадь фыркает...»:

*И как слепец за поводыркую,
Вновь за **душою плоть** идет...* [4: 159].

Обратим внимание на первостепенное значение именно души – образа, занимающего центральное положение в системе координат построенной С. Парнок картины мира. Прием антитезы положен и в основу взаимодействия доминантных в её лирике мотивов плена и освобождения души, в частности, в стихотворении «Вокруг – ночной пустыней – сцена...»:

*Как в тесном платье, душно **в плоти**, –
И вдруг, прохладою дыша,
Мне кто-то шепчет: «Сбрось лохмотья,
Освобожденная **душа!**»* [4: 161].

Противопоставлены «плоть» и «душа», «теснота» и «духота» – с одной стороны, «дыхание» и «свобода» – с другой. Образность антитезы подчерки-

вается рифмующимися парами слов: «плоти» – «лохмотья», «дыша» – «душа».

При этом в поэтическом мире С. Парнок контекстуальными антонимами могут стать однокоренные именные лексемы, синонимичные с точки зрения языка, как, например, в стихотворении сборника «Лоза» «Увидеть вдруг в душе другой...»:

*Ах, нет! Нет, ты не затоскуешь
Моей запойною тоской...
... Пусть мимо мчит и не зацепит
Твоей души мой темный дух...* [4: 108].

Одно отрицание нанизывается на другое, будучи усиленным лексическими повторами: как однокоренных лексем («не затоскуешь... моей тоской»), так и созвучных («мимо мчит»). Неожиданная антитеза «душа» – «дух», наряду с языковой «твой» – «мой», служит одновременному сближению и противопоставлению образов лирической героини и адресата стихотворения, что, возможно, восходит к тютчевской традиции понимания любви как «поединка рокового».

Актуализация приёма антитезы в лирике С. Парнок обусловлена самим образом лирической героини, обладающей мятущейся, как бы двоящейся душой, в которой борются религиозность и страстность, стремление к аскетизму и невозможность жить без стихии поэтического творчества:

*Господи! Какое счастье
Душу загубить свою,
Променять вино причастья
На Кастальскую струю!* [4: 143].

Так, в стихотворении «Жизнь моя! Ломоть мой пресный...» лирического сборника «Музыка» именно с помощью контекстуальных антонимов «вино причастья» и «кастальская струя» объективируется ситуация выбора между религиозностью и вдохновением, которое способно извлечь на свет стихийные, тёмные начала человеческой души. Этот внутренний конфликт, характеризующий мировосприятие поэтессы, Е.А. Романова определила как «трагическое противоречие между стремлением к абсолютному торжеству духа, своего рода – душевному «развоплощению» – и призванием поэта, требующим в первую очередь работы души» [8: 268].

Во многом именно этой мировоззренческой позицией обусловлена семантическая значимость в лирике С. Парнок художественных оппозиций «рай» – «ад», «святость» – «грех», употребление компонентов которых, а также лексем их тематических парадигм наиболее частотно не по отдельности, а в составе языковой антитезы: «*ни святости, ни греха*» [4: 20], «*такие лампы дьяволу даже в червонцы не перетопить*» [4: 115]. При этом следует акцентировать внимание на значимости оксюморонного сочетания «грешный / адский рай», которое трижды встречается в лирике С. Парнок. Впервые – в сборнике «Вполголоса»: наслаждаясь возвращением к полноценной жизни, к острому и яркому ощущению каждой её детали, лирическая героиня восклицает:

И как стосковалась по этому грешному раю!

(«Я думаю: Господи, сколько я лет проспала...», 1927 [4: 190]).

В стихотворении «Одна лишь мне осталась услада...» прием оксюморона передает силу воздействия на лирическую героиню цыганской песни:

... Ради этого адского рая

Загубляю душу свою [4: 245].

Мы вновь видим лирическую героиню, «околдованную» музыкой и страстью, в ситуации сложного для неё выбора между двумя противоборствующими в душе началами.

Наконец, в одном из стихотворений цикла «Ненужное добро», по праву названного С.В. Поляковой «высшим достижением лирики Парнок» [5: 462], лирическая героиня увлекает за собой возлюбленную: «*Дай руку, и пойдём в наш грешный рай!*...» [4: 289]. Именно благодаря оксюморону поэтесса выражает силу противоречивого чувства, пришедшего «невпопад», ставшего для неё одновременно безусловным счастьем и страшной мукой.

Антитеза становится ведущим стилевым приёмом в стихотворениях С. Парнок 1931 – 1933 гг. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает роль в создании образа возлюбленной, где антитеза выполняет различные функции: отражает отношение лирической героини к возлюбленной, передаёт всепоглощающую силу охватившего чувства («*Ты жизнью и смертью стала мне...*» [4: 294]), акцентирует внимание на противоречивости образа возлюбленной («*Седая голова. И облик юный...*» [4: 269]) и на его неповторимости, как, например, в стихотворении «Вижу: ты выходишь из трамвая – вся любимая...»:

*Ты – орлица с ледников Кавказа, – где и в зной зима,
Ты, неся сладчайшую заразу, – не больна сама,
Ты, любовнику туманя разум, – не сойдешь с ума... [4: 278].*

Исключительно важно то, что антонимичные по своей сути образы вновь оказываются не противопоставленными друг другу. На это обратила внимание еще Т.С. Карпачева, отметившая, что образы огня и влаги у С. Парнок «как две стихии человеческой души, наличие которых определяет путь к гармонии души с миром, ... стремятся к соединению» [3: 172]. Подобные оксюморонные сочетания создают образ возлюбленной, точнее, передают его воздействие на лирическую героиню. Например, дважды употребленное словосочетание «холодок огня» мы встречаем в стихотворениях, посвященных М.П. Максаковой:

Мне нравится, что в холодке твоём

Я, как в огне высоком, плавлюсь... («Бывает разве среди зимы гроза...», 1931, [4: 257]);

И тебя я опалила

Этим знойным холодком... («Цыганская песня», 1932, [4: 264]).

Словно с двух разных сторон мы видим в этих стихотворениях, как огонь, рожденный «холодком», становится символом любви и самой жизни.

Однако наиболее частотны подобные оксюмороны в строках, создающих образ лирической героини, причем в важнейших, с точки зрения авторской позиции, контекстах. Например, в стихах сборника «Ненужное добро» этот оксюморон передает силу чувства лирической героини:

С той, при ком я пламенею,

С той, при ком я леденею... («Вам со стороны виднее...» [4: 276]).

Синтаксический параллелизм здесь подчёркивает как антонимичность рифмующихся лексем, так и слитность их в одном образе влюбленной женщины.

Таким образом, система оппозиций доминантных в лирике С. Парнок образов и мотивов, реализуемая лексемами с антонимичным значением, характеризуется тем, что резкое противопоставление сменяется сближением, антитеза – оксюморон, в чем находит выражение эволюция образа лирической героини, как будто примиряющейся с противоборствующими в её душе силами, пытающейся соединить «неслиянное».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубова М.А. Андрей Белый и культура Серебряного века: Монография. Коломна: КГПИ, 2005. 168 с.
2. Дубова М.А., Ермачихина В.А. История взросления героя: к вопросу о постижении пространственно-временных границ мира в первой книге романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 50-58.
3. Карпачева Т.С. С.Я. Парнок: эволюция творчества: Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 2003. 234 с.
4. Парнок С.Я. Вполголоса. М.: ОГИ, 2010. 312 с.
5. Парнок С.Я. Собрание стихотворений / Подготовка текста, предисл. и примеч. С.В. Поляковой. СПб.: Инапресс, 1998. 538 с.
6. Парнок С.Я. Статья. Письма. Стихи // De Visu. 1994. № 4-5. С. 3-49.
7. Полянин А. [рецензия] Наталия Крандиевская. Стихотворения // Северные записки. 1914. № 2.
8. Романова Е.А. Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь...». СПб., 2005. 402 с.

КАЗМИРЧУК Ольга Юрьевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, преподаватель
Московский городской педагогический университет
kazmirchuk@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

(на материале лирики В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Высоцкого)

Аннотация. Группы слов, входящие во фразеологический оборот, носителями языка традиционно используются в переносном значении, но иногда этим словам возвращается их прямое значение, такой приём реализуется по преимуществу в публицистических и художественных текстах. В данной статье рассматриваются примеры подобной «буквализации» («опредмечивания») фразеологизмов в лирике Маяковского, Пастернака, Высоцкого и предпринимается попытка объяснить, как столь «нестандартное» функционирование общеизвестных словосочетаний соотносится с закономерностями художественного мышления каждого из авторов.

Ключевые слова: фразеологизм, художественный текст, прямое значение, переносное значение, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Высоцкий.

Abstract. Groups of words included in the phraseological units are traditionally used by native speakers in a figurative meaning but sometimes their direct meaning is returned to these words. Such a technique is implemented mainly in journalistic and artistic texts. The article examines examples of such "literalization" ("objectification") of phraseological units in the lyrics of Mayakovsky, Pasternak, Vysotsky and attempts to explain how such a "non-standard" functioning of well-known phrases correlates with the patterns of artistic thinking of each of the authors.

Keywords: phraseological unit, artistic text, direct value, figurative value, V. Mayakovsky, B Pasternak, V. Vysotsky.

Фразеологические обороты – важнейший, интереснейший компонент лексической системы языка. Интересно здесь практически всё: существование в лингвистической науке нескольких трактовок понятия «фразеологизм» и нескольких альтернативных классификаций фразеологических единиц, источники фразеологизации, постоянное появление в языке новых фразеологических оборотов, специфика функционирования фразеологизмов в различных языковых сферах (разговорная речь, публицистика, художественная литература) [1: 10; 2: 46-47; 5: 23-25; 7: 225-226; 22: 64-67].

Размышляя о первоначальной сфере использования словосочетаний, впоследствии ставших фразеологизмами [22: 23], стоит отметить следующую особенность: устойчивые обороты, сформировавшиеся на основе бытовых реалий или заимствованные из профессиональной лексики, могут использоваться и как «свободные» сочетания слов, сохраняя своё «прямое» значение. Носитель языка обязан различать подобные нюансы [15: 126-127].

«Двойственная» природа словосочетаний, традиционно относящихся к разряду фразеологических, проявляется в первую очередь в художественной литературе, поэты и писатели используют этот феномен как элемент языковой игры [11: 36]. Мы предлагаем рассмотреть несколько поэтических текстов, в которых обыгрывается «прямое» значение фразы, чаще применяемой в переносном значении, при таком «переосмыслении» обычно трансформируется структура фразы, т. е. активизируется синтагматическая проблематика.

В русской поэзии яркой иллюстрацией «перестройки» (и переосмысления) фразеологических оборотов является ранняя лирика В.В. Маяковского. О нестандартной работе В. Маяковского с фразеологизмами писали и литературоведы, и лингвисты [4: 378-379; 6: 213], мы выделим только один аспект этой проблемы: использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов и «опредмечивание», «материализация» содержания фразеологизма.

Едва ли не самое известное «антивоенное» стихотворение В. Маяковского называется «Мама и убитый немцами вечер» (1914 г.), здесь своеобразная «материализация» фразеологизма «убивать время» происходит уже в заглавии, та же идея подчиняет себе всю художественную структуру стихотворения. Благодаря «опредмечиванию» фразеологического оборота вечер превращается в живое существо, способное погибнуть от выстрела.

А вот фрагмент поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» (1915 г.), герой ждёт возлюбленную, которая опаздывает: *«Проклятая! / Что же, и этого не хватает? / Скоро криком издерётся рот. / Слышу: / тихо, / как больной с кровати, / прыгнул нерв. / И вот, /— сначала прошёлся / едва-едва, / потом забежал, / взволнованный, / чёткий. / Теперь и он / и новые два / мечутся отчаянной чечёткой* [17: 63-64]. Обороты «нервы расшатались», «нервы расходились», часто используемые в разговорной речи, у Маяковского «материализуются» [4: 379]: нервы действительно «оживают», ходят, бегают и даже пляшут. В поэме «Облако в штанах» подобный приём встречается многократно. Такой способ работы с фразеологизмами вообще характерен для поэтики раннего Маяковского, благодаря чему созданные им образы становятся более зримыми и эмоциональными [4: 379]. Предполагаем: последовательная «материализация» фразеологических оборотов соответствует футуристическим представлениям об иерархии жизненных ценностей, согласно которым реальная жизнь превыше искусства, неслучайно футуристы стремились не только обновить язык, но и преобразовать действительность (например, большинство футуристов с радостью приняли революцию) [21: 152-153].

В. Маяковский увлекался использованием фразеологизмов лишь в юности, назовем имя его современника, сохранившего интерес к фразеологическим оборотам на более долгий срок, это Б.Л. Пастернак. Пастернак не стремился изменить синтаксический строй фразеологизмов, его интересовала разговорная природа фразеологической лексики, что отвечает художественным предпочтениям как «раннего», так и «позднего» Пастернака [10: 31, 54]. Вот фрагмент стихотворения Б. Пастернака «Возможность» (1914 г.): *«...Спит, как убитая, Тверская, только кончик / Сна высвобождая, точно ручку»* [19: 42]. Посредством фразеологического оборота «спит, как убитый» описывается улица, какой она бывает ранним утром, но уже в следующей строке упоминается памятник Пушкину, городские реалии, оживая, начинают «разыгрывать» эпизоды из пушкинской биографии (ухаживания за Натальей Николаевной, дуэль и обретенное после дуэли бессмертие). Так, прилагательное «убитый» возвращает себе «прямое» значение, при этом в стихотворении утверждается реальность такой категории, как «бессмертие»: город каждое утро заново «проживает» события, когда-то произошедшие с Пушкиным (Пастернак предлагает весьма своеобразный вариант «жизнетворчества») [14: 53–56].

А вот строфы из более позднего стихотворения «Зазимки» (1944 г.): *«Во льду река и мерзлый тальник, / А поперек, на голый лёд, / Как зеркало на подзеркальник, / Поставлен чёрный небосвод. / Пред ним стоит на перекрестке, / Который полузанесло, / Берёза со звездой в причёске / И смотрит в его стекло. / Она подозревает втайне, / Что чудесами в решете / Полна зима на даче крайней, / Как у нее на высоте»* [19: 357]. Благодаря фразеологическому обороту «чудеса в решете» (так говорят о том, что не поддаётся логическому объяснению) зима в стихотворении Пастернака ассоциируется с идеей чуда, примечательно, что фразеологический оборот становится частью сложнейшей сравнительной конструкции (о сравнениях см. подробнее [8: 86; 9: 82-83]). Описываемый в «Зазимках» «переделкинский» пейзаж (замёрзшая река, чёрное небо, похожее на зеркало, перекрёсток, звезда) соотносится с антуражем, необходимым для святочного гадания, фразеологический оборот «чудеса в решете» также восходит к гадательной практике (гадание с решетом было популярно в средневековой Европе, позднее оно перекочевало в Россию). Пастернак ненавязчиво изменяет смысловое наполнение фразеологического оборота, фразеологизм утрачивает ироническую окраску, а семантический потенциал категории «чудо» усиливается [13: 201].

Теперь обратимся к поэзии второй половины XX века и поразмышляем о лирике В. Высоцкого, который активно использовал найденный Маяковским способ работы с фразеологизмами (замечу в скобках: в школе-студии МХАТ, где учился В. Высоцкий, историю русской литературы преподавал А.Д. Синявский, занимавшийся русским футуризмом и творчеством Б.Л. Пастернака). Высоцкий, как и Маяковский, «буквализирует» фразеологизмы, возвращает им «прямое» значение, а иногда и трансформирует их (практически все исследователи отмечали эту особенность поэтического мышления В. Высоцкого) [12: 10-15; 16: 160-162; 18: 154].

Например, в знаменитой песне «Ноль семь» (1969 г.) обыгрывается фразеологический оборот «начинать с нуля»: *«Эта ночь для меня вне закона, / Я пишу – по ночам больше тем. / Я хватаюсь за диск телефона – / Я набираю вечное ноль семь. / ...Что, опять поврежденье на трассе? / Что, реле там с ячейкой шалют? / Мне плевать: буду ждать – я согласен / Начинать каждый вечер с нуля! / «Ноль семь, здравствуйте! Снова я...»* [3: 244-245]. Словосочетание «начинать с нуля» используется здесь как в переносном значении («начинать с самого начала»), так и в прямом: «07» – это код, набирае-

мый для соединения с телефонной станцией, при посредстве которой совершались международные звонки, В. Высоцкий, влюблённый в Марину Влади, почти ежедневно звонил ей в Париж.

А вот как трансформируются фразеологизмы в песне «Баллада о брошенном корабле» (1971 г.): «*Без меня продолжался великий поход, / На меня ж парусами махнули. / ...До чего ж вы дошли: / Значит, что – мне уйти?! / Если был на мели – / Дальше нету пути?!*» [3: 328-330]. Фраза «махнуть парусами на кого-то» возникла из фразеологизма «махнуть рукой на кого-то, на что-то», но одновременно эта же фраза является метафорой, описывающей парус, наполненный ветром. Сходным образом может трактоваться и фраза «быть на мели», по отношению к герою-кораблю она применима как в прямом, так и в переносном значении.

Здесь стоит вспомнить и более раннюю «корабельно-морскую» песню В. Высоцкого, «Корабли постоят – и ложатся на курс...» (1967 г.). В песне несколько раз повторяется фраза «*не пройдёт и полгода*». Любому носителю русского языка знаком фразеологический оборот «*и года не прошло*», воспроизводимый с ироническим подтекстом: «нечто выполняется за более длительный срок, чем планировалось». Высоцкий меняет структуру фразы, разрабатывает прямое значение, которое противоположно переносному: «нечто произойдёт быстрее, чем было запланировано»: «*Не пройдёт и полгода – и я появлюсь...*» [3: 198].

В этой же песне контаминируются ещё два фразеологизма («сжигать корабли» и «выходить из моды» [12: 14]): «*Но мне хочется верить, что это не так, / Что сжигать корабли скоро выйдем из моды...*» [3: 198]. Жизнь человека Высоцкий уподобляет судьбе корабля (это – один из архетипических литературных мотивов [20: 149, 197], вспомним хотя бы знаменитый «Парус» М.Ю. Лермонтова), а отказ от «сжигания» кораблей у Высоцкого становится метафорой преодоления смерти. Так в песне объединяются прямое и переносное значение словосочетания «сжигать корабли», посредством этой комбинации реализуется тема бессмертия.

Ещё несколько немаловажных фактов: В. Высоцкий охотно и часто исполнял песню «Корабли постоят – и ложатся на курс...» на концертах, она была одной из первых в серии песен о море и кораблях (в художественном универсуме В. Высоцкого с темой моря связано представление об идеально правильном мире), фраза «Я, конечно, вернусь...» стала «крылатой», напомним,

сам Высоцкий «цитировал» её в стихотворении 1980 г. «И снизу лед и сверху – маюсь между...».

И, наконец, еще более сложный пример трансформации фразеологизмов: песня В. Высоцкого «О фатальных датах и цифрах». Она была написана в 1971 г., в это время перешагнули рубеж 37-летия ведущие поэты поколения, Е. Евтушенко и А. Вознесенский, критики сравнивала их с Пушкиным и иронично упрекали в «нарушении» традиции [18: 149]. В Высоцкий отреагировал на это следующими строками: «*Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно, ушла душа!*» / *Терпенье, психопаты и кликуши!* / *Поэты ходят пятками по лезвию ножа / И режут в кровь свои босые души*» [3: 354]. Здесь Высоцкий соединяет два фразеологических оборота: «душа ушла в пятки» и «ходить по лезвию ножа», потом «материализует» полученную фразу и создаёт финальную метафору (поэты «режут в кровь свои босые души»). Эта метафора является аналогом выражений «израненная душа», «оголённая душа», но в песне Высоцкого выстраивается довольно неожиданная цепочка смыслов: герои ходят по лезвию ножа пятками, а душу при этом можно поранить только в том случае, если она уже находится в пятках. Благодаря модификации структуры фразеологических оборотов и частичному изменению их смысла в песне реализуется идея о том, что именно поэты способны преодолеть свойственное любому человеку чувство страха, такова их миссия, за это они достойны особого уважения.

Мы попытались продемонстрировать, как творческое переосмысление фразеологических оборотов (разрушение их синтаксической структуры, изменение их семантического наполнения) способно обогатить поэтику того или иного автора. В заключение хочется отметить: все три поэта (В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Высоцкий) одарили нашу культуру россыпью фраз, ставших фразеологизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрашина Е.Н. Типы значений фразеологизмов: проблема формирования и разграничения // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст.: В 2-х кн. Вып. VII – Кн. 1: Лингвистика. М.: МГПУ, 2012. С. 7-12.
2. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Серия филологических наук. Л.: ЛГУ, 1946. С. 45-69.
3. Высоцкий В.С. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 629 с.
4. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М.: Наследие, 1995. 557 с

5. Геймбух Е.Ю. Карантинки как отражение языковой личности русского человека (в рамках преподавания РКИ) // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием [27–28 мая 2022] / под науч. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 22-30.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2010. 410 с.
7. Горелкина А.В. Фразеологизм как фрагмент языковой картины мира и хранитель культурной информации (лингвокультурологический и методический аспекты) // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей. Выпуск XVII. М.: МГПУ, Ярославль: Ремдер, 2019. С. 221-232.
8. Девятова Н.М. Субстантивные сравнительные обороты в русском языке // Русский язык в школе. 2005. №2. С.85-88.
9. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2017. 320 с.
10. Жолковский А.К. Место окна в мире Пастернака // Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 27-64.
11. Захарова М.В. Языковая игра (современный этап) // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2009. №1 (2). С. 34-38.
12. Изотов В.П. Слово толкователь к песне В.С. Высоцкого «Корабли постоют – и ложатся на курс...». Орёл; Харьков. 1997. 19 с.
13. Казмирчук О.Ю. Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино» // Новый филологический вестник. 2021. №1 (56). С. 197-206.
14. Казмирчук О.Ю. Творчество раннего Пастернака и поэтика символизма. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 355 с.
15. Лапутина Т.В. О собеседовании по русскому языку с иностранными гражданами // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей. Выпуск XVIII. М.: МГПУ, Ярославль: Ремдер, 2020. С. 126-133.
16. Лебедев В.П., Куликов Е.Б. Поэтическая фразеология В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. Вып. 1. С. 159-176.
17. Маяковский В.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Правда, 1973. 512 с.
18. Новиков В.И. В Союзе писателей не состоял (Писатель Владимир Высоцкий). М.: СП Интерпринт, 1990. 224 с.
19. Пастернак Б.Л. Избранное. В 2-х т.Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 623 с.
20. Символика воды в русской словесности и мировой культуре. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. 508 с.
21. Синявский А.Д. Основные принципы эстетики В.В. Маяковского // Знамя. 1950. № 2. С. 151-157.
22. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

КАЧАН Ольга Георгиевна (Минск, Республика Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
olyakah339@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой исследования синтаксической семантики в современном белорусском языкознании. Отмечается, что семантический анализ семантико-синтаксических категорий, установление их семантических разновидностей на основе разграничения лексической и грамматической сфер языка, определение объективных критериев для их распознавания, изучение эксплицитных и имплицитных средств выражения этих категорий продолжительное время оставались без внимания белорусских учёных.

Ключевые слова: синтаксическая семантика, семантико-синтаксическая категория, синтаксическая конструкция, лексико-грамматическое значение цели, дифференциальные семантические признаки.

Abstract. The article discusses issues related to the problem of syntactic semantics research in modern Belarusian linguistics. It is noted that the semantic analysis of semantic-syntactic categories, the establishment of their semantic varieties based on the differentiation of the lexical and grammatical spheres of the language, the definition of objective criteria for their recognition, the study of explicit and implicit means of expression of these categories have been ignored by Belarusian scientists for a long time.

Keywords: syntactic semantics, semantic-syntactic category, syntactic construction, lexical-grammar meaning of the purpose, differential semantic features.

Праблема вывучэння паняццёвых катэгорый (сістэмы паняццяў аб'ектыўнай рэчаіснасці) – прадмет разважанняў многіх сучасных навук: філасофіі, логікі, этыкі, псіхалогіі, біялогіі, мовазнаўства, і таму існуюць дзве разнавіднасці катэгорый: адны паняццёвыя, сэнсавыя катэгорыі, звязаныя са здольнасцю чалавека мысліць, і другія ўласна моўныя катэгорыі, звязаныя з канкрэтнымі моўнымі адзінкамі.

Уласна моўныя катэгорыі прадстаўлены ў розных мовах свету рознымі моўнымі адзінкамі, формамі: лексічнымі, марфалагічнымі, сінтаксічнымі, і ступень развіцця іх на розных моўных узроўнях неаднолькавая. Узаемадзеянне лексічных значэнняў слоў у складзе сінтаксічнай канструкцыі заснавана на тым, што кожнае слова мае сваё лексічнае значэнне, уласцівае яму ў сістэме мовы, і чым большая сума лексічных значэнняў слоў, якія ўдзельнічаюць у выражэнні сінтаксічнай семантыкі, тым большы аб'ём перадаваемай інфармацыі.

Задача лінгвістычнага даследавання заключаецца ў апісанні сістэмы моўных сродкаў, пры дапамозе якіх мова выражае тыя ці іншыя катэгарыяльныя аспекты гэтых сэнсавых (філасофскіх) паняццяў. Такое апісанне мае на мэце лексічны, марфалагічны і сінтаксічны аналіз канкрэтнага моўнага матэрыялу. Узаемадзеянне лексічных значэнняў слоў у складзе сінтаксічнай канструкцыі заснавана на тым, што кожнае слова мае сваё лексічнае значэнне, і чым большая сума лексічных значэнняў слоў, якія ўдзельнічаюць у выражэнні сінтаксічнай семантыкі, тым большы аб'ём перадаваемай інфармацыі. Калі лексічны і марфалагічны аспекты больш поўна даследаваны ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве, то яго сінтаксічны аспект і сэнна патрабуе ўсебаковага і практычнага разгляду.

Актуальнасць напрамку, які атрымаў назву семантычнага сінтаксісу, невыпадковая. Семантычны аспект вывучэння граматычнага ладу мовы заўсёды цікавіў мовазнаўцаў, і трэба адзначыць, што праблема суадносін семантыкі і сінтаксісу ставілася і вырашалася па-рознаму. Нягледзячы на нават крайнія выпадкі вырашэння ўказанай праблемы (напрыклад, сцвярджэнне поўнай незалежнасці сінтаксічных структур ад семантыкі), важнасць семантычных даследаванняў для сінтаксісу мае прынцыповае значэнне. І гэта не дзіўна, таму што галоўная задача апісання мовы – «лінейная арганізацыя семантычнай інфармацыі» [1; 18] – дыктуецца самой прыродай мовы. Паслядоўна і ўсебакова апісаная сінтаксічная семантыка дазваляе стварыць семантычны сінтаксіс.

У сучасным беларускім мовазнаўстве сінтаксіс доўгі час не быў прадметам сістэмнага апісання. Даследаванне сінтаксічных адзінак абмяжоўвалася ўказаннем іх структурных тыпаў, а значэнне ўказвалася па ходу апісання кожнай канкрэтнай сінтаксічнай канструкцыі. Большасць прац беларускіх вучоных прысвечана апісанню структуры сінтаксічных адзінак (часцей за ўсё простага сказа і словазлучэнняў). Пытанні ж, звязаныя з семантычным аналізам семантыка-сінтаксічных катэгорый, устанаўленнем іх семантычных разнавіднасцей на аснове выразнага размежавання лексічнай і граматычнай сфер мовы, вызначэннем аб'ектыўных крытэрыяў для іх распазнавання, выяўленнем сістэмы рознаўзроўневых сінтаксічных канструкцый, якія служаць для выражэння кожнай семантыка-сінтаксічнай катэгорыі, вывучэннем экспліцытных і імпліцытных спосабаў выражэння гэтых катэгорый доўгі час заставаліся без увагі беларускіх даследчыкаў. Пераарыентацыя сінтаксічных апісанняў з прынцыпу «ад

формы да значэння» на прынцып «ад значэння да формы» стала магчымай, дзякуючы таму, што быў распрацаваны шэраг асноўных пала-жэнняў (работы С.Д. Кацнельсона, В.А. Звягінцава, В.Г. Гака, Н.Ю. Шведавай, Ю.Д. Апрэсяна, А.У. Бандаркі і інш.). Асноўнай задачай сістэмнага (структурна-паняційнага) апісання стала аб'яднанне апісанняў семантыкі і структуры сінтаксічных адзінак.

Пры вывучэнні семантыкі сінтаксічных канструкцый вучоныя не былі адзінадушны нават у азначэнні аб'екта даследавання (што такое сінтаксічная семантыка або семантыка сінтаксічнай канструкцыі) і вызначэнні метаду даследавання. Іменна таму праблема даследавання сэнсавага сінтаксічнага ўзроўню мовы і сёння застаецца адной з самых актыўных і перспектыўных з пазіцый сучаснай лінгвістычнай тэорыі і практыкі.

Любое сінтаксічнае апісанне, за рэдкім выключэннем, абавязкова ўключае момант семантычнага аналізу. Семантычны аналіз сінтаксічных адзінак, якія рэалізуюць адзін тып семантыка-сінтаксічных адносін, служыць сэнсавым службовым інвентаром, неабходным для таго, каб распазнаць, выбраць пэўныя сінтаксічныя канструкцыі з ліку тых, якімі валодае мова. У сувязі з тым, што «паняцільныя катэгорыі» адносяцца да прадмета разважанняў многіх гуманітарных навук, даследчыкі вырашаюць пытанні аб суадносінах паняціўных (філасофскіх) катэгорый і семантыка-сінтаксічных катэгорый, сінтаксічнай семантыкі і лексікі (работы Р.А. Будагава, А.Я. Міхневіча, А.У. Бандаркі, В.Г. Адмоні, Г.А. Залатавай і інш.). Прадметам сінтаксісу не могуць быць паняцці логікі, паколькі лагічныя паняцці знаходзяцца па-за межамі мовы, а сінтаксічныя значэнні ўнутры мовы. Паняцці логікі, філасофіі толькі ў пэўнай меры дапамагаюць лінгвісту ў даследаванні сінтаксічнай семантыкі, у той меры, у якой сінтаксіс выконвае сваю асноўную функцыю: перадаваць і выражаць думкі і пачуцці людзей сродкамі, якія ў яго ёсць.

Упершыню ў беларускім мовазнаўстве азначэнне сінтаксічнай семантыкі было дадзена А.Я. Міхневічам: «Пад сінтаксічнай семантыкай разумеецца тая частка агульнамоўнай семантыкі, тыя семантычныя катэгорыі, што вызначаюць граматычную (не індывідуальную) спалучальнасць слоў і ўскрываюцца праз аналіз сінтаксічных структур» [1: 16]. Значэнне сінтаксічнай адзінкі – гэта абагульненае моўнае адлюстраванне сувязей і адносін паміж прадметамі і з'явамі аб'ектыўнай рэальнасці. Сінтаксічная семантыка не выводзіцца з суммы лексічных значэнняў слоў, якія ўваходзяць у склад сінтаксічнай канструк-

цыі. Значэнне ў сінтаксісе выступае ў сваім абагульненым выглядзе (семантыка-сінтаксічная катэгорыя), чым ужо адрозніваецца ад значэння ў лексіцы. Аднак, гэта не азначае, што трэба ізаляваць сінтаксічную семантыку ад канкрэтнага лексічнага нападзення сінтаксічнай канструкцыі, значэнне якой не складаецца з сумы значэнняў лексем, ад лексічнай і граматычнай прыроды яе кампанентаў. Гэта значыць, што семантычная структура сінтаксічных канструкцый і выбар той ці іншай сінтаксічнай формы выражэння звязаны з семантыкай кампанентаў сінтаксічнай канструкцыі і іх падзелам на лексіка-граматычныя класы. Любая семантыка-сінтаксічная катэгорыя валодае сваім наборам лексіка-граматычных класаў слоў.

У сваёй манаграфіі «Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы» Арнольд Яфімавіч Міхневіч указаў на неабходнасць выдзялення дыферэнцыйных семантычных прыкмет для сінтаксічных адзінак, пабудовы сістэмы сінтаксічных значэнняў на аснове бінарных апазіцый, вырашэння праблемы эксплікацыі і імплікацыі ў сінтаксісе і інш. У мове паняццёвай катэгорыі адпавядае семантыка-сінтаксічная катэгорыя, а логікапаняццёвым прыкметам пэўнага паняцця – дыферэнцыйныя семантычныя прыкметы моўных катэгорый. Метадам супастаўлення дыферэнцыяльных семантычных прыкмет семантыка-сінтаксічнай катэгорыі і дыферэнцыяльных семантычных прыкмет канкрэтнай сінтаксічнай канструкцыі можна вызначыць, якое лексіка-граматычнае значэнне выражае гэтая канструкцыя. Праблемы семантычнага сінтаксісу беларускай мовы, сфармуляваныя аўтарам, наступныя: «Семантычная структура слова з пазіцыяй сінтаксісу, селекцыйныя катэгорыі, якія фарміруюць семантыка-сінтаксічныя класы слоў; спосабы выражэння селекцыйных значэнняў у беларускай мове; характар аналітызму граматычнага ладу; тэхніка эўрыстычнага аналізу граматычных з’яў; межы паміж граматыкай і лексікай (сінтаксісам і семантыкай), а таксама паміж марфалогіяй і сінтаксісам; семантыка-семантычная стратыфікацыя слоўніка як адзін з аспектаў «скрытай» граматыкі; семантыка-сінтаксічныя апазіцыі класаў слоў і пытанне аб сістэмнасці лексікі; унутраная структура семантыка-сінтаксічнага класа слоў; структура значэння слова і ўзроўневая структура выказвання ў залежнасці ад ступені граматычнай абстракцыі; канструкцыйна-сінтаксічная аманімія і шматзначнасць у беларускай мове; суадносіны простых і складаных сінтаксічных структур» [1: 21].

Акрэсленыя праблемы актуальныя для беларускага мовазнаўства і сёння. Цікавай, на наш погляд, з’яўляецца заўвага вучонага адносна таго, што «аб’екты і прадметы сумежных і ў пэўнай ступені ўзаемаабумоўленых навук знаходзяцца ў дыялектычнай узаемасувязі: тое, што з’яўляецца аб’ектам у адным плане, становіцца прадметам ў іншых адносінах і наадварот» [1: 12]. І далей: «Такім чынам, прадметам сінтаксісу трэба прызнаць усе тыя аспекты, у якіх можа быць прадстаўлены яго аб’ект – працэс і вынікі моўнай намінацыі сітуацый» [1: 14].

Бясспрэчным застаецца той факт, што паняцці аб’ектыўнай рэчаіснасці знаходзяцца ў складаным узаемадзеянні з моўнай семантыкай, і толькі дзякуючы гэтаму ўзаемадзеянню, мова выконвае камунікатыўную функцыю. Дасягненні лінгвістычнай навукі ў галіне семантычнага сінтаксісу развіваюць і паглыбляюць функцыянальны і камунікатыўны падыходы да мовы. Вельмі актыўна вынікі даследавання сінтаксічнай семантыкі выкарыстоўваюць нашы калегі з Расіі. Функцыянальны, семантыка-сінтаксічны падыход да мовы знаходзіць месца не толькі ў практыцы выкладання ў ВНУ (такая практыка ёсць і ў нас), але і ў методыцы школьнага выкладання. Нашымі расійскімі калегамі рапрацавана праграма для старшых класаў (10–11-я класы) «Логико-предметные категории и способы их выражения в языке и речи» (аўтар М.Т. Баранова), у якой дэманструецца сувязь мовы з логікай і філасофіяй, а таксама падрыхтавана серыя новых падручнікаў (аўтар А.Ю. Купалава) для пачатковых класаў (1-4-я класы). Такую задачу вырашаюць і беларускія лінгвісты і метадысты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 263 с.

КИЛИНА Лилия Фаатовна (*Ижевск, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет
kilin_74@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО РАД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления прилагательного *рад* в русском языке XI-XVII вв. на материале древнерусского и старорус-

ского корпусов Национального корпуса русского языка и словарей. В результате исследования установлено, что краткое прилагательное с древности употреблялось в предикативной функции при описании состояния субъекта. Отмечается, что полная форма не закрепилась в русском языке, т. к. прилагательное в письменных текстах не использовалось в функции определения.

Ключевые слова: прилагательное, форма, корпус, конструкция, употребление.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the usage of the adjective “*rad*” in the Russian language during the 11th–17th centuries. The research was conducted on the material of the Ancient Russian and Old Russian corpora of the Russian National Corpus and dictionaries. It was concluded that the short adjective has been used since ancient times in a predicative function when describing the state of a subject. It is noted that the full form has not been ingrained in the Russian language, because the adjective was not used as a definition in written texts.

Keywords: adjective, form, corpus, construction, usage.

В древнерусском языке, как известно, полные (членные, местоименные) формы прилагательных образовались от кратких (нечленных, именных). Если краткая форма в предикате-суждении выражала признак неопределенный (новый), то полная форма в определении-понятии – признак определенный (постоянный), например: *человѣкъ добръ* (вообще) и *добрый человекъ* (конкретно этот) [4: 221]. Образование полных форм, судя по всему, не было регулярным: «Использование местоимения в определительном значении указывает на то, что его присоединение к определению выражало идею определенности данного признака в отношении к данному качеству вообще. Поэтому прилагательные, которые не нуждались в подобном выделении, не образовывали полных форм» [4: 220-221].

В настоящее же время краткие формы прилагательных образуются от полных, при этом в русском языке прилагательные могут иметь 1) полные и краткие формы, 2) только полные формы и 3) только краткие формы (*горазд, должен, люб, рад*) [6: 556-558]. Прилагательные, которые относятся к последней группе, употребляются только в предикативной функции, являясь частью составного именного сказуемого. Однако до сих пор остается неясным, что способствовало появлению таких ограничений в формообразовании и функционировании прилагательных. Чтобы определить факторы, повлиявшие на закрепление за прилагательным *рад* предикативной функции как единственно возможной, мы проанализировали особенности его употребления в русском языке XI-XVII вв. Исследование проведено на материале древнерусского и

старорусского корпусов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) с привлечением данных различных словарей.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее СлРЯ) и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (далее – БТС) указано, что **рад** употребляется в функции сказуемого; в значении 'о чувстве радости, удовольствия, удовлетворения, испытываемом кем-л.' управляет дательным падежом (кому, чему), сочетается с инфинитивом или придаточным дополнительным (*Рад встрече с кем-л. Рад видеть вас в таком настроении. Рад, что вы согласны со мной* и др.); в значении 'об испытываемом кем-л. желании, готовности, согласии сделать что-л.' также сочетается с инфинитивом (*Всякому рад помочь* и др.) [7: 578-579; 2: 1056]. Таким образом, **рад** в современном русском языке используется при описании ситуаций, когда субъект либо находится в состоянии удовлетворения (=доволен), либо проявляет готовность, желание совершить какое-либо действие. Кроме того, в БТС зафиксировано значение 'о чувстве сожаления, неудовольствия тем, что сделал сам', тут же указаны особенности употребления прилагательного в этом значении: в конструкции с отрицанием и в разговорной речи (*Уж и не рада, что согласилась*) [2: 1056].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля в заголовке словарной статьи указана не краткая форма, а полная – **радый**: радый, бол. гов. сокрщ. радъ, радостный, радошный, кто радуется, чувствует радость (*Я рад, что весна настала, рад весне* и др.) [3: 1468]. Примечательно, что прилагательное **радостный** включается в эту же словарную статью (*Радостная весть. Радостная улыбка, лицо. Радостен бес, что отпущен инок в лес*), как и другие однокоренные слова: *радехонек, радым-радешенек, радомъ-радешенька, рада-радехонька*. Здесь же указываются синонимичные единицы – согласен, готов, мне приятно (*Я рад идти*) [3: 1468]. Судя по данным этого словаря, форма **радый** активно употреблялась в народной речи, в том числе и в функции подлежащего (ср. *Радый не тужит*), являясь в этом случае субстантиватом.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (далее МСДРЯ) в заголовке словарной статьи также приведена полная форма **радыи** 'счастливый, довольный', но при этом в скобках отмечено, что обычно встречается только краткая форма [9: 14]. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (далее СРЯ) указана только краткая форма **радъ** и несколько зна-

чений, в том числе 'рад, доволен (радостный, довольный)', 'блажен', 'усердный, ревностный', 'веселый'; кроме того, в отдельных пунктах указано, что в сочетании с личным глаголом **радъ** переводится наречием, обстоятельством с личным глаголом (радостно, охотно, с удовольствием, с готовностью), а в сочетании с инфинитивом – 'готов, рад, согласен (что-л. делать)' [8: 120]. Итак, авторы этого лексикографического источника предприняли попытку описать особенности употребления данной единицы, не только указав разные значения, но и связав их с грамматическими конструкциями.

Чтобы проанализировать употребление интересующего нас слова в текстах, мы обратились к НКРЯ. В древнерусском корпусе (201 документ, 652 774 слова) в результате поиска по лексеме «радъ» мы обнаружили 20 документов и 147 вхождений (по данным на 09.03.2023), среди которых нет ни одного примера с полной формой. Интересующее нас прилагательное употребляется в сочетании с инфинитивами, однако таких примеров всего 3: *помышлатъ же въ срѣци своємъ богоблѣженыи борисъ и глѣаше вѣдѣ брата моего зълоу ради члѣци поноудати и на оубиство мое* (Сказание о Борисе и Глебе (вторая пол. XI в.)); *и срѣтоша ны внезапно половечскыѣ князи и тысячь и хотѣхо(м) с ними ради битиса но вружье бахомъ оуслали напередъ на повозѣхъ* (Поучение Владимира Мономаха (1090-е–1110-е)); *аще недоугъмь одържимъ боудеть или ѿ инога нѣкоѣга ноужа на трапезьницу не может прити понеже мнози другъ и ближнихъ прихода извѣтъмь особь тѣхъ ради ѣсти* (Студийский устав (1060–1070-е)) [5]. Во всех этих случаях с помощью конструкции *радъ+инфинитив* выражается готовность к выполнению того или иного действия, в то же время небольшое количество примеров может свидетельствовать о том, что в древнерусский период эта конструкция не была актуальной.

Самой распространенной в древнерусском корпусе является конструкция *радъ+быти* (в основном в прошедшем времени), такие примеры особенно часто встречаются в летописях: *и ради быша вси людье видаче свое(ѣ) г(с)на. приѣхавша. во здоровьи* (Волынская летопись (1262–1292)) [5]. Об устойчивости такого употребления свидетельствует тот факт, что из 23 примеров, представленных в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи, в 22 используется *радъ+быти* в аористе (*бысть, быхомъ, быша*). Можно сказать, что уже в древнейших текстах для описания состояния радости, удовле-

творенности активно используется данная конструкция, которая (с нулевой связкой в настоящем времени) сохранилась и в современном русском языке.

Отдельного комментария заслуживают примеры, в которых **радъ** употребляется в сочетании с личными формами глаголов настоящего, будущего и прошедшего времени, в таких случаях авторы СРЯ предлагают переводить **радъ** наречием (см. выше): *приѣхавъ Кондратови поча емоу молвити при всѣхъ его боарѣ(х). тако ти молвить братъ твои Володимѣрь. радъ ти быхъ помогль* (Волынская летопись (1262–1292)); *а мы ради коупимъ. чего восхочешь. воскоу ли. бѣли ль бобровъ ли. черныхъ ли коунъ. серебра ль. мы ради дамы* (Волынская летопись (1262–1292)); *и р(ч)е` и вино, и рыбы, и маса не любятъ мене, но азъ радъ приемлю ихъ* (Пчела (XI–XIII вв.)) и др. [5]. В целом такие примеры немногочисленны, что, на наш взгляд, обусловлено закреплением за **радъ** предикативной функции уже в древнерусский период. Однако случаи употребления **радъ** в функции приглагольного определителя (в роли обстоятельства при глаголе) вызывают большой интерес и объясняются, вероятно, существованием в древности нерасчлененного имени, грамматической синкреты, под которой понимается «ряд форм слова, имеющих идентичный смысл и выполняющих в синтагме различную синтаксическую функцию» [1: 31].

В старорусском корпусе НКРЯ (7560 текстов, 8 843 355 слов) в результате поиска по лемме «радъ» и грамматическому параметру «прилагательное» формируется выборка, состоящая из 509 примеров, представленных в 180 текстах (по данным на 09.03.2023), среди которых есть и летописи, демонстрирующие приведенную выше традицию употребления прилагательного **радъ** с глаголом **быти**, например: *То слышав, князь Дмитреи Ольгирдовичь брянский и рад бысть* (Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (первая четверть XVI в., 1530–1598)) [5]. Ограничив поиск только летописными текстами, получаем подкорпус из 47 текстов и 1 797 534 слов, интересующая нас единица встречается в 222 примерах из 26 текстов. Следовательно, почти половина всех случаев приходится на летописные тексты, что, на наш взгляд, неслучайно: для повествования об исторических событиях была очень важна оценка происходящего, в этом смысле удобной оказалась приведенная выше конструкция, с помощью которой обозначалось состояние удовлетворения или неудовлетворения субъекта.

В старорусском корпусе, как и в древнерусском, случаи сочетания **радъ** с личной формой глагола встречаются редко, например: *З охотою на двор царск **рады** поступаем, Лице его пресветло узрети* (Димитрий Ростовский. Рождественская драма. (Комедия на рождество Христово) (1702)) [5]. Зато значительно увеличилось количество случаев употребления конструкции **радъ+инфинитив**, особенно начиная с XVII в.: *а я са тебя гсдря **рад** вѣчно бга **молить*** (И. Чупреянов. И. Чупреянов Семену Давыдовичу (вторая половина XVII в.–начало XVIII в.)); *и говорили, что они вседушно **ради** **послужить** великому государю* (Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч (1699)) [5].

Кроме того, именно в старорусском корпусе обнаружен единственный пример употребления полной формы прилагательного: *Видѣх же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихъ едину от нею скважнею, рекох к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домъ сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василюа». **Радому** же ми убо бывшую, рекох к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобный отецъ нашъ Василий?»* (Из Жития Василя Нового. Хождение Феодоры по воздушным мытарства (XIV в.)) [5]. Нетрудно заметить, что **радый** здесь употребляется в сочетании с причастием **бывшую** в составе оборота дательный самостоятельный и выражает предикативное значение (*я был рад*). Подобный пример с краткой формой прилагательного был обнаружен нами в древнерусском корпусе: *иному же въспрануувъшю и **радоу** **бывъшю**. скоро въставъ* (Нестор. Житие Феодосия (1080-е)) [5]. Оба случая отмечены в житийных текстах, в конструкции, не характерной для разговорной речи. С другой стороны, довольно сложно объяснить употребление полной формы в первом примере, если учитывать тот факт, что она (как мы показали выше) не использовалась в церковно-книжных текстах, да и вообще в письменной речи.

Таким образом, прилагательное **радъ** уже в древнерусских памятниках письменности употребляется только в краткой форме, как правило, в предикативной функции. Наиболее распространенным в текстах разных периодов является употребление **радъ** в конструкции с глаголом **быти**, где прилагательное обозначает неопределенный признак, а точнее, состояние субъекта, который испытывал чувство удовлетворения (неудовлетворения) от какого-либо действия. Конструкция **радъ+инфинитив**, в которой прилагательное обозначало готовность к совершению какого-либо действия в будущем, не была ха-

ракторной для древнерусских текстов, но получила распространение в более поздний период. Обе эти конструкции активно используются в современном русском языке, в отличие от конструкции *радъ+личная форма глагола*, которая была утрачена, т. к. употребление прилагательного **радъ** в функции обстояательства, судя по всему, довольно рано стало не актуальным. Полная форма рассматриваемого прилагательного могла функционировать в разговорной речи, однако в речи книжной так и не прижилась, вероятно, потому, что рассматриваемая единица с древности употреблялась в составе предикативной конструкции и не выступала в функции определения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2003. 390 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3: Л–Р / Под ред. Проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 912 с.
4. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Учебно-методический комплекс по курсу «Историческая грамматика русского языка». СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
5. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
6. Русская грамматика: В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. 788 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М: Русский язык, 1987. 752 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 (Прочный – Раскидати). М.: Наука, 1995. 280 с.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т.3. Р–Ѣ / Отд. рус. яз. и словесности Император. АН. СПб.: Изд. Отделения Русского языка и Словесности Имп. АН, 1912. 910 с.

КОЗАКОВА Александра Алексеевна (*Ростов-на-Дону, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет
kozakova@inbox.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ СП «УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ» В ИДИОЛЕКТЕ О. МИТЯЕВА

Аннотация. Одним из наиболее значимых семантических полей в идиостиле О. Митяева является СП, связанное с употреблением алкоголя. Основываясь на

узуальных значениях лексем, входящих в данное СП, поэт вносит дополнительные компоненты в его систему. В целом же развитие структуры СП говорит о символизации в творчестве поэта лексем, в него входящих, направленных на поэтизацию жизненных ценностей, которые лирический герой считает особенно важными. Основным механизмом символизации в текстах поэта выступает метафоризация.

Ключевые слова: семантическое поле, метафора, О. Митяев, алкоголь, напиток.

Abstract. One of the most significant semantic fields in the idiosyle of O. Mityaev is the SF associated with the use of alcohol. Based on the usual meanings of the lexemes included in this semantic field the poet introduces additional components into his system. In general the development of the structure of the semantic field in the poet's work speaks about the symbolization of the lexemes, aimed at the poetization of life values, which the lyrical character considers especially important. The main mechanism of symbolization in the poet's texts is metaphORIZATION.

Keywords: semantic field, metaphor, Mityaev, alcohol, drink.

Значимость СП «Употребление алкогольных напитков» в идиолекте О. Митяева была установлена в статье [1]. Однако представляется важным также рассмотреть употребление слов данного СП в качестве тропов: эпитета, метафоры, сравнения, т. к. развитие у лексем данной группы переносных значений свидетельствует о постоянном нахождении их в поле зрения автора, актуальности для лирических героев тематики, дающей широкие возможности для переосмысления.

Принципы создания тропов О. Митяевым можно условно разделить на две группы. В первой поэт отталкивается от наиболее привычных, традиционно-поэтических тропов с формами прилагательного *пьяный*, реализующих значение “пьяный от любви”, признавая их распространённость в языке. Эта метафора у О. Митяева реализуется фразеологизмом «выпить до дна» применительно к всепоглощающей любви: *Женщина одна, которая захватит и выпьет вас до дна* («Концерт на льду Байкала») [2], [3]. Традиционным является и описание восторга от красоты природы (заката, луга с травой и др.) через сравнения или эпитеты, отсылающие к состоянию опьянения от алкоголя.

Вторая группа текстов – нарушение традиции. Это обращение к достаточно жесткому и негативному в языке восприятию слов *запой* или *запойный*: *запойной* может быть ночь, когда человек пьёт, уходя в запой. Если же человек наслаждается тихой ночью пришедшей зимы, то это ночь *не запойная*: *И лес прозрачен, словно вымытый, // И в светлом поле дремлют озими, // И огоньки по краю вышиты, // И ночь приходит в тишине. // Не мучительная,*

не запойная, // А спокойная зимняя ночь... («Неутешительные выводы») [2], [3].

На основе метафоры создаются наиболее значимые для поэта образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козакова А.А. Семантическое поле «Употребление алкогольных напитков» в идиолекте Олега Митяева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Том 26 № 4. С. 89-99.

2. Митяев О.Г. Песни [Электронный ресурс]. URL: <https://mityaev.ru> (дата обращения 13.03.2023).

3. Митяев О.Г. Тексты песен [Электронный ресурс]. URL: <http://accords.site/txt.php?s=036> (дата обращения 29.07.2022).

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

РОМАН «ГОЛЫЙ ГОД» Б. ПИЛЬНЯКА И ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО Г. КОЛОМНЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ РУБЕЖА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые языковые и сюжетные особенности романа «Голый год» Б. Пильняка, которые можно связать с особенностями языкового пространства г. Коломны и его окрестностей. К анализу привлекаются данные из неопубликованных этнографических источников, деловой письменности. В результате исследования делается вывод, что Б. Пильняк при использовании отдельных языковых единиц намеренно сталкивает в тексте книжную и народно-разговорную традиции их употребления.

Ключевые слова: Б. Пильняк, роман «Голый год», Коломна, диалектные и просторечные черты, реминисценции.

Abstract. The article discusses some of the linguistic and plot features of the novel "The Naked Year" by B. Pilnyak, which can be associated with the features of the linguistic space of the Kolomna city and its surroundings. The analysis involves the data from unpublished ethnographic sources, business literature. As a result of the study, it is concluded that B. Pilnyak, when using individual language units, deliberately collides bookish and colloquial traditions of their use in the text.

Keywords: B. Pilnyak, the novel "The Naked Year", Kolomna, dialectal and colloquial features, reminiscences.

Завершение романа «Голый год» было датировано Борисом Пильняком очень четко, по старому стилю летоисчисления – «25 дек. ст. ст. 1920 г.», точно указывалось место создания произведения – «Коломна, Никола-на-

Посадьях». Роман принес писателю широкую известность, критики отмечали новаторство формы, стиля и языка.

Задача настоящей статьи – охарактеризовать некоторые языковые особенности романа, связанные с коломенским диалектом и просторечием, а также с местными обычаями, деловыми документами г. Коломны и его окрестностей на рубеже XIX – начала XX вв.

Материалом для анализа послужил текст романа в трехтомном издании сочинений Б. Пильняка под редакцией Б.Б. Андроникашвили-Пильняка 1994 г., так как в комментариях составитель заявил, что по текстам произведений была проведена тщательная текстологическая работа, в издании сохраняются орфография и синтаксис писателя [10: 488].

Неоднократно было указано, что прообразом города *Ордынина* в романе «Голый год» послужила Коломна [9], в которой Б. Пильняк пережил революционные годы: на это указывают неоднократные упоминания в тексте о наличии в городе древнего кремля, монастыря через реку (в романе *Реденев монастырь* – в Коломне *Бобренев монастырь*), писатель зафиксировал точно события, связанные с постройкой в Коломне железной дороги («инженеры предложили городу дать взятку, и отцы города изъявили на то полное свое согласие, но назначили столь несуразно мало, что инженеры почли долгом поставить станцию в десяти верстах, на заводе» [10: 11]).

Однако художественный образ города *Ордынина* весьма сложен и вбирает черты не только реальной Коломны. Так, например, название горы *Увек* в романе, возле которой ведутся археологические работы, – это название горы в городе Саратове, где когда-то жили родители писателя; по-видимому, из Саратова в город *Ордынин* перешел народный географический термин *взвоз*, который не фиксируется в коломенской топонимии: в Саратове до сих пор около 12 взвозов, и одна из центральных улиц называется *Князевский взвоз*. Таким образом, можно предположить, что в романном *Ордынине* очень сложно сплелись черты разных городов, в которых побывал Б. Пильняк.

«Пильняк – реалист и превосходный наблюдатель со свежим глазом и хорошим ухом, – писал Л. Троцкий. – Люди и вещи не кажутся ему старыми, заношенными, все теми же, только приведенными революцией во временный беспорядок. Он берет их в их свежести и неповторяемости, т. е. живыми, а не мертвыми, и в беспорядке революции, который есть для него живой и основной факт, ищет опоры для своего художественного порядка» [12: 69]. Действи-

тельно, писатель обладал абсолютным лингвистическим слухом, что отразилось в точной передаче особенностей коломенских говоров. Так, например, в романе в речи сельских жителей у имен существительных фиксируется отсутствие среднего рода: «*Сердца моя болит*» [10: 68], что, как известно, характерно для русских говоров к юго-востоку от Москвы.

Укажем некоторые, не отмеченные еще языковые и сюжетные особенности, которые были свойственны языковому пространству г. Коломны и его окрестностям в конце XIX – начале XX вв.

1. Ярыга

«*Вскоре за гусями появлялись кабацкие ярыги, нищие, юродивые*» [10: 7]; «*Кабацкие ярыги собирались у казенки спозаранку, садились на травку и терпеливо ожидали открытия*» [10: 8]. Слово *ярыга* в XVI–XVIII вв. обозначало бедного человека, занимавшегося наемным физическим трудом, в переносном значении – пьяницу, беспутного человека [11, Т. 4: 1465]. Но в романе «Голый год» у этого слова есть определение – *кабацкие ярыги*, что может вызвать у начитанного человека воспоминание о сатирическом произведении «Праздник кабацких ярыжек», или «Служба кабаку», созданного во второй половине XVII века [1]. Оно было облечено в форму пародии на церковную службу, а в романе неоднократно встречается прием пародийного использования православного литургического произведения [5], что, по мысли автора, говорит об изжитости христианства на Руси.

В научном архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН хранятся до сих пор не опубликованные записи крестьянина В.К. Влазнева из Белоомута (1892 г.) – богатого торгового села, расположенного неподалёку от Коломны вниз по течению Оки. Записи подтверждают бытование слова *ярыга* в данной местности. В.К. Влазнев объясняет значение слова следующим образом: «*Ярыга – ярышникъ – вообще нечестный человѣкъ, которое слово, какъ бранное, происходитъ отъ бывшихъ земскихъ “ярышекъ”*» [8: 5 об.]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля можно узнать о земских ярыжках: это «низший служитель полиции, для рассылки, прислуги и исполненья разных приказаний; они ставились от общин и также звались земские ярыжки» [3, Т. IV: 679].

Интересно отметить, что и крестьянин В.К. Влазнев, и писатель при употреблении этого слова или толковании его значения обращаются к истории бытования лексической единицы: *кабацкие ярыги, земские ярышки*. Причем

между ними возникает своеобразная полемика в определении значения слова: В.К. Влазнев указывает в качестве основного значения 'нечестный человек', а Б. Пильняк дает определение ярыге Огоньку *честный*: «*Первым погибнул в городе Огонёк-классик, честный ярыга, спившийся студент, – умер, – повесился, оставив записку*» [10: 12]. Можно предположить, что в языковой ткани романа слово *ярыга* многозначно, его значения размыты, оно способно вызывать различные ассоциации, писатель достигает этого с помощью сплетения книжной и разговорной традиции употребления этой лексической единицы.

2. Семен Матвеев Зилотов

В трехчленном антропониме *Семен Матвеев Зилотов*, очевидно, содержится отсылка к имени одного из апостолов Иисуса Христа – Симона Канонита или Зилота [2: 277]: «*От тихой младости наделил бог великого начетчика, Семена Матвеева Зилотова, страстной и нежной любовью к книгам*» [10: 165].

Образ Зилотова был подробно разобран В.П. Крючковым. По его мнению, он навеян романом А. Белого «Серебряный голубь» [6: 165]. Примечательно, что этот персонаж вводит двойную реминисценцию. Кроме отсылки к евангельскому тексту, Зилотов напоминает читателям о политической идее XVI века «*Москва – третий Рим*», высказанной в послании Филофея, монаха псковского Спасо-Елеазаровского монастыря [4: 304–306]. Но, как всегда, важнейшие политические и философские идеи, связанные с концептосферой православия, в романе «Голый год» пародируются, выворачиваются наизнанку. В.П. Крючков отмечает: «Травестируется зилотовская идея Москвы – нового Рима, всемирной столицы, к которой “склонились” Берлин, Вена, Париж, Лондон, Рим: пятиугольный картон (мистическая пентаграмма, символизирующая, по Зилотову, осевое положение Москвы среди столиц Европы) в сложенном состоянии “стал походить на помидор, окрашенный снизу красным”» [6: 167]. Но, как ни странно, антропоним, который, кажется, относится полностью к книжной традиции, находит соответствие в местных документальных источниках. Отчество персонажа дано в форме притяжательного прилагательного на - *ев*, что было характерно для именованья низших слоев в XVIII–XIX вв., но отнюдь не в XX в. Почему Б. Пильняк называет купца Ратчина *Иваном Емельяновичем*, а Зилотова – *Семеном Матвеевым*? Это можно объяснить, обратившись к церковным метрическим книгам конца XIX века села Любичи,

соседнего с селом Белоомутом: «*О родившихся. 16/17 февраля 1887 года. Василий. Родители: Государственный крестьянин села Любич Иван Адрианов Нартов и Анна Стефанова. Восприемники: села Ловец Государственный крестьянин Иван Иванов Зилотин и того же села Ловец крестьянина Степана Акимова Горбунова дочь девица Екатерина Степанова*» [13: 9].

В метрических книгах фамилия дана с другим суффиксом: *-ин* вместо *-ов*. Вполне возможно, что модель наименования героя романа была навеяна формуляром метрических книг. Удалось выяснить, что фамилия *Зилотин* – одна из самых распространенных в селе Ловцах, которое, как Белоомут и Любичи, было богатым торговым селом. Возможно, в Коломне, куда приезжали торговцы из Ловцев, эта фамилия была на слуху. Именование героя в романе идет по той же формуле, которая зафиксирована в метрических книгах: *Семен Матвеев Зилотов (Б. Пильняк) – Иван Иванов Зилотин (с. Ловцы)*.

Если Б. Пильняк действительно отразил известную местную фамилию по формуле церковных метрических книг, то в данном случае тоже можно отметить намеренное столкновение книжной и местной народно-разговорной традиции в бытовании фамилии.

3. Профессиональные тайные языки

В первой главе романа «Ордынин-город» рассказывается о жизни купцов. Иван Емельянович Ратчин «...*гремел замками и поучал мальчиков и приказчиков своему ремеслу: надо было при покупателях говорить:*

*Не – дают, а скалывают,
Не уступить, а сколоть,
Не – продавай, а прикалывай,
Не торгуйся, а божись...»* [10: 11].

Перед нами пример тайного профессионального языка торговцев.

О том, что во второй половине XIX века в окрестностях Коломны (Луховиц, Зарайска) употреблялись тайные профессиональные языки, сохранилось свидетельство В.К. Влазнева: он сообщил этнографу Н. Мендельсону около ста слов тайного языка белоомутских портных. Приведём несколько примеров: *‘работать’ – клюжить, ‘работа’ – клюжа, ‘мало работы’ – ласа клюжки, ‘продал’ – пропулил* и т. д. [7: 145].

Лексический состав тайного языка коломенских купцов и белоомутских портных не совпадает, но записи В.К. Влазнева свидетельствует о факте

бытования тайных профессиональных языков на данной территории, что подтверждается и текстом романа «Голый год».

С этим можно связать и употребление в тексте романа букв славянской азбуки в цифровом значении. Купец Иван Емельянович Ратчин при покупателях требовал от подчиненных при передаче числового значения использовать не цифры, а славянские названия букв: «*He – 150 руб. 50 копеек, а рци-иже-он-кон иже-он-кун, He – 90, а твердо-он*» [10: 11].

Но указанные названия букв не всегда соответствуют закрепленным в славянской азбуке цифровым значениям. Цифровое значение буквы «рци» (P) – действительно 100, но дальше вместо буквы Н («наш»), которая имела цифровое значение 50, почему-то идет «иже» (I) – цифровое значение 10, и «он» (O) – цифровое значение 70. Число 50 при обозначении копеек опять передано буквами I и O. Рубли обозначаются словом *кон*, а копейки – словом *кун*. В следующей строке цифры тоже переданы не по правилам славянской азбуки: для обозначения числа 90 обычно использовалась буква «червь» (Ч), но здесь – «твердо» (Т), цифровое значение которого 300, и «он» (O), цифровое значение – 70. Что же это такое? Возможно, какой-то тайный шифр с нетрадиционным использованием букв славянского алфавита.

Заметим, что именно числительные очень подробно представлены в записях речи портных села Белоомут наиболее полно: *один – ёный, два – дзю, три – стрём, четыре – тисира, пять – пёнда, шесть – шёнда, семь – сезюмь, восемь – вондара, девять – дивера, десять – декан, дюжина – брысь; четвертакъ – стрёмарь, 75 копеекъ – сезюмарь съ пензикомъ, 60 копеекъ – шёндамарь, 80 копеекъ – вондамарь, 90 копеекъ – дивермарь, гривенникъ – марашникъ, рубль – хрусть, 2 рубля – дзю хрустовъ, копейка – трафелка, три копейки – стрёмъ трафель* [7: 147].

Н. Мендельсон отмечал, что в Белоомуте старики-портные говорили на тайном языке между собой даже не на профессиональные темы, например: «*Похлимъ въ тарантирь щаванъ бусать – Пойдем в трактирь чай пить*» [7: 147].

Роман «Голый год» – пример орнаментальной прозы, включающий огромное количество литературных реминисценций и в то же время отразивший живую языковую революционную стихию слома эпох. Ритмизированный текст романа можно понимать как своеобразную «музыку революции», однако привлечение к анализу текста местного этнографического материала свиде-

тельствует о том, что Б. Пильняк был очень точен в передаче местного языкового материала. Одним из приемов создания языковой ткани романа является столкновение книжной и народно-разговорной традиции употребления лексической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова-Перетц В.П. Праздник кабацких ярыжек: Пародия-сатира второй половины XVII века / В. П. Адрианова-Перетц; Акад. наук СССР. Л.: Изд-во и тип. изд-ва Акад наук СССР, 1934. 77 с.
2. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.I-IV. М.: Русский язык.
4. Еремин И.П. Старец Филофей // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т.II. Ч.1. Литература 1220-х – 1580-х гг. 1945. С. 304–306.
5. Козлова А.Ю. Языковые особенности реминисценций из древнерусской литературы и литературы XVIII века в романе Б. Пильняка «Голый год» // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2023. № 1(49). С.62-83.
6. Крючков В.П. «Голый год» Б. Пильняка и «Серебряный голубь» А. Белого: идея «скрещения» Востока и Запада // Вопросы социальной психологии. Вып. 6 (11): Сб. научн. трудов. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 165-172.
7. Мендельсон Н. Материалы для словаря условного языка, III // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 145-147.
8. Научный архив ИЭА РАН. Фонд № 60. ОЛЕАЭ. Опись 1. Д. 408.
9. Петросов К.Г. Коломна в судьбе и творческом сознании Бориса Пильняка // Коломенский альманах: литературный ежегодник. 1997. М.: Советский спорт. С.232-254.
10. Пильняк Б. Сочинения. В 3-х т. Т.1. Голый год; Машины и волки: Романы; Рассказы; Отрывки из дневника / Сост., подгот. текста и коммент. Б. Андроникашвили-Пильняка. М.: Издательский дом «ЛадаМ», 1994. 495 с.
11. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. М.: Изд-во Государственный ин-т «Советская энциклопедия». 1935–1940.
12. Троцкий Л.Б. Пильняк // Троцкий Л. Литература и революция (печатается по изданию 1923 г.). М., Политиздат, 1991. 399 с.
13. Форум союза возрождения родословных традиций: <https://forum.svrt.ru/topic/1394> (дата обращения - 31.05.2023).

КРАСОВСКАЯ Нелли Александровна (Россия, Тула)

доктор филологических наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет
имени Льва Николаевича Толстого
nelli.krasovskaya@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В рамках проводимого исследования автора интересуют заголовки региональной прессы военного периода. Грамматические конструкции заголовков также привлекают внимание. Многие из них способны выполнять воздействующую функцию, функцию привлечения внимания. Были определены заголовки, которые имеют однословную структуру, структуру словосочетания, структуру предложения. Заголовки, которые построены по типу предложения, могут быть как невосклицательными, так и восклицательными.

Ключевые слова: военный период, районная газета, заголовок, грамматические конструкции.

Abstract. Within the limits of the research the author is interested in the headlines of the regional press of the war period. The grammatical structures of headings also attract attention. Many of them are able to perform an influencing function, the function of attracting attention. There were identified headings that have a one-word structure, a phrase structure, a sentence structure. Headings that are built according to the type of sentence can be both non-exclamatory and exclamatory.

Keywords: war period, regional newspaper, headline, grammatical constructions.

В период Великой Отечественной войны большое значение уделялось различным способам информирования населения, поддержанию чувства патриотизма, формированию боевого духа. Во всем этом огромную роль играла газета, в том числе региональная. В рамках своего исследования мы обращаемся к газете «Голос колхозника», выходившей на территории Плавского района Тульской области. Нами были проанализированы номера за 1941-1945 годы. Выбор газеты определялся личными соображениями исследователя. Основной целью, которую мы стараемся реализовать в течение нескольких лет, является изучение языковых особенностей районных газет военного периода. Нами были рассмотрены особенности авторских подписей, оценочная лексика, встречающаяся на страницах газет, некоторые топонимы и оттопонимические образования [2]. В рамках данной статьи мы остановимся на особенностях грамматического оформления заголовков.

Так, можно отметить, что Л.А. Ноздрин «выделяет однословные заголовки, заголовки-словосочетания и заголовки-предложения» [3: 24]. Исследователь А.В. Колесниченко делит заголовки на номинативные и предикативные. Среди заголовков-словосочетаний чаще всего встречаются номинативные заголовки, представляющие собой сочетание слов – двух существительных или существительное с прилагательным [4: 97].

Проанализировав выпуски газеты «Голос колхозника» с 1941 по 1945 годы, мы увидели, что объем однословных заголовков в них невелик. Так, например, в довоенных выпусках 1941 года можно встретить такие однословные заголовки: «Предположим...» (№4, 1941 г.), «Хулиган», «Дебошир» (№6, 1941 г.), «Честь» (№11, 1941 г.), «Отовсюду» (№13, 1941 г.), «И.В. Бабушкин», «Суд» (№16, 1941 г.), «Промышленность» (№31, 1941 г.), «Перелом» (№81, 1941 г.), «Ржавицы» (№89, 1941 г.). В выпусках военного периода однословных заголовков практически нет, вот лишь некоторые: «Успеем» (№80, 1942 г.), «Проводы» (№88, 1942 г.), «Торжество» (№21, 1945 г.) [Все заголовки выбраны из материалов газет. См. 1].

В довоенных номерах газеты «Голос колхозника» отмечаются следующие заголовки-словосочетания номинативного типа: «Расчеты колхозников», «Замечательное постановление», «Неравный брак» (№47, 1941 г.), «Шахматный матч-турнир», «Благодарность медперсоналу» (№60, 1941 г.), «Первое мая», «Местная промышленность», «Песня о металле» (№70, 1941 г.), «Озеленение в Плавске», «Новые книги», «Май в деревне», «В тракторной бригаде», «По советской стране» (№74, 1941 г.), «Бездушный председатель», «Смотр детской художественной самодеятельности» (№94, 1941 г.), «Буревестник революции», «Великий революционный писатель-борец» (№95, 1941 г.) и т. д.[1].

Проанализировав выпуски военного периода, мы выяснили, что номинативные заголовки встречаются реже, чем в довоенное время: «Организация военных трибуналов» (№100, 1941 г.), «Долг патриотов», «Отличная стрельба зенитчиков» (выпуск №101, 1941 г.), «Письмо колхозникам», «Пособия многодетным матерям» (№137, 1941 г.), «Родным бойцам» (№142, 1941 г.), «Забота о семьях фронтовиков», «Привет с фронта», «Примерная бригада» (№75, 1942 г.), «Пожары в Берлине» (№77, 1942 г.), «Благодарность бойцов» (№37, 1943 г.), «Освобожденным районам» (№41, 1943 г.), «Великая годовщина» (№65, 1943 г.), «Действующая армия» (№10, 1944 г.),

«Праздник культуры», «Овощи для фронтовиков» (№15, 1944 г.), «Новогодняя елка», «Плоды бесхозяйственности» (№ 1, 1945 г.), «В Плавском кино театре», «Первый день в поле» (№ 14, 1945 г.), «Во славу Родины», «Слава товарищу Сталину!», «В честь победы» (№21, 1945 г.) [1].

Номинативные заголовки чаще указывают на тему всего текста, погружают читателя в содержание публикуемых материалов.

Предикативный заголовок – это заголовок, который представляет собой целое предложение или их группу. Обычно заголовки подобного типа самостоятельны и не требуют дополнительной расшифровки и объяснения. Рассматриваемые заголовки могут сразу не только обращать читателя к основному содержанию статей или заметок, но и формировать у него определенное отношение к фактам и событиям, о которых идет речь, выражать эмоции, передавать настроение.

В газете «Голос колхозника» такие типы заголовков составляют основную часть всех названий статей и заметок. Они встречаются часто как в выпусках довоенного периода, так и в военное время. Примеры предикативных заголовков из выпусков довоенного времени: *«Улучшить преподавание русского языка», «Сталинская забота о колхозном крестьянстве вдохновляет нас на новые победы» (№47, 1941 г.), «Колхозники отвечают на заботу партии и правительства», «Сергеев не работает» (№48, 1941 г.), «Горячо одобрили постановление», «Еще лучше будем работать» (№49, 1941 г.), «Умножим ряды стахановцев», «Работа признана неудовлетворительной», «Руководящий комсомольский актив должен показать пример идейно-политического роста комсомольцев» (№60, 1941 г.), «1 мая встретим новыми успехами в работе», «Поддержим красенцев», «Звание красного бойца оправдаю», «Как правильно воспитывать телят в молочный период» (№63, 1941 г.), «Поселок Плавск должен стать культурным, благоустроенным районным центром» (№64, 1941 г.), «Готовим 18 пьес», «Трудящиеся района встречают свой праздник славными делами» (№70, 1941 г.), «Побоевому провести испытания в школах», «Давайте соревноваться по бегу», «Пора покончить с беспорядками», «Изжить отставание в работе», «Одни работают, другие спят» (№74, 1941 г.), «Овладевать теорией марксизма-ленинизма – долг каждого учителя» (№65, 1941 г.), «Как я работаю над собой», «Не показывают примера», «Продавайте подержанные стабильные учебники» (№90, 1941 г.), «Одно желание – работать по-*

стахановски», «Многое сделали, много задач впереди», «Выполняем задания на 120 процентов» (№94, 1941 г.), «Трудящиеся района чтут память А.М. Горького», «Закончили сев овощных культур» (№95, 1941 г.) [1].

Предикативные заголовки и в газетах военного времени играли важную роль. Вот примеры таких заголовков из газеты «Голос колхозника»: *«Нас не устрашат происки врагов», «Били, бьем и будем бить», «У нас есть что защищать, у нас есть кому защищать», «Имя Гитлера проклиняет все прогрессивное человечество», «Германский фашизм будет уничтожен навсегда» (№100, 1941 г.), «Во главе с великим Сталиным советский народ сокрушит подлого врага», «Палачу Гитлеру и его приспешникам не сдобровать!», «Все силы отдадим на укрепление обороноспособности нашей страны», «Мы шлем проклятие Гитлеру и его банде» (№101, 1941 г.), «Фашистская нечисть будет раздавлена», «Не бывать фашистской банде на советской земле», «Достойно ответим на вылазку врага» (№103, 1941 г.), «Обязуемся ежемесячно перевыполнять план» (№75, 1942 г.), «Для своих сынов, мужей и братьев не пожалеем ничего» (№142, 1941 г.), «Достойно ознаменуем международный юношеский день» (№137, 1941 г.), «Создадим хлебный фонд Красной Армии» (№88, 1942 г.), «Снабдим страну и фронт продуктами питания», «Гордимся земляком» (№120, 1942 г.), «Построим танковую колонну «Тульский колхозник»», «Приблизим час разгрома врага», «Отомстим немецким оккупантам за сожженные города и села, за смерть советских людей!» (№132, 1942 г.), «Колхозники горячо приветствуют соединение войск Красной Армии и войск союзников на территории Германии», «Выполняют норму на 200%» (№18, 1945 г.), «Трудящиеся района вместе со всем советским народом празднуют великую победу» (№21, 1945 г.) [1].*

Еще одно наблюдение касается знаков препинания, использованных в заголовках. Так, в газетных выпусках довоенного времени чаще всего встречаются вопросительные конструкции, в то время как в печати военного периода изобилуют заголовки в виде восклицательных предложений. Приведем примеры вопросительных и восклицательных заголовков из довоенных газет: *«С Новым годом, товарищи!» (№1, 1941 г.), «Кто же все-таки отвечает за работу?» (№3, 1941 г.), «За высокую дисциплину и успеваемость в школах!» (№7, 1941 г.), «К новым победам социалистического сельского хозяйства!» (№10, 1941 г.), «Все на лыжи!» (№16, 1941 г.), «Когда же улучшит работу*

колхоз им. Урицкого?» (№22, 1941 г.), «Когда же пионервожатый примется за работу?» (№42, 1941 г.), «Когда же артель «Плавский обувщик» прекратит выпускать брак?» (№59, 1941 г.), «Можно ли так руководить?» (№61, 1941 г.), «За что платят деньги?» (№64, 1941 г.), «Когда же колхоз готовится к севу?» (№65, 1941 г.), «Когда же будет мост через реку Локну?» (№66, 1941 г.), «До каких пор будет беспорядок на ферме?» (№79, 1941 г.), «Когда же, наконец, будет сельмаг?» (№81, 1941 г.), «Куда идут наши займы?», «Когда же будет мост?», «Разводите грибы-шампиньоны!» (№90, 1941 г.) [1].

В годы войны в печати широко используются заголовки в виде восклицательных предложений, которые часто функционируют как призывы для сплочения народа, совместного подвига, труда: *«Разгромим фашистских налетчиков! Ответим на удар врага сокрушительным ударом!» (№100, 1941 г.), «Палачу Гитлеру и его приспешникам не сдобровать!» (№101, 1941 г.), «Победа будет за нами!», «Раздавить гадину!» (№102, 1941 г.), «В военное время – работать с удесятеренной энергией!» (№103, 1941 г.), «Работать так, как комбайнер Ярцев и его бригада!» (№ 137, 1941 г.), «Выполним свой долг перед Родиной!» (№75, 1942 г.), «Все наши силы и знания – на помощь фронту, Родине!» (№102, 1942 г.), «Да здравствует 25-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции, свернувшей власть империалистов в нашей стране и провозгласившей мир между народами всего мира!» (№118, 1942 г.), «К новым победам в бою и в труде!» (№120, 1942 г.), «Отомстим немецким оккупантам за сожженные города и села, за смерть советских людей!» (№132, 1942 г.), «Окажем семенную помощь колхозам освобожденных районов!» (№33, 1943 г.), «Завоеем высокий урожай в 1944 году! Поможем Красной Армии разбить врага!», «Когда откроют баню?» (№8, 1944 г.), «Каждому колхозу – детские ясли и площадку!» (№15, 1944 г.), «Комсомольцы и молодежь, на лыжи!» (№1, 1945 г.), «Когда же, наконец, хлеб будет качественным?», «По-военному проведем сев! Завоеем высокий урожай в 1945 году!» (№14, 1945 г.), «Слава товарищу Сталину!» (№21, 1945 г.), «Когда же будет в Синявино телефон и радио?» (№50, 1944 г.) [7].*

Таким образом, заголовки, представляющие собой вопросительные и восклицательные предложения, привлекают внимание читателя, они будто бы передают эмоции автора: гнев, удивление, радость, раздражение. Вопросы-

тельные заглавия звучат риторически и побуждают читателя заинтересоваться данным текстом, а восклицательные – зачастую звучат как призывы, как лозунги, выражают оценку того, о чем пойдет речь в тексте.

В заключение необходимо подчеркнуть, что грамматические особенности заголовков тех материалов, которые публиковались в районных газетах военного периода, достаточно разнообразны и способствуют как передаче информации, так и привлечению внимания читателей, формированию у них определенного настроения и эмоций. Грамматическое своеобразие газетных заголовков способно претерпевать некоторые изменения в связи с объективными целями, которые стоят перед автором публикации (усиление призывного начала, поддержание боевого духа и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Газеты // Министерство культуры Тульской области: проект памяти Тульского региона «Живи и помни». Электронный ресурс: URL: <https://pobeda71.ru/newspaper/> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Красовская Н.А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 114-128.
3. Ноздрина Л.А. Заглавие текста. Грамматика и смысловые категории текста. М., 1985. 248 с.
4. Практическая журналистика: учеб. пособие / сост. А.В. Колесниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 180 с.

КУДРИНА Елена Вячеславовна (*Луганск, ЛНР, Россия*)

аспирант
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
elena2298@mail.ru

ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается термин «языковая личность» и понятие «вторичная языковая личность». В структуре вторичной языковой личности было выделено три уровня: вербально-семантический, включающий знание системы языка и умение ею пользоваться в различных ситуациях общения; когнитивный, подразумевающий знание понятий, идей, представлений, складывающихся в картину мира; прагматический, т. е. возможность реализовать свои цели, мотивы, интересы, оценки в процессе речевой деятельности. Вторичная языковая личность формируется из языковой картины мира носителей данного языка, которая помогает человеку понять новую социальную действительность и адаптироваться в ней.

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, актуальность, когнитивный, прагматический, вербально-семантический, аспект.

Abstract. The article is about the term "linguistic personality" and the concept of "secondary linguistic personality." In the structure of the secondary language personality, three levels were distinguished: verbal-semantic, including knowledge of the language system and the ability to use it in various communication situations; cognitive, implying knowledge of concepts, ideas, ideas that form a picture of the world; pragmatic, that is, the ability to realize their goals, motives, interests, assessments in the process of speech. The secondary linguistic personality is formed from the language picture of the world of native speakers of this language, which helps a person understand the new social reality and adapt to it.

Keywords: language personality, secondary language personality, relevance, cognitive, pragmatic, verbal-semantic, aspect.

Языковой личностью является носитель того или иного языка, который характеризуется на основе анализа произведенных им текстов посредством определения в них системных средств данного языка. Данный анализ производится с целью отражения носителем окружающей действительности. Идею изучения человека через произведенные им тексты впервые предложил Ю.Н. Караулов [2].

Человек находится в постоянном взаимодействии с языком, поэтому анализ языковых средств является главным путем к изучению индивидуального и коллективного в его сознании, к исследованию языковой картины мира. Данное понятие является важным инструментом для изучения языка в целом.

Языковая личность является одним из важнейших компонентов дискурса, а также включает в себя совокупность эмоциональных, оценочных, психических и других определений. Данные определения проявляют себя в языке посредством языковых средств. Языковой личностью является человек как носитель языка в отношении его способности к речевой деятельности. На данный процесс направлен целый комплекс психоэмоциональных и психофизических свойств индивида. Под данным процессом понимается речевая личность. Совокупность аспектов и особенностей вербального поведения индивида, который использует язык как способ коммуникации, относится к коммуникативной личности. Способность к наличию мировоззренческих установок, поведенческих реакций на те или иные жизненные ситуации, ценностных приоритетов, которые закреплены в словаре, формирует словарную (или этносемантическую) личность [2].

В связи с этим в современной лингвистике появилась большая увлеченность концепцией языковой личности, что, несомненно, является положительным фактором, который свидетельствует о переходе от изучения языка как системно-структурного образования к антропоцентрическому подходу. Соци-

альные условия и роль языковой личности в обществе напрямую связаны с формированием и развитием способности к осуществлению речевых поступков, и данный процесс обусловлен не только субъективными и психологическими факторами. Так как языковая личность предполагает наличие уровневой организации, человек как носитель языка постепенно повышает уровень языковой личности. Далее следует описать основные характеристики вторичной языковой личности. Вторичная языковая личность является совокупностью умений и способностей человека к иноязычной коммуникации на межкультурном уровне. Данное понятие предполагает адекватное понимание и взаимодействие с лицами других культур. Однако при изучении фонетического, грамматического, стилистического и других аспектов речи говорящего нельзя не сказать об исследовании особенностей языковой личности, ведь при исследовании и описании языковой личности за основу берется отражение концептуальной системы личности, а именно, воображение, желание, тезаурус и тому подобные понятия [3].

Вторичная языковая личность формируется из языковой картины мира носителей данного языка, которая помогает человеку понять новую социальную действительность и адаптироваться в ней. Существует несколько компонентов, которые необходимы для формирования языковой личности. К ним относится выработка лингвистических компетенций (теория и знания о языке), коммуникативных компетенций (развитие навыков речевого общения), языковых компетенций (владение языком на практике) и культурологических компетенций (преодоление культурного барьера при акте коммуникации). Следует подчеркнуть, что вторичная языковая личность формируется у носителя языка под влиянием первичной языковой личности. В свою очередь, первичная языковая личность формируется у человека под влиянием родного языка. Само понятие «языковая личность» основывается на сознательной деятельности носителя языка. В первую очередь рассматриваются интеллектуальные особенности и характеристики личности, так как интеллект наиболее значимо выражается в языке.

Человек в современном мире все чаще оказывается в поликультурной среде, сталкиваясь с носителями других языков, что требует освоения иноязычной речи для успешного взаимодействия с представителями других культур.

В 1990-х годах И.И. Халеева ввела термин вторичная языковая личность, и, связав свою концепцию с концепцией Караулова, заявила о необходимости учитывать ее при обучении иностранному языку [5: 278].

Вторичная языковая личность является способностью человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и предполагающая адекватное взаимодействие с представителями других культур. Многие аспекты вторичной языковой личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, прагматический уровни). Различие состоит в том, что уровневая модель предполагает иерархию планов: высшим является прагматический уровень, включающий цели, мотивы, интересы и установки; средний уровень представляет собой картину мира, включающую понятия, идеи и отражающую иерархию ценностей; низший уровень – уровень владения естественным языком, уровень языковых единиц [4: 39].

Так как языковая личность предполагает наличие уровневой организации, человек как носитель языка постепенно повышает уровень языковой личности. Далее следует описать основные характеристики вторичной языковой личности. Вторичная языковая личность является совокупностью умений и способностей человека к иноязычной коммуникации на межкультурном уровне. Данное понятие предполагает адекватное понимание и взаимодействие с лицами других культур. Социальные условия и роль языковой личности в обществе напрямую связаны с формированием и развитием способности к осуществлению речевых поступков и данный процесс обусловлен не только субъективными и психологическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2004. 258 с.
3. Касаткина Н.Н. О формировании вторичной языковой личности // Вестник Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова. 2013. № 4 (26). С. 167-171.
4. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация: сборни статей. М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.
5. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: РАН ИРЯ, 1995. С. 277-286.

КУДРЯВЦЕВА Ирина Петровна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры «Иностранные языки»
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
ikudriavtseva@bk.ru

ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ (на материале филологических исследований последнего времени)

Аннотация. Ученые всесторонне описывали время и продолжают это делать в работах последнего времени. Зачастую в подобных исследованиях рассматривается концепт времени и то, как он представлен в языках разных народов. В сопоставительном плане категория времени исследовалась на материале многих языков, в том числе разноструктурных. Время рассматривается как категория, понятие, концепт, метафора. Мы обращаем особое внимание на то, как исследователи изучали понятие времени в английской и русской языковых культурах в сопоставительном плане. Делается вывод о том, что универсальные характеристики времени совпадают у разных народов, а национальная специфика прослеживается в определенных языковых выражениях.

Ключевые слова: концепт времени, категория времени, русская языковая картина мира, английская языковая картина мира, лингвокультура

Abstract. Scientists have comprehensively described the time and keep on doing it in recent works. Such studies consider the concept of time and how it is represented in various languages. From comparative point of view, the category of time has been studied on the material of many languages, including those of different structures. Time is considered as a category, concept and metaphor. Special attention is given to researchers' studies of the concept of time in the English and Russian language cultures in a comparative way. It is concluded that the universal characteristics of time coincide in different languages, and national specificity can be traced in certain word expressions.

Keywords: concept of time, category of time, the Russian and English language culture.

Понятие времени является базовым в видении мира человеком. Мы воспринимаем, оцениваем, проживаем время и говорим о нем, используя разнообразные языковые средства, включая образные, метафорические выражения. Лингвисты всегда интересовались проблемой времени в языке и тем, как эта категория представлена в других науках, включая философию, психологию и даже физику. Ученые подробно и всесторонне описывали время и продолжают это делать в исследованиях последнего времени [7, 20]. Зачастую в подобных исследованиях рассматривается концепт времени и то, как этот концепт представлен в языках разных народов [5, 10, 12, 14]. В сопоставительном плане категория времени исследовалась на материале английского, испанского и русских языков [3], русского, французского и конголезских

языков [4], кумыкского и английского языков [1], кумыкского и русского языков [18], английского, французского и русского языков [19]. Интересно исследование О.А. Андреевой на материале исчезающей лингвокультуры кетского языка [2].

Образы времени исследовались в сопоставительном плане разных культур: русской и американской [17], немецкой и русской лингвокультур [11].

Время рассматривается исследователями с точки зрения когнитивной метафоры [15]. Время рассматривается как модусный метаконцепт [6]. Метафора времени рассматривается наряду с метафорой пространства и жизни на материале разноструктурных языков [22], на материале поэтических текстов русского и испанского языков [23], а также на материале сонетов У. Шекспира [16].

Отдельным объектом исследования является темпоральная лексика: на материале древнеанглийского языка [21], на материале современного английского языка [13]. Зачастую категория времени рассматривается исследователями вместе с категорией пространства [8].

В своем исследовании концептуализации времени в разных культурах С.А. Чугунова отмечает, что когнитивные модели темпоральности, используемые в качестве индивидуальных опор, мотивирующих поведение индивида (в том числе языковое), являются сложными концептуальными структурами, которые представляют собой продукты переработки многостороннего опыта индивида. Такие репрезентации структурируют как универсальный биологический, так и специфичный лингвокультурный опыт [20: 5]. Л.Н. Михеева делает вывод о том, что универсальное, инвариантное, типологически общее содержание категории времени находит в конкретном языке свое национально-культурное выражение и получает субъективную, аксиологически маркированную интерпретацию в устойчивых языковых и речевых формулах [14: 7].

В данной статье мы обращаем особое внимание на то, как исследователи изучали понятие времени в английской и русской языковых культурах [6, 12, 17]. Исследователь М.Н. Коннова описывает категоризацию темпорального опыта в английском и русском языках и утверждает, что процесс концептуального оформления ценностного сегмента категории времени в картинах мира носителей английского и русского языков обусловлен действием универсального когнитивного механизма метафорического проецирования. В ходе исторического развития в ценностном наполнении этой категории происходят

изменения эталонной ценности: от абсолютной ценности в теоцентрической модели времени до относительной ценности в экономической модели. В современной техноцентрической модели аксиологическая модель оттесняется на периферию, но сохраняет свой потенциал и может быть в любой момент актуализирована [12: 21]. Социальное измерение темпорального опыта отражается в макроконцептах «повседневность» и «праздник». В русской картине мира деаксиологизация темпоральных категорий и концептов начинается значительно позже, чем в англо-американской и происходит под влиянием западноевропейской культуры. Для ословливания перенимаемых темпоральных концептов заимствуются иноязычные лексические единицы, в частности, английские слова и словосочетания темпоральной семантики (например, фестиваль) [12: 11].

Исследователь О.В. Бронникова называет ВРЕМЯ/TIME модусным метаконцептом с кластерной структурой, состоящей из концептов «момент/moment», «настоящее/present», «прошлое/past», «будущее/future», «длительность/duration», «событие/event» и «период/period». Вербализация происходит как на лексическом, так и на грамматическом уровнях и является культурно и национально детерминированной [6: 6]. Осмысление времени на когнитивной метонимической основе представляет собой когнитивную универсалию, которая подтверждается языковым материалом и отличается своей спецификой, связанной с особенностями быта, культуры, окружающей среды, с различными экономическими и политическими убеждениями носителей языка. Например, в английском языке большое количество контекстов опосредуют понимание *момента* как важного события в жизни человека, что не является типичным для носителей русского языка. Культурологические, социальные и субъективные особенности определяют различие когнитивно-дискурсивных контекстов, которые активизируются в рамках частных концептов времени [6: 15]. Автор выделяет основные модели темпоральной интерпретации и устанавливает, что в динамической модели темпоральной интерпретации носителям русского языка свойственны созерцательное отношение к времени и пассивная позиция. В циклической модели темпоральной интерпретации в английском языке переход в новый цикл сопровождается значительными изменениями, тогда как в сознании русского человека этого нет. Пространственный объемный тип темпоральной интерпретации в английском языке представлен сильнее, чем в русском: вертикальное структурирование

времени активизируется в английском языке в большей степени. Циклическая модель в английском языке вербализуется помимо прочего лексемой *clock*, тогда как в русском лексема *часы* не вербализует цикличность; напротив, в русском языке лексема *ночь* отражает цикличность времени, тогда как в английском языке такого типа интерпретации цикличности не отмечено. Исследование основных средств темпоральной интерпретации в русском и английском языках свидетельствует о том, что они кодируют как транскультурные базовые способы восприятия действительности, так и национально-специфические. Наиболее культурно и национально маркированными являются грамматические средства формирования темпоральной интерпретации [6: 24].

Исследователь М.Ю. Девис Сиромолот своей работой подтверждает, что важнейшие элементы образа времени совпадают в русской и американской картинах мира. Языковое сознание и русских, и американцев разделяет время на временные локусы (прошлое, настоящее, будущее), вечность, экзистенциальные понятия, временные промежутки, часы, скорость и ритм, управление временем, эмоциональная оценка. Основные различия в восприятии времени наблюдаются в области культурно обусловленных понятий: дробление времени на временные отрезки, их ценностные и содержательные наполнения, эмоциональная оценка понятий. Линейные и циклические составляющие в сознании носителей русской и американской культур соединены в единый образ. В экспериментальной психолингвистической части исследователь устанавливает, что в американской картине мира на осознанном уровне существуют ценностные предпочтения будущего перед настоящим, а наименьшую ценность представляет прошедшее. Для русской картины мира это: прошлое, будущее, настоящее – по мере убывания ценностной значимости. На менее рефлексивных уровнях для американцев наиболее важным локусом является настоящее, а для русских – будущее [17: 5].

В результате этого теоретического обзора можно сделать вывод о том, что категория времени является актуальным объектом научного описания. Концепт времени универсален, а также можно говорить об универсальности его семантической структуры в разных языках [3: 18]. Исследователи сходятся во мнении, что универсальные характеристики времени совпадают у разных народов, а национальная специфика прослеживается в отдельных случаях и в определенных языковых выражениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдиева Т.И. Временная семантика имени существительного в кумыкском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 23 с.
2. Андреева О.А. Универсальные и идиоэтнические признаки концепта «время» в исчезающей лингвокультуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 20 с.
3. Афанасьева О.В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 23 с.
4. Бансимба М. Концепт время в русской, французской и конголезской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
5. Бардамова Е.А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 41 с.
6. Бронникова О.В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 28 с.
7. Валуицева И.И. Время как металингвистическая категория: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 318 с.
8. Веревкина Т.А. Универсальность и уникальность пространственно-временных представлений русского народа и их отражение в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009. 25 с.
9. Дамбиева Э.Б. Категория времени и ее выражение в бурятском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 172 с.
10. Дударева З.М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «время» в русской и башкирской языковых картинах мира: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 48 с.
11. Емельянова С.М. Сопоставление темпоральных концептов в немецкой и русской лингвокультурах; на примере концептов ZEIT и ВРЕМЯ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 22 с.
12. Коннова М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2018. 52 с.
13. Маховикова Д.В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 24 с.
14. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 36 с.
15. Отырба Е.И. Роль когнитивной метафоры в формировании темпоральной картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 27 с.
16. Персинина А.С. Концепт «время» и образные средства его выражения в сонетах У. Шекспира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 30 с.
17. Сиромолот Девис М.Ю. Образы времени в русской и американской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
18. Султанова Л.Ю. Концепт «время» в кумыкской и русской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 24 с.
19. Ухналева Е.А. Лингвокогнитивные особенности вербализации категории время (на материале английского, французского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2021. 22 с.
20. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2009. 46 с.
21. Чупрына О.Г. Семасиологическое исследование темпоральной лексики древнеанглийского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 33 с.

22. Шералиев С.О. Способы выражения метафор «пространство», «время» и «жизнь» в разноструктурных языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2021. 26 с.

23. Ярославцева М.В. Темпоральные метафоры в языковых картинах мира носителей русского и испанского языков: на материале поэтических текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 25 с.

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.kuznetsova@list.ru

К ВОПРОСУ О КАТОЙКОНИМАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные способы образования катойконимов (названий жителей населённых пунктов) Владимирской области. Выделяются наиболее продуктивные топусуффиксы, отмечается вариативность катойконимов, зафиксированная в современных лексикографических источниках, подчёркивается необходимость описания катойконимов региона в топонимическом словаре Владимирской области.

Ключевые слова: топонимия, топонимический словарь, катойконим, названия жителей, топусуффикс.

Abstract. The article considers the main ways of the oikonyms formation (names of inhabitants of settlements) in the Vladimir region. The study determines the most productive toposuffixes, indicates the variation of the catoiconyms recorded in the modern lexicographic sources. The article notes the need for describing the catoiconyms of the region in the toponymic dictionary of the Vladimir region.

Keywords: toponymy, toponymic dictionary, catoiconym, names of inhabitants, toposuffix.

В настоящее время ведётся работа по созданию топонимического словаря Владимирской области, в котором найдёт отражение информация об ойконимах региона, т. е. названиях населённых пунктов. Одним из элементов плана словарной статьи данного словаря является катойконим, т. е. указание на то, как называются жители конкретного населённого пункта.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, катойконим – это «номен для обозначения жителей по названию места жительства (оттопонимическое образование)» [3: 64].

Образование и использование в речи некоторых катойконимов представляют определённые трудности. Современные исследователи И.Л. Горо-

децкая, Е.А. Левашов [1], Е.М. Поспелов [4], И.В. Тихонова [5] и др. указывают на этот факт. Д.Ю. Ильин и Е.Г. Сидорова, проанализировав работы упомянутых авторов, пришли к выводу, что подобные трудности связаны «действием нескольких факторов: 1) разнообразием словообразовательных моделей, детерминирующих сосуществование вариантных форм; 2) наличием у некоторых дериватов неполной парадигмы (в частности, отсутствие форм единственного числа мужского и / или женского рода); 3) ярко выраженными региональными особенностями оттопонимической деривации» [2: 9].

Рассмотрим особенности образования катойконимов Владимирской области. В первую очередь остановимся на названиях жителей городов. Во Владимирской области насчитывается 23 города. Многие из них являются древними, а некоторые получили статус города лишь в конце XX – начале XXI вв. Следовательно, и катойконимы имеют либо древнее происхождение, либо образованы по продуктивным моделям совсем недавно, а в некоторых случаях и вовсе не устоялись.

Основным источником нормативного образования катойконимов в настоящий момент служит словарь-справочник «Русские названия жителей» И.Л. Городецкой и Е.А. Левашова [1]. В нём представлены катойконимы, мотивированные почти всеми названиями городов Владимирской области. Однако даже наличие подобного справочника не снимает некоторых вопросов относительно образования катойконимов региона.

Многие авторы указывают на то, что топусуффикс **-ец-** является ведущим при образовании катойконимов мужского рода [2: 9]. При этом многие катойконимы женского рода, которые соотносятся с названиями на **-ец**, не используются. Связано это, вероятно, с тем, что используемый для образования данных топонимов суффикс **-к(а)** является слишком многозначным, что обуславливает наличие большого количества омонимичных форм и ненужных ассоциаций. Так, например, известно, что жители Владимира называются *владимирец* и *владимирцы*, в то время как катойконим *владимирка* не употребляется.

Для владимирских катойконимов топусуффикс **-ец** является весьма продуктивным, ср.: **Александров** – *александровцы, александровец*; **Вязники** – *вязниковцы, вязниковец*; **Камешково** – *камешковцы, камешковец*; **Карабаново** – *карабановцы, карабановец*; **Кольчугино** – *кольчугинцы, кольчугинец*; **Костерёво** – *костерёвцы, костерёвец*; **Меленки** – *меленковцы, меленковец*;

Лакинск – лакинцы, лакинец; **Собинка** – собинцы, собинец; **Струнино** – струнинцы, струнинец; **Судогда** – судогодцы, судогодец. Для всех указанных названий форму женского рода авторы словаря «Русские названия жителей» не дают. Вариативно представлено в данном справочнике образование катойконимов от следующих названий: **Петушки** – петушинцы, петушинец; петушковцы, петушковец [1: 230]; **Суздаль** – суздальцы, суздалец; суздаляне, суздалянин, суздалянка; суздальчане, суздальчанин, суздальчанка [1: 276]; **Юрьев-Польский** – юрьевпольцы, юрьевполец; юрьевцы, юрьевец [1: 341].

Многие современные исследователи указывают на возросшую продуктивность в образовании катойконимов топосуффикса **-чан(ин)**. Подтверждением данному тезису может служить тот факт, что наряду с давно используемыми катойконимами, образованными от топонимов **Гороховец** (гороховчане, гороховчанин, гороховчанка), **Гусь-Хрустальный** (гусевчанин, гусевчанка, гусевчане), **Ковров** (ковровчане, ковровчанин, ковровчанка), **Покров** (покровчане, покровчанин, покровчанка), **Киржач** (киржачане, киржачанин, киржачанка), в катойконимах так называемых «молодых» городов вместо продуктивного топосуффикса **-ец** используется формант **-чан(ин)**, например: курловчане (жители города **Курлово**).

При этом в словаре «Русские названия жителей» для большей части катойконимов на **-чан(ин)** даются варианты формы с **-ец**: **Гусь-Хрустальный** – гусевцы, гусевец; **Ковров** – ковровцы, ковровец; **Покров** – покровцы, покровец; **Киржач** – киржачцы, киржачец и даже киржак, киржаки. Наличие вариантов форм объясняется тем, что некоторые из них употреблялись когда-либо в прессе. Именно на контексты из различных газет опираются авторы указанного словаря. При этом можно проследить, что издания, дающие вариант с **-ец** более ранние, нежели те, в которых фиксируется катойконим на **-чан(ин)**.

Думается, что нормативность образования катойконимов не всегда может быть определена с опорой на данные печатных или аудиовизуальных СМИ. Так, единственным вариантом катойконима от названия **Покров** в словаре «Русские названия жителей» значится **покровцы, покровец**, в то время как сами жители предпочитают называть себя **покровчане, покровчанин, покровчанка**, о чём свидетельствуют публикации и обсуждения в социальных сетях.

Менее продуктивным является топонимический суффикс **-лян(ин)**, который во Владимирской области представлен катойконимом, образованным от названия **Муром** – *муромляне, муромлянин, муромлянка*. При этом в словаре «Русские названия жителей» даются варианты *муромцы, муромец* и *муромчане, муромчанин, муромчанка*, хотя сами жители называют себя *муромляне*.

Уникальным для Владимирской области можно считать топонимический суффикс **-ан(ин)**, с помощью которого образуется катойконим от названия города **Радужный**: *радужане, радужанец, радужанка*. В словаре «Русские названия жителей» даются варианты *радужнинцы, радужнинец*, не употребляемые по отношению к жителям города во Владимирской области. Есть основания полагать, что в данном словаре речь идёт о другом топониме – названии города в Ханты-Мансийском автономном округе (географическое указание на регион относительно городов в справочнике отсутствует).

Говоря о названиях жителей населённых пунктов, следует помнить, что кроме катойконимов в речи активно употребляются описательные обороты: *киржачский, киржачская, он(она) из Киржача* и пр. Описательные наименования, восходящие к относительным прилагательным, употребляются и в отношении названий жителей сельских поселений, ср.: **Алфёрово** – *алфёровский*, **Дворишнево** – *дворишеновский*, **Овсянниково** – *овсянниковский* (*овсянниковский*), **Заястребье** – *сельский*. При этом очевидно, что изменения производящей основы, происходящие в данном случае при образовании катойконима, требуют отдельного исследования.

Итак, вопрос о катойконимах Владимирской области требует дальнейшего изучения, а сами названия местных жителей нуждаются в лексикографическом описании. При этом установление нормы, что неразрывно связано с закреплением данных единиц в соответствующем словаре, целесообразно соотносить с узуальным употреблением самоназваний в речи местных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: словарь-справочник. М.: Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. 363 с.
2. Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №3(27). С. 7-14.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.

4. Пospelov E.M. Географические названия мира. Топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель : АСТ, 2002. 512 с.

5. Тихонова И.В. Суффиксы существительных, называющих лиц по месту жительства: к проблеме сочетания с мотивирующей основой: Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец, 1996. 150 с.

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич
(Витебск, Республика Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
anton_lavitski@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вербализации *чести*, *достоинства* и *деловой репутации* как одних из ключевых субъективных прав личности и категорий понятийного аппарата современной судебной лингвистической экспертизы текста. На наглядных примерах представлены возможности дифференциации понятий *чести* и *достоинства*, часто рассматриваемых в системе права как синонимичные феномены, что не соответствует процессуально-следственным и судебным нормам квалификации противоправного деяния. На материале белорусского национального законодательства обозначены проблемы в понимании деловой репутации и предложено разрешение терминологической лакуны посредством использования общелингвистической трактовки прилагательного «деловой».

Ключевые слова: юрислингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, честь, достоинство, деловая репутация.

Abstract. The article studies the features of the verbalization of *honor*, *dignity* and *business reputation* as ones of the key subjective rights of the individual and categories of the conceptual apparatus of modern forensic linguistic expertise of the text. Illustrative examples show the possibilities of differentiating the concepts of *honor* and *dignity*, which are often considered in the system of law as synonymous phenomena, that does not correspond to the procedural, investigative and judicial standards of the qualification of an unlawful act. Based on the material of the Belarusian national legislation, problems in understanding *business reputation* are identified and a resolution of the terminological gap is proposed through the use of a general linguistic interpretation of the adjective "business".

Keywords: legal linguistic, forensic linguistic expertise, honor, dignity, business reputation.

В правовой системе понятия *честь*, *достоинство* и *деловая репутация* относятся к фундаментальным нематериальным субъективным правам личности. Для судебной лингвистической экспертологии данные категории имеют

особую значимость как объекты специального исследования текста на предмет наличия в его содержании признаков клеветы.

В терминологическом аппарате современной юрислингвистики, подотраслью которой является судебная лингвистическая экспертиология, а также в системе тезауруса самого правоведения обсуждаемые феномены не нашли должного осмысления. Речь в данном случае идет о двух важных аспектах: 1) честь и достоинство часто понимаются одинаково: «семантически они достаточно тесно связаны, через призму некоторых значений выглядят как синонимы, пересекаются, порой объясняются одно через другое» [1]; 2) в юридической трактовке деловая репутация рассматривается только в призме оценки хозяйственной и финансово-распорядительной деятельности работника.

В первом случае обращает на себя внимание тот факт, что определения чести и достоинства не обнаруживаются в законодательных актах. В то же время юридические и лингвистические толковые лексикографические издания зачастую непоследовательны в трактовках рассматриваемых категорий. Сравним Большой юридический словарь: «Честь – категория, означающая моральную оценку человека обществом, а также самооценку» [2: 631]; «Достоинство – морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности» [2: 237] и Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой: «Честь – моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих» [3: 521]; достоинство – «1) положительное качество, 2) внешнее проявление уважения к себе» [3: 284]. Приведенные примеры еще раз подтверждают наличие терминологической лакуны, суть которой состоит в отсутствии четких критериев дифференциации чести и достоинства. Для следствия и судебного процесса это имеет серьезное правовое значение, ибо *честь* и *достоинство*, хотя и «имеют общеправовую характеристику <...>, разняться по механизму и объему правовой защиты» [4: 13]. Кроме того, данная проблема создает определенные трудности и судебного исследования текста.

Разграничить *честь* и *достоинство* помогает подход, при котором первая категория рассматривается как совокупность морально-нравственных и этических качеств личности в призме их оценки окружающими, а достоинство – самооценка этих характеристик. *Честь* вербализуется в форме речевых коннотаций личностных качеств объекта речевой агрессии: *Ты подлый и негодный человек; Иванов наглый и бесчестный человек*. Языковая эксплика-

ция достоинства подразумевает наличие указаний самой личности на свой положительный морально-нравственный образ, который негативно нивелируется или отрицается адресантом конфликтогенного высказывания: *Иванов говорил, что он искренний и добрый человек, но это полное вранье; – Я заботливая мать. – Чушь! Ты никогда такой не была.* Иными словами, к важнейшим признакам нарушения права на честь относится наличие в тексте 1) указаний на объект речевой агрессии (то есть адресованность), 2) вербализация его негативных личностных характеристик. При покушении на достоинство, кроме информации об 1) объекте, в тексте должны быть отражены 2) его положительная саморепрезентация и 3) отрицание последнего автором спорного речевого акта. Таким образом, в отличие от чести, нарушение достоинства может быть реализовано только при первичной позитивной самовербализации образа объекта речевой агрессии.

В практике судебного рассмотрения дел, сопряженных с защитой чести и достоинства, встречаются случаи, когда истец исходит из понимания факта умаления своих прав на основе личной интерпретации услышанного или прочитанного. Однако чаще всего в таких случаях речь идет о возможном посягательстве только на честь. Приведем два примера: А. *Во время теледебатов кандидатов в депутаты Петрова и Семенова последний заявил: «Мой сегодняшний оппонент лжец, лицемер и пустобрех».* После выхода передачи в эфир Петров обратился в суд с иском о защите чести и достоинства и потребовал привлечь Семенова к административной ответственности. Не вдаваясь подробно в методологические аспекты проведения судебной лингвистической экспертизы, в данном случае мы попытаемся только разрешить вопрос о том, какие именно права могли быть задеты в конфликтогенном высказывании. Так, очевидно, что в тексте адресант (Семенов) характеризует адресата (он же объект речевой агрессии, Петров) негативно, посредством использования таких отрицательных морально-нравственных качества как *лжец, лицемер и пустобрех*. При этом в речевом материале отсутствуют какие-либо указания, на то, как себя самопрезентует Петров. То есть речь идет о возможном умалении только чести. Пример Б. *Во время теледебатов кандидатов в депутаты Петрова и Семенова первый заявил: «Голосуйте за меня. Вы все знаете, что я честный и искренний человек».* Семенов парировал данное высказывание следующим образом: *«Полная ерунда! Петров – это синоним лжи, лицемерия и безответственности».* После выхода пере-

дачи в эфир Петров обратился в суд с иском о защите чести и достоинства и потребовал привлечь Семенова к административной ответственности. В данном примере также присутствует вербализация Семеновым отрицательного морально-нравственного образа Петрова посредством приписывания ему таких характеристик, как лживость, лицемерие и безответственность. Однако первично в тексте представлена положительная самоконнотация Петрова через понятия честности и искренности, которые являются компонентами достоинства человека. Отрицая данное утверждение, Семенов, очевидно, может задеть данное субъектное право гражданина. Таким образом, в тексте присутствуют признаки нарушения достоинства. В то же время в ответной реплике Семенова содержится не только несогласие с представленным самообразом Петрова как честного и искреннего человека, но и декларирование его безответственности. То есть, кроме умаления достоинства, в спорном речевом акте присутствуют и признаки нарушения права на честь.

Понятие *деловой репутации* также относится к проблемным с точки зрения отражения его сущности в белорусском законодательстве. Так, в прецедентных разъяснениях Верховного и Высшего Хозяйственного судов указывается, что деловая репутация – это «положительная оценка хозяйственной (экономической) деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота, формирование и поддержание которой способствует осуществлению предпринимательской деятельности». Исходя из такого узкого понимания проблемы, в белорусском национальном праве возникает определенная коллизия: «носителями такого блага, как деловая репутация, являются только субъекты, занимающиеся предпринимательской, хозяйственной деятельностью» [5: 14]. Это очевидно не соотносится с общеправовым смыслом деловой репутации как фундаментального субъектного права. В представленном понимании речевые высказывания *Вы неграмотный учитель, Он некомпетентный врач, Она безалаберный работник, Ты бездарный специалист* и т. д. вообще не могут быть предметом правового разбирательства, ибо в их содержании не отражается информация об объекте речевой агрессии как субъекте финансово-хозяйственной деятельности.

Сложившаяся ситуация, с нашей точки зрения, связана с узким пониманием прилагательного *деловой* как соответствующего понятию *коммерческий*.

По сути же, сематическую основу категории «деловой» должна составлять общелингвистическая трактовка: «относящийся к общественной, служебной деятельности, к работе» [6]. Следовательно, термин «деловая репутация» будет приближен к понятию профессиональной активности и рассматриваться как совокупность профессиональных и / или служебных качеств личности, «отраженная в сложившемся у окружающих (общераспространенном) мнении» [7: 23] и / или у работодателя.

Таким образом, триада «честь, достоинство и деловая репутация» как субъектные права личности и гражданина, чаще всего, умаляются в процессе речевой деятельности, что обуславливает проведение судебной лингвистической экспертизы текста по соответствующим уголовным и административным делам. Однако терминологически рассматриваемые категории не определены в законодательстве, что приводит к проблемам в их различении и субъективности в понимании сущностного характера.

С позиции современной судебной экспертологии честь и достоинство вербализуются в речевой деятельности как указание на морально-нравственные и этические качества, присущие кому-либо (честь) или самому себе (достоинство). Феномен деловой репутации имеет проблемное понимание в белорусском национальном праве, так как сужает свое значение к трактовке прилагательного «деловой» как синониму «коммерческий», что не в полной мере отражает права на положительную оценку служебных характеристик, профессионализма и трудовых компетенций личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парыгина Н.Н. Деловая репутация в системе нематериальных благ [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2017/1/law/parygina.pdf. Дата доступа: 12.06.2022.
2. Малько А.В. Большой юридический словарь. М.: Проспект, 2009. 656 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 639 с.
4. Рыбина Е.О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2009. 241 с.
5. Романова О.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах. Минск: Амалфея, 2007. 186 с.
6. Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>. Дата доступа: 10.02.2023.
7. Килинкоров В.В. К вопросу о понятии деловой репутации в российском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 14. Вып. 1. С. 16-30.

ЛАЗУТКИНА Елена Михайловна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
lazutkelen@yandex.ru

О НОРМАХ КОМПОЗИЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению возможностей грамматической системы русского языка при формировании композиционной семантики предложения. Автор рассматривает два коммуникативно-смысловых типа конструкций: модели предложений с событийными глаголами и их дериваты – предложения со значением факта. На примере деривационной сети событийных предложений описываются внутримодельные модификации: такие способы распределения содержательной нагрузки между компонентами модели предложения, как образование нулевой синтаксической позиции и включение семантики члена предложения в значение предиката.

Ключевые слова: теория синтаксиса, композиционная семантика предложения, прагматические механизмы языка, морфосинтаксис.

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of the grammatical system of the Russian language in the formation of the compositional semantics of the sentence. The author considers two communicative and semantic types of constructions: models of sentences with event verbs and their derivatives - sentences with the meaning of fact. Using the example of a derivational network of event sentences, intramodel modifications are described: such ways of distributing the content load between the components of the sentence model as the formation of a zero syntactic position and the inclusion of the semantics of the sentence member in the predicate value.

Keywords: syntax theory, compositional semantics of a sentence, pragmatic mechanisms of language, morphosyntax.

1. Введение. Исторически сложившиеся синтаксические образцы обусловлены интерпретативными процессами и коллективным опытом использования языка. Модели предложений обнаруживают эпистемическую оценку, социальные и культурологические предпочтения носителей языка.

Модель предложения закрепляется в системе со стилистически нейтральным порядком слов. Выбор *темы* как наиболее важного компонента высказывания рассматривается нами как оценка говорящими свойств носителя предикативного признака. Категориальным свойствам имени в позиции субъекта соответствуют категории предиката.

Главным инструментом анализа семантики модели предложения является понятие *синтаксической позиции формы слова*, введенное в теорию

синтаксиса Т.П. Ломтевым и названное им главной единицей смысловой организации предложения [2: 22]. Это понятие показывает, что модель предложения связана с миром знания через содержательные структуры языка высокой степени абстракции – посредством отнесенности форм слов особой категориальной семантики в особой синтаксической позиции к определенному макро-семантическому разряду лексики, а значит, к когнитивной категории, концепту.

Рассмотрим способы формирования композиционной семантики моделей предложения, обозначающих *события* и *факты*.

2. Композиционная семантика предложений, организованных событийными глаголами. Термин «событийные» мы употребляем потому, что эти глаголы обозначают переход агенса или пациенса из одного состояния в другое, безотносительно видовой корреляции [3]. Инвариантным значением глаголов и, соответственно, организованных ими моделей предложений является их сигнификативное ядро – ‘локально направленное действие на объект, имеющее своим следствием полноту его охвата (итоговую смежность средства воздействия и объекта)’; например: *Она [Маргарита] аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, перевязала лентой* (М. Булгаков); *Дамы увешивали грудь и шею бриллиантами, а любители считать чужие богатства вычисляли их стоимость* (К.С. Станиславский). Этим значением обеспечивается деривационная связанность моделей предложений, и это позволяет объединить глаголы в один синтагматический класс.

Если функционально-семантическая категория предиката «диатеза» имеет в своей основе корреляцию предложений с гомоморфными глаголами, то категория «синтагматический класс» принадлежит к более сложному типу категорий: она объединяет глаголы разных лексико-семантических групп.

Сигнификат модели предложения с двухвалентным каузативным глаголом состоит из следующих компонентов: *субъект действия* (тема), *предикат*, *объект* (имя в винит. пад. со знач. места) и *адъект* (средство воздействия, каузатор, названное словоформой в твор. пад.; это локализуемая субстанция, облигаторный член предложения); например: *Мы засеяли поле гречихой*. Эксплицитность выражения всех членов мыслительного конструкта этого события дает основание говорить об иконичности, изоморфизме данной модели – при понимании иконичности как подобия означаемого и означающего. Это дает основание признать эту модель исходной в деривационной цепи: она

может быть использована как перифраза при определении значения других моделей.

Преобразования состава модели – предложения с нулевым и инкорпорированным компонентом в твор. пад. – возможны в двух случаях.

1) Если формируется **нулевая позиция** и глагол указывает на некий обобщенный объект, включает значение всех возможных распространителей в твор. пад.; например: *Мать покрыла голову* (платком, косынкой, шарфом?).

Важную роль в образовании нулевой позиции играет значение глагола и семантика словоформы в вин. п. со значением места, которая сужает круг возможных распространителей глагола и делает необязательным заполнение позиции в твор. пад.; например: *загружать печь, домну; заваливать печь; заваривать трубу; задраивать иллюминатор; запаривать ткань; обмуровать котел; окуривать поля; опрыскивать лес.*

Глаголы СВ, обозначающие непроизвольное действие, имеющее своим следствием нежелательный результат, обычно употребляются с нулевым распространителем; ср.: *Объясни, почему не сел в кресло? – спросил Пилат. – Я грязный, я его запачкаю, – сказал Левий, глядя в землю* (М. Булгаков). Сфера их использования – разговорная речь или просторечие; например: *вывозить платье, залить скатерть, обмусолить фартук, заплескать пол, обкапать блузку.* К этой же группе примыкают эвфемизмы.

2) Если семантика имени со значением средства воздействия конкретизируется в глагольной лексеме. Это отыменные глаголы, накладывающие своим словообразовательным значением лексический или лексико-семантический запрет на появление сильноуправляемой словоформы в твор. пад.; например: *Бегемот отрезал кусок ананаса, посолил его, поперчил* (М. Булгаков).

Значение основы глаголов с включенным объектом поддерживается и дублируется следующими префиксами: *вы-, за-, из-(ис-), на-, о-(об-), по-, про-*. Значение каузации передается глагольными суффиксами *-и-, -ова-(-ева-), -изова-, -ирова-, -изирова-*; например: *асфальтировать, бальзамировать, глазуровать, лачить, штукатурить.* Синонимия некоторых префиксов способствует возникновению вариантов; например: *выбутить, забутить, набутить фундамент; загрнтовать, нагрнтовать холст.*

Запрет на повтор делает невозможным появление в предложении однокоренного слова в твор. пад., но появление тематически близких слов не счи-

тается нарушением нормы; например: *обсалить фартук маслом* (но не **обсалить фартук салом*), *наваксить обувь гуталином* (но не **наваксить обувь ваксой*), *нафаршировать колбасу ливером* (но не **нафаршировать колбасу фаршем*).

Природу таких словосочетаний можно объяснить тем, что глагол в процессе своего функционирования приобретает отвлеченное значение доминанты своего поля; включенный объект лишь сужает его значение, но синтаксически значимая сема сохраняется, поэтому средство воздействия может конкретизироваться неоднокоренными словами или однокоренными с определением, несущим новую информацию; например: *бинтовать палец узким бинтом, замелить вытачку розовым мелком, мазать ранку новой мазью; Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями* (Н. Гоголь); *После – под звон телефона – Посыльный конверт подавал, Надушённый чужими духами* (А. Блок); *Афраний вынул из-под хламиды заскорузлый от крови кошель, запечатанный двумя печатями* (М. Булгаков); *Ему [Ивану] стало сниться, что солнце уже снижалось над Лысой горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением* (М. Булгаков).

Данные преобразования характерны и для моделей-дериватов с глаголами-автокаузативами (синтаксическая позиция имени в твор. пад. и постфикс -ся функционально тождественны): *душиться, краситься, пудриться, покрыться, румяниться, шнуроваться*.

Модель безличного предложения показывает те же варианты представления каузатора – имени в твор. пад. – в виде нулевого или инкорпорированного компонента; например: *Губы обметало* (лихорадкой); *Горло обложило; Дорогу заснежило*. Обратный порядок слов характерен для результативных и стативных конструкций.

Такие же внутримодельные модификации в производной модели со значением 'непроизвольное изменение состояния субъекта под воздействием стихийного каузатора' (ср. образец: *Пруд тронулся ледком*); например: *Корка заплесневела; Ветки заиндевели; Свечи оплывали в канделябрах* (возможный распространитель – воском).

3. Композиционная семантика предложений со значением факта.

Если событийный предикат своими характеристиками дает представление о нюансах протекания действия во времени, пространстве и о его участниках, то в предложении-суждении о факте нет этой информации. Сохраняя свое стро-

ение, предложение перестает обозначать динамичный процесс. См.: «[Факт] не может оторваться от смысла и логической структуры той пропозиции, в которой он берет свое начало. Именно пропозиция очерчивает границы факта» [1: 499].

При этом сообщение о факте всегда содержит оценки носителей языка или метафоры конкретного субъекта речи.

На релятивное значение предложения указывает изменение категориальной семантики имен в субъектной позиции, нарушение семантического согласования имени и глагола. Если в исходной модели в субъектной позиции были одушевленные или вещественные имена, то в суждении о положении дел в позиции субъекта имя существительное предметной или пропозитивной семантики. Характеристики предиката также претерпевают изменения: глагол теряет сему акциональности, морфологическую гибкость, видовую корреляцию – употребляется как глагол НСВ. Бытийный компонент значения в глаголе обуславливает в модели обратный порядок слов как стилистически нейтральный; например: *Пустую **вырубку** окружали голенастые ели и сосны* (Б. Пастернак); *Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь **берег заливала луна*** (М.А. Булгаков); *Тарасов поглядел назад: **Вихлевки** отсюда не видать, **ее закрывал бугор*** (Б. Екимов).

Вывод. Грамматическая система русского языка имеет большой арсенал способов формирования композиционной семантики предложения, распределения содержательной нагрузки между членами модели в соответствии с нормами правильной оформленности предложения. При трактовке реальных процессов как событий или фактов механизмы лингвистической прагматики обеспечивают смысловую координацию имени и глагола, варьируют характеристики членов семантической структуры предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. 896 с.
2. Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. М.: 1960. № 4. С. 15-28.
3. Daneš F. Pokus o strukturní významy českého slovesá // Slovo a slovesnost. Praha: 1971, № 3. S. 197-207.

ЛАНСКАЯ Ольга Владимировна (Липецк, Россия)

кандидат филологических наук, учитель
Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение средняя школа № 14 г. Липецка
o.vlad.lanskaja@ Rambler.ru

ГЕРОЙ В ПРОСТРАНСТВЕ БЫТИЯ (на материале стихотворения Ю.П. Кузнецова «Сказание о Сергии Радонежском»)

Аннотация. В статье исследуется языковое воплощение пространства в стихотворении Ю.П. Кузнецова «Сказание о Сергии Радонежском». Представлен анализ смыслов, восходящих к ключевым словам *герой*, *победа*, *святой* и другим, которые входят в лексико-тематические группы «пространство», «животные – птицы», «герой», «граница». Данные лексические единицы связаны с противопоставлениями «земля – небо», «свет – потусторонний мир», «свой – чужой», «добро – зло». Пространство, представленное в тексте, реальное, историческое, мифологическое, потустороннее, объясняет характер героя, защитника Отечества.

Ключевые слова: символ, миф, сема, словосочетание, пространство, время.

Abstract. The article examines the linguistic embodiment of space in Yu.P. Kuznetsov "The Legend of Sergius of Radonezh". An analysis of the meanings ascending to the key words hero, victory, saint and others, which are included in the lexical-thematic groups "space", "animals - birds", "hero", "border", is presented. These lexical units are associated with the oppositions "earth - sky", "light - the other world", "one's own - someone else's", "good - evil". The space presented in the text, real, historical, mythological, otherworldly, explains the character of the hero, the defender of the Fatherland.

Keywords: symbol, myth, seme, phrase, space, time.

Пространство – одна из основных категорий в художественном тексте, так как вне его герой существовать не может. В тексте моделируются разные типы пространства: реальное, историческое, мифологическое, библейское и другие. Пространство определяет тему и идею произведения, связано с его проблематикой.

Название стихотворения «Сказание о Сергии Радонежском» (1980) обращает нас к страницам истории, к эпическому началу, зафиксированному в русской литературе. По поводу заглавий своих произведений Кузнецов говорил: «Почти во всех названиях моих книг выражены своеобразные поэтические манифесты, связанные прежде всего с ощущением пространства» [8: 145]. Чтобы раскрыть смыслы, связанные со словосочетанием, вынесенным в название, объясним значение слова *сказание*. Данная лексическая единица восходит к глаголу *казать*, имеет семы 'говорю', 'приказывать', 'читать', 'про-

поведь', 'учит', 'наставляет', 'знак' [10: 2, 159]. По В.И. Далю, сказанье «разсказъ, повесть, преданье» [3: IV, 190] то, что передается из уст в уста на протяжении длительного времени.

Важно и использование имени святого – *Сергий Радонежский*, одного из собирателей Русских земель.

В стихотворении «Сказание о Сергии Радонежском» говорится о событиях далекого прошлого. Построено данное произведение на противопоставлениях «земля – небо», «свет – потусторонний мир», «свой – чужой», связанных с лексико-тематической группой «пространство», в которую входят следующие слова: *свет, поля, деревья, дубы (в дубах), земля, окрест, небеса, звезда, луна*. С данной группой коррелирует лексико-тематическая группа «стороны света» со словами *восток, закат*.

Пространство, представленное в тексте, мифологическое, историческое и одновременно реальное. Происходит совмещение разных миров, нарушаются границы между своим и чужим, рушится дом. Вся природа трепещет от ужаса. Разрушается вертикаль «земля – небо», происходит превращение мира реального в потусторонний:

*Когда все на свете тебе надоест,
Неведомый гул нарастает **окрест** –
То сила земная.*

***Деревья** трясутся, и меркнет **луна**,
И раму выносит крестом **из окна**,
Поля осеня [7: 5].*

В лексико-тематическую группу «граница» входят слова *слева, справа, окно, рама*, которые по-особому структурируют пространство. Крест рамы воспринимается как оберег дома, осеняющий все пространство.

В мире разбушевавшейся стихии появляется всадник на белом коне, принадлежащий небу, сопровождаемый погибшими за свободу Отечества, продолжается столкновение добра и зла. При этом реальное пространство и запредельное разделить невозможно. События прошлого оживают во времени. Герои продолжают сражаться. Это вечный бой:

***Земли** не касаясь, **с звездой** наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,*

И вороны – волки, и клочья, и дым –

Вся вечная слава [7: 5].

Пространство прошлого, ставшего настоящим, создается с помощью слов *дым, огонь, клочья, слава*, словосочетания *дыры от ран*, которые входят в лексико-тематическую группу «трагедия войны»:

Как филины, ухают *дыры из ран*,

В дубах застревает *огонь* и *туман*

Затекшего следа [7: 5].

Особые смыслы связаны со словом *дым* (в значении «летучее вещество, отделяющееся при горении тела» [3: I, 506]), которое имеет семы 'туман', 'пар', а также 'мужество', 'страсть' [10: 1, 558]. *Клочья* (от *клок*) толкуется как «вырванная или отделенная отъ чего часть, пучекъ» [3: II, 120], то есть приобретает семы 'разрушение', 'несчастье', 'неистовство сражения', 'смерть'.

Слава (в значении «как кто слыветь, прослыль в людяхъ; молва, общее мнение о комъ, о чемъ, известность по качеству» [3: IV, 215]) обладает семами 'честь', 'похвала', 'слух', 'молва', 'почет' [10: 3, 664]. Данная лексическая единица объясняет отношение к подвигу героев, соотносится с таким понятием, как «добрая память о защитниках Отечества».

Сама природа помогает воинам, что зафиксировано в ряде ключевых слов *конь, волк, ворона, филины, вороны-волки*, входящих в лексико-тематическую группу «животные – птицы». Перечисленные номинации символичны. Волк – «символ злобности, ненасытности» [11: 77]. Известно также, что волк воспринимается в качестве «посланца иного, потустороннего мира (как Божьего, так и загробного и демонического)» [1: 85], что покровителем его считается святой Георгий [1: 86].

С образом волка в славянской мифологии связан образ ворона, вещицы птицы, владеющей тайнами запредельного. Она «предсказывает смерть, нападение врагов, в былинах дает советы героям» [2: 90, 91], принадлежит царству мертвых. Ворон может превращаться в волка, а волк – в ворона.

Колдовской птицей считали и филина, которая также предвещала смерть [11: 130].

Символичен и образ коня, который воспринимался как знак «бесстрашия, военной доблести и славы» [11: 90]. Особое внимание следует обратить на его масть. Так, «белый (золотой) конь был атрибутом Господа Бога, Юрия-Егория» [9: 246]. Белый конь связан с небом, солнечными героями, которые

воспринимаются как «выражение добрых человеческих устремлений в ... повседневных трудах и борьбе с трудностями ...» [6: 98].

Как уже было сказано, один из главных героев стихотворения – всадник на белом коне. Он обладает беспримерным мужеством, сильной волей, убежден в победе. При описании его поэт использует ключевое слово *лик*, которое «понимается как идеальный прообраз» [4: 591]:

*Глядит его лик на восток и закат,
Гремит его глас, как громовый раскат:
«Победа! Победа!»* [7: 5].

Чувство уверенности, несмотря на ощущение обреченности, приобретает и лирический герой, когда следует за всадником на белом коне. Спасает его вещее слово – *победа*, которое имеет следующее значение: «осиливать, одолевать, превозмогать, побороть, смирать, покорять, подчинять себе, одержать верхъ, совладать» [3: III, 139]. По В.В. Колесову, победа – это «преодоление **беды силой в бою** или **борьбе** путем **смирения** и подчинения силы враждебной» [5: II, 28]:

Данные примеры свидетельствуют о том, что особые смыслы связаны со словосочетаниями *пыль с Куликова*, *вещее слово*. Словосочетание *пыль с Куликова* напоминает о событиях далекого прошлого – Куликовской битве; *вещее слово* – о слове, которое связано с образом мудреца, пророка [10: 1, 309]:

*Уйдёшь от подковы – копыто найдет,
Угнёшься от ворона – волк разорвёт,
А буря размечет
Но если ты кликнешь на все голоса:
«Победа! Победа!» – замрут небеса
От вещего слова.
На полном скаку остановится конь,
Копыта низринут туманный огонь –
То **пыль с Куликова!*** [7: 5]

Появление героя в пространстве мифа и реальности – событие, которое имеет влияние на весь ход истории, на судьбу народа как единого целого:

*Ни рано ни поздно приходит **герой.**
До срока рождается только **святой** –
Об этом недаром*

Седое сказанье живет испокон... [7: 6].

Ключевое слово *герой* обозначает человека, который «совершает героические деяния во имя народа, в силу чего становится примером для подражания» [5: I, 151].

О необходимости создания такого образа говорил сам автор: «Если рано придет герой, его не услышат; поздно – он уже не исполнит до конца своей миссии. < ... > Мы все в последние годы испытывали тоску по герою, по личности, по имени. Именно сейчас нам нужны люди решительных поступков, обладающие высокой силой духа» [8: 145].

По поводу образов, созданных в стихотворении, Кузнецов говорил следующее: «Святой – предтеча. Он всегда появляется раньше героя. Он < ... > наставник народа» [7: 10]. И еще: «Он родился до срока, чтобы подготовить почву для народного пробуждения» [7: 10]. Таким человеком был Сергей Радонежский, один из особо почитаемых в России святых.

Итак, герой в пространстве бытия – это человек в кризисное время, готовый принести себя в жертву во имя спасения Родины, что нашло отражение в ключевых словах *победа, святой, герой*, словосочетаниях *погибшие рати, вещее слово* и др., восходящих к противопоставлению «добро – зло», к понятиям «память», «вера», «любовь к Отечеству».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гура А.В. Волк // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 85-87.
2. Гура А.В. Ворон // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С.90-92.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
4. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 703 с.
5. Колесов В.В., Колесова В.Д., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. С.-Петербург: Златоуст, 2014.
6. Копалинский В. Словарь символов. Калининград: «Янтарный сказ», 2002. 267 с.
7. Кузнецов Ю.П. Стихотворения и поэмы. Составитель и автор комментариев Евгений Богачков. Том 4. 1980 – 1991. М.: Литературная Россия, 2011. 392с.
8. «Мир мой неуютный...» (интервью с Юрием Кузнецовым; беседу вел В.В. Огрызко) // Альманах «ЛитРос», № 10, 2009, с. 145.
9. Петрухин В.Я. Конь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 245-247.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.
11. Шейнина Е.Я. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торгсинг», 2003. 591 с.

ЛОБЕЕВА Мария Сергеевна
(Санкт-Петербург, Россия)

студент
Санкт-Петербургский государственный университет
st089474@student.spbu.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна
(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

**УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ СЕРДЦЕ
В РУССКОМ ОБИХОДНО-ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVI-XVII ВВ.
(структурно-семантический аспект)**

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI-XVII веков»

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сочетания с компонентом «сердце» в текстах обиходно-деловой письменности русского языка XVI-XVII вв. Предлагается систематизация этих выражений с точки зрения семантики, выражаемой оценки и структуры для дальнейшего представления в историческом фразеологическом словаре дифференцированного типа.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, фразеологический словарь, обиходно-деловой язык, сердце.

Abstract. The article deals with set combinations with the "heart" component in the texts of everyday and business writing of the Russian language of the 16th-17th centuries. It is proposed to systematize these expressions in terms of semantics, expressed evaluation and structure for further representation in a historical phraseological dictionary of a differentiated type.

Keywords: set combination, phraseological dictionary, colloquial and business language, heart.

Соматические фразеологизмы в целом, а соматизмы с компонентом *сердце* в особенности, привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Эти единицы изучаются в разных аспектах, преимущественное внимание уделяется сопоставительному изучению семантики и функционирования идиом в различных языках, лингвокультурологическому исследованию фразеологизмов [см., например, работы Алексеевой 1996, У Шу Хуа 2007, Бердиевой 2013, Вишленковой и Коротовой 2018 и многих др.]. Обращает на себя внимание тот факт, что исследователи часто рассматривают вместе

компоненты *сердце* и *душа* в составе устойчивых сочетаний, что, на наш взгляд, является не случайным в силу сходства семантики этих единиц, а также в силу сходства символического значения этих существительных во многих лингвокультурах.

В качестве объекта анализа в данной статье выступают устойчивые сочетания с именным компонентом *сердце* в обиходно-деловых текстах начального периода формирования национального русского языка XVI-XVII веков.

Цель статьи заключается в систематизации значений фразеологических единиц с компонентом *сердце* для дальнейшего определения принципов их представления в дифференцированном историческом фразеологическом словаре русского языка XVI-XVII вв.

Источниками материала для исследования послужили опубликованные выпуски «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (СОРЯ), «Словаря русского языка XI-XVII вв.» (СлРЯ) и картотека СОРЯ, которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ в Санкт-Петербурге.

В силу того, что существительное *сердце* еще не подверглось описанию в СОРЯ, все устойчивые сочетания с данной единицей были найдены в опубликованных выпусках словаря при помощи сплошной выборки. В СлРЯ зафиксировано 6 значений интересующей нас лексики. Можно выделить среди представленных толкований 3 основных: 'центральный орган кровообращения', 'символ души, мыслей и чувств человека' и 'центр, середина чего-л.'. Устойчивые сочетания с компонентом «сердце» актуализируют в большей степени второе значение существительного.

С точки зрения семантики, все отобранные нами фразеологические единицы с компонентом *сердце* можно разделить на 3 группы.

1) Отражение болезненных физиологических ощущений. Например, ***сердце зашлось*** 'о состоянии, близком к потере сознания': *Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал* (Авв. Ж., 71, 1675 г.) или ***сердце дрогнуло (дрогают сердце)*** 'о болезненных ощущениях в области сердца': *У Малюты серце дрогнуло, пала сабля на сыру землю* (Ист. песни, 389, XVI в.).

2) Проявление эмоций и чувств человека. В «Словаре русской ментальности» отмечается, что сердце – это «середина, средоточие, источник и символ нравственных (духовных) качеств человека – любви, воли, страсти; а так-

же чувств, переживаний, настроений, составляющих его душевный мир» [4: 235]. Важно отметить, что сочетания в рассматриваемой группе могут выражать как позитивное, так и негативное отношение. Например, в идиомах **имать сердце к кому-л., чему-л.** 'быть расположенным к кому-л., чему-л.', **противъ сердца держати** 'любить кого-л.', а также в предложно-именном сочетании **к сердцу** 'о том, что нравится кому-л.' прослеживается положительный аксиологический вектор: *Ты [Морозова] уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам* (Авв. Письма, 212, 1673 г.), *Чюжи руки легко да не к сердцу* (Сим. Послов., 155, XVII в.).

Напротив, такие единицы, как **въ сердцахъ** 'в состоянии гнева, раздражения', **держати, имѣти сердце на кого-л.** 'гневаться, сердиться на кого-л.', отражают отрицательные эмоциональные явления: *А Афонькина жена Варварка сказала: снялъ де крестъ Степановъ сынъ Ивашка на лавку, а того де я не видала, что билъ ли онъ крестъ, молыла въ брани въ сердцах* (Уруслан, 127. XVII в.), *Ты, трава молчан ... ни сердца, ни кручины ни на кого не держиш<ь>* (Заговоры Олон., 481. XVII в.). Также к негативным эмоциям можно отнести тревогу и беспокойство, которые актуализируются в сочетании **сердце изныло**: *У ково серцо гнило. а у насъ изныло* (Сим. Послов., 145, XVII в.).

Важную роль в этой группе единиц играет выражение искренности, которое находит отражение в таких идиомах, как **от желанія сердца, от сердца желать, от (всего) сердца, из глубины (срѣды) сердца, от истинного сердца, от всего искреннего сердца, от всего сердца, от правого сердца**. Данные устойчивые сочетания построены по структурной модели [предлог от (из) + сущ. в Р.п.] и имеют значение 'искренне, от всей души': *А ныне де у царского величества с хановым величеством брацкая дружба и любовь учинена от всего искреннего сердца* (РД II-2, 114, 1670 г.), *И, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца* (Авв. Ж., 90, 1675 г.), *Кто на море не бывал тот от желанія сердца Богу не маливался* (Сим. Послов., 115, XVII в.).

3) Представление о сердце как об органе мысли. Например, **взыти на сердце** 'быть воспринимаемым, постигнутым (о мысли, намерении)': *И сихъ ради различныхъ страдани и всякихъ мукъ каково възмездие прияша отъ*

Христа въ семь вѣцѣ и въ будущемъ, вѣчныхъ благъ наслаждение, иже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не възиде, яже уготова Богъ любящимъ Его (Дм., 16, XVI в.). Также сердце выступает во фразеологических единицах ***влагать в сердце (мысль) что и как Бог по сердцу возложит (положит, благоволит)*** кому как обозначение сознания человека, которому внушают что-л. или побуждают его к чему-л.: *А ты гсдрня моя матушка Агафя Савелевна вѣдаеш сама про то что гсдрня матушка нам помѣстья за нами не пожаловала побей челом гсдрямъ моим... братцам чтоб пожаловали не покинули малчишка нашего Костенку како им Гсдь Бгъ по серцу возложит* (ИНРЯ, 116, XVII – н. XVIII в.).

Таким образом, сердце концептуализируется в устойчивых сочетаниях обиходно-деловой письменности Московской Руси как орган, отвечающий преимущественно за эмоции и чувства человека, как и в современном русском языке, но, кроме этого, реализуется представление о сердце как органе, регулирующем мыслительную деятельность, а также об органе, отвечающем за болезненные ощущения в организме. Образы устойчивых сочетаний с компонентом *сердце* построены в основном на метафорических переносах, сердце образно воспринимается как орган, важный во всей своей целостности – *от всего сердца (желать)*, а также имеющий глубину – *из глубины сердца*.

При представлении устойчивых единиц с компонентом *сердце* в историческом фразеологическом словаре необходимо дифференцировать их с точки зрения степени слитности компонентов, формулировки словарных дефиниций, разработать систему помет (стилистических, экспрессивно-оценочных, жанровых).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева С.Г. Фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа» в современном русском языке: Автореф... дисс. канд. филол. наук. М.: 1996. 18 с.
2. Бердиева Л.Н. «Сердце» в структуре и семантике соматических фразеологизмов (на примере русского, татарского и английского языков) // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // URL.: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013009122> (дата обращения: 06.03.2023).
3. Вишленкова С.Г., Коротова О.Г. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «сердце» в русском и немецком языках (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №8 (86). Ч. 2. С. 303-307.
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
5. У Шу-Хуа. Русские фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа» на фоне китайского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 9. Вып. 1. Ч 2. С. 315-318.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

СлРЯ – Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 1-30. М.: Наука, 1975-2015.
СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. Вып.1-9. СПб.: Наука, 2004-2020.

ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич (*Смоленск, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского
aleksej-lyzlov@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМ «ТЕМНАЯ ЛОШАДКА» / “DARK HORSE” В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу содержания фразеологической единицы «темная лошадка» / “dark horse”, представленной в дискурсе английского и русского языков. Материалом исследования являются корпуса английского и русского языков. Описываемые зоонимические единицы занимают важное место во фразеологической системе как английского, так и русского языка. Они способны выражать как положительно, так и отрицательно-оценочные значения.

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, дискурс.

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the phraseological unit «темная лошадка» / “dark horse” represented in the discourse of the English and Russian languages. The material of the paper is taken from the Russian language and English language corpuses. The described zoonymic units take an important place in the figurative system of both the English and Russian languages. They can express both positive and negative evaluative meanings.

Keywords: phraseologism, evaluation, discourse.

Во многих фразеологизмах используется принцип анимализма, природные объекты «антропоморфизируются», становятся воплощением человеческих качеств и отношений [2: 125]. В них метафорическая модель «человек» – «растение» получает яркое метафорическое воплощение [1: 35].

Фразеологизм **темная лошадка** / **dark horse** в английском языке появляется в середине девятнадцатого века [5: 202]. Данная фраза впервые появилась в 1831 году на страницах романа Бенджамина Дизраэли «Молодой герцог». Изначально данное высказывание использовалось в ситуации, когда упоминалась новая незнакомая лошадь на скачках. Ее беговые качества были неизвестны зрителям, поэтому ставки на тотализаторе, которые сопровождают скачки, несут в себе очень большой риск: можно было как выиграть круп-

ную сумму, так и проиграть ее. Позднее данная фраза претерпевает метафорический перенос значения: она употребляется для описания людей, причём людей незнакомых в том или ином кругу, поэтому невозможно точно дать характеристику такому человеку. Хотя они имеют претензии на успех. С аксиологической точки зрения данная фразеологическая единица выражает амбивалентное значение.

Фразеологизм **dark horse** часто используется в англоязычных текстах. Он является одним из самых частотных, зафиксированных в корпусе COCA – Corpus of Contemporary American English (304 цитирования) фразеологизмов. Корпусные исследования оказывают все большее влияние на развитие лингвистической науки [4: 15].

Рассмотрим особенности употребления единицы **dark horse** в англоязычном дискурсе.

Так, в одной из статей 2009 г. используется традиционный концептуальный и оценочный потенциал, стоящий за данной фразеологической единицей: *“I felt powerful, mysterious, like **the dark horse**,” Wasson says of the look (“Harper’s Bazaar”)* [7]. В статье описывается выбор одежды, которой позволяет женщине получить новые представления о себе, создать новый имидж, поднять свою самооценку: составными компонентами новой привлекательности являются атрибуты ‘сильный’ и ‘загадочный’, которые усиливаются за счет употребления в составе сравнительной конструкции исследуемого фразеологизма.

Рассматриваемая единица часто появляется на страницах статей, посвященных предвыборной компании. Например, в статье *“Rush of entries gives 2008 race early intensity”*:

*John Weaver, a senior adviser to Senator John McCain’s presidential effort, said ... “It makes it nearly impossible for a **dark horse** candidate to break out of the pack and challenge the front-runner(s) and thus isn’t healthy for the process...” (“The New York Times”)* [7].

Данная фразеологическая единица служит для иронического оценочного описания изображаемой в тексте ситуации: речь идет об американском сенаторе-республиканце Дж. Маккейне, в 2007 году заявившем о своих президентских амбициях; его сподвижники, анализируя ситуацию, сомневаются в возможности появления новых фигур, «темных лошадок» на электоральном поле.

Оценочный потенциал рассматриваемой единицы использован для описания политической ситуации за пределами США. Например, в статье 2007 г. анализируется предвыборная ситуация во Франции: *Francois Bayrou of the center-right Union for French Democracy party has risen slightly as a **dark horse*** ("Christian Science Monitor") [7] и репрезентируется важная для авторов идея о том, что политическая система Франции и ее предвыборное законодательство допускает появление новых игроков, «темных лошадок», которые, однако, не всегда могут кардинально повлиять на ситуацию, но при этом привлекают внимание прессы.

Примечательно, что данная фразеологическая единица вообще становится гиперзначимым элементом «языка популярной культуры», о чем свидетельствует ее использование в качестве имени собственного – названия одной из канадских поп-групп:

*You'd be hard-pressed to find a more divisive band than Canadian rock act Nickelback. On one hand, the band is reviled for lunk-headed lyrics and for ripping off a style of music (grunge) that's 15 years past its prime. On the other, they sell millions and millions and millions of records. Who's right? It really doesn't matter. The release of **Dark Horse** last fall proved the band is critic-proof [7].*

Рассмотрим особенности употребления единицы **темная лошадка** в русскоязычном дискурсе.

Фразеологизм «темная лошадка» в словаре под редакцией В.Н. Телия дефинируется следующим образом: неизвестный по своим качествам, способностям, намерениям. Данная единица говорит о том, что к новому партнёру или к сопернику в каком-л. деле следует относиться с осторожностью. Имеется в виду, что истинные возможности или планы лица, группы лиц, социальной организации или предприятия, страны, отрасли и т. д. не могут быть определены с достаточной степенью точности, поэтому нельзя предсказать, чего от них ожидать [3: 335].

Рассмотрим случаи репрезентации исследуемой фразеологической единицы в русскоязычном дискурсе на базе анализа национального корпуса русского языка.

Отличительная российская черта: недоверие ко всему новому, незнакомому, отражается в следующем отрывке из произведения Виктора Пронина 1978 г. «Самоубийство»: *Я **темная лошадка**, раздражающий фактор. Не*

дразни его, не пужай, пусть он будет благодушен и расслаблен. Пусть почувствует свою неуязвимость, свое превосходство, если ему угодно [6].

Интересно отметить рассматриваемую единицу на страницах автобиографического романа: *Волновался страшно. Они уже все мастера, а я для них темная лошадка. Понятно, что надо было в первую очередь «пройти» у товарищей по театру. А тут, как на грех, на экраны Ленинграда вышел какой-то западный боевик, который все бегали смотреть. И вместо киножурнала мой противопожарный опус [6].*

В приводимом выше отрывке из романа «Актерская книга» известный советский актер и режиссер театра и кино Михаил Козаков описывает свой первый опыт в качестве режиссера. Он волнуется, опасается провала, негативной реакции театральной общественности, мнение которой так дорого его сердцу.

Описываемая в работе фразеологическая единица используется и в жанре шпионского детектива. Татьяна Сахарова в произведении 2005 г. «Добрая фея с острыми зубками» пишет: *Возможно, это было опрометчиво. Но мне некому больше довериться. Не исключено, что в моей команде завелась темная лошадка... И к тому же я принял меры безопасности, пока до вас добирался, сменил четыре машины такси и всю дорогу наблюдал в зеркальце за дорогой. Хвоста не было [6].*

В данном контексте рассказчик подозревает одного из своих людей в двойной игре, в предательстве, называя такого человека «темной лошадкой».

Фразеологизм темная лошадка используется в русскоязычных текстах и для описания спортивных реалий, что возвращает ее первоначальный смысл, невозможность объективно предсказать судьбу новичков в мире спорта. Футбол в этом смысле весьма подходящий формат для успешного употребления рассматриваемой единицы: *В общем мой прогноз на финал Голландия-Испания, если только какая-нибудь темная лошадка в виде турок, или хорватов не вылезет... Голландцы. Я все же думаю, что голландцы чемпионами станут [6].*

Данное высказывание описывает анализ чемпионата Европы по футболу 2006 года, комментатор называет ведущие команды и указывает, что возможно ждать сюрпризов от сильных новичков или команд, выступающих нестабильно, то есть команд, которые по праву описываются фразеологизмом «темная лошадка».

Негативный оценочный потенциал описываемой фразеологической единицы раскрывается в предлагаемом ниже отрывке из произведения Натальи Харпалёвой «Второй срок», изданного в 2015 году, который описывает одного российского бизнесмена из так называемой «эпохи девяностых»: *И лидерские качества у него незаурядные, и харизма. А Шилов... Кто его знает, этого Шилова? Тёмная лошадка. Бизнес у него какой-то мутный был в начале перестройки. Работал на периферии, столичных кадров не знает. Ну, да, идеи высказывает любопытные, но этого мало* [6].

Анализ дискурсной реализации исследуемых фразеологических единиц **темная лошадка** / **dark horse** показал, что в исследуемых текстах как английского, так и русского языка они обладают значительным оценочным потенциалом. Фразеологические единицы на основе концепта «лошадь» выражают как положительно, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, они амбивалентны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репр. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
3. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006. 781 с.
4. Gries Stefan Th. Towards a corpus-based identification of prototypical instances of constructions. Annual Review of Cognitive Linguistics, 2003. Pp.1: 1-27.
5. Potter E. Idioms Dictionary Harper Collins Publishers, 2011, 410 p.

ИСТОЧНИКИ

6. НКРЯ: Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>
7. COCA: Corpus of Contemporary American <https://corpus.byu.edu/coca>

МАКОВСКИЙ Антон Олегович (Минск, Республика Беларусь)

аспирант
Минский государственный лингвистический университет
mao-iroc@yandex.ru

УНИВЕРБАЛЬНЫЕ И БИВЕРБАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения универбальных и бивербальных номинативных единиц английской этимологии в составе русской и белорусской лексических систем, особенностям заимствования таких единиц и их изменений в процессе освоения языками-реципиентами.

Ключевые слова: биверб, универб, номинация, лексема.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the correlation of universal and biverbal nominative units of English etymology in the Russian and Belarusian lexical systems, the features of borrowing of such units and their changes in the process of assimilation in the recipient languages.

Keywords: biverbal lexical unit, univerbal lexical unit, nominative unit, lexeme.

Номинативная система языка представляет собой открытую систему, которая, взаимодействуя с системами других языков, способствует пополнению лексического состава языка реципиента номинациями, заимствованными из других языков, в том числе из английского. Эти номинации включают как универбальные (однословные), так и бивербальные (неоднословные) единицы. При этом установление соотношения универбов и бивербов среди заимствованных единиц и изменений этого соотношения в процессе заимствования является важным показателем, отражающим преобладающий характер ономастиологической структуры заимствуемых наименований и характер преобразования этой структуры под влиянием системы языков-реципиентов.

Исследование базируется на корпусе из 2561 русской и 2517 белорусских номинаций английской этимологии, отобранных из русских и белорусских лексикографических источников, таких как «Словарь иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой [1], «Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў» В.И. Уласевич и М.М. Довгулевич [2], «Слоўнік іншамоўных слоў» А.М. Булыко [3], а также интернет-источники «Lexicography», «Verbum».

В русском языке общее количество универбальных единиц составляет 2064 единицы (*аболиционизм, овербот, овердрайв, овердрафт, агенда, агностицизм, агностик* и др.), бивербальных – 497 (*айс-рэвію, аккаунт-менеджер, арт-акция, арт-бизнес, арт-брут, арт-бук, арт-галерея, арт-дизайн, арт-дилер, арт-директор, арт-истеблишмент* и др.)

В белорусском языке зарегистрирован 2031 универб (*абаліцыянізм, авербот, авердрайв, авердрафт, агенда, агностыцызм, агностык* и др.) и 488 бивербов (*айс-рэвію, акаўнт-менеджар, арт-акцыя, арт-бізнес, арт-брут, арт-бук, арт-галерэя, арт-дызайн, арт-дылер, арт-дырэктар* и др.).

Некоторые различия в количественном составе номинаций русского и белорусского языков обусловлены отсутствием отдельных словоупотреблений в одном из языков, как в случае с бивербальной

номинацией *арт-истеблишмент*, которая зарегистрирована в русском словаре Егоровой [1], но отсутствует в белорусских лексикологических и корпусных источниках. В отдельных случаях в белорусском и русском языках наблюдаются также несовпадения в структуре универбальных и бивербальных номинаций. Например, бивербальная в русском языке лексема *офф-тайм* (от англ. *off-time*) в белорусском подверглась процессу универбации. Номинация *флешмоб* (от англ. *flash mob*) подверглась универбации в русском языке, в отличие от белорусской лексемы, которая сохранила бивербальную форму *флэш-моб* [2], так и универбальную *флэшмоб* [4]. Подобный случай представляет собой номинация *флешбек* (от англ. *flashback*), которая в белорусском языке помимо универбальной формы *флэшбэк* [4] представлена бивербальной *флэш-бэк*, которая, вероятно, возникла по аналогии с другими лексема-ми, включающими компонент *флэш-* (*флэш-драйв*, *флэш-диск*, *флэш-застаўка*, *флэш-картка*, *флэш-памяць*, *флэш-прэзентацыя* и др.).

Номинации английской этимологии могут заимствоваться в русский и белорусский языки как без изменения структуры, так и с переходами бивербальных единиц в универбальные и обратно. Также ряд номинаций возникает на основе английских корневых морфем в рамках русского и белорусского языков. Соответственно можно выделить несколько групп номинаций английской этимологии.

Группа универбальных англицизмов, сохранивших статус универбов в процессе заимствования представлена 1752 номинацией в русском языке и 1730 – в белорусском: *адаптер* / *адаптар* (англ. *adapter*), *адвертайзер* / *адвертайзер* (англ. *advertiser*), *адвертайзинг* / *адвертайзинг* (англ. *advertising*), *адмирал* / *адмірал* (англ. *admiral*), *адмиралтейство* / *адміралцейства* (англ. *admiralty*), *ай-бу-эм* / *ай-бі-эм* (абр. от англ. *International Business Machines*), *ай-кью* / *ай-к'ю* (англ. IQ – сокращение от *intelligence quotient*), *аквабайкер* / *аквабайкер* (англ. *aquabiker*), *акваланг* / *акваланг* (англ. *aqualung*), *аквааэробика* / *аквааэробіка* (англ. *aquaаerobics*) и др. Эта группа включает также бивербы, прошедшие процесс универбации в языке-доноре и заимствованные в русский и белорусский языки в универбальной форме: *аквабайк* / *аквабайк* (англ. *aqua bike*, *aquabike*), *хавтайм* / *хаўтайм* (англ. *halftime*, *half-time*, *half time*) и др.

Группа бивербов, не изменивших свою структуру в процессе заимствования включают в себя 417 лексем в русском языке и 410 – в

белорусском: *айс-рэвю* / *айс-рэвю* (англ. *ice revue*), *онлайн-аукцион* / *анлайн-аўкцыён* (англ. *online auction*), *онлайн-бизнес* / *анлайн-бізнэс* (англ. *online business*), *онлайн-бронирование* / *анлайн-браніраванне* (англ. *online booking*), *арт-бизнес* / *арт-бізнес* (англ. *art business*), *арт-брут* / *арт-брут* (англ. *art brut*), *арт-бук* / *арт-бук* (англ. *art book*), *арт-галерея* / *арт-галерэя* (англ. *art gallery*), *арт-дизайн* / *арт-дызайн* (англ. *art design*), *байк-шоу* / *байк-шоу* (англ. *bike show*), *бизнес-администрирование* / *бізнес-адміністраванне* (англ. *business administration*), *бизнес-образование* / *бізнес-адукацыя* (англ. *business education*), *бизнес-аналитик* / *бізнес-аналітык* (англ. *business analyst*) и др.

Некоторые такие номинации также имеют в английском языке два варианта: бивербальный и универбальный. Примерами являются лексемы *веб-страница* / *вэб-старонка* (англ. *web page, webpage*), *веб-сайт* / *вэб-сайт* (англ. *web site, web-site, website*), *плей-офф* / *плэй-оф* (англ. *play-off, playoff*), *хард-кор* / *хард-кор* (англ. *hard-core, hardcore*) [5]. В таких случаях заимствование двусловной номинации свидетельствует о том, что процесс её универбации начался после этапа заимствования.

Универбация бивербов может происходить в ходе заимствования (115 русских / 111 белорусских номинаций). Такой процесс может совершаться несколькими путями: 1) словослияние (*вирмейкер* от англ. *virus maker*; *моторалли* / *мотаралі* от англ. *motorcycle rally*; *мототриал* / *мотатрыял* от англ. *motorcycle trials*; *мотофрестайл* / *мотафрыстайл* от англ. *freestyle motocross*; *фломат* / *фламам* от англ. *flowers automat* и др.) и словосложение (*клипмейкерство* / *кліпмейкерства* от англ. *clip making process*; *медиарейтинг* / *медыярэйтынг* от англ. *media rating*; *сайтостроение* / *сайтабудаванне* от англ. *website building*; *симфоджаз* / *сімфаджаз* от англ. *sympho jazz* и др.); 2) опущение одного из составных элементов (*долина* / *даліна* от англ. *Silicon valley* 'Силиконовая долина'; *компакт* / *кампакт* от англ. *compact-disc*; *стретч* / *стрэйч* от англ. *stretch wrap*; *прайс* / *прайс* от англ. *price list*, *телемагазин* / *тэлекрама* от англ. *teleshopping show*), 3) суффиксация (*пиарщик* / *піяршыч* от англ. *PR manager*).

Трансформация универбов в бивербы является немногочисленной и представлена 3 лексемами в обоих языках: *плей-лист* / *плэй-ліст* (англ. *playlist*), *шоу-матч* / *шоу-матч* (англ. *showmatch*), *стриптиз-артист* / *стрыптыз-артыст* (англ. *stripper*).

Универбы, которые были образованы в рамках русского языка, но содержат корневые морфемы английской этимологии, включают в себя 185 русских лексем и 178 белорусских. Например, *авиалайнер / авіялайнер* (от франц. *aviation* + англ. *liner*, от англ. *line* 'линия'), *авиашоу / авіяшоу* (от франц. *aviation* + англ. *show* 'шоу'), *аквапарк / аквапарк* (от лат. *aqua* 'вода' + англ. *park* 'парк'), *радиоухит / радыёхіт* (от англ. *radio* 'радио' + англ. *hit* 'гвоздь сезона' и др.).

Бивербы, образованные на основе английских лексем в рамках русского и белорусского языков насчитывают 76 номинаций в русском языке, и 74 – в белорусском: *онлайн-поздравление / анлайн-віншаванне*, *арт-акция / арт-акцыя*, *бизнес-леди / бізнес-лэдзі*, *брейн-ринг*, *дисплей-класс / дысплей-клас* и др.

Таким образом, несмотря на незначительные отличия в количественном составе и некоторые формальные различия номинаций английской этимологии в русском и белорусском языках общее соотношение универбов и бивербов среди таких единиц в обоих языках совпадает (81% универбов и 19% бивербов). Большинство универбов (около 85%) заимствованы русским и белорусским языками без изменения. Девять (9%) образовано в языках-реципиентах, 5% трансформировано из английских бивербов в процессе заимствования. Среди бивербов также преобладают единицы, заимствованные без изменений (84%), 15% образовано в рамках русского и белорусского языков. Бивербация универбов практически не наблюдается (1%), что объясняется принципом лингвистической экономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. М., 2014. 800 с.
2. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. Мінск: Аверсэв, 2013. 253 с.
3. Слоўнік іншамоўных слоў. Актуальная лексіка / А.М. Булыка. Мінск : Харвест, 2005. 336 с.
4. Беларускі N-корпус [электронны рэсурс]. Режим доступа: <https://bnkorporus.info/index.html> – Дата доступа 25.05.2023
5. Wiktionary [Electronic resource]. Mode of access: <https://en.wiktionary.org> – Date of access: 20.05.2023.

МАЛАХОВ Александр Сергеевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
aleksander.malahov@gmail.com

ТРЕЛЛЕ Наталья Игоревна (*Владимир, Россия*)

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
trellesha999@gmail.com

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(на примере анализа сложносочиненных конструкций с соединительным союзом *и*)

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения сложносочиненного предложения в семантическом аспекте, а также необходимость выработки способов и приемов квалификации синтаксических отношений в указанных конструкциях. Приводятся примеры трудных случаев квалификации синтаксических отношений между частями сложносочиненного предложения. Проводится анализ сложносочиненных конструкций с соединительным союзом *и* в аспекте определения их грамматического значения. Выявляются способы разграничения синтаксических отношений в сложносочиненном предложении.

Ключевые слова: сложносочиненное предложение, структурно-семантический тип, синтаксические отношения, семантика, грамматическое значение, синкретизм, средства связи.

Abstract. The article is substantiated the relevance of studying a compound sentence in the semantic aspect, and also the need to formulate the methods and techniques for qualifying syntactic relations in these constructions. Examples of difficult cases of qualification of syntactic relations between parts of a compound sentence are given. The analysis of compound constructions with a connective union «И» in the aspect of determining their grammatical meaning is carried out. The methods of differentiation of syntactic relations in a compound sentence are revealed.

Keywords: compound sentence, structural-semantic type, syntactic relations, semantics, grammatical meaning, syncretism, connection facility.

В современном русском языке сформировалось большое количество структурно-семантических типов сложносочиненного предложения (далее – ССП), которые выделяются учеными на основе синтаксических отношений между предикативными единицами (далее – ПЕ), составляющими конструкцию. Известно, что выражение синтаксических отношений, или грамматического значения, ССП осуществляется за счет средств связи, основным из ко-

торых является сочинительный союз. Стоит отметить, что грамматические значения в свою очередь могут различаться по степени абстрактности. Так, сочинительные союзы способны выражать лишь обобщенное значение (соединительное, разделительное, противительное). Более конкретные (частные) синтаксические отношения выражаются посредством различных конструктивных элементов (анафорических местоимений, лексических конкретизаторов, синонимов, видо-временных форм сказуемых и др.), которые наряду с союзами выступают в качестве средств связи частей ССП и способствуют объединению ПЕ в структурно-семантическое целое.

Среди ССП с соединительным союзом *и* можно выделить следующие частные группы: 1) ССП с перечислительными отношениями, 2) ССП с условно-следственными отношениями, 3) ССП с результативными отношениями, 4) ССП с ограничительными отношениями, 5) ССП с уступительными отношениями, 6) ССП с распространительными отношениями между частями. Отметим, что для каждой из перечисленных групп характерен определенный набор тех или иных конструктивных элементов – средств разных языковых уровней. Например, в предложении *К Николаю Дмитриевичу они были по-прежнему равнодушны и иногда зло-насмешливы, и в этом чувствовалось что-то роковое, фатальное* (Л.Н. Андреев) объединение частей осуществляется на морфологическом уровне за счет глаголов несовершенного вида (*были* в первой ПЕ – *чувствовалось* во второй ПЕ), а также эксплицитно с помощью анафорического элемента во второй ПЕ (местоимения *этом*, замещающего все содержание первой ПЕ), что дает основания установить распространительные отношения между частями анализируемой конструкции.

В совокупности названные конструктивные элементы образуют группу дополнительных средств связи, учет которых необходим при определении грамматического значения сложного предложения и квалификации синтаксических отношений между его компонентами. Однако нередко в одном ССП (в частности в предложениях с соединительным союзом *и*) присутствуют дополнительные средства связи ПЕ, являющиеся показателем разных синтаксических отношений. Например, предложение *Крал он постоянно, постоянно стыдился, и поэтому его хорошо бритые щечки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза* (И. Ильф, А. Петров) характеризуется наличием лексического конкретизатора во второй ПЕ (наречия *поэтому*), позволяющего трактовать семантику ССП как предложения с ре-

зультативным значением. Наряду с этим для анализируемого ССП характерны повтор однокоренных слов (*стыдился* в первой ПЕ – *стыдливости* во второй ПЕ) и слова одного лексико-семантического поля (*стыдиться* в первой ПЕ – *смушение, застенчивость и конфуз* во второй ПЕ). Эти средства связи указывают на распространительные отношения между частями ССП.

Для определения синтаксических отношений необходимо учитывать не только формально выраженные средства связи, но и формально невыраженные: возможность / невозможность подстановки лексического конкретизатора, уточняющего значение союза, а также наличие / отсутствие синтаксического синонима в сфере сложноподчиненного предложения (далее – СПП). Рассмотрим предложение *Небо было черным, и на фоне его выделялись две звезды* (Ю. Тынянов). В качестве формально выраженных дополнительных средств связи в анализируемой конструкции выступают: а) анафорическое местоимение *его* во второй ПЕ, отсылающее к существительному *небо* в первой части и являющееся показателем распространительных отношений; б) соотношение видовых форм глаголов-сказуемых несовершенного вида (*было* в первой ПЕ – *выделялись* во второй ПЕ). Последний признак не является дифференцирующим, поскольку присущ ССП с различными типами грамматических значений (распространительными, перечислительными, результативными и т. д.). Важным критерием квалификации синтаксических отношений в данном предложении становится возможность подстановки лексического конкретизатора с результативной семантикой: *Небо было черным, и поэтому на его фоне выделялись две звезды*. Наряду с этим значимой оказывается и возможность подбора одного или нескольких синтаксических синонимов в сфере СПП с семантическим союзом и относительным местоимением, выражающими определенное значение. В данном случае возможны два варианта синонимической замены: *Небо было черным, отчего на фоне его выделялись две звезды* (относительное местоимение *отчего* указывает на распространение); *Небо было черным, так что на фоне его выделялись две звезды* (союз *так что* указывает на результат). Таким образом, анализ конструкции позволяет установить присутствие в предложении результативной и распространительной семантики.

Такие сложносочиненные конструкции, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как предложения с синкретичной семантикой. Так между ядерными типами ССП с союзом *и*, входящими в число названных ранее классов,

наблюдаются промежуточные образования, совмещающие в себе признаки нескольких частных грамматических значений. Анализ ряда русских ССП позволяет говорить о наличии немалого количества таких конструкций.

Как уже отмечалось, предложение *Небо было черным, и на фоне его выделялись две звезды* (Ю. Тынянов) совмещает семантику распространения и результата, а следовательно, является синкретичным. Для установления возможности / невозможности разрешимости синкретизма необходимо определить количественное соотношение в предложении признаков двух типов синтаксических отношений. Важно отметить, что соотношение признаков тех или иных частных грамматических значений в сложносочиненных конструкциях подобного типа может быть различным. В связи с этим по отношению к ССП могут быть употреблены такие термины теории синкретизма и переходности, как разрешимый и неразрешимый синкретизм [1; 2].

На основании представленного ранее анализа мы можем сделать вывод о совмещении в предложении *Небо было черным, и на фоне его выделялись две звезды* (Ю. Тынянов) семантики распространительных и результативных отношений в пропорции 2:2 (в пользу распространительных отношений свидетельствует наличие анафорического местоимения *его* во второй ПЕ и синтаксический синоним в сфере СПП с относительно-распространительным придаточным; в пользу результативных отношений свидетельствует возможная подстановка лексического конкретизатора *поэтому* во второй ПЕ и синтаксический синоним в сфере СПП с придаточным следствия). Анализируемое предложение при таком подходе рассматривается нами как случай неразрешимого синкретизма.

Таким образом, для сложносочиненных конструкций с союзом *и*, входящих в широкую группу ССП с обобщенным соединительным значением, характерно совмещение семантики нескольких частных грамматических значений, что обусловлено низкой дифференцирующей способностью сочинительного союза. Наличие в языке большого количества конструкций, занимающих промежуточное положение между типичными структурно-семантическими классами ССП, порождает трудности при синтаксическом анализе сложного предложения данного типа. Решение обозначенной проблемы мы видим в разработке классификации русских ССП с учетом синкретизма, а также в подробном описании способов и приемов работы с трудными случаями анализа

рассматриваемых конструкций в вузовской практике преподавания дисциплины «Синтаксис сложного предложения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис: монография. Владимир: ВГУ, 2010. 368 с.

МАРИНОВА Елена Вячеславовна (*Нижний Новгород, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
marinova@list.ru

ВОЛОЧЕК Елизавета Андреевна (*Нижний Новгород, Россия*)

ассистент
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Николая Александровича Добролюбова
ev52@bk.ru

ЦИФРОВОЙ – ДИГИТАЛЬНЫЙ – ДИДЖИТАЛ: ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ (из наблюдений над русским языком цифрового общества)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>*

Аннотация. Рассматриваются особенности сочетаемости ключевых слов русского языка цифрового общества: *цифровой, цифровой, диджитал*. Лексемы восходят к одному и тому же прототипу – английскому *digital*, однако судьба кальки *цифровой* и прямых заимствований *цифровой* и *диджитал* различна. Несмотря на синонимические отношения между данными единицами, они заметно различаются синтагматикой. Наблюдения за их функционированием показывают, что *цифровой* имеет широкую сочетаемость и развивает полисемию, тогда как его синонимы используются в узкоспециальных сферах и сочетаются с ограниченным кругом слов.

Ключевые слова: русский язык цифрового общества, ключевые термины-элементы, синонимы, заимствование, калька, сочетаемость.

Abstract. The article considers the compatibility peculiarities of Russian key words of the Digital Society: *tsifrovoj, digitalnyj, didzhital*. The lexemes are derived from the same prototype – an English word *digital*, but the use of the calque *tsifrovoj* and direct borrowings *didzhital* and *digitalnyj* is different. Despite the synonymous relationship between these units, they differ notably in syntagmatics. The research of their usage shows that the

word *tsifrovoj* has a wide compatibility and develops polysemy, while its synonyms are used in highly specialized spheres and are combined with a limited range of words.

Keywords: Russian language of the Digital Society, key term elements, synonyms, borrowings, calque, compatibility.

1. В XXI веке в русском языке активно формируется пласт лексики, отражающий процессы и понятия, связанные с реализацией концепции цифрового общества (о самой концепции см., например, [1: 114]). Этот пласт лексики мы определили как своеобразную **терминологию цифрового общества**, выделив в качестве ключевых её единиц слова *цифровизация*, *цифра* (то же, что *цифровизация*) и термины-элементы *цифровой*, *цифро-*, *диджитал*, *дигитальный*.

2. В докладе предполагается рассмотреть особенности синтагматики слов *цифровой*, *диджитал*, *дигитальный*, генетически восходящих к одному и тому же прототипу – английскому прилагательному *digital* (< *digital signal*, *digital technology*). Как показывают наблюдения за современной речью, калька *цифровой* оказалась более востребованной в русском языке, чем прямые заимствования *диджитал* и *дигитальный*, оформленные путями транскрипции и транслитерации. (Ср., например, в чешском: *digitální technologie*)

3. Анализ синтагматических возможностей прилагательного *цифровой* (мы исследовали «Архив СМИ» – сервис электронного медиабанка «Интегрум») показывает, что в настоящее время оно может выступать в качестве определения к существительным не только самых разных тематических групп, но и разных лексико-грамматических разрядов (например, в сочетании с именами собственными – *цифровая Россия*, *цифровая Земля* и др.; личными существительными – *цифровой абонент*, *цифровой педагог* и др.), что приводит к изменению его первоначальной семантики, связанной непосредственно с технологией передачи информации числовым (не аналоговым) способом.

В результате исследования определены основные тематические группы слов (имён существительных), определяемых словом *цифровой*: «Социальные отношения, общество» – *изоляция*, *личность*, *молодёжь*, *неравенство*, *общество*, *поколение*, *развитие*, *революция*, *сообщества*, *социализация* и др.; «Финансы, финансовая деятельность» – *активы*, *валюта*, *деньги*, *дивиденды*, *компания*, *рубль*, *экономика* и др.; «Государственные и общественные институты» – *безопасность*, *государство*, *дипломатия*, *здравоохранение*, *медиа*, *медицина*, *правительство*, *управление* и др.; «Правовая сфера» –

идентичность, подпись, похищение, право, правосудие, суверенитет, этика и др.; «Культура, искусство» – живопись, искусство, культура, музыка, фотография и др.; «Педагогика» – знания, навыки, образование, педагогика и др.; «Онтология, бытие» – бессмертие, будущее, жизнь, мир, пространство, реальность, смерть, человек и др.

4. Терминоэлементы *диджитал* и *дигитальный* встречаются реже (*диджитал-дизайн, диджитал-маркетинг, диджитал-арт, диджитал-специалист; дигитальный язык, дигитальный метод*), как и вариант в оригинальной графике (*digital-инструменты маркетинга, digital-маркетинг* и под.). Вот несколько иллюстраций: *Гости ивента смогли посетить мастер-классы по танцам, бисероплетению, рисованию в технике диджитал арт (рисование на графическом планшете), экскурсию...* (Косплей и добрые дела! Искра (iskra-kungur.ru). 14.03.2023); *...рекламные щиты уже начали переход из традиционного маркетинга в диджитал* (Диджитал-маркетинг (цифровой маркетинг). Unisender. 22.02.2022); *Господин Габрелянов в последнее время активно инвестирует в digital-проекты* (News Media нагоняет Нуре. Kommersant.ru. 25.10.2017). В ряде случаев отмечается также вариантность графического оформления одной и той же номинации: *digital-профессии – диджитал-профессии, digital-агентство – диджитал-агентство, digital-медиа – диджитал-медиа, digital-маркетолог – диджитал-маркетолог* и др.

В целом можно заметить, что синонимы слова *цифровой* сочетаются с ограниченным кругом слов – как правило, в составе терминов каких-либо профессиональных сфер. Например, слово *диджитал* используется в сферах маркетинга, графического дизайна. Слово *дигитальный* (первоначально только по отношению к устройствам, связанным с компьютерными технологиями, – *дигитальные часы* [2]) также тяготеет к устоявшимся в определённой профессиональной сфере номинациям. Например, термин *дигитальная архитектура* обозначает одно из направлений в современной архитектуре, основанное на использовании компьютерного программирования, моделирования и визуализации объектов (spravochnik.ru).

5. Изучение синтагматических особенностей исследуемых единиц позволит более точно определить направление семантического развития доминанты синонимического ряда – прилагательного *цифровой*. Предварительные наблюдения за его функционированием дают основание считать, что отдельные номинации с этим словом на фоне терминов-технизмов типа *цифровой*

сигнал реализуют более-менее устойчивый сценарий семантической трансформации, обозначенный так: «от техницизма (термина) к идеологеме» [З: 164]. Подобное развитие семантики не наблюдается у синонимов слова *цифровой*. В перспективе предполагается рассмотреть взаимодействие синтагматики и парадигматики на примере слов *цифровизация – дигитализация / диджитализация*, также относящихся к терминологии цифрового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. №2. С. 112-129.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. 2000. М.: ЭКСМО-Пресс, 168 с.
3. Маринова Е.В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. №1. С. 151-169.

МАРКОВА Елена Михайловна (*Москва, Россия;*
Братислава, Словакия)

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный университет
имени Алексея Николаевича Косыгина,
Экономический университет в г. Братиславе
elena-m-m@mail.ru

ВРЕМЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯН

Аннотация. В статье рассматривается группа общеславянских наименований времени: *время, час, год, година, рок, доба, век* – в аспекте их смыслового развития, а также производные от них. В древности темпоральные понятия не были достаточно определенными. Вследствие этого в славянских языках не проводилось строгой границы между длиной промежутков времени. Недифференцированность понятий отразилась в первоначальной нерасчлененности семантики лексем. Однако впоследствии эти понятия все более конкретизировались, что нашло выражение в изменении их семантики. В разных языках результаты их изменения различаются, что характеризует специфику ментальности славянских народов.

Ключевые слова: ЛСГ времени, семантика, диахрония, языковая эволюция, славянские языки.

Abstract. The group of common Slavic names of time in modern Slavic languages: *vremya 'time', chas 'hour', god, godina 'year', rok 'fatum', vek 'century'*, as well as derivatives from them. In ancient times, temporal concepts were not sufficiently defined. As a result, the Slavic languages did not draw a strict boundary between the length of time intervals. The non-differentiation of concepts was reflected in the initial indivisibility of the semantics of lexemes. However, subsequently these concepts became more and more concretized, which found expression in a change in their semantics. In different languages,

these changes were of a different nature, which characterizes the specifics of the mentality of different Slavic peoples.

Keywords: time designation group, semantics, diachrony, linguistic evolution, Slavic languages.

Группу общеславянских наименований времени в современных славянских языках составляют следующие лексемы: *время, час, год, година, рок, доба, век*, а также производные от них. В древности темпоральные понятия не были достаточно определены. Поскольку само понятие времени было неопределенно и расплывчато, в языке не проводилось строгой границы между длиной промежутков времени. Недифференцированность понятий объективировалась в нерасчлененности семантики древних лексем. «Семантика праславянского источника часто имела синкретичный, нерасчлененный характер, что отражало обобщенный характер представлений о мире древнего человека» [3: 141]. По мере развития общества и языка «происходит неуклонное дробление смысла древней синкреты-корня» [2: 26], что наглядно демонстрирует семантическая история темпоральных наименований.

Как известно, *время* изначально ассоциировалось с «вращением» дней или месяцев по кругу, их чередованием, вереницей (по мнению В.В. Мокиенко, и слово *вереница* этимологически родственно слову *время*) [4: 10]. С движением поэтому связаны и выражения со словом *время*: оно *идет, бежит, летит, несетя*. В дальнейшем *время* стало обозначать течение времени в смысле «периодичности какого-либо процесса, его начала и конца» по аналогии с движением небесных тел. В старославянском и древнерусском языке оно употреблялось в одинаковом значении 'время как отрезок, в течение которого происходит то или иное событие' [9; 10].

Понятие продолжительности формируется первоначально у тех лексем, которые имеют конкретный прообраз в самой природе: **dьnь* (рус. *день*), **měsєcь* (рус. *месяц*), **lěto* (рус. *лето*). В большинстве современных славянских языков они сохранили значения, аналогичные их русским коррелятам. Слова **časъ* (рус. *час*), **godъ* (рус. *год*), **godina*, **doba* (др-рус. *доба*), как и **vermę* (рус. *время*), обозначали неопределенные промежутки времени и представляли собой синонимичные единицы [12]. Р. Якобсон соотносит общеславянскую лексему *čas* с первоначальным значением 'делить, резать' [14: 286]. Значения лексем **věkъ*, **rokъ* первоначально не были темпоральными. Слово *рок*, производное от *ректи* 'говорить', вначале значило 'предсказан-

ное', откуда в дальнейшем развилось значение 'судьба' [12] (аналогичное семантическое развитие свойственно и лат. *fatum* 'судьба' от лат. *fari* 'говорить'). С понятием времени связано и развитие человека, приобретение им жизненной силы, поэтому общеславянское *pora* восходит к архисеме 'сила', а смысловую структуру лексемы *век* первоначально соотносят с двумя семантическими центрами: 'сила' и 'жизнь' [13] (в русских диалектах отмечается глагол *обезвекнуть* – 'обессилеть') [8], современное чешское *věk* – 'возраст', словацкое *vek* '1) возраст; 2) эпоха' [16; 17]. В русском языке произошла терминологизация данной лексемы, что обусловило ее семантическое сужение: «промежуток времени в сто лет, хотя в русском языке отмечаются значения данного существительного, аналогичные чешскому и словацкому: 'жизнь', 'возраст', обнаруживаемые в устойчивых выражениях, в пословицах (*на своем веку, век человеческий* и др.).

Представления древнего человека о времени связаны не только с понятиями 'сила', 'жизнь'. Микросистема обозначений времени находится в тесной связи и с микросистемой *погоды* (что выражается и в исконной связи лексем *погода, год, година*). В древности связь времени и погоды была более очевидной. Восприятие времени ассоциировалось с восприятием природы и базировалось на наблюдениях над природными, погодными явлениями. Это нашло отражение в языке. Общеславянское **verme* по материалам диалектов славянских языков обозначает не только 'время', но и 'погоду', 'хорошую погоду', 'плохую погоду', 'плохой дождь' [11: 345]. В сознании древнего славянина природные явления были неотделимы от времени, протекали в нем, в этом проявляется синкретизм, диффузность понятий, составляющих представления о мире древнего человека.

Историческую связь понятий времени и погоды подтверждает и семантика чешского существительного *čas*, которое, помимо значения времени вообще, обозначает и погоду (как и в украинском) [13], хотя в современном чешском языке в этом значении чаще всего употребляется однокоренное слово *počasí (po-čas-i)* [15]. В большинстве славянских языков: чешском, словенском, польском, словацком, белорусском – *čas* обозначает 'время вообще', лишь в болгарском оно соответствует семантике русского *час*, а в сознании носителей сербского и хорватского языков связано с еще более узким понятием: 'мгновение' [13]. Слово *время* (др.-рус. *веремя*) в русском языке в древности также, помимо современного значения, обозначало 'погоду'. Материалы диа-

лектов славянских языков также свидетельствуют об этой связи: общеславянское *čas отмечается в значениях 'время', 'час', 'мгновение', 'погода' (ср. и семантику приведенного выше *verme). Аналогично этому украинское диалектное *хвиля* (чеш. *chvile* 'минута') отмечается не только в значениях 'минута', 'время', но и 'погода' [11: 345], а словц. *chvíľa* значит не только 'минута', но и 'скука' в выражении *dlhá chvíľa* [17].

Как уже было сказано, в праславянский период слово *час* имело обобщенное значение 'время, пора'. Впоследствии в русском языке наблюдается семантическое сужение до обозначения 'отрезка времени в 60 минут' (хотя еще в словаре В.И. Даля оно дано как неосновное наряду со значениями 'время', 'пора', 'срок') [1]. В современном русском языке «отголоски» древнего значения наблюдаются у лексики *час* в устойчивых выражениях *пробил час*, *час настал*, а также в пословице: *часом с квасом, порой с водой*.

Обобщенную семантику времени вообще имело и другое слово данной ЛСГ – *год*, причем с дополнительным оттенком 'удачное, счастливое, благоприятное время' [13]. «Положительная» семантика этого корня прослеживается и в таких дериватах, как *годный*, *удодный*, *пригодный*, *пригожий*, *удодить*, *пригодиться*, в чешском и словацком *hodný* 'хороший, достойный', словц. *hodne* 'много', *hodnota* 'значение, цена, ценность', *hodnotiť* 'оценивать, ценить', *hodnosť* 'звание, должность' [16; 17]. Значения производных *непогода* ('плохая погода'), *распогодилось* (об улучшении погоды), *погожий* (день) свидетельствуют, что и слово *погода* первоначально обозначало 'хорошую погоду'. Это подтверждают и факты чешского языка, где *pohoda* – 'хорошая, прекрасная погода' (в отличие от «нейтрального» *počasí* 'погода') [16]. Словацкое *pohoda* получило абстрактную семантику 'спокойствие, покой, благодать', *v pohodě* 'все в порядке, все хорошо', дериват *pohodička* означает 'релакс' [17]. «Положительный» характер мотивемы прослеживается и в чешском, словацком наименовании пира – *hody*, внутреннюю форму которого формирует признак 'хороший' ('хорошее время', в отличие от русского *пир*, в котором актуализируется процесс питания). В современном чешском языке слово *hod* является устаревшим и почти не употребительным (только в некоторых сочетаниях, например, *Voží hod* 'Рождество') [16].

Амплитуда семантических колебаний» праславянской лексики *godina по данным диалектов славянских языков достаточно широка и охватывает такие значения, как 'дождь', 'благодатный дождь', 'хорошая погода', 'погода',

‘плохая погода’, ‘год’, ‘час’ [11: 345]. Как видим, нейтральное значение ‘погода’ несет в себе потенциальную возможность «расщепления» на противоположные семы по шкале «хороший» – «плохой», что приводит к энантиосемии, так же как и ‘дождь’ может быть и отрицательным явлением, и благодатным. Синкретизм значения лексемы в языке часто приводит к энантиосемии – развитию противоположных сем в рамках одной лексемы.

Итогом смыслового развития общеславянской лексемы *година* в большинстве славянских языков стало обозначение конкретного промежутка времени: в чешском и словацком *hodina* ‘час’ (откуда *hodinky* ‘часы’) [16; 17], в сербском и хорватском *godina* ‘год’ [6; 18]. Рус. *година* в настоящее время вышло из активного употребления и используется как стилистически высокое слово только в значении ‘время, ознаменованное важными событиями’ в определенных сочетаниях: *тяжелая година, суровая година, година испытаний*. Однако исторически русскому *година* было присуще значение ‘час’, как и его западнославянским коррелятам. Так, со старым значением слова *година* мы встречаемся в стихотворении А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: *День каждый, каждую **годину** привык я думой провождать*.

В праславянском языке для обозначения времени, срока существовала еще одна лексема – *рок*. Семантическая структура ее в древнерусском языке включала в себя значения: ‘срок’, ‘год’, ‘возраст’, ‘судьба’ [9]. Несмотря на то что сема ‘судьба’ у лексемы *рок* в словаре древнерусского языка Срезневского представлена последней, это не отражает путь смыслового развития слова. Этимологически значение данного слова восходит к тому, что *предречено, предсказано*, то есть к значению современного русского *рок*. Впоследствии в русском языке оно вышло из активного употребления в своих «временных», более поздних, значениях, сохранившись только для обозначения судьбы (обычно несчастливой). «Отрицательная» коннотация этого слова связана с тем, что предсказания чаще всего касались несчастий, смерти, поэтому их боялись. При этом оно, как и выше рассмотренное *година*, имеет высокую стилистическую окраску и встречается в определенных выражениях, например: *злой рок, рок преследует*, а также в составе прилагательного *роковой* (т. е. трагический, зловещий). Вместе с тем в западнославянских языках *рок* – общеупотребительное слово, имеющее конкретное временное значение ‘год’, таким образом, там слово сохранило более позднее, темпоральное, значение.

В процессе исторического развития лексемы могут не только изменять значения в сторону его расширения, сужения или развития какого-либо одного семантического признака, но и утрачиваться, выступая лишь в составе производных. Так произошло с лексемой *доба* в русском языке, корень которой стал связанным, в отличие от других славянских языков [13]. В древнерусском языке оно бытовало в значениях 'пора', 'час', 'время' [9], сохранилось в своем первичном значении в чешском, словацком языках (*doba* 'период времени, пора', откуда чеш., словц. *období* – 'время года, пора') [16; 17], сербском, хорватском (*doba* 'время', наряду с *vrijeme*) [6; 18]. В современном русском языке оно напоминает нам о себе в составе таких производных, как *удобный*, *подобный*, *подобие*. В некоторых из них, так же, как в словах с корнем *-год-*, прослеживается «положительный» признак в значении. В целом, как демонстрируют приведенные выше примеры, представления древних славян о времени часто имели оттенок качественности.

Историческое развитие семантики слов, различные изменения их значений, утрата отдельных лексем происходят под влиянием многих факторов, как внеязыковых, так и языковых. Одним из них является тенденция к конкретизации значений, обусловленная познанием действительности, все большим «членением» концептуальной картины мира, отразившимся в языке (например, конкретизация значений рассмотренных рус. *час*, *год*, чеш., словц. *rok*, серб., хорв. *godina*). В качестве языковой причины можно указать на конкурентную борьбу синонимов. Между словами-синонимами, «претендующими» на наименование какого-либо отрезка действительности, возникает борьба, в которой побеждает один, он и начинает «единолично» именовать данный предмет, явление или понятие. Остальные постепенно оказываются на языковой периферии или получают семантический сдвиг, выражающийся в виде сужения, расширения значения, семантического «расщепления» вплоть до энантиосемии, иногда эти процессы сопровождаются и стилистическим смещением. В праславянском языке существовало пять синонимов для обозначения времени как понятия, и только один из них утвердился в языке (в русском, а также сербском, хорватском, болгарском – *время*, в чешском, как и в словацком, польском, словенском, украинском, белорусском, – *čas/час*), все остальные претерпели различные изменения: семантические, стилистические (рус. *рок*, *година*, *час* и др.) или вышли из активного словаря вообще (рус. *доба*, чеш. *hod*, серб., хорв. *rok*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978-1980.
2. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
3. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных). Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2014. 306 с.
4. Мокиенко В.Д. Динамика русского слова. СПб., 1994.
5. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
6. Руско-српски и српско-руски речник. Београд: ЈАСЕН, 2014. 1579 с.
7. Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина). Л.-СПб., вых. с 1965.
8. Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы: колл. монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. 170 с. С. 7-36.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
10. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.), 2-е изд. М., 1999.
11. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968. С. 339-365.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., М., 1986.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О.Н. Трубачева). М., вых. с 1974.
14. Якобссон Г. Развитие понятия времени в свете славянского časъ // Scando-Slavika. 1958. V. 4.
15. Gebauer J. Staročeský slovník. Т. 1-2. Praha, 1903-1916.
16. Příruční slovník jazyka českého. Т. 1-9. Praha, 1935-1957.
17. Rusko-slovenský a slovensko-ruský veľký slovník. Lingea, 2011. 1357 s.
18. Rusko-hrvatski rječnik. Zagreb: školska knjiga, 2002. 1043 s.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (*Витебск, Республика Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mvavit@tut.by

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ОСНОВА ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье показано, что язык – сложная система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими, поэтому подходить к его изучению нужно с разных сторон – в связи с сознанием человека, культурой, обществом, т. е. с позиции интегративности. Автор обосновывает необходимость создания интегративного направления в лингвистике,

Ключевые слова: категория, категоризация, интегративность, синкретизм, глубинные смыслы.

Abstract. The article shows that language is a complex system in which systemic facts alternate with asystemic, chaotic ones, therefore, it is necessary to approach to its study from different sides - in connection with human consciousness, culture, society, i. e.

from the integrative positions. The author substantiates the need to create an integrative direction in linguistics,

Keywords: category, categorization, integrative direction, syncretism, deep meanings.

Еще в 1995 году на Международной конференции «Лингвистика на исходе века» А.А. Леонтьев произнес прощальное слово «чистой» лингвистике, однако она продолжает жить уже более двух десятков лет. Более того, хотя нормы литературного языка изменяются во времени, но при этом русский язык устойчиво сохраняет в веках свою нормативно-литературную основу. Система литературных норм, разработанная еще М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» (1755 г.), определила дальнейшую судьбу русского языка на века. Вот они – результаты «чистой» лингвистики. Чистой лингвистике посвящена и эта конференция.

В заглавие одной из проблем, предлагаемых для рассмотрения на данной конференции, вынесено *Семантический синкретизм как отражение асимметрии языкового знака и особая языковая категория*. Возможно ли такое? С развитием когнитивной лингвистики внимание к категоризации в языке усилилось, т. к. открылись новые горизонты проблемы. Так, появилась возможность посмотреть на категории языка сквозь призму чувственного опыта человека: «Мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык – это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведёт к упорядочиванию данного мира» [4: 162-164]. Это значит, что особенности языковых категорий обусловлены осмыслением человеческого опыта, зафиксированного в языке. В основе опыта лежат определенные типы языковых знаний, ибо мы воспринимаем в мире то, что позволяет нам видеть наш язык. Как известно, наш язык содержит: 1) знание о предметах и событиях, зафиксированное в слове; 2) знание языка как совокупности грамматических категорий; 3) знание языка с позиций внутреннего концептуального содержания, которые репрезентируют особенности человеческого миропонимания. С позиции третьего типа опыта вполне возможно было бы посмотреть на семантический синкретизм как на категорию. Однако в лингвистике категория – «любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства; ... некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся

классов...» [3: 215]. Из этой цитаты следует, что для выделения категории в лингвистике важно понятие класса.

И хотя «категориальный формат ... является ведущим в организации языка» [2: 7], едва ли в свете сказанного семантический синкретизм – это категория. Кроме того, категоризацию следует отличать от концептуализации, для которой немаловажными становятся семантические категории. Возможно, это концептуализация. Здесь встает глобальный вопрос об их дифференциации не только между собой, но и отличия их от процессов классификации. А это – задача будущего.

Далее. Параллельно «чистой лингвистике» быстро развиваются и укрепляются междисциплинарные связи лингвистики с психологией, культурологией, этнографией, антропологией, историей и др. областями знаний.

Сам по себе язык – это сложная система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими: *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве*. Всякое состояние языка есть следствие предыдущих и причина последующих его состояний. Статистические зависимости в языке – блеф (это «бухгалтерия в лингвистике»). Несколько важнее и сложнее функциональные зависимости. Но еще важнее – глубинные процессы, не поддающиеся однозначной интерпретации. Современный ученый Т.В. Черниговская считает, что язык включает в себя алгоритмы научения и «невывисляемые пласты» [6: 64]. Такой невычисляемой, невысказываемой областью исследования в современной лингвистике становятся поэзия, пророчества, сновидения, предвидения, числовые совпадения в жизни людей, народные приметы – всё, что хранит в себе «невыразимое» и загадочное.

Но много загадочного и плохо выразимого и в обычном языке. Попытки приблизиться к его пониманию предпринимаются лингвистами. Так *несказанное* именуется «семантикой умолчания», «недосказанностью», «эвфемией», «подтекстом», «имплицативностью», «аллюзийностью», «игрой смыслами» и др., а эвфемизмы рассматриваются как средство выражения умолчания.

Путь к раскрытию этой тайны языка лежит через особое внимание к семантическим процессам, к тому, как отображены в семантике языка наши знания о мире. Но не о всей семантике идет речь, ибо в ней уже многое сделано, причем русской семантической школой, наиболее сильной в Европе. Здесь наш интерес распространяется именно на глубинную семантику языкового знака, текста, которая выходит за рамки системной лингвистики.

Дело в том, что язык – особая саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не сообразуясь с логикой и причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие абсурдные с точки зрения здравого смысла выражения типа *водка мягкая, теплый шарф; лауреаты старые и малые; клиническая словесность; страшно красивая*.

Понять, как нам удастся правильно интерпретировать данные выражения, помогает опыт, знания, привлекаемые из психологии, культурологии, антропологии, социологии и др. наук. Например, *теплый шарф* – это такой, который сохраняет тепло человеческого тела, т. е. создает ощущение тепла – некую новую реальность по сравнению с поверхностными смыслами. Не случайно французский исследователь К. Ажеж пишет: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания...» [1: 42].

Л. Витгенштейн один из первых почувствовал, что язык не в состоянии точно обозначить все детали слишком сложной для него реальности. Но с другой стороны, язык сам творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. Чтобы это уяснить, необходим интегративный подход, который обеспечивает целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Начиная со второй половины XX века, объединяются разные области научных знаний. Данный феномен получил разную терминологию – синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность. Хотя некоторые ученые дифференцируют данные термины (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), в общих чертах они синонимичны.

При внимательном изучении семантики мы видим, что говорящий создает огромное количество сочетаний слов, фраз, которые трудно интерпретировать с точки зрения здравого смысла.

В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый смысл в них не лежит на поверхности, хотя они привычны для русского уха и часто используются в языке. И дело здесь не только в многозначности слова *конец*, но и в том, как оно образует фразеологизмы и свободные сочетания, которые объяснимы лишь с точки зрения нашего опыта постижения мира.

Особенно много сложностей в интерпретации вызывают фразы с отрицанием, антонимами, противопоставлениями. Выражения с антонимичной парой по логике здравого смысла должны быть противоположны по значению, но это происходит не всегда: *Чай долго остывает* и *Чай долго не остывает* означают одно и то же. Антонимы *нельзя* и *можно* могут означать градацию признака, а не его противоположность: ***Как можно лучше* = хорошо; Как нельзя лучше = отлично.**

Фразы, состоящие из одних и тех же слов, значат разное: *Вся в себе, немного не в себе, вся из себя. Близкие люди не равно недалекие люди.* Язык следует принимать со всеми его противоречиями, которые объяснить мы пока полностью не можем: почему, например, предложения с отрицанием ничего не отрицают: *хрен получишь* и *ни хрена не получишь* – синонимичны по смыслу; *он не мог не прийти*, т. е. пришел, несмотря на целых два отрицания.

Многое предвидел еще В.И. Вернадский, утверждая, что ученые должны специализироваться не по наукам, а по проблемам. Одна и та же проблема, если она не поддается объяснению в рамках одной науки, должна рассматриваться разными и с разных сторон. Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, которое могло бы успешно исследовать проблемы языка в связи с сознанием человека, культурой, обществом. К таким относится проблема глубинных смыслов в языке.

Это, с одной стороны, позволяет использовать знания, полученные в разных областях науки, а, с другой – она позволяет расширить исследовательскую проблематику, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание, и способствует получению часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Как известно, важнейшим принципом мышления, культуры и языка является оппозитивность, исследование которой берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, а затем В. Гумбольдтом и Ф. Соссюром переносится на язык. «В языке нет ничего, кроме оппозиций», – писал Ф. де Соссюр. Современный исследователь Р.Г. Пиотровский также выделяет ряд оппозиций (антиномий): 1) системы языка и системы речи; 2) языка коллектива и идиолекта; 3) языка в целом и его разновидностей и стилей и т. д. Но мы знаем, насколько важен синтез этих оппозиций. Как он происходит? Как оппозиции переходят

в дополнительность? Здесь нам поможет физика – «принцип дополнительности» Н. Бора, который помогает понять сложные оппозиции.

Известно, что есть оппозиции типа: **внутреннее – внешнее, высокое – низкое, мужское – женское, далекое – близкое** и т. д. Это простые оппозиции, в которых каждый ее член полностью противопоставлен другому, т. е. равен другому только с противоположным знаком. Но есть и иные оппозиции: **ум – глупость**. Ум – это не отсутствие глупости, потому что нет умного, который хоть раз не сделал бы глупость. Глупость не равна отсутствию ума, это его дефект. Есть несколько градаций ума, например, ум и мудрость. Ф. Раневская на вопрос, чем отличается мудрый человек от умного, ответила: «Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает». Ум для русского человека – в его обязательном сочетании с глубинными знаниями о мире, чаще всего мистическими знаниями. Это хорошо чувствовали русские поэты. Так, у Вяч. Иванова в поэме «Младенчество» мать – это ясновидящая: *С бесплотным зрением теней / По-русски сочетался в ней / Дух недоверчивой догадки, / Свободный, зоркий, трезвый ум.*

Следовательно, ум состоит из множества разнообразных и часто противоречивых элементов, поэтому суждение об уме всегда субъективно: все зависит от того, что считаешь главным в уме. При таком понимании ум – это ментальный опыт. Это знал уже А. Пушкин, уподобляя ум четкам, на которые нанизываются бусины опыта: *На нити праздного веселья / Низал он хитрою рукой / Прозрачной лестии ожерелья / И четки мудрости златой.*

Таковы оппозиции **добро – зло, значение – смысл** и др. Например, смысл в синергетике рассматривается «как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [5: 34]. Поэтому одно и то же слово, помещенное в разные контексты (системы) может получить самые различные смыслы, которые порождаются данными поэтическими контекстами. Так, *метель* в творчестве В. Жуковского – темная сила, вызывающая предчувствие чего-то плохого; у А.С. Пушкина *метель* – длительный и разрушительный процесс, как действие враждебной стихии, властной над человеком, но умной, которой известна подлинная судьба человека. У А. Блока *метель* – тоже темное и холодное начало, противопоставленное царству света. У Марины Цветаевой *метель* – Богородица, носитель духовного начала, отсутствуют негативные коннотации у данного слова, даже когда метель – **странница клюкастая, ... в избу ломится**. Общий смысл здесь

установить трудно: *метель* – это не только состояние хаоса для мира и человека, но и голос судьбы. Все возникшие у разных авторов смыслы равно возможны, но у каждого реализован только один, реже – два (как у М. Цветаевой).

Для исследования сложных оппозиций необходим интегративный (синергетический) подход.

Поиск новых методологий привел современное знание к необходимости объединения двух и более методов, подходов, научных областей. Признание *целостности* как основополагающего принципа бытия обязывает принять любую жизненно уместную (и нужную) теорию. Таким образом, на современном этапе развития лингвистики наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач. Современная лингвистика стремится к интеграции с целым рядом наук: психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой и с другими отраслями знаний, изучающими человека и его язык. На целостность мира и раньше указывали поэты, опередив науку. Так у Н. Рубцова есть такое четверостишие: *С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жеучую, / Самую смертную связь.*

Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.-Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С. 25-77.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
4. Мауро Т. де. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.
5. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
6. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.

МЕРКУЛОВА Инна Александровна (Воронеж, Россия)

доктор филологических наук. доцент
Воронежский государственный университет
lgel1@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Ангелина Дмитриевна (Воронеж, Россия)

студент
Воронежский государственный университет
angelina28112002@mail.ru

РЕДУПЛИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию редупликативных конструкций, состоящих из частицы *прямо (прям)* или местоимения *такой* и удвоенного существительного в Им.п. Целью исследования является анализ семантики и синтаксических особенностей таких повторов и их функции в живой речи носителей русского языка. Выделены четыре основных значения этих редупликаций.

Ключевые слова: редупликация, имя существительное, семантика разговорной речи.

Abstract. The article is devoted to the study of reduplicative constructions consisting of the particle “*pryamo (pryam)*” or pronoun “*takoy*” and a doubled noun in the nominative case. The aim of the study is to analyze the semantics and syntactic features of such reduplications and their function in the living language of native Russian speakers. Four main meanings of these reduplications are identified.

Keywords: reduplication, noun, semantics of colloquial speech.

Повтор, удвоение, парные слова, тавтологические конструкции, редупликация – все эти номинации обозначают явление, характерное для разговорной речи и электронной коммуникации. Его суть заключается в повторе целых слов, обладающих звуковой и / или смысловой общностью. Такие образования подробно проанализированы в работе О.Ю. Крючковой [4], сравнительные конструкции с тождественными словоформами изучены Е.Л. Вилинбаховой [1]. Однако за пределами рассмотрения остались примеры редупликации лексем типа *прям мужчина-мужчина* (приведем примеры из Национального корпуса русского языка и живой разговорной речи):

(1) *Алексей прямо мужчина-мужчина: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит.*

(2) *Они всё время вместе проводят, за ручку гуляют, фотографии красивые выкладывают – прямо любовь-любовь.*

(3) В деревне продают **молоко-молоко**, не то что в городских магазинах!

(4) Там не такой уж прям **ремонт-ремонт**, чтобы нас выселяли; так, косметический...

(5) Будь я в жюри «Букера», вряд ли голосовал бы за Колядину, чья вещь – это, конечно, не **ужас-ужас-ужас**, как заявили почти все рецензенты, вполне крепка и мила, но с позиций «качественной литературы» относится ко второму или к третьему ряду (С. Шаргунов. Россию надо выдумать заново? (2011)).

(6) Но, если начать разбирать эти страхи, окажется, что если в них и есть «ужас», то он точно не **«ужас-ужас-ужас»**, и с ним под силу справиться (<https://alena-korolkova.livejournal.com/110331.html>).

(7) В этом костюме он прям **француз-француз!** Аналогично: В этом костюме ты прям **студент-студент**.

(8) Ты с детьми так хорошо играешь, прям **отец-отец**.

(9) В понедельник будет полдня оформление, полдня знакомство, **работа-работа** начнется со вторника. Аналогично: Сегодня мы знакомились с однокурсниками, **учеба-учеба** начнется завтра.

(10) А вот это уже **кофе-кофе!**

(11) Взгромоздила новую шляпу, стою в очереди в кассу, мурлычу что-то под нос, чувствую себя такой **девочкой-девочкой** и вдруг слышу сзади: «Ну, бабушка, поворачивайся, заснула, что ли?» – И сама же смеется (В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

Сразу заметим, что примеры (5) и (6) демонстрируют не удвоенную, а утроенную форму, связанную с прецедентным текстом (анекдотом), и исключаются из рассмотрения.

Впервые на подобные конструкции удвоения существительных обратила внимание К.А. Гилярова [2; 3].

Целью исследования является анализ семантики и синтаксических особенностей таких повторов и их функции в живой речи носителей русского языка.

Эти повторы отличаются от повторов в фольклорных текстах (*Колобок, Колобок, я тебя съем!*) и при языковой игре (*Многим из нас знакомо забавное выражение «шашлык-машлык»*). Не похожи они и на редупликацию, предназначенную для выражения грамматических значений: *Если можно,*

большой-пребольшой кусок жареной говядины с картофельным пюре; Она и сегодня живет всех живых, её пели, поют, и будут петь ещё много-много лет.

В чем же особенность приведенных выше примеров?

С точки зрения формы они представляют собой: 1) сочетание частицы *прямо* (*прям*) и удвоенного существительного в Им.п – «(*прямо, прям*) X-X»; 2) сочетание местоимения *такой* и удвоенного существительного необязательно именительного падежа – «*такой* (-ая, -ое) X-X»; 3) удвоенное существительное в позиции подлежащего X-X.

Во всех этих контекстах редупликаты выступают в предикативной функции в составе именной части сказуемого часто с пропущенной связкой.

Учитывая, что *прямо* (разговорный вариант *прям*) используется здесь как частица, имеющая значение 'совершенно, действительно' – *Алексей прям (=действительно) мужчина: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит*, употребить существительное можно один раз, тем не менее редупликация происходит.

Национальный корпус русского языка дает такие примеры редупликации с частицей *прямо*:

– *Ну, и водка! – восхищенным голосом воскликнул Терентий: – прямо, печь печью... до чего она в жар бросает...* (Ф. Д. Крюков. Товарищи // «Русское Богатство», 1909).

А то вдова-старушонка и с лица-то прямо ведьма ведьмой! (П.Ф. Якубович. В мире отверженных. Том 2 // «Русское богатство», 1898).

Это традиционные употребления иной формальной организации – *прямо* X (Им.п.) X (Тв.п.), имеющие значение подобия.

Во второй группе местоимение *такой* выражает типичное для себя значение – сильную степень свойства, состояния или усиления оценки (*такой красивый, такой силач! Такая тоска!*), но при этом существительное повторяется. Нетрудно заметить, что в традиционных употреблениях используются слова, имеющие значения признака, свойства, состояния и, следовательно, возможность показать их степень (усилить): *такой красивый* = очень красивый, *такой силач* = очень сильный, *такая тоска* = очень тоскливо, но *такая девочка* ≠ очень девочка, *такой ремонт* ≠ очень ремонт.

Национальный корпус русского языка также дает примеры редупликации с местоимением *такой*:

Но это был **такой день** – день нарушения законов (Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)).

И когда наша потребность в **такой свободе** – свободе от самих себя – сталкивается с путешествием, то мы способны полюбить этот город, полюбить его за то, что ему ничего от нас не надо, полюбить его безразличие (Андрей Тесля. Другое время // «Знание-сила», 2014).

[Павел (nick)] Но давай нашим любимым героям в наших любимых фильмах попробуем дать **такой шанс, шанс** на счастье. (Форум: Обсуждение фильма «Доживем до понедельника» (1968) (2007-2010)).

Как видим, эти примеры также отличаются от анализируемых и формально (повторяющиеся элементы принадлежат к разным клаузам, предполагают обязательную паузу, маркирующую пояснение), и содержательно (передается пояснительное значение).

Таким образом, редупликация – семантически емкое средство, при котором с помощью «лишнего» слова передается некоторое содержание. Что же именно выражают повторы в примерах (1)-(11)?

Во-первых, обозначают устойчивое образцовое представление об объекте, включенном в состав редупликативной конструкции.

(1) **мужчина-мужчина**: образцовому мужчине присуще уважительное отношение к женщине.

(2) **любовь-любовь**: образцовую любовь связывают со стремлением быть вместе и бережным отношением друг к другу.

(4) **ремонт-ремонт**: образцовый ремонт предполагает максимальные неудобства для жителей квартиры.

(8) **отец-отец**: образцовый отец должен играть с детьми.

Во-вторых, передает значение похожести, подобия.

(7) **француз-француз (студент-студент)**: в этом костюме он похож на настоящего француза (студента).

В-третьих, имеет положительное оценочное значение

(3) **молоко-молоко**: в деревне продают хорошее качественное молоко.

(10) **кофе-кофе**: настоящий, вкусный кофе.

(11) **девочкой-девочкой**: чувствую себя молодой, счастливой и под.

Примерам (9) *В понедельник будет полдня оформление, полдня знакомство, **работа-работа** начнется со вторника; Сегодня мы познакомились с однокурсниками, **учеба-учеба** начнется завтра, вероятно,*

соответствует четвертое значение – усиление основной семантики – настоящая (именно) работа, настоящая учеба (именно учеба). Хотя процесс учебы подразумевает и знакомство с однокурсниками, однако не воспринимается как собственно учеба, получение знаний, то есть процесс «настоящей» учебы начнется завтра.

Таким образом, исследованный материал показал, что редупликация существительных в современной речи является динамическим явлением, расширяет наши представления о функциях повторов и демонстрирует потенциальные возможности языка.

Удвоение существительных характеризуется фонетическими (слова произносятся без паузы и представляет собой целостную синтагму), грамматическими (слова выступают в предикативной функции в составе именной части сказуемого часто с пропущенной связкой и сочетаются с частицами *прямо, прям*) и семантическими признаками.

Можно выделить четыре основных семантических признака именных редупликатов: образец, подобие, оценка, усиление.

В перспективе исследования предполагается рассмотреть, какие значения имеют подобные редупликативные конструкции с другими частями речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилинбахова Е.Л. Сравнительные конструкции с тождественными словоформами в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021). М., 2021. С. 1224-1232.

2. Гилярова К.А. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.) Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 90-96.

3. Гилярова К.А. Статья такая статья: об одном типе редупликации в современном русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции в 2-х томах. Редколлегия сборника: В.П. Селегей, В.И. Беликов, И.М. Богуславский, Б.В. Добров, Д.О. Добровольский. 2013. С. 242-253.

4. Крючкова О.Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (8). 2004. С. 63-85.

МОНИНА Тамара Степановна (Орехово-Зуево, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Институт деловой карьеры
tamaramonina@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА МЕТОНИМИИ В СИНТАГМАТИКЕ ДИСКУРСА МОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается обусловленность аксиологической семантики метонимического термина моды синтагматикой дискурса. Рассмотрены способы метонимических переносов, выявлены причины формирования инвариантного аксиологического значения термина, описаны основные семантические модели предложений, в состав которых входят метонимические единицы, приведены контексты, усиливающие мейоративность аксиологии термина. В ходе работы было выявлено, что в рамках модельного дискурса реализуется attractive функция метонимии. Статья в целом позволяет углубить представление об особенностях метонимической терминологии в модельном дискурсе.

Ключевые слова: метонимия, термин, аксиология, аттракция, дискурс моды.

Abstract. The article deals with the conditionality of the axiological semantics of the metonymic term of fashion by the syntagmatics of discourse. The methods of metonymic transfers are considered, the reasons for the formation of the invariant axiological meaning of the term are identified, the main semantic models of the sentences, which include the metonymic units, are described, contexts that enhance the meiorativity of the term's axiology are given. In the course of the work, it was revealed that the attractive function of metonymy is realized within the framework of the model discourse. The article as a whole allows to deepen the understanding of the features of metonymic terminology in the model discourse.

Keywords metonymy, term, axiology, attraction, fashion discourse context.

Проблемы, связанные с экспрессивностью языка и речи (их возможности и потенциал) в наиболее активно развивающемся в последнее время публицистическом дискурсе, обусловили **актуальность** изучения тропа. При современном подходе к анализу метонимия изучается и рассматривается не изолированно, а в дискурсе, так как именно в условиях контекста происходит насыщение слов смысловым наполнением. Метонимические переносы смысла связаны с сокращением словосочетаний, т. е. прежде всего обусловлены контекстными связями слов, которые, в свою очередь, проявлены в речевом дискурсе.

В дискурсе моды метонимия наиболее часто основана на следующих семантических связях переноса наименования.

Емкость – содержимое: *Одевать Линдси Лоан доверили серому кардиналу голливудских гардеробов, стилистке Рейчел Зое* (Полина Сохранова. SPY За кулисами // Vogue Россия. 2006. №9).

Материал – изделие из него: *Поэзия капрона на женских ножках* (www.intermoda.ru/.../poezija-kaprona-na-zhenskih-nozhkah.html).

Место – изготовленный там предмет: *Два любимых материала Ленни – кожа и деним* (А. Гулевский, *Мода / Икона стиля*, 14.11.2022) – деним – ткань, получившая свое название от французского города Ним, изначально “*serge de Nimes*”. *В выборе силуэтов он (Ленни) на удивление постоянен и фанатично носит джинсы* – слово “джинсы” “**jean**” получили свое название от итальянского города Генуя “Genoa”.

Предприятие – результаты его работы: *Носить Версаче и Армани! Свой отпуск проводить не в ванной, А на песке у океана!* (otvet.mail.ru/question/16460139/Джэ́нни Верса́че) Джэ́нни Верса́че – итальянский модельер, основавший в 1978 году марку Versace, под которой выпускаются элитная одежда и аксессуары, Джорджио Армани – итальянский модельер, основавший в 1975 году компанию Armani – одну из ведущих законодателей в мире моды.

Действие – результат действия: *Предлагаю золотое шитье, вышивку пасхальных яиц, обложек для книг*, (easteregg.narod.ru/).

Автор – название его работы или созданного им стиля. Сигнификативное значение слова *галифэ* – ‘брюки, облегающие голени и сильно расширяющиеся на бёдрах’. Метонимия основана на имени французского генерала Гастона Галифе (1830-1909), который ввёл брюки такого покроя для кавалеристов.

Целое – часть целого: *К дзену на шпильках* (Е. Бабанова).

Семантические связи переноса наименования в метонимии актуализируют в семантике термина моды инвариантную оценочную мейоративную сему ‘модный’, входящую в ядерную зону концепта «мода» [3: 302]. В высокой степени значимыми элементами, формирующими аксиологическое значение метонимической единицы, являются коннотативные знаки. Коннотация – это скрытый, имплицитный компонент значения, осознаваемый тем не менее носителями языка. В знаке-коннотате соединяются сведения о мире и отношении субъекта речи к референту, в семантике коннотата связывается объективное и субъективное. Коннотаты отражают связанные со словом культурные

представления и традиции, господствующие в данном обществе. Коннотации, с одной стороны, стандартизированы и входят в языковую картину мира, а с другой стороны, индивидуализированы и составляют картину мира речевого субъекта. В основе индивидуально-авторских смысловых ассоциаций находится культурный контекст употребления слова. Оценка-коннотация возникает на основе ценностного импликационала: коннотации реализуют оценку на базе социального ассоциативного потенциала, который известен говорящему как социуму [2].

Материал – изделие: *Раньше все холсты носили, одевались в ситец, лен. А теперь акрил, капрон, полиэстр и нейлон* (Алена Разинкова). В частушке отмечена тенденция растущей популярности искусственных тканей в 60-х годах. Основой для их предпочтения явилась не только их красота, но также удобство в эксплуатации. Инвариантная сема ‘модный’ реализуется на основе многочисленных положительных коннотаций: *красивый, удобный, практичный, новый, популярный*.

Мои друзья хоть не в болонии, зато не тащат из семьи. А гадость пьют – из экономии, Хоть поутру – да на свои! (В. Высоцкий). В 1962 году в СССР поступили в продажу итальянские тёмно-синие плащи из болоньи, покоровившие всех новизной и практичностью. Такой плащ стал показателем престижности и достатка. Инвариантная сема ‘модный’ реализуется на основе положительных коннотаций: *престижный, дорогой*.

Автор – изделие: *На выставке Ван Гога, я – главный экспонат. На лабутенах-нах... и в восхитительных штанах* (С. Шнуров). Кристиан Лубутен – французский дизайнер-модельер обуви. В метонимии актуализирована сема ‘авторский’. Инвариантная сема ‘модный’ на основе положительных коннотаций сопрягается с семами: *красивый, уникальный, исключительный, единственный, престижный, новый*.

Предприятие – изделие. Самую высокую степень престижности и значимости приобрела сема ‘модная иностранная фирма’, (или, как называли ее в народе, «фирма́»): *Побольше зелени в кармане! Носить Версаче и Армани! Свой отпуск проводить не в ванной, А на песке у океана!* (otvet.mail.ru/question/16460139). Инвариантная сема ‘модный’ реализуется на основе положительных коннотаций: *красивый, фирменный, иностранный, престижный, эксклюзивный, исключительный*.

Семантика оценочности закреплена в следующих семантических моделях предложений: 1) оценочная характеристика предмета моды в структурной схеме «номинатив, обозначающий предмет моды + словоформа, имеющая признаковое значение»: *Аромат совершенства – Шанель номер пять, как само воплощение женщин* (Лана Оли); 2) оценочная характеристика субъекта владения предметом моды в структурной схеме «номинатив, обозначающий предмет моды + субстантив, обозначающий субъекта-посессора»: *Дорогая Мэрлин, что надето на Вас Перед тем как идете Вы спать? В тишине прозвучало: «Почти, что сейчас. Это капли Шанель №5»* (Лана Оли).

Основные (инвариантные) структуры предложения с метонимическим компонентом могут включать в свой состав осложняющие компоненты, придающие синтаксической конструкции добавочные оттенки оценочности. К ним, прежде всего, можно отнести логические кванторы всеобщности и единичности, усиливающие степень мейоративности: *Все хотят носить Versace* (А. Gotlib, О. Savchenko); *В том же году за кулисами модного шоу можно было увидеть нескольких именитых моделей, которые были одеты в Versace с головы до ног* (Л. Маценко); *Сама Майя Михайловна не раз будет говорить, что носит исключительно Pierre Cardin* (А. Гулевский, *Мода / Икона стиля*, 20.11.2022).

В расширенном контексте синтагматических связей терминов моды с другими компонентами предложений мейоративность аксиологии усиливается: *На 8 марта Мане подарю кольцо Де Бирс, и сережки от Армани, то-то будет, за*бись* (В. Пелевин) – Кольцо Де Бирс – это подарок на праздник; *И в этом нет порока, что спрятана в нейлон изящность ног* (В. Боков) – изящные ноги достойны красивого оформления; *А я милого узнаю по походке, он брюки носит, брюки галифе* – повтор термина *он брюки носит, брюки галифе* указывает на эксклюзивность, неординарность обозначенного предмета; *А я иду такая вся в Дольче Габбана. Я иду такая вся, на сердце рана. Слезы душат-душат, я в плену обмана. Но иду такая вся в Дольче Габбана* (А. Данилко) – контекст противопоставленных антонимических психологических ситуаций подчеркивает высокую значимость одежды Дольче Габбана.

В заключение подчеркнем, что метонимия как яркий символический троп является описательной категорией. Она создаёт и усиливает зрительно ощущаемые представления, будучи при этом способом не прямой, а косвенной характеристики явления. В отличие от метафоры, метонимия отмечает все со-

путствующие признаки, очищая, типизируя основной для данной ситуации признак [1: 350]. На основе аксиологического компонента содержания тропов в рамках модельного дискурса формируется дополнительная функция метонимии – функция привлечения внимания потенциального покупателя и убеждения (не на рациональном, а эмоциональном уровне) его в целесообразности приобретения описываемого предмета (будь то товар или сфера услуг). Эта функция отражает главную специфику современной публицистики, проявляемую в тенденции к манипулированию человеческим сознанием (ср. с современными психологическими разработками в области манипулирования человеком), в навязывании потребителю определенного стиля, образа жизни. Тем самым отчетливее проявляется этимологическая внутренняя форма термина «мода» (латинское слово *modus* означает 'способ, образ действия').

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.
3. Хорошавина Ю.А. Номинативное поле концепта «мода» в русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М., 2016. С. 301-303.

МОХАММЕД Мохаммед Халиль (*Россия, Москва*)

аспирант
Российский университет дружбы народов
Mohammedkhalil85@inbox.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье речь идет о грамматической категории падежа имени существительного. Автор приводит определение имени существительного, а также падежа имени существительного в русском языке. Также дается характеристика современной падежной системы русского языка и краткий анализ особенностей грамматической категории падежа имени существительного. Кроме того, определяются основные значения падежей имени существительного в русском языке, приводятся к каждому значению примеры. В заключении исследования автор пришёл к выводу о том, что понимание особенностей функционирования грамматической категории падежа имени существительного в современном русском языке имеет огромное значение для межкультурной коммуникации с носителями русского языка с целью максимального облегчения такого рода коммуникации, а также повышения ее эффективности.

Ключевые слова: грамматическая категория, имя существительное, падеж, падежная система, лингвистика, русский язык.

Abstract. This article deals with the grammatical category of the noun case. The author defines the noun and the case of the noun in Russian. The author also gives a description of the modern case system of the Russian language, as well as a brief analysis of the grammatical category of the noun case. In addition, the author defines the main meanings of the noun cases in the Russian language, supporting each meaning with examples. The author comes to the conclusion that understanding the functioning of the noun case grammatical category in modern Russian is of great importance for cross-cultural communication with native Russian speakers in order to facilitate this kind of communication as much as possible, as well as to increase its effectiveness.

Keywords: grammatical category, noun, case, case system, linguistics, Russian language.

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что имя существительное играет огромную роль в лингвистике в целом и в падежной системе русского языка в частности в силу того, что именем существительным обозначается предмет или лицо, а практически любое высказывание содержит информацию, касающуюся предмета или объекта какого-либо действия. В силу вышесказанного имя существительное занимает центральное место в структуре большинства предложений на русском языке. А так как в русском языке, как в ярком представителе синтетических языков, использование падежей и, соответственно, падежных окончаний является определяющим для правильного построения высказываний, понимание особенностей функционирования падежей и правильное их употребление имеет огромное значение для межкультурной коммуникации, поскольку дает возможность грамматически правильно строить предложения. По этой причине представляется целесообразным рассмотреть отдельные особенности грамматической категории падежа имени существительного.

Морфологическая категория падежа представляет собой сложное явление грамматики. Анализ данных «Всемирного атласа языковых структур» свидетельствует о том, что категория падежа распространена в двух третях языков и языковых семей. Как отмечает П.М. Аркадьев, категория падежа связана со всеми уровнями языка: выражается с помощью морфем (морфология), указывает на грамматический статус членов предложения (синтаксис), выражает лексические значения разных слов (лексика) [1: 59].

Формы имен существительных в русском языке противостоят друг другу не только в соответствии с их числовыми значениями, например ед.ч.: *мама, брат, строение, кошка, собака*; мн.ч.: *мамы, братья, строения, кошки, собаки*. Ряды словоформ, например: *мама, маме, маму; кошка, кошке, кошку* и т. д., имеют общее лексическое значение и служат названиями от-

дельных предметов. Подобные серии содержат словоформы различных падежей. Формальные различия между вышеперечисленными словоформами очевидны, однако если рассматривать каждую из этих единиц в отдельности, трудно заметить различия между ними по смыслу. Если рассматривать эти словоформы в составе словосочетаний или предложений, отличия между ними становятся понятными, как в словах, «подчиненных» им, например, в прилагательных, так и в тех словах, которые «подчиняют» их, т. е. в именах существительных.

Формы существительных имеют характеристику, которая предопределяет возможность или невозможность сочетания таких форм с другими словоформами. Так, например, в русском языке возможны следующие словосочетания: *построится (построить) дом, открыта дверь, положить на пол* и т. д., но нельзя использовать следующие фразы: *построиться домом, открыто дверью, поставит на полу* и др.

Категория падежа обычно понимается как грамматическая флективная категория, которая служит для обозначения разных отношений существительного (числительного и местоимения) к другим словам, обозначающим явления, предметы, действия, состояния и т. д., и здесь также необходимо включить самостоятельную позицию, которая понимается как именительный падеж, в структуру фразы или предложения [2: 259]. В качестве одного из основных средств выражения падежного значения в русском языке используется окончание (флексия), с помощью которого выражаются формальные значения, например, падеж, а предлог действует как дополнительное средство указания падежа. В современном русском языке различают шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный [5: 131].

Отметим, что в падежной системе современного русского языка нет звательного падежа, хотя он широко использовался в древнерусском языке. По мере развития русского языка функция звательного падежа перешла к именительному, однако в разговорной речи до сих пор имеются специальные звательные формы, например: *мам!; пап!; Саш!; Сереж!* и т. д.

Количество значений, которые может выражать существующий в русском языке падеж, значительно больше, чем самих падежей, так как у одного и того же падежа может быть несколько значений. Например, формой творительного падежа могут передаваться следующие значения:

- *писать карандашом* – значение инструмента;
- *вдохнуть полной грудью* – значение образа действия;
- *сшито мастером* – субъектное значение;
- *заниматься арабским языком* – объектное значение;
- *брести тропинкой* – значение места;
- *это произошло поздней зимой* – значение времени и т. д.

В современном русском языке принято различать четыре основных значения падежа, а именно: субъектное, объектное, определительное и обстоятельственное [3: 88].

Через субъектное значение выражается отношение того, что выполняет действие, к действию, которое осуществляется. Наиболее активно это значение передается с помощью именительного падежа. Под актором понимается человек (например: *композитор играет, сын читает*) или некий объект как субъект действия (*парус белеет*). Субъектным значением обладают такие падежи, как родительный (*взгляд Ахмеда*), дательный (*Ахмеду не сидится*) и творительный в пассивной конструкции (*книга читается Ахмедом*).

Значение объекта передает отношение действия к объекту. Различают значение прямого объекта (непосредственная связь с предметом) и значение косвенного объекта (частичная связь с предметом). Значение предмета напрямую связано с винительным падежом (*любить мать (родину), читать книгу, смотреть фильм* и т. д.). Следует отметить, что все переходные глаголы требуют винительного падежа без предлога. Иногда возможно использование форм родительного падежа:

- с глаголами, имеющими при себе отрицание, например: *не любить мороза*;

- с возвратными глаголами, например: *бояться осуждения* и т. д. [4: 60].

Посредством определительного значения признак (свойство, характеристика) предмета передается через его отношение, и в этом случае часто можно проследить связь с прилагательным, например: родительный падеж – *хвост собаки (собачий хвост)*; винительный падеж – *костюм в полоску*; предложный падеж – *женщина в платье*; творительный падеж – *мужчина с бородой* и др. [6: 45].

С помощью обстоятельственного значения передается отношение имени существительного к глаголу, а также определяются место, время, причина, цель, пространство и т. д. Например, значение места может выражаться лю-

бым косвенным падежом: дательным – *подъехать к гостинице, подойти к дому*; родительным – *солнце светит с неба* и т. д.

Таким образом, можно сделать важный вывод о том, что понимание особенностей функционирования грамматической категории падежа имени существительного имеет большое значение для облегчения межкультурной коммуникации между носителями русского языка как родного и как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркадьев П.М. Падежи в языках мира // Лингвистика для всех. М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2009. С. 59-71.
2. Булыгина Т.В. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 253-266.
3. Валгина Н.С., Розенталь Д.Е., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с.
4. Сергеева М.Ф. Как определить падеж? // Русский язык в школе. 1995. №5. С. 58-64.
5. Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей // Вопросы языкознания. М., 1968. С. 129-168.
6. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Избранные работы. М., 1985. С. 112-149.

НИКОЛИНА Наталия Анатольевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
admin@riash.ru

ПЕТРОВА Зоя Юрьевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
zoyp@mail.ru

ТИПЫ И ФУНКЦИИ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ ОБРАЗОВ СРАВНЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №23-28-00060

Аннотация. В статье рассматриваются распространители, выделяющие образ сравнения в компаративных конструкциях. Материалом для анализа служат тексты современной русской прозы. В результате исследования разработана классификация типов распространителей (как структурная, так и семантическая), выявлены их

функции в художественном тексте. Делается вывод, что для современной русской прозы характерна активизация объемных компаративных конструкций, включающих разнообразные распространители образов сравнения, позволяющие создавать в тексте яркие многоаспектные образы.

Ключевые слова: компаративная конструкция, метафора, сравнение, распространитель, определение, функции в тексте.

Abstract. The article deals with determinants that highlight the image of comparison in comparative constructions. The texts of modern Russian prose serve as the material for analysis. As a result of the study, a classification of types of determinants (both structural and semantic) has been developed, and their functions in a literary text have been revealed. It is concluded that modern Russian prose is characterized by the activation of capacious comparative constructions, which include various determinants of images of comparison, that makes it possible to create vivid multidimensional images in the text.

Keywords: comparative construction, metaphor, simile, determinant, attribute, functions in the text.

Одной из тенденций развития компаративных конструкций (метафор и сравнений) в современной русской прозе является интенсивное использование распространителей, сопровождающих и выделяющих образ сравнения тропов. Цель нашей статьи – рассмотрение типов и функций таких распространителей. Материалом для анализа служат тексты современной русской прозы, в частности контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [3].

Распространители образов сравнения, во-первых, представляют собой согласованные или несогласованные определения. Например, согласованное определение представлено в следующем контексте: *Я рассказывала Мэри, как однажды с парашютом попала в БП – беспорядочное падение. Он слушал, то и дело в ужасе хватаясь за щеку: такой трепетный, просто смешно! <...> – О, боже, боже... – повторяет Мэри, зажимая ладонью рот. Глаза вытаращены, клюв торчит – **обезумевшая курица**. – Ты такая смелая, я восхищаюсь тобой!* (Д. Рубина. Бабий ветер); несогласованное определение – в контекстах: – *Что ты спрашиваешь, заходи! – Крылов поспешно втащил ее в прихожую и подхватил чемодан, уложенный, как видно, второпях и напоминавший пухлую **оладью с непропеченными твердыми комьями*** (О. Славникова. 2017); *Королев откинулся навзничь. Низкое рыхлое небо поползло над ним, как **тафта на крышке гроба*** (А. Иличевский. Матисс).

Во-вторых, образ сравнения может распространяться полупредикативным оборотом: *Записи свои Христофор обычно оставлял там, где они были сделаны, – на лавке, на печи, на поленице. <...> Следя за перемещениями*

Христофора, Арсений уже знал, где искать его записи. Порой на месте обнаруженной грамоты в тот же день находилась другая, а то и не одна. Временами дед казался Арсению **курицей, несущей золотые яйца**, их надо было только успевать собирать (Е. Водолазкин. Лавр), наконец, придаточным определительным: **Колькина мамаша не замечала всех этих тонкостей и являлась в дверях с широченной ухмылкой, отчего ее уши становились в точности как прищепки, на которых подвешена простыня** (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Определения (согласованные и несогласованные), конкретизирующие образ, могут нанизываться друг на друга, например: **Река, вскипая и бухая, разматывалась, будто ткань из угловатого рулона на прилавке магазина; голодные мыльные сумерки с негаснувшей рекой, блестящей, будто нож с остатками масла, с мягкими сдобными крошками** (О. Славникова. 2017); **Прибывший чуть позже, надежно накачанный лекарствами профессор обнаружил Федора Игнатовича на краешке монументального дивана, где кандидат сидел бочком, напоминая кривую беломорину, прилипшую к оттопыренной губе** (О. Славникова. Бессмертный).

В одном контексте также могут сочетаться и определение, и придаточное предложение, усиливая яркость образа: **Я вдруг обратил внимание, что у него <...> необычные уши, даже не уши, а ушки <...>. Эдакие детские сушки, которые хочется с хрустом оторвать и погрызть** (А. Аствацатуров. Не кормите и не трогайте пеликанов); **Чалдонову иногда казалось, что Создатель просто поторопился запихать гениальную Линдтову сущность в первое попавшееся земное тело – словно Ему самому не под силу было удерживать эту самую сущность в руках. Ну, как будто печеную картошку, раскаленную, обугленную, с лопнувшим сахаристым бочком, которую сперва честно перебрасываешь из ладони в ладонь, пытаясь остудить, а потом все равно роняешь в невидимую ночную траву** (М. Степнова. Женщины Лазаря); **Бревенчатая церковь <...> вздымалась над вытоптанной площадью, словно огромная птица, которая приземлилась здесь только на мгновение, чтобы подобрать птенцов <...>** (А. Иванов. Тобол).

В семантическом плане рассматриваемые распространители разнообразны. Чаще всего они

- выражают оценку: *Надоевший в школе, как **ежедневная гречневая каша**, Пушкин разбил молодым веселым кулаком стекло своего официального портрета и вышел ко мне из рамы лукавый, дерзкий, пахнувший снегом и шампанским* (Е. Евтушенко. Волчий паспорт); *Неужели сам не понимаешь, что это нелепо? **Побитый молью Ромео** – это смешно...* (С. Романов. Парламент); *Чекист раскачивался, и улыбка на его лице раскачивалась, как **дохлая рыба в тазу, полном смрадной водой*** (З. Прилепин. Обитель);

- отражают зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные впечатления, характеризуя реалии окружающего мира или лицо: *Жаркий и густой, как **манная каша**, дождь не приносил облегчения от жары* (А. Троицкий. Удар из прошлого); *«<...> в “Волге” сильно и сладко воняло бензином и духами Галины Петровны – невыносимыми, густыми, будто взорвавшееся на жаре, **нагло прущее из банки смородиновое варенье*** (М. Степнова. Женщины Лазаря); *Продавщица, тощая, как **венская сосиска**, женщина неопределяемого даже под пыткой возраста, с челкой совершенно обесцвеченных, каких-то полиуретановых и даже полиэтиленовых волос <...>* (М. Бару. Не пишется проза, не пишется); *Лидочка поняла это, как только обзавелась собственным партнером – **Леней Беляевым**, бледным, упрямым мальчиком, помешанном на балете и собственной заднице. <...> Его прикосновения, холодные и липковатые, как **манная каша**, не вызывали у Лидочки ничего – даже отвращения* (М. Степнова. Женщины Лазаря);

- определяют внутренние качества лица: *Мама, **незабвенная Роза**, была маленькая очаровательная блондинка, скорее русая, скорее пепельная, с пепельно же серыми глазами. Для того чтобы разглядеть в ней эту однотонную тихую красоту, следовало некоторое время понаблюдать, как она двигается: осторожно, опасливо, как **деликатная кошечка в чужом дворе*** (Д. Рубина. Бабий ветер);

- называют особенности поведения: *Мы слетели [с горки], как **пригоршня защекотанных зайцев**, кувыркаясь и гогоча* (Ш. Идиатулин. Город Брежнев);

- дают темпоральную или локальную характеристику: *Джулия сделала ему предложение, как **современная Татьяна Ларина**, и он просто не повторил ошибку Онегина* (М. Чулаки. Примус); *Пара **местных Гераклов** раскачала табличку при помощи подобранного у станционных пакгаузов лома* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри).

Распространитель компаративного тропа в современной прозе сам может представлять собой образное средство, например метафору. Так, в романе А. Иванова «Золото бунта» сложное прилагательное *петушино-красный*, распространяющее образ сравнения *блин* (солнца), в свою очередь выражает сравнительное значение и является метафорическим эпитетом: ***Петушино-красный блин*** солнца уже наполовину окунулся в сметану вечерней мглы.

Распространители образов сравнения компаративных конструкций выполняют в тексте различные функции. Прежде всего они, обращаясь к видовым понятиям, устанавливают соответствие образа и основания сравнения и тем самым способствуют мотивировке образа, например: *Орли не сочеталась со Славой. Слава был простоватый и некрасивый, округлый и мягкий, как матрас, – в общем, никакой. А Орли – упругая, как боксерская перчатка* (А. Иванов. Комьюнити). В результате в художественной речи при одном родовом понятии возникают разные образы, основанные на связанных с ним видовых понятиях. Ср., например, *Висит рубашка среди невзрачных сорочек, как яркое пламя, алеет, как розовый куст посреди зимы* (Д. Гаврилова. Бабье счастье); *Возившаяся на кухне старуха, тощая, как осенний крушиновый куст, даже не взглянула на Баха – он отнес это на счет ее деликатности* (Г. Яхина. Дети мои); *Его торговая палатка переливалась веерами, цыганскими платками, на которых букеты роз алели, словно кусты клубники на богатых грядках* (О. Славникова. Один в зеркале).

Распространители образа сравнения служат для конкретизации и детализации этого образа. Как отмечала Н.А. Кожевникова, одно из направлений развития тропов в литературе XX века – «конкретизация образа, связанная с конкретизацией опорных слов тропов» [2: 13]. Это явление отличает и современную русскую прозу. Например, *И лишь город бревенчат картинкой сводною сквозь муть проступил, понял я, чуня, что дома его все шиты из тепловатого такого вельвета с широким рубцом, и кровли их – войлок, а может, с фабрички шляпной некрашенный фетр снесли* (Саша Соколов. Между собакой и волком); *Вдруг толстый медик живо повернулся от каталки, смешно перебрав ногами, похожими на рыхлые груши* (О. Славникова. Прыжок в длину); *Горе забилося в ней, как холодная и сильная рыба в пустом ведре* (А. Иванов. Бронепароходы).

Использование разных распространителей способствует созданию яркого многоаспектного образа. Например, в одном из контекстов романа А. Волоса «Победитель» день сравнивается с непросохшим пододеяльником, при этом предмет характеризуется разного рода признаками, указываются его цвет, влажность, мягкость, чистота: *Бронников вышел из подземелья станции метро «Аэропорт», обнаружив, что за двадцать минут его короткого путешествия день утратил морозную пронзительность и стал похожим на непросохший пододеяльник – белый, волглый, мягкий, чистый.* В романе А. Иванова «Золото бунта» сравнение включает ряд определений, которые также создают многоаспектный образ: *Одна лишь еловая Волчиха высилась вдали вся сизо-рябая, неприрученная, как злой, норовистый и грязный бык среди послушного коровьего стада.*

Многоаспектность образа в современной прозе может носить и другой характер. Она усиливается, если в контексте представлены одновременно несколько образов сравнения, характеризующих один предмет и имеющих свои распространители. Цепочка образов с различными распространителями в этом случае может актуализировать в тексте определенную семантику. Например, в следующем контексте из романа Н. Репиной «Жизнеописание Льва» определения, распространяющие метафоры, объединяются общими смыслами и развивают тему ненужности: *... Я прекрасно понимаю одиночество тех, кто не только не имеет жизни бесконечной, но и вовсе отвержен и забыт. Сорванный и брошенный одуванчик, выкинутый продавленный стул без ножки, висящая на ветке варежка.*

Наряду с функцией конкретизации и детализации, распространители образов сравнения могут выполнять в тексте оценочную функцию, например, в описании десятника Сорокина в романе З. Прилепина «Обитель» распространители способствуют выражению отрицательной оценки персонажа: *Откуда ни возьмись появился десятник Сорокин – со своими потными подмышками, пахнущими, как с утра пойманная и уже тронутая солнцем рыба, со своими грязными, как соломенная труха, слипшимися младенческими волосами, со своим мутным взором бешеной собаки <...>* (см. комментарий А.В. Гик [1: 31]).

В ряде случаев распространители образов сравнения участвуют в реализации интертекстуальных отношений и, соответственно, выполняют интертекстуальную функцию. Например: *Я люблю дорогу. Кажется, что дорога –*

*это единственно верный способ быть здесь, в этом мире. <...> В дороге нет пустоты, она наполнена пространствами и временем. Ты движешься, как **мандельштамовский Одиссей** (О. Васякина. Рана); ср. *И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился, пространством и временем полный* (О. Мандельштам); *Закончив латку, он гладил рукой крыло, вел ладонью, прикладывался щекою, выслеживая и наслаждаясь гладью, профилем, яростно застывшей, рыбьей тягой лонжеронов. Толстяк был похож на **крота, выхаживавшего мертвую ласточку*** (А. Иличевский. Матисс) – отсылка к сказке Г.-Х. Андерсена «Дюймовочка».*

Итак, для современной русской прозы характерно активное использование объемных компаративных конструкций, включающих разнообразные распространители образов сравнения. Эти распространители представлены как однословными определениями, так и полупредикативными оборотами и придаточными определительными. Распространители разных структурных типов могут нанизываться друг на друга, конкретизируя образ сравнения. Рассматриваемые распространители выступают в тексте в различных функциях: функции детализации образа, функции мотивировки сравнения, оценочной и интертекстуальной функциях. Использование распространителей позволяет создавать в тексте яркие многоаспектные образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гик А.В. Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы. М.: Аквилон, 2021. С. 26-41.
2. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформации. М.: Наука, 1995. С. 6-79.
3. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
odintsova.irina@gmail.com

СОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются сложноподчиненные собственно-целевые предложения. Под собственно-целевыми сложноподчиненными предложениями понимаются предложения, в которых главная часть называет динамическое действие сознательно действующего субъекта-агенса. Определяющей в формировании собственно-целевых отношений является семантика глагола главной части сложного предложения (глагол обозначает активное действие). Придаточная часть в таких предложениях не призывается, а лишь потенцируется глаголом главной части. Собственно-целевые предложения могут быть рекомендованы иностранным учащимся в качестве структурно-коммуникативных моделей, по образцу которых возможно построение собственного высказывания.

Ключевые слова: сложноподчиненные целевые предложения, структурно-коммуникативная модель, семантика глагола.

Abstract. The article deals with complex self-target sentences. Self-target complex sentences are understood as sentences in which the main part names the dynamic action of a consciously acting subject-agent. The semantics of the verb of the main part of the complex sentence (the verb denotes an active action) is decisive in the formation of self-target relations. The subordinate part in such sentences is not invoked, but is only potentiated by the verb of the main part. Self-targeted sentences can be recommended to foreign students as structural and communicative models, on the basis of which it is possible to build the actual statement.

Keywords: complex target sentences, structural-communicative model, verb semantics.

Грамматика представляет собой обобщенно-формализованную матрицу оформления наших мыслей. Грамматика не несет вещественной информации, не является предметом сообщения, а организует калейдоскопические знания о мире, запечатленные в лексике, в строго организованную систему. В практике преподавания русского языка как иностранного именно грамматические навыки определяют уровень владения русским языком.

Одной из наиболее сложных тем в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) является тема «Средства выражения целевых отношений сложным предложением», что обусловлено, с одной стороны, самой структурой сложноподчиненного предложения со значением цели, с другой – наличи-

ем в языке предложений, отличающихся синкретизмом выражения целевого значения с другими значениями, которые выявляются в широком контексте.

В качестве единицы обучения грамматике в практике преподавания РКИ принимается структурно-коммуникативная модель. Структурно-коммуникативная модель – это модель (алгоритм порождения высказывания), которая, будучи наполненной конкретным языковым материалом, позволяет учащемуся полноценно участвовать в коммуникации (подробнее см. [5; 6]). Структурно-коммуникативная модель обладает следующими признаками: инвариантностью коммуникативно-грамматического значения; регулярностью и частотностью воспроизведения типового значения; наличием специализированных средств, участвующих в создании типового значения.

Объем целевых сложноподчиненных предложений и принципы их выделения до сих пор не находят в лингвистической литературе однозначного решения. Можно выделить широкое и узкое понимание целевых предложений. Узкий подход отражен в работах В.В. Виноградова, в частности, в «Грамматике русского языка» (1954), а затем поддержан в работах Н.Ю. Шведовой «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), в исследованиях Н.Д. Арутюновой, Н.Ю. Шведовой, Е.В. Рахилиной и т. д. По мнению Н.Ю. Шведовой, в сложноподчиненных целевых предложениях «1) главная часть не может иметь значения статического пассивного состояния: для нее обязательно значение динамического, активного действия; 2) главная часть обозначает произвольное действие, субъект которого – сознательно действующее лицо. Эти семантические ограничения влекут за собой ограничения в лексическом составе и строении главной части» [7: 725]: *Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сел поодаль, лениво, но важно позевывая* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

При широком подходе объем средств выражения целевых отношений средствами сложноподчиненных предложений увеличивается. Авторами выделяются предложения: изъяснительно-целевые: *Прочтя эту записку, в которой Карл Иванович требует, чтоб ему заплатили все деньги, издержанные им на подарки, и даже заплатили бы за обещанный подарок* (Л.Н. Толстой. Детство); определительно-целевые: *Даже и шел с тем намерением, чтоб сообщить, хотя вы, впрочем, наверно уж и сами слышали* (Ф.М. Достоевский. Бесы); условно-целевые: *Нужно быть действительно великим человеком,*

чтоб суметь устоять даже против здравого смысла (Ф.М. Достоевский. Бесы); целевые степени: *Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом, чтобы называть их как угодно, но все же без «низшей расы» он не мог бы прожить и двух дней* (А.П. Чехов. Дама с собачкой); причинно-целевые: *Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно борясь с собой, чтобы не упасть в обморок* (А.П. Чехов. Дама с собачкой).

Предложения с собственно-целевыми отношениями – предложения, не осложненные другими смысловыми оттенками, – следует рекомендовать учащимся в качестве структурно-коммуникативной модели. Собственно-целевыми сложноподчиненными предложениями следует назвать предложения, в которых отражено активное действие сознательно действующего субъекта. «Активность в широком смысле (ментальная и физическая), как замечает В.Б. Евтюхин, – маркирующий признак целевых отношений» [4: 52-56]. При выражении собственно-целевых отношений, по мнению Н.Д. Арутюновой, «обстоятельство цели отдает предпочтение активной конструкции, в то время как состояния спонтанны, они не выбираются и не могут иметь цели» [1: 14].

Сложноподчиненные целевые предложения традиционно рассматриваются как предложения расчлененного типа, однако определяющим при характеристике целевых отношений является глагол-сказуемое главного предложения. Подтверждением этого является высказывание В.В. Виноградова, который писал: «Предложения цели относятся: 1) непосредственно к сказуемому главного предложения; 2) к сказуемому вместе со всеми второстепенными членами, к нему относящимися; <...> 3) к обособленной группе слов в главном предложении, если в этой группе имеется неспрягаемая глагольная форма (причастие, деепричастие, инфинитив)» [3: 334]. Несмотря на то что определяющим при формировании собственно-целевых отношений в сложноподчиненном предложении является глагол-сказуемое, целевые предложения остаются предложениями расчлененного типа, поскольку целевое придаточное предложение не призывается, а лишь потенцируется семантикой глагола.

Таким образом, структурно-коммуникативная модель выражения собственно-целевых отношений может быть записана следующим образом: для выражения собственно-целевых отношений средствами сложноподчиненного

предложения, когда придаточная часть указывает на цель того, о чем говорится в главной части, в главном предложении используется субъект-агенса, называющий активно действующее лицо, а глагол-сказуемое обозначает активное действие этого субъекта. Придаточные цели присоединяются к главной части при помощи союза *чтобы* и его модификаций: *для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы, с той целью чтобы, ради того чтобы*.

Среди глаголов, обозначающих активное действие субъекта, наиболее часто употребляются глаголы движения, транзитивные и нетранзитивные, с приставками и без приставок (типа *идти, ехать, бежать, плыть, ходить, бегать, плавать; приехать, заехать, прибежать, забежать; нести, везти, принести, отвезти*); глаголы конкретного действия – физического, умственного, волевого (типа *стучать, пилить, читать, писать, разговаривать*); глаголы физической, речемыслительной и психической деятельности (типа *заниматься чем-либо, учиться, руководить*); глаголы воздействия – физического, психического, морального (типа *толкать, сжимать, наказывать, поощрять*) и т. д. (подробнее семантическую классификацию глаголов см.: [2: 121-123]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 14-23.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. Учебное пособие для вузов. М. Высшая школа, 1990, 176 с.
3. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. М. Изд-во АН СССР, 1954. 444 с.
4. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 198 с.
5. Одинцова И.В. Категория следствия. Опыт построения коммуникативной практической грамматики РКИ на материале выражения следственной семантики сложно-подчиненным предложением // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Изд. Центр междунар. образования (М.). 2009, № 4. С. 7-14.
6. Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002. № 1. С. 49-72.
7. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М.: «Наука», 1970. 768 с.

ПАНЖИЕВ Нормакмат Панжиевич (Термез, Узбекистан)

кандидат филологических наук, доцент
Термезский государственный университет
panjiev.ruslit@gmail.com

СИНТАГМАТИКА ЗВУКОВ В ФИНАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрена последовательность звуков в финальных двучленных консонантных сочетаниях русского языка. Консонантные сочетания звуков классифицированы в структурные типы в зависимости от способа образования задействованных в них звуков, определены их типичность и редкость, указаны причины редкости консонантных сочетаний типов NT, Nts, NS, NN, TT, Tts.

Ключевые слова: консонантный, финальные, типы, подклассы, способ образования, типичность, редкость.

Abstract. The article deals with the sequence of sounds in final binominal consonant combinations. Consonant combinations of sounds are classified into structural types depending on the method of formation of the sounds involved in them, their typicality and rarity are determined, the reasons for the rarity of consonant combinations of types NT-, Nts-, NS-, NN-, TT-, Tts- are indicated.

Keywords: consonant, final, types, subclasses, method of formation, typicalness, rarity.

Изучение синтагматических отношений согласных звуков поможет понять общие черты и своеобразие в звуковой стороне языков. Исследование синтагматики консонантных звуков русского языка выявляет особенности сочетаемости звуков и их типов в русском языке. Актуальность вопроса связана с тем, что правила синтагматики согласных и её особенности во многом как ничто другое отражают фонологическое состояние языка [11: 284]. Следовательно, этим и объясняется значительный интерес современного языкознания в изучении правил, определяющих синтагматику звуков и их функционирование.

В работе исследована синтагматика звуков финальных двучленных сочетаний в структуре слов, взятых из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова [8]. Исследование показало, что в финальной части слов русского языка представлены 195 разнообразных двучленных консонантных сочетаний (КС). Извлеченные КС транскрибировались для получения звуков языка и классифицировались в зависимости от места образования задействованных в них звуков, что было вызвано тем, что возможность или невозможность КС в языках зависят в значительной степени от локального признака согласных [11: 72].

Так, в русском языке представлены следующие структурные типы подклассов звуков по способу образования [9: 86-88]: (Т – смычно-взрывные, S – щелинные, ts – аффрикаты, N – смычно-проходные и дрожащие сонорные):

Т (Т, N, S, ts) – *кто, пташка, ткач, где, птица, благо, брызгать, гроза, древний, клен; гвоздь, дважды, квартал, твердый, пчела;*

N + (Т, N, S, ts) – *лгать, ртуть, рдеть, младенец, многие, млеть, мнение, лживым, рвануть, мщение, рвение, мчаться;*

S + (Т, N, S, ts) – *вбок, вползти, ждать, вбежать, впятеро, здесь, влага, знак, значок, влюбить, въезд, змея, входит, звание, взятие, звезда, вцепиться, сцена, вчера;*

ts + (Т, N, S) – *чтение, чмокать, член, чванство, цвет.*

Анализ финальных двучленных КС показывает, что некоторые звуки в отношении соединения с предшествующими и последующими согласными более активны, нежели другие, что и объясняет типичность и редкость основных типов КС по способу образования. Типичными являются сочетания SN – представлены 49 сочетаниями звуков, TN – 37, ST – 32, SS – 19, TS – 16, потому что они представлены множеством конкретных сочетаний разных звуков; другие, наоборот, редки: NN – 10, NS – 8, NT – 7, TT – 6, Tts – 1, Nts – 1, которые и стали предметом рассмотрения данной статьи.

В древнерусском языке конца X – начала XI века существовали, по мнению В.В. Иванова, только сочетания типа TN и некоторые другие: «... группы согласных могли образовываться в результате сочетания шумных с сонорными и некоторых шумных друг с другом» [5: 53], что и соответствовало закону восходящей звучности. Однако КС «сонорный + шумный» до утраты редуцированных не были известны древнерусскому языку, потому что это не соответствовало основному закону строения структуры слога от менее звучного к более звучному в древнерусском языке [4: 232]. Но «...падение редуцированных привело к возможности появления согласных перед согласными, ранее отделенными друг от друга слабым редуцированным...», т. е. к образованию разных групп согласных [4: 232]. И только после этого появляются многочисленные сочетания, состоящие из двух, трех, четырех и более согласных в любом порядке и в различных позициях в слове.

Почему сочетания типа N+ шумный в начале слов не достигли большого распространения в современном русском языке в количественном отношении? В этом плане интересны наблюдения Ф. де Соссюра: «... отрезок рече-

вой цепи может включать более двух элементов при условии перехода все время от меньшей к большей степени открытости..., что дает впечатление непрерывности». И далее: «Но невозможно произнести, не прерывая цепи, обратный ряд *рл*; не потому, что было бы механически невозможно принять положение для *л* в момент артикуляции открывавшего *р*, но потому, что движение этого *р*, наткнувшись на меньшую степень открытости *л*, не может быть воспринято. Итак, если желательно произнести *рл*, надо сделать это в два приема с разрывом речевой цепи» [13: 69-70].

О степени открытости согласных звуков В.А. Богородицкий [1: 16] отмечает, что звуки речи, артикуляция которых направлена на уменьшение раствора рта, являются «ртосмыкателями» (согласными), а звуки речи, артикуляция которых направлена на расширение раствора рта, в конечном счете на полное его раскрытие, считаются «ртораскрывателями» (гласными). А между этими крайностями находятся сонорные, о которых А.А. Реформатский пишет: «Особо стоят сонорные (носовые, боковые, дрожащие), которые по экскурсии следует относить к смычным, т. е. согласным, а по рекурсии – к гласным, так как выход воздушной струи происходит при их образовании через свободный проход (носовой обход у носовых, боковой – у боковых; в момент размыкания вибрирующего органа – у дрожащих)» [10: 8].

Итак, можно считать, что сонорные являются более открытыми среди других согласных звуков, но менее открыты по отношению к гласным. Если исходить из этого, то можно расположить все звуки от наименьшей открытости к большей: смычно-взрывные, смычно-щелевые, щелевые, сонорные и гласные. Из этого вытекает, что в сочетаниях типа NT, NS, Nts звуки разной степени открытости: любой N более открытый, чем T, S, ts, поэтому они и «не образует речевой цепи», т. е. последовательное произношение таких сочетаний затруднено тем, что сначала идет N (более открытый), а затем T, S, ts (менее открытые). Н.А. Любимова на основе экспериментального анализа показала, что в сочетаниях со звонкими шумными согласными сонорные могут вокализоваться. При этом создается впечатление появившейся гласной вставки в том случае, если длительность ее составляет 40-50% длительности всего сонорного. В таких случаях односложные слова воспринимаются как двусложные [6: 12]. Это подтверждает упрощение сочетаний согласных с начальным N в русских говорах: перед некоторыми из них развивается протетический гласный – *аржаной*, *оржаной* вместо *ржаной* (в середине слова легче

произносить сочетание *рж*, потому что в этой позиции звуки сочетания принадлежат к разным слогам); происходит иногда вставка гласного (*ражаной*) внутри сочетания [3: 72].

КС типа ТТ представлены следующими сочетаниями звуков: [бд'] – *бдительный*, [пт'] – *птица*, [пт] – *пташка*, [тк] – *ткать*, [кт] – *кто*, [гд'] – *где*. При анализе звуков этих КС с точки зрения расположения звуков по нарастанию открытости обнаруживается любопытное явление: из 6 сочетаний данного типа 4 ([бд'], [пт'], [пт], [тк]) образованы, как можно предполагать, по закону от менее открытого к более открытому. Полагаем, что губные согласные обладают наименьшей степенью открытости. Ср. список, приводимый В.А. Богородицким: «Если в результате усиления мускулы будут сильнее сжимать рот, то это согласный звук [п], [б], [т], [д], [к], [г], [ц], [ч], [ф], [в], [с], [ш], [ж], [х], [м], [н], [л], [р], а также... [j]» [1: 16]. Звуки двух остальных сочетаний, возможно, образуют последовательность обратного порядка, т. е. в них употреблены сначала звуки более открытые (заднеязычные), а затем менее открытые (зубные). Это сочетания [гд'], [кт] ([г], [к] – звуки более открытые, чем [д'], [т]). Кстати, факты упрощения согласных в сочетаниях ТТ в русских говорах, приводимые исследователями, свидетельствуют о том, что именно последние два сочетания [гд'], [кт] больше подвергаются изменениям: сочетание [гд'] в слове *где* упрощается как *э^ьде*, *уде*, *игде*, *де*; [кт] – *кто*, *к^ьто* [2: 67-82].

Сочетания [бд'], [пт'], [пт], [тк], правда, тоже подвергаются изменениям (*тица*, *ташка*, вместо *птица*, *пташка*; между ними появляется нефонематическая вокальная артикуляция), но все же они подвергаются изменениям не так часто, как сочетания [гд'], [кт]. Отметим, что причиной редкости сочетаний типа ТТ является трудность последовательного произношения их компонентов, которая вытекает из следующих моментов: 1) так как все звуки смычно-взрывной группы являются звуками одинаковой или почти одинаковой открытости, то они «не образуют звуковой цепи», т. е. артикуляция последующего звука не подготавливается заранее, ср.: «...лк может быть произнесено, но эти звуки не образует цепи, т. е. типы л и к одинаковой степени открытости» [10: 69]; 2) трудна сама артикуляция смычно-взрывных звуков, которая образуется в результате мгновенного взрыва, что не позволяет непосредственно (без слабых вокалических призвуков) перейти к артикуляции другого смычного. Поэтому произношение смычно-взрывных звуков представляет определенную трудность не только перед смычно-взрывными, но перед аффриката-

ми и щелевыми. По мнению В.М. Живова, образуется слабая нефонематическая вокальная артикуляция типа [ъ] не только при произношении *пт, пк*, но и при произношении *пц, пч, пс, кс, бз, аз* [2: 67-82]. Этими причинами и объясняется редкость сочетаний типа *Tts*.

Трудность произношения КС типа *NN* сопряжена с тем, что и в них (как и в сочетаниях *ТТ*) произносятся звуки одинаковой или почти одинаковой степени открытости, но произношение *NN* намного легче, чем сочетания типа *NT* или *ТТ*, потому что «эта позиция в определенной степени напоминает позицию перед гласным» [2: 63]. Из 10 сочетаний этого типа 8 построены по закону от меньшей степени открытости к большей. Так, звук [м] наименьшей открытости среди сонорных сочетается только с более открытыми звуками [л], [л'], [н], [н'], [р] (*младенец, млеть, много, мне, мрак*). А [j] не встречается в качестве начального звука в составе КС, потому что он более открытый, чем все остальные сонорные.

Можно предположить, что основными причинами редкости начальных сочетаний согласных типа *NT, Nts, NS, NN, ТТ* является то, что задействованные звуки в позиции начала слова «не образуют речевой цепи», так как в одних (*NT, Nts, NS*) нет перехода от меньшей степени открытости к большей, а, наоборот, есть переход от большей степени к меньшей, в других (*NN, ТТ*) – последовательно употребляются звуки одинаковой или почти одинаковой степени открытости.

Таким образом, исследование фонетической структуры около 57000 тысяч слов показало, что в начале слов русского языка широко используются двучленные КС, которые можно классифицировать в типы по локальному признаку, из которых редкими являются КС типов *ТТ, Tts, NT, Nts, NS, NN*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935. С. 16.
2. Живов В.М. Типология сочетаний согласных в русских говорах // Вопросы языкознания. 1971, №2. С. 67-82.
3. Зиндер Л.Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Вопросы фонетики. Л., 1964. С. 15.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1964. С. 232.
5. Иванов В.В. О функциональной нагрузке согласных в древнерусском языке конца X-XI в. // Вестник Московского университета, 1966, №4. С. 53.
6. Любимова Н.А. Акустические характеристики русских сонантов /групповые и индивидуальные признаки/: Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1966. С. 12.
7. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. С. 158-161.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1973. 845 с.

9. Панжиев Н.П. Финальные сочетания согласных в русском и таджикском языках // Актуальные проблемы лингвистики и сравнительно-типологического анализа. Душанбе, 2023. С. 86-88.

10. Реформатский А.А. Согласные и их варьирование в русском литературном языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1955, №8. С. 8.

11. Терехова Т.Г. Произношение сочетаний трёх согласных в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 72-84

12. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 284с.

13. Ф.де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 69-70.

ПАНКРАТОВА Маргарита Владимировна (Коломна, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
ikt.1107@gmail.com

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Ю.Д. ЛЕВИТАНСКОГО

Аннотация. Статья посвящена звуковым образам в идиостиле Ю.Д. Левитанского, музыкальная образность которого раскрывается во внимании к ритму, описанию звуков окружающего мира, в использовании музыкальных терминов и концептов музыкальных инструментов. Лирический субъект поэта взаимодействует с действительностью, с другими людьми и самим собой при участии звуковых образов.

Ключевые слова: звуковые образы, музыкальность, музыка, звук, концепт, Юрий Левитанский.

Abstract. The article is devoted to sound patterns in the idiosstyle of Y.D. Levitansky with its melodiousness unfolding with the focus on the rhythm, outward sounds description, making use of musical terminology and musical instruments concepts. The lyrical subject of the poet interacts with reality, other people and himself with the help of sound patterns.

Keywords: sound pattern, melodiousness, music, sound, concept, Yury Levitansky.

В поэзии Юрия Левитанского две формы искусства – поэзия и музыка – соприкасаются друг с другом. Недаром некоторые его произведения положены на музыку, например, «Вступление в книгу», «Разговор у новогодней елки». В книге Андрея Белого «Символизм как миропонимание» находим следующее определение: «Для многих видов поэзии единством [внешнего обнаружения – *мое примечание*] будет слово, для живописи – краски, для музыки звук, для скульптуры и архитектуры – вещество» [1: 154]. Музыкальная образность в лирике Ю. Левитанского проявляется в размышлениях о музыкальных произ-

ведениях, в использовании музыкальных терминов, в пристальном внимании к музыке ритма, размера, в описании звуков и шумов окружающего мира, рождающих определённую мелодию.

В стихотворении «Молитва о возвращенье» рефреном звучат строки, в которых лирический герой умоляет Всевышнего вернуть свою возлюбленную: *О Господи, сделай так, чтоб она вернулась, / О Господи, сделай так, чтоб она вернулась, / О Господи, сделай так, чтоб она вернулась, / Ну, что тебе стоит, Господи, сделать так* [2: 217].

Эти строки повторяются несколько раз и непременно в скобках. Скорее всего, автор желает подчеркнуть, выделить смысл слов, обратить на них внимание, сделать акцент на своей просьбе к Богу. Эти строки больше похожи на крик души, на звук, идущий из глубины сердца.

Образ стремительно уносящегося вперед времени является главным лирическим субъектом стихотворения «Утро-вечер, утро-вечер, день и ночь». В этом мире, где людям постоянно не хватает времени, чтобы поговорить, подумать, зайти к кому-то в гости, именно звуки отражают бешеный ритм жизни людей: *Гири, цепи, шестеренки, медный звон. / Телеграмма – вместо писем – телефон. / Телеграфные кабины – о стекло / стук монеты – ваше время истекло!* [2: 146].

Нет времени на размышления, на то, чтобы «друг друга пожалеть, от несчастья от чужого ошалеть». Люди становятся похожи на обезличенные машины, которыми управляет время. Время появляется в пространстве стихотворения в конкретном, зримом образе часов: *Только стрелки сумасшедшие бегут. / Стрелки, цифры, циферблаты, медный гуд* [2: 146].

Звук часовой стрелки – тихий, спокойный, усыпляющий – лирический герой сравнивает с механизмом бомбы, готовой вот-вот взорваться: *Стрелки, цифры, циферблаты, медный зов. / Засыпаешь под тиканье часов. / И лежишь под этим небом грозовым – / Как на бомбе с механизмом часовым* [2: 146].

Итак, звуки времени управляют людьми, делают мир похожим на огромную часовую мастерскую. Звучание стрелок, маятников, гудков вносит хаос в жизнь человека, ведет его к гибели.

В стихотворении «Время слепых дождей» появляется концепт тишины, хотя звуки не отсутствуют совсем. Идет дождь, начинается гроза. Внимание «режиссера» сфокусировано на встрече двух людей – мужчины и женщины –

и на их глазах «во весь экран», похожих на *два бездонных, / Два бессонных круга, / Как живая карта полушарий* [2: 138]. Создается впечатление, что перед читателем – фрагмент из немого фильма, потому что звуки дождя, грозы не слышны: *Летний ливень. Поздняя гроза. / Дождь идет, / Но мы не слышим звука* [2: 138].

Таким образом, видно авторское желание сконцентрировать внимание зрителей на самих людях, на их чувствах, хотя продолжение «сценария» не известно: *Что же будет дальше? / Будет море. / Будет радость / или будет горе – / это мне неизвестно пока* [2: 138].

В стихотворении «Снег под утро реже, реже» возникает тот же концепт отсутствия звуков, но он оказывается обманчивым: *В этом доме белом-белом, / Где шаги приглушены, / Где иных не слышно звуков, / Кроме звука тишины, / В этом доме тихом-тихом, / Где покой и полумрак, / Там свои бушуют бури – / Не подумаешь никак* [2: 242].

Таким образом, «звук тишины» может говорить о том, что скрыто внутри, что с первого раза не заметно – о борьбе внутри самого человека.

В стихотворении «Не руки скрещивать на груди» лирический субъект призывает к тому, чтобы с помощью звука слышать, а через это увидеть, прозреть истину: *... неясный шорох. / И ветра легкое дуновение, / Неясный шорох, / Шуршанье крыльев, / Шаги неслышные за спиной, / И чьи-то легкие две ладони, / Почти прозрачны и невесомы, / Тебе не глаза осторожно лягут, / И ты прозреешь – / И ты увидишь* [2: 203].

Крылья, шаги, ладони, прозрачные и невесомые, рождают ассоциации с небесной силой, и возникает аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», где шестикрылый Серафим заставляет поэта прозреть: *Перстами, легкими, как сон, / Моих зениц коснулся он / Отверзлись вещи зеницы, / Как у испуганной орлицы* [3: 154].

Путь прозрения лирического субъекта Левитанского не такой болезненный; человек, до этого духовно слепой и глухой, начинает слышать *звездного неба зов отдаленный, / ... лунного света звонкие льдинки, / Тонкое теньканье лунных капель, / Тайную музыку лунной ночи, / Её пассажи, / Её аккорды, / Её сонатное построенье...* [2: 203].

Лирический герой слышит «теньканье капель», «лунного света звонкие льдинки», т. е. тихие звуки, которые прежде он не замечал, не придавал им значения. В стихотворении возникает концепт духовного прозренья, в основе

которого категория небесной силы, помогающей слышать и видеть: *И ты услышишь, / И ты увидишь, / Во всяком случае – / Есть надежда* [2: 203].

В стихотворении «Воспоминание о дождевых каплях» появляется звук дождевых капель, который выражен в звукоподражательных словах *кап, кап, кап*. Обычно звук капающей воды очень неприятен. Это раздражающий, нервирующий звук. А в стихотворении Ю. Левитанского «звуки паденья капель» не мешают лирическому герою, он их не замечает: *В этой игре с дождем, / Вижу паденье капель, / Круги на воде / И маленькие воронки, / Но как ни стараюсь, / Не слышу звука – / Словно в немом кинофильме* [2: 175].

Однако лирический герой нуждается в том, чтобы что-то зазвучало: *Звук – я кричу, – / Звук!* [2: 175]. Отсутствие звука связано с одиночеством лирического субъекта, и его желание услышать что-то вполне понятно. Но вот его *догоняет звук пролетевшего самолета, / Назойливый звук метронома, / Колокол, частые взрывы – / Аж лопаются перепонки – / Кап, кап, кап* [2: 175].

Если попробовать представить себе, что все указанное зазвучит одновременно (самолет, колокол, взрывы), то подобные звуки могут вывести человека из равновесия. До лирического субъекта, который сначала не слышит капель дождя, вдруг доносятся звуки окружающего реального мира с царящими в нем дисгармонией и беспорядком. Человек начинает сходить с ума, а звук стука воды о пол становится слишком резким, от него даже лопаются перепонки. Отсюда возникает вопрос: *нужно ли все слышать?*

В стихотворении «Скрипка висит у меня на стене» появляется образ «молчаливого» инструмента, который не издает звуков. Инструмент молчит, так как отсутствует музыкант, который сумел бы извлечь из него звук. Лирический субъект мечтает о гармоничном звуке: *А ведь если бы взять её в руки, / В добрые руки, / В нежные руки – / Уж какие бы тут полились / Волшебные звуки* [2: 387].

Итак, образы звуков в стихотворениях Ю. Левитанского связаны с представлениями о человеке: одни звуки губят человека, из-за чего жизнь последнего оказывается неустроенной; другие – заставляют духовно прозреть, третьи – связаны с представлениями о прекрасном. Музыкальная образность пронизывает концептосферу автора, соединяя различные виды искусств, расширяя границы художественного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Азбука, 2023. 544 с.

2. Левитанский Ю. Стихотворения. / Составитель И.В. Машковская, вст ст. Ю.Болдырева. М.: АСТ, 2005. 476 с.

3. Пушкин А.С. Стихотворения. М.: Художественная литература (серия «Классики и современники»), 1983. 255 с.

ПОДТЕЛЕЖНИКОВА Елена Николаевна (Воронеж, Россия)

доцент, кандидат филологических наук
Воронежский государственный университет
podtelezhnikova@yandex.ru

**РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ
(О СОЧИНИТЕЛЬНЫХ РЯДАХ К.Е. АНТАРОВОЙ)**

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и структурные особенности сочинительных рядов со словом *радость* и его производными в романе К.Е. Антаровой «Две жизни». Анализ сочетаемости позволил выявить преобладание сочинительных рядов с синонимическим видом связи, в которых четко прослеживается тенденция к градуальности. Шкала, основанная на принципе нарастания интенсивности эмоционального состояния, показала место радости среди других эмоций. Также были проанализированы сочинительные ряды, в которых контекстными синонимами становятся слова разных лексических парадигм, объединенные общей семой.

Ключевые слова: сочинительные ряды, синтагматика и парадигматика, эзотерика, радость, К.Е. Антарова, градуальные синонимы, семный анализ.

Abstract. The article examines the semantic and structural features of the coordinative series with the word *joy* and its derivatives in K.E. Antarova's novel "Two Lives". The analysis of compatibility allowed us to identify the predominance of coordinative series with a synonymous type of connection, in which there is a clear tendency to gradation. The scale, based on the principle of increasing the intensity of the emotional state, showed the place of joy among other emotions. There were also analyzed the coordinative series, where words of different lexical paradigms united by a common seme become contextual synonyms.

Keywords: coordinative series, syntagmatics and paradigmatics, esotericism, joy, K.E. Antarova, gradual synonyms, seminal analysis.

Философско-эзотерический роман К.Е. Антаровой «Две жизни» является своего рода учением о радости, которая очеловечивается и представляется прекрасным женственным существом, живущим на грани двух миров – земного и небесного [2]. Интерес лингвистов к этой области знаний не угасает, и данная статья продолжает серию работ, посвященных анализу сверхъестественного, эзотерического [3; 4; 5; 6; 7].

С лингвистической точки зрения роман К.Е. Антаровой представляет несомненную ценность: радость описывается с помощью стилистических фигур контраста (антитеза, акротеза, амфитеза, аллойоза), в составе многочисленных и разнообразных по содержанию метафор. Целью данной статьи является анализ сочинительных рядов со словом *радость* и его производными, которые составляют значительную часть выборки и с нашей точки зрения являются одной из характеристик идиостиля писательницы (260 контекстов при общем объёме выборки – 858 контекстов).

Как пишет К.Я. Сигал, в рамках типологии непредикативных связей «сочинение предполагает объединение двух или более компонентов отношениями синтаксического равноправия, заключающегося в их взаимном участии в общих подчинительных и / или предикативно-согласовательных связях и тем самым в формировании синтаксических блоков (единств) в позиции одного и того же члена предложения» [8: 19]. При этом компоненты сочинительного ряда должны обладать семантической общностью в виде парадигматических лексико-семантических связей (синонимических, антонимических, гипонимических) или семантической комбинаторикой внутри сочинительного ряда, которая проявляется в контекстной синонимизации слов.

Самыми многочисленными в романе оказались сочинительные ряды с синонимическим видом связи, в которых четко прослеживается тенденция к градуальности [10]. Анализ градуальных рядов позволил представить синонимы в виде шкалы нарастания интенсивности эмоционального состояния: 1) покой; 2) радость, легкость; 3) веселье; 4) ликование, восторг; 5) любовь, счастье. Радость близка покою, гармонии, уравновешенности; именно поэтому возможна тихая радость, и в сочинительных рядах радости предшествует спокойствие: *Ничем не нарушаемая вокруг тишина, торжественный покой и радость внутри меня – все создавало такую гармонию, такое счастье жить...* [1: 1029]. Позиционная выделенность первого компонента сочинительного ряда акцентирует внимание на наиболее значимом компоненте в каждом конкретном случае: *Легко мне было быть всегда радостным и веселым при этих условиях* [1: 705]; *Слуга вошёл звать к завтраку, чем дал Лизе немного прийти в себя от изумления, восторга, детской радости и робости, которые внушал ей красавец-хозяин* [1: 443]. Важным представляется роль радости как предвестника счастья и любви: *...я никогда не видел,*

...что его лицо может носить такое выражение ликующей **радости, счастья, любви, кротости**... [1: 951].

Принадлежность к одной лексической парадигме не обязательна для формирования сочинительного ряда, достаточно лишь «наличие общей семы, смысловой общности, позволяющей объединить компоненты в ряд» [9: 83]. Это пример семантической комбинаторики, когда контекстными синонимами становятся слова разных лексических парадигм, объединенные общей семой. Так, в романе «Две жизни» сочинительные ряды объединяют, прежде всего, состояние радости и свободы, легкости: *Войди под новый кров Али **свободным, легким и радостным*** [1: 547]. Кроме того, в одном ряду с радостью стоят и другие добродетели, помогающие человеку обрести счастье: *Беспрекословное **повиновение, радость и бескорыстие** могут пройти через мои ворота* [1: 616]; *Каждый из них **почтительно и радостно** целовал крестившую его руку Раданды*... [1: 855]; *Века могут пройти, пока ты снова встретишься с ним в таких условиях, чтобы своей стойкой **верностью, любовью без сомнений и радостью** помочь ему и быть в силах развязать мрачный узел*... [1: 210]. Семой 'удовлетворение' объединяются радость, победа и благополучие: *Пусть же имя твое звучит для новых **радостей и побед** людям*... [1: 907]; *Мне приходили постоянные жалобы людей друг на друга, их сетования, что ближний... раздражает их..., нарушая **радостный и благополучный** день* [1: 1005].

Таким образом, анализ сочинительных рядов со словом *радость* в романе К. Антаровой «Две жизни» с точки зрения лексико-семантического наполнения показал тесную связь синтагматики и парадигматики. В первую очередь, были выделены структуры, в которых компоненты являются членами одной лексической парадигмы и формируют градуальные синонимические ряды. В других случаях интеграция компонентов сочинительного ряда происходит на основе субъективной, прагматико-эмотивной связи, что приводит к образованию контекстной синонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антарова К.Е. Две жизни. Эксмо, 2021. 2112 с.
2. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике // Языки славянской культуры. 2004. 464 с.
3. Подтележникова Е.Н. Анализ лексики произведения Даниила Андреева «Роза Мира» на основе онтологического подхода // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. Воронеж, 2017. № 4. С. 154-158.
4. Подтележникова Е.Н. Идеографический словарь потустороннего языка «Розы мира» Д. Андреева // Информатика: проблемы, методология, технологии: материалы

XVII международной научно-методической конференции (9-10 февраля 2017 г.). Воронеж: Издательство «Научно-исследовательские публикации», 2017. С. 269-272.

5. Подтележникова Е.Н. Моделирование семантического поля «Сверхъестественное» в русском языке // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2018. № 4. С. 121-126.

6. Подтележникова Е.Н. Ирреальность в русских народных сказках // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2019. № 4. С. 91-97.

7. Подтележникова Е.Н. Семь ликов радости в романе К. Антаровой «Две жизни» // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 19. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. С. 124-132.

8. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: На материале простого предложения: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 2004. 52 с.

9. Соловьева С.А. Синтаксический сочинительный ряд и его функциональные возможности (на материале прозы Б. Пастернака) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 82-87.

10. Щербаков А.В. Градация как стилистическое явление современного русского литературного языка: Дисс. ... кандидата филол. Наук. Кемерово, 2004. 229 с.

ПРИХОДЬКО Сергей Александрович (*Новозыбков, Россия*)

научный сотрудник
Новозыбковский краеведческий музей
sapclf1@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ – ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТОРОНЫ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В.И. ЛЕНИНА

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям речевого воздействия в полемическом дискурсе В.И. Ленина. Автор использует современные исследования и предлагает свою интерпретацию речевого воздействия в дискурсивном пространстве начала XX в. Автор уточняет значение аспектов феномена речевого воздействия. Релевантными полемическими приёмами признаются: вывод, высмеивание, косвенное обращение, метафора, прямое обращение, оценка, повтор, риторический вопрос, а также риторическое восклицание. Нанизывая полемические приёмы, В.И. Ленин повышает эффективность своего текста.

Ключевые слова: политическая терминология, В.И. Ленин, речевое воздействие, «Материализм и эмпириокритицизм», полемический дискурс, стратегия, тактика.

Abstract. This article is devoted to the features of speech influence in the V.I. Lenin's polemic discourse. The author uses modern research and offers his interpretation of speech influence in the discursive space of the beginning of the twentieth century. The author clarifies the significance of aspects of the phenomenon of speech influence. Relevant polemical techniques are recognized: conclusion, ridicule, indirect appeal, metaphor, direct

appeal, evaluation, repetition, rhetorical question, as well as rhetorical exclamation. Stringing polemical techniques, V.I. Lenin increases the effectiveness of his text.

Keywords: political terminology, V.I. Lenin, speech influence, «Materialism and Empirio-Criticism», polemical discourse, strategy, tactic.

Речь любого человека, представляющего собой объект воздействия, оказывает влияние на окружающих его индивидуумов, превращая их в объекты воздействия. Р.М. Блакар указывал: «Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [2: 92]. Социальное воздействие определяется по его результатам или последствиям, независимо от того, является результат преднамеренным или случайным [7: 43].

По мнению Ч. Ларсона, если вы обнаружили что-либо своё в том мире, который «рисует» ваш партнёр, возникает убеждение [11: 146-148].

Склонность индивидуума к речевому подчинению влияет на выбор речевой стратегии [10].

Многие учёные затрагивают аспекты речевого воздействия в своих исследованиях [1; 3; 11]. Существуют различные подходы к феномену вербального воздействия [5; 6; 7; 9], но в основу рабочего определения данного понятия заложена трактовка И.А. Стернина.

Речевое воздействие И.А. Стернин квалифицирует как науку «именно о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [9: 50].

И.А. Стернин разграничивает вербальное и невербальное речевое воздействие. Вербальным можно считать воздействие при помощи слов. Невербальное воздействие оказывается несловесными средствами [9: 45-46]. Именно вербальное воздействие оказывается в фокусе внимания в процессе исследования полемического искусства В.И. Ленина.

«Речевое воздействие носит опосредованный характер» [6: 13]. Данное утверждение можно признать релевантным в отношении ленинского дискурса, поскольку общение автора и читателя не только опосредовано монографией «Материализм и эмпириокритицизм», но и отсрочено в пространственно-временном отношении.

Если автор передаёт свою картину мира адресату, то он предполагает, что адресат в этом нуждается: автор допускает, что до этого времени адресат находился в ситуации, при которой его картина мира не соответствовала объективной реальности [1: 38-39].

Необходимо дефинировать ключевые аспекты речевого воздействия.

Если в деятельностном аспекте вербальное воздействие «является воздействием на систему убеждений индивида с целью создать для него мотивацию к совершению» необходимого действия, то в когнитивном аспекте речевое воздействие представляет собой формирование у объекта речевого воздействия «убеждения о выгодности этого действия» [5: 7].

Вербальное воздействие бывает направленным и ненаправленным [6: 13].

В соответствии с концепцией Е.В. Денисюк, субъект речевого воздействия, независимо от смысла и формы высказывания, посредством коммуникативного смысла речевого поступка аргументирует для объекта речевого воздействия его и свои коммуникативные характеристики, характеристики обстановки взаимодействия. В дальнейшем объект речевого воздействия использует эти характеристики для самостоятельного внутреннего обоснования выгоды совершения действия [5: 9].

По мнению Ч. Ларсона, все способы воздействия в вербальной сфере, связанные с интерпретацией того или иного события, образа, ситуации, в конечном счете следует свести к двум когнитивным стратегиям – интенсификации (*intensify*) и приуменьшению (*downplay*) [11: 15-22].

В.И. Ленин в монографии «Материализм и эмпириокритицизм» прилагал максимум речевых усилий, чтобы преуменьшить важность публикаций оппонировавшей стороны и симультанно преувеличить значение трудов своих сторонников, интенсифицировав интерес адресантов-читателей к соответствующим трудам. Далее приводятся и анализируются примеры вербального воздействия в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Термин «политика»

Далее В.И. Ленин сравнил политику и философию, подтвердив связь между этими науками: *«И трудно сказать, кто больше срывает маску с мистификатора Авенариуса, – Смит ли своим прямым и ясным опровержением, или Шуппе своим восторженным отзывом о заключительной работе*

Авенариуса. В философии – поцелуй Вильгельма Шуппе ничуть не лучше, чем в политике поцелуй Петра Струве или г. Меньшикова» [8: 80-81].

Начальное прямое обращение к конкретному политику-оппоненту позволяет В.И. Ленину не столько ему, сколько адресанту объяснить разницу в критических построениях противостоящих партий, намекая на отсутствие последовательности и забывчивость отсутствующего конкретного собеседника: *«Слов нет, г. Пуришкевич, последовательные в политике люди могут и всегда будут критиковать кадетов с диаметрально противоположных точек зрения, но не следует все-таки забывать, что вы критиковали кадетов за то, что они – чересчур демократы, а мы их – за то, что они недостаточно демократы» [8: 215-216].*

В полемическом дискурсе В.И. Ленина многократно репрезентированы ценностно-нагруженные коммуникативные действия [4: 348] и их авторская интерпретация, имплицитно ориентированная на демонстрацию неизлечимости и беспросветной тупости оппонентов-философов: *«Чрезвычайно поучительно видеть, как этот партийно-непримиримый идеалист (беспартийные люди в философии – такие же безнадежные тупицы, как и в политике) растолковывает физикам, что это собственно значит идти по той или иной гносеологической линии» [8: 307].*

Как и в предыдущем примере, В.И. Ленин не постеснялся перейти на личность и сосредоточить и своё, и читательское внимание посредством имплицитного обращения на умственных способностях противников, усилив впечатление средствами отрицательной оценки: *«Сравните, в заключение, отзыв о Геккеле Франца Меринга, человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом. Как только вышли "Мировые загадки", еще в конце 1899 года, Меринг сразу указал на то, что "сочинение Геккеля и своими слабыми и своими сильными сторонами замечательно ценно для того, чтобы помочь прояснению несколько запутавшихся в нашей партии взглядов на то, чем является для нее, с одной стороны, исторический материализм, с другой стороны, исторический материализм". Недостаток Геккеля тот, что он понятия не имеет об историческом материализме, договариваясь до целого ряда вопиющих нелепостей и насчет политики, и насчет "монистической религии" и т.д., и т.п.» [8: 380-381].*

Термин «политический»

Суггестивное указание на ограниченные знания философов-оппонентов В.И. Ленин интенсифицировал намёком на их же необоснованные философские претензии. Сочетание разнохарактерных приёмов и средств разрушает гомогенность дискурса В.И. Ленина. В соответствии с ленинской версией, если бы знания были широкими, то не было бы никаких претендентов: *«Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные – несмотря на резкие различия политических взглядов – враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты!»* [8: 21].

Начавший с синтаксического повтора В.И. Ленин задал риторический вопрос и снова обвинил весь махистский лагерь, одновременно защитив своего сторонника: *«Нет таких "крепких" слов, которых бы они не посылали по ее адресу, нет таких насмешек, которыми бы они не осыпали ее. И с кем же они воют ради этой злосчастной "вещи в себе"? Тут начинается деление философов российского махизма по политическим партиям. Все махисты, желающие быть марксистами, воют с Плехановской "вещью в себе", обвиняя Плеханова за то, что он запутался и сбился в кантианство, и за то, что он отступил от Энгельса»* [8: 109].

Далее синтаксический параллелизм и лексический повтор (понятие «экономия») В.И. Ленин сопровождал тактиками (приёмами) высмеивания и эмоциональной оценки: *«Что принцип экономии мысли, как основа гносеологии, мог понравиться немецким кантианцам и английским спиритуалистам, это после всего вышесказанного не может показаться странным. Что люди, желающие быть марксистами, сближают политическую экономию материалиста Маркса с гносеологической экономией Маха, – это чистая юмористика»* [8: 186].

В дальнейшем контексте В.И. Ленин анализировал полемический канон эпохи. В каждом предложении в процессе анализа были зафиксированы лексические повторы (понятия «истина» и «требование»): *«Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Энгельса и И. Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они больше отгораживались от вульгаризации азбучных истин материализма, чем защищали самые эти истины. Маркс и Энгельс больше отгора-*

живались также от вульгаризации основных требований политической демократии, чем защищали сами эти требования» [8: 261].

Начальный синтаксический повтор В.И. Ленин перевёл в обобщающее по своей семантике утверждение, охватывающее целую гамму гуманитарных и философских наук: *«Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, – вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономике, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии»* [8: 356].

С помощью риторического восклицания и продовольственной метафоры В.И. Ленин осуществил переход от единичного марксистского принципа ко всей философии: *«Таким образом Маркс в основу социальной теории положил принцип экономии сил...»*

Это "таким образом" поистине бесподобно! Так как у Маркса есть политическая экономия, то по этому случаю давайте жевать слово "экономия", называя продукты жвачки "реально-монистической философией"!» [8: 359].

Первоначальный тезис о трёх науках сразу В.И. Ленин сначала подтвердил очередным вопросно-ответным комплексом и вернулся к уже раскрытым профессорам, хотя об экономистах первоначально речи не велось: *«Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии – ученые приказчики теологов»* [8: 367-368].

Обобщающие нотки по отношению к европейцам В.И. Ленин сопроводил личным выпадом против определённого субъективного идеалиста, превращённого в имя нарицательное: *«Таковы все они, гуманные филистеры в Европе с их свободолюбивыми симпатиями и с их идейным (и политическим и экономическим) пленением Вильгельма Шуппе»* [8: 380].

Термин «беспартийность»

В организации речевого воздействия важны как объективные, так и субъективные содержательные характеристики [3: 9]. К категории объективных характеристик относится понятие «беспартийность», субъективными признаками являются определения «гелертерски-шарлатанский» и «скудоумный»: *«Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм»* [8: 383].

Опираясь на этот контекст полемического дискурса В.И. Ленина, можно согласиться с утверждением Е.Н. Горбачёвой: «Соревновательная стратегия, соответствующая конкурентному стилю конфликтного поведения, предполагает победу одной из сторон и поражение другой. Она, по нашему мнению, наиболее приемлема в полемическом и софистическом спорах» [4: 327-328].

В следующей дискурсивной ситуации В.И. Ленин применил обобщающую конструкцию: *«Эмпириокритицизм весь, а вовсе не один только Блей, претендует на беспартийность и в философии и в общественной науке»* [8: 343].

Затем обобщённое политико-философская позиция была подвергнута критике и провозглашена уделом презренного слуги: *«Беспартийность в философии есть только презренно прикрытое лакейство пред идеализмом и фидеизмом»* [8: 380].

Снова наблюдается тактика индуктивного обобщения, но уже не только в области философии, но и в сфере религии: *«Нам осталось еще рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии. Но этот вопрос расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии»* [8: 360].

В подобранных примерах можно распознать противопоставление с союзом «а», негативную оценку и лексический повтор, поэтому можно утверждать, что В.И. Ленин старательно снижает шаблонность своего дискурса, делает его непредсказуемым и оригинальным.

Термин «беспартийный»

В следующем контексте В.И. Ленин традиционно с помощью развёрнутой отрицательной оценки и графически оформленного уточняющего оборота нивелировал умственный потенциал всех беспартийных лиц, применив обобщающую индукцию: *«Чрезвычайно поучительно видеть, как этот партийно-непримиримый идеалист (беспартийные люди в философии – такие же*

безнадежные тупицы, как и в политике) растолковывает физикам, что это собственно значит идти по той или иной гносеологической линии» [8: 307].

Как и в других речевых ситуациях, в настоящем примере можно проследить сочетание аксиологической (неодобрения) и деонтической (предупреждения) модальностей.

Итак, если аналитически подходить к речевому воздействию без учёта соответствующей ему культурно-исторической среды [6: 5], такое исследование не будет полноценным.

Ассертивностью называют способность человека отстаивать свои права. Существует «тройственный принцип», который заключается в следующем: оказываясь в конфликтной ситуации, будьте дружелюбны, тверды и честны.

Если экстраполировать ассертивность по отношению к исследуемому полемическому дискурсу, можно обнаружить, что единственным компонентом «тройственного принципа», присущим речевому поведению В.И. Ленина, является твёрдость.

Преобладание отрицательных оценок и снижение В.И. Лениным полемических средств до разговорного стиля свидетельствуют об отсутствии дружелюбия в полемическом словотворчестве.

Наиболее частотным является понятие «политический». Наиболее редким признан термин «беспартийный».

Использование политической терминологии в полемическом дискурсе В.И. Ленина проходит в рамках стратегии дискредитации, включающей в себя следующие тактики: 1) вывод; 2) высмеивание; 3) косвенное обращение; 4) метафору; 5) оценку; 6) повтор; 7) прямое обращение; 8) риторический вопрос; 9) риторическое восклицание.

Различные тактики позволяют В.И. Ленину разнообразить сложный по содержанию дискурс и поддержать внимание адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова А.В. Языковые маркеры жанров имиджевой рекламы: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2015. 175 с.

2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.

3. Володченкова О.И. Динамика характеристик жанра «объявление о приеме на работу» в английской лингвокультуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2016. 24 с.

4. Горбачева Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: Дисс. ... докт. филол. наук. Тамбов: ТГУ, 2016. 402 с.

5. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УГУ, 2004. 200 с.

6. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2004. 48 с.
7. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта, Наука, 2009. 223 с.
8. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. 508 с.
9. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
10. Ifert D.E, Roloff M.E. Overcoming Expressed Obstacles to Compliance: The Role of Sensitivity to the Expressions of Others and Ability to Modify Self-Presentation // Communication Quarterly. 1997. V. 45. N. 1. P. 55-67.
11. Larson Ch.U. Persuasion: Reception and Responsibility. Belmont, California: Wadsworth Pub. Co., 1995. 447 p.

РЕДЬКИНА Наталья Сергеевна (Рязань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет
имени Сергея Александровича Есенина
n.redkina@365.rsu.edu.ru

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (на материале современной прозы)

Аннотация. В статье представлен лингвистический анализ фразеологических единиц, используемых в художественных текстах на примере произведений Б. Акунина, определяются особенности стилистического употребления фразеологизмов, выявляются случаи индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, стилистическое употребление, индивидуально-авторская трансформация, художественный текст.

Abstract. The article presents a linguistic analysis of phraseological units used in the texts of B. Akunin's works, defines the features of the stylistic use of phraseological units in the cycle "Jade Rosary", identifies cases of individual author's transformation of phraseological units.

Keywords: phraseological units, stylistic usage, individual author's transformation, belles-lettres.

Современный русский язык в сфере изучения его различными направлениями лингвистики использует в качестве основного языкового материала определенный круг источников, одним из которых сегодня продолжает оставаться массовая литература. Она как эффективный ресурс для изучения языковых единиц позволяет судить и о значимых на данном этапе развития языка происходящих в нем изменений.

Так, быстро развивающийся и пополняющийся фразеологический уровень языка напрямую связан с увеличением количества разного рода преобразований фразеологических единиц.

Индивидуально-авторские трансформации фразеологизмов присущи, в частности, творчеству Б. Акунина, художественные тексты которого отличаются неизменной образностью и высокой художественностью языка, что обеспечивается не только интенсивным включением цитат и многочисленными отсылками к известным текстам, но и активным использованием переосмысленных и трансформированных фразеологических единиц.

Анализ фразеологизмов, извлеченных из текстов произведений цикла «Нефритовые четки», позволяет говорить о стилеобразующей роли фразеологизмов, об их влиянии на формирование идиостиля писателя, своеобразие которого определяется значительным количеством и высокой частотностью употребления, их стилистической неоднородностью, особенностями введения в контекст, индивидуально-авторскими приемами трансформации.

Широкое использование фразеологических единиц различных функционально-стилевых пластов позволяет писателю в каждом конкретном случае вернее и ярче передать языковой образ персонажа. Так, включение книжных фразеологизмов подчеркивает интеллектуальность говорящего и социальный статус героя, а помещая героев в живую речевую среду, автор добивается максимальной естественности происходящего и придает реалистичности событиям при помощи разговорных и просторечных фразеологизмов, превращающих речь персонажей в вполне осязаемую. *Но зачем тогда дразнить русских и мозолить им глаза? (Долина мечты). – Ты что?! – зашипел на него Эраст Петрович, но японец лишь разевал рот, пучил глаза и тыкал пальцем в пространство (Долина мечты). Эраст Петрович с невольным раздражением заметил, что краснощекая Манефа переместилась поближе к японцу и таращится на него во все глаза, да еще углом платка рот прикрыла (Перед концом света).*

Функциональная нагруженность фразеологических единиц в художественных текстах, чаще оценочных, чем нейтральных, сопровождается повышенной экспрессией и эмоциональностью, чем активно пользуется Б. Акунин. Текстуальный анализ входящих в цикл «Нефритовые четки» произведений выявил характерную для стиля писателя высокую ироничность, которая достигается, например, благодаря включению в речь персонажей фразеологиз-

мов, обладающих экспрессивно-оценочной, как положительной, так и общеотрицательной семантикой. *Что ж Крыжов, сонная тетеря, еле едет?* (Перед концом света). *Справа и слева от старосты – жена и кривобокая дочь-вековуха, обе в чёрном и тоже с постными лицами* (Перед концом света); *Эраст Петрович знал, что Сатоко – женщина здравого ума, вряд ли склонная к истерическим галлюцинациям, и не нашёлся, что сказать – так поразила его эта фантастическая история* (Сигумо).

Использование фразеологизмов в измененном виде определяет особенности языка любого автора. Мастерство Б. Акунина, выразившееся в трансформациях, придает свежесть и новизну первичным фразеологизмам. Отметим, например, способ двойной актуализации фразеологической единицы: *Какая гнусность! – не сдержался я [Уотсон]. – Он играет с вами, как кошка с пойманной мышью!* (Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых).

Самыми частыми являются так называемые структурно-семантические преобразования, в которые входят: расширение и сокращение компонентного состава, замена одного или нескольких компонентов фразеологизма, использование дериватов, отфразеологической лексемы. Один из приемов трансформации – использование внутренней прозрачной формы фразеологической единицы, отсылающей к определенному литературному первоисточнику: *Этюд в багрово-фиолетовых тонах* (Заголовок. Из жизни щепок); *Луч света в темном царстве* (Долина мечты); *Дон Кихот Стерженецкий* (Заголовок. Перед концом света).

Анализ языка произведений, входящих в цикл «Нефритовые четки», показывает, что использование трансформированных фразеологизмов в творчестве Б. Акунина – прием, который призван ввести в содержание первичных узуальных фразеологизмов эмоциональность, яркость, новизну. Кроме того, лексические и фразеологические новации в языке, активно отражающие динамику непрерывно развивающейся и совершенствующейся языковой системы, не могут обойти стороной «вторичного» использования фразеологических единиц, и появление, а также стилистическое использование трансформированных фразеологизмов в популярной литературе ярко отражает происходящие в языке лексико-семантические изменения.

РЕИНЕР Ада Игоревна (Санкт-Петербург, Россия)

магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
adairein@gmail.com

Научный руководитель –
ГЕНЕРАЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ОБИХОДНОМ И ДЕЛОВОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков», <https://rscf.ru/project/23-28-00038/>

Аннотация. В этой статье рассматриваются устойчивые предложно-падежные сочетания в диахроническом аспекте. Предпринята попытка представить лексико-грамматическую классификацию таких единиц на материале обходного и делового языка Московской Руси XVI–XVII веков. Основанием классификации являются категориальное значение таких устойчивых сочетаний и выполняемые ими синтаксические функции.

Ключевые слова: устойчивые предложно-падежные сочетания, лексико-грамматические группы, синтаксические функции, историческая лексикология, историческая фразеология

Abstract. The article deals with the use of set prepositional combinations in the diachronic aspect. An attempt is made to present a lexical and grammatical classification of such units based on the material of the Russian language of the XVI-XVII centuries. The basis for the classification is the category meaning of such set combinations and their syntactic functions in the sentence.

Keywords: set prepositional combinations, lexical and grammatical groups, syntactic functions, historical lexicology, historical phraseology.

Статья посвящена рассмотрению особого типа словесных комплексов в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII веков – устойчивым предложно-падежным сочетаниям (например, *с горя, в глазах, без ума*). Под УППС понимаются любые сочетания, состоящие из предлога и падежной формы знаменательного слова, обладающие устойчивостью и воспроизводимостью. В русском языке разных периодов насчитывается значительное количество этих образований. Как отмечает Е.В. Генералова, группа таких единиц в современном русском языке составляет около 2 тыс. единиц, часть из них «активно об-

разовывалась из предложно-падежных форм уже в старорусском языке» [1: 33-34].

В период XVI–XVII веков во многом складывается корпус этих единиц, функционирующих впоследствии в русском национальном языке. Именно в деловом и народно-разговорном типах языка происходят живые, активные процессы образования таких словесных комплексов. Поэтому изучение семантических, грамматических, синтаксических особенностей УППС в разные исторические периоды языка необходимо, чтобы лучше понять их природу и приблизиться к определению лексико-грамматического статуса.

Цель статьи: рассмотреть синтаксические функции УППС в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII веков и представить лексико-грамматическую классификацию таких единиц.

Источниками сбора материала послужили «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» и его картотека, а также региональные исторические словари XVI–XVII веков, которые представляют материал народно-разговорного языка и «частных деловых документов... Московской Руси» [3: 655].

Основанием для выделения лексико-грамматических типов УППС в русском языке Московской Руси XVI–XVII является категориальное значение таких устойчивых сочетаний, а также выполняемые ими синтаксические функции. Как отмечает В.П. Жуков, «категориальное значение системно объединяет фразеологизмы в семантико-грамматическом отношении, соотнося их с той или иной частью речи»; «показателем категориального значения служит грамматически господствующий компонент» [2: 144]. На таком принципе основаны, например, классификации фразеологических единиц Н.М. Шанского [7], А.И. Молоткова [4], В.П. Жукова [2], А.М. Чепасовой [6].

В обиходном русском языке Московской Руси XVI–XVII веков выделяются следующие типы УППС.

1. Предикативные.

В эту группу включены УППС, выступающие и как самостоятельные предикаты, и в качестве именной части составного глагольного сказуемого. В обиходном и деловом русском языке Московской Руси XVI–XVII вв. УППС этого типа особенно часто сочетаются с глаголом-связкой *быть*. Например: *Не всемь чернцомъ в ыгумнах быть*. (Сим. Послов., 126, XVII в.); *В заговоре с*

ним *Васильем были кунгурцы деревни Сыры* (Сл. Перм. I, 186, 1706 г.); *За то онъ отъ митрополита былъ въ запрещенье* (Сид, 106, 1696 г.).

Многие УППС в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII веков, выступающие в роли именной части составного сказуемого, могут сочетаться с разными глаголами, которые можно назвать сопроводителями. По мнению А.И. Молоткова, такие глаголы обычно служат лишь «словами контекста» и не являются компонентами фразеологизма [4: 10]. Например: *(быть, стать) в животе* ‘находиться в живых’. *А ведь есть Федор-царевич во животу!* (Ист. песни, 356, XVI в.); *Сына моего [старца Е.В. Бибикова] Ивана в животе не станет* <...>. (АФЗХ II, 422, 1584 г.).

Связка *быть* часто опускается: *Не в заповеди ли у него?* (Исповед., 427, XVI в.); *Хлебъ соль вместе а рыбка в дель* (Сим. Послов., 148, XVII в.); *И тот де давно в бегах и явки на Вологде есть* (Гр. No 444, XVII – н. XVIII в.).

2. Адвербиальные УППС.

К этой группе относятся УППС, которые объединены общим значением признака действия, то есть выражают количественную или качественно-обстоятельную характеристику действия, так как сочетаются чаще всего с глаголами и функционируют в качестве различных обстоятельств. Важно отметить, что УППС в адвербиальной функции определяют значение глагола как признаковое, в отличие от предикативной функции, где они выступают в роли сказуемого и сочетаются с глаголами, которые вводят именную часть.

В рассматриваемом материале немало УППС, выполняющих следующие адвербиальные функции обстоятельств:

1) **образа действия:** *по алфавиту* ‘по порядку’, *за безлеп* ‘нелепо’, *в захват* ‘самовольно’, *на баснях* ‘на словах, в противоположность действительным поступкам’, *без выкупа* ‘без права выкупа’, *на взгляд* ‘по виду’, *на взор* ‘взглянув’, *без вины* ‘без проступка’, *с вобча* ‘совместно’, *в досаду* ‘огорчительно, неприятно’, *в достаток* ‘в необходимом количестве, нужной, необходимой степени’, *по достоянию* ‘в соответствии с занимаемым положением; как подобает’, *по знатью* ‘по-видимому, вероятно’, *в иверень* ‘в щепки’ и др.;

2) **времени:** *в век, в веки, на веки* ‘навсегда’, *с (от) весны, на (в) весну, по весне, в зиму, по зиме, в вечеру (вечере), на вечер, к вечеру, под вечер (вечерок), на заре, в вечно* ‘на всю жизнь’, *на время, по временам, на год, в год* ‘в будущее время’ и др.;

3) **места:** *на вспять* 'назад', *с (из) исподи* 'снизу', *в верх* 'вверху', кверху, *на доль* 'книзу, вниз', *в вышину* 'вверх', *в близости* 'на небольшом расстоянии', *на бору* 'на возвышенном месте' и др.;

4) **причины:** *с горя, с дерзости, с глупости* 'по недомыслию', *за глупа* 'по глупости' и др.;

5) **цели:** *на беду* 'во вред, на гибель', *по дрова* 'на заготовку дров', *в (про) запас* 'на будущее', *для ведома* 'с целью поставить кого-л. в известность', *для ведомости* 'для получения сведений', *в глум* 'в шутку', для дружбы, для запросу, для греха и др.;

6) **меры и степени:** *с горсть* 'в небольшом количестве', *с долонь* 'о размере чего-л. с ладонь', без числа 'очень много', *с зерно/с зерня* 'маленького размера, количества', до смерти 'очень сильно' и др.

Как видим, в русском языке XVI–XVII вв. активно функционировали конструкции в синтаксической функции различных обстоятельств.

3. Адъективные УППС.

В эту группу мы включаем УППС, которые обладают категориально-грамматическим значением атрибутивности, обозначают качественно-оценочные признаки лица или предмета. По словам В.П. Жукова, «наиболее обобщенным семантическим признаком адъективных фразеологизмов служит понятие качества» [2: 247]. Такие УППС употребляются в атрибутивной функции с существительными. Г.Н. Сергеева отмечает, что адъективное значение УППС проявляется при употреблении с конкретно-предметными существительными и существительными со значением лица [5: 29], что мы и наблюдаем в старорусском языке.

К этому типу мы отнесли УППС, близкие определениям по своей семантике и выполняемой синтаксической функции. Например: *вне ума* 'в состоянии помешательства' (*он, Симошка, вне ума* (РД II-2, 196, 1670 г.)), *на выданье/на выдане* 'о девушке, готовой к замужеству' (*невесты обе на выдане* (МДБП, 121, 1696 г.)), *в бревно* 'о лесе, пригодный для заготовки бревен' (*лес в бревно и в жердь* (Нижегор. док., 224, XVI в.)), *в жердь* 'состоящий из бревен такого охвата', *под заповедью* 'запрещенные' (*товары под заповедью* (РШЭО, 214, 1662 г.)), *в замет(е)* 'построенный путем закладывания жердей, досок между кольями, а не вставкой в пазы столбов' (*конюшня в замет* (Гор. России, 19, 1578 г.); *воротишка в замете* (МДБП, 160, 1656 г.) и др.

По словам Н.Ю. Шведовой, атрибутивные отношения могут возникать из-за отрыва от глагольного слова сильноуправляемого существительного вместе с предложно-падежным сочетанием [8: 14]. Именно такие конструкции наблюдаем в памятниках XVI–XVII вв.

4. Служебные УППС.

В эту группу включаем УППС, которые соотносятся по своим семантическим и синтаксическим функциям с предлогами. Двухкомпонентные предлоги принято делить на разряды в зависимости от лексического значения, которые они передают в сочетании со словоформой: пространственные, временные, причинные, целевые и др.

В исследуемом материале предлоги с пространственным значением представлены довольно широко: *под исподом* ‘внизу’ (*под исподом службы каменные* (Сл. Каз. 21, 83, 1613 г.)), *в близости* ‘рядом’ (*въ близости города пашенные земли* (А. Кунг., 272, 1698 г.)), *в верх* (*въ верхъ по реке по Тросне* (А. Угл., 104, 1551 г.)), *на верху* (*на верху храма колоколница* (Сл. Каз. 21, 83, 1613 г.)), *за место* ‘вместо’ (*платье за место горностаевъ* (Торг. кн. (С), 131, 1575–1610 г.)) и др.

Кроме того, зафиксированы сочетания, употребляемые в качестве предлога, и с другой семантикой: образа действия – *под видом* ‘выдавая себя за кого-л. или за что-л.’ (*под видом других того дому служителии...* (Пов. о Фроле Скоб., 160, XVII в.)), количественные – *в дополнок* ‘вдобавок к чему-л.’ (*въ дополнку к той пустоши* (А. Угл., 156, 1688 г.)), целевые – *в сугон* ‘вдогонку, вслед за кем-л.’ (*за ними в сугон гналса* (В-К II, 16, 1642 г.)), временные – *во время* ‘на протяжении определенного периода’ (*во время увеселительных вечеров* (Пов. о Фроле Скоб., 156, XVII в.)).

5. Количественные УППС.

Вслед за А.М. Чепасовой, выделяем в отдельный лексико-грамматический класс количественные УППС [9: 92]. В таких сочетаниях основным компонентом выступает числительное. В обиходном русском языке обнаруживаются целый ряд УППС такого типа: *по дважды* ‘два раза’ (*ежедень поимает его море по двожды на день* (Х. Аф. Ник., 13, 1472 г.)), *по двое, по трое* (*омачиваи да привязываи к ране на день по двою и по трою и на ноч привязываи* (Леч. Котковой, 191, к. XVII в.)), *в десятирицу* ‘в десять раз’ (*в десятирицу лжи составляюще* (Сказ. Авр. Пал., 102, н. XVII в.)), *в восьмушку* ‘размером в восьмую часть бумажного листа’ (*книшка скорописная в во-*

смушку в переплете (МДБП, 221, 1676 г.), (*мерить, измерить, отмерить*) в *десятины* (мерити будет их в *десятины* нелзя (АФЗХ II, 466, 1605 г.)), *за двое* (*Чья бы корова мичала а твоя за двое молчала* (Сим. Послов., 154, XVII в.)) и др.

6. Междометные УППС.

В исследуемом материале обнаруживается небольшое количество УППС, выражающих чувства и эмоции, выступающих в роли междометий. Например: *для Бога* в значении 'выражение просьбы и пожелания' (*Помоги мне для Б[о]га* (Тронх. разг., 104, к. XVII в.), *с Богом* 'пожелание благополучного пути' (*Поди во имя Божье с Богом* (Разг. Фенне, 233, 1607 г.)).

Итак, в рассматриваемый исторический период в памятниках делового и народно-разговорного языка XVII-XVII вв. обнаруживаем уже «застывшие» предложно-падежные формы, которые функционируют как устойчивые сочетания в разных синтаксических функциях: предикативной, адъективной, адвербиальной, служебной, модальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генералова Е.В. По барабану: лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний // Вопросы лексикографии № 19, 2021. С. 32-51.
2. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 308 с.
3. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 656-659.
4. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Федоров. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 7-22.
5. Сергеева Г.Н. Лексикализованные предложно-падежные словоформы в атрибутивном употреблении // Синтаксические связи в русском языке / Отв. ред. А.Ф. Прияткина. Владивосток: ДВГУ, 1980. С. 26-35.
6. Чепасова А.М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. 211 с.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.
8. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М.: Просвещение, 1966. 156 с.

ИСТОЧНИКИ

- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. СИ. Котков, АС. Орешников, ИС. Филиппова. М., 1968.
- Сим. Послов. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.
- Сид – Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологического института. Т. 14. М., 1911.

Ист. песни – Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) // Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

АФЗХ II – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В.Черепнин, А.А.Зимин. Ч. 1–2. М., 1951–1956.

Исповед. – Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2002. [тексты XVI–XVII вв.]

Гр. – Грамотки XVII – начала XVIII в. / изд. подг. Н.И.Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Росп. прид. – Роспись о приданом // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 124–131.

РД I–IV – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954; Т. 2. Ч. 1. М., 1957; Т. 2. Ч. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1962; Т.4. М., 1976.

Нижегор. док. – Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI в. М., 1977.

РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л., 1960.

Пов. о Фроле Скоб. – История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушке // Русская повесть XVII в. Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 155-166.

Х. Аф. Ник. – Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под. ред. акад. Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958.

Леч. Котковой – Лечебник последней трети XVII в. / Изд. Н.С. Коткова. // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М. 1991.

Сказ. Авр. Пал. – Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955.

Тронх. разг. – The trondheim russian-german MS vocabulary / Ed. by S. S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömsö, 1972.

Разг. Фенне – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Гор. России – Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е. Б. Францужовой. М., 2002.

А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

А. Угл. – Шумаков С. Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–208.

Торг. кн. (С) – Торговая книга / Предисл. И. И. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археолог. о-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 106-139.

В-К II – Вести-Куранты 1642–1644 гг. / изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

СЛОВАРИ

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–9. СПб.: Наука, 2004–2020 (издание продолжается).

Сл. Перм. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

Сл. Каз. – Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. // Изд-во Казанского государственного университета. 2008.

РУСАНОВА Оксана Сергеевна (Ижевск, Россия)

ассистент
Удмуртский государственный университет
o.s.rusanova@yandex.ru

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВО
СТАНДАРТИЗАЦИИ В РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ XVI-XVIII вв.
(на материале НКРЯ)**

Аннотация. В ходе исследования проведен анализ функционирования глагольно-именных сочетаний с компонентами *учинять / учинить, чинить, совершать / совершить, делать / сделать* в русских деловых текстах XVI-XVIII вв., которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что указанные глаголы обладали широкой сочетаемостью, а обнаруженные сочетания использовались для фиксации различных деловых ситуаций. Сделан вывод о том, что в исследуемый период шел процесс формирования стандарта. Отмечено, что в современном русском языке обнаруженные сочетания практически не встречаются.

Ключевые слова: деловой стиль, стандарт, глагол, сочетание, корпус.

Abstract. The study made the analysis of the functioning of verbal-nominal collocations with components *uchinyat' / uchinit', chinit', sovershat' / sovershit', delat' / sdelat'* in Russian official texts of the XVI-XVIII cc., which are contained in the Russian National corpus. It was found that these verbs had a wide compatibility, and these combinations were used to fix various business situations. It is concluded that the process of standard formation was underway during the period under study. It is noted that the found combinations practically do not occur in modern Russian.

Keywords: official style, standard, verb, combination, corpus.

Употребление глагольно-именных сочетаний вместо глаголов (например, *оказать помощь* вместо *помочь*, *произвести осмотр* вместо *осмотреть*, *заключить договор* вместо *договориться* и пр.) является одной из основных лексических особенностей текстов официально-делового стиля (ОДС), о чем говорится во многих пособиях по стилистике современного русского языка и деловому общению (см. работы Т.А. Воронцовой, М.В. Колтуновой, А.В. Флори, И.Б. Голуб и др.). Данные сочетания формируют языковой стандарт, под которым понимаются «готовые, воспроизводимые в речи средства выражения» [1: 75].

Языковой стандарт, как и сам деловой стиль, формировался веками, начиная с древнерусского периода. Однако наиболее интересным периодом для анализа языковых средств в деловой письменности, по мнению

О.В. Никитина, являются XV-XVIII вв., т. к. именно в это время деловой язык начинает активно меняться [2].

Цель данного исследования – определить, как употреблялись сочетания глаголов со стертым значением и имен существительных в русских деловых текстах XVI-XVIII вв., которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. В рамках данной работы мы проанализировали такие глаголы, как *учинять, учинить, чинить, совершать / совершить, делать / сделать*, которые объединены общей семьей ‘делать / сделать’.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что указанные глагольные компоненты в период XVI-XVIII вв. употреблялись достаточно широко, но неодинаково в разные периоды, что свидетельствует о формировании стандарта. Кроме того, обнаруженные сочетания закреплялись за определенными деловыми ситуациями. В современном русском языке либо сочетаемость данных глаголов практически полностью поменялась, либо вместо глагольно-именных сочетаний используются глаголы. Семантика многих глаголов частично сохраняется, в то время как значение некоторых существительных изменилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010, 448 с. (Высшее образование).

2. Никитин О.В. Традиции деловой письменности в языке древнерусской литературы и художественных произведениях XV-XVI вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/44847.php> (дата обращения: 15.03.2023).

РЫБАКОВ Михаил Анатольевич (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
rybakov_ma@pfur.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к категории падежа и доказываются преимущества парадигматико-синтагматического анализа, обеспечивающего системное рассмотрение падежа в единстве его форм и функций. Ставится задача показать ограниченность чисто формальной (синтаксической либо морфологической) трактовки данной категории. Предлагается понимание падежа как многомерной и разноуровневой формально-семантической категории, связанной с

актуальным членением сообщения и коммуникативным ракурсом, образующим внутреннюю форму языка.

Ключевые слова: грамматика, значение, категория, падеж, семантическая роль, система, системная лингвистика.

Abstract. The article discusses various approaches to the category of case and proves the advantage of paradigmatic-syntagmatic analysis, which provides a systematic consideration of the case in the unity of its forms and functions. The task is to show the limitations of a purely formal (syntactic or morphological) interpretation of this category. An understanding of the case as a multi-dimensional and multi-level formal-semantic category associated with the thematic-rhematic structure of the utterance and the communicative perspective that forms the internal form of the language is proposed.

Keywords: grammar, meaning, category, case, semantic role, system, systemic linguistics.

В истории лингвистики можно найти различные подходы к определению и методам анализа падежа. В сравнительно-историческом языкознании (в работах основоположников и, позднее, младограмматиков) внимание привлекала сама падежная форма, точнее флексия, и парадигма, составленная из этих флективных форм, так как именно звуковое соответствие этих флексий и парадигм служило доказательством исторического родства языков. Тем самым, на первый план выходил морфологический (и, соответственно) парадигматический подход к определению и анализу данной категории. В трудах А.А. Шахматова падеж анализируется в аспекте синтаксиса, то есть его традиционное понимание дополняется синтагматическим – формы косвенных падежей определяются как дополнения различного типа, а значения падежей рассматриваются как функции падежных форм в структуре соответствующих словосочетаний [9: 313]. А.М. Пешковский выводит парадигму значений отдельной падежной формы на основе синтагматического анализа её семантики в составе словосочетаний [6: 291-340]. Аналогичный подход характерен для Е. Куриловича: «Семантическое значение формы определяется на основе её первичной синтаксической функции» [2: 191].

В генеративистской теории управления и связывания падеж рассматривался как структурное синтаксическое отношение: глубинное для именительного и винительного и поверхностное для остальных падежей. В теории падежа Л. Бэбби признаётся существование семантического падежа в противоположность синтаксическому [1: 143]. Развитием структурно-синтаксического подхода стало появление работ У. Чейфа [8], Ч. Филлмора [7], в которых синтаксический падеж приобретает семантическое измерение через выявление

семантических ролей аргументов предиката в структуре высказывания. Синтагматика отношений предиката и аргументов становится базой для выстраивания парадигмы семантических ролей, которые впоследствии становятся универсальным инструментом для сопоставления категории падежа в типологической лингвистике.

Парадигматические отношения значений падежных форм в их оппозиции друг другу оказались центральным вопросом падежной теории Р. Якобсона, который отверг чисто синтаксическую трактовку падежа: «мы не имеем права утверждать, что порядок слов может выражать падеж, он может выражать лишь синтаксические функции слов, что ни в коем случае не является тождественным» [10: 137] и поместил анализ этой категории в область морфологии и парадигматики, при этом взяв за основу анализа семантические дифференциальные признаки по аналогии с фонологическими дифференциальными признаками. Признаковый подход к анализу падежной семантики получил развитие в работах представителей различных направлений, обзор которых дан в статье [3].

В системной теории языка, разработанной Г.П. Мельниковым, грамматическая категория падежа понимается как специальное морфологическое средство обозначения ролей участников ситуации в соответствии с типичной композиционной схемой, задающей основные характеристики сообщения и в «в качестве средств установления связи между значением, формой и основаниями группировки падежей используются представления прежде всего о коммуникативных (а не просто синтаксических, морфологических или семантических) функциях слов в сообщении» [4: 41].

Эта типичная композиционная схема вовсе не является универсальной, а соответствует внутренней форме языка и задаётся его внутренней детерминантой. При этом говорящий на флективном языке в зависимости от выражаемого им замысла имеет возможность использовать синонимию грамматических средств языка для того, чтобы по-своему представить роли участников одной денотативной (обозначаемой) ситуации: *Кафедра провела конференцию – Конференция проведена кафедрой – На кафедре прошла конференция* (именительный – творительный – местный падеж: субъект – инструмент – место). По мере роста аналитизма языка возможности трансформации синтаксической структуры высказывания становятся более ограниченными. Сами же эти трансформы в генеративной грамматике ошибочно понимаются как абсо-

лютные синонимы. Не случайно поэтому, что именно коммуникативная функция выступает в системной лингвистике как основа синтагматико-парадигматического анализа падежей и объяснения самой природы этой категории.

Г.П. Мельников берёт в качестве отправной точки деление падежей на приименные и приглагольные, но считает необходимым перейти к понятиям более высоких уровней, чем морфология частей речи или даже формально-синтаксическая структура предложения. Более непосредственно и точно функция падежей может быть сформулирована в терминах их «коммуникативных амплуа», т. е. специализации форм слов к выражению темы и ремы сообщения [4: 42].

Таким образом, системная лингвистика позволяет ответить как на вопрос о функциях отдельных падежных форм, так и на вопрос о функции категории падежа в целом, которая оказывается не формально-морфологической (маркирование позиции словоформы в предложении), не формально-синтаксической (выражение формальных связей слов в предложении), не семантико-синтаксической (выражение смысловых связей слов в предложении) и даже не чисто семантической (выражение семантических ролей актанта предиката). Все перечисленные функции оказываются частными по сравнению со «сверхфункцией», которая заключается в структурировании целостного сообщения [4: 48].

Коммуникативные функции отдельных падежей также оказываются основными, а семантические – производными от них, при этом каждая более специальная семантическая функция отпочковывается от более общей, беря на себя некоторую более конкретную семантическую нагрузку и тем самым разгружая более общую падежную форму, иначе говоря, чем меньше в языке падежных форм, тем более многозначными, а лучше сказать, полифункциональными оказываются эти формы.

Теперь понятно, почему возможны синтаксические трансформации высказывания и обозначение одной и той же ситуации синонимичными сообщениями. При общности денотативного содержания синонимичные сообщения будут различаться способом представления ситуации, т. е. приписыванием семантических ролей участникам ситуации, а, значит, выражать не только саму ситуацию, но и её видение говорящим, либо его стремление представить ситуацию собеседнику определённым образом. Типичные способы указания на роли участников ситуации закреплены в языке в виде узуальных падежных

значений, а выбор определённого способа построения высказывания отражает коммуникативный замысел говорящего, который реализуется в актуальных смыслах падежных словоформ.

Закрепление в языке определённой стратегии маркирования коммуникативных амплуа и семантических ролей образует его типичный номинативный ракурс – наиболее частотный, привычный и удобный способ представления ролей участников ситуации в характерной для данного языка схеме построения сообщения. Закрепление в языке данного номинативного ракурса определяется типичными речевыми потребностями получить в первую очередь значимую и новую информацию образует коммуникативный ракурс языка – «перечень предпочтений средств намёка, обеспечивающий наиболее эффективную коммуникацию при заданной внешней детерминанте языка» [5: 106].

Морфологическая категория падежа в свете системной лингвистики предстаёт как грамматикализованная форма выражения типичных ролей участников и фактов в сюжетной структуре изображаемой высказыванием ситуации, сложившейся в реальном мире. При этом падежная система конкретного языка отражает структуру категорий, значимых для типичной предикативной схемы высказывания в языках данного типа, а выбор говорящим конкретной падежной формы при наличии синтаксических вариантов построения предложения отражает коммуникативный замысел говорящего, в том числе указание актуальное членение и реальную значимость ролей участников с точки зрения говорящего.

В развитие системного взгляда на категорию падежа представляется возможным выдвинуть следующие положения.

1) Семантические роли являются универсальной частью в семантике падежа, а вот их конкретные комбинации в структуре значения каждой падежной формы – специфичны для определенных языков и их групп, но поддаются типологизации (эти комбинации будут общими для языков с общей внутренней формой). Как и в любой другой категории языка в морфологическом падеже есть универсальные, типологические и специфические компоненты.

2) Падежные формы и их значения всегда многофункциональны. Деление падежей на грамматические и конкретные (семантические) условно.

3) Различные значения одной падежной формы всегда связаны с некоторым семантическим инвариантом в парадигматике и смысловым контекстом в синтагматике.

4) Категория падежа характеризуется единством парадигматики и синтагматики на всех уровнях: формальной и семантической морфологии, формального и семантического синтаксиса, коммуникативной структуры и прагматики высказывания.

Системологический подход позволяет избежать крайности схематического универсализма, игнорирующего функциональную специфику конкретных падежных систем, с одной стороны, и от понимания падежа как несопоставимой идиоматической категории, с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исакадзе Н.В., Кобозева И.М. Генеративная грамматика и русистика: проблемы падежа и вида // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 142-167.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП «Тривиум», 2000. 490 с.
3. Новиков А.Л., Рыбаков М.А. Моделирование грамматического значения падежа // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». 2014. № 3. С. 85-96.
4. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. С. 39-64.
5. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369-495.
8. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 430 с.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
10. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133-175.

РЫКИН Евгений Юрьевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ И ТВОРИТЕЛЬНЫЙ КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье на материале текстов древнерусского и великорусского периодов рассматриваются два значения творительного падежа – творительный идентификационный и творительный квалификационный. Приводятся примеры употребления данных значений падежа из древнерусских и великорусских памятников.

Отмечается, что сочетания с творительным падежом в анализируемых значениях в современном русском языке встречаются редко.

Ключевые слова: присубстантивный творительный падеж, творительный идентификационный, творительный квалификационный.

Abstract. In the article, based on the texts of the Old Russian and Great Russian periods, two meanings of the creative case are considered – creative identification and creative qualification. Examples of the use of these case values from ancient and Great Russian monuments of writing are given. It is noted that combinations with the creative case in the analyzed meanings are rare in modern Russian language.

Keywords: substantive creative case, creative identification, creative qualification.

По наблюдениям лингвистов, современный творительный падеж характеризуется большим количеством частных падежных значений. Многие из них описаны в научных исследованиях. Диахронный аспект данного вопроса пока остается недостаточно изученным, хотя в XI–XVI вв. у творительного падежа существовало много частных значений, требующих своего описания. Какие-то из них сохранились и в современном русском языке, другие – видоизменились, а некоторые были утрачены. В данной статье мы рассмотрим два значения творительного падежа, употреблявшиеся в древнерусский и великорусский периоды развития русского языка, – творительный идентификационный и творительный квалификационный.

Присубстантивный творительный падеж одним из первых выделил А.А. Барсов, который отмечал, что такое значение «полагается в объявлении отчества, рода, чина, состояния, имени и проч.» [3: 181-182]. Можно заметить, что существительное, стоящее в творительном падеже с отмеченным значением, имеет отношение к биографии человека. Нам представляется необходимым разделить данный тип творительного падежа на два подтипа: творительный идентификационный и творительный квалификационный. Необходимо отметить, что существительное в творительном присубстантивном употребляется только в составе нечленимой синтаксической конструкции вместе с другим существительным.

Сочетания с творительным идентификационным характеризуют человека по имени. Данные конструкции состоят из собственного имени существительного в именительном падеже (реже – в косвенных падежах) и существительного *имя* в творительном падеже:

Мужь же бяше во Израили именемъ Амбрамъ (Житие пророка Моисея); *И бысть царица Южьскаа иноплеменница именемъ Малкатъшка* (Суды Соломона); *Идохъ азъ въ страны Ерихоньскы и обрѣтохъ ту человекѣка*

мала въздрасъть, **именьмъ Закъхей** (Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад); *И несущим намъ, еврѣинъ единъ, **именем Иофониа**, крѣпокъ телесемъ, устремлься, начать сметати на землю одръ, апостоломъ носящимъ* (Слово об успении Богородицы); *Другый же мних, **имянем Никонъ**, въ пленении сый, окованъ дрѣжимъ бѣаше* (Киево-Печерский патерик); *Тако же блаженный помянувъ епископъ Божию волею тогда, призва единого отъ своего честнаго крилоса перьваго отъ старѣйшихъ протопопу, **именемъ Георгий*** (Житие Авраамия Смоленского); *И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрься, **именем Апоница*** (Повесть о разорении Рязани Батыем); *И прихождаху к нему два христианина, въ окрестныхъ мѣстѣхъ святаго живуще: **Авѣксентие** **именемъ**, прозванием же Вранъ нарицаем, другой же **Матфей**, **Кукось** нарицаем, иже послѣди бысть пономарь тоя обители* (Житие Кирилла Белозерского) [1: URL].

Частотность подобных конструкций в древнерусском языке относительно высока. Так, в «Житии Кирилла Белозерского» встречается 47 подобных конструкций, в «Киево-Печерском патерике» – 20, в «Галицко-Волынской летописи» – 15.

Необходимо отметить, что в современном русском языке сочетания с творительным идентификационным употребляются очень редко, что объясняется наличием другого способа для передачи значения идентификации – сочетания с дательным падежом: *именем Иван = по имени Иван*.

Сочетания с творительным квалификационным характеризуют человека по сану, возрасту, вере и происхождению, то есть относят объект к какой-либо категории, что соответствует одной из дефиниций понятия *квалификация* (см. [2: 167]). Данные конструкции состоят из именной части речи в именительном (реже – в косвенных падежах) и существительных *вера, сан, возраст, род* и некоторых других в творительном падеже. Приведем примеры:

а) сочетания с творительным квалификационным, характеризующие человека по сану: *Бысть убо муж съврѣшенъ въ всякой добродѣтели в том же Печерскомъ монастырѣ, **имянем Онисифоръ, презвитерьъ саном*** (Киево-Печерский патерик); *В тыи же дъни прииде нѣкто мнихъ от Святыя Горы, **саномъ иерѣй*** (Киево-Печерский патерик); *И призвавъ к себѣ въ прежереченную пустынку нѣкоего старца духовна, чином священничьскимъ украшена, прозвитерьскою благодатию почтена, **саном игумена** суца, **именем Митрофана*** (Житие Сергия Радонежского); *Сиа слышавъ единъ от них*

нѣкто человекъ, христианинъ, поселянинъ, чином орачь (Житие Сергия Радонежского);

б) сочетания с творительным квалификационным, характеризующие человека по происхождению: *Кюпрянинъ родъмъ, съ бѣ сынъ Епифаня, тѣгда суцаго властелина того острова* (Пролог); *И прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всим и волю ему дал бяшеть* (Повесть об убиении Андрея Боголюбского); *Токмо и два бяста убита от полку его, не подъ городомъ, но во изгонѣ: он же бяше прусинъ родомъ, а другий бяшеть дворный его слуга любимы, сынъ боярьский Михайловичь именем Рахъ* (Галицко-Волынская летопись); *Бысть убо черноризецъ в том же Печерскомъ монастырѣ, имянемъ Арефа, родом полочанинъ* (Киево-Печерский патерик); *Последи же увѣдах, яко се бысть Моисей, угринъ родомъ* (Киево-Печерский патерик);

в) сочетания с творительным квалификационным, характеризующие человека по вере: *Бяше нѣкий царь, именем Хириданъ, христианинъ вѣрою* (Хронограф 1512 года) [1: URL].

Стоит отметить, что в некоторых контекстах конструкции с творительным квалификационным могут иметь оценочное значение. Рассмотрим следующее предложение: *Попущением Божиимъ за грѣхы наша, от навождениа диаволя въздвижеся князь от вѣсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель* (Сказание о Мамаевом побоище) [1: URL]. В данном предложении наименование веры Мамаия находится рядом с оценочными словами *идоложрецъ* и *иконоборецъ* и с оценочным выражением *злый христьянский укоритель*, то есть выражение *еллинъ вѣрою* в данном случае приобретает прагматическое (пейоративное) значение. В предложении *Свѣтригаиль же ляхъ бѣ вѣрою, но устроенъ къ брани муж храбръ, добль сый на ополчение* (Сказание о нашествии Едигея) [1: URL] пейоративность характеристики *ляхъ вѣрою* доказывается противительными отношениями первой части предложения, в которую входит указанное сочетание, со второй частью, которая содержит мелиоративное слово *храбръ* и мелиоративное сочетание *добль на ополчение*.

В современном русском языке сочетания с творительным квалификационным встречаются крайне редко.

Итак, довольно частотные в плане употребления в XI–XVI вв. сочетания с творительным идентификационным и творительным квалификационным со

временем стали употребляться все реже. Идентификационное значение сохранилось, но стало передаваться конструкцией с дательным падежом, а квалификационное значение (равное значению творительного квалификационного, разобранным в статье) теперь не присуще, пожалуй, ни одной падежной форме. Причины таких изменений требуют изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 672 с.
3. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подгот. текста и текстол. коммент. М.П. Тоболовой / Под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.

САДИКОВА Эльвира Витальевна (*Термез, Узбекистан*)

преподаватель
Термезский государственный университет
elvira.sadikova.80@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Аннотация. В данной научной статье на материале пословиц с компонентом антропонимом рассматриваются основные методы и приемы исследования вариативности в пословицах, разрабатывается новый подход, который синтезирует лингвистические и фольклористические принципы и понятия. Исследуется вариативность антропонимического компонента в составе пословиц, определяется степень воздействия изменений антропонима, их структурно-композиционный, предметно-понятийный, предметно-образный состав. Большое внимание уделяется пословицам с именами, которые, как правило, не имеют лексических вариантов. В работе используются понятия, принятые в лингвистике и фольклористике.

Ключевые слова: лингвистика, паремии, личное имя, вариативность, народное творчество, антропоним, русский фольклор.

Abstract. In this scientific article, based on the material of proverbs with an anthroponym component, the main methods and techniques for studying variability in proverbs are considered, a new approach is developed that synthesizes linguistic and folklore principles and concepts. The variability of the anthroponymic component in the composition of proverbs is investigated, the degree of impact of changes in the anthroponym, their structural and compositional character is determined. subject-conceptual, subject-figurative composition. Much attention is paid to proverbs with names, which, as a rule, do not have lexical variants. The paper uses the concepts accepted in linguistics and folklore.

Keywords: linguistics, proverbs, personal name, variability, folk art, anthroponym, Russian folklore.

Вариативность – это одна из самых востребованных тем в паремиологии, так как вариативность – сущностная характеристика пословиц паремийного жанра фольклора, а также устойчивых воспроизводимых языковых выражений. Варьирование есть одна из типологических универсалий фольклора. Как было подмечено учёными, пословицы – это не застывшие произведения устного народного творчества, а записи, которые ведутся с давних пор, они отмечают разные изменения: на уровне фонетики, словообразования, лексики, синтаксиса.

Вариативности в пословицах способствуют традиционность и массовость этого жанра. Традиционность выражается в использовании пословиц на не малом пространстве, что объясняет творческий характер их употребления. То, что пословицы часто используются, обусловлено нужностью в данном жанре, это и приводит к большому использованию текстов, а значит, множественности вариантов. «Незабываемость» пословиц укрепляется тем, что их варианты, не отклоняются от ее структурно-типовой модели, но допускают внутренние изменения в тексте; ср.: *Кому поведётся, у того и петух несётся; Кому поживётся, у того и петух несётся; У кого счастье поведётся, у того и петух несётся* [1: 139, 307]. Пословица – это синтаксически оформленное языковое выражение, которое представляет собой поучительное или назидательное суждение о реальности, которое даётся в прямом или переносном смысле.

Большое внимание уделяется разграничению вариативности и синонимии, тем более что в основе синонимии также лежит варьирование. Как замечено учёными, синонимичные пословицы тяготеют к одной и той же структурно-типовой модели, но синонимический ряд включает разные в этом плане единицы. Ср., например, ряд синонимов с общим смыслом, который можно передать фигурально ‘одним всё, другим ничего’: *Кому дали, а мне посулили; Кому полтина, а кому и ни алтына; Один ходит в сукне да в шёлке, а у другого зубы на полке; Один слепнет от голода, другой – от золота* [1: 138, 241]. Чтобы разграничить вариативность и синонимию в пословицах рассматриваются различные типы смысловых отношений. Согласно В.П. Жукову, у вариантов пословиц при вариативности компонентов сохраняется семантическое единство, значит характер отношений, связей или зависимостей между вещами и явлениями, составляющих логический и структурно-композиционный план паремии, при этом предметно-образный план послови-

цы может сохраняться полностью или частично [4: 16]. Рассмотренный В.П. Жуковым вопрос семантического тождества и понятие «смыслового центра» совпадает с принципами изучения варьирования в фольклористике, где существуют такие понятия как: «редакция», «запись», «повторные записи», «вариант», «вариация», «версия», «основная версия». Так, варианты есть тексты одного сюжетного типа. Если варьирование значительно, говорят о вариациях, или версиях, для которых характерен свой набор мотивов, имеются существенные образные и композиционные особенности в текстах одного структурно-сюжетного типа [3: 107]. Замечено, что принципы исследования, рассмотренные в фольклористике, схожи с лингвистическим описанием структурно-семантических моделей пословиц, выделением инварианта. Если фольклористика для разграничения вариантов и вариаций использует понятие «структурно-сюжетный тип», то паремиология вводит понятие «структурный тип», или «пословичный тип», который близок понятию структурно-семантической модели и вместе с тем вбирает в себя понятие поэтической структуры пословицы и ее обобщенного значения и основных функций [5: 28].

Следуя вышеизложенному, можно сделать вывод, что в паремиологии рассматривается синтезирующий подход, который позволит описать языковые изменения в пословицах и установить, насколько сильно их влияния на семантическое единство пословиц, образное наполнение и структурно-композиционное строение.

Лексическая вариативность онимов, не портит семантическое единство пословиц, не нарушает их предметно-образный и структурно-композиционный план; ср.: *Друг всем Макарам (рыболовам), а уши не видал. Друг всем Макарам, а уши не видал.* Лексическая вариативность оним/апеллятив, сходных по звуковым характеристикам, не нарушает смысловое значение пословиц, но воздействует на предметно-образный план, и ещё вносит смысловые и экспрессивные добавки в значение пословиц. Подметим, как варьируются гендерно маркированные компоненты в пословицах, которые основанные на противопоставлении по полу; ср.: *Флор плачет, а жена скачет; Муж пашет (плачет), а жена пляшет (скачет).* Апеллятивные варианты, как правило, делают акцент на семантические признаки, влияют на экспрессию пословиц. К примеру, такие компоненты как *муж* или *жена* есть на месте антропонимов в тех случаях, когда в пословице делается акцент на смысловую тесную связь, подобной по силе семейной связи. Ср.: *Иван играет, а Марья с голоду уми-*

рает; Жена умирает, а муж со смеху помирает. Компонент *матушка*, находящийся вместо антропонима в пословице, акцентирует сему ближнего родства, этот образ увеличивает значение иронического сомнения; ср. *Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья; Его-то матушка моей-то матушке двоюродная Парасковья.* Взаимозаменяемость онимов *Марья, Малашка* и компонента *жена*, а так же более широкого по семантике *баба*, или онимов *Иван, Флор* и компонента *муж*, который подчёркивает присущую антропонимам функцию типизации по гендерным признакам. Ср., например: *По Сеньке шапка, по Малашке шлык; По Сеньке и шапка, по бабе и шлык.* Конечно, этот вид вариативности определяется формальными признаками субститутов, которые рифмуются, совпадают по размеру или ритму в тексте, ср.: *У всякого Гришки (попишки) свои делишки.* Но похожие замены сильно воздействуют на предметнообразность пословиц, а ещё вносят свои смысловые и экспрессивные добавки, что и приводит к рождению вариаций. В пословицах может быть субституция неоднородных по теме компонентов – онимов, которые имеют лицо, и апеллятивов, именующих предметы, животных. В отношении псевдосемантики входят антропоним – несемантический знак языка, который в пословице наполняется семантикой каких-либо свойств социума, и наименования животных или предметов, референтами которых в пословице являются те или иные свойства, переносимые на лицо, человека. Ср.: *У всякой Пашки (пташки) свои замашки. Со всем Максим, и шапка с ним (и Аксинья с ним).* Таким пословицам свойственно «пренебрежение» и другими правилами вариантности. См. примеры субституции неодушевленного апеллятива и одушевленного онима: *По бороде Авраам, а по делам – Хам; С бороды как есть Авраам, а на деле – сосновый чурбан.* В первом примере нейтрализуется противопоставление оним *Хам* – апеллятив *хам*; со значением апеллятива сближается переносное значение номинации *сосновый чурбан* – «бесчувственный». Ещё нами замечены примеры, где личное местоимение представляется субститутом личного имени, чем «игнорируется» принцип морфологической идентичности вариантов – принадлежности к одной части речи. Ср.: *Кого мимо, а меня (а Мину) в рыло.* Лексико-морфологическая вариативность оним/апеллятив, одинаковых по звуковым характеристикам, но не похожих по роду или числу, не портят похожесть пословиц, не влияет на их структурно-композиционный план, но изменение онима на апеллятив вносит существенные образно-смысловые и экспрессивные добавки. Ср.: *У всякого Филатки*

свои ухватки; У всякой бабки свои ухватки. Потужи о себе, а там и о других (и о Фоме). Здесь мы видим, что в силу созвучности портится принцип морфологической одинаковости, частеречной однородности. Лексическая вариативность оним/апеллятив, не похожих по фонетическим характеристикам, не портит семантическое тождество пословиц, но создает особый образно-смысловой «рисунок» в пословицах, что позволяет говорить о вариациях. Ср.: *В праздник – Груша, а в будень – клуша; В праздник – белолочка, а в будень – чумичка.* В этих примерах каждый из онимов имеет свою рифму, что помогает созданию образа. Оним *Груша* (народная форма личного имени Аграфена) и апеллятив *белолочка* сходятся в обозначении молодой девушки, женщины, которая, по стереотипным представлениям, должна выглядеть опрятно и красиво. *Груша* противопоставляется *клуше*; в переносном значении *клуша* – ‘дурно одетая или закутанная женщина’ [2: 104]. Если *белолочка* и *чумичка* есть контрастные слова и просто в разговорной речи, то семантическая близость слов *Груша* и *клуша* может быть использована исключительно в пословичном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Т. II. М.: ОЛМАПРЕСС, 2004.
3. Добровольская В.Е. «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции). Современные методы и подходы в изучении современной народной культуры. Из истории русской фольклористики. Санкт-Петербург, 10, 226–238. стереотип. М.: Русский язык, 2018.
4. Жуков В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. М., 2000.
5. Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978.

САТТАРОВА Елена Анатольевна (Термез, Узбекистан)

доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Термезский университет экономики и сервиса
yelena.sattarova.1976@bk.ru

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ К ПОНЯТИЮ «ЖЕНЩИНА» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу сопоставления гендерно-вежливых эвфемизмов к понятию «женщина» в сопоставлении русского и узбекского языков. Анализируются примеры эвфемизмов по отношению к понятию «беременная женщина» в сопоставительном плане двух совершенно разноструктурных языков, которые встречаются в процессе современной коммуникации. Рассматриваются стратегии вежливости и сопутствующие ей национально-культурные принципы, диктующие создание и употребление гендерно-вежливых эвфемизмов при обращении к лицам женского пола, и описываются этнические и социокультурные особенности сопоставляемых языков.

Ключевые слова: эвфемизм, сопоставление, гендерная лингвистика, стереотипы, менталитет.

Эвфемизмы по своей природе представляют собой сложное и многоплановое явление.

Ученые-лингвисты, занимающиеся изучением эвфемизмов, объясняют некоторые его особенности и свойства неоднозначно, уделяя, как правило, особое внимание какой-либо одной стороне вопроса.

Подходы к изучению явления эвфемистических замен разнообразны и многочисленны и зависят напрямую от того аспекта, который подвергается исследованию и анализу.

С точки зрения гендерной лингвистики подходит к проблеме использования в языке эвфемизмов Г.А. Вильданова. Она выделяет в языке гендерно-вежливые эвфемизмы, отражающие гендерные стереотипы. Исследователь отмечает перенос эвфемизации, связанной с языком женщин, из личной сферы в социальную [2: 7]. Рассмотрев эвфемизмы в речи мужчин и женщин, В.Ю. Харитонова наблюдает «свойственное женщинам предпочтение утончённых, завуалированных и уклончивых номинаций» [4: 142].

Согласно узбекскому лингвисту А.Ж. Омонтурдиеву, «Эвфемизмы принадлежат языковым универсалиям, при помощи которых хотят завуалировать, закамouflировать некий смысл, который говорящий почему – либо считает неудобным обозначать прямо» [3: 116].

В данной статье мы особое место отводим исследованию менталитетам двух различных народов и их национальным обычаям и традициям, что очень тесно связано с речевой культурой общества в целом. Так как в настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое единство. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения и особенности, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, поведении и т. п.

Гендерный фактор играет значительную роль в употреблении эвфемизмов. Его влияние обусловлено, в первую очередь, желанием избежать дискриминации человека по его половой принадлежности, уважительным отношением к личности.

В соответствии с направленностью данной научной статьи на сопоставительные национально-культурные особенности эвфемизмов базой исследования выступают два разносистемных языка, анализируемых в аспекте отражения, накопления, хранения и передачи культурной информации, культурных кодов народа – носителя языка, что обеспечивает преемственность и развитие национальной культуры. Таким образом, базовыми представляются понятия «национальная языковая картина мира» и «национальная языковая личность».

Мы считаем, что культурный компонент отражается через внутреннюю форму слова, т. е. через гендерно-вежливые эвфемизмы. И в качестве иллюстрации к сказанному, можно привести в пример понятие «женщина», которое мы анализируем по следующей схеме: 1) отражение сути понятия «женщина» в каждой из анализируемых культур; 2) с позиции запретов (кому-либо, что-либо нельзя + какое-либо действие, если); 3) употребляемые эвфемизмы вместо табу, запретов; 4) национально-культурные особенности и поверья.

Следует отметить, что национально-культурные эвфемизмы в анализируемых культурах имеют характерные, ментально-специфичные, региональные особенности.

«Женщина» – универсальный национально-культурный компонент, понятие, характерное для обеих анализируемых культур. Традиционно «женщина» в русской и узбекской культурах имела жесткие ограничения в социальных, религиозных и общественных моральных правах. С давних времен женщина как у узбеков, так и у русских традиционно находилась в тени мужчины.

Она являлась хранительницей домашнего очага, женой, матерью, воспитывала детей.

В контексте общекультурных универсальных ценностей «женщина» понимается неоднозначно. С одной стороны, женщина представляет собой нечто отрицательное, т. е. она являлась носителем отрицательных качеств, представляя негативный полюс ценностей в иерархии определенного мира, сочетая в себе источник бедствий для мужчины и прибежище дьявольских, темных сил. С другой стороны, женщина, находясь в зависимости от мужчины, являясь его помощницей, выполняла функции жены и матери детей. Следует отметить, что дискриминация женщин в правах и свободах наблюдается и сейчас, на современном этапе, хотя не столько ярко выражена. Женщина не воспринимается как лидер из-за традиционных устоявшихся стереотипов и философских верований. Например, в коммуникативной ситуации-прием на работу при предъявлении одинаковых резюме (диплом, сертификаты, характеристики, умения, знания и т. д.) мужчиной и женщиной предпочтение отдается мужчине, шансов устроиться на работу больше у мужской, нежели у женской половины общества.

В рассматриваемых культурах запрещалось называть в прямой номинации – беременную женщину, употреблялись следующие гендерно-вежливые эвфемизмы, например, рус.: **беременная** – эвф. *будущая мать, в (своём) марьяжном интересе, в положении, в интересном состоянии, ждет пополнения, в деликатном положении, ожидающая, на сносях, в тягости* и т. д.; узб.: **bo'goz (беременная)** – эвф. *boshqoronqi bo'lmoq* (находящаяся под контролем), *bo'yida bo'lmoq* (не имеет перевода, т.е. не имеет эквивалента в русском языке), *vujud* (тело), *gavhar* (жемчуг), *gumon* (не имеет перевода), *gumoni bor* (не имеет перевода), *donni cho'qimoq* (перемальывает зерно), *doq paydo bo'lmoq* (время иметь пятна на лице), *dujon* (не имеет перевода), *duqat duqat* (не имеет перевода), *ikkiqat* (двое), *ko'ngli sust ketmoq* (обескураженная), *natija hosil bo'lmoq* (ждет результаты плода), *nishona paydo bo'lmoq* (идущая к цели), *oy-kuni yaqin* (близок день и месяц), *oyog olishi galati* (странно ходящая), *oyogi ogir* (тяжелая нога), *ota salobidan ona botiniga boglanmoq* (быть привязанным к утробе матери, приветствие от отца к утробе матери), *ogirbo'yu* (тяжелая), *uchinchi kishi* (третий человек), *uchinchi odam* (третий человек), *zida dogi bor* (у нее есть пятно), *yukli* (загружена), *yukli bo'lmoq* (быть загруженной), *qornida bir*

nimani sezmoq (что-то чувствуется в утробе), *surgunida bor* (в изгнании, перевод путем кальки) и др.

С древних времен, и по сегодняшний день традиционно, узбекским менталитетом является то, что дочерям и женщинам запрещалось и запрещается называть имена своих родителей, имя мужа, а также имена родственников мужа, поэтому национально-культурный компонент «женщина» в анализируемых культурах имеет свои ментально-специфические особенности.

В узбекской культуре женщина характеризуется следующими особенностями и чертами:

- хранительница очага (*o'choq*); ассоциируется с уютом в семье; все управление и ведение домашнего хозяйства было на плечах женщины;

- продолжательница рода, жизни; мать детей;

- строго следуя древним традициям, девочку в семье всесторонне обучали и прививали навыки, различные умения: от этикета и почитания традиций до ведения и управления домашним хозяйством. Это делалось для того, чтобы в будущем достойно и выгодно выдать дочь замуж;

- в узбекской семье девочке, будущей невесте с самого рождения готовилось приданное. Эта традиция сохранилась и в наши дни. В приданое невесты входит все необходимое для будущей семьи, причем это делается с запасом, чтобы в течение 5-6 лет молодая семья ни в чем не нуждалась.

Итак, в узбекской культуре дочерей почитают как высшую драгоценность семьи, а мудрая женщина управляет незаметно.

В русской культуре отношение к «женщине» отразилось в славянской мифологии, древних языческих верованиях. С одной стороны, с Мокошью – единственным женским божеством в языческом пантеоне – было связано не только благополучие девичьих судеб, но и плодородность земли и хороший урожай. «Мать – сыра земля» – постоянный эпитет высшего женского начала. С другой стороны, женские образы связаны с темным, плохим, то есть они соотносены с проявлением негативных качеств.

Суть отношения к женщине в русской культуре отражена в народных пословицах: «Кто кого любит, тот того лупит», «Коли муж не бьет, значит, не любит»; «Не верь коню в поле, а жене на воле», то есть неволя считалась принадлежностью женского существа. Традиционно русские женщины верили и считали, что они, в самом деле, рождены для того, чтобы их били мужья и сами побои были признаком любви.

Женщина в русской культуре характеризуется следующими особенностями и чертами:

- традиционно дочерей воспитывали и держали в строгости;
- обучали девочек различным умениям по ведению домашнего хозяйства;
- сохранение невинности девушки было основным требованием, критерием при выдаче замуж;
- девушка не знала до замужества своего жениха;
- мать не имела влияния на своих детей, так как знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, их отдавали кормилицам. Няни и дядки воспитывали детей под руководством и властью отца семейства;
- женщина без позволения мужа не смела никуда выйти из дома; за стол садились только после отца семейства;
- в домашнем быту женщина не обладала какой-либо властью, даже в ведении хозяйства.

Следует отметить, что только в начале XVIII в. в жизни русской женщины начали происходить изменения, т. е. в обществе был выдвинут принцип гуманизма, интерес к человеку, как к личности.

Сейчас, на современном этапе женщины имеют одинаковые права с мужчинами, но определенная дискриминация женщин присутствует и сейчас, отражающаяся в выражениях: хозяин-барин, муж-глава, отец семейства.

Таким образом, анализ национально-культурного компонента «женщина» в рассмотренных русской, узбекской культурах позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Понятие «женщина» – универсальный национально-культурный компонент характерный для обеих культур вне зависимости от вероисповедания.

2. Для анализируемых культур характерно то, что традиционно женщина была ограничена в социальных, религиозных, политических, юридических, общественных, моральных правах.

3. Функциональные обязанности женщины ограничивались рамками семьи.

4. Основное предназначение женщины заключалось в том, что она обустроивала весь быт и вела хозяйство семьи; была женой, матерью, воспитывала детей.

5. Национально-культурный компонент «женщина» в анализируемых культурах в своей принципиальной сущности понимается однозначно (одинаково), но различается трактовками по отношению к данному понятию.

В тени данных мотивов скрывается оценка как результат переосмысления окружающего мира с позиции разных ценностей [1: 262]. Стоит отметить, что, несмотря на разность подходов, круг эвфемизируемых явлений в языке достаточно однообразен в своем проявлении, как в русском языке, так и в узбекском. Это, на наш взгляд, обусловлено глубокими философскими учениями, религиозными верованиями, национально-специфическими культурными традициями, иерархической структурой власти, политической системой общества и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексикова Ю.В. Эвфемия как частный случай синонимии // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2009. № 6 (74). С. 261-267.
2. Вильданова Г.А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бирск, 2008. С. 7.
3. Омонтурдиев А.Ж. Эвфемистические основы узбекской речи. Ташкент, 2000. 277 с.
4. Харитоновна В.Ю. Эвфемизм как средство непрямой коммуникации // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма: Сб. ст. Саратов: Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. С. 142.

САФОНОВА Ирина Александровна (*Волгоград, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный университет
ia_safonova@volsu.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛАГОЛА *ЗЪРЎТИ*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения функционирования глагола *зърѣти* в разножанровых памятниках письменности XI-XIV вв. С учетом языковых фактов, отмеченных в памятниках письменности, и данных лексикографических источников реконструированы семантическая и смысловая структуры рассматриваемого глагола. Показана связь между формирующими их семантическими компонентами и составляющими ситуации восприятия. Выявлены функционально обусловленные изменения в смысловой структуре анализируемого глагола, которые отражают связь процесса восприятия с другими важными для жизни и деятельности человека процессами.

Ключевые слова: восприятие, глагол зрительного восприятия, лексическая семантика, перцептивное значение, функционирование, функциональные изменения, история русского языка.

Abstract. The article presents the results of studying the functioning of the verb *zbrěti* in literary monuments, which belong to various genres and date back to the 11th – 14th centuries. The semantic and content structures of this verb are reconstructed taking into consideration the linguistic facts noted in the literary monuments and the data of lexicographic sources. The connection between the semantic components that constitute them and the components of the situation of perception is shown. Functionally conditioned changes in the content structure of the analyzed verb are revealed. They reflect the connection of the process of perception with other processes, which are important for human life and activity.

Keywords: perception, verb of visual perception, semantics, meaning of perception, functioning, semantic changes, history of the Russian language.

Восприятие представляет собой деятельность, без которой для человека невозможно взаимодействие с окружающим миром. По замечанию А.Н. Леонтьева, в самом факте восприятия сосредоточиваются процесс субъективного отражения объективного мира и природа этого отражения. Причем оно является активным, а не пассивным, зеркальным [2: 108-109].

Будучи сложным психофизиологическим процессом формирования перцептивного образа, восприятие отличается полимодальностью, предполагающей использование разных органов чувств для получения информации об окружающем мире [1: 108].

Специфика процесса восприятия находит отражение в семантике языковых единиц разной частеречной отнесенности; среди них ядерными являются глаголы, изучение которых на современном материале имеет длительную традицию. Перспективным остается исследование фактов предыдущих этапов развития языка. Обращение к ним позволит сделать вывод об изменениях в семантике глаголов в ходе развития и, как следствие, об отраженных в ней представлениях о процессе восприятия.

В этом отношении предмет особого интереса составляют древнерусские глаголы зрительного восприятия, в частности *zbrěti*, который являлся в XI–XIV вв. одним из базовых глаголов зрительной перцепции и характеризовался большим диапазоном значений. В отличие от других базовых глаголов – *viděti* и *smotrěti* – он использовался для выражения двух разновидностей зрительного восприятия, что, как представляется, можно считать следствием семантического синкретизма корневой морфемы (подробнее о синкретизме см.: [6: 33-72]).

Материалом для изучения послужили языковые факты из авторской картотеки, отобранные из разножанровых памятников письменности XI–

XIV вв., и панхронического подкорпуса в составе Национального корпуса русского языка¹. При работе с подкорпусом привлекались данные, полученные в ходе поиска по лемме «зреть». Последующий отбор фактов осуществлялся в зависимости от значений, реализуемых глагольными словоформами.

Исследование языковых фактов проводится с опорой на основные положения комплексного подхода в трактовке С.П. Лопушанской, предполагающего обращение к семантике единиц разных языковых уровней, рассмотрение ее через призму мыслительных процессов, изучение языковых единиц в ходе функционирования. Представления о специфике содержательной стороны слова и его функционировании нашли отражение в предложенной ученым дефиниции термина «семантическая структура»: «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи / в тексте», а также в разграничении семантической структуры слова и смысловой структуры словоформы, функционирующей в контексте (см. об этом: [3-5]).

Семантические структуры глаголов рассматриваются как иерархически организованная совокупность семантических признаков разной степени абстракции – категориально-лексической семы (КЛС), интегральных сем (ИС) и конкретизирующих их дифференциальных признаков (ДП), отражающих представления о факте, явлении, событии реальной действительности.

Изменения в смысловых структурах функционирующих глагольных словоформ определяются нами, вслед за С.П. Лопушанской, как семантическая модуляция и семантическая деривация (подробнее о терминах см.: [5]).

Изучение языковых фактов, реконструкция семантической и смысловой структур проводятся с опорой на данные этимологических и исторических словарей русского языка.

Как показывают данные лексикографических источников, глагол *зреть* изначально сформировался как языковое средство для выражения зрительного восприятия. Восстанавливаемые для данного глагола общеславянский корень *zъr- и индоевропейский корень *g'her- : *g'here- : *g'hrē- имели значения, связанные с получением информации с помощью глаз – «блистать», «сиять», «сверкать» [12: 330]. При этом в разных славянских языках глаголы, корни которых восходят к реконструированным, представлены с двумя основными значениями – преднамеренного и непреднамеренного восприятия: словен.

zreti «взглянуть», чеш. zřít, словц. zret' «видеть», польск. źrzeć «смотреть» [11: 105-106].

Смысловую структуру глагола зърѣти, функционирующего в древнейших памятниках письменности в прямом значении, формируют КЛС 'восприятие', ИС 'способ восприятия', ИС 'характер субъекта', ИС 'характер объекта', ИС 'характер процесса', ИС 'направление взгляда'. Интегральные семы 'способ восприятия' и 'характер объекта' обнаруживают устойчивую реализацию в дифференциальных признаках «зрительно» и «конкретность» соответственно. ИС 'характер субъекта' конкретизируется посредством ДП «конкретность» и «одушевленность». При этом ДП «активность» и «пассивность» обнаруживают связь с ДП «преднамеренность» и «непреднамеренность», реализующими ИС 'способ восприятия'. Реализация ИС 'направление взгляда' в разных дифференциальных признаках зависит от условий контекста. Чаще всего данная ИС конкретизируется ДП «на объект в целом». Кроме того, в структуре рассматриваемого глагола могут актуализироваться две потенциальные семы – 'эмоционально-оценочное отношение' и 'мыслительная деятельность' (подробнее о семантических и смысловых структурах глаголов зрительного восприятия см.: [7]).

Прямым для рассматриваемого глагола являлось значение «видеть, воспринимать зрением кого-л.» [8: 433-434; 10: 1012; 9: 64], при реализации которого ИС 'характер субъекта' конкретизируется с помощью ДП «пассивность», а ИС 'способ восприятия' – ДП «непреднамеренность». Например: да людие зраще его. Дрѣзнии тѣжахѣ. А дрѣзнии брѣзгѣюще проклинахѣ его [Житие Андрея Юродивого: 5044]; и се ныне кѣде ксѣмь. съде сѣ обрѣлъ не вѣдѣ и свѣтаще свѣщю близъ ко зѣрахоу [Чудеса Николы (XI–XII вв.)]; и вси зѣраще ко тако плакааше сѣ о добродѣнѣмъ тѣлѣ и чѣстнѣмъ разоумѣ въздроста ко [Сказание о Борисе и Глебе: 10а]. В приведенных контекстах ДП «непреднамеренность» актуализируется посредством использования существительного или местоимения в форме Вин. п. без предлога. ИС 'направление взгляда' конкретизируется ДП «на объект в целом».

Далее рассмотрим изменения в семантике рассматриваемого глагола, вызванные перегруппировкой семантических признаков модуляционного характера, не приводящей к нейтрализации КЛС 'восприятие'.

Специфика глагола зърѣти состоит в возможности реализации им значения, связанного с целенаправленностью при восприятии и определяемого

как «смотреть, направлять взгляд на что-л.» [8: 433-434] или как «смотреть, наблюдать, выжидать» [10: 1012]. Например: ѿѿи и дѣди наши свѣдочетци бѣша израдни. И на свѣзды зраще николиже сългаша [История Иудейской войны Иосифа Флавия (XI–XIII вв.)]; помолѣса гла зра на икону на швразъ влѣчнь [Лаврентьевская летопись: 46]; зрите на бѣлишь ону. како са глѣмитъ. къ стѣнѣ повѣсти дѣл. несмысла [Житие Андрея Юродивого: 2222]; и рѣхъ еи: не зри в зеркало, зане болшю печаль принмеша [Слово Даниила Заточника (XII–XIII вв.)]. В смысловых структурах рассматриваемых глагольных словоформ ДП «преднамеренность» актуализируется посредством использования существительного в форме Вин. п. с предлогом (на свѣзды, на швразъ, в зеркало).

В изучаемом материале представлены контексты, в которых на реализацию в смысловой структуре глагола ИС ‘способ восприятия’ в ДП «преднамеренность» указывает наречие, например: вшедъ же нѣкто члѣкъ пити хотѣ. видив же кго преподавнъи. остро нача зрѣти на нь [Житие Андрея Юродивого: 539]; да нѣкто ѿ вожницъх. видивъ тако остро зраща епифана прѣдъ амвономъ. мнѣше бѣлишь видѣ [Житие Андрея Юродивого: 4998]. Наречие остро используется для описания процесса, сильного по степени проявления, что возможно при характеристике преднамеренного зрительного восприятия, предполагающего приложение субъектом особых усилий для его осуществления.

В ряде случаев реализация ДП «преднамеренность» подтверждается использованием не только наречия, но и глагола непреднамеренного зрительного восприятия, например: она же прилѣжно зрааше хотѣщи истѣе видѣти [Житие Феодосия Печерского: 30в]. В данном контексте глагол зрѣти становится синонимичным глаголу преднамеренного зрительного восприятия смотрѣти.

Как было отмечено выше, ИС ‘направление взгляда’ может конкретизироваться разными дифференциальными признаками. Помимо ДП «на объект в целом», к таковым относятся «вверх», «вниз», «назад», «в какую-либо сторону», например: такоже вси челѣвци земни на вѣсоту зраще, недостижно, помышляютъ сѣдѣщего на нем [Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича (1390–1450)]; ономоу же сѣдѣшю и ничьсо же вѣкоу си отъ вращна превѣвааше нича и долоу зра [Житие Феодосия Печерского: 34в]; никто же

въложь роукы свокга на рало. и зьрѣ възспать. оуправленъ ксть въ ц(с)рство
вожик [Мстиславово Евангелие (до 1117 г.): 92б Л. IX]; по(п̃)... на възстокъ
зьрѣ и сию млт̃воу о себе гл̃а... [Студийский устав (1060–1070-е)]. Актуализа-
ции названных дифференциальных признаков способствует использование
существительных (въсота, възстокъ) и наречий (долу, възспать).

Модуляционные семантические изменения также происходят в смысло-
вой структуре глагола зьрѣти при реализации потенциальной семы 'эмоцио-
нально-оценочное отношение'. Например: видив же члвкъ зраца ко на сѣ.
злама очима рече. «что на ма зриши похабе нъ лѣзи вонъ» [Житие Андрея
Юродивого: 540]; рече же с лютомъ гнѣвомъ и изувѣривши сѣ очима зраци на
дѣмона [Житие Андрея Юродивого: 2103]; зане бы(с) жалостно зрѣти на нь.
видачи его волна соуца [Волынская летопись (1262–1292)]; чудно велми
зрѣти. тѣ сходитсѣ весь народ [Хождение Стефана Новгородца (1348–1349)].
Рассматриваемый глагол в сочетании с контекстуальными уточнителями
(злама очима, изувѣривши сѣ очима, жалостно, чудно) используется для выра-
жения восприятия, осуществляемого субъектом в определенном внутреннем
состоянии (злости, жалости, удивления).

Рассматриваемые семантические изменения отмечены в смысловой
структуре глагола зьрѣти и при реализации потенциальной семы 'мыслитель-
ная деятельность'. Например: азъ же тоу стоахъ. и прилѣжно зрахъ къ
дверемъ гробнымъ [Хождение игумена Данила (Даниила) (1110-е)].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что глагол
зьрѣти, изначально сформировавшийся как языковое средство для выраже-
ния зрительного восприятия, активно используется в памятниках письменно-
сти XI–XIV вв., реализуя прямое и переносные значения. Смысловую структу-
ру глагола в прямом значении составляют компоненты, отражающие типовую
ситуацию непреднамеренного зрительного восприятия. Тогда как происходя-
щие в смысловой структуре модуляционные семантические изменения отра-
жают представления о разновидностях восприятия и его связи с другими про-
цессами, во многом определяющими жизнь и деятельность человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Контексты из авторской картотеки приводятся с указанием конкретных фрагмен-
тов текста (строк, листов).

См. следующие издания.

Апракос Мстислава Великого XI–XII вв. / Под. ред. Л.П. Жуковской. М.: Наука,
1983. 527 с. (Евангелие-апракос Мстиславово).

Лаврентьевская летопись / Под ред. Е.Ф. Карского; предисл. Б.М. Клосса. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1997. VIII, 733 с. (Репр. изд. 1926–1928 гг.).

Молдован А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. 759 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 768 с. (Житие Феодосия Печерского, Сказание о Борисе и Глебе).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Восприятие // Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 98–100. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/bolshoy-psihologicheskiy-slovar.html>

2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

3. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении): межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. С. 5–19.

4. Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград: Изд-во ВПИ, 1990. 114 с.

5. Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. 1996. Вып. 1. С. 6–13.

6. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

7. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллектив. моногр. / О.А. Горбань, Е.Г. Дмитриева, М.В. Косова, И.А. Сафонова, Е.В. Терентьева; отв. ред. Е.М. Шептухина. 2-е изд., доп. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.

8. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. III / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз.; Азбуковник, 1990. 511 с.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 359 с.

10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. I. М.: Знак, 2003. 776 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз, 1999. 624 с.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

КОРЮЧКИНА Екатерина Михайловна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
koryuchkuna.ek@gmail.com

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ УТОЧНЯЮЩИХ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются уточняющие и пояснительные обособленные члены предложения. Отмечаются основные проблемы, которые не имеют однозначного решения в современной лингвистике: отношение данных конструкций к категории полупредикативности, разграничение уточнения и пояснения, а также рассматриваемых конструкций и других обособленных членов предложения, вопрос о пунктуационном оформлении уточняющих и пояснительных членов предложения.

Ключевые слова: обособление, уточняющие конструкции, пояснительные конструкции.

Abstract. This article deals with clarifying and explanatory separate members of a sentence. The main problems that do not have an unambiguous solution in modern linguistics are noted: the relation of these constructions to the category of semi-predicateness, the distinction between clarification and explanation, as well as the constructions under consideration and other isolated members of the sentence, the question of the punctuation of the clarifying and explanatory members of the sentence.

Keywords: isolation, clarifying constructions, explanatory constructions.

Начало системного изучения пояснительных и уточняющих членов предложения было положено ещё в середине XIX века. Их сущностью и статусом в языковой системе, а также вопросами разграничения занимались А.А. Потебня, А.М. Пешковский, С.И. Абакумов, Ф.Н. Бондаренко, А.Г. Руднев, В.И. Фурашов, В.И. Чуглов, М.А. Дубова, Л.А. Чернова и др. Однако до настоящего времени остаётся ряд вопросов, так и не нашедших однозначного решения.

1. Первая проблема связана с объемом самой категории уточняюще-пояснительных членов предложения. В работах лингвистов уточняющие конструкции выделяются в отдельную группу, которая сначала включала лишь

обстоятельства места и времени [1]. Последующие исследования в области данных конструкций привели ученых к мысли о том, что уточняться может любой член предложения. На этом основании было предложено выделить уточняющие члены в самостоятельную категорию. Однако на современном этапе возникают сложности с разграничением уточняющих и пояснительных членов предложения и некоторых других видов конструкций: присоединительных [5], выделительно-ограничительных [13], обособленных приложений [9] и т. д.

2. Вторая проблема касается разграничения понятий «уточняющие» и «пояснительные» члены предложения. Если поначалу понятия «уточняющие» и «пояснительные» конструкции трактовались синонимично, то на современном этапе изучения эти конструкции чаще всего представляются отличающимися по функции, семантике и морфологическому выражению единицами. Однако до сих пор проблема разграничения уточняющих и пояснительных конструкций остаётся одной из дискуссионных проблем в синтаксисе простого осложненного предложения. М.А. Дубова и Л.А. Чернова отмечают, что до сих пор «ни в вузовской, ни в школьной практике преподавания русского языка нет чёткого определения этих синтаксических единиц» [6: 40]. Поясняющие и уточняющие конструкции далеко не всегда дифференцируются, и зачастую авторы учебников и пособий пользуются каким-либо одним из отмеченных терминов, обозначая этим термином оба типа конструкций (поясняющие и уточняющие).

Некоторые исследователи, не разграничивая понятия пояснения и уточнения, а также пояснительных и уточняющих конструкций, объединяют их под общим названием «уточнительно-пояснительные конструкции» [1], другие пользуются термином «поясняющие» [10] или «пояснительные» [13] члены предложения.

Однако всё чаще делаются попытки разграничить пояснительные и уточняющие конструкции. Семантические различия между ними определяются следующим образом: пояснительные отношения возникают между двумя членами предложения, которые обозначают одно и то же понятие, явление, признак, но называют его по-разному, то есть в основе пояснения лежит понятие тождества. Уточнение, в отличие от пояснения, представляет собой сужение, ограничение объема понятия, обозначенного уточняемым членом предложения.

Уточняющие члены предложения, «относясь к тому или иному члену предложения, сужают понятие, им передаваемое, или в каком-либо отношении ограничивают его» [3: 416], в то время как «пояснительные члены могут иметь прямое указание на их поясняющий характер, то есть иметь специальные союзы: *то есть, а именно, или* (в значении *то есть*)» [3: 416].

Уточняемый и уточняющий члены предложения связаны друг с другом отношениями общего наименования и частного, которые проявляются посредством связи соположения, а также особой уточнительной интонации, без участия специальных слов и союзов [3: 416]. Исследователи отмечают, что «при разграничении пояснения и уточнения ...пояснением считают отношения тождества, а уточнением – отношения целого и части» [2: 404].

Таким образом, взгляды лингвистов на уточнение и пояснение оказываются во многом схожими. Как правило, для разграничения этих синтаксических категорий предлагается обращать внимание на семантику конструкций: на тождество понятий при пояснительных отношениях: *В кармане у меня была «галка» — золотисто-желтый шарик* (В. Полторацкий) – и отсутствие такового при уточнении: *Я устроился в Рамешках, у Сергеевны* (В. Полторацкий).

Однако среди критериев разграничения можно отметить и некоторые другие: синтаксическая функция, наличие / отсутствие союзов и др. См. подробнее [5; 6; 7].

3. Третья проблема касается определения статуса рассматриваемых конструкций как полупредикативных.

В современной синтаксической науке наметились две основные тенденции в определении места уточняющих и пояснительных членов среди обособленных конструкций. Одни учёные, в том числе авторы «Русской грамматики» (1980) под редакцией Н.Ю. Шведовой, противопоставляют их «полупредикативным» конструкциям, лишая при этом статуса полупредикативных конструкций [10], другие считают, что все обособленные члены предложения, в том числе уточняющие и поясняющие, обладают полупредикативностью [12; 8 и др.]. Нам представляется убедительной точка зрения В.И. Фурашова, который считает, что «разбиение всех обособленных членов на полупредикативные и поясняющие (уточняющие) осуществлено на разных основаниях: полупредикативность понимается как явление конструктивно-синтаксического уровня, а пояснение (уточнение) – как явление логико-синтаксического уровня»

[12: 205]. Это позволяет сделать вывод о том, что наличие значения пояснения или уточнения не препятствует проявлению предикативности рассматриваемых конструкций.

В последнее время точка зрения о том, что уточняющие и поясняющие члены предложения нельзя совершенно исключать из сферы полупредикативности, получает всё большее распространение, поэтому даже те, кто традиционно противопоставляют «полупредикативные» и «уточняющие» («поясняющие») члены предложения, отмечают, что «в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности» [12: 254]. Вероятно, в этом случае необходимо учесть теорию «предикативных рангов» частей речи и членов предложения, выдвинутую А.А. Потемной, и согласиться с тем, что уточняющие и поясняющие члены предложения обладают свойством полупредикативности в меньшей степени, чем те, что принято традиционно относить к «полупредикативным», однако полностью лишать их статуса полупредикативных единиц тоже не следует. Если исходить из понимания предикативности как единства синтаксических категорий модальности, времени и лица, предложенного В.В. Виноградовым [4], то полупредикативность может рассматриваться как единство категорий относительного синтаксического времени, сопутствующей модальности и персональности [12: 206]. Исходя из этого, возможность включения в состав уточняющих и пояснительных конструкций лексико-грамматических показателей темпоральности и субъективной модальности также является аргументом в пользу того, что рассматриваемые конструкции обладают полупредикативностью: *В прежнее время, – допустим, в шестнадцатом году, – я мог избить казака, рискуя тем, что в бою он мне пустит в затылок пулю, а после февраля пришлось свернуться...* (М. Шолохов); *После митинга, уже в слободке, котельщик Нестеров говорил соседям* (В. Полторацкий); *Вдоль улицы по обе стороны стоят дерева, вероятнее всего, клены* (В. Полторацкий).

4. Неоднозначно в лингвистике решается вопрос и о пунктуационном оформлении уточняющих и пояснительных конструкций. Традиционно они выделяются с обеих сторон запятыми. Однако, как отмечается в «Русской грамматике» (1980), «между обособлением и пунктуацией нет полного соответствия» [10: 180]. Это явление можно встретить при обособлении уточняющих и пояснительных членов предложения. Прежде всего следует отметить, что достаточно часто при пунктуационном оформлении указанных конструк-

ций вторая из парных запятых может отсутствовать: *Я знаю и люблю Мещеру с детства, с той, **теперь уже очень давней** поры, когда босиком неутомимо бегал по ее зеленым тропинкам, прикивал губами к ее лесным родникам и спрашивал у ее кукушек, сколько лет жить мне на свете* (В. Полторацкий), *Конный двор, насчитывавший несколько десятков подвод, был тогда основным, **а вернее сказать, единственным** транспортным учреждением в рабочем поселке* (В. Полторацкий). Выделенные определения выполняют функцию уточнения, однако не выделяются запятыми, как это предписывается правилами пунктуации.

Таким образом, пояснительные и уточняющие конструкции представляют собой интересное и недостаточно изученное явление, которое требует дальнейшего детального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедханова М.Д. Уточняющие конструкции, их типы и стилистические функции в прозе Н.С. Лескова: Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 1998. 137 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/utochnyayushchie-konstruktsii-ikh-tipy-i-stilisticheskie-funktsii-v-proze-n-s-leskova>
2. Бабайцева В.В., Николина Н.А., Чеснокова, Л.Д. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. для студентов вузов. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003.
4. Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР (1954) // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 221-230.
5. Дубова М.А., Чернова Л.А. К вопросу о синтаксической природе и принципах разграничения уточняющих, пояснительных и присоединительных конструкций в структуре простого осложненного предложения // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2015, № 2. С. 173-178.
6. Дубова М.А., Чернова Л.А. Урок-исследование на тему «Проблема разграничения уточняющих, пояснительных и присоединительных конструкций в простом осложнённом предложении» // РЯШ. 2015. № 6. С. 40-43.
7. Корючкина Е.М. О разграничении пояснительных и уточняющих конструкций // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование: Материалы межрегион. конф. с междунар. участием, 12 мая 2021 г. / Владим. обл. отделение общерос. обществ. фонда «Российский фонд мира»; адм. Владим. обл.; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Аркаим, 2021. С. 353-358.
8. Мещеряков С.В. О полупредикативности поясняющих членов предложения // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию профессора В.И. Фурашова. Владимир, 2005. С. 110-123.
9. Основина Г.А. Разграничение приложений и уточняющих членов предложения // РЯШ, 1986. № 3. С. 73-77.
10. Русская грамматика. В 2 тт. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2.

11. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.

12. Фурашов В.И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993. С. 204-216.

13. Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2012. 45 с.

СВИРИДОВА Елена Сергеевна (Алчевск, ЛНР, Россия)

аспирант
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
sviridova_1111@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья направлена на обсуждение техники чередования коммуникативных ролей с точки зрения структурной организации диалогического дискурса. В работе диалогический дискурс определяется как обмен коммуникативными актами между двумя собеседниками посредством чередования коммуникативных ролей говорящего и слушателя для достижения общей цели речевого взаимодействия. Исследование подтверждает, что существуют определенные речевые нормы и правила, согласно которым происходит чередование коммуникативных ролей в англоязычном диалогическом дискурсе.

Ключевые слова: диалогический дискурс, монолог, диалог, коммуникативная роль, речевой контакт.

Abstract. This article is aimed to discuss the technique of alternating communicative roles from the point of view of the structural organization of dialogic discourse. In the work dialogic discourse is defined as an exchange of communicative acts between two interactors through the alternation of the communicative roles of the speaker and the listener in order to achieve the common goal of speech interaction. The study confirms that there are certain speech norms and rules, according to which there is an alternation of communicative roles in the English-language dialogic discourse.

Keywords: dialogic discourse, monologue, dialogue, communicative role, speech contact.

Диалог – это культурно и исторически специфический способ социального взаимодействия, осуществляемый посредством использования языка и вербальных трансакций. Он предполагает общность и взаимность. Диалог обеспечивает общую основу и проявляется в различных спонтанных и ритуальных модусах дискурса. Этимологически диалог означает речь между двумя или более людьми. Слово «диалог» происходит от греческого *dialogos*. *Dia* –

это предлог, который означает «через», «между» и «из». *Диа* не означает два, как две отдельные сущности; скорее, *dia* предполагает «прохождение». Логос происходит от *legein* «говорить». Логос означает «слово», созданное «прохождением», при использовании языка как символического инструмента и разговора как средства. «Логос» может означать мысль, а также высказывание, задуманное индивидуально или коллективно и/или выраженное материально [3: 4]. Следовательно, диалог – это обмен информацией с помощью языка как культурного символического инструмента, и беседа – средство для обмена.

Речевое взаимодействие можно классифицировать по разным признакам, одним из которых является направленность коммуникативного контакта и характер участия говорящего и адресата. Данные факторы приближают нас к разграничению таких понятий, как монолог, диалог и многосторонняя беседа. «Монолог» – термин, относящийся к сфере литературоведения: «создание речи, обращенной к самому себе, не направленной на спонтанную вербальную реакцию собеседника» [2: 10]. Отличие диалога от монолога основано на принципе обмена коммуникативными ролями собеседников. Таким образом, схема взаимодействия четко определена. Отличие диалога от многосторонней беседы заключается в увеличении числа «соавторов» текста, которые меняются своими коммуникативными ролями, как в диалоге. В многостороннем разговоре взаимодействуют более двух говорящих в качестве активных участников [17: 20]. Неизвестно, кто будет следующим, поскольку нет строгих схем взаимодействия. Таким образом, многосторонний разговор является более гибким средством коммуникации, поскольку каждый участник может быть и «говорящим» и «адресатом».

Целью данной статьи является исследование диалога как доминирующего типа речевого взаимодействия. Диалогична не только речь, диалогично и сознание собеседников. «Диалог – это не основание для действия, это само действие. «Быть» означает общаться с помощью диалога. Когда диалог кончается, кончается и все» [1: 284]. Диалог является не только моделью взаимодействия и взаимопонимания, но и основной категорией процессов в человеческом сознании, познании и общении.

Диалог определяется по-разному, но прежде всего, как обмен речевыми актами между двумя коммуникативными партнерами в чередующейся последовательности, направленный на достижение коллективной цели. Диалог связан в той мере, в какой отдельные речевые акты сочетаются друг с другом,

чтобы способствовать достижению этой цели. Каждый участник имеет личную цель в диалоге, и оба участника имеют обязательства в диалоге, определяемые характером их коллективных и индивидуальных целей [9: 211]. Мы бы предпочли термин «диалогический дискурс» термину «диалог», так как он акцентирует внимание на механизме поддержания коммуникативного контакта. Диалогический дискурс описывался с точки зрения связности, проявляющейся в особой синтаксической, лексической и просодической связности, существующей между высказыванием второго говорящего и непосредственно следующей за высказыванием первого говорящего. Правильно связанные вторые высказывания называются «ответами». Существует два основных типа «ответов»: те, что следуют за вопросами (вопрос-ответ) и те, которые следуют за «не вопросами» (другие реплики) [8: 207]. Диалогический дискурс реализуется через очередность, и в дискурсивном анализе при изучении этого понятия сделано немало.

Реплика – это технический термин, который работает на прагматическом уровне и используется для описания сегментации разговора на непрерывный разговор каждого говорящего. Существуют разные подходы к определению понятия «реплика» в лингвистике: его определяли как высказывание, которое может содержать что угодно, от одного отдельного сегмента до цепочки сложных предложений [14: 376]; «естественное сообщение» в терминах «знакового поведения говорящего в течение всего периода времени, в течение которого на него постоянно направлен фокус внимания» [6: 165]; «цепной принцип» [7: 152]; «разговор соло» [10: 190] и, наконец, несколько иной подход, рассматривающий паузы как границы высказывания [16: 600]. Мы будем рассматривать «высказывание» как эквивалент реплики. С помощью классического этнометодологического способа аналитики дискурса наблюдали, как участники организуются, чтобы по очереди говорить. В любом фрагменте обычного английского дискурса реплики будут происходить плавно, с небольшим наложением и перерывом, с очень короткими паузами между высказываниями (в среднем менее секунды). Участники беседы чередуются, когда их выбирает или назначает текущий говорящий, или, если никто не выбран, они могут говорить по собственному желанию (самовыбор). Если ни одно из этих условий не выполняется, говорящий в данный момент может продолжить [11: 121]. В разговорах нет ограничений на продолжительность реплики. Высказывания может варьироваться по длине от одного слова или части слова

до полного рассказа, но все они имеют характеристики определмости; после начала реплики обычно становится известно, какой тип происходит, и что потребуется для его завершения [12: 27]. В целом предполагается, что разновидность реплики определяется интонационными и синтаксическими свойствами оборотов. Собеседники поочередно могут определять конец высказывания. Нет никаких ограничений или правил относительно количества реплик, которые может использовать участник, или возможного содержания разговора.

Чтобы успешно использовать язык необходимо знать правила, регулирующие этот конкретный язык и коммуникативную компетенцию, то есть осознавать, что уместно в определенной ситуации [18: 213]. Это необходимо для эффективного общения с другими людьми. Как и язык в целом, разговоры регулируются правилами, которые определяют, что уместно. Порядок, в котором люди чередуются в диалоге, ограничен правилами. Правила очередности также определяют продолжительность очереди каждого человека, чтобы убедиться, что определенный человек говорит вовремя и что происходит смена собеседника. Исследование механизма очередности, регулирующего беседу, было проведено Х. Саксом, Э. Шеглофом и Г. Джефферсоном [13: 696], которые изложили правила механизма очередности в повседневном разговоре (модель очередности). По мнению Х. Сакса и др., переход от одного говорящего к другому происходит в определенный момент разговора. Есть три разных способа, как это можно сделать. Текущий спикер может назвать или направить вопрос следующему спикеру, иницируя смену спикера. Если изменение иницировано говорящим, новый говорящий имеет исключительное право говорить и должен это делать [18: 216]. Если текущий говорящий не выбирает нового говорящего, другие участники разговора могут говорить свободно [4: 108]. Остальные выступающие сами выбирают, хотят они говорить или нет. Если два говорящих начинают говорить почти одновременно, право говорить и заканчивать свою реплику имеет тот, кто начал первым. Если никто другой не желает говорить по собственному выбору или инициации говорящего, текущий говорящий не обязан продолжать говорить, но может сделать это, если захочет. Эти способы чередования в разговоре позволяют участникам узнать, когда наступает их очередь говорить дальше. При соблюдении правил очередности переходы между говорящими выполняются плавно; исключаются

ситуации, когда два человека говорят одновременно, и каждому участнику разрешается закончить свою очередь.

И текущий, и следующий говорящий используют разные подсказки, сигнализирующие о том, что они хотят говорить дальше, или о том, что они приближаются к концу своего высказывания и к возможной точке перехода. Все эти подсказки и знаки существуют для того, чтобы два человека не говорили одновременно и чтобы избежать длительного молчания в разговоре [5: 110]. Существуют определенные лингвистические приемы для получения очереди, когда кто-то не может войти в нормальный поток разговора или когда обстановка требует соблюдения определенных соглашений. Они сильно различаются по уровню формальности и уместности в разных ситуациях («Если позволите», «Могу ли я кое-что сказать», «Подождите минутку»). Существуют также лингвистические средства, позволяющие не говорить, когда есть возможность, или дать понять говорящему, что собеседники готовы внимательно слушать сообщение.

Чередование обычно приводит к осмысленному (транзакционному) диалогическому дискурсу. Все, что говорит один говорящий, служит основой для реплики других участников, и реплика обычно связана с предшествующим высказыванием. В этом отношении организация дискурса является предсказуемой, и поэтому высказывание одного говорящего не только подразумевает ответ другой стороны, но и создает предположения относительно того, какой тип ответа будет подходящим; вопрос подразумевает ответ, утверждение – принятие [15: 111].

Коммуникативный контекст является неотъемлемым компонентом в структуре диалогического дискурса. Каждое общение является контекстуальным, т. е. возникает при определенных условиях, влияющих на его характер. Анализ диалогического дискурса без контекста не может быть полным. Имманентная лингвистика, выдергивающая текст из контекста, не может адекватно анализировать его смысл, т. е. сам смысл формируется в процессе совокупности знаний адресата информации, извлеченной из контекста, и языкового смысла текста. Понятие коммуникативного (прагматического) контекста выделяется в связи со степенью влияния его факторов на выбор языковых средств, составляющих очередность. Коммуникативный контекст определяется как часть коммуникативной ситуации – те компоненты, которые имеют непосредственное значение для создания и интерпретации высказываний.

Таким образом, прагматическое измерение диалогического дискурса обеспечивает закономерный и условный переход от оценки коммуникативного контакта к пониманию реальной деятельности в объективной реальности. Диалогический дискурс представляет собой обмен речевыми актами между двумя собеседниками в поочередной последовательности, направленный на сотрудничество и достижение коллективной цели. Реплика – это технический термин, который работает на прагматическом уровне и используется для описания сегментации разговора на непрерывную речь каждого говорящего. Порядок, в котором люди чередуются в разговоре, ограничен правилами. Чередование обычно приводит к осмысленному (транзакционному) диалогическому дискурсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Высказывания как единица речевого общения. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая диалогическая речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.
3. Banathy B., Jenlink P. Dialogue as a Means of Collective Communication. New York: Springer, 2005. 440 p.
4. Coates J. Women, men and language. Essex: Longman, 1993. 627 p.
5. Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 366 p.
6. Goffman E. Communication conduct in an island community. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 164-165.
7. Good C. Some structural aspects of casual conversation. UEA Papers in Linguistics. Norwich: University of East Anglia Press, 1977. P.18-37.
8. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English. Journal of Linguistics. 1967. Part 2. N. 3. P. 177-274.
9. Leech J. Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
10. Markel N. Coverbal behaviour associated with conversation turns. Organization of behaviour in face-to-face interaction. New York: Academic Press, 1975. P. 190.
11. Pratchett T. Equal rites: a discworld novel. London: Harper Paperbacks, 2005. 240 p.
12. Renkema J. Introduction to discourse studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. 363 p.
13. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. Language. Baltimore. 1974. Vol. 50. N 4. P. 696-735.
14. Schegloff E. Sequencing in conversational openings. Advances in the sociology of language. Paris: Pierre-Andre, 1972. P. 91-125.
15. Sinclair J. Discourse in relation to language structure and semiotics. London: Longman, 1980. 115 p.
16. Stephen F., Mishler E. The distribution of participation in small groups: an exponential approximation. American sociological review. New York: St. Martin's Press, 1952. P. 598-608.
17. Straus P.-M., Minker W. Proactive spoken dialogue interaction in multi-party environments. New York :Springer Science & Business Media, 2010. 175 p.

18. Zimmerman D., West C. Sex roles, interruptions and silencies in conversation. Language and sex: differences and dominance. Massachusetts: Newbury House, 1975. P. 211-233.

СЕРГИЕВСКАЯ Любовь Алексеевна (Рязань, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Рязанский государственный университет
имени Сергея Александровича Есенина

МЕЛЕХОВА Любовь Александровна (Рязань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет
имени Сергея Александровича Есенина

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
АВТОРСКОЙ СКРОМНОСТИ**

*Часто скромность принимается за слабость
и нерешительность, но когда оный докажет людям,
что они ошиблись, то скромность придаст новую
прелесть, силу и уважение характеру
(Л. Толстой).*

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические единицы поля авторской скромности. Выделяются ядро и периферия коннотативной зоны скромности. Предложена классификация разновидностей коннотативных смыслов семантики авторской скромности: стыдливость, застенчивость, смирение, смущение. Отмечается, что формы авторской скромности – явление многогранное, отражающее различные стороны сдержанного и пристойного речевого поведения.

Ключевые слова: авторская скромность, коннотация, иллокуция, семантика скромности, концепт.

Abstract. The article examines the functional and semantic units of the field of author's modesty. The core and periphery of the connotative zone of modesty are distinguished. The classification of varieties of connotative meanings of the semantics of the author's modesty is proposed: modesty, shyness, modesty, humility, embarrassment. It is noted that the forms of author's modesty are a multifaceted phenomenon, reflecting various aspects of restrained and decent speech behavior.

Keywords: author's modesty, connotation, illocution, semantics of modesty, concept.

Формы авторской скромности в современном русском языке представляют собой коммуникативно-прагматическую категорию, имеющую систему специальных структурных, семантических и функциональных признаков. Ав-

торская скромность, как и любая семантическая сфера, имеет полевую структуру. Эта структура построена по принципу убывающей функциональности семантики скромности – от ядра к периферии.

Функционально-семантическое поле форм авторской скромности (далее – ФАС) включает всю совокупность коннотативных смыслов концепта «скромность». Его описание позволит рассмотреть семантику скромности с разных сторон и определить ФАС как семантически ёмкую систему значений.

Ядро этого поля представлено семой «скромность», центральным выразителем которой является «мы» в значении «я»: *Мы пришли к выводам* вместо *Я пришёл к выводам*; *Решим задачу* вместо *Решу задачу*; *Мне удалось это сделать* вместо *Я смог это сделать*. Эта сема представляет собой «авторское скромности» в чистом виде, отвечающее основной функции данного значения: принижение достоинств и заслуг личности говорящего или отсутствие акцента на «я» путём обобщённости, объективации или устранения лица субъекта действия.

Периферию составляют зоны коннотаций ядерной семы – оттенки значений, смежные со скромностью. Первая зона, ближайшая к ядру, представлена оттенком скромности с семантикой отстранённости от «я», которая выражена транспозицией форм 2-го или 3-го лица: *Идёшь по улице и думаешь о своём* вместо *Иду по улице и думаю о своём*; *Авторы пособия благодарят за помощь редакторов...* вместо *Мы благодарим за помощь редакторов*; *Соискатель готовится к защите* вместо *Я готовлюсь к защите*. Далее располагаются сферы разновидностей коннотативных смыслов семантики авторской скромности. Основные из них следующие коннотации.

1. Стеснительность: *Я стесняюсь*; *Мне неудобно об этом говорить*. Говорящий ограничивает себя в словах и действиях, заявляет об отсутствии свободы выбора поступков, выражает невозможность перейти предел своих этических норм, правил приличия, представлений о нравственности, морали.

2. Застенчивость: *Лучше я здесь подожду*; *Как-то мне неловко здесь находиться*; *Наверное, лучше мне не показываться*. Говорящий проявляет нерешительность, боязливость, напряжённость. Обозначается его скованность, сдержанность, неловкость из-за неуверенности в себе или отсутствия социальных навыков. Застенчивость граничит с утончённостью, уравновешенностью.

3. Стыдливость: *Мне стыдно за себя; Сгораю от стыда; Стыд и срам, как я выгляжу!* Передаётся оценка говорящим своих поступков, состояний как неприличных и предосудительных. В таких оценках имеется элемент раскаяния. Мотивом стыдливости является внутреннее ощущение чего-либо постыдного, унижающего человеческое достоинство или желание не выставлять что-либо на всеобщее обозрение (добродетель скрытности). Семантика стыдливости обозначается также в таких речевых ситуациях, при которых говорящий выражает чувство, препятствующее допустить что-либо неприличное: *Стыдно говорить об этом; Стыдно не верить ему; Стыдно просить об этом.* Так обозначается как бы оборонительное чувство, стремление скрыть от других людей некоторые уголки своей жизни или осудить себя за определённые действия, состояния.

4. Самоуничижение: *Да кто я такой, чтобы тебя учить?; Ах, я дурень старой, голова с дырой!; Слабый я человек!* Говорящий даёт заниженную самооценку своих физических, интеллектуальных или моральных свойств, подчёркивает свою незначительность и ничтожность. Так выражается чрезмерная самокритичность адресанта.

5. Смирение: *Ну что ж, будем ждать; Дай бог нам терпенья!; Будем надеяться на лучшее.* Выражается покорность по отношению к сложившимся обстоятельствам. Интенцией говорящего является стремление соизмерять свои силы с недостижимым. Скромность духа, отсутствие гордыни, кротость характеризуют смирение как моральное качество, определяющее отношение человека к самому себе. К смирению относится также подчинение адресанта чьей-либо воле: *Я твоя раба!; Поступаю в твоё распоряжение; Слушаюсь, повинуюсь!*

6. Робость: *Боюсь показаться нескромным; Опасаюсь за свою репутацию; Если я к ней приду, что люди скажут?* Говорящий проявляет нерешительность, опасаясь негативной реакции адресата на свои поступки или слова.

7. Смущение: *Простите за нескромность!; Извините, если что не так; Не смотрите на меня так, пожалуйста!* Фразы такого рода произносятся при чувстве замешательства, смятения, волнения, связанного с утратой самообладания, внутреннего равновесия. Смущение возникает в тех ситуациях, когда человек испытывает поражение на глазах у окружающих или находится в центре внимания без его личного желания.

8. Подобострастие: *Ваш покорный слуга готов для вас на всё!* Усердно проявляется раболепие (обычно по отношению к вышестоящему лицу).

9. Почтительность: *Позвольте вам помочь; Низкий поклон вам, дорогие мои!*; *Я у вас в вечном долгу!* Говорящий проявляет глубокое уважение, выражаемое в подборе слов и в тоне речи по отношению в достойному человеку, делает это искренно, учтиво, обходительно. Почтительность связана с чувством долга, ответственности и человеческим благородством. Благоговейное уважение к вышестоящим прямым образом связано с предупредительностью, услужливостью, участливостью, тактичностью, а также с чувством благодарности, которые говорящий испытывает и проявляет по отношению к адресату.

10. Заискивание: *Не желаете ли попить чайку?*; *Позвольте ручку поцеловать*; *Вы самый лучший в мире человек!* Добиваясь чьего-либо расположения, покровительства, говорящий выражает угодливость по отношению к адресату. Такая коннотация сопровождается, как правило, соответствующей улыбкой и граничит с льстивостью.

Все эти смыслы выражаются лексическими и синтаксическими средствами, имеют иллокутивную направленность и призваны создать благоприятное впечатление о говорящем со стороны адресата и этим способствовать достижению результата речевого общения.

Самая отдалённая периферия АС граничит с функционально-семантическим полем вежливости [1: 131; 3: 3], так как в большей степени направлена на выражение предельного уважения к адресату, чем на принижение достоинств говорящего, и включает такие значения, как подобострастие, почтительность, заискивание.

Чем ближе к центру поля, тем более информация, закреплённая в значениях форм и слов, несёт потенциал АС. Чем дальше от центрального значения скромности, тем большая вероятность наличия/появления демонстрируемых в высказывании оттенков уважительного отношения к собеседнику. Функционально-семантическое поле АС в целом создаёт позитивную ауру общения; здесь проявляет себя так называемое «коммуникативное смягчение» [2: 25], в основе которого установка на бесконфликтное общение. Нормы речевого этикета скромности фиксируют степень проявления того или иного оттенка данной семантики.

Чем ближе к центру, тем большая вероятность использования прямого выражения интенциональных значений, смыслов. Чем дальше от ядра, тем

меньше в интересах скромности применяют прямые оценки и больше прибегают к косвенному выражению смыслов.

Чем дальше от центра, тем сложнее определить конкретный характер отношения говорящего к предмету высказывания, то есть установить соответствие между заявленным содержанием и настоящими смыслом и мотивом высказывания.

Таким образом, функционально-семантическое поле АС свидетельствует о наличии многообразных проявлений коннотации скромности в тончайших оттенках её смысловой структуры. Анализ составляющих поле АС позволяет сделать вывод, что формы авторской скромности – явление многогранное, отражающее различные стороны сдержанного и пристойного речевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131-139.

2. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2010.

3. Фёдорова Т.В. Семантика вежливости и средства её выражения в современном русском языке (на материале произведений современной драматургии): Дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2004.

СЕРЕБРЯК Марина Владимировна (*Луганск, ЛНР, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический университет
marinasv86@gmail.com

БИБЛЕИЗМ *ГЕФСИМАНСКИЙ САД* КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СЦЕНАРНЫЙ КОНЦЕПТ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье проведен анализ выражения *Гефсиманский сад* на материале Национального корпуса русского языка как концепта русской лингвокультуры. Автор отмечает, что православная книжная традиция значительно повлияла на развитие русского литературного языка, в котором сформировались некие «коды» культуры, помогающие считывать важные духовные смыслы. Несмотря на отсутствие лексикографического описания языковой единицы *Гефсиманский сад*, она обладает ярко выраженными концептуальными смыслами, имеет высокую степень метафоризации и синтагматической сочетаемости.

Ключевые слова: концепт, сценарный концепт, семантика, языковая картина мира, библеизм, *Гефсиманский сад*.

Abstract. The article analyzes the expression *Gethsemane Garden* based on the material of the National Corpus of the Russian language as a concept of Russian linguoculture. The author notes that the Orthodox written tradition has significantly influenced the development of the Russian literary language, in which certain «codes» of culture have been formed that help to read important spiritual meanings. Despite the absence of a lexicographic description of the language unit *Gethsemane Garden*, it has pronounced conceptual meanings, has a high degree of metaphorization and syntagmatic compatibility.

Keywords: concept, scenario concept, semantics, language picture of the world, the biblical expression, Gethsemane Garden.

В языковой картине мира каждого народа запечатлены наиболее важные представления человека о мире, система его жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое. Это своего рода «коллективная философия», сформировавшаяся на протяжении тысячелетий, или определенные кодовые маркеры, позволяющие «считывать» носителю языка важные духовные смыслы. Вопрос о том, каковы эти коды именно в русской культуре и под влиянием чего они сформировались, занимает различных ученых долгие годы. Этому посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, М.В. Пименовой, Г.В. Токарева и др. Следует особо отметить, что в последние десятилетия возрождается аспект исследования русской культуры в ее неразрывной связи с православием, поскольку, как считает А.Н. Ужанков, в сознании писателей, начиная с древнерусской эпохи, «сложилось понимание руси как библейского народа, избранного Богом перед “концом времен”, а Русской земли – как земли православной» [4: 70]. Влияние православия на русскую лингвокультуру изучали П.А. Якимов, Е.С. Лифанова, О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова и др. Ученые отмечают, что «в научном сообществе православная религия характеризуется как культуuroобразующая в отношении исторически сложившейся на протяжении более чем тысячелетнего периода российской культуры, поскольку она оказала определяющее воздействие на формирование российской национально-культурной идентичности, специфику культуры нашей страны в пространстве мировой цивилизации» [1: 4]. Унаследовав после Крещения целый корпус религиозных текстов, Русь не только стала наследницей болгаро-византийской книжной традиции, но и сформировала свою уникальную русско-православную культуру. Для многих писателей стало нормой прямое цитирование или интертекстуальные отсылки к библейским текстам. Таким образом, за многие столетия в русскую языковую картину мира прочно вошли лексемы, устойчивые выражения, фра-

зеологизмы, такие как *душа, храм, алтарь, икона, святой, дар Божий, не хлебом единым* и др., наполненные сакральным смыслом и составляющие по сути наш этнокультурный код. Одним из таких библеизмов, восходящих к евангельскому повествованию, относится выражение *Гефсиманский сад*, ставшее общеупотребительным во многих художественных и публицистических текстах. Цель статьи – исследование данного концепта-сценария в русской лингвокультуре.

Гефсиманский сад, или Гефсимания – это сад, расположенный у подножия Елеонской горы над долиной Кедрон в Иерусалиме. Это особое место, с которым связаны важнейшие события земной жизни Христа, – это место, которое любил Иисус, часто избирая его для уединённой молитвы; это место, в котором Он скорбел смертельно перед крестными страданиями и совершил особое «моление о чаше»; это место предательства Иуды, а также бегства учеников, покидающих своего Учителя из-за страха. Гефсиманский сад является символическим в самих библейских текстах. Следует провести параллель со Второй Книгой Царств, в которой сказано: *«Давид пошел на гору Елеонскую, шел и плакал; голова у него была покрыта; он шел босой, и все люди, бывшие с ним, покрыли каждый голову свою, шли и плакали»* (15, 30). Страдания царя Давида были о своем сыне Авессаломе, который восстал против него. На это же место пошел и Христос, «сын Давидов» (Ев. Мф., 1: 16), с великой скорбью о всем человечестве, уподобившемся Авессалому и согрешившему против Отца Небесного. Завершается земной путь Христа также на Елеонской горе славным Его вознесением.

Лексема *Гефсиманский* в толковых словарях не фиксируется, в словарной статье *сад* также не помещается как иллюстративный материал, хотя Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) фиксирует ее употребление и как имени собственного, и как нарицательного. Слово *Гефсимания* греческое по происхождению, дословно переводится как «маслобойный пресс». На горе произрастали в изобилии оливковые деревья, а у ее подножия плоды перерабатывали на масло. По данным НКРЯ можно судить о достаточно активной метафоризации данного выражения; есть основание предполагать, что *Гефсиманский сад* является семантически многослойной ментальной единицей, претендующей в русской лингвокультуре на статус сценарного концепта (см. термин в работах Н.Н. Болдыревой, А.В. Малюгиной, М.В. Пименовой и др.). Сценарный концепт – это своего рода динамический

фрейм, разворачиваемый во времени и пространстве; а знания, заключенные в сценариях, – это когнитивные модели, помогающие человеку идентифицировать наименования ситуации или темы, типичные роли, характерные для данной ситуации, устанавливать последовательность целенаправленных сцен в разворачиваемой ситуации [3; 5: 18]. А.С. Кармин, Е.С. Новикова утверждают, что «культурные сценарии – это обусловленные имеющимися в культуре знаниями, ценностями и нормами каналы или пути, по которым может в данном обществе проходить жизнь и деятельность людей» [2: 138]. В данном сценарном концепте мы выделили соответствующие компоненты семантики:

1) Самой частотной по употреблению является сема *Гефсиманский сад* как «**пережитый страх, тревога, ужас, ожидание беды**». Эти чувства, описанные евангелистами, испытывал Иисус в саду накануне страшных событий. В публицистических и художественных текстах фиксируем различные варианты выражения, вербализующие эту семантику: *страшная Гефсиманская ночь, ценой ужаса Гефсиманского сада, горечь гефсиманской ночи, гефсиманская мука, погружаясь в мрак Гефсиманского сада, ужас Гефсиманский* и др. Многие контексты иллюстрируют прямую отсылку к евангельскому сюжету, например, «*Мы ищем передышки, как апостолы, а в это время идет страшная гефсиманская борьба*» (митр. Антоний Блум. О совести). Но большинство словоупотреблений показывает индивидуальную метафоризацию, например, «*сонеты с нотой гефсиманской скорби*» (А. Вознесенский. На виртуальном ветру); «*этот житейский – или горчайший, если не буквально гефсиманский – вздох*» (И.А. Бродский. Примечание к комментарию); «*...Ваша борода – единственная в Питере... Это какая-то скала, поросшая дремучим бором! Какой-то ночной Гефсиманский сад, в котором таится ваша погибель!*» (Ю.В. Трифонов. Нетерпение); «*когда вспоминаю этот ярко освещенный вагон и эту ползучую, гадкую, липкую тьму, я вспоминаю как о Гефсиманской ночи*» (С.Н. Булгаков. Дневник).

2) Не менее выразительный смысл вложен в гефсиманскую молитву, момент внутреннего духовного борения Христа перед страданиями со словами: «Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня (Мк 14, 35–36). Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). В НКРЯ фиксируем многочисленные выражения: *борение Гефсиманское, горчайший гефсиманский вздох, гефсиманская молитва, Гефсиманская ночь с ее «да мимо идет чаша сия», гефсиманская чаша матери* и др., отражающие семантику «осо-

бое, искреннее моление, разговор»; «внутреннее борение и взывание о том, чтобы миновала чаша, полная страдания и горечи; неизбежность принять эту чашу». Например, «Достоевский... знал какое-то сладострастие страдания и жадно припадал к **гефсиманской чаше**» (Ю.И. Айхенвальд. Достоевский); «...кругом было мило и мирно, и все равно это был сад **Гефсиманский и моление о чаше**» (А.С. Эфрон. Письма Б.Л. Пастернаку); «...лучшее, что было в русской интеллигенции... – все это воплощено в Вас, в Вашем творчестве и оттого-то так волнующе и тепло стихотворное общение с Вами. Как в **Гефсиманском саду**» (В.Т. Шаламов. Письмо Б.Л. Пастернаку).

3) Гефсиманский сад – место, где ученики Иисуса претерпели борение сном, они не смогли разделить скорбь Христа, но поверглись в глубокий сон. В некоторых контекстах содержится отсылка к смыслам «заснуть» или «не спать, бодрствовать», например, «В то самое время, когда Тилли произносил над городом смертный приговор, жители Магдебурга покоились глубоким сном... **подобно апостолам в саду Гефсиманском**» (Кондратий Биркин. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий); «И сын сейчас... бодрствовал так, как повелел Христос своим апостолам в **Гефсиманском саду**» (С.А. Самсонов. Кислородный предел).

4) Гефсиманский сад – место, которое хорошо знал Иуда – предатель Христа, поэтому слово «гефсиманский» обрастает значением «**предательский, лукавый, обманчивый**». Особенно ярко представлен «поцелуй Иуды» как лукавое лицемерное приветствие предателя. Например, «Обмениваются ли после выборов победители и побежденные **гефсиманскими лобзаниями** (или хотя бы **гефсиманскими поздравлениями**)» (М. Соколов. Сам дурак); «Препоясанный вышел из-за колонны и, больше не прикрывая лица, свел руки, подходя под благословение. Не поднимая благословляющей руки, иерей произнес: «Отец..., **мы же с вами не в Гефсиманском саду**», (Е. Чижова. Лавра); «И не поглядывайте на меня таким **гефсиманским взглядом**» (Л.М. Леонов. Вор).

5) Оказионально представлены такие семы, как «**бегство учеников**», например, «Или бежать, как юноша тот в **Гефсиманском саду?**» (Д.С. Мережковский. Александр Первый); «**одинокость, оставленность**»: «И вот, особенно у серой могилы Самуила... начинаешь чувствовать... Христос **одинок, как в Гефсиманском саду**» (Н.Л. Трауберг. Сама жизнь);

«арест»: *«Ночь. А в темноте, как водится со времен Гефсиманского сада, начинаются тихие аресты»* (А. Архангельский. 1962: послание к Тимофею).

б) Безусловно, стоит отметить, что выражение в ряде контекстов является многослойным сценарием, вбирающим в себя вышеперечисленные семы, например, *«пережить гефсиманскую ночь»* (В. Писигин. Письма с Чукотки), *«в Гефсиманском саду родился новый нравственный порядок»* (Г.С. Померанц. Записки гадкого утёнка), *«– Почему все сады гефсиманские? – спрашивает отец. – Душа воплощения ждет, а плоть обманывает...»* (М. Анчаров. Как Птица Гаруда), *«зажги сердце мое в эту холодную Гефсиманскую ночь мира»* (С.Н. Булгаков «Дневник»). Отметим, что в некоторых художественных текстах *Гефсиманский сад* становится центральным прообразом, сюжетообразующей смысловой аллюзией. Например, в рассказах В.А. Никифорова-Волгина *«Иерей»*, *«Дорожный посох»*, проводятся отчетливые параллели «гефсиманских» постреволюционных событий XX века, таких как гонение на Церковь, страдания, тоска, моление «о чаше», предательство одних и мученическая смерть других. Например, *«По ночам, охваченный неясной тревогой, поднимался (архиерей) с постели, подходил к темному окну и крестил частыми крестами заснувшую русскую землю, и всегда она представлялась почему-то в виде Гефсиманского сада, из которого в страхе бегут ученики Христовы»* (В.А. Никифоров-Волгин. Архиерей).

Таким образом, видим, что библеизм *Гефсиманский сад* показывает устойчивый и динамический процесс концептуализации. Выражение во многих текстах создает многослойную смысловую аллюзию на важнейшее евангельское событие, его участников и их духовное состояние, вербализируя таким образом яркий ментальный концепт-сценарий в русской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова И.Г. Историческая роль православия в развитии государства и общества // Православные христианские ценности и духовно-нравственные константы: потенциал диалога в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием и VIII Региональных Рождественских образовательных чтений. Чебоксары, 2018. С. 4-8.
2. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
3. Коваленко Е.Н. Когнитивные аспекты сказочной аллюзии: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2007. 180 с.
4. Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры [Электронное сетевое издание]. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с.
5. Цыренова А.Б. О средствах реализации сценарного концепта (на материале английского языка) // Вестник ТГПУ. 2013. №3 (131) с. 18-21.

СИРОТА Елена Владимировна (*Бельцы, Молдова*)

кандидат филологических наук, доцент
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
sirotaelena@mail.ru

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна (*Бельцы, Молдова*)

ассистент кафедры славистики, аспирант
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
parakhonko91@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ И МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА БАЗЕ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»)

Аннотация. В данном исследовании рассматривается одна из актуальных проблем когнитивистики – структурирование эмотивно-когнитивного концепта «гнев». Этот концепт анализируется во взаимодействии со смежными концептами. При помощи метода компонентного анализа устанавливаются его дифференциальные и интегральные признаки. Несмотря на трудности установления ядерных компонентов, в статье делается попытка определить ядерные зоны изучаемого концепта на базе объективной и аргументированной оценки фактического материала. В ходе исследования возникла необходимость комплексного рассмотрения концепта, в частности с позиции прагмалингвистики и гендерной лингвистики.

Ключевые слова: концепт; гнев; преаффект; аффект; эмотивность.

Abstract. The article deals with one of the topical problems of cognitive science – the structuring of the emotive-cognitive concept of «anger». This concept is analyzed in interaction with related concepts. Using the method of component analysis, differential and integral features are established. Despite the difficulties in establishing the kernel components, the article attempts to determine the kernel zones of the concept under study on the basis of an objective and reasoned assessment of the actual material. As a result of the study, the need for a comprehensive consideration of the concept, in particular from the perspective of pragmatic linguistics and gender linguistics, arose.

Keywords: concept; anger; pre-affect; affect; emotivity.

Спецификой современной лингвистики считается изучение языка в тесной взаимосвязи с индивидом, его менталитетом, восприятием фактической реальности, его конкретной деятельностью. Следовательно, на первое место выходит рассмотрение языка с позиции языковой личности. Человек обладает особенностью не только воспринимать и познавать мир, но и существовать в нем. Поэтому язык отражает и объективную реальность, и самого носителя языка как субъекта познания. Это обуславливает необходимость исследования такой проблемы, как соотношение языка и мышления, решаемую в рамках когнитивно-концептологического вектора, предполагающего обнаружение

структурирования концептов абстрактного значения, репрезентирующихся в пространстве семантики других языковых систем. Таким образом, индивид в процессе жизнедеятельности формирует концепты, объединяя их в концептосферу.

Не являются исключением и эмотивно-ментальные структуры, т. к. концепты представляют собой идеальные сущности, кванты знания, получаемые посредством сенсорной перцепции (органов чувств), а также через кооперацию с предметной действительностью. Таким образом, человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Данное положение предопределяет и объект исследования – концепт «гнев».

Как уже было отмечено выше, познание мыслящего содержит чувственную составляющую, т.к. благодаря эмоциональному структу создается контакт между экстралингвистическими и интралингвистическими характеристиками носителя языка. Логический анализ подобного концепта осуществляется как бинарность психологической и лингвистической категорий: эмоциональности и эмотивности, т. к. имманентное свойство языковой системы стремится к «овнешнению» психологического состояния и переживания представителя определенного культурного пространства.

Инструментом вербализации «иллокутивных сил» эмоции служит речь. Следовательно, **предмет** исследования – идентификация и дифференциация языковых и ментальных структур в русской языковой картине мира. При этом необходимо помнить, что коннотация (оценка суждения), экспрессивность (перклокуция, воздействие на слушающего) и интенсивность (градуальность двух составляющих квалификатива гнева) зависят от семантической дескрипции анализируемого концепта.

Так, важно подчеркнуть, что лингвистический аспект проблемы связан с трудностями определения ядерного и периферийных компонентов, зон концепта «гнев», что увеличивает, в свою очередь, и средства опредмечивания отрицательной эмоции, например, фонетико-графические дескрипторы, только грамматические и чисто лексические операторы (спецификаторы), включая речевые структуры, цель которых обеспечить взаимодействие участников коммуникации (язвительность, директива, возражение, упрек, угроза и т. д.). Соответственно, гнев можно рассмотреть с точки зрения прагмалингвистики, ее регулятивной и манипулятивной функций, что и эксплицирует **актуальность работы**.

Специфику объекта исследования дополняет и природа гнева, а именно: отнесение ее к диссипативным силам (система, при которой осуществляется переход механической энергии, являющейся по сути потенциальной энергией, т. е. энергией взаимодействия, и кинетической, или энергией движения, – в другую форму энергии с последующим ее уменьшением). Данное обстоятельство и обуславливает состав спектра «акции ближнего окружения» гнева: крайнее недовольство, раздражение, негодование, возмущение, озлобление, ярость. Об этом свидетельствует ряд фразеологических единиц, содержащих прямые и косвенные спецификаторы гнева: *гневить Бога* (без достаточных оснований жаловаться, упрекать кого-либо; напрасно сетовать на судьбу), *сменить гнев на милость* (переставать сердиться, гневаться), *встать не с той ноги* (быть в плохом настроении), *метать гром и молнии* (угрожать, обвинять кого-л. или гневаться), *дьявол вселился* (кто-л. приходит в неистовство от злобы, раздражения), *позеленеть от злости* (прийти в состояние сильного раздражения, недовольства), *изливать желчь* (вымещать на ком-л. зло, раздражение) и т. д. [17].

Проблема идентификации импульсивной эмоции заключается в предаффеkte и аффеkte, т. е. возникает наложение эмоций, усложнение психологического состояния, вызванного «законом сохранения и превращения энергии» в результате наслоения теоретического знания и практического, что, как следствие, «обостряет» когнитивный и антропоцентрический аспекты. Дискуссионность проблемы, в том числе и вариативность построения концепта «гнев» (многоуровневый или сегментный), еще раз эмфазировать ее актуальность, подсказывает **теоретическую базу**. Это работы таких ученых, как: А.Н. Шрамма, В.Ю. Апресяна, В.С. Лысенко, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильева, Ю.Д. Апресяна и др.

Как было отмечено, гнев – деструктивная эмоция с комплексом враждебности, снабженным концептуальными квазиэквивалентами. Об этом говорит его этимология, отраженная в следующих словарях [8: 92], [13: 352-353], [21: 106; 525].

Таким образом, учитывая лексикографический материал, мы видим следующее: первичным, прототипическим значением данной леммы является глагол «гнить». Кроме этого, мы можем усмотреть переход от физического раздражения в сферу нравственного дискомфорта, – боли, которая способна причинять вред душе, следовательно, инфинитивное значение квалитативно

переосмыслилось, т. е. процесс гниения стал возможен и на имманентном уровне восприятия человека этой «болезни».

Соответственно, в ядерную зону у нас войдет следующая лексическая единица концепта «гнева» – гнить.

Важно упомянуть о том, что онтология абстрактного имени существительного «ярость» связана с градационным аспектом раздражения, или гнева, именно поэтому, мы относим номен «ярость» к ближней периферии.

Поскольку концептуализация представляет собой понятие, описывающее процесс познавательной деятельности человека, с помощью которого он осмысливает поступающую к нему информацию, представляется релевантным изучить специфику концепта «гнев» и с точки зрения философии, и психологии, а также лингвистики согласно работам [1: 364], [7: 128], [10], [11: 137], [12], [18].

Учитывая хаотичность словарных сведений, предлагаем собственную дефиницию, полученную путем компонентного (семемного) анализа. Итак, опишем результаты силлогизма:

1. сильное возмущение, негодование, состояние бурного аффекта; остро наступает и быстро проходит;

2. различают горячий гнев (часто сопровождается двигательным возмущением и агрессивно-разрушительными тенденциями. Характерны вегетативные реакции: покраснение или побледнение лица, тахикардия, головная боль) и холодный гнев (обдуманый, содержательный, который чаще всего возникает у ребенка);

3. может возникать и при психических заболеваниях – при неврозах, у психопатических личностей, при органических поражениях головного мозга (церебральном атеросклерозе, посттравматической энцефалопатии, эпилепсии и др.); выступает как побочное явление; коррелирует с жадой мести у травмированного нарцисса;

4. гнев – реакция бегства от ответственности, т. е. пораженческое поведение (гнить изнутри).

Важно подчеркнуть, что вычленение когнитивных признаков через изучение сем манифестировало переход лексемы «гнить» из ядерной зоны в периферию. Мы полагаем, что это связано с переосмыслением ее сигнификата на синхронном уровне.

Концепт формируется постепенно: на каждом его этапе семантического движения изменяются не только формы его воплощения, понятия и символа, но и тот смысл, который был присущ концепту в каждый определенный момент развития. «Эволюционируя, концепт последовательно является в образе, в понятии и в символе» [6: 19-20].

Так, рассмотрим семантические реализации концепта «гнев» в следующих фразеологических единицах (ФЕ) [19]:

Фразеологические единицы	Значения
Гневить Бога	Без достаточных оснований жаловаться, упрекать кого-либо; напрасно сетовать на судьбу.
Сменить гнев на милость	Переставать сердиться, гневаться.
Встать не с той ноги	Быть в плохом настроении. Подразумевается чьё-л. мрачное настроение, возникшее с утра, а также часто грубое поведение, причины которого неизвестны и непонятны говорящему. Имеется в виду, что лицо (X) пребывает в дурном расположении духа, в раздражённом состоянии.
Метать гром и молнии	Говорить гневно, раздражённо, угрожать, обвинять в чём л.
Дьявол вселился	Кто-л. приходит в неистовство от злобы, раздражения.
Позеленеть от злости	Прийти в состояние сильного раздражения, недовольства и т. п.
Метать искры	Зло, сердито смотреть.
Изливать желчь	Вымещать на ком-л. зло, раздражение.

Паремии – особые единицы языка, знаки культуры: служат элементами для межкультурного диалога. Это значит, что русские паремии не являются исключением, они этноспецифичны, т.к. в них сконцентрирован опыт народа и народная оценка событий, действий, людей и их поступков.

Пословицы с компонентом «гнев» [9: 179-180]:

Пословицы	Значения
Гнев человеку сушит кости и рушит сердце.	Выступает как болезнь, которая разрушает изнутри.
Жестокое слово воздвигает гнев.	Обоснованное негодование.
Гневайся, да не согрешай.	Можно сердиться, гневаться, но напрасно не сетовать на судьбу.
Покорное слово гнев укрощает.	Безукоризненное подчинение препятствует развитию гнева.

Гнева не пугайся, на ласку не сдавайся.	Не бояться сердитого человека, но и избегать послушания.
У огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка.	Гнев как состояние аффект, горячий гнев с определенными вегетативными показателями.
Гнев – плохой советчик.	Горячий гнев часто сопровождается двигательным возмущением и агрессивно-разрушительными тенденциями.
Гнев – оружие бессилия.	Гнев как слабость, реакция бегства от ответственности, т. е. пораженческое поведение
Господин гневу своему – господин всему.	Холодный, сдержанный, обдуманый гнев.

Итак, обозначим составляющие полевой модели концепта:

Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия
Гнить	Ярость	
Сильное возмущение, негодование, состояние бурного аффекта; остро наступает и быстро проходит.	Холодный/горячий гнев; Психические заболевания.	Реакция бегства от ответственности, т. е. пораженческое поведение. (гнить изнутри)
Гневить Бога	Метать гром и молнии	Позеленеть от злости
Сменить гнев на милость	Дьявол вселился	Изливать желчь
Встать не с той ноги	Метать искры	Гнев – оружие бессилия.
Жестокое слово воздвигает гнев.	Гнев – плохой советчик.	Гнев человеку сушит кости и рушит сердце.
Гнева не пугайся, на ласку не сдавайся.	Господин гневу своему – господин всему.	
У огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка.	У огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка.	
Гневайся, да не согрешай.		
Жестокое слово воздвигает гнев.		
Покорное слово гнев укрощает.		
Гнева не пугайся, на ласку не сдавайся.		

Таким образом, концепт «гнев» в русской лингвокультуре состоит из 26 компонентов, из которых: 12 формируют ядро; 9 – ближнюю периферию и 5 – крайнюю (Рис. 1).

Рис. 1. Репрезентация концепта «гнев» в русском языке

Гнев – отрицательная базовая эмоция, воспроизводящая неприятное экспериментальное знание. Эмоциональное переживание ценно тем, что наделено когницией, мотивировано убеждениями индивида, отражающими его нравственность [5: 76]: Следовательно, субъективное оценочное отношение антропоцентрично, лингвокультурно и когнитивно. Механизм вербализации художественного образа способствует лучшей экспликации авторской мысли, а гендерный аспект создает натуралистичность, воплощающую содержательную форму: изображенный мир и мир самого изображения, действительность автора и действительность героя. При этом необходимо отметить, что гендер – это совокупность черт, относящихся к маскулинности и феминности [22]. Как правило, под такими чертами подразумевается социальная роль или гендерная идентичность. Так, понятие «гендер» выступает дополняющим синонимом лексемы «пол» и в то же время противопоставляется ему. Гендер – абстрактная грамматическая категория, заключающаяся в социальном статусе, и тем самым дефинирует социокультурную причину половых различий; устанавливается посредством традиций, воспитания, нравственных и правовых норм. Биологический же пол дан человеку природой [4: 25]. Материалом обозначения гендерной идентичности является «мужской» и «женский» языки как производные общего языка, средство декодирования эмотивного состава – рассказ А.П. Чехова «Ведьма».

Согласно Робину Лакоффу, на уровне просодических черт женщины склонны использовать типичные интонационные конструкции: интонирование

восклицательных предложений, а именно апроприация восклицательных предложений по эмоциональной окраске, для репрезентации аффективного образования [14: 130]. Однако в нашем случае к данной эмотивности в большей степени прибегает дьячок Савелий Гыкин, муж главной героини: «— *Почту кружит!* – прохрипел он, злобно косясь на жену. – *Слышишь ты? Почту кружит!.. Я... я знаю! Нешто я не... не понимаю!* – забормотал он.— **Я всё знаю, чтоб ты пропала!**» «— **А то знаю, что всё это твои дела, чертиха! Твои дела, чтоб ты пропала!** И метель эта, и почту кружит... всё это ты наделала! Ты! – Я за тобой давно уж это замечаю! Как поженился, в первый же день заметил, что в тебе **сучья кровь!**»; «*Тьфу, на писаря! Стоило из-за него божью погоду мутить! Чертяка, сморкун, из земли не видно, вся морда в угрях и шея кривая... Добро бы, красивый был, а то – **тьфу! – сатана!***»; «— *И теперь тоже!* – продолжал Савелий. – *Недаром это почту кружит! Наплюй мне в глаза, ежели почта не тебя ищет! О, бес знает свое дело, хороший помощник! Покружит, покружит и сюда доведет. **Зна-аю! Ви-ужу!** Не скроешь, бесова балаболка, похоть идольская! Как метель началась, я сразу понял твои мысли»; «*Дьячок для большей убедительности приложил палец ко лбу, закрыл левый глаз и проговорил певучим голосом: – О, безумие! О, **удуно окаянство!** Коли ты в самом деле человекость, а не ведьма, то подумала бы в голове своей: а что, если то были не мастер, не охотник, не писарь, а бес в их образе! А? Ты бы подумала!*»; «— *Не то чтобы старики или косолапые какие, а всё молодые ночевать просят... Почему такое? И пуцай бы только грелись, а то ведь чёрта тешат. Нет, баба, хитрей вашего бабьего рода на этом свете и твари нет! Настоящего ума в вас – ни боже мой, меньше, чем у скворца, **зато хитрости бесовской – у-у-у!** – спаси, царица небесная! Вон, звонит почта! Метель еще только начиналась, а уж **я все твои мысли знал!** Наведьмачила, паучиха!»; «— *Недаром дьяволила!* – махнул рукой Савелий. – **Так и есть! Моя правда... Ну, гляди же ты мне!**» [20: 5-8]:**

Необходимо подчеркнуть, что речь главного действующего лица богата и побудительными предложениями по цели высказывания с волюнтой «*чтоб ты пропала*» (наиболее частотна), междометиями (а, *тьфу*, *у-у-у* и др.), что очень ярко демонстрирует девитивное поведение субъекта. Несмотря на незначительное отхождение от стереотипизации «мужского языка», мы находим и клише речевой маскулинности: использование перцептивной лексики, сен-

сибилии (термин Б. Рассела) с когнитивно-эксплицитным модусом «*Я все знаю! Зна-аю! Ви-ужу! Так и есть!*» [20: 6]. Это говорит о констатации правды суждения мужчины, что несет в себе отрицание возможности ошибаться и нейтрализации неуверенности в его внешнем коммуникативном поведении. Кроме того, удлинение фоники, наличие так сказать «певучего голоса» «у-у-у, *Зна-аю! Ви-ужу!*» увеличивает речевой такт, что продлевает агрессию Гыкина Савелия.

Дьячиха Раиса Ниловна также употребляет восклицания в семантической структуре, но редко; они маркируют ее сенсорный порог – ответную реакцию индивида на раздражителя: «– *Тьфу!* – удивилась Раиса, пожимая плечами и крестясь. – *Да ты перекрестись, дурень!*» [20: 5]; «– *Вот дурень! – усмехнулась дьячиха. – Что ж, по твоему, по дурацкому уму, я ненастье делаю?»*; «– *Да и глупый же ты, Савелий!* – вздохнула дьячиха, с жалостью глядя на мужа...» [20: 6].

На лексическом уровне обнаруживаются когнитивные гендерные метафоры: «мужественности» (*ведьма, сатана, чертиха, бесова балаболка, похоть идольская, паучиха*). Это означает, что мужчинам, во-первых, свойственно сквернословить, во-вторых, они стремятся к точности наименования предмета и используют профессионализмы [15: 176]. Женщины склонны употреблять инвективы со «сглаженным» интенсификатором: *дурень, глупый, окаянный, телепень, лежебока*.

Что касается синтаксиса, как, правило, паратаксис – черта коммуниканта мужского пола, предполагающая лаконичность мысли, гипотаксис – привилегия противоположного пола. По мнению О. Есперсена, «женское предложение похоже на жемчужины, нанизанные на нить повествования» [3: 46]. Но в нашем исследовании мы наблюдаем паритетность в структурировании продукта мышления как мужчины, так и женщины: «*Я всё видел, чтоб ему пропасть*»; «*Добро бы, красивый был, а то – тьфу! – сатана! Как метель началась, я сразу понял твои мысли; Коли ты в самом деле человек есть, а не ведьма, то подумала бы в голове своей: а что, если то были не мастер, не охотник, не писарь, а бес в их образе!*» [20: 6] (пример сложноподчиненного предложения); «*В прошлом годе под пророка Даниила и трех отроков была метель и – что же? Мастер греться заехал. Потом на Алексея, божьего человека, реку взломало, и урядника принесло... Всю ночь тут с тобой, проклятый, калякал, а как наутро вышел, да как взглянул я на него, так у него*

под глазами круги и все щеки втянуло! А? В Спасовку два раза гроза была, и в оба разы охотник ночевать приходил и т.д.» [20: 5] (иллюстрация ССП).

Следующий уровень развоплощения гневного комплекса – кинесика, которая, в основном, проявляется в замечаниях автора рассказа: «...*бормотал он, грозя кому-то под одеялом пальцем; проворчал Савелий, садясь на пятки; продолжал Савелий глухим, плачущим голосом, торопливо сморкаясь в подол рубахи; пробормотал дьячок, останавливаясь и щуря на жену глаза; Савелий побледнел, крикнул и опять зашлепал по полу босыми ногами; прохрипел он, злобно косясь на жену [20: 3-5]; Савелий заворочался под одеялом и медленно оглянулся; Савелий сердито выдохнул из груди весь воздух и резко повернулся к стене. Минуты через три он опять беспокойно заворочался, стал в постели на колени и, упершись руками о подушку, покосился на жену; дьячок крикнул, сполз на животе с постели и, подойдя к почтальону, прикрыл его лицо платком; забарабанил языком Савелий, дергая его (почтальона) за рукав» [20: 11-13].*

Пика, апогея реакция дьячихи достигает в конце произведения, когда уровень стимуляции раздражения превышен, настала точка кипения: «*Когда они мало-помалу затихли, дьячиха рванулась с места и нервно заходила из угла в угол. Сначала она была бледна, потом же вся раскраснелась. Лицо ее исказилось ненавистью, дыхание задрожало, глаза заблестели дикой, свирепой злобой, и, шагая как в клетке, она походила на тигрицу, которую пугают раскаленным железом. ... Дьячиха подбежала к постели, протянула руки, как бы желая раскидать, растоптать и изорвать в пыль всё это, но потом, словно испугавшись прикосновения к грязи, она отскочила назад и опять зашагала... Дьячиха быстро повернулась к нему лицом и сверкнула на него глазами. ... крикнула она и так стукнула его локтем в переносицу, что из глаз его посыпались искры» [20: 15-17].*

Считается, что у мужчин гнев всегда эксплицирован, для женщин такое поведение прохибитивное [16: 158], но здесь мы видим обратное: намечается унификация психосоматических реакций гнева у женщин и мужчин. Об этом свидетельствует апроприация «мужской» метафоры дьячихой: «– *А, сатана длиннополая! – прошипела дьячиха, поморщившись от досады».*

Представляется важным подчеркнуть, что психоэмоциональное функционирование Савелия выявляет причину действия: предрассудок (стереотипное представление о женщине, ее коварной природе), выполняющий эго-

защитную функцию. Дьячок получает ложное чувство превосходства над своей супругой.

Таким образом, гнев является оператором, обрабатывающим информацию, т. е. совокупностью когнитивных процессов, с помощью которых человек-оператор осуществляет преобразование воспринятой информации об объекте управления в целесообразное воздействие на него. Для выработки управляющего влияния задействуются следующие манипуляции: анализ воспринятой информации, привлечение дополнительной информации (из прошлого опыта или путем ее активного поиска в наличной ситуации), сопоставление всей полученной информации и способа действия [2: 343-344]. Это доказывает полевая модель концепта «гнев»: ядро составляют: сильное возмущение, напрасно сетовать на судьбу, то, что быстро начинается и заканчивается, состояние аффекта. Ближняя периферия: ярость; холодный и горячий гнев; психические заболевания; безрассудный гнев. Дальняя периферия: пораженческое поведение, гниение изнутри, гнить.

Изучаемая деструктивная эмоция оказывает различное перцептивное воздействие на участников коммуникативной ситуации. Однако возможно отсутствие унитарности при дескрипции гендерной идентичности, в силу пластичности сознания и языковой валентности. Данное обстоятельство приводит нас к теории унисекса, нивелирующей андроцентризм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. 1522 с.
2. Большой психологический словарь: словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ: АСТ Москва; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2002. 632 с.
3. Вахрамеева А.С. Гендерно-ориентированные высказывания в современном английском языке (на материале женской прозы): Дисс. канд. филол. наук. СПб.: СПГУ, 2009. 191 с.
4. Голенищева Е.М. Гендерные особенности идиостиля автора (на материале современной британской прозы): ВКР. Екатеринбург, 2016. 73 с.
5. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 153 с.
6. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
7. Конт–Спонвиль Андре Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 752 с.
8. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц. М.: ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2008. 784 с.
10. Новый философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dicsonline.ru/slovary/filosofskiy-slovar/gnev>, [дата обращения – 01.02.2023].

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 915 с.
12. Оксфордский толковый словарь по психологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://809.slovaronline.com/1574-гнев>, [дата обращения – 01.02.2023].
13. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: Юнвес, 2003. 704 с.
14. Сорокина А.С. Особенности перевода художественного произведения с учетом гендерного аспекта // Вестник Международного института рынка. 2016. № 2. С. 130–135
15. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1969. С.176.
16. Суркова Е.В. Гендерные особенности авторского описания невербального выражения страха и гнева мужчин и женщин в текстах массовой литературы России и Германии//Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 156-159.
17. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 287.
18. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ, 1935. Т.1. 1562 стб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> [дата обращения – 01.02.2023].
19. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. 720 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm#192>, [дата обращения – 01.02.2023].
20. Чехов А.П. Ведьма. М.: АСТ, 2007. 17 с.
21. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: «Просвещение», 1971. 542 с.
22. Tannen D. Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press, 1993. 327 p.

СИРОТКИНА Татьяна Александровна (Сургут, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

СУРГУТСКИЙ ИМЕНОСЛОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается возможность лексикографического представления ономастического материала города Сургута.

Ключевые слова: ономастикон, Сургут, лексикография.

Abstract. This article discusses the possibility of lexicographic representation of the onomastic material of the city of Surgut.

Keywords: onomastics, Surgut, lexicography.

В сборнике «Владимирский именослов», одним из авторов и редакторов которого является Валентина Владимировна Носкова, исследователи призы-

вают нас: «Оглянитесь вокруг, обратите внимание на окружающие вас названия и задумайтесь над тем, как они сделаны, почему именно так, а не иначе, от каких причин это зависит» [1: 8]. Прислушаемся к данному призыву и сосредоточим наше внимание на языковых единицах, образующих ономастическое пространство самого большого из городов ХМАО-Югры – Сургута.

Основанный в 1594 году, Сургут является в настоящее время не только нефтяной столицей России, но и территорией с богатым культурно-историческим наследием, живыми национальными традициями народов, проживающих здесь в тесном контакте.

Городской именослов образуют такие виды собственных имен, как антропонимы, топонимы, эргонимы, геортонимы (названия праздников), гемеронимы (названия СМИ), документонимы, артионимы и некоторые другие. Большая часть из них не становилась предметом специальных исследований. Поэтому в рамках настоящей статьи представим фрагментарно основные разряды онимов, образующих ономастическое пространство Сургута, а также поговорим о возможности их лексикографического описания.

Сургутские антропонимы и топонимы мы находим еще в текстах письменных памятников XVII – XVIII веков, например, собранных в издании «Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.» [2]. Одним из основных видов ономастических единиц, представленных в анализируемых текстах, являются топонимы. Они представляют собой названия:

- городов: *«А волости все и городки, которые пошли от Обсково городка от усть Иртиша к новому городу **Сургут**, и Самаровская волость, и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой Орде, и выше Пегие орды ведати судом и управою и ясаком в тот в новый город князю Федору и Володимеру, и ясак им платитъ по прежнему, как они платили в Тобольской город»* [2: 310];

- рек: *«Из письма, полученного от тебя, и из других сообщений, мы видим, что ты хочешь, чтобы мы исследовали устье реки **Оби**, что мы охотно и сделаем, но ты должен заплатить за это пятьдесят рублей»* [2: 300] и др.

Еще один вид онимов, являющихся источниками изучения истории региона, – это антропонимы, имена исторических личностей. Такими антропонимами являются в текстах, например, имена воевод: *«А посылати во всякие посылки воеводе **Осипу Володимеровичу Оничкову**, а с ним посылати, вы-*

*брав лучших людей, литву и казаков добрых с воженным боем, а самому бы-
тии в городе и жити в то время с великим береженьем, чтобы было береж-
но» [2: 313].*

Многочисленные сведения о регионе мы можем получить при рассмотрении урбанонимии. Так, например, названия улиц Сургута, складываясь в эпоху активного освоения данной территории, репрезентируют ее как «место в лесу» (Еловая, Кедровая, Таежная) и вместе с тем – место, где нашли свое призвание представители профессий, связанных нефтеразведкой (Буровиков, Нефтяников, Геологическая, Геологов, Геодезистов, Геофизиков). Навеки вписаны в городской ономастикон имена тех, кто способствовал освоению территории, ее развитию: нефтяников Бахилова, Губкина, Мелик-Карамова, строителя Семена Билецкого, строителя железнодорожных магистралей Коротчаева, энергостроителей Каролинского и Киртбая, геофизика Федорова.

В городском ономастическом пространстве также представлены образные номинации, репрезентирующие регион, с одной стороны, как «Медвежий угол» (название гостиницы в Сургуте), с другой – как регион, богатый не только рыбой, но и другими сокровищами (см., например, не совсем обычное для сувенирного магазина название сургутского магазина «Муксун»).

Желание владельцев предприятия отразить в создаваемом им эргониме региональный компонент, говорит о том, что привязка к территории, ощущение «корней» является для них важным компонентом не только информирования, но и рекламы. Так, в эргонимии Сургута, например, представлены:

- нумеративные эргонимы с компонентом 86 (номер региона): «Туры 86», «Авто-юрист 86»;

- названия, образованные от местных гидронимов: гостиница «Обь», магазин «Сайма»;

- эргонимы с компонентом Югра- (Югория-): магазин и банк «Югра», торговый центр «Югорский», детский сад «Югорка», компания «Югрател», автосервис «Югранд Авто», частное предприятие «ЮграСтальСервис», страховая компания «Югория-Мед», стоматология «Югория-Дент»;

- названия, образованные от ойконимов: управление «Сургутнефтегаз», магазин «На Сургутской».

Присутствуют в городском ономастиконе названия, репрезентирующие их отношение к Сибири в целом (хлебопекарня «Сибторг» – Ханты-Мансийск; рестораны «Сибирь», «Сибирская дюжина», медицинский центр «Сибирское

здоровье» – Ноябрьск), а также специфику северных территорий с уникальным растительным миром (магазин натуральной косметики «Морошка», Ханты-Мансийск).

Исходя из высокой информативности онимов, образующих региональный ономастикон, логично поставить вопрос о возможностях их лексикографической интерпретации и создании «Сургутского именовслова». И вот здесь встает вопрос о принципах подачи материала в подобном лексикографическом издании. Представляется, что все виды онимов должны даваться общим списком по алфавиту, а уже внутри словарной статьи мы должны указывать как разряд ономастической единицы, так и время ее функционирования в городском ономастическом пространстве.

Таким образом, актуальным в настоящее время является не только исследование ономастического пространства Сургута, но и лексикографическая обработка собранного в ходе исследования материала. Перспективой исследования является создание «Сургутского именовслова», который стал бы незаменимым источником информации об истории и культуре самого крупного города ХМАО-Югры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записки Владимирских краеведов. Владимирский именовслов: сборник. Владимир: Владимирский фонд культуры, 2001. 5-й выпуск. 148 с.
2. Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы / Под ред. А.Г. Мосина. Авторы-составители: Н.Н. Баранов, Д.А. Редин, А.Т. Шашков. М.: Галерея, 2007. 640 с.

СКЛЯРЕНКО Раиса Васильевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
kaf.engl@yandex.ru

АНИКИНА Екатерина Юрьевна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
anikina.e01@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ (на материале сказок О. Уайльда)

Аннотация. В статье рассматривается стилистический прием олицетворение на материале сказок Оскара Уайльда. В работе исследуются некоторые функционально-стилистические особенности приема олицетворение.

Ключевые слова: стилистический прием, лексический стилистический прием, динамическая функция, описательная функция, описание внутреннего состояния героя.

Abstract. The article considers the stylistic device personification based on Oscar Wilde's fairy tales. Some functional and stylistic peculiarities of personification are investigated.

Keywords: stylistic device, lexical stylistic device, personification, dynamic function, descriptive function, description of the inner state of the character.

Олицетворение – весьма распространенный художественный прием, обширно представленный в литературных текстах. Согласно И.В. Арнольд, олицетворением называется троп, который состоит в перенесении свойств человека на отвлеченные понятия и неодушевленные предметы, что проявляется в валентности, характерной для существительных – названий лица. Это значит, что слова, так употребленные, могут заменяться местоимениями *he* и *she*, употребляться в форме притяжательного падежа и сочетаться с глаголами речи, мышления, желания и другими обозначениями действий и состояний, свойственных людям. Иногда олицетворение маркируется заглавной буквой [1].

По определению Кухаренко В.А., олицетворение – это разновидность метафоры, которая включает в себя сходство между одушевлёнными и

неодушевлёнными предметами как в «*the face of London*» или «*the pain of the ocean*» [3: 22].

Некоторые лингвисты рассматривают олицетворение, как стилистический прием, состоящий в ассоциативном перенесении свойств и признаков человека на неодушевлённые предметы, природные явления, абстрактные понятия, животный и растительный мир [2].

Исследователи не выделяют конкретных функций данного приема. Однако, опираясь на работы некоторых лингвистов, можно выделить динамическую и описательную функции олицетворения, а также функцию, направленную на описание внутреннего состояния героя.

Ведущей функцией олицетворения является динамическая функция. Перечисление действий в сказках О. Уайльда придает тексту дополнительную выразительность, а олицетворенный предмет становится более динамичным, активным и живым. Этому способствует динамическая функция олицетворения.

«The only people who were pleased were the Snow and the Frost.' ...we will live here all the year round.' The Snow covered up the grass with her great white cloak, and the Frost painted all the trees silver. Then they invited the North Wind... he roared all day about the garden... 'This is a delightful spot'...So the Hail came... he ran round and round the garden as fast as he could go...» [4: 48].

« ...the North Wind, and the Hail, and the Frost, and the Snow danced about through the trees» [4: 48].

В «Замечательной Ракете» автор ярко описывает запуск разных пиротехнических средств, которые танцуют, кружатся, веселятся, будто люди. Они кричат и смеются, радуясь свадьбе и своим полетам, которыми восхищается каждый гость на свадьбе.

«Whizz! Whizz! went the Catherine Wheel, as she spun round and round... Then the Squibs danced all over the place, and the Bengal Lights made everything look scarlet. "Good-bye," cried the Fire-balloon... Bang! Bang! answered the Crackers, who were enjoying themselves immensely» [4: 76].

С помощью динамической функции автор не только делает олицетворенные предметы более живыми, но и создает определенный образ, который формируется в воображении читателя. Например, в сказке «Счастливый Принц» О. Уайльд описывает возлюбленную Ласточки – Тростинку. Она не-

разговорчива, грациозна, словно молодая девушка и боится больших путешествий, будучи привязанной к дому и к родным.

«***"She has no conversation," he said, "and I am afraid that she is a coquette, for she is always flirting with the wind." And certainly, whenever the wind blew, the Reed made the most graceful curtseys***» [4: 28].

Описания в сказках О. Уайльда отличаются изобразительностью, красочностью и выразительностью. Описательная функция тесно связана с другими функциями и является их составной частью.

В сказке «Счастливый Принц» автор с помощью олицетворения описывает чувства Принца по отношению к жителям своего города. Он жалеет, что не смог позаботиться о них при жизни. Поэтому Принц, будучи статуей, отдает всем нуждающимся свое золото и драгоценные камни: *«I can see all the ugliness and all the misery of my city, and though my heart is made of lead yet I cannot choose but weep»* [4: 30]

В сказке «Великан-эгоист» автор подчеркивает особенности персонажируемых героев, наделяя их не только человеческими качествами и чувствами, но и описывая их внешность. Например, Снег, Северный Ветер и Град одеты в плащи и шубы, словно люди: *«The Snow covered up the grass with her great white cloak... Then they invited the North Wind... He was wrapped in furs... So the Hail came. He was dressed in grey, and his breath was like ice»* [4: 48].

О. Уайльд использует художественный прием олицетворение для описания внутреннего состояния героев. Например, Дуб в сказке «Соловей и Роза» слышит, как маленький Соловей готов отдать свою жизнь ради Любви и становится печальным от услышанного. Он понимает, что больше никогда не услышит прекрасных песен Соловья и просит спеть ему в последний раз.

«But the Oak-tree understood, and felt sad, for he was very fond of the little Nightingale who had built her nest in his branches... "Sing me one last song," he whispered; "I shall feel very lonely when you are gone"» [4: 43].

В своих сказках О. Уайльд часто описывает эмоциональное состояние героев и их реакцию на происходящие события. Например, Весна, Лето, Осень в «Великане-эгоисте» дают свою оценку поступкам владельца сада. Они осуждают поведение Великана и поэтому обходят его сад стороной.

«But the Spring never came, nor the Summer. The Autumn gave golden fruit to every garden, but to the Giant's garden she gave none. 'He is too selfish,' she said» [4: 49].

Проведённый анализ показал, что олицетворение широко употребляется в сказках Оскара Уайльда. Была выявлена частотность употребления динамической функции по отношению к описательной и функции, связанной с внутренним состоянием героя – 32%, 30%, 19% соответственно. Таким образом, олицетворение выполняет определенные функциональные задачи и, безусловно, относится к числу наиболее значимых стилистических приемов в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 382 с.
2. Копнина Г.А. О лингвистическом статусе приёма олицетворения // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Красноярск, 2005. С. 388.
3. Kukhareenko V.A. "A Book of Practice in Stylistics"/ V.A. Kukhareenko. M.: Flinta: Science, 2009. 144 p.
4. Wilde Oscar. Fairy Tales / Oscar Wilde. M: «Progress Publishers», 1979. 211 p.

СКОРОМОЛОВА Юлия Владимировна (Москва, Россия)

доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
j.skoromolova@mail.ru

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК АКТУАЛИЗАТОР КАТЕГОРИИ СИТУАТИВНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности речевой репрезентации категории ситуативности в русском и английском языках дейктическими единицами, помещенными в субъектную позицию в предложении. Представлено исследование дейктических лингвем с объективированным в языке ситуативным значением, а также дейктическими неситуативными лингвемами. В исследовании применен метод морфотемного анализа, позволяющего совместить семантический и формантный уровни исследования языковых и речевых единиц. Процессы модификации в речи мыслительных понятий продемонстрированы на аутентичном фактологическом материале – фрагментах художественного текста русскоязычных и англоязычных авторов.

Ключевые слова: категория ситуативности, морфотемный анализ, синтагма, дейктические единицы.

Abstract. The article describes the peculiarities of speech representation of category of situationality in the Russian and English languages by deictic language units placed in the subject position in the sentence. The research is given of the deictic units with situational meaning objectivated in the language as well as deictic units without situational meaning. In the research the method of morphothemic analysis is applied, which combines the study of semantics and the form of the language unit. The processes of speech modification of mental concepts are demonstrated by authentic linguistic material – text fragments by Russian and English authors.

Keywords: category of situationality, morphothemic analysis, syntagme, deictic units.

Современный этап развития лингвистики все чаще характеризуется обращением к изучению коммуникативно-прагматических аспектов языковых явлений. Успешное взаимодействие участников общения обеспечивает дейксис (от древнегреч. *deiktikos* 'указание') – универсальная языковая категория, осуществляющая указание на компоненты ситуации речи и обеспечивающая успешность языковой коммуникации. По определению В.Н. Ярцевой, дейксис обеспечивает «указание как значение или функцию языковой единицы для актуализации компонентов ситуации речи и денотативного содержания высказывания» [4: 216].

В речевом процессе говорящие на разных языках достаточно часто прибегают к конкретным, по большей части – узуальным, языковым средствам для описания комплексных жизненных ситуаций, что подтверждает существование концептемы ситуативности в языковом сознании носителей разных языков – в нашем случае – русского и английского языков. Тем не менее, отмечаются некоторые лингвопрагматические особенности использования языковых единиц речи с ситуативной референцией в зависимости от имеющихся ресурсов как в русском, так и в английском языках.

Язык располагает определенным языковым инструментарием для поддержания анафорических и катафорических отношений в тексте. По терминологии Н.Д. Арутюновой [2: 321], подобную функцию выполняет «пропозитивная лексика», объективируя в сознании говорящего и слушающего отличительные признаки конкретной ситуации без ущерба для целей коммуникации.

В ходе исследования [6: 3965; 7: 80] было выявлено, что к таким средствам относятся ситуативные языковые единицы, представленные в языке отглагольными и отадъективными существительными, существительными комплексной семантики, а также некоторыми типами дейктических единиц. Зна-

чение последних, по утверждению С.Д. Кацнельсона, «зависит от ситуации, поскольку ее референт не может быть установлен вне контекста» [3: 5].

В данной статье будут рассмотрены дейктические языковые единицы в субъектной синтаксической позиции с точки зрения актуализации речемыслительной категории ситуативности.

К исследованию был применен формально-семантический операционный метод – морфотемный анализ, разработанный в конце XX века профессором А.И. Фефиловым [8; 9] и последовательно разрабатываемый последователями морфотемной школы (Н.С. Шарафутдиновой, Ю.А. Лобиной, С.Н. Чуркиным, А.В. Сибиряковым и др.)

Подробное описание методологии морфотемного анализа и специфики его применения к языковым единицам комплексной семантики, имеющим ситуативный компонент в структуре синтагмемы, представлено в работе Ю.В. Скоромоловой [6: 3966]. В данной статье морфотемный анализ будет применен к дейктическим языковым единицам ситуативной и предметной семантики, приобретающим ситуативную референцию в речевой реализации.

Современные авторы [1: 140] указывают на различные прагматические функции, которые выполняют дейктические единицы в речи, что зависит от положения дейктической семы в их значении – ядерного или периферийного положения.

Как было выявлено в ходе нашего исследования, концептема ситуативности также характеризуется синкретичным характером, а именно, актуализируется только при взаимодействии двух или более логико-семантических категорий, находящихся в ядерной и периферийной позиции в структуре языковой синтагмемы.

Речемыслительная категория ситуативности в большинстве случаев актуализирует в концептеме ситуативности актант действия (категорию реляциональности) с его разновидностями – акциональность, локутивность, ментальность, трансмотивность, экзистенциальность, при дополнительной поддержке любого другого актанта – актанта места (категорию локальности), актанта времени (категорию темпоральности), актанта свойства (квалитативность), актанта количества (квантитативность), актант участников ситуации (субстанциальность).

Рассмотрим особенности ситуативной референции в русском и английском предложении дейктическими лингвемами ситуативного и неситуативного типа.

Дейктические лингвемы имеют широкий референциальный охват, причем одна и та же дейктическая лингвема может актуализировать в контексте как ситуативные синтагмемы, так и неситуативные, предметные. В русском языке, к примеру, лингвема «**это**» объективирует в языке предметную и ситуативную синтагмему – ср. «это - местоимение, указывает на предметы, действия, обстоятельства, события, о которых говорилось в предшествующих предложениях». Таким образом, в случае с дейктическими ситуативными субстантивами процессы формирования ситуативной локутемы происходят по принципу конкретизации актантов ситуации и актуализации не только релятора и функтем соответствующих категорий, но и периферийных категорий – то есть по моделям конвенциональной асимметрии и конвенционального тождества, как в следующих примерах:

1) актуализация стереотипной ситуативной синтагмемы (с помощью неопределенных местоимений **что-нибудь**, **что-то** и др.) в случаях, когда неизвестен точный предмет или объект, участвующий в ситуации: **Что-нибудь задержало** [5: 192], где дейктическая ситуативная субстантивема «**что-нибудь**» в речевой репрезентации актуализирует объективированный в языке конвенционал «какой-либо, безразлично какой предмет, явление», так как в данном контексте объект или явление не конкретизируется;

2) формирование нестереотипной ситуативной синтагмемы с конкретизацией модифицирующих признаков категории реляциональности и субстанциональности: *Anyhow **that** was better than just mooning yourself into the grave* [10: 50] – в контексте – *уехать с любовником – лучшая альтернатива*, где в синтагмемной структуре дейктической лингвемы происходит конкретизация релятора – категории трансмотивности;

3) формирование нестереотипной ситуативной синтагмемы с экспликацией дополнительных, инициально не объективированных в языковой синтагмеме признаков: *It had once been a proud and lordly county.... **That** was the past* [10: 13] – в контексте – *жили раньше в шикарном графстве*, где в состав дейктической ситуативной синтагмемы добавляется категория локальности.

Довольно часто для обозначения ситуации в речи используются дейктические (местоименные) лингвемы предметной семантики «**он**», «**она**», «**оно**»,

«они», «he», «she», «they» (8% в русском и английском языках), указывая на предмет речи любого свойства – действия, процессы, речевые акты, место действия, временной отрезок осуществления ситуации, количественные и качественные характеристики участников ситуации. При формировании нестереотипной ситуативной морфотемы в структуре дейктической синтагмемы происходит смещение модификационных признаков в рамках логико-семантической категории субстанциальности и актуализация дополнительных признаков, в частности реляциональности, для обеспечения ситуативной составляющей синтагмемы и развертывания синтагмемы в пропозицию:

Субстанциальность → Акциональность+Темпоральность

Ср. *Я люблю холод, но он меня не любит* [5: 133] – в контексте – *простужался в холодное время года*, где местоимение **«он»** замещает существительное **«холод»** актуализирует признак акциональности и темпоральности.

Субстанциальность → Локутивность+Квалитативность

Ср. *He was discovered to be anti-English* [10: 17] – в контексте – *в своей речи высказывался против английской короны*, где категория субстанциальности дополняется в структуре ситуативной синтагмемы локутивностью и квалитативностью.

Субстанциальность → Акциональность+Утитивность

Ср. *Have you ever read Proust?* – *I've tried, but he bores me* [10: 170], в контексте – *чтение_книг Пруста*, где в синтагмеме местоимения категория субстанциальности замещается категорией акциональности и функтемой утитивности.

Таким образом, в процессе анализа были выявлены как случаи актуализации стереотипной дейктической синтагмемы по модели конвенциональной тавтологии, так и случаи утраты синтагмой реляционного компонента и, следовательно, актуализации неситуативной синтагмемы. Частотность использования в речи дейктических единиц с ситуативной референтностью в русском и английском языках различна: почти в каждом четвертом случае англоязычные спикеры прибегают к ситуативным дейктическим лингвемам – **«that», «this», «something», «anything»**, в то время как в русском языке – лишь в 10% предложений с субъектом с ситуативной референцией. С одинаковой частотой – в 9% от всего корпуса предложений в русском и английском языках используют неситуативные дейктические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова О.А. Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков). Минск: МГЛУ, 2019. 176 с.
2. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия Академии Наук СССР: Серия литературы и языка, Т. 38, №4. Изд-во «Наука», 1979. С. 323-335.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2004. 108 с
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Бол. рос. энцикл., 2002. 709 с.
5. Набоков В.В. Король, дама, валет // Набоков В.В. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 1. М.: Правда, 1990. С. 115-286.
6. Скоромолова Ю.В. Морфотемный подход к исследованию речемыслительной категории ситуативной субъектности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Изд-во «Грамота», 2021. Том 14. Выпуск 12. С. 3964-3969.
7. Скоромолова Ю.В. Ситуативная локутема как объект морфотемного анализа в репрезентативном аспекте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2022. Т. 19, №4. С. 79-84.
8. Фефилов А.И. Введение в когитологию: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 240 с.
9. Фефилов А.И. Основы когитологии. Ульяновск: УлГУ, 2004. 216 с.
10. Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover / Роман на англ. яз. Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2009. 270 с.

СМИРНОВА Людмила Георгиевна (Смоленск, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет
naksemit@gmail.com

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В МЕДИА-ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается специфика выражения оценки с помощью существительных и прилагательных. Отмечается, что в системе языка существительные с оценочной коннотацией составляют многочисленные группы лексем, в том числе концепты, идеологически и аксиологически нагруженные слова. В речи подобные лексемы номинируют объекты оценки, задают идеологические параметры текста. Прилагательные менее разнообразны, но грамматически специализированы в оценочной функции. Важную группу составляют общеоценочные слова. В тексте прилагательные интенсифицируют оценку, вносят в оценочный сигнал эмотивно-экспрессивный компонент.

Ключевые слова: языковая оценка, имя существительное, имя прилагательное, языковая система, оценочный сигнал, медиа-текст.

Abstract. The article discusses the specifics of the expression of evaluation by nouns and adjectives. It notes that in the language system nouns with evaluative connotation make up numerous groups of lexemes, including concepts and ideologically and axiologically loaded words. Such lexemes nominate the objects of evaluation and set ideologi-

cal parameters of the text in speech. Adjectives are less diverse but grammatically specialized in the evaluation function. The general evaluation words make up an important group. Adjectives intensify the evaluation and add an emotive-expressive component to the evaluation signal in a text.

Keywords: language assessment, noun, adjective, language system, evaluation signal, media text.

Оценка как тип прагматического значения начинает играть все большую роль в сфере публичной коммуникации, в частности, в средствах массовой информации всех видов и типов. Медийный «человек говорящий» в большинстве случаев становится «человеком оценивающим», даже при попытке сохранить нейтральность в освещении событий, констатации происшествий, представлении официальной точки зрения. Во многом экспрессивно-оценочный фон освещения жизни социума обусловлен общими тенденциями в развитии публицистического стиля, о которых неоднократно писали лингвисты: демократизация языка СМИ, усиление личностного начала в создании текстов, разнообразие видов СМИ, их конкуренция (в том числе конкуренция реальных и виртуальных масс-медиа), отсутствие официального идеологического давления, идеологический плюрализм СМИ, отражающий социальный раскол общества, стремление журналистов усилить воздействие текстов за счет эмотивно-экспрессивной окраски высказывания, широкое использование креолизованных текстов и т. д. [1, 4, 5, 7 и др.].

Публицистический стиль, обслуживающий весьма авторитетный сегодня политический дискурс, при отсутствии значимых общенациональных художественных текстов становится базой развития литературного языка. Н.С. Валгина отмечает: «...надо признать, что современный русский язык, в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь – в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература...» [1]. Русский язык, находящийся, по выражению М.А. Кронгауза, «на грани нервного срыва», отражает по преимуществу негативные эмоции, проникает на страницы печатных СМИ, в эфиры телевидения, в передачи многочисленных блогеров.

Русский язык обладает широкой парадигмой оценочных ресурсов, объединенных семантической категорией *оценочности*, тесно связанной с категориями эмотивности и экспрессивности. Оценочность представлена системой разноуровневых средств и совокупностью приемов, организующих праг-

матику речевого акта и позволяющих говорящему передать адресату квалифицирующую характеристику явлений внеязыковой действительности в соответствии с признаковой шкалой *хорошо / плохо, должно / не должно*. Например: «*Москва и Дели – последовательные противники таких неокolonиальных практик, как нелегитимные односторонние санкции, угрозы, шантаж*», – подчеркнул он. По словам министра, российская сторона поддерживает нацеленность индийских друзей на укрепление подлинной многосторонности в международных отношениях («Коммерсантъ», 2.03.23).

Прагматику оценки создает прежде всего лексическая семантика, причем оценочную коннотацию могут включать слова разных частей речи: *ущербность, судьбоносный, преследовать, вопиюще* и т. д. Даже некоторые местоимения и служебные слова могут быть потенциально связанными с оценкой и участвовать в реализации оценочного сигнала говорящего. В языковой «парадигме оценочных средств» присутствуют единицы разных ярусов: морфемы, синтаксемы, в меньшей мере граммы и др. В связи с этим многообразием единиц и приемов возникает вопрос о том, существует ли специфика выражения оценки словами разных частей речи.

Оценка как языковой феномен традиционно изучается не только в семантическом, когнитивно-прагматическом, но и в функционально-грамматическом аспектах. В центре подобных исследований грамматические способы создания оценочной прагматики, соединение семантического и грамматического (в том числе морфологического) факторов организации оценочных суждений [2, 6, 3, 8, и др.]. Отметим, что «грамматическое оформление» оценочной семантики определенным образом представлено в «парадигматике» – в организации языковых оценочных ресурсов, а также в «синтагматике» – в распределении «оценочного содержания» между словами различных частей речи при их сочетаемости в тексте. В этом плане, несомненно, наибольший интерес представляют имена существительные и прилагательные.

Поскольку оценочная характеристика предмета речи это характеристика *качественная*, то грамматически роль оценочного предиката в наибольшей степени соответствует прилагательному. В лексической системе в этой роли специализируются прежде всего лексемы *хороший* и *плохой*, тогда как соответствующие отадъективные существительные типа **хорошесть* и **плохость* в языке отсутствуют. Однако следует учесть тот факт, что оценочная семантика сама по себе чрезвычайно разнообразна, часто связана с различными ас-

социациями, конвенциональными установками, аксиологическими доминантами. Оценочное отношение говорящего выражается самым разнообразным образом с использованием языковых единиц всех уровней. Наиболее емкой, полифункциональной, максимально широкой в номинативном охвате объектов действительности частью речи, без сомнения, является существительное. Именно существительное обладает наибольшим оценочным потенциалом среди всех частей речи. Это положение подтверждается прежде всего концентрацией оценочных ресурсов языка в пределах нескольких семантических сфер.

Оценочность является антропоцентричной категорией, поэтому абсолютное большинство лексических единиц с оценочным компонентом значения объединены сферой «Человек, его внешние и внутренние, духовные качества, его социальная жизнь и деятельность». В меньшей мере оценочно коннотированные слова связаны со сферами «Мир природы, влияющий на жизнь человека» и «Предметный мир, окружающий человека». Существительные разных лексико-грамматических разрядов включают группы слов с компонентом оценки: абстрактные существительные (*справедливость, агрессия, предательство*); существительные со значением лица (*правдоискатель, лох, ботан*); имена собственные (прежде всего антропонимы и топонимы: *Жуков, Рокоссовский, Азеф, Гапон, Москва, Вашингтон*); собирательные существительные (*воинство, учительство, матросня, хлам*). Отметим, что именами собственными могут быть только существительные.

В публицистическом тексте особую смысловую нагрузку имеют абстрактные слова, которые могут представлять собой идеологемы (*рынок, либерал, социализм*), политологемы (*импортозамещение, СВО*), аксиологемы (*сотрудничество, успешность, конкуренция*). Оценочный компонент этих слов социально обусловлен. Он может быть амбивалентным, адгерентным (зависеть от идеологических установок говорящего), а также актуальным для определенного исторического периода. Кроме того, оценочными ассоциациями обладают номинации концептов национальной концептосферы: *Родина, родные, семья, родители, совесть* и др.

В производных существительных ярко проявляется возможность экспликации оценочного значения с помощью морфем, прежде всего суффиксов: *благодетель, враль, рвач, лжец, пьянчуга, рвань* и т. д. Исследователи языка масс-медиа, отмечают тот факт, что среди эмотивно-экспрессивных словооб-

разовательных дериватов-неологизмов большинство составляют существительные: *журналюга, движуха, развлекалово, стебщик, псевдогазетенка* и т. д. [7: 170].

Существительное характеризуется полифункциональностью. Его способность выполнять функцию любого члена предложения увеличивает возможность передачи оценочного сигнала говорящего с помощью слов этой части речи.

Свою специфику имеет адъективный оценочный ресурс языка. Среди прилагательных представлено большое количество общеоценочных слов, с помощью которых возможно интенсифицировать и деинтенсифицировать оценку предмета речи: *хороший, нормальный, неплохой, замечательный, отличный; плохой, плохонький, паршивенький, ужасный, отвратительный* и т. д. Состав общеоценочных прилагательных постоянно обновляется в разговорной речи, в жаргоне, в виртуальной коммуникации: *прикольный, крутой, кульный, адчайший, тухлый, отстойный, токсичный* и др.

Оценочно коннотированные прилагательные характеризуют те объекты действительности, которые «охвачены» существительными в меньшей мере: внешность человека, природные явления, артефакты, научные и специальные понятия. Например: *Свежий бюллетень конъюнктурных исследований свидетельствует: предприятия показывают в феврале лучшую динамику спроса, хороший уровень удовлетворенности продажами и стабильность прогнозов спроса* («Коммерсантъ», 2.03.23).

Синтаксическая функция прилагательных (атрибутивная и предикативная) специализирована для передачи прагматического оценочного сигнала говорящего.

Таким образом, в парадигматике наряду с другими средствами выражения оценки существительные и прилагательные представлены как грамматические единицы, обладающие потенциальными возможностями для выражения оценочного сигнала. Они демонстрируют при этом свою специфику: существительные могут иметь широкий ассоциативный ореол, организуют в тексте «идеологию» оценки, ее экстралингвистическую опору; прилагательное в большей степени «грамматически приспособлено» к выражению оценки, адъективные слова часто составляют основу оценочного предиката в высказывании.

В синтагматике, т. е. в речевом употреблении, существительные и прилагательные дополняют друг друга, проявляя свою частеречную специфику. Проследим некоторые особенности употребления имен на примере медийных текстов из ежедневной общенациональной деловой газеты «Коммерсантъ». Выбор источника объясняется установкой редакции газеты на политическую неангажированность, нейтральность. Оценочная модальность текстов этого СМИ находится в относительной независимости от внутривнутриполитической конъюнктуры. Открытая оценка явлений преимущественно содержится в цитируемых источниках.

В пределах узкого контекста оценка отрицательно маркированных действий обозначается преимущественно с помощью существительных, хотя общую оценочную модальность организуют также прилагательные, глагольная конструкция: *Путем открытого **шантажа и диктата**, **вброса абсурдных трактовок ситуации на Украине западники** в очередной раз **сорвали принятие коллективных решений*** («Коммерсантъ», 2.03.23).

Оценка политического противостояния может проявляться с помощью коннотаций, которых эксплицируют в тексте проприальные имена: *В связи с этим МИД РФ выступил с жестким заявлением, где говорится: «Наши оппоненты, прежде всего в лице **США, ЕС и "семерки"**, по-прежнему не сбавляют оборотов в **параноидальных попытках изолировать Россию, переложить на нее свою вину за спровоцированные проблемы в области международной безопасности и мировой экономики*** («Коммерсантъ», 2.03.23). В этом же фрагменте экспрессию, усиливающую модус оценки, создают прилагательное, ФЕ.

Отдельные примеры наглядно демонстрируют тот факт, что центром оценочного суждения становится номинируемый с помощью существительного концепт, вызывающий оценочные ассоциации в сознании реципиента: *А индийские СМИ уточнили, что в центре спора о формулировках оказалось не устраивающее Москву и Пекин слово «**война**»* («Коммерсантъ», 2.03.23).

На страницах масс-медиа появляются новые политологемы (преимущественно существительные), получающие однозначную оценку в пределах определенного идеологического дискурса: *санкции, иноагент, импортозамещение, коллективный Запад* и др. Например: *Прошел год, как Соединенные Штаты совместно с группой стран, причисляющих себя к так называ-*

емому **коллективному Западу**, развязали против России невиданную по масштабам санкционную войну («Коммерсантъ», 9.03.23).

Прилагательные, в свою очередь, интенсифицируют оценку, усиливают экспрессию текста, а в отдельных случаях демонстрируют определенную идеологическую установку: *В исторической ретроспективе 12 месяцев – ничтожно малый срок, однако антирыночные решения наших бывших партнеров привели к серьезной эрозии основ мировой экономики* («Коммерсантъ», 9.03.23)..

Таким образом, оценочный потенциал имен в полной мере реализуется в современных медийных текстах, для которых характерна открытая оценочность, соединенная с эмотивностью и экспрессивностью. Оценочная модальность текстов эксплицируется преимущественно с помощью существительных и прилагательных, причем существительные организуют «содержательно-идеологическую» базу оценки, а прилагательные преимущественно определяют знак оценки, и интенсифицируют ее, вносят в оценочный сигнал говорящего эмотивно-экспрессивную составляющую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с. 2003 <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/predislovie69786.html> (Дата обращения 10.03.23 г.)
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
3. Касторнова О.Н. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2005. 201 с.
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи . 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2015. 320 с.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва // Языки славянских культур. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
6. Лопатин В.В. Оценка как объект грамматики // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX-XX. М.: Наука, 1992. С. 70-75.
7. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
8. Шмелева Т.В. Русские событийно-оценочные предложения // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. трудов. Ч. 2. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 38-44.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

Газета «Коммерсантъ» <https://www.kommersant.ru/daily> (Дата обращения 10.03.23)

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

КОЗЛОВА Ксения Игоревна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
kozlova.ks3nia@yandex.ru

ТИРЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПУНКТУАЦИОННЫЙ ЗНАК

Аннотация. В статье проанализировано расширение сферы функционирования «тире», на материале современных художественных текстов показаны случаи, где пунктуационный знак выполняет несвойственные ему функции.

Ключевые слова: знаки препинания, пунктуационные знаки, тире, функции знаков препинания, интонационное тире.

Abstract. The article analyzes the expansion of the sphere of functioning of the "dash", based on the material of modern fiction texts, cases where the punctuation mark performs functions unusual for it are shown.

Keywords: punctuation marks, punctuation marks, dashes, punctuation mark functions, intonation dash.

О пунктуационных знаках и закономерностях их применения в разное время писали многие ученые: М.В. Ломоносов, Н.Г. Курганов, А.А. Барсов, А.Х. Востоков, Л.А. Булаховский, Ф.И. Буслаев, Я.К. Грот, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и др., обосновывая необходимость введения того или иного знака препинания, давая их перечни, предлагая правила их применения в текстах. У С.Н. Боруновой, К.И. Былинского, Н.С. Валгиной, В.Ф. Ивановой, В.В. Лопатина, А.Б. Пеньковского, Д.Э. Розенталя, А.Б. Шапиро, Б.С. Шварцкопфа, Л.А. Чешко и др. находим обоснование принципов русской пунктуации и описание условий употребления того или иного знака [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10].

Каждый пунктуационный знак выполняет свои функции, среди прочих наиболее многофункциональным является *тире* (фр. *tiret*, от *tirer* – ‘растягивать’).

Тенденция к универсализации пунктуационного знака *тире* была отмечена еще в прошлом веке: в 1935 году Л.В. Щерба в разделе «Пунктуация» «Литературной энциклопедии» писал, что тире «имеет неопределенное зна-

чение, из-за чего сфера его функционирования колеблется в разных письменностях от единственной функции разделения слов разных действующих лиц в диалоге до разнообразия его применения (в русском)», /.../ что приводит «к некоторому смешению тире с двоеточием; кроме того тире употребляется иногда в смысле скобок» [11: 366-370].

Основные функции *тире*, зафиксированные в справочниках по правописанию, можно свести к следующим: *разделительная, выделительная, обозначение неполноты (пропусков), соединительная функция, экспрессивная («интонационное тире»)*. Каждая из функций обусловлена действием трех принципов русской пунктуации: формально-грамматического, смыслового, интонационного [3: 33] в разной их комбинации. Н.С. Валгина указывает на основную функцию тире – обозначение «всевозможных пропусков»: пропуск глагола связки в сказуемом, пропуск члена предложения, пропуск союзов в сложных предложениях, членов в эллиптических предложениях и предложениях с нулевым сказуемым [3: 64-68].

В последнее время знак наиболее отчетливо обретает свойство универсальности, выходя далеко за рамки предписанных ему правилами функций. Отметим, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года содержатся примечания (в частности, § 169, прим. 2: «Для выражения неожиданности может отделяться посредством тире *любая часть предложения* (курсив наш – О.С., К.К.), например: *И щуку бросили – в реку* (Крылов); *И съела бедного певца – до крошки* (Крылов)» [5: 100]; § 173: «тире ставится для указания места распада простого предложения на две словесные группы, если другими знаками препинания или порядком слов это не может быть выражено: *Я вас спрашиваю: рабочим – нужно платить?* (Чехов)» [5: 101]), подчеркивающие, что описываемое пунктуационное оформление возникло не в XXI веке; но распространенность и массовость употребления делают знак универсальным.

Справочники по пунктуации «разрешают» постановку тире «при акцентировании сказуемого (обычно в стилистических целях)» [6; 7] типа *Отец Паисий никак на это не отреагировал – только удвоил усилия* (В. Пелевин «t»); *Тело – словно скручено лихой пляской: правое плечо смотрело вниз и немного назад, а левое – вверх и вперед* (Г. Яхина «Дети мои»).

Регулярным стало обособление полупредикативных членов с помощью тире: *Через две секунды я был уже в убере – едущем, правда, не точно к Си-*

меону, но совсем близко (В. Пелевин «iPhuck 10»); Но все это – забитое, загнанное внутрь – жило в нем и дышало его воздухом (М. Петросян «Дом, в котором...»); Бах /.../ может видеть ее, слышать, а изредка – помогая снять котелок с печи или книгу с этажерки – даже касаться локтем (Г. Яхина «Дети мои»).

Тире вместо запятой встречается при сравнительных оборотах, пояснительных (уточняющих) членах предложения: Ее крик был одновременно жутким и смешным – словно лай простуженной болонки (В. Пелевин «t»); Он тонул в буреломе, тонул неотвратно и страшно – как муха в меду, как мотылек в тающем свечном воске (Г. Яхина «Дети мои»); Братья – или мужья – Гольдберги держались корректно (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»).

Регулярным стало тире в сложносочиненном предложении при отсутствии условий для его постановки (значение результата, следствия, резкого противопоставления): Прочихается – а я уже у рожи развернулась, камчу из сапога достала: теперь моя очередь! (Г. Яхина «Зулейха открывает глаза»); Из кустов по-прежнему хлопали револьверы – но выстрелы стали реже. (В. Пелевин «t»).

Более редко по сравнению с указанными выше предложениями разделение с помощью тире главной и придаточной части: Представьте, какая это сила – когда Гриша и Митенька в одной упряжке (В. Пелевин «t»); На «празднике азбуки» они заставят меня изображать букву «р» – которую я не произношу (Т. Толстая «Войлочный век»).

Регулярной стала замена двоеточия тире в бессоюзных предложениях: Обуться нельзя – бесшумно пройти в войлочных кота не получится, какая-нибудь половица да и скрипнет (Г. Яхина «Дети мои»); Удивительно другое – эти представления до сих пор лежат в фундаменте всего здания современной духовности.... (В. Пелевин «t»).

Тире частотно при прямой и несобственно-прямой речи: В общем, вник Шмыга в дело, позвонил Сулейману и говорит – ты че, зверек, голову ушиб? (В. Пелевин «t»); Я говорю – а у тебя когда самолет? (А. Геласимов «Нежный возраст»).

Выделение частиц *ан глядь, и только, и всё, и больше ничего* и др. с помощью тире также зафиксировано справочниками [8: 18, 160, 161, 180 и т. д.]: Полно убиваться, есть такое мнение, / Будто эти страсти, грусти, треволенья – / Выдумка, причуда, простенькая полька / Для начальной

школы, музыка – и только (С. Гандлевский), подобным образом в современных текстах могут выделяться вводные конструкции *да и то сказать, что еще хуже* [8: 93, 181, 536 и т. д.], междометия *подумаешь, увы* и др. [8: 350, 502 и т. д.].

Б.С. Шварцкопф наряду с двумя главными функциями *разделения и выделения* дает понятие «семантизированного знака» [10: 24], то есть знака, не только выполняющего определенную смысловую функцию, но и «семантически нагруженного» контекстом. Смыслоразличительная функция знаков препинания, в частности тире, уже анализировалась лингвистами (см., например, [3], параграф «"Смысловые" знаки препинания»).

Тире может служить и для акцентирования внимания. Н.С. Валгина назвала тире в такой функции «знаком неожиданности – смысловой, интонационной, композиционной» [3: 418]: *И в результате – один чемодан* (С. Довлатов «Чемодан»); *Важна не истина, а бытие-в-истине, в конце концов, важно не то, что ты можешь помыслить и сказать, а – кто ты есть* (П. Кузнецов «Русский Феникс, или Что такое философия в России»); *Не в каком-нибудь тридевятом государстве, а – в соседнем доме* (А. Асмолов «Сказка о седьмой жизни»). Это «усиление оттенка неожиданности» было отмечено еще в Правилах 1956 года, но были даны примеры одного автора: *Проси в субботу расчет и – марш в деревню* (М. Горький); *Очень хочется сойти туда к ним, познакомиться, но – боюсь* (М. Горький) [5: 100], в современных же текстах оно регулярно появляется в нерегламентированных случаях.

Тенденция связана в основном с желанием авторов подчеркнуть с помощью тире значимость детали, акцентировать внимание читателя на выделяемом фрагменте, усилить экспрессивность выражения, придать письменной речи черты разговорной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борунова С.Н. Русское правописание сегодня: О Правилах русской орфографии и пунктуации / С.Н. Борунова, Н. А. Еськова, О.Е. Иванова и др. М.: Дрофа, 2006. 256 с.
2. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Трудные случаи пунктуации. М.: Искусство, 1959. 231 с.
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.
4. Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979.
5. Правила русской орфографии и пунктуации. Утверждены в 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством

просвещения РСФСР. Изд. второе / Ред. Л.А. Чешко. М.: Первая образцовая типография им. А.А. Жданова, 1957. 176 с.

6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.

7. Розенталь Д.Э. Русский язык: орфография и пунктуация. М.: Русский язык, 1994. 243 с.

8. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник / В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова. М.: Эксмо, 2012. 576 с.

9. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации: https://www.studmed.ru/shapiro-a-b-osnovy-russkoj-punktuacii_958e7f7b762.html

10. Шварцкопф Б.С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

11 Щерба Л.В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. Т. 9 / Гл. ред. А.В. Луначарский. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. энцикл.», 1935. 832 с.

СОМОВА Марина Викторовна (Рязань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет
имени Сергея Александровича Есенина
m.somova@365.rsu.edu.ru

ЮЖАКОВА Юлия Александровна (Рязань, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Рязанский государственный университет
имени Сергея Александровича Есенина
yu.yuzhakova@mail.ru

МЕНТАЛЬНОСТЬ СРАВНЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ С.А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Идиостиль каждого русского поэта отражает его ментальные представления об окружающем мире. Изучение языковых средств, из которых формируется картина мира, помогает понять, с одной стороны, национальный характер, с другой, специфику творчества художника. В статье рассматривается сравнение как одно из составляющих языковой картины мира самого русского поэта С.А. Есенина. Воплощением русской ментальности являются сравнения с миром природы, небесной (божественной) сферой, с животными или растениями родного края.

Ключевые слова: С.А. Есенин, текст, ментальность, сравнения.

Abstract. The idiosyncrasy of every Russian poet reflects his mental ideas of the world around him. The study of the linguistic means which form the picture of the world helps to understand, on the one hand, the national character and the specifics of the artist's work, on the other. The article considers comparison as one of the components of the linguistic picture of the world of the Russian poet S.A. Yesenin himself. Comparisons with the natural world, the heavenly (divine) sphere, with animals or plants of the native land is the embodiment of the Russian mentality.

Keywords: S.A. Yesenin, text, mentality, comparisons.

В русской языковой картине мира, отражённой в формах и категориях родного языка, воплощается национальный характер, особый способ мыслить окружающий мир, оценивать себя в нём – всё то, что называется русской ментальностью. «Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определённой обстановке – это и есть ментальность» [2: 13]. В языке есть разные способы выявления национального характера, его типичных свойств и проявлений, один из таких способов – сравнение описываемого предмета для акцентирования его признаков. Причем часто подобное сопоставление помогает взглянуть на предмет или явление с неожиданной, новой, оригинальной стороны, словно бы увидеть его по-иному. В этом случае особенно интересен свежий взгляд поэта. Нам интересен один из самых русских по своему мировосприятию и воплощению своей русскости в идиостиле С.А. Есенин. Ему в наибольшей мере соответствуем меткое замечание В.В. Колесова: «Русский человек свободен в выражении своей мысли и чувства. Свободен в своём языке. Логика не давит его мысль, не отчуждает эту мысль от реальности» [2: 12].

Сравнение – одно из любимых средств выразительности у рязанского поэта. Мы понимаем сравнение в широком смысле, как его трактует Литературный энциклопедический словарь: это «образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства» [3: 418].

С.А. Есенин воспринимает как Божью благодать небесные светила (*луну / месяц – солнце*) и часто обращается к их образу, но сравнения, используемые им, раскрывают именно русскую крестьянскую ментальность автора:

Луна, как желтый медведь, в мокрой траве ворочается [1: 55] – в этом примере С.А. Есенин сравнивает луну с медведем, большим, могучим, тяжелым, неповоротливым, который именно «ворочается» (производит беспокойное сильное движение на одном месте). Ни у одного другого автора нет подобного сравнения. Луна в восприятии и передаче поэта огромна, ярка (*желтый / золотой медведь*), тяжеловесна, массивна. Такой ее можно увидеть в полнолуние с берега Оки над раздольями рязанских лугов и полей.

Ягненок кудрявый – месяц

Гуляет в голубой траве [1: 55] –

в данном контексте метафора как нельзя лучше представляет именно скрытое сравнение: *месяц – ягненок, а небо – выпас (голубая трава)*. Месяц едва родился, он тонок и «кудряв», независим, юн, беспечен. У славян это символ возрождения мира. С.А. Есенин, не противореча сложившейся традиции, передаёт свое восприятие ночного светила:

*Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьётся над землей [1: 221] –*

здесь месяц «подрос», он стремительно бежит по небу, освещая и охраняя землю (*кружит, вьётся*). Эпитет *желтый (золотой)* подчёркивает небесную благодать светила, хотя непосредственное сравнение *месяц – ворон* (птица умная, но нередко предвестница несчастий и бед) как-то не очень этому соответствует. Позволим себе предположить, что здесь ключевую роль играет именно необычность оперенья ворона – вещицы птицы Перуна.

*Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот [1: 87] –*

самое яркое светило – дневное – *солнце* сравнивается с печатью, которая «стражем стоит» над Русью. Опять фольклорный образ, причем поэт демонстрирует его устойчивый характер, непоколебимость, что особенно подчёркивают слова-сравнения «печатью», «стражем» (существительные в творительном падеже).

В описании других природных явлений у С.А. Есенина также часты неожиданные сравнения, например, с лексемой «пожар»:

Как пожар, стоит золотой рассвет [1: 18] –
рассвет сравнивается с пожаром, который «стоит» (вместо традиционных глаголов *возник, ослаб, угас, разгорелся, вспыхнул* и т. п.): получается, что он – *рассвет* – подобен нимбу, светится над русской землей.

Совсем другим настроением проникнуто описание *зари* (по-видимому, вечерней):

*В тихий час, когда заря на крыше,
Как котёнок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот [1: 29] –*

здесь чувствуется умиротворенность, ласковость, даже домашность при восприятии и описании природного явления.

Любит поэт сопоставления с временами года:

*И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...* [1: 151-152] –

с лексемой «осень» у С.А. Есенина, большого поклонника А.С. Пушкина, особые отношения. В данном примере *осень* – время опавшей (шуршащей) листвы, свиста ветра, уходящей жизни – не знающая и не понимающая поэта и его жизнь толпа (людская молва), у которой все в прошлом, но которая берётся судить и осуждает того, кто не такой.

А вот следующий пример представляет совсем другое сравнение:

*Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?* [1: 134] –

«словно августовская прохлада» – сравнение, отсылающее к самому яркому и богатому летнему месяцу, говорит о многом: чувства поэта столь же глубоки и великолепны, как и последний месяц лета. Имя возлюбленной звенит для него, а не просто звучит, прохладой августа – глубоким и страстным чувством, которое сродни последнему месяцу лета (последней страсти).

Природа вообще для русской ментальности, отражённой в языке, – мерило красоты и совершенства. Отсюда сравнения с цветами (флоронимами) не в предметном, а в признаковом значении для характеристики цвета глаз:

*Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза* [1: 26];

или с морем, прекрасным и загадочным для рязанского поэта:

*Всё равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем* [1: 256].

Особо следует сказать о берёзе и ржи в русской ментальности вообще и в творчестве С.А. Есенина в частности.

*Белая берёза под моим окном
Принакрылась снегом, точно серебром* [1: 7] –

берёза – символ чистоты девушки, невесты, России, она желанная, светлая, стройная у С.А. Есенина. «Принакрылась снегом, *точно серебром*» – фатой, легким ярким сверкающим покрывалом, но не саваном. Серебро – мягкий, легкий и податливый металл, издревле ценимый на Руси выше золота. Очень любит его и А.С. Пушкин [4]. Это символ зимы, богатства, женственности.

Другой металл – *свинец* – воспринимается поэтом совсем иначе:

*Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.*

Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь [1: 74] –

«свинцовая свежесть» ассоциируется у читателя с чем-то тяжелым, возможно, смертоносным, так как известно словосочетание «свинцовые тучи/ пули», однако С.А. Есенин употребил его в сочетании с существительными «свежесть», «полынь», что придает другой оттенок значению эпитета.

Особое место в поэтической речи поэта отводится всему, что связано с хлебом – главным кормильцем на Руси.

Я готов рассказать тебе поле,

Эти волосы взял я у ржи... [1: 252] –

рожь – символ сытости, хлеба, довольства, счастья. Все связанное с хлебом несёт положительный заряд в русской ментальности. Светлые кудри С.А. Есенин сравнивает именно с этим почитаемым в народе злаком. В значении «душистый, приятный запах» используется лексема *аромат*:

Я сегодня пью в последний раз

Ароматы, что хмельны, как брага [1: 265] –

брагу тоже делают из зерна, которого в достатке, значит, хлеб уродился.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба

И с хрустом мысленно кусаю огурцы... [1: 80] –

символ родного дома «мягкость хлеба» показывает читателю, что герой дышит и живет этим ароматом. Можно сказать и о чувственном восприятии.

Водит старая мельница ухом,

Навострив мукомольный нюх [1: 82] –

сравнение скрыто, тесно связано с олицетворением, но речь опять идет о хлебе, о сытости, о необходимости смолотить зерно, которое уродилось. Даже мельница чует это («нюхом» и «ухом»).

Быстрота и вольность ассоциируются в русской ментальности с полётом птиц или бегом коней:

Как птицы, свищут версты

Из-под копыт коня [1: 211] –

«как птицы» – сравнение, использованное совместно с олицетворением «версты свищут», убеждают в стремительности бега рысака.

В другой тональности выдержано сравнение: поэт – птица:

*Быть поэтом – значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней <...>
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка [1: 191] –*

как это ни парадоксально, но лягушка часто в русской речи не квакает, а именно поёт (сравните, лягушачий хор – громкое кваканье весной).

У поэта особое отношение к лошадям и собакам. Пожалуй, можно говорить о том, что эти животные связаны с ощущением и восприятием родной земли, малой Родины:

*И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф [1: 86] –*

хвост лошади сравнивается со шлейфом венчального платья. Можно подчеркнуть, что сравнение основывается на чувствах извозчика, который относится к лошадям торжественно, с любовью и заботой.

В знаменитом «Сорокоусте» через сопоставление жеребёнка и паровоза звучит щемящая тоска о неизбежности прогресса, губящего прежний мир, близкий и дорогой самому поэту:

*А за ним по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребёнок [1: 143] –*

«праздник отчаянных гонок», ипподром – одно из любимых увлечений поэта в городе, сельского жителя, не мыслящего жизнь без коня.

С.А. Есенин часто обращается к этому сравнению – паровоз и конь:

*Чужунный рот ее [печи]
Привык к огню,
И дым над ней, как грива, –
Черен, густ и четок [1: 179]*

История с собаками – отдельная тема в творчестве поэта. По свидетельству всех, С.А. Есенин обожал собак, всегда и везде находил с ними общий язык, часто они встречаются в его стихотворениях, из которых самое пронзительное «Песнь о собаке». В нём есть изумительное сравнение глаз плачущей собаки со звёздами:

Покатились глаза собачьи

Золотыми звёздами в снег [1: 145] –

здесь все сразу: и трагедия собаки, потерявшей щенков, и её преданность жестокому хозяину. Собака – самое преданное и страдающее за свою любовь существо (сравните поговорку, *живет как собака* – это ведь не о собачьей злобе, а о её тяжелой жизни). Особенно трогательно то, что сравнение это у поэта лишено союза *как*, а употребляется в творительном падеже, совершенно органично рисуя блестящие от слез глаза собаки.

Обратное сравнение в «Собаке Качалова», где пёс сопоставляется с пьяным человеком:

*Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей
И, никого ни капли не спросив,*

Как пьяный друг, ты лезешь целоваться [1: 37] –

это снисходительная усмешка о навязчивости пьяниц, неизменно понятная каждому русскому, и одновременно уверенность поэта в том, что пёс не предаст и точно попросит прощения у любимой.

Таким образом, говоря о сравнении в поэтической речи самого русского из русских поэтов, следует подчеркнуть, что поэт, воплощающий русскую ментальность, чаще всего выбирает сравнения с миром природы, небесной (божественной) сферой, с животными или растениями родного края. Таков русский человек, живущий в мире с природой, вышедший из неё, чувствующий её всем сердцем, равняющийся на неё, и не мыслящий жизни вне её – родной русской земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т.1. Стихотворения. М.: «Наука» – «Голос», 1995. 672 с.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2016. 624 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.П. Николаева. М: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
4. Сомова М.В. К вопросу исследования концепта *зима* как одного из кодов в русской языковой картине мира (на материале произведений русской литературы) // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Серия "Концептуальный и лингвальный миры". СПб., 2016. С. 374-380.
5. Южакова Ю.А. Природная лексика в лирике С.А. Есенина // Современное есениноведение, 2021. № 2 (57). С. 27-31.

СТАРОСТИНА Татьяна Владимировна (Коломна, Россия)

ведущий библиограф
Коломенская городская централизованная
библиотечная система
Meinbrief@bk.ru

**МИКРОТОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКИХ,
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ
(на материале села Григорьевского г.о. Луховицы)**

Аннотация. Монастырское село Григорьевское, ранее составлявшее центр Григорьевской волости и входившее в Перевицкий стан Рязанской губернии, имеет богатую историю, которая отразилась в собственных названиях географических и экономико-социальных объектов. Анализ письменных источников и опрос информантов позволили выявить особенности бытования микротопонимов в народной ментальности и рассмотреть происходящие с ними процессы.

Ключевые слова: Григорьевское, городской округ Луховицы, Перевицкий стан, микротопонимия, микротопоним, географические термины.

Abstract. The monastery village of Grigoryevskoye was the center of Grigoriev volost and a part of the Perevitsky stan of Ryazan principality. It has a rich history, which is reflected in the proper names of geographical, economic and social objects. The analysis of written sources and informants' questioning revealed the peculiarities of the existence of micro toponyms in the folk mentality and change processes.

Keywords: Grigoryevskoye, Lukhovitsy urban district, Perevitsky stan of the principality of Ryazan', micro toponymy, micro toponym, geographical terms.

Село Григорьевское городского округа Луховицы находится на границе Рязанской и Московской областей. Пограничное положение на стыке двух крупных административных единиц, изменение принадлежности и раздробленность архивов стало причиной того, что ономастическое пространство края до сих пор мало исследовано. Задача данной работы – выявить особенности состава и функционирования микротопонимов Григорьевского, рассмотреть отразившиеся в них факты исторического прошлого.

Впервые Григорьевское упоминается в 1496 г. в грамоте князя Федора Васильевича о передаче его во владение Солотчинского монастыря [25: 75]. Село относилось к Перевицкому стану Рязанской губернии и было центром Григорьевской волости. В 1788 г. село вошло в состав Зарайского уезда Рязанской губернии; с 1929 г. перешло к Московской области.

Григорьевское было экономически развитым селом. Здесь находились Храм Рождества Христова, кирпичный завод, мельница, кузница, три пекарни

[8], волостное правление, земская смешанная школа, народная библиотека, читальня, кабаки, ярмарки.

Позднее в Григорьевском появился колхоз «Красный маяк», ставший частью совхоза имени Карла Либкнехта, с закрытием которого село начало приходить в упадок. Вместе с объектами сельской инфраструктуры и географическими объектами исчезли или исчезают самобытные названия, которые отражают историю села.

1) Годонимы

В Григорьевском своеобразно смешивается официальная и неофициальная топонимия. Помимо стандартных улиц *Центральной*, *Заречной*, *Новой* и *Гагарина*, здесь существуют улица *Дубин Заулок*, улица *Угол*, улица *Новый заулок* и улица *Блохина* в честь уроженца Григорьевского, революционера Константина Никитича Блохина. Также у некоторых улиц существуют неофициальные названия *Дубинка* (*Дубин Заулок*), *Кошачка* (*Заречная*) и метафорическое *Кулацкий поселок* (*Новая*) с дачными коттеджами. Не имеющий официального годонима *Шикин заулок* назван по имени владельца пекарни Н.Я. Шикина, дом которого стоял в конце проезда.

Так же, как и *Шикин заулок*, годоним *Дубин заулок* предположительно образован от фамилии *Дубин* от некалендарного личного имени *Дуб* (ср. Илейко *Дуб*, 1495 г. [24: 138]). Неофициальное название *Кошачка* может иметь несколько версий происхождения: 1) от диалектного *кошь* (*кошь*) – ‘стан, кочевье’ [16: 390]; 2) от существительного *кошка* – ‘мель у берега’, ‘пахотное угодье, пашня на бывшей мели’ [16: 395]; 3) от некалендарного личного имени *Кошка* (ср. Федор Андреевич *Кошка* Кобылин, 1405 г. [2: 163]), которое могло принадлежать владельцу или первопоселенцу этих мест: *Кошка* → *Кощачий* → *Кошачка*.

Официальные названия улиц использует в основном молодежь. Старожилы ориентируется по домам: «*Парамонов дом у пруда*», «*плотина за молдаваном домом*» и т. д.

Неофициально село делится на три части: *Дубинку*, *Кошачку* и *Село*, что обусловлено протеканием реки *Алешни* (*Ройки*), правого притока реки *Мечи*, по центру населенного пункта. Старожилы себя называют *григорьевские*, но внутри села разделяют население на *кошачинских*, *селянских*, *дубинских*.

Важным местом социальных контактов были *Шалман* – местный кабак, *Пятачок* – место сбора молодежи, где под баян молодые люди танцевали и

играли, а также *Вшивая / Блошиная горка* – возвышенность недалеко от реки, излюбленное место для детских игр. Сейчас эти объекты не используются местными жителями, их названия выпали из топонимической системы и остались лишь в памяти старожилов.

2) Гидронимы

Село разделяет на две половины река, исторически носящая название *Алёшня*. Но на картах и в официальной документации данный водоем называется *Ройкой*. В «Жалованной данной и несудимой грамоте рязанского великого князя Ивана Федоровича Солотчинскому монастырю на «уезд» к его с. Федоровскому» река записана как *Олешня*: «...вверх по Олешне по Долгий корь...» [4: 12-13] и в «Выписи с Рязанских книг письма и меры... о вотчинах Солотчинского монастыря» (1628-1629 гг.) как *Олешенка*: «...на речке на Олешенке и на пруде...» [25: 127-128]. На специальной карте Западной части России Шуберта 1832 г. село расположено на речке *Алешня* [7], но на карте РККА №-37 (Б юг) 1941 г. эта же речка уже названа *Ройкой* [6].

Жители Григорьевского, несмотря на картографическое название *Ройка*, продолжают называть реку *Алёшней*: «на Алёшню купаться», «Алёшня замерзла». *Алёшня* – ‘река с заболоченной поймой, поросшей черной ольхой’ [11: 37]. Название могло отражать особенности местности в момент номинации. В 1960-х гг. на реке была построена плотина, превратившая мелкую узкую речушку, где самое глубокое место, подходящее для купания, называлось *Купчей*, в широкую заводь. Другие места купания образовались после разлива реки: *Плотина*, *Глинка*, *Иванково* (у одноименного луга *Иванково*), *Глинище Большое / Первое*, *Глинище Второе*, *Ребьячий омут*, *Девичий омут*, *Поповка*.

Недалеко от села протекает река *Пилис*, правый приток Мечи. Молодежь и подростки Григорьевского часто ездят на велосипедах «купаться на Пилис». Пока нет достоверной интерпретации гидронима. Топонимы с формантом *-ис* В.Н. Топоров относит к финской гидронимии [23: 325-331], М.С. Полубояров – к буртасской (древне-венгерской). Ю.Ю. Гордова высказывает предположение о связи с лит. *pūle* ‘утка’ [3: 256]. Существует версия о финно-угорском происхождении гидронима при сопоставлении его с лит. *upelis* ‘речка’ или *pilis* – ‘замок, крепость, город’ [22].

В разное время местными жителями были вырыты *Смирновский пруд*, *Семёновский пруд*, *Блошков пруд*, носящие названия по именам их создателей. Исключением стал пруд *Ротанник*, который назван по самому распро-

страненному виду рыб, который ловится в этом водоёме, – ротану. Это вид лучепёрых рыб из семейства одонтобутовых. В Григорьевском за этой рыбой закрепилось название *ротан*.

3) Дримонимы

Наиболее информативны с исторической точки зрения дримонимы. Село окружают многочисленные леса: *Пешломá* (в нее входят *Дéдов мыс*, *Пьянов мыс*), *Колóдезский Лоск*, *Ломá*, *Одвóрищи*, *Лі́пка*, *Круглая Лі́пка*, *Кóростово*, *Карма́н*, *Круглый*, *Пі́льник*, *Пáсека*, *Сéча*, *Круглый бугор*, *Зштáбры*, *Осінник*, *Костылі́*, *Горéли*, *Шаломáновка* *Шалма́новка*, *Дубчи́ки*, *Калі́нов куст*, многочисленные *Карькі́* (ед.ч. *Карёк*) в значении ‘молодой березовый лес’.

Дримонимы зафиксировали важные социально-экономические сведения об объектах хозяйствования (*Пильник*, *Пасека*), о подсечно-огневом характере земледелия (*Сеча*). Отметим также, что термин корчевания *корь* – ‘участок, очищенный от леса для последующей распашки’, в конце XVI века функционирует в неизменном виде. Затем пропадает из письменных источников, но продолжает использоваться в виде названий небольших лесов в форме *Карёк*, *Карьки*. В целом, как отмечает Г.П. Смолицкая, на настоящий момент это единственный вариант употребления. Фонетическое изменение обусловлено аканьем и диминутивной формой [18: 145].

Также в состав дримонимов вошёл орографический термин *лоск*. В XV–XVI вв. *лоск* – ‘овраг, лощина’. В «Выписи из межевых книг на владения вотчинника Андрея Кувязева по реке Осетру» XVI века находим: «...а лоск вышел на сторой Внуковский рубеж...» [13: 82]. Со временем термин утрачивает прямое значение, название прочно входит в лексикон жителей со значением ‘лес’. Произошел переход имен нарицательных – географических терминов – в имена собственные с утратой номенклатурной функции. Наблюдается явление трансонимизации – перехода одного разряда имени в другой.

Название леса *Ломá* также может происходить от географического термина: *лома* – ‘низина; узкая, длинная долина; углубление, низкое место на лугу; самое низкое сырое место на пашне; яма, болото; пруд в лесу’ [11: 213]. Дримоним *Горéли* происходит от термина *горель*, который Э.М. Мурзаев определяет как ‘горелый лес, участок выгоревшего леса в результате стихийного пожара; оголенная земля, освобожденная от леса искусственным выжиганием деревьев; лесной пожар’ [11: 120].

Леса *Осинник, Дубки, Липка, Круглая Липка* несут информацию о видовом разнообразии деревьев, которые выбиваются из общей картины и служат ключевым объектом номинации по принципу негативизма.

Леса *Кóростово, Шаломáновка/Шалмáновка, Липáтовка, Кали́нов куст* отражают принадлежность бывшим владельцам или первопоселенцам. Лес *Косты́ли* (Г.П. Смолицкая фиксирует *п. лоск Кастыль* на Алёшне [19: 163]) – не единичное название в Рязанской области. В Михайловском районе существует деревня *Костыли*, которая возникла как выселки из с. Мишино. По преданиям местных жителей, название свое деревня получила от очень сильного человека – богатыря по прозвищу *Костыль* [10]. В Путятинском районе есть *п. Костыли* [15].

Дримоним *Одворищи* указывает на существовавшие здесь жилых строений. Ср. *Одворище* – 1. Близкая к деревне земля. 2. Место, где раньше была дворовая усадьба [16: 265].

Пьянов мыс, входящий в состав леса *Пешлома*, по рассказам старожилов, содержал покосные луга. Согласно местной легенде, этот участок оставляли в качестве оплаты наёмным косарям, чтобы они, покосив траву, смогли продать сено и купить себе спиртного. Формант *-ов* позволяет предположить в основе дримонима прозвищное имя *Пьяня* (ср. *Пьянов, Пьянин* [12: 252]) или финно-угорское имя *Пиан* (ср. *пиан* – ‘сын’ [9: 295]).

Этимологически непрозрачными остаются дримонимы *Пешломá* и *Зинта́бры*. Народное сознание связывает микротопоним *Зинтабры* с татаро-монгольским нашествием. Дримоним *Пешломá*, согласно народной версии, образовался в результате стяжения словосочетания *Пешая Лома*.

Оба микротопонима дославянской топонимии. *Пешлома* содержит формат *-ома* (*Чисома, Кулома* и проч.), ареал которого находится в Рязанской, Московской и более северных областях Центральной России и относится к дославянской топонимии; топоним без регулярного форманта *Зинтабры* теоретически может быть отнесен к группе с финалом на *-ра*. Оба дримонима требуют тщательного анализа.

Некоторые народные термины не нашли отражения в топонимии, но продолжают использоваться населением в первоначальном значении. Так, термин *бокалдни*, претерпев фонетическую трансформацию *бокалдни* → *вокалдни*, по-прежнему обозначает заливаемую водой яму. Ср. у Даля: «Бакалда – глухой заливец, поемная яма, колдобина; ямина, которая заливается во-

дой по весне и остается как бы озерком...» [21: 126]). В письменных источниках XVI века в рязанском крае также отмечается использование термина *бокалды* – «туто же три перевесы бокалды» [14: 431]. В том же значении жители Григорьевского употребляют термин *бокал*. Н.Н. Алёшин, 1949 г.р.: «...бокал сзади [дома – С.Т.] Телина Володьки...», «...купался в этом бокале, в омуте».

Таким образом, микропонимия Григорьевского содержит свидетельства пребывания на данной территории дославянских племен, факты социально-экономического хозяйствования, географические термины, как продолжающиеся использоваться в прямом значении, так и перешедшие в разряд ономов, антропонимы, диалектизмы и другую ценную информацию. Микропонимы разных эпох соседствуют друг с другом, сплетая исторические факты истории села в микропонимическую картину, которую еще предстоит исследовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века (1594–1597 гг.). М.: Издательство Московского университета, 1982. 272 с.
2. Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерус. имена, прозвища и фамилии / Предисл. В. И. Буганова АН СССР. Отд-ние истории. Архив АН СССР. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Гордова Ю.Ю. Ономастическая реконструкция. Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. М.: Ленанд, 2021. 484 с.
4. Жалованная данная и несудимая грамота рязанского в. кн. Ивана Федоровича Солотчинскому монастырю на "уезд" к его селу Федоровскому. Ок. 1427-56 гг. // Рязанская энциклопедия. Т. 9. Рязань, 1992. С. 12-13.
5. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных // Сост. свящ. Иоанн Добролюбов, Том 1, Зарайск, 1884. 184 с.
6. Карта РККА N–37 (Б, юг). Рязанская область – URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_n-37-b/ (дата обращения: 08.02.2023).
7. Карта Шуберта (Специальная карта Западной части Российской Империи), 1826–1840 гг.
8. Келин Н. Взгляд на пореформенное хозяйство восточной части Зарайского уезда через призму материалов земской статистики // Суждения : исторический журнал. №11. 2003. – URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/4682> (дата обращения: 06.02.2023).
9. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / [Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман]. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
10. Ксенофонов В. Есть такая деревня // Звезда. (Михайлов). 1990. 3 марта.
11. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
12. Народный именовослов Русского Севера XV-XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень / составитель А.В. Кузнецов. Вологда : ВОУНБ, 2020. 398 с.
13. Памятники русской письменности XV-XVI вв. Рязанский край / Подгот. С.И. Котков, И.С. Филиппова; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1978. С. 82.

14. Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В.Н. Сторожева. Рязань: издание Рязанской ученой архивной комис., 1898–1904. 24 см.
15. Рязанская область. Административно-территориальное деление. Справочник. Рязань, 1997.
16. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975. (О - Опарный) / сост. Л.Ю. Астахина [и др.]. 1987. 381 с.
17. Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Материал собрали и словарь сост. Г.А. Барина, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова и др.; Под ред. И.А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
18. Смолицкая Г.П. Географический термин корь/корек // Вопросы географии Сб. 81. М.: «Мысль», 1970. С. 145.
19. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озер) / Г.П. Смолицкая; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1976. 403 с.
20. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып. 35]: Рязанская губерния: ... по сведениям 1859 года / обраб. ред. И. Вильсоном. 1862. XVIII, 168, [1] с., 1 л. к.
21. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.-М.: Изд. М.О. Вольф, 1880-1882. – URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/b08/Tolkovyi%20slovar%20Dalya%201.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
22. Топонимы Рязанской области: учебное пособие / А.А. Никольский, Л.А. Кононенко, И.Н. Хрусталёв; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2009. С. 72. URL: <https://clck.ru/33hLY3> (дата обращения: 03.11.2020).
23. Топоров В.Н. К вопросу о древнейших балто–финноугорских контактах по материалам гидронимии. Балто–славянские исследования 1988–1996: сборник научных трудов / Российская Академия наук, Институт славяноведения и балканистики, М.: Индрик, 1997. С. 325-331 [электронный ресурс] // uralistica.com [сайт]. <http://uralistica.com/group/linguistics/page/toporov-balto-finnougorskije-kontakty> (дата обращения 17.05.2020)
24. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1903. 857 с.
25. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т.IV. Рязань, 2005. 668 с.

СЯН Янань (Санкт-Петербург, Россия – Яньтай, Китай)

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
st112867@student.spbu.ru

СТРУКТУРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА-АППРОКСИМАТОРА *ТИПА* В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных реализаций в русской повседневной речи прагматического маркера-аппроксиматора *типа*, который показывает неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. Высокая частота использования данной единицы поставила вопрос о необходимости выявления ее функций (прагматических значений) в повседневном общении. Источником материала для анализа стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка. Полученные результаты могут быть полезны в практике преподавания русского языка как иностранного и в практике перевода русских художественных текстов на другие языки.

Ключевые слова: прагматический маркер, аппроксиматор, комбинация единиц, повседневная речь, речевой корпус.

Abstract. The article is devoted to the analysis of structural realizations in Russian everyday speech of the pragmatic marker-approximator *TIPA*, which shows the uncertainty of the speaker about what he/she is saying. The high frequency of use of this unit raised the question of the need to identify its functions (pragmatic meanings) in everyday communication. The source of material for the analysis was the Spoken corpora of the Russian National Corpus. The results obtained can be useful in the practice of teaching Russian as a foreign language and in the practice of translating Russian literary texts into other languages.

Keywords: pragmatic marker, approximator, combination of units, everyday speech; speech corpus.

Устная повседневная речь в последнее время стала центром внимания лингвистов самых разных направлений. Одной из причин такого повышенного исследовательского интереса можно считать тот факт, что в устном дискурсе существует большое количество особых единиц, многие из которых являются не языковыми, а речевыми, т. е. функционируют исключительно в устной речи разной степени подготовленности (спонтанности). Эти единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, попадают в повседневной речи под действие весьма активного процесса **прагматикализации** (см. о нем: [9; 14; 16] и мн. др.) и в ряде своих употреблений утрачивают (полностью или частично) лексическое и / или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц. Для них

в коллоквиалистике [11] используется термин **прагматический маркер** (ПМ) [2].

Одним из типов ПМ являются **аппроксиматоры** (ПМА) – маркеры нечеткой, или приблизительной, номинации, показывающие неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющиеся говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [8: 632]. Типичными ПМА русской повседневной речи являются *типа, как бы, вроде, или там*. Все они достаточно частотны в устной коммуникации: так, маркер *типа* имеет ранг 15 в частотном списке 60 базовых русских ПМ [9: 54]. Его IPM (**Item Per Million** – показатель частоты встречаемости на миллион словоформ; рассчитан для аннотированного подкорпуса в 300 тыс. словоупотреблений, извлеченных из корпуса русской повседневной речи «Один речевой день», ОРД [4]) составляет 280 [9: 54]. Для сравнения: наиболее частотный маркер-аппроксиматор *как бы* имеет в этом частотном списке ранг 5 и IPM в том же аннотированном подкорпусе – 900; менее частотный маркер *вроде* – ранг 23 и IPM 77. ПМА ИЛИ ТАМ встретился в аннотированном подкорпусе ОРД лишь единожды (ранг 51, IPM 3) [9: 56].

Близким к аппроксиматору является понятие **хеджа** (от англ. **Hedge** – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [17: 471]. В настоящей статье на речевом материале рассматриваются реализации ПМА *типа* в комбинации с другими единицами, как языковыми, так и речевыми. В работе такие реализации называются **структурными**. Источником материала для анализа стал устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [7].

По данным НКРЯ, единица *типа* зафиксирована в русской речи около 1937 г., и в последние десятилетия наблюдается неуклонный подъем ее употребительности, особенно в речи молодежи (по выражению одного из лингвистов, «на смену поколению *как бы* пришло поколение *типа*») (цит. по: [1]). Анализ корпусного материала показал, что слово *типа* обладает многими значениями, из которых только 30 % соответствуют его словарной дефиниции как имени существительного [1]. В роли прагматического маркера-аппроксиматора данная единица особенно частотна, ср.:

1) *Она у тебя неожиданно появляется? **Типа** так... Опа!*

В примере (1) ПМА *типа* играет роль сравнительной частицы, близкой к *вроде*. *Типа* в этом значении В.И. Подлесская относит к классу *маркеро-*

аппроксиматоров, «восходящих к словам и конструкциям со значением подобия. Так, классическим аппроксиматором в английском языке является *like*; в известной работе Andersen 1998 было показано, что *like* может входить в любые типы групп — именные, глагольные, количественные и др. В русском языке так же ведут себя такие аппроксиматоры, как *своего рода*, *типа*, *как бы* и др.» [8: 635].

Достаточно частотной структурной реализацией рассматриваемой единицы (7,4 % от общего объема комбинированных аппроксиматоров в пользовательском подкорпусе) можно считать конструкцию *что-то типа* (хедж + ПМ). Эта комбинация показывает приблизительность и нечеткость упоминаемой говорящим номинации, ср.:

2) *Да/ в нём есть определённое что-то типа героев/ класса и прочего/ прочего.*

Любопытно, что в данном контексте (2) комбинированный маркер нечеткой номинации *что-то типа* употребляется рядом с прилагательным *определённый*, которое в большинстве своих семантических разновидностей имеет значения 'твёрдо установленный', 'ясный, отчетливый', 'несомненный, безусловный' [10: 629]. Складывается впечатление, что такой комбинацией единиц говорящий словно бы хочет подчеркнуть, что он *точно не уверен* в том, о чем говорит. Получается *что-то типа* «определённой неопределённости», или «четкой нечеткости». Можно себе представить, как непросто понять такое выражение в речи собеседника или персонажа художественного произведения — иностранцу, или подобрать аналог в другом языке — переводчику.

Наиболее частотными «соседями» по речевой цепи (контактными или дистантными) для маркера *типа* оказываются различные подобные хеджи, а также другие ПМ: *там, такой, вот, как бы, так, знаешь* и т. д., ср.:

3) *Одиннадцатого числа? Типа в районе одиннадцатого числа/ по моему. Может девятого...*

В примере (3) единицы *в районе* и *может* — это типичные языковые средства хеджирования, по классификации, предложенной немецкой исследовательницей Г. Грефен [15: 7]. В данном случае хеджи усиливают неуверенность говорящего, выраженную маркером-аппроксиматором (подобная двойная интенсификация в принципе типична для разговорной речи, ср., например, подобные наблюдения над функционированием единиц *как раз таки* [3] и *совсем от слова совсем* [6]).

Очень частотны (37,0 %) в корпусном материале и структурные вариации единицы *типа*, которые образуются за счет прибавления компонента *там* и благодаря этому приобретают дополнительную хезитативную функцию (т. е. дают говорящему время подумать над следующей репликой). Кроме того, добавление такого рода слов выполняет, вполне вероятно, и ритмообразующую функцию [9: 298], ср.:

4) *Не обязательно должны быть экзотические случаи типа там го/ и вот красота позиции/ в общем довольно фиксированная/ потому что там красота она вот в расположении фишек на доске/ а вот в образах/ которые могут быть совершенно произвольные.*

Другим частотным «соседом» слова *типа* в речевом материале является ПМ *такой* (*такая/ такое/ такие*) (25,9 %), который также указывает на колебание говорящего и дает ему время подобрать нужное слово или подумать о следующей реплике, ср.:

5) *А нет/ он там по-русски кусок и кусок по-английски/ я такая типа/ ну я там отрывисто что-то поняла/ что он типа едет брать интервью у Сталина/ туда-сюда/ и вот он хочет свалить – вот посмотреть на этот голодомор/ он у него спрашивает/ как доехать или что-то в этом духе.*

Помимо рассматриваемых, в контексте (5) много и других хеджей и хезитативов (в примере подчеркнуты). Видно, сколь они разнообразны в русской речи и сколь типична в целом для устной коммуникации семантика неуверенности. Ср.: «Стратегия хеджирования направлена на ослабление иллюкативной силы высказывания [13], хеджинг придает материалу расплывчатость, снижает категоричность утверждений, может демонстрировать неполную уверенность говорящего и вместе с тем его открытость к диалогу. Согласно классической теории вежливости Браун-Левинсона [12], хеджи снижают угрозу социальному лицу говорящего» [5], что важно для построения неконфликтного общения.

В целом из проведенного анализа видно, что большое количество употреблений в повседневной речи прагматического маркера-аппроксиматора *типа* и его структурных вариантов носят откровенно незнаменательный характер и лежат полностью за рамками кодифицированного языка и лексикографической фиксации [1: 254]. Думается, что полученные результаты могут быть полезны в практике преподавания русского языка как иностранного и в

практике перевода русских художественных текстов на другие языки, особенно на китайский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян Н.В. Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 252-254.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (г. Владимир, 24-26 сентября 2019 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 86-90.
3. Богданова-Бегларян Н.В. КАК РАЗ ТАКИ как маркер двойного усиления: роль в современной русской речи и место на шкале неопределенности / конкретности // Русское языкознание и литературоведение – 2022. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Новосибирск: НГТУ, 2023. В печати.
4. Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» // <https://spbu.ru> (дата обращения: 11.01.2023).
5. Костина Е.Д. «Осторожные» интроверты и экстраверты: анализ способов хеджирования на материале монологов-рассказов об отдыхе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2022). Материалы студенческой сессии / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2022. С. 1-5 [Электронный ресурс] <https://www.dialog-21.ru/dialogue2022/results/dopmat/2022/students/> (дата обращения: 11.01.2023).
6. Локалина Ю.С. Интенсификация в языке и речи на примере наречия *СОВСЕМ* // Социо- и психолингвистические исследования. № 10, 2022. С. 59-62.
7. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.01.2023).
8. Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631-643.
9. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
10. Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К – О. Изд. третье, стер. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
11. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.
12. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
13. Fraser B. Forthcoming. "A Brief History of Hedging." In Vagueness in Language, Stefan Schneider (ed.). Bingley: Emerald Publishing, 2013. P. 201-213.
14. Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
15. Graefen G. "Hedging" als neue Kategorie? Ein Beitrag zur Diskussion. LMU-München, 2000. S. 1-13.
16. Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer

(eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77-107.

17. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. № 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. P. 458-508.

ТАМАЗЯН Валентина Артуровна (*Коломна, Россия*)

аспирант
Государственный социально-гуманитарный университет
tamazyan.valentina@yandex.ru

**КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» КАК КОМПОНЕНТ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ М. ПОЛОЗНЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме языковой личности персонажа в художественном тексте. В центре авторского внимания находится концепт «пространство», являющийся одним из важнейших компонентов характеристики языковой личности М. Полознева, главного героя повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Концепт «пространство» является единицей тезаурусного уровня, репрезентантами которого выступают имена существительные различной семантики, глаголы движения, местоименные наречия, которые образуют полевою структуру, что позволяет сделать вывод о лингвокогнитивной модели концепта.

Ключевые слова: языковая личность, концепт «пространство», лексическая репрезентация, лингвокогнитивная модель.

Abstract. The article is devoted to the problem of the linguistic personality of a character in a literary text. In the center of the author's attention is the concept of "space", which is one of the most important components of the linguistic personality of M. Poloznev, the main character of A.P. Chekhov's story "My Life". The concept "space" acts as a unit of the thesaurus level, which is represented by nouns with different semantics, verbs of motion, pronominal adverbs forming a field structure, that concludes the linguistic and cognitive model of the concept "space".

Keywords: linguistic personality, concept "space", lexical representation, linguistic and cognitive model.

В рамках антропоцентрической парадигмы понятие «личность» «является центральным ... в ряде наук как дисциплинарного, так и междисциплинарного цикла, таких как философия, психология, антропология, филология..., лингводидактика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и т. д.» [6: 196], в связи с чем актуализируется научное «изучение взаимоотношений личности и языка» [6: 213], что в итоге привело к возникновению термина «языковая личность».

Значительный вклад в теорию языковой личности внесли Г.И. Богин [1], А.А. Ворожбитова [4], Ю.Н. Караулов [10], разработавшие приоритетные модели языковой личности, на основе которых в современной лингвистике базируются различные подходы к языковой личности, представленные в работах Т.Г. Винокур [3], Ю.В. Казарина [8], В.И. Карасика [9], В.В. Красных [11], В.А. Масловой [13] и др.

В нашем исследовании мы опираемся на трехуровневую модель языковой личности, предложенную Ю.Н. Карауловым. Она состоит из следующих уровней: «нулевой или вербально-семантический уровень (в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей); лингвокогнитивный уровень, или тезаурус (в качестве единиц следует рассматривать обобщенные ... понятия, крупные концепты, идеи); мотивационный, или прагматикон (единицами этого уровня выступают коммуникативно-деятельностные потребности личности)» [10: 52–53].

Под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым нами понимается «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, ... реконструированная в своих основных чертах на базе языковых средств» [10: 38]. Мы придерживаемся положений о том, что языковая личность персонажа художественного текста (художественный образ) «отождествляется с реальной личностью» [14: 3] и что «при рассмотрении языка конкретного персонажа мы должны отвлекаться от самой личности автора» [14: 3].

В центре внимания находится концепт «пространство», являющийся важным компонентом в характеристике языковой личности М. Полознева, главного героя повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Средствами лексической репрезентации концепта выступают имена существительные, глагольные и наречные лексемы, которые образуют полевою структуру.

Повесть А.П. Чехова «Моя жизнь», посвященная рассказу о судьбе Мисаила Полознева, голос которого и «пронизывает ... повествование» [16: 88], принадлежит к позднему периоду творчества писателя (1896–1904 гг.). Наш исследовательский интерес связан с изучением дискурса главного героя произведения, т.е. в центре внимания оказывается «персонажная субъектная речевая сфера» [16: 16], что обусловлено самой структурой повествования. В повести представлен новый тип «героя прозы Чехова конца 80 – начала 90-х годов, ищущий истину и смысл жизни ..., взволнованно и страстно размыш-

ляющий о главных проблемах бытия» [16: 68], что и актуализирует семантика заглавия «Моя жизнь».

Мисаил Полознев, будучи дворянином, выбирает для себя путь «опрошения», т.е. становится рабочим и отдает предпочтение «физическому труду» вместо «интеллектуального», т.к. «небогатые ... и необразованные люди» [15: 351], к которым себя относит сам герой, «добывают себе кусок хлеба физическим трудом» [15: 351]. Отсюда и главный конфликт произведения: неприятие отцом образа жизни сына и пренебрежение сына к интеллектуальному труду отца, который «служит оправданием праздной, беззаботной жизни, т. к. сам он не что иное, как обман» [15: 354]. Таким образом, жизненный путь Мисаила становится испытанием для него самого и тех людей, которых любит герой.

К числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации мира и знаний о нем – форм языкового сознания, – как известно, относятся пространство и время [2: 27]. Концепт «пространство» характеризует «протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность» [12: 87], моделируя пространственно-временные координаты «человеческой жизни, тем самым определяя все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство» [12: 88] и т. д. В творчестве каждого писателя он получает «индивидуально-авторское осмысление, в частности, в совокупности лексических средств репрезентации в художественном тексте» [6: 425].

В повести А.П. Чехова «Моя жизнь» концепт «пространство» «имеет лингвокогнитивную модель и представлен ядром и системой периферийных средств» [5: 180], которые с учетом их частотности и семантики «находятся на разном расстоянии от ядра и образуют полевою структуру» [5: 180].

Условно лексемы, относящиеся к концепту «пространство» можно разделить на следующие семантические группы:

- топонимы: *Америка* (1), *Бышеевка* (1), *Дубечня* (24), *Кимры* (1), *Тула* (1), *Куриловка* (8), *Макариха* (5), *Одесса* (1), *Петербург* (9), *Большая Дворянская* (9) и т. д.;

- слова, именующие пространство: *аллея* (1), *вокзал* (4), *город* (54), *гостиная* (8), *двор* (18), *деревня* (6), *дом* (42), *зал* (7), *комната* (29), *кухня* (13), *сад* (32), *улица* (18) и т. д.;

- глаголы движения: *бегать* (4), *возвращаться* (10), *выйти* (10), *гулять* (1), *стоять* (14), *ходить* (17) и т. д.;

- слова, указывающие на признак по месту, направлению, пределу в пространстве: *тут* (13), *там* (11), *где-то* (5), *куда-то* (2), *куда-нибудь* (2), *вверх* (4), *вперед* (3) и т. д.;

– средства перемещения: *беговые дрожки* (2), *подводы* (5), *телега* (2) и т. д.

Ядром концепта «пространство» является лексема *город* и её дериваты, что обусловлено частотностью её употребления в дискурсе Мисаила (под дискурсом мы понимаем «совокупность текстов данного лица, которые могут составить ... целостную характеристику ... индивидуальной языковой личности» [10: 70] персонажа художественного текста). Жизнь Мисаила протекает в мещанском городе, в котором он родился и вырос. Особое внимание обратим на противоречивое отношение героя к городу, что, на наш взгляд, объясняется сменой Мисаилом социальной роли и его взаимодействием с другими людьми. Контекстуальная значимость лексемы *город* обусловлена её взаимосвязью с лексемами со значением бытия *жить* и *жизнь*, а также с лексемами со значением общего наименования лиц, наименования лиц по социальному положению, полу и возрасту: *человек*, *общество*, *народ*, *дворянин*, *рабочий*, *девушки*, *мальчики* и др., что позволяет утверждать, что бытие Мисаила и окружающих его людей определяется рамками города. Особое внимание обратим на тот факт, что город, выступая в сознании Мисаила олицетворением «пошлого, мещанского существования» [15: 366], уничтожает все «маломальски живое и яркое» [15: 471]. В этом состоит основная причина отказа героя находиться среди людей своего сословия, что вызывает, в свою очередь, стремление найти близких себе по духу людей среди рабочих. Проиллюстрируем сказанное: *К тому же в городе у меня была дурная репутация оттого, что я не имел общественного положения...* [15: 355]; *К сожалению, он (отец) был у нас единственным архитектором, и за последние 15–20 лет ... в городе не было построено ни одного порядочного дома* [15: 355]; *Я любил свой родной город, ... но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки* [15: 365]; *Я знал, что Кимры добывают себе пропитание сапогами, что Тула делает самовары и ружья, что Одесса портовый город, но что такое наш город и что он делает – я не знал* [15: 365]; *Город наш существует уже сотни лет, и за всё время он не*

дал родине ни одного полезного человека – ни одного! [15: 471]; *Город лавочников, трактирщиков, канцеляристов, ханжей, ненужный, бесполезный город, о котором не пожалела бы ни одна живая душа, если бы он вдруг провалился сквозь землю* [15: 471] и т. д.

Мисаил не понимает и не принимает мещанский образ жизни городских жителей. На родной город герой смотрит с позиций его полезности для других людей, т. е. его производительности (обратим внимание на такие качественные характеристики города, как *ненужный, бесполезный*), но город не приносит никакой пользы. В городе процветает жестокость, обман, а люди, проживающие в нём, полны суеверий. О себе и о других они судят только по общественному положению, поэтому среди дворян Мисаил не имеет авторитета, его не понимают и осуждают.

Первую дифференциальную сему концепта «пространство» репрезентируют лексема *дом* (42), а также лексемы, связанные с его внутренним устройством: *буфет* (1), *гостиная* (8), *зал* (7), *комната* (29), *кухня* (13), *чердак* (2) и т.д.: *И почему-то все эти выстроенные отцом дома ... смутно напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый ... я как сейчас вижу узкие сенцы, узкие коридорчики, ... у фасада упрямое, черствое выражение, линии сухие* ... [15: 356] и т. п.

Внутреннее убранство дома, как известно, характеризует его хозяина. Отец Мисаила, городской архитектор, – человек деспотичный и упрямый, не способный на прощение и сострадание, поэтому у домов, им выстроенных, *линии сухие, у фасада черствое и упрямое выражение*. Инженер Должиков пускает с молотка имения и наживается на этом, поэтому его дом похож скорее на музей, чем на жилое помещение. Обретая богатство путем череды обманов, он ставит себя выше других и оскорбляет собственных рабочих, поэтому Мисаил уходит со службы у Должикова. У самого Мисаила нет собственного дома: *В доме у меня была своя комната, но жил я на дворе в хибарке* ... [15: 357]; *Живя здесь, я реже попадался на глаза отцу ..., и мне казалось, что если я живу не в настоящей комнате и не каждый день хожу в дом обедать, то слова отца, что я живу у него на шее, звучат уже как будто не так обидно* [15: 357]. Таким образом, раскрывается глубина конфликта между отцом и сыном. Отец попрекает сына куском хлеба, не говоря уже об отсутствии у того профессии и общественного положения, поэтому выбор рабочей профессии и скитаний Мисаила по разным углам: то к няне Кар-

повне в Макариху, то в Дубечню, то к Редьке – вполне закономерны: *Я уже не жил на Большой Дворянской, а в предместье Макарихи, у своей няни Карповны, ... которая всегда предчувствовала что-нибудь дурное* [15: 383] и т. д.

Важно отметить, что комнаты, в которых живет Мисаил, лишены индивидуальных черт. Исключением является лишь дом в Дубечне, который герой выбирает для проживания со своей женой Марией Викторовной.

Вторую дифференциальную сему концепта «пространство» репрезентируют лексемы *Большая Дворянская* (9), *улица* (18), *деревня* (6), *Дубечня* (24), *сад* (32) и т.д., характеризующие пространство города или деревни, т.е. открытое пространство: *Мы жили на Большой Дворянской – это была главная улица в городе, и на ней по вечерам, за неимением порядочного городского сада, гулял наш beau monde* [15: 354]; *Дубечня – так называлась наша первая станция – находилась в семнадцати верстах от города ...* [15: 369] и т. д.

Предполагая, что жизнь с Марией Викторовной в Дубечне будет наполнена счастьем и сельскохозяйственными работами, Мисаил вынужден пережить жестокое разочарование не только в сельском хозяйстве, которого он «не любит и не понимает», но и в Марии Викторовне, которая, наигравшись в мещаночку, бросает разрушенную Дубечню и самого героя. Таким образом, восприятие Мисаилом Дубечни кардинально меняется: теперь это уже не милый сердцу уголок для влюбленных, а неприглядное, плохо благоустроенное для жизни место, где герой уже не видит ничего приятного.

Ежедневный путь Мисаила из дома на работу, из Дубечни в поле или сад и т. д. имеет циклический характер, так как его перемещения повторяются изо дня в день, тем самым подчеркивая обыденность жизни героя. В первой главе Мисаил перемещается из дома (хибарки) на Большую Дворянскую улицу и возвращается домой, во второй главе из дома отца – в дом Ажогиных и дом Должикова и т. д. Так реализуется сема движения в повести.

Подытоживая сказанное, сформулируем следующие выводы: концепт «пространство» является важным компонентом языковой личности главного героя повести А.П. Чехова «Моя жизнь» Мисаила Полознева; он имеет лингвокогнитивную модель и репрезентируется в тексте именами существительными с различной пространственной семантикой (*город, улица, сад* и т. д.), глаголами движения (*ехать, ходить, бежать, гулять* и т. д.), местоименными

ми наречиями (*там, тут, куда-нибудь, где-нибудь* и т. д.); важная роль в его создании принадлежит глаголам движения, причем перемещения Мисаила имеют циклический характер и ограничены пространством города и деревни. Пространство в повести обладает такими характеристиками, как открытое и закрытое, расширяющееся и сужающееся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Модель языковой личности и её отношение к разновидностям текстов. – URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 09.04.2021)
2. Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 26-35.
3. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенции и реакции // Язык и личность. М.: «НАУКА», 1989. С. 11-23.
4. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.
5. Дубова М.А., Тамазян В.А. Концепт «пространство» как компонент характеристики языковой личности А.И. Боброва (на материале повести А.И. Куприна «Молох») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6. С. 179-184.
6. Дубова М.А., Ларина Н.А. Пространственные параметры модели мира в рассказе В. Брюсова «Бемоль» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1(74). С. 425-426.
7. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
8. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 132 с.
9. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
11. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: «ФЛИНТА», «НАУКА», 2011. С. 214-217.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 296 с.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
14. Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2011. 22 с.
15. Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь. М.: Время, 2019. 480 с.
16. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Издательство «Наука», 1971. 292 с.
17. Чурилина Л.Н. Языковая личность в художественном тексте: монография. М.: Флинта, 2017. 239 с.

УСМАНОВА Лилия Аббаровна (Казань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

ЕРОФЕЕВА Ирина Валерьевна (Казань, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru

ФАЙЗУЛИНА Наиля Ивановна (Казань, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
nelya7@mail.ru

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ *СНЕГ* В КОНТЕКСТЕ БЫТИЙНОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация: В статье описываются особенности функционирования лексемы *снег* в предложениях с бытийной семантикой. Исследование проводится на материале произведений И.А. Бунина, где экзистенциальные конструкции являются доминантными. Авторы приходят к выводу, что полифункциональная направленность данных предложений способствует целостному восприятию человеком природы как «вездесущей стихийной силы жизни», через которую он постигает гармонию и красоту мира, познает законы бытия и мироздания.

Ключевые слова: вещественно-процессуальная семантика, бытийность, синтагматика, синкретичность.

Abstract. The article describes the features of functioning of the lexeme *snow* in sentences with being semantics. The study is based on the works of I.A. Bunin, where existential constructions are dominant. The authors come to the conclusion that the polyfunctional orientation of these sentences contributes to a person's integral perception of nature as the "omnipresent elemental force of life", through which he comprehends the harmony and beauty of the world, learns the laws of being and the universe.

Keywords: material-procedural semantics, beingness, syntagmatics, syncretism.

Проблема соотношения понятий Человек и Природа в рамках современного антропоцентризма предполагает ее рассмотрение сквозь призму их изоморфической взаимосвязи и взаимозависимости, проведение параллели между структурами Вселенной и духовной структурой личности, что подтверждает идею Н. Кузанского о единстве макро- и микромира. В человеке как микрокосме содержится образ единого и завершенного универсума, а в человеке все достигает своей высшей степени, следовательно, можно предположить, что за разгадкой тайн о человеке кроется разгадка тайн бытия.

Одним из путей постижения человека является язык, отражающий когнитивные и коммуникативные аспекты его существования. Концептуализация и дискретизация мира человеком связана с выделением определенных объектов, явлений, процессов и их означиванием в единицах разной степени сложности, обобщенности, абстракции, выраженных в семантических единицах разного языкового уровня. Более всего, по словам Н.Д. Арутюновой, антропоцентричность проявляется в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса [2: 3].

В центре нашего внимания находится лексема *снег* в конструкциях бытийного типа, проанализированных на материале художественного дискурса И.А. Бунина. Рассматриваемая лексема национально специфична, по словам Г. Гачева, это «важнейшее на Руси слово <...> связанное с горизонтализацией пространства», оно заключает в себе информацию о климатических особенностях России, национальном характере народа и складе мышления, помогая тем самым раскрыть специфику национального Логоса [1: 9, 188].

К пониманию «живого» восприятия мира, ближе всего, конечно же, художники, мастера слова, способные посредством «живого» слова сохранять мир в его первородной целостности, «неосколочности». Поэтическое слово с древнейших времен воспринимается как духовная истина, наделенная божественной энергией. Попадая в пространство художественной речи, слово под пером мастера, поворачиваясь к читателю разными гранями своих смыслов, может «высвечивать» альтернативные способы восприятия и постижения мира, показывая окружающий мир в полноте его чувственных переживаний и впечатлений.

Выбор произведений И.А. Бунина неслучаен. Как отмечают буниноведы, антропокосмизм писателя проявляется во взаимосвязи природы и бытия человека, их одновременной сопряженности и суверенности, человек у него – не абсолютный центр Вселенной, и природа не поглощает человека полностью.

В поэтическом наследии писателя экзистенциальные предложения отличаются регулярной воспроизводимостью, они становятся универсальной формой представления абсолютно разных ситуаций в индивидуально-авторской картине мира: от бытия природных объектов до психологических состояний субъекта [3: 256].

Когнитивные признаки снега как реалии отражают представление о нем и как о процессе, и как о веществе, следовательно, одни из них соотносятся с состояниями и действиями, а другие – со свойствами и качествами.

В вещественно-процессуальной семантике лексемы *снег* заключены древние представления о нерасчлененности имени, обозначающей одновременно и некую совокупность мелких частиц, и процесс. Наряду со словами *мука, песок, искры, звезды* и т. п. данное слово входит в ряд объектов с семантикой множества [4: 84].

Семантика данного имени обуславливает специфику ее синтаксического поведения, сочетаемостный потенциал. Для экзистенциальных предложений это в первую очередь сочетаемость с делексикализованными и лексикализованными глаголами.

Основной группой делексикализованных глаголов являются глаголы с компонентами, показывающими протекание события во времени: *идти (шел, пошел)* и др.: ***Шел снег и таял*** (Ермил); ***Шел снег эти дни, а снегу только и ждали в дворе Серого, чтобы дорога поправилась к свадьбе*** (Деревня); ***И так проводила она дни и ночи, пока не пошел первый, мокрый снег*** (Велга).

Событийная семантика раскрывается в односоставных номинативных предложениях бытийного (событийного) типа. Семантика лексемы *снег* ориентирована на временную характеристику явления, описываемая «область бытия» может указывать на некий отрезок времени, имеющий регулярность проявления. Темпоральный локализатор в этом случае ощущается как необходимый элемент описания: *Синеют тучи. Скоро снег* (Пустыня, грусть в степных просторах...).

Введение номинативных предложений отражается на общей тональности текста, придает повествованию эмоционально-взволнованное, экспрессивное звучание, создает напряженную ритмическую структуру. Большую смысловую нагрузку имеет также интонационная наполненность предложения, которая усиливает авторское отношение к описываемому событию и настраивает читателя на определенное его восприятие.

Сдвиг бытийной семантики в сторону характеристики достигается благодаря употреблению определений с темпоральной семантикой: ***Зазимок, первый снег!*** (Антоновские яблоки); ***Первый снег, первая метель!*** (Худая трава). Имя в этом случае из позиции ремы переходит в тематическую часть высказывания.

Актуализация качественного признака описываемого объекта имеет тенденцию к выводу высказывания за пределы бытийного типа: *О, какой белый, чистый снег!* (Новая дорога).

В анализируемом материале обнаруживаются постоянные, повторяющиеся приемы и способы оформления сочинительных рядов. Как отмечают бунинисты, его картины созданы преимущественно по паратаксистическому принципу, «когда всюду преобладает сочинение, а не подчинение, все называется последовательно и отсутствует та опорная деталь, вокруг которой формируется интегральный образ. Эти картины – произвольная россыпь мгновений, мозаика мельчайших частиц, они обладают зернистой структурой, все элементы которой существуют в одном масштабе и равноположны друг другу» [5: 38].

Совокупность, нагромождение, множество сменяющихся деталей более содержательно, чем сам выбор деталей. Перечисление становится способом создания тех или иных ассоциаций, передающих авторское восприятие жизни как «зернистое полотно, усыпанное точками» [5: 49]: *То дождь, то град, то снег, как белый пух* (Северная береза).

Как показывает наш материал, особенность бунинского стиля заключена в распространении, расширении структуры предложения присловными или неprisловными компонентами – атрибутивным определителем при субстантиве, сравнением или компонентом каузативного, локативного, темпорального и другого значения, что сопряжено с наращением смыслов, осложнением содержания высказывания о природной реалии, повышением семантической емкости текстов.

Расширение семантики высказывания, осложнение смысла достигается за счет употребления лексикализованного глагола, который выявляет характеризующий признак объекта (снега), является естественным для него: *валить, падать, лететь, заносить, мелькать (в воздухе)* и др. Так, сема «большое количество, масса» и «длительность процесса» у глагола *валить* способна притягивать прилагательные, атрибутивно-именные сочетания типа *непроглядный, густой, дремотными хлопьями*, наречия типа *густо*, усиленные частицы, которые способствуют интенсификации семантики большого количества снежной массы: *А на другой день одолела зима, еще гуще валил снег, к вечеру поля потерялись в тумане вьюги* (Игнат); *Снег хлопьями*

валил на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящий сапожок со шпорой, крепко поставленный на железный отвод (Игнат).

Типичны для контекстного окружения данного глагола конструкции времени, выраженные существительными в винительном падеже без предлога, которые имеют значение непрерывности, длительности или определенного временного отрезка (*весь день, тот день, двое суток, два дня* и др.): *И Ермил стал готовиться к ним. Снег валил непроглядный, весь день* (Ермил).

Благодаря семантическому согласованию с именем лексикализованный глагол сохраняет семантику бытийности предложения (при присутствии на втором плане характеризующих отношений).

Для указания степени интенсивности процесса используются конкретизаторы - атрибутивные компоненты, повторы и др.: *Я сидел и наслаждался даже этим сухим металлическим жаром, его березовым и чугунным запахом, а за окнами все валил и валил сизо-белый снег, и все время как будто близилась сумерки...* (Жизнь Арсеньева. Юность).

Выход в более широкий контекст дает автору возможность представить картину бытия в синкретичной слитности чувственных восприятий, показывая человека в неделимом единстве с природой. Отличительный признак описываемой реалии может быть раскрыт в придаточном, причастном обороте или обособленном предложении. Предикативные и атрибутивные «кусты», характеризующие снег, активно используются совместно в пределах одного контекста, составляя целые «текстовые ансамбли» и представляя описываемое явление во всей полноте.

Атрибутивный блок может быть представлен в виде качественно-определяющих конструкций с элементами интенсифицирующего значения типа *такой, что...*: *Снег и теперь еще падает, но такой редкий, что виден он только на темной глубине в раскрытых воротах конюшни* (Хороших кровей), в виде неориентированной анафорической связи типа *тот, что...*: *На город густо валил дремотными хлопьями тот великопостный снег, что всегда обманывает своей нежной, особенно белой белизной, будто уж совсем близка весна* (Жизнь Арсеньева. Юность). Монопропозитивность смысловой организации присубстантивно-определяющей конструкции ориентирована на сужение области потенциальных референтов имени, во второй части дается модусно-метатекстовая оценка события.

Интенсификация может проявляться также в рамках бессоюзных предложений с распространительно-присоединительным значением, в которых местоименное слово с количественным значением акцентирует степень проявления события и передает степень его воздействия на автора: *Мне показалось, что даже и снег валил в тот день какой-то совсем особенный - так поразил он меня своей белизной и свежестью в ту минуту* (Жизнь Арсеньева. Юность).

Семантика силы и интенсивности может передаваться и всей фразой, расширенным контекстным окружением глаголов движения, указывающих на динамичный характер явлений (*мчится, летит, мелькает* и др.). Различные прилагательные и наречия могут отображать разные стороны процесса: указывают на структуру снега, его интенсивность или прерывистость (*редкий, острый, мелкий, непроглядный* и др.; наречия *бешено, сильно, беспорядочно, косо* и др.). Развертывание контекста по типу радиальной связи, когда фрагменты связываются с общей темой «пучкообразно», позволяет представить ситуацию с разных сторон: *Снег при этом бешено и беспорядочно мчится по лесу, непритворенная дверь в сенцах с необыкновенной силой бьет в стену, а собаки, которые лежат в них, утопая в снегу, как в пуховых постелях, жалобно взвизгивают сквозь сон, дрожа крупной дрожью...* (Сосны).

Событийная семантика лексемы *дождь* может реализовываться в безличных предложениях как косвенно присутствующий субъект, выраженный формой творительного падежа: *Несет острым мелким снегом, снег косо летит по ледяному, скользкому асфальту пустого приморского бульвара и больно сечет в лицо каждому еврею, что, засунувши руки в карманы и сгорбившись, неумело бежит направо или налево* (Сны Чанга). Семантика глагола *сечет*, в значении которого уже присутствуют семы «силы», «интенсивности», «нанесения удара», подчеркивается контекстным окружением и усиливается за счет него.

Итак, рассмотрение дискурсивной валентности лексемы *снег* в произведениях И.А. Бунина является подтверждением его слов о неразрывном единстве природы и человека: «...Нельзя отделить человека от природы, ведь каждое движение воздуха - движение нашей собственной жизни...» (Лица). В текстовом пространстве произведений И.А. Бунина обычно представлено комплексное освещение лексемы *снег*, при этом оно не заключается в рамках

словосочетания, а выходит в более развернутый контекст и получает распространённый характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
2. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Инд-во «Индрик», 1999. 424 с.
3. Селеменова О.А. Экзистенциальные предложения как характерная черта синтаксиса поэтических текстов И.А. Бунина // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 256-272.
4. Славянские древности: Этнолингвистический словарь В 5-и тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с. (Институт славяноведения РАН).
5. Сливичкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

ФЕДОРЧЕНКО Евгения Алексеевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Российская таможенная академия
fedorchenko-ee@mail.ru

ИННОВАЦИИ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРАВА (на материале наименований с терминологическим элементом «регуляторный»)

Аннотация. В статье рассматриваются новые юридические термины с компонентом «регуляторный» с точки зрения их функционирования в словообразовательной системе русского языка. Установлено, что данное терминологическое гнездо формируется в результате различных языковых процессов. Изучаемые термины образуются при контаминации семантического и синтаксического способов терминообразования. Языковые единицы «регуляторная гильотина» и «регуляторная песочница» являются кальками. Выявлены структурные варианты терминов. Описаны отдельные аспекты семантики, синтагматики и парадигматики данных терминов.

Ключевые слова: термин, терминообразование, терминологическое гнездо, семантика, синтагматика.

Abstract. The article considers new legal terms with the "regulatory" component from the point of view of their functioning in the word-formative system of the Russian language. It is established that such terminological family of words is formed as a result of various linguistic processes. The author has revealed that these terms are formed by the contamination of semantic and syntactic methods of term formation. The language units "regulatory guillotine" and "regulatory sandbox" are calques. Some terms have structural variants. The paper describes the semantic, syntagmatic and paradigmatic features of these terms.

Keywords: term, term-forming, terminological family of words, semantics, syntagmatics.

Развитие системы отраслевого знания и его структурирование неразрывно связано с процессами терминообразования, направленными на расширение и углубление научной информации. Системность терминологии как одна из её основных характеристик проявляется на различных уровнях языка, в том числе и на уровне словообразования – в усилении тенденции к гнездовому терминообразованию во всех отраслевых терминосистемах, что было отмечено еще В.П. Даниленко [1: 207]. Однако различные подходы к пониманию терминологического гнезда в современном терминоведении [3; 10 и др.] позволяют непротиворечиво представить отдельные структурные типы терминологических гнезд. При этом формирование сложных, гибридных информационных структур, характеризующихся включениями в терминологические гнезда отраслевого терминополья терминологических калек, дериватов на основе контаминации нескольких способов терминообразования, требует уточнения отдельных теоретических положений.

Применение к терминологии понимания словообразовательного гнезда общелитературной сферы употребления языка как упорядоченной отношениями производности совокупности слов, характеризующихся общностью корня [9: 42], неполно характеризует терминологические гнезда, дериваты которых образованы при помощи специфичных способов терминообразования [6: 58-83]. А дефиниция терминологического гнезда как словообразовательного гнезда, состоящего из терминов и возглавляемого непроизводным термином [10: 89], исключает возможность формирования гнезда терминов на основе производной номинативной единицы (терминологической единицы аналитического типа). Всё это предопределяет актуальность изучения явления «гнездования терминов» в системе отраслевого научного знания.

Обратимся к юридическим терминам аналитической структуры, имеющим терминологический элемент **регуляторный**.

Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления, в том числе в процессе подготовки и проведения в настоящее время в Российской Федерации административной реформы, приводит к появлению в научном юридическом дискурсе ряда терминов с терминологическим элементом **регуляторный** (дериват от термина «регулятор»).

В общей сфере употребления производный ЛСВ лексемы **регулятор** [< лат. regulare приводить в порядок, налаживать] – ‘то, что регулирует, направляет развитие чего-л.’ [7: 423]. Юридический термин **регулятор** образован

лексико-семантическим способом от указанного производного значения общеупотребительного слова (семантическая структура термина задана дефиницией).

В юридическом дискурсе термин **регулятор** (то же, что и **правовой регулятор**, **регулятор в праве**) является номинантом категории, не однозначно понимаемой специалистами. Так, А.В. Михайлов пишет: «До настоящего времени в юридической науке не выработано единого понимания **регулятора**. Существует два основных подхода к определению содержания категории **регулятор**. Во-первых, **регулятором называют уполномоченный орган государственной власти, который вправе принимать правила поведения для субъектов права. К регуляторам при таком подходе относятся министерства РФ, федеральные службы и федеральные агентства, а также – в определенных случаях – органы исполнительной власти субъектов России и муниципальные органы.** <...> Во-вторых, под **правовым регулятором** понимают правовые средства воздействия» [5: 133-134].

Семантически тождественные наименования аналитического типа **правовой регулятор**, **регулятор в праве**, образованные на основе контаминации лексико-семантического и синтаксического способов терминообразования, вместе с наименованием **регулятор**, представляют ряд терминологических вариантов. Наличие такого ряда создаёт условия для последующей интерпретации термина **регулятор** как краткого варианта терминов аналитической структуры. (Фактически функционируют омонимичные формы - однословный термин и краткий вариант терминов аналитической структуры.) При этом необходимо отметить, что явления вариантности в терминологии чрезвычайно распространены во многих активно развивающихся терминосистемах [8].

Образованное от термина **регулятор** прилагательное **регуляторный** – в соответствии с продуктивным словообразовательным типом имен прилагательных – имеет значение 'относящийся к регулятору, свойственный регулятору'. При использовании слова **регуляторный** в качестве терминоэлемента в синтаксическом терминообразовании составные термины получают названный смысловой компонент и, как следствие, способность номинировать широкий спектр разнообразных специальных сущностей: **регуляторные онто-единицы** (нормы и их комплексы, нормативные акты и их совокупности), **регуляторные технологии**, **регуляторные эксперименты** и т. д.

При этом необходимо понимать особенности структурирования информации, представляемой такими терминами, в терминосистеме. И одновременно признать, что учёные по-разному структурируют научную информацию в системе отраслевого научного знания, а это неизбежно получает отражение на языковом уровне.

Обратимся к монографии М.В. Дегтярева *«Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы»*, в названии которой представлена значительная часть терминологического гнезда [2]. (Попутно заметим, юридический термин «регуляторная гильотина» – только ед.ч.!) Термин **регуляторные технологии** является гиперонимом к ряду терминов-гипонимов. Однако внешне совпадающие по формальным признакам гипонимы (*регуляторный эксперимент*, «регуляторная гильотина», «регуляторная песочница» и др.) не тождественны в аспекте терминообразования. Одни термины образованы в русском языке при одновременном действии синтаксического и семантического способов терминообразования, например, *регуляторный эксперимент* (отметим соотносительные номинации в других языках: англ. – «experimental legislation»; франц. – «législation expérimentale»; испан. – «legislación experimental»; нем. – «experimentelle gesetzgebung»). Другие термины – «регуляторная гильотина», «регуляторная песочница» – при формальном сходстве являются кальками, «которые обычно считаются разновидностью заимствований» [6: 30]. Однако необходимо учитывать тот факт, что калькированные термины в русском языке приспособляются к реалиям иной правовой системы, повторно дефинируются в рамках нового терминологического поля. При этом в различных научных концепциях они могут приобретать различные дефиниции, подвергаться значительному семантическому развитию.

Термин русского языка «регуляторная гильотина» является полной терминологической калькой: «guillotine réglementaire» (франц.), «regulatory guillotine» (англ.), то есть образуется путем перевода составного термина другого языка при сохранении метафоризации значения основного терминологического элемента – имени существительного. В научных трудах представлены различные дефиниции данного термина, каждая из которых требует детального анализа синтагматики языковых единиц в профессиональном контексте. Например: «*“Регуляторная гильотина” – это кампания по пересмотру действующих обязательных требований в значительном количестве сфер регулирова-*

ния, направленная на их совершенствование (упрощение, актуализацию, упорядочивание), в результате которой происходит массовая отмена ранее действовавших нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования» [4: 9]). Полагаем, достаточно очевидным является факт неточного словоупотребления: не *кампания*, а *технология*. Поскольку термины – это рационально созданные слова, научные дефиниции терминов отражают языковую компетентность, особенности индивидуального стиля субъекта речевой деятельности.

Калькой является и интернациональный термин «регуляторная песочница» (иногда звучит «регулятивная песочница») от англ. «regulatory sandbox», франц. «sandbox réglementaire», испанск. «caja de arena reglamentaria»). «Регуляторная песочница» – это экспериментальная технология, которая позволяет организациям тестировать инновационные продукты, услуги, решения и бизнес-модели в определенной области и в течение определённого ограниченного периода времени под надзором правового регулятора [2: 96].

При этом остаются вопросы, как в плане семантики и парадигматики (выражения гиперо-гипонимических и гипо-гипонимических отношений) соотносятся употребляемые не всегда последовательно в научных текстах терминологические единицы «регуляторные технологии», «(регуляторные?) инструменты» «инструменты регуляторного эксперимента», «экспериментальные регуляторные технологии»? При отсутствии законодательных дефиниций интерпретационный потенциал данных наименований в научных текстах чрезвычайно высок. Поэтому на данном этапе развития системы отраслевого знания непротиворечиво выстроить терминологическое гнездо, включающее указанные наименования, сложно. Но кодифицировать данные термины, в силу их высокой частотности употребления, необходимо.

Таким образом, формирование в юридическом дискурсе терминологического гнезда, объединяющего новые термины с термином элементом «регуляторный», отражает определенную информационную структуру, находящуюся на начальном этапе её становления. Наряду с терминами, образованными в русском языке при использовании ресурсов национального языка, в состав терминологического гнезда входят терминологические кальки, подвергающиеся в течение определенного времени семантическому развитию, адаптации к новой правовой системе. Терминологическое гнездо, формируемое в результате различных языковых процессов, является инструментом структурирова-

ния, систематизации научного знания при формировании и развитии отраслевой терминосистемы. При этом общий терминологический элемент – зависимый компонент – ряда терминов аналитической структуры в плане систематизации научного знания оказывается не менее значимым, нежели собственно гнездообразующий термин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
2. Дегтярев М.В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы. М.: Буки Веди, 2022. 424 с.
3. Зайцева А.С., Сложеникина Ю.В. Широкое и узкое понимание терминологического гнезда // Языковые аспекты профессиональной коммуникации в современной образовательной среде. М.: РИО Российской таможенной академии, 2019. С. 26-34.
4. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Синятуллин Р.Х., Чаплинский А.В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С.4-27.
5. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере деятельности предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн.6. С. 133-141.
6. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996.
7. Словарь иностранных слов. М., 1982.
8. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М., 2023. 120 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 1. М.: Астрель: АСТ, 2003. 860 с.
10. Тихонова Е.Н. Словообразовательные гнезда в системе современной экономической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 87-96.

ФЕДОСЕЕВА Лариса Николаевна (*Рязань, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Академия ФСИИ России
In-fedoseewa@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Елена Михайловна (*Рязань, Россия*)

старший преподаватель
Рязанская православная духовная семинария
mitkina1961@yandex.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В статье представлено понятие прототипа. Прототипический подход к семантике определённых языковых единиц проиллюстрирован важнейшими пространственными оппозициями «верх – низ», «левый – правый», значение которых берёт начало в мифах и верованиях древних славян. В качестве примеров употребления лексем использованы паремии, идиомы.

Ключевые слова: прототип, семантика, миф, паремии, идиомы.

Abstract. The article presents the concept of a prototype. The prototypical approach to the semantics of certain linguistic units is illustrated by the most important spatial oppositions: "top – bottom", "left – right", the meaning of which originates from the myths and beliefs of the ancient Slavs. Paroemias and idioms are used as examples of the use of lexemes.

Keywords: prototype, semantics, myth, paroemias, idioms.

Понятие прототипа связано с представлениями о культурно значимых предметах, событиях, фактах, зафиксированных в концептах [6]. Прототипический подход к семантике языковых единиц предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах [4]; [5]; [8]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, прототип – «это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определённого инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях – наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [1: 184].

Так, одна из важнейших оппозиций в пространстве – «верх – низ». В основе данной оппозиции лежит архаичное представление о верхнем и нижнем мирах в мифологической модели (мифы о верхней и нижней сторонах вещи, поступка, явления). У славян существовал миф, повествующий о борьбе Перуна, живущего

вверху – на небе, на вершине Мирового дерева, с Велесом, божеством нижнего мира, «скотским богом», стада которого – души умерших. Верх одерживал победу над низом, что увенчивалось дождём, несущим плодородие. Оппозиция «верх – низ» запечатлелась в целом ряде идиом: *на верху блаженства* ('испытывать крайнее удовольствие, удовлетворение'), *с верхом* ('больше нормы' или 'больше обещанного'), *по верхам* ('легко и поверхностно, невнимательно'), *ниже своего достоинства* ('унизительно, оскорбительно'), *ниже всякой критики* ('неудовлетворительно, без выполнения элементарных требований'), *низвергнуть в прах* ('развенчать, растоптать'), *низринуть в прах* ('убить, уничтожить').

С положением низа связана в русском языке семантика таких фразеологизмов, как *гнуть спину*, *гнутья в три погибели*, *снимать шапку*, *ползать на коленях*, *бить поклоны*, в основе значения которых лежит мифологема 'становиться ниже ростом, сознательно занимать положение внизу'. Ср.: *унижаться*.

Таким образом, идея верха, заключённая в идиомах, является прототипом к понятиям 'приятно', 'много', 'легко', а идея низа – к понятиям 'унизительно', 'оскорбительно', 'некачественно', 'убийственно'.

Оппозиция «левый – правый» также опирается на миф. Он повествует о том, что каждый человек имеет рядом с собой и злого, и доброго духов: добрый ангел-хранитель располагается справа, а бес-искуситель – слева, например в паремии: *Бес слева ходит да на грех наводит*. Ср. также: чтобы не сглазить, нужно *плевать через левое плечо*; а свечу в храме нужно *передавать только через правое плечо*. Под левым в мифе понимается все ненормальное, несправедливое, отчасти – чужое, незнакомое. Это объясняет семантику целого ряда идиом, например: *встать с левой ноги* (изначально: 'начать день под властью злого духа', а в современном осмыслении: 'проснуться в плохом, мрачном настроении, раздражённым, рассерженным'), *писать левой ногой* ('писать небрежно, не заботясь о качестве'), *споткнуться на левую ногу* ('споткнуться и неудачно упасть'), *левые деньги* ('случайно доставшиеся, иногда полученные нечестным путём'), *левые доходы* (то же, что *левые деньги*), *левая работа* ('случайная, временная, иногда связанная с нарушением закона') и т. д.

В.В. Колесов в предисловии к книге «История русского языка в рассказах» размышляет о судьбе слов *правый* и *левый*. До XV века слово *правый* обозначало не то, что справа от человека (для этого использовалось слово *десный*), а то, что правильно, справедливо, честно. Слово *левый* также не обозначало направления, оно имело другие значения: 'кривой, ложный, не-

честный'. «Сказка недаром сохранила указание: «налево пойдешь – смерть найдёшь». Левая сторона в сказке – сторона злой силы, левый царь – недобрый царь, левая часть – подземное царство» [3]. В XI веке слово *левый* сменяло более раннее *шуий* ('левосторонний'), сохранив и прежние значения. *Десный* же сохранялось в языке до середины XV века и по-прежнему обозначало 'правосторонний', значения 'прямой', 'справедливый' все ещё были связаны со словом *правый*.

«Слова *правильный, правда, прав* и другие относятся ко всему, что находится в гармонии с эволюционным развитием нашей Вселенной, имеющей свастичную форму и вращающейся по часовой стрелке, в правую сторону. Древние народы хорошо это знали, поэтому свастика испокон веков являлась символом благополучия, гармонии и процветания во многих культурах мира, она до сих пор украшает священные храмы Востока (жаль только, что Гитлер исказил её смысл в глазах многих людей, сделав символ гармонии во Вселенной своим талисманом и атрибутом нацизма). Согласно верованиям древних славян, космические миры условно разделяются на три типа: Высшие, Средние и Низшие планетные системы, или Правь, Явь и Навь. Любые поступки, способствующие духовному прогрессу и приводящие человека в высокие миры Прави, называются правильными или в своём определении содержат корень *прав*: *правдивый, праведный* и т. д. (то же самое прослеживается и в английском языке). Славяне испокон веков назывались православными, так как прославляли путь прави, ведущий к Богу, гармонии и любви. Любые же действия, ведущие к деградации личности, назывались неправильными, или левыми (*левый товар, пойти налево, продать налево* и т. д.). Поэтому правильными называют находящиеся в гармонии с мирозданием, способствующие нашему духовному развитию, здоровью и процветанию поступки», – отмечает А.Е. Усанин [7: 45].

Противопоставление правого – левого приобрело в сознании носителей русского языка глобальный смысл: оно вошло в систему правовых отношений. Например: *гражданские права, правовая основа, правовые институты, правовое поле* и т. д. Слово *правый* получило значение правильного, справедливого, способного к власти, оно связано со словами *право, правда, справедливость: правая рука* ('первый помощник', 'надежный человек'), *правое дело* ('справедливое, достойное дело'). Слова *правительство, управлять* также этимологически восходят к слову *правый*, включая в себя развившуюся в нем сему 'правильный, справедливый'. С мифом связан обычай подавать правую руку при приветствии.

Эти «подтексты» отражаются в поговорках, большинство из которых включает слово *правый* в значении «правильный, справедливый»: *Суд правый кривого дела не выправит (а кривой суд правое скривит); Чья воля старше, та и правее; Чем старше, тем правее, чем моложе, тем дороже; Виноватый винится, а правый ничего не боится; Кто правого винит, тот сам себя язвит; На деле прав, а на бумаге виноват; У правого уши смеются, а у виноватого и язык уныл; Ходи право, гляди браво; Старая крепь (т.е. крепость) правее; Правого Бог правит* [2].

Таким образом, оппозиция «правый – левый» выступает в качестве прототипической к понятиям ‘правильный, справедливый’ – ‘неправильный, несправедливый, ненормальный’ соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2006. 530 с.
3. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб.: Авалон – Азбука-классика, 2005. 224 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-416.
5. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. С. 370-389.
6. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке. Рязань: РИО РязГМУ, 2013. 385 с.
7. Усанин А.Е. Как спасти ребенка от разрушающего влияния современного мира // Благодарение с любовью. №5. 2012. С. 43-49.
8. Langacker R.W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization \ Ed. By J. Nuyts and E. Pederson. Cambridge, 1997.

ФЛЯГИНА Марина Валерьевна (*Ростов-на-Дону, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет
flyagina_75@mail.ru

МИКРОТОПОНИМЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале донских названий)

Аннотация. Каждой отдельной территориально ограниченной языковой микросистеме свойственно особенное топонимическое, точнее микротопонимическое, пространство. Изучение микротопонимии способствует не только и не столько исследованию ономастической картины мира, сколько характеристике лексической системы отдельных говоров и диалектной системы языка в целом. К микротопонимам

относятся различного рода собственные наименования географических объектов, известных в границах одного или нескольких смежных говоров. Микропонимы чаще, чем другие классы топонимических названий, образуются на базе диалектной лексики. Изучение микропонимов с учетом их географических привязок имеет практическое значение: может быть использовано при составлении диалектных словарей и атласов.

Ключевые слова: микропоним, диалектная лексика, диалектный язык.

Abstract. Each individual territorially linguistic microsystem is characterized by a special toponymic, or rather micro toponymic space. The study of micro toponymy contributes the characterization of the lexical system of individual dialects and the dialect system of the language as a whole rather than the study of the onomastic picture of the world. Micro toponyms more often than other classes of toponymic names are formed on the basis of dialect vocabulary. The study of micro toponyms, taking into account their geographical references, is of practical importance: it can be used in compiling dialect dictionaries and atlases.

Keywords: micro toponym, dialect vocabulary, dialect language.

О значении топонимических данных для истории языка, истории народа и его культуры говорят на протяжении последних двух столетий, а лексико-семантический анализ топонимов может дать интересные результаты как для самой топонимики, так и для диалектологии. Ученые не раз обращали внимание на диалектную лексику как на один из надежных источников пополнения топонимического фонда. При этом основу топонимического пространства отдельно взятого говора образуют, как известно, микропонимы. Каждой отдельной языковой (территориально ограниченной) микросистеме свойственно, как правило, свое особенное топонимическое, точнее микропонимическое, пространство. Поэтому изучение микропонимии способствует не только и не столько исследованию онимастической картины мира, сколько характеристике лексической системы отдельных говоров и диалектной системы языка в целом.

Объем и содержание термина «микропоним» в топонимической науке понимается неоднозначно.

Для микропонимов характерно указание на какое-либо свойство объектов, например: *Долгой Колодезь, Кривой Колодезь*. Поэтому важным свойством микропонимов помимо ограниченности употребления является их обусловленность лексическим значением слова, положенного в основу названия. К микропонимам можно отнести различного рода собственные наименования географических объектов, известных в границах одного или нескольких смежных говоров, поскольку представляется, что именно в пределах от-

дельно взятого говора существуют необходимые условия для образования имен собственных как маркеров единичных, известных узкому кругу носителей языка наименований. Поэтому микротопонимы чаще, чем другие классы топонимических названий, образуются на базе диалектной лексики.

Классифицируя донские микротопонимы, мы выделили следующие группы названий: 1) наименования, связанные с особенностями местного рельефа (микрооронимы); 2) наименования естественных и искусственных водных источников (микроргидронимы); 3) наименования географических объектов, связанных с хозяйственной деятельностью людей.

В первую группу входят микротопонимы, характеризующие названия возвышенностей, холмов, оврагов, балок, низменных мест, рытвин, объектов нанорельефа. Группа наименований достаточно многочисленная, большинство таких микротопонимов образованы от орографических терминов как общерусского, так и диалектного происхождения: *лог, лощина, балка, верх, яр, бугор, скель, скельник, падина* и др.

В группе микроргидронимов (названий небольших рек, их частей, протоков, заливов, озер и прудов, болот и болотистых мест, ручьев, родников, колодцев и т. п.) представлены наименования, образованные разными способами. Наиболее продуктивным в этой группе, как и в предыдущей, является синтаксический способ словообразования.

В третью группу микротопонимов мы отнесли наименования географических объектов, связанных с хозяйственной деятельностью людей – покосов, пастбищ, мест ловли рыбы и под. Здесь представлены в основном двухсловные единицы, содержащие общеупотребительные и диалектные опорные слова типа *займище, лука, выгон, поле, урочище, покос, сена, скородянка, луг, ставок*.

Важность изучения микротопонимов не вызывает сомнения, поскольку она может дать ответ на многие вопросы истории и теории языка, дополнит сведения о лексическом составе говоров. Представляется также возможным учет географических привязок микротопонимов при составлении диалектных словарей и атласов.

ХОДЖАКУЛОВА Шахло Аскарровна (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
shahlo19700520@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ «ТЁТЯ» И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ

Аннотация: Узбекский и русский языки, хотя и отличаются друг от друга по генетическому происхождению и грамматическому строю, тем не менее, в них имеются семантические сходства отдельных лексических единиц, что подтверждается содержательным планом отдельных терминов родства.

Ключевые слова: *термин, наука, исследования, лексика, язык, значения, словарь.*

Как известно, терминами родства передаются значения близких кровных родственных отношений людей независимо от их полового различия. Например, семантические связи узбекского термина *жиян* и русского *племянник, племянница*, узбекского *амма*, русского *тетя* «тетя по отцу» характеризуются тем, что они выражают кровные родственные отношения между людьми разного возраста.

Значение «тетя» как инвариантная семантическая единица состоит из значений «тетя по линии отца» и «тетя по линии матери». «Тетя по линии отца» в узбекском языке передается через лексему *амма*, в русском - *тетя*, «тетя по линии матери» в узбекском языке выражается лексемой *хола*, в русском, *тетя*.

М. Саидова отрицает предположения М. Исмоилова о том, что узбекский термин *хола* «тетя по линии матери» заимствован из арабского языка. Среди тюркских языков он сохранился только в узбекском языке. М. Саидова, основываясь на мнении алтаеоведа В.И. Цинциуса, полагает, что генезис термина *хола* связан со словами древне тунгусско-маньчжурского языка *хол омани* «старшая мать», «бабушка». Первый компонент данного слова *холл* имел значение «большой», второй – *омани* – «мать», слово *хола* в узбекском языке является результатом сложных фонетических процессов в виде: *холахо (дахолда)*. В статье М. Саидовой отмечается, что слово *хола* в современном тунгусо-маньчжурском языке относится к архаическим единицам.

Для значений «племянник», «племянница», «жиян» свойственен характер инвариантности. Основными их вариантами являются следующие: «племянник по брату», «племянник по сестре», «племянница по брату», «племян-

ница по сестре», которые, в свою очередь, являются инвариантами по отношению к конкретной их реализации.

В узбекском языке эти значения выражаются описательным способом – словосочетаниями: *акамнинг ўғли//ўғил жияним* – «племянник по старшему брату», *укамнинг ўғли* «племянник по младшему брату» *акамнинг қизи* «племянница по старшему//младшему брату».

В русском языке значение «племянник по брату» передается посредством лексемы *племянник (сын брата)*, значение «племянница по брату» посредством лексемы *племянница (дочь брата)* (по отношению к тетям по отцу).

Значения «племянник//племянница по брату» и «тетя по отцу» объединены в семантические строения двух ФСМС:

- 1) «тетя по отцу – племянник»;
- 2) «тетя по отцу – племянница».

В узбекском языке ФСМС терминов родства со значением «тетя по отцу – племянник» и «тетя по отцу – племянница» передается через один и тот же парадигматический ряд, *амма – жиян* (экономия лингвистического знака).

ФСМС терминов родства со значением «тетя по отцу – племянник» в русском языке реализуется посредством парадигматического ряда ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница» парадигматического ряда. Отсюда следует вывод о том, что семантическая структура терминов родства *жиян* в узбекском языке намного сложнее по сравнению с семантической структурой русских эквивалентов *племянник, племянница*.

В семантическом строении ФСМС со значением «тетя по отцу – племянник» (*амма-жиян//тетя-племянник*) и ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница» (*амма-жиян//тетя-племянница*) во взаимосвязанном виде имеют три семантических компонента: 1) «тетя»; 2) «племянник», «племянница»; 3) «отец племянника, племянницы». Компонент «отец племянника, племянницы» ФСМС со значением «тетя – племянник» и ФСМС со значением «тетя – племянница» носит имплицитный, негативный характер, два других – эксплицитный.

Различие между ФСМС со значением «тетя по отцу – племянник» и ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница» очевидно, оно определяется по отношению к признаку естественного рода семантических структур компонентов «племянник» и «племянница». Каждый компонент ФСМС со значением «тетя по отцу – племянник» и ФСМС со значением «тетя по отцу - пле-

мянница» представляет собой сложную семантическую структуру. Например, в семантическом строении первого эксплицитного компонента «тетя по отцу» (узбекского *амма*, русского *тетя*) существует и значение «сестра» (по отношению к отцу племянника, племянницы), а другой эксплицитный компонент, кроме «племянник», «племянница» значение «сын», «дочь» (брата).

В свою очередь, семантическая структура негативного, имплицитного компонента ФСМС со значением «тетя по отцу – племянник» и ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница» состоит из значений «отец» (сына, дочери), «старший брат» (по отношению к младшей тете племянника, племянницы), «младший брат» (по отношению к старшей тете племянника, племянницы).

Эквивалентную характеристику имеют ФСМС терминов родства со значением «тетя по матери - племянник» (узбекского *хола-жиян*, русского *тетя-племянник*,) и ФСМС со значением «тетя по матери – племянница» (также: *хола-жиян//тетя-племянница*). В семантических строениях этих ФСМС в качестве негативного, имплицитного компонента выступает слово «сестра» (мать племянника, племянницы). Семантическая структура остальных компонентов не отличается от семантической структуры компонентов ФСМС со значением «тетя по отцу -племянник» и ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница».

Наиболее сложными представляются компоненты ФСМС терминов родства со значением «тетя по отцу – племянник», ФСМС со значением «тетя по отцу – племянница», ФСМС со значением «тетя по матери - племянник», ФСМС со значением «тетя по матери – племянница» по отношению к интегральным и дифференциальным признакам их семантической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л. 1972.
2. Словарь русского литературного языка / Под ред. В.И. Чернышева 1950-1965.
3. Ўзбек тили изоҳли луғати. М., 2006.
4. Саидова М.Ш. Сингил терминининг генезиси ҳақида // В ст. Республика ёш тилшуносларининг анъанавий илмий конференцияси материаллари..Тошкент, 1993.
5. Ўзбек классик адабиёти асослари учун қисқача луғати. Тошкент, 1983.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
7. Девону луғотит. турк. Индекс. Тошкент: Фан, 1967.

ХУЖАНОВА Озода Таджиевна (Термез, Узбекистан)

доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Термезский государственный университет
ozoda.xuzhanova@bk.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ОТРАЖАЮЩИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С МОНГОЛИЕЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается история становления и развития дипломатических отношений между Россией и Монголией. Особое внимание в статье занимает вопрос о лексической содержательности памятников русской деловой письменности.

Ключевые слова: история, развитие, язык, памятник, письменность, дипломатические отношения.

Abstract. This article discusses the history of the formation and development of diplomatic relations between Russia and Mongolia. Particular attention in the article is occupied by the question of the lexical content of the monuments of Russian business literature.

Keywords: history, development, language, monument, writing, diplomatic relations.

Исследуемые нами памятники деловой письменности охватывают период, начиная с XVI по XVIII века. Это важный исторический рубеж, оказавший существенное влияние на всю последующую историю отношений России с Востоком. Как известно, в этот период в Монголии возникает Джунгарское ханство, которое сыграло определенную роль в истории Центральной и Средней Азии. В начале XVII века часть коренного населения Джунгарии откочевала в пределы Российского государства, приняла Российское подданство и в низовьях Волги образовало особое монголоязычное Калмыцкое ханство в составе России. В исследуемых нами памятниках письменности, в частности, в статейных списках, доездах русских послов, «сказках» и расспросных речах служилых людей, ездивших с различными поручениями в Монголию, содержатся материалы о политических отношениях и событиях в монгольских улусах.

Согласно историческим данным, в Монголии господствовал ламаизм, в связи с этим ламаистская церковь превратилась в крупнейшую политическую силу, игравшую огромную роль во внутренней и внешней истории страны. Распространение ламаизма на первых порах привело к развитию культуры и

грамотности. Документы также свидетельствуют об огромном росте влияния и могущества ламаистской церкви в этот период, об активном вмешательстве лам в политическую жизнь страны и ее взаимоотношения с Россией и другими странами. В середине XVII века происходило расширение и укрепление политических, экономических и культурных связей России с восточными странами, в том числе и с Монголией. Несмотря на то, что основное внимание России в тот период было направлено на Запад, царское правительство не жалело сил на освоение территорий и в Сибири, так начался обмен посольствами.

Основное место в текстах русско-монгольских документов занимали три вопроса: 1) вопрос о «шерти», 2) вопрос о киштымах – местных племенах и народах, которые раньше платили дань монгольским феодалам, а после перехода в русское подданство платившим этот ясак только Русскому государству, 3) вопрос о торговле.

Первый вопрос играл главную роль в посольских переговорах, так как правительство ставило перед посольствами задачу мирным дипломатическим путем добиться от монгольских владельцев дачи шерти, то есть принесения присяги на верность московскому царю. Присяга давалась на священной книге, в частности, коране. В исследуемых нами документах есть факты, свидетельствующие об ошибочном употреблении восточного экзотизма *коран*. Например, в «Указе царя Михаила Федоровича, по докладу Приказа Казанского дворца, об отправке посольства Я.Е. Тухачевского и Д. Агаркова для приведения к шерти Алтын–хана и вручения ему подарков» от 1633 года, находим подтверждение: «...Алтыну–царю, за себя и за братью свою и за детей и за внучат... за всю свою орду дати правду на куране...» [2: 191]. Алтын–хан был ламаистом и не мог давать шерть на коране. Эта ошибка была допущена русскими послами в силу того, что они почти не были знакомы с ламаизмом и буддизмом. К такому заключению приходят и издатели этого сборника документов [2: 313].

Что касается второго вопроса, то основным лицом, платившим дань, был киштым. Нами отмечена более ранняя фиксация восточного экзотизма *киштым* (1617) со следующей дефиницией «лицо, платившее натуральный налог на Руси».

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» экзотизм *киштым* свидетельствует в Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданными Археографической комиссией, под 1667 годом: «И великихъ государей ясачные люди,

Тубинские князцы, и киштымы, розбѣжались от него [мугальского царевича] въ Камень и въ черные лѣса» [3: 145]. Но при этом он оставлен без объяснения.

В «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» восточный экзотизм *киштым* характеризуется так: «Тот, кто платит дань» [5: 95]. Здесь же идентичное объяснение дано первоначальной форме глоссы «ясачный» – *ясак* «налог, которым облагались народы Сибири в Московском государстве» [5: 313].

Центральное место среди всех анализируемых источников занимают документы, отражающие торговые связи, при создании которых составители употребляли названия ввозимых в страны Востока русских изделий из кожи, деревянной посуды, мехов, а также наименования восточных одежд, тканей, привозимых с Востока в Россию. Каждое из этих изделий, естественно, имело своё наименование. Особое внимание среди них привлекают названия тканей и одежды восточного происхождения: *фарабат, лас, камка, киндяк, зуфрян* и др. Например, экзотизм *лас* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует в значении «сорт шелка» в «Материалах ...» под 1620 годом: «А как тот Маметько приехал в Казань, и в Казани в таможене объявил и записал шолк в продажу фарабат и лас, а как поехал в Нижней и в отпуске объявился шолк аряской на против привозу» [4: 173]. Лексикографические источники русского языка не отмечают данный восточный экзотизм. В Персидско–русском словаре под редакцией Ю.А. Рубинчика он объяснен так: «لاس [lās] ... 1) шёлковые очёски; 2) низкосортный неочищенный шёлк» [1: 415].

Таким образом, рассмотренные нами «восточные экзотизмы, как элементы языковой картины мира, обладают как устойчивыми свойствами, репрезентирующими непреходящие ценности в сознании народа, так и переменными свойствами, связанными с политическими, социальными, экономическими и другими условиями жизни народа» [6: 4].

Как указывает вышеизложенный материал, национальная одежда, ткани, ввозимые восточными и русскими купцами, служили не только подарком русскому и монгольскому царям, но и способствовали вхождению восточных экзотизмов в лексическую систему русского языка.

Тематика деловых памятников была разнообразной и выходила за рамки официального отчета, поэтому в текст документа проникали элементы разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Персидско-русский словарь. Изд. 2-е./ Под редакцией Ю.А.Рубинчика. М.: Русский язык, 1983. Т. II. С. 415.
2. Русско-монгольские отношения 1607-1636. Сборник документов. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. С. 191.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 145.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 173.
5. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 95.
6. Хужанова О.Т. Роль восточных экзотизмов в памятниках русской деловой письменности XVI – XVII вв. Термез: Сурхон-нашр, 2021. 130 с.

ЦВЕТАЕВА Елена Николаевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
elenatsvetaeva@yandex.ru

ПАНКРАТЬЕВА Елена Сергеевна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
helene-sergeevna@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЛИТЕРИРОВАННЫХ БИНАРНЫХ ФРАЗЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассматриваются бинарные фраземы (биномиалы), типичные для многих индоевропейских, в том числе германских языков, аллитерированная разновидность которых является наиболее развитой в немецком языке. Явление это само по себе достаточно древнее, результатом данного обстоятельства стало существование в немецком языке большого количества подобных фразем как в качестве самостоятельных единиц, так и в составе глагольно-именных конструкций с разной степенью идиоматичности (*über Stock und Stein, Haus und Hof, Himmel und Hölle, mit Zagen und Zaudern, Ross und Reiter, in Glanz und Gloria, durch dick und dünn gehen* и мн. др.). Однако и в современном немецком языке регулярно происходит образование *ad hoc* конструкций, возникающих, как правило, благодаря аллитерации, свойственной языку (*Gerauf und Gerangel, Knarren und Knarzen, alles blitzte und blinkte* и т. п.).

Такое уподобление формы представляет собой один из видов идиоматичности, проявляющийся в усложненности способа указания на денотат. Аллитерация является в том числе и риторической фигурой, которая использу-

ется для разных целей. И если, возникнув в отдаленные исторические эпохи, это явление берет свое начало в языке поэзии и языке права (продолжая существовать в них и по сей день), типично и для фольклора в самых разных проявлениях, то сегодня аллитерацию активно эксплуатирует и язык рекламы, так же клишированно и стереотипно, как в свое время фольклор.

Примечательно «оживление» некоторых конструкций под влиянием экстралингвистических факторов (например, в период пандемии переживала своего рода возрождение бинарная фразема *Leib und Leben* в языковых ситуациях, описывающих чрезвычайную угрозу для жизни человека).

Отличительной чертой семантики рассматриваемых комплексных единиц является не соединение противоположных величин (как это часто бывает в парных конструкциях), а совмещение подобных понятий, порой являющих собой отношение к общему синкретическому смысловому началу, некоторые из которых представляют собой скрытую историческую тавтологию, с течением времени развившуюся в новое понятие в рамках парной фраземы.

ЧЕКИНА Анастасия Артемовна (*Санкт-Петербург, Россия*)

аспирант, преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
fillinfolk@gmail.com

СИНТАКСИС И ПРАГМАТИКА ОДНОЙ ОБРЯДОВО-ЭТИКЕТНОЙ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Аннотация. На материале архива кафедры русского языка СПбГУ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» рассматривается синтаксис и прагматика одной обрядово-этикетной формулы, произносимой в ситуации стирки / полоскания белья (*Беленько!*). Выявляется синкретичная функция жанра-формулы. Определяется символический смысл ядерного компонента с корнем *бел-*. Делается вывод о многофункциональности синтаксической структуры обрядово-этикетной формулы народной речи.

Ключевые слова: обрядово-этикетная формула, народная речь, синтаксис языка фольклора, диалогическое единство, прагматика.

Abstract. The material from the archive of the Russian Language Department of St. Petersburg State University "Spiritual Culture of the Russian North in Folk Literature" examines the syntax and pragmatics of one ritual and etiquette formula pronounced in the situation of washing / rinsing the laundry (*Belen'ko!*). The syncretic function of the genre-formula is revealed. The symbolic meaning of the kernel component with the root *bel-* is

determined. The conclusion about the multifunctionality of the syntactic structure of ritual and etiquette formulas of folk speech is made.

Keywords: ritual and etiquette formula, folk speech, folklore language syntax, dialogical unity, pragmatics.

Синтаксис языка фольклора, как следует из ряда специальных исследований [1; 7; 10; 14] отдельных устнопоэтических текстов, характеризуется специфическими чертами, часто обусловленными онтологической связью этих текстов с живой устной речью. Так, например, З.К. Тарланов указывает, что «синтаксис пословиц – это всегда синтаксис живой народной речи определенного периода, доведенный до совершенства» [14: 39]. И далее утверждает: «Синтаксис пословиц и синтаксис живой народной речи – это вещи одноплановые, равнозначные» [Там же]. Очевидно, что для жанров более сложной художественной организации (песни, былины, духовного стиха) это положение требует известных оговорок. Однако оно совершенно справедливо при квалификации общего строя малых речевых форм народной речи, в частности – обрядово-этикетных формул, имеющих разное происхождение, но выполняющих важнейшие функции традиционного общения.

Необходимо отметить, что зачастую специфика синтаксиса обрядово-этикетных формул народной речи определяется прагматической семантикой. Такие формулы всегда употребляются в определенных ситуациях в исключительно прагматических целях. В настоящей статье на материале архива кафедры русского языка СПбГУ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (далее – Архив СДК) подробно рассматривается обрядово-этикетная формула, произносимая в ситуации стирки / полоскания белья:

Если бельё полощешь, а идёт кто, дак скажет: «Белёнько!». А ты ответишь: «Спасибо!» и дальше работаешь [СДК: 1987. Сковятино, Череповецкий р-н, Вологодская обл.].

Когда полощешь бельё в воде, а вдруг кто-то проходит мимо, дак он сказать должен: «Белó на воде!», а ты и ответишь: «Спасибо!» [СДК: 1987. Средние Чудьи. Череповецкий р-н, Вологодская обл.].

– А идёшь, и вдруг бельё полощут, говорят: «Беленько» или «Беленько Вам». Так вообще слыхивала я с юных лет [СДК: 1999, Тверская обл., Осташкинский р-н].

– *Здравствуй-то, худо говорили, а раньше дак: «Помогай бог». Стирала, дак скажут: «На́бело, Бог на́ помочь».* [СДК: 1985, д. Засурье; Архангельская обл., Пинега].

Как видно, рассматриваемая формула, почти всегда представляет собой диалогическое единство, состоящее из обязательных реплики-стимула и реплики-реакции, как их называет исследователь вологодских говоров Л.Ю. Зорина [5]. Важно отметить, что это строго ритуализованное общение, имеющее форму традиционного диалога и выполняющее две синкретичные этикетные функции – приветствие и благопожелание. В целом материал Архива СДК даёт следующие варианты этой формулы:

Беленько .../ Вам / тебе

Беленько полощи

Белó на воде

Бело стирать / мыть

Набело, Бог на помощь.

Предполагая форму устного общения, эти формулы представляют собой синтаксические конструкции разговорной речи, которая в самом общем виде характеризуется обрывочностью, недосказанностью, но при этом – содержательной ёмкостью (*Беленько! Бело на воде!*). Очевидно, что перед нами пример эллиптической конструкции, особенностью которой является «устранение глагольного компонента, которое не возмещается контекстом или ситуацией» [11: 138]. Такие конструкции А.А. Шахматов, например, относил к неполным предложениям без глагола (отсутствие предиката) и называл их нарушенными [17: 30-31], что вполне характерно для синтаксиса живой речи [18]. При этом важно, что «устранение глагольного сказуемого не препятствует в этом случае самостоятельному функционированию предложения» [11: 138], т. е. устная коммуникация от этого не страдает, тем более – исконно ритуализированная, построенная на традиционных речевых формулах-символах.

В наших примерах каждая первая реплика диалогического единства является собственно приветственной и представляет собой усеченную эллиптическую конструкцию в оптативном (пожелательном) наклонении. Как известно, пожелание – это «адресованное слушающему изъявление желания добра, здоровья и т. п., причём слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [2: 181]. Если условно восстано-

вить исходное благопожелание, то получится привычная пожелательная конструкция <Пусть будет> *беленько!* В ответ на это зачастую высказывается привычная и вполне ожидаемая этикетная формула-благодарение – *Спасибо!* В Русской грамматике-80 такие речевые единицы обозначаются как слова-предложения, которыми называются «отдельные словоформы или сочетания определенных слов, закрепившие за собой ту или иную коммуникативную функцию и произносимые с соответствующей интонацией» [9]. Например, «выражения приветствия и ответа на него, благодарности и реакции на благодарность, пожелания, просьбы, поздравления и ответа на них: *Здравствуй(те); До свидания; Прощай(те); С добрым утром; Добрый день; Привет!; Мое почтение; Счастливого пути; Всего хорошего!; Всех благ*» [Там же], что вполне созвучно и с рассматриваемой конструкцией ответной реплики. Допустимо предположить, что «спасибо» в качестве ответной реплики в этой традиционной диалоговой формуле – не единственно возможный вариант, а скорее всего, – относительно поздний, репрезентирующий ставшую наиболее частотной форму благодарности (из «спаси Бог») [4: 288]. Характерная деталь – в ряде текстов ответная реплика отсутствует, информанты её попросту опускают: либо по причине того, что она очевидна и абсолютно ожидаема, либо, напротив, потому, что она забыта современным носителем говора.

Тем не менее рассматриваемую обрядово-этикетную формулу в том виде, в котором она предстает в наших записях, можно обозначить как конструкцию с нереализованной валентностью. Это вполне объясняется, с одной стороны, особенностями устной разговорной речи, с другой – тем обрядом, при котором участникам диалога не нужно объяснять правила заданной коммуникации, поскольку они обладают этим знанием подсознательно и произносят обрядово-этикетную формулу, потому что «так принято».

Очевидно, что ядерным компонентом формулы являются слова с семантикой корня *бел-*, представленные разными вариантами наречий: *беленько, бело, набело*. Безусловно, в нём заключён сильный символический смысл, распространяемый в целом на прагматическую ситуацию ритуала «стирки / полоскания белья».

Этимологически корень *бел-* соотносится во многих языках, где означает примерно одно и то же. В словаре Фасмера указано: «бел, белá, белó, укр. білий, ст.-слав. бѣль, болг. бял, сербохорв. бїѡ, бијѹела, словен. bēl, чеш.

bíly, польск. biały, в.-луж., н.-луж. běty. Исконнородственно др.-инд. bhālam "блеск" (здесь и далее выделено мной – А.Ч.), bhāti "светит, сияет", греч. πεφήσεται "явится" (от φαίνω из *φάνιω), πέφη· ἑφάνη (Гесихий), лит. boiúoti "отливать белым, белеть", лтш. bāls "бледный, блеклый", лит. balas "белый", греч. φάλος· λευκός (Гесихий), φάλιος "светлый, белый", кимр. bal "белолицый", алб. ballë "лоб", др.-исл. bál "огонь", далее лит. balà "болото", báltas "белый"» [16]. Как видно, основное значение этимона – 'блестеть, светить, сиять, отливать белым, белеть; светлый, белый'.

Это подтверждается и в сравнительном этимологическом словаре О.Н. Трубачева: «albus, candidus 'белый' (SJS), болг. бял, диал. бел, бел **'белый; прозрачный, чистый'** (Младенов БТР; Георгиев) 'белый' (Plet. I, 17), диал. bela ж. р. – об овце (Sasel, Ramovs 101), чеш. bily, прилаг. **'белый, светлый'**, bile v ocích 'бельмо', словц. biely **'белый', 'светлый', 'седой'** (SSJ I, 94), в.-луж. bely 'белый' (Pfuhl 13—14), н.-луж. bely **'белый, светлый, ясный', 'чистый'** (Muka St. I, 28), полаб. Vole, прилаг. м. р. 'белый' (Polanski – Sehnert 44), польск. biały 'белый'); бело ср. р. 'рассвет, раннее утро' (костр., Филин 2, 216), ст.-укр. бѣлый **'белый', 'чистый', 'седой'** (Тимченко I, 172), билый (Арх. ЮЗР. I, 1, 183—1583 г., Тимченко I, 90), укр. білий **'белый', 'чистый'** (Гринченко I, 64), блр. белы 'белый'. Праслав. *bělъ довольно близко к реконструируемому кельт. *belos **'светлый, блестящий'**, ср. галльск. Belenus, эпитет Аполлона (см. W. Prellwitz ВВ XXII, 1897, 80; Pokorný I, 119)» [19: 79]. Однако здесь заметно и «новое» значение корня бел- – белый, т. е. 'чистый, прозрачный'.

В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесов дает следующее толкование, важное для наших рассуждений: белый – это 'лишённый собственно цвета и каких-либо цветовых примесей, и потому сохраняющий исконные блеск и чистоту'. Этот цвет «в большей степени присущ окружающему человеку миру, чем самому человеку, который легко покрывается грязью и теряет белизну». [12: 36]. К тому же в работах по исторической лексикологии В.В. Колесов [6] отмечает, что белый – это в первоначальном значении 'блестящий, прозрачный', т. е. невидимый. А вот значение 'чистый' развилось довольно поздно (1583) и стало второстепенным значением слова, которое фиксируется и в наших записях конца XX – нач. XXI столетий.

Кроме того, в словаре «Славянские древности» указывается, что белый цвет в народной символике – один из основных цветов, наряду с красным и чёрным. Белый цвет может означать чистоту [15: 151–153].

О символизме белого цвета (в соотношении с красным), как известно, писал и А.А. Потебня, связывая значение слова-цвета с магическими и мифологическими значениями явлений, которые оно называло: «Как белый, так и первообраз слова *яркий, ярый*, от света и огня (Ярило, солнечный праздник) переходит к белому цвету (*ярый* воск), желанию и любви (*ярость*, млр. *яровитый*, страстный)» [8: 28]. Эпитет *ярый* здесь употребляется в значении 'белый, блестящий, яркий' [Там же]. Интересно, что Потебня отмечает особый смысл белого цвета – символа любви и красоты. «Хотя значение красоты могло образоваться здесь и без посредства белого цвета, прямо от света – огня, но тем не менее белизна – символ красоты», что следует иметь в виду относительно рассматриваемой прагматической ситуации стирки / полоскания белья. «В сыскном деле о ворожеях (XVII век, см. Забелин, 486, 487) сохранился заговор, произносившийся при сожигании воротов рубашечных: “Какова бела рубашка на теле, таков бы муж до жены был” или “столь бы муж был светел”. Отсюда видно, что бел = мил» [8: 28]. Так, «значение белого цвета выходит из того, что он символ любви: мыть *бело* значит любить». Можно предположить, что в нашем благопожелании хозяйке желают «бело мыть / стирать», чтобы было не просто «сияюще», «блестяще» чисто, прозрачно, но ещё и красиво, с любовью, ведь *бельё* хозяйка обычно стирает (как принято) для всей семьи, т.е. для своих любимых, для тех, кто ей мил. Здесь прослеживается неразрывная гармоническая связь представлений о пользе и красоте, т.е. прагматического (хозяйке желают стирать чисто) и эстетического (хозяйке желают стирать красиво, с любовью), что весьма характерно для обрядового фольклора в целом.

Обратим внимание и на уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-* в наиболее распространённой формуле *Беленько!* как форманта, указывающего на известную интимизацию бытовой ситуации, т. е. желание говорящего расположить к себе адресата реплики. Л.Ю. Зорина отмечает в этом благопожелании «усиление пожелания за счёт экспрессии, которая привносится суффиксом *-еньк-*, ср. в народной речи: *близенько, маленько, кругленько, чистенько*» [5: 131].

Привлекает внимание грамматическая вариативность наречий, употребляемых в реплике-стимуле: *беленько, бело, набело*. Интересно, что в «Словаре русских народных говоров» формы «беленько» и «набело» отмечены отдельно: *Беленько (/бело)* – чисто [13, Т. 2: 211]. *Набело* – в сочетаниях:

‘Набело белый – очень белый; бело набело – очень чисто’ [13, Т. 19: 111]. Любопытно, что в случаях тавтологического сложения слов одна часть предстаёт в значении ‘очень’. Л.Ю. Зорина сравнивает благопожелание *Набело!* с наречиями: крепко-накрепко, бело-набело, т. е. ‘очень, до крайности крепко, бело’ [5: 130]. К ним же можно отнести наречия «белым-бело», «черным-черно», «раным-рано» и под. В языке фольклора подобные словосочетания встречаются довольно часто, они актуализируют усиление смысла, заключающегося в семантике слова. В.В. Виноградов писал: «Разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ имен существительных или прилагательных (вроде творительного усиления), обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления» [3: 382-383] Важно отметить, что в нашем случае употребляется только одна часть подобного сочетания (*Набело!*), функционирующая как самостоятельное эллиптическое предложение, в то время как в привычной форме она составляет часть сложного композита (*бело-набело*).

Кроме того, следует отметить вариативность всей синтаксической структуры анализируемой формулы и учесть, что факультативные элементы могут представлять собой: указание на адресата (местоимения *Вам / тебе*); указание на действие, выраженное императивом в традиционной форме – второго лица (*полощи*) или в форме инфинитива (*стирать, мыть*) с усилением пожелания стирать чисто, качественно; указание на место, выраженное предлогом *на* и существительным в предложном падеже *воде*, подчёркивающее ситуативную обусловленность благопожелания (при стирке белья).

Таким образом, синтаксическая структура обрядово-этикетной формулы народной речи синкретично-гармонично выполняет ряд функций: этикетную, обрядовую, символическую, эстетическую и прагматическую. Именно в синтаксическом строе «архаические элементы уместны в той мере, в какой они бытуют и в живой народной речи», а значит – и в культуре, и в традиционной памяти людей. «Пословице суждение», как и любое, относящееся к малым речевым паремиологическим жанрам народной речи, «всегда воплощается в наиболее живой синтаксической форме языка» [14: 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.

2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М-Л., 1947. С. 382–383.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2003. Т. III. С. 288.
5. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры. Вологда, 2012. С. 130.
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1988.
7. Петров А.М. Синтаксис русских духовных стихов. Петрозаводск, 2012.
8. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
9. Русская грамматика. М., 1980. Т.2. URL: <http://rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения 05.03.2023).
10. Садова Т.С. Малые текстовые формы русских традиционных сногада-ний // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6, С. 602-604.
11. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». СПб., 2009. С. 138.
12. Словарь русской ментальности: в 2 т. / под ред. Колесова В.В., Колесовой Д.В., Харитоновой А.А. СПб., 2014. Т. I. С. 36.
13. Словарь русских народных говоров в 52 т. Л., СПб., 1965 –... . Т. 2. С. 211. Т. 19. С. 111.
14. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999. С. 39.
15. Толстой Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995–2012. Т. I. С. 151-153.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 30-31.
18. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.
19. Этимологический словарь славянских языков / под ред. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. М., 1975. Вып. 2. С. 79.

ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна (Мичуринск, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru

КУЗЬМИНА Анастасия Алексеевна (Мичуринск, Россия)

студент
Мичуринский государственный аграрный университет
kuzminanast3nka@yandex.ru

КОНЦЕПТ «КНИГА» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В русском языке есть немало фразеологизмов, пословиц и поговорок, смысловым центром которых являются слово *книга* и его производные. Данные паремии обладают разными стилистическими свойствами, распространены не только в литературном языке, но и в диалектной, а также жаргонной речи. Они в разных своих значениях относятся как к активному, так и к пассивному фонду русского языка, как к общеупотребительной лексике, так и к лексике ограниченного употребления. Это на языковом уровне демонстрирует высокую социальную значимость концепта «книга» в русской культуре.

Ключевые слова: концепт, книга, фразеологизмы, поговорки, пословицы, русская культура.

Abstract. In the Russian language there are many phraseological units, proverbs and sayings, the semantic center of which is the word *book* and its derivatives. These paroemias have different stylistic properties, they are common not only in the literary language, but also in dialect and slang speech. In their different meanings they refer to both the active and passive fund of the Russian language, both to common vocabulary and to vocabulary of limited use. At the linguistic level it demonstrates the high social significance of the "book" concept in Russian culture.

Keywords: concept, book, phraseological units, sayings, proverbs, Russian culture.

Национальный язык и его ключевые (знаковые) слова отражают систему духовно-нравственных ценностей народа, его отношение к материальному и ментальному миру, значимость тех или иных реалий [7]. Важное место в системе ценностей русского народа занимает концепт «книга», относящийся к числу ключевых ментальных знаков русской концептосферы. Цель данной статьи – исследовать осмысление концепта в русской фразеологии в процессе изучения паремий (фразеологизмов, пословиц, поговорок), включающих в свой состав лексему *книга*, которая является именем названного концепта. Материалы лингвистических словарей, фольклорные тексты малых жанров позволяют выявить состав устойчивых выражений, включающих эту лексическую единицу, и их семантику и прагматику.

В русском языке есть немало фразеологизмов, смысловым центром которых является слово *книга*. Так, в словаре С.И. Ожегова зарегистрированы следующие: *книга жизни* – (перен., высок.) ‘вся жизнь, жизненный путь’; *и книги в руки кому* – (разг.) ‘о знатоке, авторитете в каком-н. деле’; *книга рекордов* – ‘книга, фиксирующая уникальные достижения в разных областях деятельности, в соревнованиях’. *Книга рекордов Гиннеса* (в Англии); *книга за семью печатями* – ‘о чем-н. совершенно недоступном пониманию, разумению’ [по библейскому «Откровению Иоанна Богослова», повествующему о никому не доступных, запечатанных семью печатями божественных свитках, один за другим открывающих весь ход жизни на Земле, конец света и второе пришествие Иисуса Христа] [2: 279].

Фразеологизм *книга за семью печатями* и синонимичный ему *книга за семью замками* во «Фразеологическом словаре русского языка» А.И. Фёдорова маркированы пометами *книжн.* и *ирон.*; см.: *книга за семью замками* – (книжн., ирон.) ‘что-либо совершенно непонятное, недоступное разумению’ [6: 299]. Например: *...Нам даже говорить с тобой не о чем: то, что волнует меня, – для тебя книга за семью замками...* (В.А. Каверин. Открытая книга); *книга за семью печатями* – (книжн., ирон.) ‘то же, что *книга за семью замками*’ [6: 299]. Например: *Наши трудности, как и наши успехи, для многих американцев – книга за семью печатями* (И.Г. Эренбург. Мир миру!).

Кроме данных фразеологизмов, в словаре А.И. Фёдорова зафиксирован еще ряд устойчивых выражений, в состав которых входит существительное *книга*: *жалобная книга* – ‘тетрадь или журнал, предназначенные для занесения в них жалоб, претензий’; *красная книга* – (нов.) ‘реестр редких видов животных и растений всего мира, находящихся на грани исчезновения (вымирания или истребления)’; *черная книга* – (устар.) ‘по суеверным представлениям: книга заклинаний, с помощью которых возможно волшебство и чародейство’ [6: 299]. Хронологические пометы, которые маркируют устойчивые выражения *черная книга* (устар.) и *красная книга* (нов.), указывают на то, что первое из них уже вышло из общего употребления и принадлежит к пассивному запасу словаря, а второе относительно недавно (в 1963 г.) вошло в состав устойчивых выражений языка.

Образ книги часто встречается в поговорках и пословицах, которые «помогают проникнуть в духовный мир народа, отражают его нравственные законы, особенности мировосприятия» [3: 371]. В «Большом словаре русских

поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, отражающем народную речь XIX–XXI вв., зарегистрировано 30 образных выражений, смысловым центром которых являются лексемы *книга* (19), *книжка* (9) и *книжник* (2) [1: 291–292]. Учитывая характер помет, маркирующих образные выражения, мы классифицировали их в следующие группы.

Поговорки, употребляемые в книжной речи: *книга за семью печатями* – (книжн.) ‘о чем-либо абсолютно непостижимом, не доступном пониманию, скрытом от непосвященных’ (выражение из Библии); *книжники и фарисеи* – (книжн., презр.) ‘о ханжах, лицемерах, фразерах’ (выражение из Библии).

Поговорки, употребляемые в разговорной речи: *и книги в руки кому* – (разг.) ‘о том, кто знает, умеет что-либо, хорошо разбирается в каком-либо деле’; *книга в хорошем переплете* – (разг., шутл.) ‘взятка с приглашением в ресторан’; *книга – лучший подарок* – (разг., шутл.) ‘фраза, традиционно произносимая при вручении бутылки спиртного’; *о чем не пишут в книгах* – (разг., шутл.) ‘что-либо неприличное, о чем не принято говорить’; *смотрит в книгу, а видит фигу* – (разг., шутл.-ирон. или неодобр.) 1) ‘о человеке, невнимательном при чтении’; 2) ‘о ничего не понимающем человеке’.

Поговорки, употребляемые в жаргонной речи школьников: *книга сказок* – (жарг. шк., шутл.-ирон.) ‘учебник’; *книга джунглей* – (жарг. шк.) ‘учебник зоологии’ (по названию романа Р. Кипплинга); *записная книжка* – (жарг. шк., шутл.) ‘парта’; *амбарная (инвентарная) книга* – (жарг. шк., шутл.) ‘классный журнал успеваемости’; *книга жалоб [и предложений]*, *книга жизни*, *книга ужасов*, *книга судьбы (судеб)*, *красная (черная) книга* – (жарг. шк., шутл.-ирон.) ‘дневник’.

Поговорки, употребляемые в жаргонной речи молодежи: *клёвая книга* – (жарг. мол., шутл.) ‘справочник рыболова’; *книжка в сорок страниц* – (жарг. мол., шутл.) ‘водка’ (аллюзия на сорокоградусность водки); *книжка в стеклянном переплете* – (жарг. мол., шутл.) ‘бутылка спиртного’; *читать книжку* – (жарг. мол., шутл.) 1) ‘курить’; 2) ‘пить спиртное’; 3) ‘ходить в туалет’; *книга не прочитана* – (жарг. мол., шутл.-ирон.) ‘о девственнице’.

Поговорки, употребляемые в жаргонной речи уголовников: *набрать книгу* – (жарг. угол.) ‘украсть белье, вывешенное для просушки’; *книжник запойный* – (жарг. угол., шутл.-ирон.) ‘алкоголик, пьяница’.

Поговорка, употребляемая в жаргонной речи уголовников и молодежи: *читать книги (книгу)* – (жарг. угол., мол., шутл.-ирон.) 1) ‘гнать самогон’; 2) ‘пить спиртное’; 3) ‘лгать, обманывать’.

Поговорка, употребление которой носит диалектный характер: *записать в памятную книгу кому что* – (обл.) ‘избить, наказать кого-либо побоями за что-либо». Географическая помета указывает на территорию распространения поговорок диалектного характера – пск. (Псковская область): *партийная (партейная) книжка* – (пск.) ‘билет члена компартии’; *прокатная книжка* – (пск.) ‘проездной билет’; *пятидетная книжка* – (пск.) ‘удостоверение многодетной матери’; *говорить книжки* – (пск.) ‘читать вслух церковные тексты по книге или наизусть’.

Поговорка, употребляемая в народной речи: *читать книжку в пятьдесят два листа* – (народн., шутл.) ‘играть в карты’.

Слово *книга* и однокоренные с ним слова входят в состав не только поговорок, но и пословиц. Проанализировав содержание русских пословиц [4; 5], мы выделили их тематические группы. Назовем их.

- Книга – средство обучения и воспитания человека, источник знаний, духовного развития и совершенствования: *Испокон века книга растит человека; Книга мала, а ума придала; В доме ни одной книжки – плохи у хозяина детишки.*

- Книга – учитель жизни: *Книга учит, как на свете жить; Хорошие книги читай – о жизни побольше узнай.*

- Книга – источник истинной мудрости, сосредоточие умных мыслей: *Умнее книги не скажешь; Любовь к книгам – любовь к мудрости.*

- Книга – незаменимый друг и помощник человека: *Книжка – лучший товарищ; Книга – твой друг, без нее как без рук.*

- В книге главное не форма, а содержание: *Не красна книга письмом, красна умом; В книге ищи не буквы, а мысли.*

- К чтению книги нужно подходить серьезно, осознанно, иначе не будет никакой пользы: *Не на пользу книги читать, когда только верхки в них хватать; Иной глазами по книге водит, а разум у него стороной ходит; Хороша книга, да чтец плох.*

- При чтении книг нужно думать, уметь анализировать прочитанное: *Книга книгой, но и своим умом двигай; Книгу читай, а умом смекай; Книга без ума – пуста.*

- Очень важен правильный индивидуальный выбор книги: *Книга не шапка, а выбирай по голове; Выбирай книгу так, как выбираешь друга.*

• Чтение книг – интересный и полезный досуг, спасение от скуки и одиночества: *Книги читать – скуки не знать; С книгой жить – век не тужить; Нет умного соседа – с книгой беседуй.*

• По-настоящему понять смысл книги, ее ценность способен только грамотный, образованный, с широким кругозором человек: *Кто знает аз да буки, тому и книги в руки; Кто больше видал, тому и книги в руки.*

• Книги бывают разные: одни приносят пользу человеку, а другие – вред: *Иная книга обогащает, а иная – с пути совращает.*

• Хорошая книга имеет очень высокую ценность: *Одна хорошая книга лучше всякого сокровища; Хорошая книга – лучший друг.*

Итак, наше исследование показало, что в русском языке есть немало паремий, смысловым центром которых являются слово *книга* и его производные. Фразеологические единицы, верба-лизующие концепт «книга», обладают разными стилистическими свойствами, распространены не только в русском литературном языке, но и в диалектах, жаргонах. Они в разных своих значениях относятся как к активному, так и к пассивному фонду русского языка, как к общеупотребительной лексике, так и к лексике ограниченного употребления. Все это на языковом уровне демонстрирует высокую социальную значимость концепта «книга» в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1997. 944 с.
3. Порядина Е.И., Черникова Н.В. Осмысление понятия «жизнь» в русском фольклоре // Современному АПК – эффективные технологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (11–14 декабря 2018 г.): в 5 т. Т. 4. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. С. 371–375.
4. Пословицы и поговорки о книге: Сборник народной мудрости. [Электронный ресурс]. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-o-knige/> (дата обращения: 05.02.2023).
5. Пословицы о книге: Сборник народного фольклора. [Электронный ресурс]. URL: <https://folkmir.ru/poslovitsy-i-pogovorki-o-knige> (дата обращения: 05.02.2023).
6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. СПб.: М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
7. Черникова Н.В. Лингвокультурологический проект «Береза – символ России» (Материалы к урокам русского языка) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1. С. 15-23.

ЧУМАК-ЖУНЬ Ирина Ивановна (Белгород, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

САЕНКО Марина Ивановна (Белгород, Россия)

учитель русского языка и литературы, соискатель
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя об-
щеобразовательная школа № 17» г. Белгорода
marina.saenko.95@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Исследование посвящено концептуальному анализу текстов народных колыбельных песен. Одним из ключевых элементов концептуального пространства материнского фольклора является концепт «Кот», рассматриваемый автором в лексико-семантическом аспекте. Изучение концепта «Кот» в рамках мифологической картины мира дополнило семантическое поле значениями 'успокоитель ребенка', 'защитник дома', 'жертвозамена', 'вредитель, олицетворение зла'.

Ключевые слова: концепт, фольклор, народная колыбельная песня, лингвокультурология, лексико-семантический анализ.

Abstract. The article is devoted to the conceptual analysis of the texts of folk lullabies. One of the key elements of the conceptsphere of maternal folklore is the concept of «Cat», considered by the author in the lexical and semantic aspect. The study of the concept of «Cat» in the framework of the mythological picture of the world supplemented the semantic field with the meanings of 'comforter of the child', 'defender of the house', 'victim of a man', 'pest, personification of evil'.

Keywords: concept, folklore, lullaby, linguoculturology, lexico-semantic analysis.

Народная культура является той аккумулирующей средой, в которой «зашифрованы» традиционные ценности нации. Среди единиц культурного кода особое место занимают символы – знаки вторичной моделирующей системы, возникшие на основе народных образов, которые дополняют «семантическое пространство языка», «становясь составной частью концептосферы языка» [11: 4]. Ключи, позволяющие выявить культурно-символические смыслы единиц кода народной культуры – это тексты народных песен, в том числе и особенно – тексты колыбельных.

Колыбельная песня – это живой сколок, который позволяет судить о начальном этапе формирования концепта в этнокультурном сознании

[10: 107]. Обратимся к такому, на первый взгляд, прозрачному, но при ближайшем рассмотрении многослойному и разношерстному (и в прямом, и в переносном смысле) фольклорному образу-концепту, как «Кот». Анализ текста колыбельной песни, выполненный в семантико-когнитивном аспекте, позволяет описывать выявляемые концепты в трех информативных плоскостях: а) содержательно-фактуальной, б) содержательно-концептуальной; в) содержательно-подтекстовой [1: 144].

Зооним «кот» является одним из самых распространенных в анималистической системе персонажей колыбельных текстов, что подтверждается разнообразием номинативного ряда: *кот, котик, котенька, коток, котя, коточек, киса, кыса, киска, киця, кисонька, котенька-коток*. Ассоциативная связь между традиционным пестовальным жанром и образом домашнего животного прослеживается даже на словообразовательном уровне: в лексике белорусского и украинского языков зафиксированы варианты названия колыбельной песни – *коток* и *коточек*: *спивать (казать) котка, котя, коточка*, т. е. 'убаюкивать': «*А Сашечка будет спать, // А я «Котика» казать*» [8: 1-2].

Языковая репрезентация концепта-зоонима «Кот» транслирует целый спектр образных, понятийных и ассоциативных смыслов.

Так, содержательно-фактуальный слой концепта «Кот» представлен рядом лексем и их словоформ, устойчивых сочетаний, которые характеризуют кота как зоологический вид: (*котик серенький, серые коты, котик усатый, хвостик беленький, серенький хвосток, кудреватенький лобок*). В кубанских народных колыбельных песнях также распространено определение *волохатый (валахатый)* – 'косматый', 'лохматый', 'кудрлатый' [7: 236]: «*А ты, котик валахатый // И не бегай по-над хатой, // Чужих деток не качай, // А свою покачай*» [5: 11]. Ряд глагольных дефиниций в текстах колыбельных песен, напротив, репрезентируют антропоморфные черты образа: *не ходи ты, коток; не качай-ка ты, коток, чужих деточек; котя рыбки наловил, рыбкой накормил; кыса, каши свари; набрал котик хворосток (сухоньких досок), он печку затопил, он каши наварил, он Ниночку кормил; коту сына женить; коту пива варить*. «Монопольный обладатель сна», как назвал рассматриваемого нами персонажа колыбельной песни В.В. Головин [2: 176], представлен либо активно действующим субъектом коммуникативной сюжетной ситуации, либо адресатом, к которому обращается исполнитель

песни: «*«Еще серые коты / Из-за моря шли, / Из-за моря шли, / Много сна нанесли»* [2: 126]; «*Уж ты, котенька, коток, / Кудреватенький лобок, / Приходи к нам ночевать, Нашу девочку качать»* [4: 125]. Феномен репрезентации концепта «Кот» в текстах фольклорных колыбельных заключается, прежде всего, в разнообразии сюжетных мотивов, реализующихся посредством следующих вариаций образа: 1) антропоморфный образ (*пошел котик во торжок, купил себе пирожок, ведет киску за лапочку, лыка дерет, лапти плетет*); 2) тот, кого наказывают за провинность (*котика вловили, дюжа больно били; били котка у три плетки*); 3) тот, кого награждают за помощь (*Уж как я тебе коту за работу заплачу, дам кувшин молока, два кусочка пирога. Уж ты ешь, не кроши, больше, котик, не проси*); 4) помощник, нянька для ребенка (*приди, котик, ночевать, мою деточку качать*); 5) вредитель (*Ой, лю-лю, коточек, // Лю-лю, серенький, // Хвостик беленький, // Не ходи коло хаты, // Не взбуди нашего дитяти*). Интересно, что дуальность восприятия образа кота в славянской культуре проецируется и на референтном значении лексемы *кот*, транслирующемся в тексте колыбельной песни. При неизменном денотате варианты референта противоположны (антропоморфный образ – анималистический образ, помощник – вредитель, кота награждают – кота наказывают).

Содержательно-концептуальная информация, транслируемая посредством «оязыковления» семантических слоев концепта «Кот», связана, главным образом, с прагматико-педагогической функцией концептуального образа. Традиционная для фольклорной педагогики модель «*делай, как все*» в тексте колыбельной песни трансформируется в схему «*все спят – и ты спи*», где образ кота и его семейства – пример для повторения ребенком: «*Кошки спят, // И котята спят, // Маленькому Васеньке // Спатеньке велят*» [2: 33]. Модели поведения главного персонажа проецируют традиционные аксиологические установки воспитания и становления личности. Кота наказывают за баловство, воровство и лень: «*Котик-коток, кудреватенький лобок // Украл у бабушки клубок, // А бабушка догнала, // За чубочек надрала: // – Не учися воровать. // А учися работать*» [6: 255]. За примерное поведение, труд и помощь, наоборот, вознаграждают: «*Уж я тебе, коту, // За работу заплачу: // Лапки вызолочу, // Хвостик высеребряю, // И дам тебе папы // В обе лапы*» [6: 257]. Образ кота, наследуя антропоморфные

черты, представлен в сюжете колыбельной как заботливый семьянин, образец результата процессов социализации: *«Пошел котик во лесок, // Набрал сухоньких досок, // Он печку затопил, // Он кашки наварил, // Он Ниночку кормил»* [2: 233]. Таким образом, содержательно-концептуальная информация проявляется посредством метафорических переносов и позволяет говорить о наличии в семантической структуре концепта «Кот» общенациональных традиционных ценностей.

Композиционное ядро содержательно-подтекстовой информации концепта «Кот» основывается, прежде всего, на функциональном наполнении образа в структуре семантики детской обрядности. Пограничное состояние младенца обуславливает особую ритуально-охранительную систему, организованную миром взрослым посредством синтеза действий и текста. Материнская традиционная поэзия транслирует наличие следующих символических дихотомий в картине мировоззрения славян: кот – хранитель дома, домовый; кот – вредитель и олицетворение «нечистой силы»; кот – жертвозамена в реализации традиционного ритуального мотива обмана.

Охранительная функция образа проявляется в обычае запускать в новое жилище кошку, а в колыбель перед первым укладыванием младенца класть кота [3: 98]. В тексте пестовальных песен эта традиция транслируется, прежде всего, через мотив «добычи» сна и пояска – атрибута, важного для безопасности человека обряда опоясывания: *серые коты много сна принесли, принес котик поясок.*

Кот-вредитель функционально связан с системой таких мифологических персонажей-вредителей, как Бука и Бабай, и реализуется через формулу изгнания: *«Поди, котик, на сарай // Поди Олежку качай»; «Котик-котик, басалай, // Сходи, сбегай на сарай, // Нашу Танечку потешь»* [2: 234]. Более того, в мотивах колыбельной песни транслируется особенное, двойственное положение образа в системе аксиологических координат восприятия мира: в семантическом ареоле зооморфного образа важное значение имеет культурологически наполненное понятие «край»: *«Баю-баюшки, баю. Сидит котик на краю»* [9: 10].

Интересно, что образ кота/кошки становится также «двойником» младенца, функция которого – излечить ребенка, забрав недуг, болезнь себе [2: 177]. Общеизвестная формула народного заговора «У кошечки боли, а у моего (имя ребёнка) не боли» имеет множество обрядовых вариаций: «Когда

у ребенка «сушец», то есть ребенок чахнет, то под окно на решето сажают кошку и над решетом купают ребенка. Хвороба перейдет на кошку и та издохнет и ребенок останется жив»; «даже в случае «собачьей старости», когда в основном (по названию болезни) в заговорных обрядах участвует собака, в некоторых традициях используют кошку – купают ее вместе с ребенком, чтобы болезнь перешла на кошку» [2: 237].

Таким образом, концепт «Кот», получая языковую репрезентацию в русских фольклорных колыбельных песнях, эксплицирует не только широкоизвестные общенациональные семы-конституиенты (кот – ‘домашнее животное семейства кошачих’, кот – ‘символ дома, уюта’), но и включает в себя концептуальные и подтекстовые смыслы, реализующиеся в рамках мифологической картины мира (кот – ‘успокоитель ребенка’, кот – ‘защитник дома’, кот – ‘жертвозамена’, кот – ‘вредитель, олицетворение зла’ и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: ÅboAkademiUniversityPress, 2000. 451 с.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
4. Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская область // Опыт систематизации этнофольклорного материала. Белгород, 2000. 408 с.
5. Кубанские народные колыбельные песни / Н.И. Бондарь. Краснодар, 2002. 32 с.
6. Русские народные песни / ред. А. Ванслова. М.: Художественная литература, 1957. 367 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А-З / В.И. Даль. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 779 с.
8. Устное народное творчество Прохоровского района / Прохоровский районный организационно-метод. центр. Прохоровка, 1998. 27 с.
9. Ходит сон у окон: этнографический сб. / сост. и аннотация Н. Моисеева; отв. за выпуск Т. Романенко. Белгород: БГЦНТ, 1999. 27 с.
10. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. 244 с.
11. Язык и национальное сознание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2002. 151 с.

ШАДИЕВА Дилрабо Курбановна (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
dilrabo.shod.74@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕНОСА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ИЗ ОДНОГО ЯЗЫКА В ДРУГОЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы о способах передачи фразеологизмов и соблюдении норм при переводе предложений с русского языка на узбекский. Язык как отражение жизни общества не статичен и претерпевает регулярные процессы внутри структуры. Узбекский язык наполнен не только русскими словами, которые он почерпнул некоторое время назад, но и обогащается заимствованиями, одновременно входящими в обиход в русском.

Ключевые слова: фразеологизм, перевод, формы. словарный запас, пласт лексики, анализ, аналог.

Abstract. This article discusses the issues of how phraseological units are transmitted and compliance with the norms when translating sentences from Russian into Uzbek. Language as a reflection of the life of society is not static and undergoes regular processes within the structure. The Uzbek language is filled with Russian words, which it has learned not only some time ago, but is also enriched with borrowings that are also common in Russian.

Keywords: phraseological unit, translation, forms. vocabulary, vocabulary layer, analysis, analogue.

Культура речи предполагает знание культуры, в том числе и особенностей восприятия окружающей действительности. Фразеология – один из пластов, составляющий картину мира определенной субкультуры. Знание русской фразеологии и корректное употребление устойчивых имеет важное общеобразовательное и воспитательное значение при обучении русскому языку как иностранному. Усвоение и правильное употребление этих языковых единиц – путь к формированию речевых навыков. Методические материалы и пособия, содержащие примеры и задания с русскими фразеологизмами, позволяют узбекской аудитории усвоить и усовершенствовать навыки использования фразеологизмов, благодаря сравнительному анализу с аналогами родного языка. «Усвоив фразеологический пласт лексики изучаемых текстов, студенты обогащают свой словарный запас, повышают культуру собственной речи» [3].

Но знакомство с фразеологией русского языка не ограничено только механическим запоминанием. Правильность и соответствие ситуации – основное требование к их употреблению. Соответственно, аудитория, изучающая русский язык, усваивает нюансы их употребления с учетом показаний к их ис-

пользованию: возможность передачи значения фразеологического оборота с русского языка на узбекский при помощи свободных словосочетаний и языковых единиц, связанных с ними по смыслу. Включение в контекст фразеологизма возможно и при помощи семантизации, когда нет необходимости перевода, а возможно усвоение по аналогии с единицей, представленной в родном языке (имеет сходное звучание и написание). Но главным требованием при переводе является необходимость передачи значения за счет сохранения единства формы и семантического значения оригинала.

Русский язык обогатил лексический состав узбекского и активно пополняет различными по составу единицами, заимствование которых происходит в первую очередь в связи с отсутствием в узбекском языке слова для обозначения неологизма. Здесь можно выделить слова с непроизводной основой (*стол, класс, партия, риелтор, салон* и др.); производными образованиями (*механизация, аттестация, коммуникация, транзакция* и др.); сложными словами (*пароход, вездеход, ледоход, шоумен* и др.), сокращенными или аббревиатурами (*РФ, ООН, ДТ-28, ХТ-4* и др.). При образовании аббревиатур в узбекском языке изначально основой служил русский, который долгое время использовался для образования сложносокращенных слов, ввел слова с иноязычными компонентами, а затем стал образцом для самостоятельных аббревиатур на узбекском языке: *ЛТД, САМАВТО, Узмашхолдинг, АО GM Uzbekistan* и т. п. Далее в период независимости появляются аббревиатуры, образованные по тому же принципу, но на узбекском языке: *МЧЖ (маъсулияти чекланган жамият), Самкўчавто (Самарқанд кўчма авто), ИИБ (ички ишлар бўлими)* и др.

Узбекский входит в группу тюркских языков, которые являются агглютивными – основа и аффикс представляют собой отдельные части слов с собственным значением, которые соединяются или «склеиваются» между собой», т. е. это многоморфемные слова с четким морфемным разделением: *Билмайдилар* – они не знают, где *бил* – знать, *май* – отрицание, *ди* – 3 л., *лар* – мн.ч. Но, как уже отмечалось выше, ассимиляция языков в силу частых контактов ведет к неизбежному заимствованию не только фонетического и лексического, но и грамматического строя. Это в первую очередь выражено во введении в оборот существительных, образованных при помощи суффиксов и окончаний, обозначающих женский род: *скрипач – скрипачка, лев – львица, миллионер – миллионерша*.

Рассмотрим каждый из этих способов в отдельности.

1. При эквивалентном переводе фразеологических единиц сохраняется лексическое содержание. Одновременно сохраняется образность и структура единицы: *пичоги мой устида* ('его нож наверху масла') – *как сыр в масле катается*; *бурнини (осмонга) кутармок* ('поднять нос на небо') – *задрать нос*. Не всегда лексическая, семантическая и структурная эквивалентность при передаче сохраняются. Совпадение всех трех видов эквивалентности – крайне редки (*Аввал ўйла, кейин сўйла – Сначала думай, потом говори*).

2. Изучая способы передачи фразеологизмов, особенности их употребления в русском и узбекском языках и соответствие между этими языковыми единицами необходимо учитывать грамматику, социокультурный аспект развития, картину мира и восприятия окружающей действительности, сходства и расхождения в ценностных ориентирах: концепты «Добро», «Зло», «Семья», нравственные ценности.

Рассматривая способы передачи фразеологизмов, мы исследуем метафору, основанную на аналогии и сравнении и передающую значение путем использования слова в переносном значении. В таком случае лексический состав фразеологических единиц и их составляющих нередко коренным образом различаются в разных языках, например: **заячья душа – робкий, трусливый человек**. Для русского человека, воспитанного на народных сказках, заяц символизирует трусость, робость и нерешительность. Для народов Азии это описание ловкого, не совсем порядочного человека, обманщика. Такая разница отражается в разнице ценностных ориентиров, а также способов для их выражения. «Поэтому вряд ли китаец правильно поймет русские выражения **ослиное упрямство, упрямый как осёл**: для китайцев осёл – символ трудолюбия и терпения (что справедливо)» [1].

«Таким образом, создаваемый образ посредством языковых средств разных языков, приобретает уникальную стилистическую окраску и семантическое наполнение, имея общность идеи обозначаемого явления. Узбекское изречение *Икки кемага оёқ кўйсанг, чўкиб ўласан* (дословный перевод: «Ступишь ногами на две лодки – утонешь») эквивалентно русской пословице *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*. Общий смысл этих фразеологических оборотов схож: не следует заниматься несколькими делами одновременно, результата в итоге не будет, это пустая трата сил и времени. Образ, вложенный в основу фразеологизма, для каждой культуры свой, се-

мантическое значение сохраняется, структурные элементы также схожи, однако лексическое наполнение расходится. Подобные единицы расцениваются как семантические аналоги [4].

Разновидностью такого способа передачи значения фразеологизмов с русского на узбекский можно считать вариант совпадения по смыслу, но с различием в лексическом наполнении.

Общее лексико-грамматическое значение фразеологических единиц в узбекском языке часто передают лексико-грамматическое значение оригинала. Различие же между ними проявляется в лексическом составе или в структуре. Такой способ передачи фразеологической единицы не позволяет раскрыть образность. Это и отличает его от первого способа перевода (*в рот залетит муха* – это перевод узбекского фразеологизма *огзингга пашша кирди*)» [3].

Исследуя роль влияния русских фразеологизмов в СМИ Узбекистана, можно выделить несколько способов образования фразеологических единиц, которые выступают средством экспрессивной окраски текста. При таком способе состав фразеологизма остается неизменным, но на этом фоне добавляются дополнительные коннотации, возникает игра слов.

В целом сопоставительный анализ фразеологизмов в плане перевода с русского языка на узбекский и наоборот показывает, что в большинстве случаев невозможно полное совпадение смысловых оттенков в обоих языках. Объясняется это особенностями лексико-семантической системы каждого языка, внешних или знаковых проявлений отдельных значений полисемантических слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиров П.У. Пословицы – энциклопедия народной жизни. Ташкент: Akademnashr, 2018. 173 с.
2. Цынк С.В. Об отношении к норме русского литературного языка в XXI веке // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2016. № 2. С. 28–30.
3. Шадиева Д. Значение норм при переводе с русского на узбекский язык // *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022. Т. 2. Special Issue № 29. С. 61–68.
4. Шадиева Д.К. Экстраполяция и изучение тенденций на изменение норм русского языка // *Современные проблемы филологии*. Киров, 2022. Вып. 10. С. 133–138.
5. Шамне Н.Л., Шовгенин А.Н. Теоретические основы изучения языковых контактов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2008. № 1 (7). С. 72–77.

ШАТОВ Иван Александрович (Термез, Узбекистан)

преподаватель
Термезский государственный университет
ivanshatov1985@gmail.com

СЛОВА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭМЕ «АЛПАМЫШ»

Аннотация. Целью статьи является разностороннее рассмотрение заимствования тюркизмов, которые оказывают большое воздействие на обогащение словарного состава языка. Заимствование слов и выражений и исследование иноязычных лексических элементов имеет долгую историю. Исторические изменения, социально-экономическое развитие общества, общественные перемены и технические достижения являются причиной взаимодействия народов мира. В результате этих взаимовлияний происходит обмен слов. Как показывает анализ в лингвистических исследованиях, изучение заимствованных слов является центральным. Огромное количество тюркизмов, представленных в тексте переводной поэмы «Алпамыш», отражает все многообразие тюркских лексических заимствований в русском языке.

Ключевые слова: тюркизм, поэма «Алпамыш», заимствованная лексика, имена собственные, имена нарицательные, восточнославянская эпоха, Средняя Азия.

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive examination of the borrowing of Turkisms, which have a great impact on the enrichment of the vocabulary of the language. The borrowing of words and expressions and the study of foreign lexical elements has a long history. Historical changes, social and economic development of society, social changes and technological advances are the reason for the interaction of the peoples of the world. As a result of these mutual influences, an exchange of words occurs. As the analysis shows in linguistic studies, the study of borrowed words is central. A huge number of Turkisms presented in the text of the translated poem "Alpamysh" reflects the diversity of Turkic lexical borrowings in the Russian language.

Keywords: Turkism, poem "Alpamysh", borrowed vocabulary, proper names, common nouns, East Slavic era, Central Asia.

Постоянное развитие языка обуславливается многими причинами, в том числе не только внутренними, но и внешними, экстралингвистическими факторами. Невозможно существование языка, абсолютно защищенного от влияния других языков, поскольку ни один народ, носитель данного языка, не может жить совершенно изолированной, обособленной жизнью. Общественный характер человеческой речи, исторические факты, определяющие развитие общества неизбежно влекут за собой явление заимствования одним языком элементов другого как отражение связи одного народа с другими в разные периоды его истории. Именно поэтому неоднократные стремления представите-

лей пуризма, борцов за чистоту языка, оградить родной язык от иноземных влияний, никогда не имели особенного успеха. Наиболее ярко процессы заимствования наблюдаются в словарном составе языка. Современный русский литературный язык, как и любой другой язык, в силу длительных экономических, политических, военных, культурных и тому подобных связей русского народа с другими народами в разные исторические периоды заимствовал довольно значительное количество иноземных элементов лексики. Заимствованная лексика, по мнению Н.М. Шанского, составляет около 10% всего словарного состава русского языка [5: 96].

Элементы иноземной лексики заимствовались русским языком по разным причинам. Одни слова заимствовались вместе с предметом, явлением, понятием, качеством, действием. Этот процесс наиболее характерен для ранних стадий развития русского языка. Другие переходили в русский язык в качестве новых обозначений того или иного факта, имевшего до этого исконно русское наименование. Следует различать и пути заимствования. Одни слова заимствовались с голоса, т. е. устно. Именно в этом случае чаще всего заимствовались иноязычные слова, потерявшие свою связь с языком-источником и воспринимающиеся ошибочно в современном русском языке как исконно русские. Другие слова заимствовались из многочисленных письменных источников, переводных книг, публицистических изданий, через сознательное изучение соответствующего языка.

Тюркизмы, или слова тюркского происхождения одна из самых древних групп заимствованных слов в русском языке. Слова из тюркских языков начали проникать в русскую лексику еще в восточнославянскую эпоху, в VIII – XII вв., что объяснялось постоянным соседством Киевской Руси с тюркскими племенами и как следствие, ранними торговыми и культурными связями, военными союзами и столкновениями. В этот период были заимствованы названия, относящиеся к быту и коневодству, военные и оружейные термины. Другая причина – многолетняя зависимость от монголо-татарских завоевателей в XIII-XV вв., в это время широко заимствовались термины военно-экономического и социально-политического характера, названия пищевых продуктов и сельскохозяйственных культур, элементов одежды. Третья причина-вхождение тюркоязычных народов и государств в состав Российской империи, а затем и в СССР: широкий культурный обмен, двусторонние контакты

во всех сферах общественной жизни, знакомство с национальной литературой и межнациональными языками тюркоязычных народов.

Узбекская народная поэма «Алпамыш» – один из характерных примеров подобного культурного сотрудничества. Редактором первого узбекского издания эпоса «Алпамыш» и инициатором перевода на русский язык был известный узбекский поэт Хамид Алимджан [4]. Записанный со слов народного поэта-сказителя Фазила Юлдаша и переведенный Львом Пеньковским [1] «Алпамыш» по достоинству вошел в сокровищницу литературы народов мира. И в наши дни по своему культурному значению «Алпамыш» стоит в одном ряду с лучшими произведениями мирового эпоса: «Илиадой», «Одиссеей», «Махабхаратой», «Песнью о Роланде», «Манасом» и мн. др.

Сказание об Алпамыше пользовалось у кочевых народов Средней Азии широкой известностью. Его бытование засвидетельствовано на всем пространстве среднеазиатских степей, от предгорий Алтая до западных границ передвижения кочевых тюркоязычных племен Огузов и кипчаков средней Волги (Казань), южного Урала (Башкирия) и Закавказья (Азербайджан). По происхождению «Алпамыш» – племенной эпос кунгратцев, пришедших в Среднюю Азию в начале XVI века вместе с другими кочевыми племенами во главе с Шейбаниханом. Согласно поэме кочевья кунгратцев расположены в местности Байсун, который находится к северу от Термеза в нынешней Сурхандарьинской области. Это подтверждается и историческими фактами, так как при разделе завоеванных земель между узбекскими кочевыми племенами местность к северу от Термеза получили во владение кунграты [2: 42]. Этнографическая экспедиция, посетившая в конце 20-х годов Байсунский район Сурхандарьинской области, зарегистрировала из 5 колен племени Кунграт, проживающих в районе Байсуна, два (канджигали и тортувли), которые упоминаются в «Алпамыше», а также некоторые географические названия: горный хребет Баба-таг (в «Алпамыше» – гора Баба-хан), урочища и кишлаки Ойна-коль, Ойнабулак, Байбури [3: 37-52]. Эти обстоятельства, а также отраженный в поэме исторический фон враждебных столкновений между калмыками и тюркскими народами Средней Азии (начиная с XV в.) позволяют датировать тот окончательный текст «Алпамыша», который дошел до наших дней, временем правления Шейбанидов (XVI в.). Таким образом, в поэме «Алпамыш» зафиксированы не только вымышленные, но и подлинные исторические и географические факты.

Анализ тюркизмов, употребляемых в русском переводе поэмы «Алпамыш», позволяет судить о социальной структуре, политической обстановке, экономических отношениях, хозяйственной и общественной деятельности народов Средней Азии на тот момент, который был зафиксирован в эпосе. Они также дают представление о географии, климатических условиях, флоре и фауне данного региона, об уровне культурного и духовного развития населения, о состоянии искусства и творческой деятельности, об особенностях мировоззрения, о традициях и обрядах, о семейно-бытовой и общественной жизни.

Огромное количество тюркизмов, представленных в тексте переводной поэмы «Алпамыш», отражает все многообразие тюркских лексических заимствований в русском языке. Это и слова, давно вошедшие в русский язык, уже не воспринимаемые как иноязычные, (*деньги, товар, богатырь, сундук*) и слова; заимствованные сравнительно недавно, называющие в основном новые для носителя русского языка предметы, явления, понятия (*укрук, алача, саба, чапан, карнай, байга, калым*), слова, проникшие устным и книжным путем; слова, различные по происхождению: общетюркские слова (*баба, бай, барс, батыр, буран*) и слова, функционирующие в узбекском языке (*аразчи, махрам, чоль, гуль, шункар*), собственно тюркские слова и слова, заимствованные из других языков через тюркское посредство (*чай, алмаз, изумруд, жемчуг, алифбе*); слова, различные по сфере употребления (общеупотребительные слова и слова ограниченного употребления – диалектизмы), по стилевой принадлежности и экспрессивно-стилистической характеристике (межстилевая лексика, разговорные слова, книжные слова, эмоционально окрашенные слова), по степени употребляемости на современном этапе развития языка (актуальная лексика, устаревшие слова).

Всего в тексте переводной поэмы «Алпамыш» представлено 273 тюркизма. Подавляющее большинство этих слов по своей категориальной сущности имеют значение предметности и обладают лексико-грамматическими признаками имен существительных. Из них 53 слова представляют собой имена собственные, включающие в себя географические названия, имена людей, клички животных и названия мифических существ и около 210 слов относятся к именам нарицательным. Нами также отмечены единичные тюркизмы, выступающие в функции прилагательных, междометий и глагола. В отношении к общерусскому словарному составу тюркские лексические заимствования,

представленные в тексте переводной поэмы «Алпамыш», можно распределить по следующим группам: 1) слова, отмеченные в толковых словарях современного русского языка, известные большинству носителей русского языка вне территориальных ограничений; 2) слова, не зафиксированные в толковых словарях русского языка, но используемые как в оригинальной литературе на русском языке, так и в русских переводах произведений тюркоязычной литературы, многие из них нашли распространение в диалектах русского языка; 3) слова, употребление которых ограничено русским переводом узбекской народной поэмы «Алпамыш» или переводами литературы с узбекского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Алпамыш». Узбекский народный эпос, по варианту Фазила Юлдаша, перевод Л. Пенськовского, редактор Издательства Е.И. Новикова, Изд. Академии наук узбекской ССР. Ташкент, 1958. С. 9-344.
2. «История народов Узбекистана», т.П, ч. I. Ташкент, 1947. С. 42.
3. Потапов Л.П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград // «Научная мысль». Вып. I, май-июнь 1930, Самарканд-Ташкент. С. 37-52.
4. Фазил Ю. «Алпамыш» / под ред. Хамида Алимджанановна. Ташкент, 1939.
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. С. 280.

ШЕТЭЛЯ Виктор (*Москва, Россия – Варшава, Польша*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
szetela@mail.ru

КОММЕНТАРИИ К КЛЮЧЕВЫМ СЛОВАМ *КОНКА* И *ЛИНЕЙКА* В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В.Я. БРЮСОВА И Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Аннотация: Статья посвящена двум наименованиям общей тематики «средства транспорта», употребленных в поэтических строках В.Я. Брюсовым и Б.Л. Пастернаком. Созданные в первых десятилетиях XX века стихотворные произведения названных авторов с употреблением в них наименований *конка* и *линейка*, должны восприниматься фактами уходящей эпохи. В докладе приводятся примеры употребления названных единиц в текстах других авторов, что определенным образом отражает ностальгические чувства в связи с употреблением этих слов В.Я. Брюсовым и Б.Л. Пастернаком. Слова *конка* и *линейка* для авторов, возможно, не являются историзмами, но могут восприниматься таковыми в наше время.

Ключевые слова: историзм, комментарии, ключевое слово, поэтический текст, стихотворная поэтическая строка

Abstract: The article is devoted to two names of the general theme "means of transport", used in the poetic lines of V.Ya. Bryusov and B.L. Pasternak. Created in the

first decades of the 20th century, the poetic works of these authors with the use of the names *konka* and *ruler* in them should be perceived as the facts of a passing era. The report gives examples of the use of these units in the texts of other authors, which in a certain way reflects nostalgic feelings in connection with the use of these words by V.Ya. Bryusov and B.L. Pasternak. The words *konka* and *lneyka* (ruler) of the indicated authors may not be historicisms, but they can be perceived as such in our time.

Keywords: historicism, comments, keyword, poetic text, poetic line

В поэтических произведениях двух выдающихся российских поэтов В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака находим наименования средств транспорта уходящей эпохи – *конка* и *линейка* – требующих от нас соответствующего лингвистического и исторического комментария. История этих слов одной тематической группы, употребленных в первых десятилетиях XX века могут восприниматься фактами уходящей эпохи, но они являлись частью жизни авторов, отсюда в строке слышны ностальгические нотки по этому виду транспорта.

В.Я. Брюсов пишет: *Огни «электрических конок» Браздят потемневший туман, И зов колокольчиков звонок ... Пускается в путь караван. Создано: 23 июля 1900 г. [1: 86].*

Признаки конки – *колокольчиков звонок*, а в дальнейших строках: *душная каюта, друзья на минуту, ряд сопоставленных лиц ...*

Такими словами представлены впечатления от неудобств путешествия конкой, но тем не менее ностальгия по этому виду транспорта у автора сохранилась.

Софья Толстая в своих впечатлениях от путешествия на остров Ява упоминает о такой тамошней технической новинке как «электрическая конка»: *в столице Явы – электрическая конка [12: 136].*

По словам «пугаясь ... звонков конки» в тексте рассказа А.П. Чехова «Припадок» понимаем, что речь у него идет именно о «электрической конке», а не о конке на конной тяге, от которой пошло это название. Хотя, возможно, что у ломовой конки был звенящий, оповещающий колокольчик, который предупреждал прохожих о приближении вагона. Обычно звонок в нашем представлении связан с электрическим, что и влияет на восприятие текста: *Засунув руки в рукава, дрожа и пугаясь стуков, звонков конки и прохожих, Васильев прошел по Садовой до Сухаревской башни, потом до Красных ворот, отсюда свернул на Басманную [15: 81].*

Если Н.М. Шанский датирует появление слова **конка** в русском языке второй половиной XIX в., то имеет он в виду не электрическую конку, а 'железную дорогу с лошадиной тягой' [17: 257].

По «Словарю современного русского литературного языка» – **конка** – 'городская железная дорога с конной тягой, существовавшая до появления трамваев' [8: 1292]. Пример употребления слова: *По улицам..., не переставая гремели по мостовой тяжелые воза ломовых, дребезжали пролетки и звенели конки* [13: 149].

Трамвай – 'городской рельсовый транспорт с электрической тягой' [10: 806], т. е. более комфортабельный вид транспорта – но все же, именно конка с ее теснотой и духотой, а не трамвай, вызывает ностальгические воспоминания у В.Я. Брюсова.

Слова **конка**, а также **линейка**, которая появилась в русском языке в XVIII в. – слова одной тематической группы. Они являются реальностью жизни В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака. Это реальность времени и их жизни.

Б.Л. Пастернак употребил слово **линейка** в знач. 'городской транспорт на конной тяге'. Это значение полностью раскрывается в словах «тьень, пугавшая коней», см.: *Длиннейшим поездом линеек Позднее стягивались к валу, Где тень, пугавшая коней их, Ежевечерне ожидала*. Создано: 1919 г. [7: 180].

Первоначальное значение **линейка** – 'канцелярская принадлежность'. Одно из первых употреблений, см.: *книгу об употреблении циркуля и линейки... я... перевел* (из письма Брюса Петру I от 4 июля 1707 г.) [14: 483].

Вероятно, более ранними являются значения слова **линейка**: 1. 'Прямая черта на бумаге, доске ...'; 2. 'Граница лагеря – линия, обозначенная тем или иным способом'; 3. 'Строй в одну шеренгу' [9: 230-231].

Эти значения находятся в омонимическом отношении к слову **линейка** в знач. – 1) 'длинные широкие дрожки с перегородками вдоль кузова для нескольких человек с каждой стороны' [4: 336]; 'Устар. Длинный многоместный экипаж с продольной перегородкой, в котором сидят боком к направлению движения' [9: 231]. Данный вид транспорта с называющим его словом находим в текстах российских авторов, см., например: *В день праздника повезли нас в линейках мимо двухсоттысячной армии...* [3: 88]; – *Велите мне заложить линейку и оседлать мне верховую лошадь!* – сказал г. Гологордовский [2: 51]; *поповские дрожки была линейка на две персоны с фартуком* [11: 90]; *От линейки отвязали большую корзину, из которой появились яства и пития...* [6:

209]; *На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная в безрессорную линейку* [16: 54].

Материалы газет раскрывают и значение слова, которое входит в состав названия транспортной городской фирмы, см., например: *Учреждение в Москве публичных экипажей под названием Городских Линеек* [5: 808].

В данных примерах слово **линейка** употреблено без ностальгических оттенков, которые ощущаются у Б.Л. Пастернака.

В заключение отметим значительную роль русской реалистичной поэзии начала XX века, какой являлось творчество В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака, в приобщении этих, казалось бы, периферийных наименований к корпусу русского литературного языка. Слова **конка** и **линейка** в указанных поэтических строках, возможно, и не являются устаревшими единицами, но могут казаться таковыми для читающей публики XXI века. Для вузовского курса комментарии об употреблении этих где-то схожих слов может быть нужным и полезным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Огни «электрических конок ... // Брюсов В.Я. Сочинения. В 2-х. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. статья и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1987. 575 с.
2. Булгарин Ф.В. Иван Иванович Выжигин // Булгарин Ф.В. Сочинения. М.: Современник, 1990. С.23-366.
3. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Издание Графа С.Д. Шереметева. СПб., 1883. Т. VIII.
4. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. 60-ое изд. СПб., К., Харьков, 1912. 745 с.
5. Газета «Московские ведомости». М., 1847. № 104.
6. Гаршин В.М. Медведи // Гаршин В.М. Сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. В.И. Порудоминского. М.: Правда, 1984. С. 206-221.
7. Пастернак Б.Л. Мефистофель // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931. / Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. М.: Худож. лит., 1989. 751 с.
8. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5.
9. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6.
10. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 15.
11. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 789 с.
12. Софья Толстая. Воспоминания / сост. И. Андреев. М.: Рипол Классик, 2013. 256 с.
13. Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1987. Т. 10. С. 5-468.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 9-ое изд., стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. Т. 1. 621 с.
15. Чехов А.П. Припадок // Чехов А.П. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1985. Т. 7. С. 62-84.

16. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Чехов А.П. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1985. Т.11. С. 39-360.

17. Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н.М. Шанского. Изд-во Московского ун-та, 1982. Вып. 8. 470 с.

ШИРОКОВА Елена Николаевна (*Нижний Новгород, Россия*)

доктор филологических наук; доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Николая Ивановича Лобачевского
shirokelena@yandex.ru

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА В АСПЕКТЕ ЛЕВОПОЛУШАРНОЙ И ПРАВОПОЛУШАРНОЙ ГРАММАТИК

Аннотация. Рассматривается корреляция левополушарной и правополушарной грамматик при продуцировании диалога больными с психическими заболеваниями. Анализируются особенности реализации категорий связности и целостности, а также тема-рематического развертывания диалогов при различных заболеваниях. Показывается, что нарушения правополушарной грамматики проявляются в отсутствии целостности, бинарного тема-рематического развертывания текста, а также в трансформации модусов ментальных состояний / реальности. Материалом исследования послужили диалоги между психиатром и пациентом, представленные в блоге врача-психиатра.

Ключевые слова: левополушарная грамматика, правополушарная грамматика, диалог, целостность, связность, тема, рема.

Abstract. The correlation of left-hemisphere and right-hemisphere grammars in the production of dialogue by patients with mental illnesses is considered. The features of the implementation of the categories of coherence and cohesion, as well as the thematic deployment of dialogues in various diseases are analyzed. It is shown that violations of the right-hemisphere grammar are manifested in the absence of cohesion, binary thematic deployment of the text, as well as in the transformation of modes of mental states / reality. The research material was the dialogues between a psychiatrist and a patient, presented in the blog of a psychiatrist.

Keywords: left-hemisphere grammar, right-hemisphere grammar, dialogue, cohesion, coherence, theme, rhema.

Исследования в области психосемиотики [1], теории левополушарной и правополушарной грамматик [3, 4] позволяют по-иному взглянуть на ряд традиционных проблем лингвистики [2: 86]. Так, оба полушария головного мозга участвуют в речемыслительной деятельности, однако механизмы осуществления этой деятельности различны. Как отмечает Л.В. Сахарный, левое полушарие отвечает за обработку информации на основе формально-логических операций, при этом происходит пословная обработка и полное

структурирование предложений, устанавливаются четкие связи между предложениями и ССЦ, когнитивные структуры имеют рациональный характер, наблюдается системная корреляция вербальных и логических структур. Такой тип речемыслительной деятельности обеспечивается левополушарной грамматикой. Правое полушарие отвечает за информационную целостность текста, что обеспечивается тема-рематической перспективой целого текста, сменной фокусов, при этом когнитивные структуры имеют чувственный характер, осуществляется корреляция вербализации с внешним миром. Такая деятельность представлена правополушарной грамматикой. В норме обе грамматики находятся в динамическом равновесии [3: 10-19].

При ряде психических заболеваний происходит нарушение корреляции модусов реальности, языка и мышления, при этом модус реальности элиминируется и больной полностью сосредоточен на галлюцинациях, однако сбоев во взаимодействии левополушарной и правополушарной грамматик не наблюдается, целостность и связность продуцируемой речи сохраняется. Наряду с этим при некоторых заболеваниях происходит не только рассогласование в деятельности левополушарной и правополушарной грамматик, но и одновременное нарушение «правил» этих грамматик, что проявляется в отсутствии целостности и связности речи.

Объектом нашего исследования являются особенности диалогов людей с психическими заболеваниями. Предметом – специфика категорий связности и целостности в таких диалогах, а также особенности их тема-рематического развертывания. Материалом исследования послужил блог врача-психиатра скорой помощи «Ужасно злой доктор». При выборе материала исследования мы исходим из того, что диалоги, воспроизводимые в нарративах авторского блога, имитируют естественно-языковые диалоги, в ряде случаев, по признанию самого автора, записанные на диктофон. Поэтому, признавая различия между естественно-языковым диалогом и его воспроизведением в письменной речи, а также включенность в письменной речи участников диалога в триаду *автор – участники диалога – читатель*, мы считаем возможным использовать исследовательский прием моделирования интересующих нас особенностей естественно-языкового диалога на основе диалогов, представленных в нарративах авторского блога.

Рассмотрим диалоги врача с больными с галлюцинаторно-бредовым синдромом (1) и с параноидной шизофренией и расстройством личности (2).

(1) – Здравствуйте, что случилось? // – Да вы понимаете, меня совсем бесы одолели. /.../ – Вы их под кожей чувствуете? // – И под кожей и в мышцах. Они вообще могут быть совсем микроскопическими, а могут – с трёхэтажный дом. /.../ – А где вы их слышите: в голове или со стороны? // – Да вроде как в голове. // – И что же они вам говорят? // – Да много всего. То требуют, чтоб я водки выпил, то оскорбляют, то угрожают. К примеру, «сейчас придёт человек и тебе под дверь бомбу бросит». // – А что-то приказывают? // – Конечно, чтоб я с собой покончил. /.../ – Если я правильно понял, то вы хотите лечь в стационар? // – Да, конечно, для этого я вас и вызвал. // – А как вы относитесь к этим бесам: они реальны или же это всё-таки болезнь? // – Они действительно реальны. А болезнь – это совершенно другое. Это моё депрессивное состояние и постоянный страх.

В целом в данном диалоге наблюдается корреляция правополушарной и левополушарной грамматик в продуцировании речи больного, что проявляется в сохранении целостности и связности речи. Последнее обеспечивается синтагматическими и парадигматическими связями реплик диалога. Так, связность вопросно-ответных реплик осуществляется за счет использования в начале ответных реплик слова *да*, совмещающего в себе функции соединительного союза и усилительной частицы. При этом происходит усиление высказанного утверждения (*Да много всего*), согласия (*Да, конечно*), предположения (*Да вроде как в голове.*). Наряду с этим *да* в первой ответной реплике, кроме выделенных частных структурно-семантических функций усиления и выделения, выполняет фатическую функцию (в сочетании с местоимением и глаголом второго лица – *Да вы понимаете*). Также связность как между вопросно-ответными репликами, так и между высказываниями в ответных репликах осуществляется с помощью неполноты предложений (*– И что же они вам говорят? // – Да много всего*), лексических повторов (*под кожей, бесы*), местоименных замен (*они, для этого, это*), вводных слов (*конечно, к примеру*), сочинительных союзов в начале предложений (*Они действительно реальны. А болезнь – это совершенно другое.*).

Целостность обеспечивается общностью темы, выраженной ключевым словом *бесы*, и тема-рематическим развертыванием, связанным с этим словом, – указанием на местоположение, размер, вербальные действия бесов (*требуют, оскорбляют, угрожают*). При этом нарушения в области правополушарной грамматики у больного с галлюцинаторно-бредовым синдромом

проявляются в трансформации модусов ментальных состояний / реальности, поскольку именно правополушарная грамматика отвечает за связь вербализации с внешним миром. В рассматриваемом примере вербализуются галлюцинации, которые в восприятии больного замещают модус реальности, к модусу же ментальных состояний он относит свое эмоциональное состояние.

*(2) — Ну что, Вить, рассказывай, что случилось, что тебя беспокоит?
// — За мной наблюдают. // — А кто наблюдает-то? Брат и соседи? // — Не, какие-то духи. Двадцать три, сто тридцать один, пятьдесят шесть... // — И что это за цифры? Так духи называются? //*

— Я был у той ямы, — показал он на окно, — и начал там развитие духов. // — Это что за яма? // — Да вон там, большая. //

Я не поленился, подошёл к окну и увидел раскопанную теплотрассу.

*— То есть, духи находились в яме? // — Да. // — А больше их нигде нет?
// — Нигде и они заводили меня. // — Как заводили, куда? // — До ямы. // — Так и что же они дальше делали? // — Чайник с кипятком. В голову впивались, не давали думать и отдыхать. // — А чайник здесь причём? // — Так всё с него и пошло. // — Как так-то? // — Я думаю это написал Сергею Петровичу. Его хотели сжечь у скамейки. // — Кто хотел? // — Не знаю... Графиня. У неё было четырнадцать кипятков.*

Как отмечает автор блога, у больного наблюдается «шизофазия — разорванность мышления, возникающая вследствие грубого нарушения логических связей» [<https://dzen.ru/id/5c8e72bc7bef2900b3f237ac>]. При этом происходят сбои в работе и левополушарной, и правополушарной грамматик. Так, нарушения, связанные с реализацией левополушарной грамматики, проявляются в том, что целостность и связность вопросно-ответных реплик сохраняется только между 2-3 репликами. При этом в ответных репликах используются стандартные, однако обедненные средства связности — контекстуальная и ситуативная неполнота предложений, анафорические замены, частицы *не*, *да*, указательные частицы и местоименные слова. Наряду с этим средства связи, указывающие на логические связи между репликами, в ответных репликах отсутствуют.

В ответных репликах больного, состоящих из нескольких высказываний, происходит (1) сохранение связности и целостности между соседними высказываниями, (2) нарушение связности и целостности.

В первом случае связь между высказываниями выражается с помощью анафорических местоимений: *Я думаю это написал Сергею Петровичу. Его хотели сжечь у скамейки; Графиня. У неё было четырнадцать кипятков.*

Во втором случае происходит нарушение синтагматических связей на синтаксическом уровне, связанное с грамматическим и смысловым рассогласованием между репликами. В частности, в примере *Не, какие-то духи. Двадцать три, сто тридцать один, пятьдесят шесть...* второе высказывание представляет собой сочинительный ряд, объединяющий числительные, которые не формируют предикативную конструкцию. Таким образом, в синтагматический ряд объединяются единицы разных языковых уровней, что исключается правилами левополушарной грамматики. В примере *Чайник с кипятком. В голову впивались, не давали думать и отдыхать* происходит резкая смена субъектно-темпоральной перспективы, что свидетельствует о формально-грамматическом рассогласовании высказываний. Нарушение синтагматических связей наблюдается также на уровне словосочетания, при сочетании количественного числительного с вещественным существительным – *четырнадцать кипятков.*

В большей степени наблюдаются сбои в области правополушарной грамматики. Так, предельно нарушена целостность ответных реплик, которая обеспечивается лишь набором ключевых слов, отражающих содержание бреда больного, а не связь с действительностью – *духи, яма.* Хотя референтом общего имени *яма* является реальный объект, синтагматические связи этого имени свидетельствуют о том, что оно используется для вербализации альтернативной, галлюцинаторной «реальности» в сознании больного. Этим же целям служит выстраиваемый индивидуально-ассоциативный ряд – *сжигание, кипятков, чайник.*

Наряду с этим происходят сбои в тема-рематическом развертывании ответных реплик. Нарушение логических связей при вербализации галлюцинаций приводит к постоянной смене фокуса высказывания. А отсутствие соотносительности с действительностью и соответственно общих фоновых знаний у врача (читателей) и больного делает затруднительным классификацию конструкций, меняющих фокус высказывания. Так, трудно сказать, происходит ли смена микротемы, или же это рематическая информация, связанная в сознании больного с уже введенной ранее темой. Но с точки зрения человека, воспринимающего ответные реплики больного, ряд высказываний не имеет би-

нарного строения и содержит только рематическую информацию. Последнее приводит к необходимости введения уточняющих реплик: — *И что это за цифры? Так духи называются?*; — *Это что за яма?*; — *А чайник здесь причём?*; — *Кто хотел?*

Таким образом, при некоторых психических заболеваниях равновесие в деятельности левополушарной и правополушарной грамматик проявляется в сохранении связности и целостности речи, а также в способности больного осуществлять тема-рематическое развертывание текста с учетом синтагматических и парадигматических связей реплик диалога. При этом нарушения в области правополушарной грамматики связаны с трансформацией модусов ментальных состояний и реальности, поскольку модус реальности замещается вербализацией галлюцинаций. Наряду с этим при ряде заболеваний происходят нарушения в деятельности как левополушарной, так и правополушарной грамматики, что заключается, в частности, в отсутствии связности и целостности речи, а также в сбоях в тема-рематическом развертывании диалога. Последнее проявляется в постоянной смене фокуса высказывания в репликах больного, сопровождающееся эллипсом темы высказывания. В результате получателю информации приходится восполнять бинарную коммуникативную структуру высказываний за счет корректирующих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минкин Л.М. Теория лингвистического ментализма Г. Гийома и вопросы нейролингвистики // Вісник КНЛУ. Серія Філологія. Том 15. № 2. 2012. С. 98-110.
2. Норман Б.Ю. Слово и предложение, номинация и коммуникация // Психолінгвістическі аспекти изучения речевої діяльності. 2004. № 2. С. 74-90.
3. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 7-59.
4. Седов К.Ф. Нейропсихолінгвістика. М.: Лабіринт, 2007. 224 с. – <https://d.120-bal.ru/doc/28514/index.html?page=8>

ШУЛЕЖКОВА Светлана Григорьевна (*Магнитогорск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический университет
имени Григория Ивановича Носова
shulezkova@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДИНАМИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ СВЕРХСЛОВНЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. Автор намечает перспективы диахронического исследования русских сверхсловных библеизмов с опорой на фразеологический словарь старославянского языка, где описаны УСК из сохранившихся памятников X–XI в. и приведены данные об их фиксации в словарях разных эпох. Это позволяет вскрыть закономерности трансформации и обогащения корпуса сверхсловных библеизмов в динамике. Старославянские единицы чаще всего строились по славянским моделям из славянских же полисемантов. В религиозном дискурсе они обретали сакральные семы и становились благодатным материалом для структурирования новых единиц, значения которых складывались в тесном взаимодействии с изменяющейся формой.

Ключевые слова: христианизация, полисемант, синтаксическая модель, устойчивый словесный комплекс, фразеологическая система, диахрония, историческая фразеография.

Abstract. The author sets the prospects for a diachronic study of Russian super word biblical expressions based on the phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language, which describes set phraseological units from remained Slavic manuscripts of the X-XI century and provides data on their fixation in different dictionaries. It helps to reveal the appropriateness of transformation and enrichment of the corpus of the super word biblical expressions in dynamics. Old Church Slavonic units were constructed mostly according to Slavic models from Slavic polysemants. In religious discourse, they acquired sacred semes and became great material for structuring new units, the meanings of which developed in close cooperation with the changing form.

Keywords: Christianization, polysemant, syntactic model, set phraseological unit, phraseological system, diachrony, historical phraseography.

Процессы формирования старославянского фразеологического корпуса и его дальнейшей судьбы пока ещё не подвергались системному полномасштабному описанию. В этом отношении старославянская фразеология отстаёт от старославянской лексикологии, достижения которой представлены фундаментальными теоретическими исследованиями и лексикографическими трудами как отечественных, так и зарубежных славистов. Назовём только некоторые из наиболее значимых для затрагиваемой нами проблемы работы. Это монографии известного российского слависта Р.М. Цейтлин «Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным

древнеболгарских рукописей X–XI вв.» [18] и «Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.» [17], в которых заложены основы системного описания лексики общеславянского литературного языка средневековой Европы; книга Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка», где человек явлен «в лексиконе старославянского языка» как «центр мироздания», как «Божье творение», живущее в культуре Средневековья, в которой «чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса, интерес проявлялся прежде всего к оценке человека как личности социальной и духовной...» [2: 22-24]; цикл работ В.С. Ефимовой, опубликованных во втором десятилетии текущего столетия, – монографии «Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора» [4] и «Пути формирования старославянского лексического фонда» [7]. Из зарубежных лексических исследований особого внимания заслуживают монографии «Старобългарския език в светлината на българистика» А. Минчевой-Цоневой» [8].

Несмотря на успехи старославянской лексикологии и появление квалифицированно выполненных собственно старославянских словарей, опубликованных в 1994 г. в России [13], а в 1999 и 2009 гг. – в Болгарии [12], сама возможность системного изучения, а тем более фразеографического описания сверхсловных языковых единиц общеславянского литературного языка Средневековья подвергалась сомнению. Не случайно даже название выпущенного в 2011 г. Магнитогорской научно-исследовательской словарной лабораторией пробного «Фразеологического словаря старославянского языка» [16] вызвало вполне ожидаемую негативную реакцию: «... хотя такое издание? (*Так в подлиннике!*), как «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С.Г. Шулежковой (М., 2011), имеет несомненную культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, вряд ли стоило называть его *фразеологическим* словарем именно *старославянского языка*» [7: 366].

Из всех аргументов в защиту правомерности нашего исследования *фразеологического* корпуса именно *старославянского языка*, приводившихся нами неоднократно ранее (см. [16: 3-23; 1, т. 1: 11]), подчеркнем два важнейших. Во-первых, словарные статьи всех наших фразеографических работ опираются исключительно на данные *старославянских* источников X–XI вв., которые, правда, мы не ограничиваем 17 древнеболгарскими рукописями, созданными «болгарской элитой», и включаем отвергнутые как «косвенные»

(вместе с Остромировым евангелием) памятники, возникшие на территории всей средневековой Славии, в том числе восточнославянской. Во вторых, как и многие исследователи сверхсловных языковых единиц, обнаруживаемых в древних текстах, мы придерживаемся широкого взгляда на объект фразеологии, ибо «искусственное отторжение УСК (устойчивых словесных комплексов) неидиоматического характера обедняет исследование, не позволяет полноценно рассмотреть системные связи во фразеологическом корпусе изучаемой эпохи» [16: 11]. При этом мы не можем согласиться с глубоко уважаемым нами исследователем старославянской лексики В.С. Ефимовой, которая, характеризуя сверхсловные номинации, созданные в результате «словотворчества славянских книжников <...> по потребности в процессе перевода под влиянием языка греческого оригинала» или калькированные «с соответствующих греческих наименований», утверждает: «Очевидно, что ни о какой “устойчивости в языковом узусе” при этом не может быть и речи» [7: 355].

Будучи полноценным литературным языком, старославянский язык не мог обойтись без сверхсловных языковых единиц – устойчивых словесных комплексов. Косвенно нашу правоту подтверждает тот факт, что даже слависты, сомневавшиеся в возможности описания фразеологического корпуса старославянского языка и ограничивающие число привлекаемых для анализа источников так называемыми «классическими» старославянскими рукописями, всё же включают часть УСК в свои лексикографические труды (см., напр., [13: 125, 192, 513, 738 и др.], или же в своих теоретических работах выделяют из общей массы старославянских однословных языковых единиц *несколькословные наименования* [5; 6]. Что же касается самой закономерности вхождения сверхсловных единиц в языковую систему создававшегося Кириллом и Мефодием общеславянского литературного языка, то об этом подробно пишет Е.М. Верещагин: при невозможности подобрать однословный эквивалент для греческого слова, называющего христианское понятие, приходилось создавать эквивалентное словосочетание – приём, блестяще реализованный первоучителями славян и их учениками, а в XX в. детально разработанный библеистом Ю. Найдой [3: 242-270].

«Большой фразеологический словарь старославянского языка» (БФС-СЯ) [1] отражает состояние фразеологического корпуса общеславянского литературного языка в X–XI вв., когда то, что было в IX в. «пробой пера», уже заняло своё место в языковой системе.

Как справедливо пишет О.Н. Трубочёв, «... даже без специальных подсчётов <...> позволителен вывод о ядерном, базовом и наиболее частотном употреблении терминов, взятых христианством у старого, дохристианского культа: *святой, вера, бог, рай, дух, душа, грех, закон* и некоторых других» [15: 38]. Анализ УСК, извлечённых из старославянских текстов, подтверждают эту мысль. В БФССЯ описано, например, 12 единиц с компонентом *вѣра*, 36 – с компонентом *богъ*, 9 – с компонентом *доухъ*, 15 – с компонентом *грѣхъ* (ср. *вѣра кръстияньска, доухъ нечистьи, грѣхъ адамовъ, богъ издраилевъ, грѣхъ юности чиеи, законъ мосеовъ* и др.).

В рамках небольшой статьи остановимся на судьбе старославянских УСК, которые включают в качестве компонентов общеславянскую лексему *кръсть* (см. доказательства в [19: 444, 276, 216: 20: 439, 250, 196]) или одно-коренные с нею слова.

До крещения славяне, скорее всего, использовали слово *кръсть* в двух значениях: «1. Бревно с перекладиною, служащее орудием казни у древних римлян <...> 2. Изображение креста, сделанное из чего-л...» [10: 39], которое славяне воспринимали как символ раннего христианства, чуждого для них религиозного течения. В памятниках же X–XI вв., наряду с оборотами *кръсть христовъ, дрѣво кръстьное, знамение кръстьное, съ кръсты, слово кръстьное* (см. [12, т. 1, 762]) *нести свой кръсть* [16: 256-257], возникшими под влиянием евангельских рассказов о трагической смерти Иисуса Христа, лексема *кръсть* функционирует не только как символ христианского учения, но используется еще в значении ‘страдание, мучение за христианскую веру’ (см. [12, т. 1: 762]). Сама лексема *кръсть* и входящие в её словообразовательное гнездо слова стали активными участниками образования новых сверхсловных языковых единиц. При этом разнообразнее становились их синтаксические модели, богаче семантическая палитра УСК. Через церковнославянский язык и православное мировоззрение эти единицы активно осваивались и в Древней Руси. Предметные УСК, в семантическую структуру которых компонент *кръсть* вносил символический христианский элемент за счёт подчинённых компонентов-определений, стали называть виды крестов по их назначению, по месту хранения, по использованию в церковных и погребальных обрядах: «*Кръсть воротный, тѣльный* – крест, носимый христианами на шее»; *кръсть въздвигательныи, кръсть напрѣстольныи* [10: 39], *могильныи / надъ-гробьныи кръсть* и пр.

Исторические словари, отражающие состояние древнерусского и старорусского языка, а также современные русские справочники зафиксировали и другие предметные УСК, в состав которых вошли имена прилагательные с корнем *крест-*, реализующим сему 'символ христианства'. Они называют отвлечённые христианские понятия (*крестная / крестовная сила, крестная смерть, крестное слово, крестное осуждение, крестное преступление*); ритуальные многолюдное действие (*крестный ход*); родственников по вере, признанных таковыми при совершении обряда крещения (*крестный отец, крестная мать, крестный сын, крестная дочь, крестный брат, крестная сестра*); одежду, надеваемую во время обряда крещения (*крестные порты, крестная одежда, крестные ризы*); молитвенный жест христиан (*крестное знамение*); клятву, присягу и документы, их подтверждающие (*крестное цѣлование, крестная грамота, крестовая цѣловальная запись*); помещения, предназначенные для домашнего богослужения, для молитвы (*крестовая церковь, крестовая полата / палата*) [11: 43-46] и т. д. Абсолютное большинство этих единиц, а также тех, что были узаконены официально в XVIII–XX вв., например, такие, как *наперсный крест* – знак отличия российских священнослужителей (1747, 1797 гг.) и высшая воинская награда для солдат и унтер-фицеров Российской Армии – *георгиевский крест* (1807), употребляются русскими людьми до сих пор.

Так же активно в течение многих столетий, отделяющих нас от эпохи функционирования на территории всей Славии общеславянского литературного языка, пополнялся разряд процессуальных сверхсловных единиц, описанных в БФССЯ, базой для которого послужили рукописи X–XI вв. В старославянских текстах встречаются процессуальные УСК, в которых зависимый компонент реализует сему 'орудие казни': *на крьстѣ пригваждати / на крьстѣ распинати* ('казнить через распятие на кресте'), *на крьстѣ висѣти* ('быть подвергнутым распятию'). Нередки в древнейших славянских памятниках и обороты, где существительное *крьсть* подчеркивает святость христианского символа, позволяющую ему служить гарантом нерушимости присяги: *крьсть цѣловати* ('давать клятву, присягать, целуя крест'), *крьсть прѣстѣпати* ('нарушать клятву, присягу'), *къ крьстоу водити / приводити* ('приводить / привести к присяге кого'). С высокой частотностью встречаются в старославянских источниках процессуальные УСК, в которых компонент *крьсть* реализует свое переносное значение 'страдание, мучение': *нести (свои)*

крѣсть ('быть готовым принять страдания, муки'), *ити на крѣсть* ('обречь себя на подвижническую жизнь, быть готовым к лишениям и страданиям во имя христианской веры'), *ходити за крѣсты* / за крѣстами ('участвовать в крестном ходе').

С итогами трансформации и обогащения разряда УСК, включающих в свой состав компоненты с корнем *крест-*, можно познакомиться в «Толковом словаре библейских выражений и слов» [9: 277-290], но наиболее полно они представлены в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» [14: 378-379]. Оказалось, что сама лексема *крест*, пройдя тысячелетний путь, обогатилась семантически: в современном русском языке она обладает 7 значениями, из которых три приобретены вне старославянских текстов, хотя и рождались под влиянием исконных значений: «1. Фигура из двух пересекающихся под прямым углом линий <...> 2. Символ христианского культа <...> 3. У христиан: молитвенный жест рукой ото лба к поясу, правому и левому (у католиков – вначале к левому, а потом – к правому) плечу, изображающий такую фигуру <...> 4. Орден, знак награды <...> 5. *перен.* ед. Страдания, испытания <...> 6. Вышивка перекрещивающимися стежками <...> 7. В древности вертикально стоящее крестообразное сооружение, на к(ото)ром распинали казнимого» [14: 378]. Здесь же приводится перечень из 25 русских УСК интересующего нас разряда, в том числе *крестнакрест*, *Георгиевский крест*, *крест всей жизни* ('постоянный источник страдания'), *крестовое братство*, *расшить крестом*, *как с креста снят* ('болен, бледен, выглядит, как мертвец'), *ставить крест на ком-л.*, *на чём-л.*, *крестовые походы*. Среди прочих УСК особого внимания заслуживают сверхсловные единицы предикативного типа: *Истинный крест!*; *Вот тебе (ти) крест!* – клятвенные заверения; *С нами крестная сила!* – восклицание, выражающее испуг, ужас. Нельзя не заметить использование фразообразовательных возможностей лексемы *крест* за пределами привычного религиозного дискурса (ср. *крестовый паук*, *Международный Красный Крест*, *созвездие Южный Крест*).

Таким образом, материалы БФССЯ позволяют сделать несколько важных выводов, касающихся стратегии переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, унаследованной их учениками. Жизнеспособность изобретённых солунскими братьями сверхсловных единиц была обеспечена 1) неуклонной ориентацией на общеславянский лексический фонд, из которого для структу-

рирования названий христианских понятий привлекались лексемы (часто полисеманты), известные всем славянам; 2) сверхсловные эквиваленты греческих единиц структурировались по продуктивным славянским (или не противоречащим таковым) моделям; 3) лексемы, ставшие компонентами УСК, называющих христианские понятия, приобретали в их составе новые сакральные семы, с которыми они могли функционировать и вне их «первичного» УСК, а также участвовать в формировании новых сверхсловных единиц поначалу преимущественно христианской тематики. На этом пути могли появляться и обороты, построенные по иным моделям, обладающие своеобразными значениями, лишь отдалённо напоминающими о семантике исходных УСК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова; авт. вступ. ст. и гл. ред. С.Г. Шулежкова: в 5 т. Т. 1: М.: Флинта, 2022. 560 с.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: «Индрик», 2002. 336 с.
3. Верещагин Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями. М.: «Индрик», 2012. 520 с.
4. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / отв. ред. А.Ф. Журавлёв. М.: ИСЛ РАН, 2011. 224 с.
5. Ефимова В.С., Желязкова В. Несколькословные наименования лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgaria*. 2014. Т. 38. № 3. С. 33-48.
6. Ефимова В.С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // *Славянский альманах*. Ин-т славяноведения РАН. 2015. № 3-4. С. 352-367.
7. Ефимова В.С. Пути формирования старославянского лексического фонда: Монография. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. 264 с.
8. Минчева А.-Цонева. Старобългарския език в светлината на българистика. София: Наука и изкуство, 1987. 160 с.
9. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 8. М.: Наука, 1981. 352 с.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 1. СПб.: Типогр. Императ. Академии Наук, 1893. 1420 стлб. + 49 с.
12. Старобългарски речник: в 2 т. / Българска Академия на науките; отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов». Т. 1. А–Н. 1999. 1028 с.; Т. 2. О–V. 2009. 1326 с.
13. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: «Азбуковник», 2007. 1175 с.
15. Трубочёв О.Н. В поисках единства. М.: Наука, 1992. 186 с.
16. Фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова; чл. редкол.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. М.: Флинта : Наука, 2011. 424 с.

17. Цейтлин Р.М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София: Болгпрская Академия наук, 1986. 355 с.

18. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Изд-во «Наука», 1977. 236 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1: А – Пантомима. М.: Рус. яз., 1993. 623 с.

20. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (*Киев, Украина*)

доктор искусствоведения, член – корреспондент
Национальной Академии Художеств Украины,
Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАНУ
dr.iyudkin@gmail.com

МЕРОНИМЫ И МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОВЕСТВОВАНИЯ В «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА» МАКСИМА ГОРЬКОГО

Аннотация. Меронимам (обозначениям частей) присуща вариантность включающего их целого, определяющая их эпидигму в противоположность гипонимам как членам парадигмы. Представляя изолирующую (а не обобщающую) абстракцию и обладая полисемией (синекдоха относительно целого и взаимная метонимия), меронимы обеспечивают дистантные обратные связи текста, основанные на дополнении (а не предикации) и указывают мотивы повествования. В эпопее М. Горького детали реплик образуют семантическую сеть мотивов.

Ключевые слова: семантическая сеть, идиомы, мотивировка событий, дейксис, повествовательный цикл, синекдоха

Abstract. Meronyms (the designations of parts) are peculiar for the variability of the whole that they appertain to, and it determines their epidigmatic allocation in opposite to hyponyms belonging to a paradigm. As far as meronyms represent isolating (not generalizing) abstraction and possess the multiplicity of meanings (synecdoche in regard to the whole and the reciprocal metonymy) they procure textual distant feedback based on completion in opposite to predication, so that they delineate the narrative motifs. The details of cues in M. Gorki's epic work build up a semantic net of motifs.

Keywords: semantic net, idioms, the motivation of events, deixis, narrative cycle, synecdoche

Предметом специального обсуждения в последнее время стала линейность как фундаментальное свойство речи, в частности, было предложено рассматривать линейную организацию речи как «перечень ... членов предложения ..., порядок взаимного расположения», где «минимальным текстом ... является простое предложение-примитив» [10: 62, 258], так что основа линейности усматривается в предикации. Однако тогда не укладываются в критерии

линейности, например, явления «полупредикативности ... как дополнительного сообщения» [13: 248], вносящие дистантные связи, которые нарушают линейную одномерность контактных отношений речи. Кроме того, уместно учитывать, что сама линейная упорядоченность является следствием особых допущений (т. наз. аксиома произвольного выбора Э. Цермело – аналог закона исключенного третьего в формальной логике) и содержит молчаливое предположение о бесконечности самой линии (в частности – речевого потока). Вообще же идеи несводимости текста к линейным отношениям восходят еще к учению М.М. Бахтина о полифоническом романе Ф.М. Достоевского, к построению семантической сети Л.С. Выготским для анализа «Легкого дыхания» И.А. Бунина. Более того, в «Декамероне», у истоков новеллистики «перекличка разноместных симметричных ... ситуаций, объединенных общностью от противного» [1: 195] является источником мотивных арок – нелинейных замкнутых циклов обратных связей как основы цельности текста.

Диалектика перехода от идеализированной линейности к дистантным связям дейктических осей текста выявляется в том, что первоисточником оказывается дробление и деление текстового содержания, обособление частей и подробностей. Когда тематические арки, связи на расстоянии складываются на основе отношений дополнительности, комплетивности, а не предикации (как при построении сюжета), то решающее значение обретает изолирующая, а не обобщающая абстракция. Она влечет за собой обращение к средствам обозначения обособленных частей целого – к меронимам (в противоположность гипонимам, отсылающим к частным признакам обобщенных понятий). Принципиальное отличие меронимов от гипонимов состоит в том, что обозначаемые ими части могут входить в различные целые совокупности, тогда как признак гипонима задан принадлежностью одному отвлеченному классу. Например, дерево как мероним может быть частью леса, сада, уличной аллеи, а в качестве гипонима оно входит в класс растительного мира; глаз как мероним различается у человека, пчелы, кота, а как гипоним он несет признаки органа ощущений.

Вариантность цельностей, включающих мероним, контрастирует константности таксона, включающего гипонимы, так что мероним предстает как совокупность омонимов или носитель полисемии, т. е. наделен семантической неопределенностью. Если гипонимы задаются парадигмой, то вариантность меронимов описывается эпидигмой (термин Д.Н. Шмелева) как эпифеноменов

парадигмы, а потому в диахроническом аспекте соответствует «этапу расчленения синкретизма», когда, согласно М.Вас. Пименовой, «постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретического значения» [11: 169]. Противопоставление меронимов гипонимам пересекается с предложенным А.А. Реформатским противопоставлением идиом терминам, причем в качестве идиомы мероним несет то, что В.М. Савицкий назвал характеристической функцией «указания на типический признак» [12: 178]: пример – «*дрожат колени*» как обозначение страха. Идиоматичность выявляется и в том, что если гипонимы составляют синонимические ряды, то между меронимами складываются метонимические переходы (*pars pro parte*). Как следствие, меронимы поляризуются и становятся антонимами, что демонстрируют пословицы: *не видеть за деревьям леса* означает, что как обозначения частей ландшафта *лес* и *деревья* обретают антонимический смысл [14: 425]. Очень наглядно такая поляризация демонстрируется в эпосе Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» в сцене ночного кошмара героя (ч. 3), где собственное тело как частица комнаты удваивается и начинается борьба с собственным двойником [4: 139-140]. Использование меронима как синекдохи видно и в эпизоде начала отношений героя с первой своей возлюбленной: «*Лидия взяла его под руку ... Клим осторожно и благодарно прижал ее руку, чувствуя, что она вернула его к самому себе*» [2: 287]. Очевидно, что рука тут – часть не тела, а рукопожатия как проявления межличностных отношений.

Вследствие неопределенности содержания меронимов и их идиоматизации очерчивается только круг возможных значений (тема), для актуализации которых (превращения в рему) требуется среда (текст, дискурс), где осуществляется их дейктическая миссия. Такое использование меронимических идиомов изучено, например, у Н.С. Лескова, где архитектурные компоненты – сад и баня – в сопоставлении отсылают к образам рая и ада; характеристика села в аспекте ландшафта – прелестный уголок – оказывается реминисценцией элегического образного строя [6: 152-153, 75]. Подобное истолкование идиомов наблюдается и у М. Горького, например, в сцене последней беседы героя с матерью: «*Яблоко сорвалось с ветки, упало в траву*» [5: 23]. Замеченная деталь совершенно очевидно отсылает к мотиву «яблоко раздора», предвещая предстоящее расставание навсегда.

Эти дейктические свойства идиомов особенно наглядны именно благодаря указанию на частности. «Деталь – вестник тайны» [1: 134] замечено о

прозе М.Ю. Лермонтова, но это справедливо и для более широкого круга явлений. Меронимические идиомы действуют как задачи дальнейшего хода повествования, как проблемы для изучения и решения. Пример можем найти в «Климе Самгине» в сцене завершения ранних отношений между Климом и Лидией (ч. 1, гл. 5): мать *«смотрела не в лицо девушки, а в лоб или через голову»*, а перед тем герой заметил, что и Лидия *«смотрела на всех людей не своими глазами, мягко, участливо»* [2: 521]. Ясно, что лицо, глаза, взгляд – не только обозначения частей тела и телодвижений, но и знаменья чего-то более значительного. Еще яснее такое предзнаменование выражается истолкованием тел как частей обстановки: если в сцене у зеркала Климу *«было очень неприятно видеть Лидию удвоенной»*, то теперь для него *«Лидия двоятся, сквозь знакомые черты лица проступает скрытое»* [2: 518, 521]. Так обозначением мелочей ставится вопрос о межличностных отношениях. Деталь тут – основа повествовательного мотива, несущего целевую, интенциональную нагрузку. Частности обмена взглядами выводят далеко за рамки частного события, возбуждая поисковые цели и порождая дейктические отношения. Подобное превращение идиомы в средство мотивировки событийного ряда обнаруживается и в прозе И.А. Бунина [15].

Многообещающим объектом для изучения дистантных связей деталей является один из самых загадочных текстов XX века – эпопея Максима Горького. Изучение ее идиоматики уже стало предметом особого исследования, например, обнаружены тематические арки на основе выражения *«икающий смех»* [7: 219]. Одна из особенностей произведения – пассивность ведущего субъекта повествования, главного героя, который предстает как наблюдатель [9: 36], можно добавить, *«встроенный наблюдатель»*, т. е. датчик, погруженный в общественную стихию и сообщающий автору о событиях через свой внутренний мир. В эпопее происходит, так сказать, макроскопическая диатеза, представляющая развертывание событий в страдательном залоге. Главный герой, повторяя подслушанную им реплику *«не они руководят событиями, а события влекут их за собой»* [4: 37], свидетельствует о преднамеренности такого построения текста. Герой является лицом созерцательным, а не деятельным: единственные поступки, имеющие последствия, он совершает не по своей воле, а из-за слабости (от неудачной попытки спасения тонущего Бориса Варавки до предательства Кутузова провокаторше Никоновой).

Эпопея демонстрирует строение драмы, причем драмы мистериальной: отмеченная неудача в спасении утопающего оказывается «первородным грехом» (или «основной травмой», в психоаналитической терминологии), где возникает и сквозная идиома («*был ли мальчик*»). Здесь 1-я часть – экспозиция, 4-я часть – эпилог, ряд катастроф трагедии, среди которых решающей оказывается весть об одновременной кончине жены героя Варвары и Любаши Сомовой. Основные перипетии протекают в ч. 2 и 3, где кульминационный, поворотный момент – это похороны Туробоева, за которым начинается стремительное падение героя, его поглощение миром оргий. Именно в оргиастическом ключе решены и массовые исторические эпизоды от Ходынки до чествования 300-летия дома Романовых, непрерывно перетекающего в Первую мировую войну. Драматическая основа текста сказывается и в том, что основной его массив составляет несобственно-прямая речь персонажей, их скрытые реплики. Поскольку же их стержень составляет внутренняя речь главного героя, можно говорить и о признаках монодрамы. Именно сеть дробных реплик делает текст особенно удобным для изучения меронимической идиоматики.

О значимости частных и поиска имен для их обозначения свидетельствует реплика главного героя, выделенная расположением накануне кульминации (в ночь перед похоронами Туробоева): «*Одoleвали мелкие мысли, – мозги тоже как будто шелушился ими. Самгин невольно подумал, что ... он отдавался ... во власть деталей*» [4: 11-12]. Об усилиях поисков обозначения таких мелочей свидетельствует сквозная идиома «*человек – система фраз*», возникающая в скрытой полемике с Иноковым [3: 73]. И напротив, «*метель слов, забавная путаница фраз*» [2: 420] представляется герою в массовых сценах. Тот же хаос одолевает его ночью в провинциальной гостинице уже после кульминации, когда он «*закурил папиросу и погрузился в сизый дым догадок, самооправданий, противоречий, упреков*» [4: 131]. Приравнение слов к частицам дыма здесь представляет исток мучительного поиска нужного обозначения, в частности, в дни кончины Спивака перед своим свадебным путешествием: «*Хотелось затиснуть жизнь в свои слова, и было обидно убедиться, что все грустное ... уже сказано*» [3: 289]. Этот эпизод вспоминается герою позже, при самоубийстве Лютова, когда «*что-то неуловимое словами*» [5: 32] заставляет его вспомнить свою жену, Варвару и ее обращение к тому, что невыразимо словом. Именно воздержанием от пустопо-

рожного словоизлияния противопоставляется Варвара своему неверному мужу, по ее собственному признанию во время свадебного путешествия: «... я не умею рассказывать ... Нет таких слов! Мне теперь кажется, что я видела этот сон не один раз, а – часто. Еще до рождения видела» [3: 306]. Противопоставление компонентов душевной жизни – словесности и видений – оказывается значимым для дальнейшего развертывания событий и для трагедии персонажей. Уже само обращение к слову вводит целый ряд мотивов, от «муки слова» до «слов и вещей», переплетения словесных абстракций с предметной ощутимостью и до темы прозорливости Варвары.

Приведенная идиома «мелких мыслей» становится объяснительной основой мотивировки основного приключения 2-й части – доверия героя провокаторше Никоновой. Именно жена героя, Варвара, первой заподозрила неладное: «*Есть в ней что-то темненькое ... Искорки в глазах есть*», да и Клим отмечал «*голубой блеск зрачков*» [3: 261]. Но недоверие к жене и к собственной интуиции приводит героя и к адюльтеру, и к предательству: побудительным мотивом оказываются замеченные им «*оранжевые пятки*» [3: 408], вслед за которыми в его внутренней речи вызревает скука от семейной жизни. И напротив, к окончательному решению об адюльтере приводит восприятие обстановки в доме Никоновой – «*покорная печаль вещей*», где «*совершенно необыкновенные слова просились на язык ему*» [3: 257]. Мотив «слова и вещи» в особом истолковании как смешение частей обстановки и обозначающих их имен приводит героя к фатальному выводу: «*Слова – помет души*», а потому, «*высыпая на эту женщину слова*» [3: 462], герой уже произвольно выдает свои тайны. Между тем предостережения он получает не только от жены, но и от собственных чувств, которым не доверяет. Одной из «говорящих деталей» становится расположение кровати: если у первой любовницы героя, швейки Маргариты, «*изголовьем к окну ... стояла кровать*» [2: 147], то у Никоновой ее место «*в углу у двери*» [3: 457]. Нестораживает героя и то, что при посещении провокаторши ему навстречу несли «*маленький гроб*» [3: 456]. Герой запутывается в деталях и попадает в самообман.

Особо необходимо отметить мотивирующую роль меронимических идиомов частей тела и предметной среды. Когда стая черносотенцев преградила путь похоронам Туробоева, у вожака «*рубаха вздернулась, обнажив сильно выпуклый, масляно блестящий живот*» [4: 21]. Подобная характеристика дана и той немецкой хозяйке гостиницы, которая восхваляет своего монарха –

«правая ягодица ее свешивалась со стула, точно пузырь» [5: 9]. Эти детали обозначают части тела, но не человеческого тела: речь идет именно о скотстве, что подтверждается появлением такого облика у повстречавшейся Климу клячи [3: 453]. Со своей стороны, предметное окружение описывается также через множественность отнесений названной части к целому. Показательна, например, характеристика городской среды Петербурга, где *«дома ... тесно прижатые один к другому, являлись глазу как единое и бесконечное здание»*, причем *«небо не чувствовалось»* [2: 198]. Дом осмысливается как синекдоха рукотворной среды, отграниченной от естественного окружения.

В компонентах среды значимую роль играет атмосфера, в частности, звуковая. Спивак перед кончиной определяет смерть как *«погружение в тишину»* [3: 279], и мотив тишины постоянно возвращается в тексте, в частности, перед встречей с Лютовым, когда *«город был окутан белой тишиною»* [3: 474], после восстания [4: 63], в доме Зотовой перед оргией [4: 381]. Напротив, на похоронах Баумана Климу слышится *«шлифующий шорох – не механическая работа ног, а разумнейшая работа истории»* [3: 664]. Заметим, что подобный мотив неслышного хода истории (*«отдающие эхом шаги годов»*) развивается и Ч. Диккенсом в «Повести о двух городах» (кн. 2, гл. 21). Особую историю в тексте эпопеи обретает и мотив пустоты, который возникает на похоронах Спивака: *«Мебель из комнаты вынесли, и пустота ее показывала совершенное одиночество музыканта»* [3: 287]. Далее мотив возвращается во время свадебного путешествия, когда герою представляется, что *«шхуна не движется, а взвешена в пустоте»* [3: 301]. Пустота тут – необходимое дополнение предметного окружения, неотъемлемая часть бытия.

Итак, идиоматика, основанная на ознаменовании частей, составляет существенный фактор мотивировки событий. Бессловесная прозорливость Варвары и «метель слов» Клима позволяют за деталями воссоздать целые портреты. Известно замечание А.П. Чехова о том, что *«для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы ... следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме»* [8: 98]. Представление целого деталями составляет существенное свойство эпопеи М. Горького и требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайман С.Т. Бальзаковский парадокс. М.: Сов. писатель, 1981. 368 С.
2. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 1. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 21. М.: Наука, 1974. 576 С.

3. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 2. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 22. М.: Наука, 1974. 688 С.
4. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 23. М.: Наука, 1975. 416 С.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 4. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 24. М.: Наука, 1975. 592 С.
6. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. 316 С.
7. Еськова А.Д. Словарь индивидуально-авторских фразеологизмов и паремий как часть идеологического словаря романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» / Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 215-220
8. Лазарев-Грузинский А.С. А.П. Чехов / А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. (Серия литературных мемуаров). С. 86-120.
9. Маркович А.В. С кем спорил Клим Самгин? Благовещенск: Изд. Благовещенского государственного педагогического университета, 2013. 208 с.
10. Образцова Е.М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия. Одесса: Фенікс, 2010. 400 с.
11. Пименова М.Вас. Модель развития лексического значения и выражение оценки в диахронии / Язык и ментальность в диахронии. Материалы 1-го Всероссийского научного семинара. Владимир: Владимирский гос. университет, 2017. С. 163-174
12. Савицкий В.М. Основы общей идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208с.
13. Сафронова Н.А. Полупредикативность и обособление / Языковые значения, формы и категории. Сб. научных статей к 80-летию проф.В.И. Фурашова. Владимир: Владимирский гос. университет, 2017. С. 240-251.
14. Юдкин-Рипун И.Н. Меронимы как источник пословичных антитез / Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 422-430.
15. Юдкин-Рипун И.Н. Перечисления меронимов как дейктическое средство построения мотивной структуры в новеллах И.А. Бунина / Язык. Культура. Коммуникация: Изучение и обучение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции Орел: Изд. «Картуш», 2022. С. 90-100.

ЯЗГУЛЫЕВА Шахрибан Агамырадовна
(Владимир, Россия – Кушка, Туркмения)

магистрант
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
yazgulyyeva1998@gmail.com

Научный руководитель:
САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства, участвующие в формировании исторического времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». К таким средствам следует отнести названия исторических событий, произведений литературы и культуры, имена исторических личностей. Вне текста произведения эти лексические средства не обладают временным значением, однако они помогают соотнести художественное время романа с историческим.

Ключевые слова: художественное время, историческое время, лексические средства.

Abstract. The article deals with the lexical means involved in the formation of historical time in the novel by A.S. Pushkin "Eugeny Onegin". Such means include the names of historical events, works of literature and culture, the names of historical figures. Outside the text of the work, these lexical means do not have a temporal meaning, but they help to correlate the literary time of the novel with the historical one.

Keywords: artistic time, historical time, lexical means.

Исследователи отмечают, что роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» имеет достаточно точную привязку к определённому историческому времени. Поэт писал в комментариях к своему произведению, что время в нём «расчислено по календарю». Ю.М. Лотман отмечал: «Опорной точкой является указание П. <Пушкина> в предисловии к отдельному изданию первой главы на то, что начало событий романа совпадает с концом 1819 г.» [2: 18]. Это позволило исследователям выявить конкретные даты событий, происходящих в романе: годы рождения главных героев, год смерти Ленского, время действия в каждой из глав. В комментарии Ю.М. Лотмана есть даже раздел, имеющий название «Внутренняя хронология «Евгения Онегина»» [2: 18].

В.С. Баевский отмечает: «...острое историческое сознание заставляло поэта совмещать отдельные моменты повествования с определенными хронологическими константами и насыщать роман бытовыми, социальными, литературными, идеологическими реалиями 20-х годов...» [1: 127]. Одной из особенностей художественного времени романа в стихах можно считать его привязку, хотя и не абсолютно точную, к событиям исторического времени (1-я четверть XIX в.). Эта особенность нашла своё отражение и в языковых средствах, при помощи которых А.С. Пушкин рисует время в романе.

«Историческое» время в романе формируется, в основном, благодаря лексическим средствам. Исследователи, как уже отмечалось, называют конкретный временной промежуток, в который происходит действие романа, однако историческое время представлено в романе очень широко и не охватывает период только 20-х гг. XIX века. Хотя в романе не называются конкретные исторические даты, но экспликации исторического времени служат названия исторических личностей и событий. Так, рассказывая о юности Онегина, автор описывает его посещение театра:

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит **Истомина**, она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит...*

Упоминание балерины Авдотьи Истоминой, начавшей свои выступления в Большом театре в 1816 году, позволяет увидеть, что юность Онегина приходится на конец 10-х – начало 20-х годов XIX века. Упоминание Фонвизина и Княжнина, русских драматургов конца XVIII века, которые «блистали» в театре «в стары годы», также косвенно помогает нам определить время действия романа.

В романе встречается также фамилия артиста балета и балетмейстера, с 1801 по 1837 гг. проживавшего и работавшего в России, Шарля Луи Дидло:

*Балеты долго я терпел,
Но и **Дидло** мне надоел.*

Кроме того, мы видим фамилии писателей и имена героев их произведений, экономистов: Байрона, Адама Смита, Чаадаева и др.

С историческим временем связывают героев романа и постоянные отсылки А.С. Пушкина к собственной биографии:

*Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты...*

Отмеченные лексические средства не являются собственно экспликаторами темпоральности вне текста произведения, однако способствуют соотношению художественного времени романа с реальным историческим временем.

Лексические средства, которые указывают на конкретные исторические даты, помогают ещё более точно установить время событий, происходящих в романе А.С. Пушкина. Так, описывая приезд Онегина в имение покойного дяди, автор замечает:

*Онегин шкафы отворил;
В одном нашёл тетрадь расхода...
И календарь осьмого года...*

Другой особенностью художественного времени в романе является его открытость, широкий охват, обусловленные стремлением Пушкина расширить временной диапазон событий. Так, о матери Татьяны Лариной читаем, что в молодости

*Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, что Грандисона
Она Ловласу предпочла...*

Сведения о том, что роман С. Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» вышел в 1753 году, позволяет понять, что юность матери Татьяны пришлась на 2-ю половину XVIII века.

А в первой главе при описании главного героя Пушкин замечает:

*Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*

Пользуясь словосочетанием *От Ромула до наших дней*, автор описывает определённый период истории, который включает в себя промежуток времени от создания города Рима (произошло в 8 в. до н. э.) до эпохи самого автора.

Н. Ромодина замечает: «Автор «Онегина» раздвигает границы изображённого времени. Он смело заглядывает в «век блестящий и мятежный» римского поэта Овидия; по-свойски приветствует «божественного» Гомера, кумира 30 веков... Будущее также подвластно ему. В конце второй главы автор обращается к потомку, будущему читателю, *«чья благосклонная рука потреплет лавры старика»*... Утопия в седьмой главе о дорогах, которые «у нас изменятся безмерно» «лет через пятьсот», насквозь проникнута такой современной иронией!» [4]. Словосочетание *«лет через пятьсот»*, указывающее на приблизительный временной отрезок и относящее его к будущему времени, расширяет границы художественного времени романа и в то же время соотносит его с историческим временем.

Таким образом, в формировании исторического времени романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» ведущее место занимают лексические экспликативы. Такими экспликативами являются лексические единицы. В романе встретился лишь единичный пример, когда называется конкретная историческая дата («календарь осьмого года», который много лет читал дядя Онегина, умерший практически к моменту начала романа). Однако встречается достаточно много лексем, вне контекста не обладающих временным значением (названия исторических событий, имена известных исторических личностей, сам автор произведения). Эти лексические единицы помогают читателю соотносить события, происходящие в романе, с конкретным историческим периодом (20-е гг. XIX века), а также помогают расширить границы художественного времени романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский В.С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 11. С. 115-130. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isb/isb-115-.htm>
2. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 419 с.
3. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Детская литература, 1978.
4. Ромодина Н. Время у Пушкина. 2014. URL: <https://proza.ru/2014/05/26 /989>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакционной коллегии</i>	3
Фурашов В.И. К 70-летию кафедры русского языка.....	7
Фурашов В.И., Пименова М.Вас. Сергей Арсеньевич Фессалоницкий: к 125-летию со дня рождения.....	21
Абрамова Е.А., Пименова М.Вас. Римма Сергеевна Канунова: ученый- диалектолог, педагог, учитель (к 100-летию со дня рождения).....	30
Пименова М.Вас. «Удвоение» онимов и апеллятивов (к 95-летию со дня рождения А.Б. Пеньковского).....	36
Фурашов В.И. Памяти Августа Борисовича Копелиовича (14.12.1929 – 25.01.2015).....	41
Петров А.В. Вклад Валентины Владимировны Носковой в развитие региональной ономастики.....	47
Абрамова Е.А., Рыкин Е.Ю. Об особенностях повествовательной структуры рассказов С.К. Никитина.....	50
Авдийчук Е.Н. Концепт «молитва» в современной поэзии о войне на Донбассе.....	56
Алексеев А.В. Древнерусское слово <i>смьрдъ</i> : соотношение номинации и коннотации.....	61
Алёшин А.С. Особая модель организации русских паремий компаративной семантики.....	62
Арискина О.Л. Три светских пути будущего святителя Луки Крымского (на материале анализа его автобиографии «Я полюбил страдание...».).....	66
Артамонова М.В., Артамонова А.А. Топонимы с корнями <i>двор-</i> и <i>дом-</i> во Владимирской области: словообразовательный аспект.....	71
Бакиров П.У. Словообразовательное освоение тюркизмов-названий лиц русским языком.....	75
Бекасова Е.Н. Раскол общерусского сознания через призму челобитных патриарха Никона и протопопы Аввакума.....	82
Бобрович Т.С. Моўная карціна свету і яе адлюстраванне ў субстантыўных найменнях будаўнічай сферы сучаснай беларускай мовы.....	89
Богданова Л.И. Изменение синтагматических связей лексических единиц как симптом преобразования их ценностного содержания.....	95
Богданова-Бегларян Н.В. <i>Своего рода</i> как полифункциональный маркер-аппроксиматор русской повседневной речи.....	101
Богрова К.М., Блинова А.В. К вопросу о принципах наименования улиц г. Владимира.....	107
Борзых Е.А. Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме.....	111
Ваджибов М.Д. Специфика отражения ономастики в русскоязычном варианте книги Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» (к 100-летию со дня рождения поэта).....	117

Валеева Л.В., Евтушенко В.П. Синкретизм оценочных ассоциаций мифических имен в языке лирики А.С. Пушкина.....	124
Величко А.В. Фразеологизированные предложения с лексическими повторами.....	130
Владимирова Т.Е. О ментальных истоках русской категории безличности.....	132
Генералова Е.В. Конструкции с широкозначными существительными в старорусском языке.....	134
Герасименко И.А. Отображение русской лингвокультуры в ономастиконе современного Донбасса.....	139
Давлятшина Г.Ю. Своеобразие творчества Х. Тухтабаева.....	141
Данич О.В. Реализация культурного смысла в тексте (на материале учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников).....	143
Девятова Н.М. О концепте «дорога» в русском языке: когнитивный потенциал отдельных падежных форм.....	149
Дединкин А.Л. Лингвopsихологический портрет (типаж) делинквентной личности как категория юрислингвистики.....	155
Демидов Д.Г. Приставочная, суффиксальная и конфиксальная связи корня в русском словообразовании.....	159
Дмитриева Е.Г. Эмоциональное и рациональное в значении лексемы <i>совесть</i> : диахронический аспект.....	162
Дмитриева Ю.Л. Геометрические позиции объектов как один из параметров формирования и репрезентации пространственной модели мира (на материале маленьких поэм С. Есенина).....	167
Дозорова Д.В. Компьютерная метафора в прозе В. Пелевина.....	172
Дубова М.А. Лексема «коломенский» в объективации авторской языковой картины мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»).....	178
Загуменнов А.В. Отображение русского реализма XVII века в сочинении протопопа Аввакума «О сложеніи перьсть».....	184
Зайцева И.П. Своеобразие индивидуально-авторской метафоры в лирике Юнны Мориц.....	189
Захаров Р.И. Синтагматика и парадигматика в поликодовых коммерческих номинациях: на примере словообразовательной модели.....	196
Земляник Т.В. Особенности перевода колоративной лексики с семантикой «красный цвет» с китайского языка на русский (на материале романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость»).....	201
Зиновьева Е.И. Устойчивые словесные комплексы с глаголом <i>имать</i> в семантическом пространстве русского обиходно-делового языка XVI-XVII вв.....	208
Иванчук И.А. Эволюция ценностных смыслов эмоциональной оценочности в риторических портретах Петра Великого XVIII столетия (Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М.В. Ломоносов).....	213

Ивашевская Е.А. Способы лексической объективации бинарности в поэтическом мире С. Парнок.....	217
Казмирчук О.Ю. О некоторых особенностях функционирования фразеологизмов в поэтических текстах (на материале лирики В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Высоцкого).....	223
Качан О.Г. К проблеме исследования синтаксической семантики в современном белорусском языкознании.....	230
Килина Л.Ф. Особенности функционирования прилагательного <i>рад</i> в русском языке (диахронический аспект).....	234
Козакова А.А. Метафорическое развитие значений лексем СП «употребление спиртных напитков» в идиолекте О. Митяева.....	240
Козлова А.Ю. Роман «Голый год» Б. Пильняка и языковое пространство г. Коломны и его окрестностей рубежа XIX – начала XX века.....	242
Красовская Н.А. Грамматические особенности заголовков региональной прессы периода Великой Отечественной войны.....	249
Кудрина Е.В. Вторичная языковая личность.....	254
Кудрявцева И.П. Понятие времени в разных языковых культурах (на материале филологических исследований последнего времени).....	258
Кузнецова Е.А. К вопросу о катойконимах Владимирской области.....	263
Лавицкий А.А. Вербализация <i>чести, достоинства и деловой репутации</i> личности с позиции современной судебной лингвистической экспертизы текста.....	267
Лазуткина Е.М. О нормах композиционной семантики предложения.....	272
Ланская О.В. Герой в пространстве бытия (на материале стихотворения Ю.П. Кузнецова «Сказание о Сергии Радонежском»).....	277
Лобеева М.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые сочетания с компонентом <i>сердце</i> в русском обиходно-деловом языке XVI-XVII вв. (структурно-семантический аспект).....	282
Лызлов А.И. Фразеологизм «темная лошадка» / “dark horse” в английском и русском дискурсе.....	286
Маковский А.О. Универбальные и бивербальные номинации английской этимологии в русской и белорусской лексических системах.....	290
Малахов А.С., Трелле Н.И. К вопросу о квалификации синтаксических отношений в сложносочиненном предложении (на примере анализа сложносочиненных конструкций с соединительным союзом <i>и</i>).....	295
Маринова Е.В., Волочек Е.А. <i>Цифровой – цифровой – диджитал:</i> особенности сочетаемости (из наблюдений над русским языком цифрового общества).....	299
Маркова Е.М. <i>Время</i> в языковом сознании славян.....	302
Маслова В.А. Семантический синкретизм как основа для возникновения глубинных смыслов в языке.....	308

Меркулова И.А., Лебедева А.Д. Редупликация существительных в русской разговорной речи.....	315
Монина Т.С. Аксиологическая семантика метонимии в синтагматике дискурса моды.....	320
Мохаммед М.Х. Грамматическая категория падежа имени существительного в русском языке.....	324
Николина Н.А., Петрова З.Ю. Типы и функции распространителей образов сравнения компаративных конструкций в современной русской прозе.....	328
Одинцова И.В. Собственно-целевые сложноподчиненные предложения в качестве структурно-коммуникативных моделей при обучении русскому языку иностранцев.....	335
Панжиев Н.П. Синтагматика звуков в финальных консонантных сочетаниях русского языка.....	339
Панкратова М.В. Звуковые образы в стихотворениях Ю.Д. Левитанского.....	344
Подтележникова Е.Н. Радость, любовь, счастье (о сочинительных рядах К.Е. Антаровой).....	348
Приходько С.А. Политическая терминология – элемент речевоздействующей стороны полемического искусства В.И. Ленина.....	351
Редькина Н.С. Стилистическое употребление фразеологических единиц в художественных текстах (на материале современной прозы).....	359
Реинер А.И. Лексико-грамматическая характеристика устойчивых предложно-падежных сочетаний в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII веков.....	362
Русанова О.С. Глагольно-именные сочетания как средство стандартизации в русских деловых текстах XVI–XVIII вв. (на материале НКРЯ)	369
Рыбаков М.А. Синтагматический и парадигматический анализ категории падежа.....	370
Рыкин Е.Ю. Творительный идентификационный и творительный квалификационный в диахронном аспекте.....	375
Садикова Э.В. Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом.....	379
Саттарова Е.А. Гендерный фактор употребления эвфемизмов к понятию «женщина» в сопоставительном плане русского и узбекского языков.....	384
Сафонова И.А. Семантический потенциал и функциональные возможности глагола <i>зърѣти</i>	389
Сафронова Н.А., Корючкина Е.М. Спорные вопросы изучения уточняющих и пояснительных членов предложения.....	396
Свиридова Е.С. Организационные характеристики англоязычного диалогического дискурса.....	401
Сергиевская Л.А., Мелехова Л.А. Функционально-семантическое поле авторской скромности.....	407

Серебряк М.В. Библиеизм <i>Гефсиманский сад</i> как потенциальный сценарный концепт русской лингвокультуры.....	411
Сирота Е.В., Парахонько Л.В. Идентификация и дифференциация языковых и ментальных структур в русской языковой картине мира (на базе концепта «гнев»).....	417
Сироткина Т.А. Сургутский именовослов: актуальные проблемы изучения и лексикографического описания.....	428
Скляренко Р.В., Аникина Е.Ю. Некоторые функционально-стилистические особенности олицетворения (на материале сказок О. Уайльда).....	432
Скормолова Ю.В. Дейктические языковые единицы как актуализатор категории ситуативной субъектности в русском и английском языках.....	435
Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал имен в системе языка и его реализация в медиа-текстах.....	440
Соколова О.И., Козлова К.И. Тире как универсальный пунктуационный знак.....	447
Сомова М.В., Южакова Ю.А. Ментальность сравнений в поэтическом языке С.А. Есенина.....	451
Старостина Т.В. Микротопонимия как источник исторических, географических и экономико-социальных сведений (на материале села Григорьевского г.о. Луховицы).....	458
Сян Янань. Структурные реализации прагматического маркера-аппроксиматора <i>типа</i> в русской повседневной речи.....	465
Тамазян В.А. Концепт «пространство» как компонент характеристики языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь»).....	470
Усманова Л.А., Ерофеева И.В., Файзулина Н.И. Семантико-функциональные особенности лексемы <i>снег</i> в контексте бытийной ситуации.....	477
Федорченко Е.А. Инновации терминообразования в языке права (на материале наименований с терминоэлементом «регуляторный»).....	483
Федосеева Л.Н., Кузнецова Е.М. Прототипический подход к семантике языковых единиц.....	489
Флягина М.В. Микротопонимы как источник для изучения диалектной лексики (на материале донских названий).....	492
Ходжакулова Ш.А. Значение «тётя» и его функционально-семантические микросистемы.....	495
Хужанова О.Т. Лексическая содержательность памятников деловой письменности, отражающих дипломатические отношения России с Монголией.....	498
Цветаева Е.Н., Панкратьева Е.С. Семантические особенности аллитерированных бинарных фразем немецкого языка.....	501
Чекина А.А. Синтаксис и прагматика одной обрядово-этикетной формулы народной речи.....	502

Черникова Н.В., Кузьмина А.А. Концепт «книга» в русской фразеологии.....	510
Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И. Концептуальное пространство русских фольклорных колыбельных песен: лексико-семантический аспект.....	515
Шадиева Д.К. Способы переноса фразеологизмов из одного языка в другой.....	520
Шатов И.А. Слова тюркского происхождения в переводной поэме «Алпамыш».....	524
Шетэля В. Комментарии к ключевым словам <i>конка</i> и <i>линейка</i> в поэтических текстах В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака.....	528
Широкова Е.Н. Диалогические единства в аспекте левополушарной и правополушарной грамматик.....	532
Шулежкова С.Г. Отражение в старославянском фразеологическом словаре динамики взаимодействия формы и значения сверхсловных единиц.....	538
Юдкин-Рипун И.Н. Меронимы и мотивная структура повествования в «Жизни Клима Самгина» Максима Горького.....	545
Язгулыева Ш.А., Сафронова Н.А. Лексические средства формирования исторического времени в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	553
Содержание	557

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Материалы XV Международной научной конференции,
посвященной 70-летию кафедры русского языка

Материалы приводятся в авторской редакции

Ответственный редактор – проф. М.Вас. Пименова
Компьютерная верстка, макет – доц. К.М. Богрова

Подписано в печать _____2023

Усл. печ. л. –

Заказ № ____

Формат 84x108^{1/32}

Тираж – 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Транзит-ИКС»

600007, г. Владимир, ул. Электrozаводская, д. 2
тел. (4922) 53-12-74, 53-32-41, 53-15-30